Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Roždestvenskij, Sergěj Vasil'evič,

Služiloe zemlevladenie w moskovskom gosudarstve XVI veka

S. Peterburg 1897

H.lit.p. 332 t-43/45
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11810097-8

Я. Ш. 1. 332

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

43-45
1897

ЧАСТЬ СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1897.

1619.

Записки Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Часть I. Прокопія Кесарійскаго История войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга I-ая. 1876.

» II. 1. Ioannis Boccacii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres. Изд. А. Веселовскій. — 2. Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. И. П. Минаевымъ. 1876.

» III. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в. М. Бережкова. 1879.

» IV. Изъ древней исторіи Болгаръ. Матвѣя Соколова. 1879.

» V. 1. Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севостьянова. Тимофея Флоринскаго. — 2. Antiphontis orationes. Edidit Victor Jernstedt. 1880.

» VI. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга 2-ая. 1880. Приложеніе: О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи Турецкаго погрома. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ. 1881.

» VII. Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни. М. Владиславлева. Томы I и II. 1881.

» VIII. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. 1881.

» IX. Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. К. Я. Грота. 1881.

» X. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. 1-й и 2-й періоды жизни и дѣятельности (1799—1826). А. Незеленова. 1882.

» XI. Къ исторіи Аѳинскихъ драматическихъ состязаній. П. Никитина. 1882.

» XII. Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle, par Vladimir Lamansky. 1884.

» XIII. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Е. Замысловскаго. 1884. Приложеніе: Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи XVI в. 1884.

» XIV. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Г. В. Форстена. 1884.

» XV. Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.). А. Барбашева. 1885.

» XVI. Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы И. П. Минаева. Томъ I. Вып. 1 и 2. 1887.

» XVII. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Евгенія Пѣтухова. 1888.

» XVIII. Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи. А. Введенскаго. Часть 1-ая. 1888.

» XIX. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка. Н. Ланге. Часть 1-ая. 1888.

» XX. Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ. Н. М. Бубнова. 1890.

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1897.

H. lit. p. 332 t/43-45

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

91b 4

С. В. Рождественскій.

СЛУЖИЛОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

XVI вѣка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., д. № 7.
1897.

Печатается по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 16 января 1897 г.

Деканъ *И. Помяловскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія служилаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ связывается съ важнѣйшими процессами въ исторіи государственнаго и соціально-экономическаго быта древней Руси. Новѣйшая историческая литература особенно рѣзко подчеркиваетъ фактъ сильнаго вліянія внѣшнихъ отношеній, военныхъ потребностей государства на всѣ стороны его внутренняго быта. Организація военной силы — важнѣйшая забота московскаго правительства XVI—XVII вѣковъ — наложила рѣзкій отпечатокъ на весь вообще государственный механизмъ московской Руси, опредѣлила положеніе извѣстныхъ классовъ московскаго общества, обязанныхъ военною службою. А такъ какъ эта организація построена была на извѣстной системѣ земельныхъ отношеній, — она не могла не оказать глубокаго вліянія на экономическій бытъ страны, хотя, въ свою очередь, сама опредѣлялась въ значительной мѣрѣ извѣстными условіями экономической жизни. Такимъ образомъ исторія служилаго землевладѣнія была однимъ изъ центральныхъ процессовъ въ исторіи московской Руси, перерабатывавшимъ самыя разнообразныя явленія. Здѣсь, въ области служилаго землевладѣнія, отчетливо вырисовываются нѣкоторыя основныя цѣли московской политики и своеобразіе пріемовъ, направленныхъ къ ихъ осуществленію; въ области служилаго землевладѣнія удобнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ жизни, можно прослѣдить поглощеніе интересами государства интересовъ общества, оцѣнить организующую силу государства и самодѣятельность общественныхъ силъ; здѣсь яснѣе, наконецъ, выступаетъ могущественное дѣйствіе экономическихъ факторовъ на развитіе государственнаго механизма и соціальнаго быта. Таково значеніе исторіи служилаго землевладѣнія въ общей сѣти русскаго историческаго процесса. Оно вполнѣ оправдываетъ научный интересъ этого явленія, которому посвящено предлагаемое вниманію ученаго міра изслѣдованіе.

Исторія служилаго землевладѣнія привлекала вниманіе по преимуществу историковъ-юристовъ. Труды Неволина, Иванова, Лакіера, Бѣляева, Загоскина исчерпали матеріалъ, заключающійся въ памятникахъ московскаго законодательства и въ старыхъ сборникахъ актовъ, и дали болѣе или менѣе обстоятельныя построенія вотчиннаго и помѣстнаго права XVI — XVII вѣковъ. Эти труды освѣтили, однако, только одну сторону сложнаго историческаго явленія. Въ основу ихъ положена система точекъ зрѣнія, намѣченныхъ наукою права. Историки-юристы изучали служилое землевладѣніе, главнымъ образомъ, какъ систему тѣхъ правовыхъ нормъ, въ которыя оно выливалось. Но эта искусственная схема правовыхъ отношеній часто скрываетъ живую историческую перспективу, причудливую послѣдовательность тѣхъ разнообразныхъ процессовъ, изъ которыхъ складывалась исторія изучаемаго явленія. Восполнить односторонность изображенія историческихъ судебъ служилаго землевладѣнія лежитъ на обязанности историковъ культуры. Ихъ задача — раскрыть непосредственную, жизненную послѣдовательность тѣхъ явленій экономическаго, соціальнаго и государственнаго быта, которыя создали служилое землевладѣніе, опредѣлили его судьбу и значеніе въ исторіи государства и общества. Въ русской исторической литературѣ нѣтъ такого полнаго, исчерпывающаго труда, излагающаго исторію служилаго землевладѣнія съ указанной сейчасъ точки зрѣнія. Въ трудахъ нашихъ новѣйшихъ изслѣдователей можно встрѣтить только рядъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе важныхъ замѣчаній и экскурсовъ, освѣщающихъ ту или другую сторону въ исторіи служилаго землевладѣнія, ставящихъ новые вопросы и новыя точки зрѣнія; археографія послѣднихъ десятилѣтій накопила значительный матеріалъ, которымъ не могли воспользоваться старые историки; наконецъ, широкая эксплуатація новѣйшими историками архивныхъ богатствъ показала возможность и необходимость освѣжить печатные источники неизданнымъ матеріаломъ. При этихъ условіяхъ ясной становится необходимость пересмотрѣть исторію служилаго землевладѣнія съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя ставитъ современная литература по исторіи древнерусской культуры, дать исторію вотчины и помѣстья не какъ нормъ права, но какъ бытовыхъ явленій. Но для труда, излагающаго исторію служилаго землевладѣнія во всей ея сложности и объемѣ, время еще не наступило. Остаются совершенно не разработанными нѣкоторыя группы источниковъ, не изслѣдованными до конца отдѣльные вопросы.

Предлагаемое изслѣдованіе охватываетъ только одну эпоху исторіи служилаго землевладѣнія, именно XVI столѣтіе. Въ эту эпоху всѣ существенныя, оригинальныя черты изучаемаго явленія выступаютъ особенно ярко и выпукло. Именно въ XVI в. основной принципъ служилаго землевладѣнія — земля не должна выходить изъ службы — ставится московскимъ правительствомъ вполнѣ сознательно и твердо, осуществляется на практикѣ особенно рѣзко. Это значеніе XVI в. въ исторіи служилаго землевладѣнія, какъ эпохи центральной, даетъ возможность ограничить поле изслѣдованія его предѣлами. Состояніе же источниковъ эпохъ предшествующей и послѣдующей превращаетъ возможность въ необходимость. Данныя источниковъ XV и болѣе раннихъ вѣковъ слишкомъ бѣдны и отрывочны; источники же XVII в., особенно архивные, безъ которыхъ въ настоящее время уже нельзя изучать исторію землевладѣнія, наоборотъ, совершенно подавляютъ изслѣдователя, требуютъ предварительной, археографической разработки.

Изслѣдованіе о служиломъ землевладѣніи естественно было начать съ вопроса о происхожденіи тѣхъ формъ землевладѣнія, на которыхъ покоилась вся система служебно-земельныхъ отношеній. Введеніе къ настоящему труду даетъ сводъ наиболѣе важныхъ ученыхъ мнѣній о происхожденіи помѣстья, объ установленіи обязательной службы съ вотчинъ, и попытку критическаго разбора этихъ мнѣній. Задачей автора было охарактеризовать ту бытовую основу, тѣ непосредственныя потребности жизни, условія государственнаго и соціально-экономическаго быта московской Руси, которыя создали основныя формы служилаго землевладѣнія. Вполнѣ сознательно устранился авторъ отъ рѣшенія одного вопроса, къ которому очень осторожно подходили нѣкоторые его предшественники, именно вопроса о заимствованіи идеи или даже самыхъ формъ служилаго землевладѣнія. Единственнымъ основаніемъ этой гипотезы выставляется обыкновенно аналогія съ поземельнымъ устройствомъ военнаго класса въ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Византіи. Но одна аналогія сама по себѣ, безъ осязательныхъ фактовъ, не можетъ служить основаніемъ упомянутой гипотезѣ. Между тѣмъ въ русскихъ источникахъ нѣтъ ни прямыхъ фактовъ, ни косвенныхъ намековъ въ пользу гипотезы заимствованія. Наконецъ, хотя остается много спорнаго и невыясненнаго въ вопросѣ о происхожденіи главныхъ формъ служилаго землевладѣнія, — несомнѣнно, однако, что туземный бытъ, государственный и соціально-экономическій, былъ вполнѣ способенъ вырастить эти формы собственными силами.

Въ срединѣ XVI вѣка создалась организація военныхъ силъ, построенная на двухъ формахъ служилаго землевладѣнія: вотчинѣ и помѣстьѣ. Настойчиво проводя принципъ обязательности службы съ земли, правительство уже въ первые годы осуществленія новой системы служилаго землевладѣнія хорошо сознавало тѣ опасности, которыя грозили устойчивости системы, подрывали заложенный въ ея основу принципъ. Вотчина, хотя и была въ отношеніи службы сравнена съ помѣстьемъ, всетаки оставалась формой частной собственности; права распоряженія, принципіально не отнятыя у вотчинника, обусловливали оживленную мобилизацію, обращеніе земель, а эта мобилизація разрушала служилое значеніе вотчиннаго землевладѣнія. Глава первая настоящаго изслѣдованія и посвящена вопросу о факторахъ мобилизаціи служилаго вотчиннаго землевладѣнія, которая подрывала организацію военныхъ силъ, и о борьбѣ правительства противъ этой мобилизаціи. Глава вторая даетъ характеристику фактической стороны того же вопроса; въ ней разсмотрѣны конкретные результаты земельной мобилизаціи: разложеніе родоваго княжескаго землевладѣнія, землевладѣльческая судьба князей внѣ ихъ родовыхъ вотчинъ и, наконецъ, землевладѣльческое положеніе выдающихся представителей не титулованной служилой знати. Состояніе источниковъ не позволило дать болѣе или менѣе цѣльную и законченную картину тѣхъ переворотовъ, которые испытало въ теченіе XVI вѣка крупное вотчинное землевладѣніе. Судьбу земельныхъ владѣній служилыхъ родовъ приходилось возстановлять по случайнымъ, мелкимъ и отрывочнымъ фактамъ. Но и эти мелочи имѣютъ свою большую цѣну въ томъ отношеніи, что раскрываютъ детали процессовъ, совершавшихся въ области крупнаго вотчиннаго землевладѣнія. Въ обѣихъ главахъ авторъ ставилъ себѣ одну основную цѣль—выяснить силу и взаимодѣйствіе различныхъ факторовъ, управлявшихъ землевладѣльческой судьбой служилаго класса, факторовъ, какъ заложенныхъ въ общихъ условіяхъ соціально-экономическаго быта, такъ и вытекавшихъ изъ извѣстныхъ направленій правительственной политики, изъ потребностей государства.

Какъ по отношенію къ служилому вотчинному землевладѣнію заботы правительства сосредоточивались на томъ, чтобы удержать землю на службѣ и службу съ земли подчинить строгому контролю, такъ по отношенію къ землевладѣнію помѣстному главнѣйшей заботой было практическое осуществленіе теоретическихъ нормъ помѣстной системы. Описывая въ подробностяхъ основы помѣстной

организаціи XVI вѣка (гл. III), авторъ старался прослѣдить: 1) руководящія точки зрѣнія, съ которыхъ московское правительство разрабатывало теоретическую сторону помѣстной системы и осуществляло выработанныя нормы на практикѣ, и 2) противодѣйствіе, встрѣченное правительственными мѣропріятіями въ нѣкоторыхъ условіяхъ быта служилаго класса и помѣшавшее довести практику помѣстной системы до высоты ея теоріи. Эти же двѣ точки зрѣнія положены въ основаніе и слѣдующей, четвертой главы, посвященной общему обзору типовъ помѣстнаго землевладѣнія, вырабатывавшихся, съ одной стороны, подъ вліяніемъ извѣстныхъ способовъ испомѣщенія, съ другой подъ вліяніемъ правосознанія самого служилаго общества и мѣстныхъ экономическихъ условій, т. е. вообще подъ вліяніемъ силъ, независимыхъ отъ правительственной политики. Наконецъ, въ заключительной главѣ разсмотрѣны тѣ силы, которыя заставляли правительство волей или неволей выводить помѣстную землю изъ службы. Этотъ фактъ знаменовалъ собой уже разложеніе системы служилаго землевладѣнія.

Оканчивая свой трудъ, авторъ считаетъ долгомъ выразить сердечную благодарность глубокоуважаемому профессору Сергѣю Ѳедоровичу Платонову за его неизмѣнное вниманіе и разнообразное содѣйствіе, а также всѣмъ тѣмъ ученымъ, которымъ онъ обязанъ добрымъ совѣтомъ или полезнымъ указаніемъ: академику В. Г. Васильевскому, М. А. Дьяконову, А. Н. Зерцалову, И. И. Лаппо, А. С. Лаппо-Данилевскому, П. Н. Милюкову, Н. П. Павлову-Сильванскому.

[illegible] XVI вѣка (стр. 475), [illegible] представляетъ 1) руководящія идеи, среди которыхъ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible], а 2) практическія [illegible] въ нѣкоторыхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Въ то же время [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Оканчивая свой трудъ, авторъ считаетъ долгомъ выразить свою глубокую признательность профессору Сергѣю Федоровичу Платонову за его постоянное вниманіе и многообразное содѣйствіе, а равно всѣмъ тѣмъ ученымъ, которые [illegible] обязали добрымъ совѣтомъ или полезнымъ указаніемъ: академику [illegible], [illegible], М. А. Дьяконову, [illegible], [illegible], А. С. Лаппо-Данилевскому, [illegible], Н. П. Павлову-Сильванскому.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ о происхожденіи служилаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ.

Во второй половинѣ XVI в. московское правительство выработало ясный и твердый принципъ поземельной политики, которымъ опредѣлялось положеніе частновладѣльческихъ земель: «земля не должна выходить изъ службы». Выясненіе этого принципа было результатомъ постепеннаго прикрѣпленія къ службѣ нѣкоторыхъ классовъ московскаго общества и также постепенно установившейся тѣсной связи служебныхъ отношеній съ поземельными. Соотвѣтственно элементамъ, вошедшимъ въ составъ служилаго класса московскаго государства, можно различить нѣсколько областей служебныхъ и поземельныхъ отношеній, въ которыхъ совершался процессъ образованія служилаго землевладѣнія. Ядромъ служилаго класса были слуги невольные, дворяне въ собственномъ смыслѣ. «Дворовыя отношенія представляли основной типъ, по которому сложилась вся служба московскаго государства» [1]). Поземельныя дворцовыя отношенія были, слѣдовательно, первой, самой ограниченной областью, въ которой осуществлялась идея службы съ земли. Другой, болѣе обширной областью было вотчинное землевладѣніе вольныхъ слугъ. Права частной собственности вольнаго слуги долго оставались независимыми отъ его служебныхъ отношеній. По мѣрѣ того, какъ самъ вольный слуга прикрѣплялся къ службѣ, терялъ право свободнаго перехода, и его владѣльческія права ставились въ тѣсную зависимость отъ службы. Наконецъ, особое положеніе въ разрядѣ вольныхъ слугъ занимали князья. Умиравшія политическія преданія долгое время замѣшивались въ

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Вольные и невольные слуги московскихъ государей. «Наблюдатель» 1887 г., № 1, стр. 89.

ихъ отношенія къ московскимъ государямъ; эти преданія сообщали своеобразный характеръ и службѣ князей и землевладѣльческому положенію ихъ[1]).

Процессъ созданія служилаго землевладѣнія, такимъ образомъ, начинаясь въ тѣсной сферѣ дворовой службы, входилъ съ другой стороны въ широкую область внѣшнихъ отношеній государства, потому что служба князей съ ихъ вотчинами была первоначально вопросомъ столько же внутренней, сколько и внѣшней политики. Разсмотримъ теперь, какъ возникла и укрѣпилась идея обязательной службы въ каждой изъ различенныхъ сейчасъ областей поземельныхъ отношеній. Начнемъ съ вопроса о происхожденіи помѣстнаго землевладѣнія.

I.

Источники начинаютъ знакомить болѣе или менѣе широко съ помѣстнымъ землевладѣніемъ съ начала XVI в. Въ половинѣ этого вѣка помѣстное землевладѣніе складывается въ извѣстную систему и ложится въ основу военной организаціи государства. Половину XVI в. и можно поставить какъ грань между двумя періодами исторіи помѣстья. По сю сторону этой грани помѣстное землевладѣніе является сложившимся юридически институтомъ, системой землевладѣнія, служилаго по преимуществу. Этотъ второй періодъ исторіи помѣстья, періодъ помѣстной системы, и подвергался, главнымъ образомъ, изученію въ историко-юридической литературѣ. По другую же сторону намѣченной грани изслѣдователю приходится имѣть дѣло съ такими отрывочными, скудными и неясными фактами, которые съ большимъ трудомъ поддаются истолкованію и обобщенію.

Исторія помѣстья начинается въ нашей историко-юридической литературѣ съ того момента, когда появляются въ источникахъ извѣстія о пожалованіи государями служилымъ людямъ земель за службу и для службы. Вся система помѣстнаго права построена

[1]) В. О. Ключевскій, Боярская Дума, гл. XI. Надо согласиться съ предположеніемъ проф. Сергѣевича, что права вотчиннаго суда, которыми владѣли нѣкоторые князья въ срединѣ XVI в., вытекали не изъ пожалованія, а представляли остатокъ старинныхъ владѣтельныхъ княжескихъ правъ. Op. cit. «Наблюдатель» 1887 г., № 2, стр. 54—55.

на этой чистой идеѣ помѣстья, какъ земли, обезпечивающей и вознаграждающей личную службу. Когда Неволинъ осторожно обмолвился о связи помѣстій съ кормленіями, въ которыхъ онъ видѣлъ «нѣчто похожее на пожалованіе помѣстій», онъ встрѣтилъ единодушное опровержение со стороны позднѣйшихъ юристовъ съ точки зрѣнія чистой идеи помѣстья. И самъ Неволинъ въ сущности вполнѣ уничтожилъ значеніе своей гипотезы послѣдующей оговоркой: «но все это (т. е. кормленія) не были собственно такъ называвшіяся помѣстья. Ихъ начала надо искать въ тѣхъ земляхъ, селахъ и деревняхъ, которыя давали князья служащимъ лицамъ въ пользованіе на такомъ же правѣ, на какомъ вотчинникъ пользовался своими вотчинными землями, хотя въ пользованіе и владѣніе только временное» [1]). Послѣ Неволина описанная точка зрѣнія на помѣстье утвердилась въ наукѣ и не вызывала разнорѣчія. Неразрѣшеннымъ окончательно остался вопросъ, откуда явилась идея помѣстья, выращена-ли она на туземной почвѣ своеобразными общественными и поземельными отношеніями древней Руси или принесена однимъ изъ иноземныхъ культурныхъ вліяній. Неволинъ высказалъ предположеніе, что «бракъ Іоанна III съ греческою царевной не былъ безъ вліянія на то, что именно съ его времени начинаетъ образовываться у насъ правильная помѣстная система. По крайней мѣрѣ слово: помѣстье, составлено по примѣру греческаго τοπίον» [2]). Лакіеръ, доказывая свою теорію отсутствія частной собственности въ древней Руси, производя терминъ «помѣстье» отъ «военныхъ мѣстъ», вскользь бросилъ замѣчаніе, которымъ самъ не воспользовался, о двойственномъ характерѣ происхожденія помѣстья: «*хозяйственныя* и *государственныя* цѣли побуждали монастыри и правительство раздавать земли въ помѣстья» [3]). Мысль о двойственномъ происхожденіи помѣстья довольно подробно развита Градовскимъ. «Учрежденіе помѣстій, доказываетъ онъ, было тѣсно связано съ развитіемъ идеи о верховномъ собственникѣ и его неотчуждаемой собственности... Вездѣ, гдѣ была эта идея, появлялось и помѣстье. Прежде, чѣмъ идея ея развилась въ государствѣ, мы видимъ ее въ церкви». «Благодаря богатству церкви и льготамъ, которыя могли предоставить служилымъ людямъ ея

[1]) П. С. С., т. IV, стр. 195.

[2]) Ibid., стр. 196.

[3]) О вотчинахъ и помѣстьяхъ, стр. 175. Значеніе этого замѣчанія самъ Лакіеръ вполнѣ уничтожилъ положеніемъ: «итакъ служба и первоначально только военная была причиною и основаніемъ раздачи помѣстій», стр. 170.

владыки, ряды митрополичьихъ и владычнихъ слугъ постоянно наполнялись. По отношенію къ этимъ служилымъ людямъ развилось явленіе, подобное тому, которое впослѣдствіи получило такое широкое развитіе въ сферѣ свѣтской администраціи. Благодаря идеѣ неотчуждаемости церковной земли, митрополиты и владыки весьма рано начали раздавать ее служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ». Но на слѣдующей страницѣ авторъ неожиданно оговаривается: «условіемъ, на которомъ владѣлись эти земли, не была служба. Въ этомъ смыслѣ церковь не выработала понятія помѣстья въ его государственномъ значеніи. Земли церковныя жаловались, правда, митрополитами ихъ слугамъ за службу; но затѣмъ обладаніе ими не обусловливается службой. Митрополичьи дворяне и дѣти боярскіе становятся въ силу данныхъ имъ жалованныхъ грамотъ полными владѣльцами земли пожизненно». Такимъ образомъ ожидаемая читателемъ связь церковныхъ помѣстій съ государственными разрывается. «Обладаніе поземельнымъ имуществомъ подъ условіемъ службы, продолжаетъ Градовскій, впервые развивается въ сферѣ государственнаго управленія; но начало это относится не къ помѣстьямъ, ибо ихъ еще не было, а къ вотчинамъ». Уничтоженіе права свободнаго отъѣзда создало искомую идею. «Идея ограниченія частной собственности и организація ея въ видахъ государственной службы не выработалась вполнѣ до Ивана III. Вмѣстѣ съ тѣмъ и появленіе помѣстной системы не было возможно до этого государя... Помѣстье развилось и установилось окончательно съ уничтоженіемъ права отъѣзда и воли бояръ и вольныхъ слугъ. Кромѣ этой причины невозможность полнаго развитія помѣстной системы заключалась еще въ томъ, что количество земель, которыми московскіе государи могли располагать для разселенія и разверстанія служилаго сословія, было весьма невелико. Только новыя завоеванія, сдѣланныя Иваномъ III и его преемниками, дали возможность настоящему распространенію помѣстнаго владѣнія» [1]). Итакъ Градовскій, высказавъ догадку о самостоятельномъ происхожденіи идеи помѣстнаго владѣнія въ церкви и государствѣ, ничѣмъ не связалъ церковнаго помѣстнаго землевладѣнія съ государственнымъ, равно какъ оставилъ недоказанной мысль, что идея ограниченія частной собственности интересами службы, идея, на которой создалась помѣстная система, возникла въ области вотчиннаго владѣнія. Вопросъ о происхожденіи помѣстья на церковныхъ земляхъ перенесъ на болѣе твердую почву проф. Горчаковъ.

[1]) Исторія мѣстнаго управленія, стр. 39—46.

«Еще съ конца XV в. служилые митрополичьи люди и дѣти боярскія стали получать въ награду за службу при каѳедрѣ земли въ такъ называемое помѣстье (locatio, μισθώσις). Система раздачи земель каѳедры въ помѣстья явилась, какъ дальнѣйшая степень историческаго развитія отдачи каѳедрою земель въ пожизненное владѣніе разнымъ лицамъ». Въ примѣчаніи о. Горчаковъ такъ объясняетъ предполагаемую имъ связь русскаго «помѣстья» съ латинскимъ «locatio» и греческимъ «μισθώσις»: «въ русской кормчей locatio и μισθώσις переводится наймомъ. Отдача земель каѳедры въ пожизненное владѣніе (locatio) была однимъ изъ способовъ пользованія каѳедрою своими землями, подобно тому, какъ отдача земель въ безсрочное владѣніе называлась сажденіемъ, ἐμφύτευσις, emphyteusis. Кажется, названіе помѣстья и развитіе на Руси, во владѣніяхъ митрополита, помѣстной системы отчасти образовались подъ вліяніемъ тѣхъ статей кормчей книги, въ которыхъ говорится о сажденіи, locatio или μισθώσις» [1]) Дальнѣйшаго развитія эта теорія происхожденія помѣстья не получила въ послѣдующей литературѣ. Проф. Загоскинъ повторилъ старыя мысли о различіи помѣстья отъ кормленья, о возникновеніи помѣстной системы въ эпоху объединенія Москвы, когда явилась потребность въ постоянномъ служиломъ классѣ, когда въ рукахъ московскихъ государей сосредоточилась значительная масса недвижимой собственности [2]). М. Ф. Владимірскій - Будановъ высказалъ, что мнѣніе, по которому помѣстное право обязано своимъ установленіемъ Іоанну III, а окончательнымъ утвержденіемъ царю Іоанну Грозному, не имѣетъ основаній. Начало его необходимо предполагать въ земскій періодъ, со времени большей осѣдлости князей. [3]) Наконецъ В. И. Сергѣевичъ считаетъ раздачу помѣстій однимъ изъ проявленій тѣхъ милостей московскихъ государей къ ихъ слугамъ, на которыя вольные слуги промѣняли свою волю. «Это способъ награды сравнительно позднѣйшій. Чтобы раздавать села и деревни, надо самому имѣть ихъ въ избыткѣ». Проф. Сергѣевичъ возвращается къ мнѣнію о вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ, какъ творцѣ помѣстной системы. «Послѣ покоренія Новгорода было произведено, по государеву указу, помѣщеніе на вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ даже такихъ служилыхъ людей, которые состояли въ боярскихъ дворахъ и ничего своего не

[1]) О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ и т. д., стр. 247.

[2]) Очерки организаціи и происхожденія служ. сословія, Учен. Записки Казанск. Университета, 1876 г., № 5, стр. 699—701.

[3]) Обзоръ исторіи русск. права, стр. 469—470.

имѣли. Этотъ фактъ помѣщенія на землю ничего не имѣвшихъ служилыхъ людей и далъ, надо думать, наименованіе особой формѣ служилаго владѣнія, помѣстью». Идея обязательной службы съ земли также приводится въ связь съ правомъ свободнаго отъѣзда: «первоначально пожалованіе дается условно, т. е. даръ остается за пожалованнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ служить князю, отъ котораго получилъ пожалованіе, или тому изъ его наслѣдниковъ, котораго князь укажетъ. Это условіе прямо обозначается въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ о пожалованіяхъ. Оно и совершенно понятно. Не могли же князья раздавать земли безусловно при существованіи правъ отъѣзда» [1])?

Итакъ историко-юридическая литература успѣла выяснить идею, легшую въ основу помѣстнаго землевладѣнія, на этой основѣ построила схему помѣстнаго права и наконецъ съ разныхъ сторонъ подходила къ вопросу о времени и мѣстѣ происхожденія помѣстнаго владѣнія. Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ замѣчается значительная шаткость. Всѣ историки-юристы согласны въ томъ, что въ основѣ помѣстнаго владѣнія лежалъ принципъ зависимости владѣльческихъ правъ отъ условія службы, подчиненія поземельныхъ отношеній служебнымъ. Признавая этотъ принципъ характернымъ, отличительнымъ признакомъ помѣстья, нѣкоторые ученые широко раздвигаютъ понятіе помѣстнаго владѣнія, подводя подъ него всякое владѣніе, ограниченное условіемъ службы. Неволинъ видѣлъ прототипъ помѣстій въ кормленьяхъ; Градовскій доказывалъ существованіе помѣстнаго права на церковныхъ земляхъ ранѣе, чѣмъ появились помѣстья въ ихъ государственномъ значеніи; по мнѣнію проф. Сергѣевича, ограниченіе владѣльческихъ правъ служилыхъ князей вотчинниковъ условіемъ неотступной службы привело къ превращенію ихъ родовыхъ вотчинъ въ помѣстья. Вмѣстѣ съ тѣмъ и происхожденіе помѣстнаго владѣнія отодвигалось болѣе или менѣе далеко въ глубь временъ сравнительно съ первыми документальными извѣстіями о помѣстьяхъ. Неволинъ первыми свидѣтельствами о помѣстномъ владѣніи считаетъ лѣтописныя извѣстія о раздачѣ первыми князьями ихъ мужамъ городовъ и волостей; г. Владимірскій-Будановъ относитъ начало помѣстій въ земскій періодъ, ко времени большей осѣдлости князей; проф. Загоскинъ, Сергѣевичъ и нѣкоторые другіе ученые находятъ первое документальное извѣстіе о помѣстьяхъ въ Московскомъ государствѣ въ духовной Ивана Ка-

[1]) Вольн. и невольн. слуги москов. государей, «Наблюдатель» 1887 г., № 2, стр. 63—64.

литы, гдѣ говорится о пожалованіи нѣкоему Бориску Воркову села подъ условіемъ службы. Но всѣ эти болѣе или менѣе произвольныя попытки отыскать начало помѣстнаго землевладѣнія задолго до появленія въ источникахъ самаго термина успѣли выяснить лишь тотъ несомнѣнный фактъ, что принципа зависимости землевладѣльческихъ правъ отъ службы нельзя всецѣло отождествлять съ понятіемъ помѣстнаго владѣнія. Этотъ принципъ не выражаетъ собой юридической природы помѣстья во всей ея полнотѣ и не можетъ служить единственнымъ несомнѣннымъ признакомъ именно помѣстнаго владѣнія. Принципомъ подчиненія владѣльческихъ правъ службѣ оказались связанными формы владѣнія, рѣзко различающіяся между собой по другимъ, не менѣе существеннымъ признакамъ. Такъ была показана глубокая разница между кормленіемъ и помѣстьемъ; нельзя отождествлять съ помѣстьемъ, какъ это сдѣлалъ проф. Сергѣевичъ, вотчины, владѣніе которой поставлено въ зависимось отъ условія службы: помѣстье было исключительно личнымъ пожалованіемъ, вотчина всегда оставалась наслѣдственнымъ владѣніемъ; условіями службы, наконецъ, какъ увидимъ ниже, ограничены были владѣльческія права разныхъ группъ вольныхъ и невольныхъ слугъ удѣльнаго князя, права, различныя по своей юридической природѣ. На этомъ основаніи нельзя, напримѣръ, называть Бориска Воркова непремѣнно помѣщикомъ только потому, что онъ получилъ отъ великаго князя село подъ условіемъ службы. Всѣ эти противорѣчія, въ какія впадали нѣкоторыя попытки доказать существованіе помѣстій въ глубокой древности, разрѣшаются признаніемъ факта, что идея подчиненія землевладѣльческихъ правъ условію службы гораздо старше помѣстья, что помѣстье явилось одной изъ частныхъ и позднихъ формъ осуществленія этой идеи, что ранѣе помѣстья и наряду съ нимъ существовали и другія формы владѣнія, построенныя на той же идеѣ. Сама же эта простая, элементарная идея должна была появиться во всѣхъ тѣхъ областяхъ государственнаго и частнаго владѣнія, гдѣ собственникъ земли вступалъ въ поземельныя отношенія съ лицами, состоящими въ служебной зависимости отъ него. Бояре и дружинники въ XI—XII вѣкахъ составляли уже классъ частныхъ землевладѣльцевъ. Необходимо предполагать, что и въ эту первую эпоху нашей исторіи оба ряда отношеній, служебныхъ и поземельныхъ, не оставались рѣзко разграниченными другъ отъ друга. Служба, несомнѣнно, была главнымъ мотивомъ къ пожалованію, однимъ изъ основныхъ источниковъ образованія частнаго землевладѣнія; условіе же службы должно

было вносить съ другой стороны извѣстныя ограниченія въ права собственности землевладѣльцевъ дружинниковъ.

Помѣстье изучалось по преимуществу какъ извѣстная, твердо установившаяся норма частновладѣльческаго права. Но помѣстье вмѣстѣ съ тѣмъ есть и бытовое явленіе, живой бытовой фактъ: оно сыграло важную роль въ исторіи военной организаціи и экономическаго быта московской Руси. Историки права отыскивали источники идеи помѣстья; общимъ историкамъ предстоитъ подойти къ вопросу о происхожденіи помѣстья съ другой стороны, какъ къ бытовому явленію, предстоитъ разъяснить тѣ непосредственныя требованія жизни, тѣ особенныя бытовыя условія, въ какихъ стародавняя идея подчиненія владѣльческихъ земельныхъ правъ условію службы нашла себѣ осуществленіе въ формѣ помѣстья. До сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано очень мало.

Сравнительно въ недавнее время сдѣланы первыя попытки передвинуть вопросъ о происхожденіи помѣстья въ другую, болѣе глубокую и тѣсную область. Еще Лакіеромъ и Неволинымъ отмѣченъ фактъ первоначальной раздачи помѣстій изъ личныхъ владѣній государя. Проф. Владимірскій-Будановъ оттѣнилъ этимъ фактомъ характеръ первой эпохи въ исторіи помѣстья. «Помѣстное право до великаго князя Іоанна III имѣетъ и свои особенности отъ послѣдующаго его характера. А именно въ тѣ времена, XIV—XV вв., помѣстья даваемы были лишь непосредственнымъ слугамъ князя, дворянамъ, и преимущественно низшимъ, не свободнымъ и полусвободнымъ... Во-вторыхъ, въ то время помѣстья выдѣляются изъ собственныхъ частныхъ имуществъ князей, а потомъ и дворцовыхъ, но не изъ государственныхъ, черныхъ. По этимъ двумъ признакамъ помѣстное право въ первую эпоху своего сущствованія въ Московскомъ государствѣ имѣетъ преимущественно частный характеръ» [1]). В. О. Ключевскій въ своихъ курсахъ прямо указываетъ на дворцовое вѣдомство, какъ на непосредственную сферу зарожденія помѣстья. Помѣстное землевладѣніе имѣло свой первоначальный источникъ въ поземельномъ хозяйствѣ удѣльнаго московскаго князя. Кромѣ слугъ вольныхъ, военныхъ, у князей удѣльныхъ были еще слуги невольные, состоявшіе при дворцѣ князя для его хозяйственныхъ надобностей подъ управленіемъ дворецкаго. Это были дьяки съ подъячими, псари, конюхи, ключники, бортники и разные другіе ремесленные и рабочіе люди. Одни

[1]) Обзоръ, стр. 470.

изъ нихъ были лично свободные люди, другіе принадлежали къ холопамъ князя; тѣ и другіе одинаково не имѣли поземельной собственности. Но тѣмъ и другимъ удѣльные князья за ихъ службу или для облегченія ея исправнаго отбыванія давали участки земли въ пользованіе. Пользованіе княжеской землей для этихъ слугъ было неразрывно соединено со службой по дворцовому хозяйству князя. Въ земельныхъ дачахъ этихъ дворцовыхъ слугъ удѣльнаго князя и надобно видѣть юридическій первообразъ помѣстья. Послѣ роды княжеской службы смѣшались, различіе между слугами вольными и дворцовыми людьми князя сгладилось, тѣ и другіе одинаково стали служилыми людьми московскаго государя и получали отъ него земли въ пользованіе на томъ же правѣ, какъ получали ихъ дворовые люди XIII в., свободные и несвободные. Итакъ юридическимъ родоначальникомъ помѣщика въ Московскомъ государствѣ XVI в. былъ псарь удѣльнаго князя XIV в. Съ нѣкоторыми оговорками эту мысль принимаетъ П. Н. Милюковъ. «Весьма вѣроятно, говоритъ онъ, что зародыши помѣстной системы сложились въ обстановкѣ дворцовой службы, прежде чѣмъ были примѣнены къ служилой организаціи. Но дворцовая служба не есть непремѣнно холопская; врядъ-ли число холоповъ на дворцовой службѣ было настолько значительно, чтобы образовать цѣлый слой, да еще перешедшій изъ сферы хозяйственной въ сферу военной службы. Не отрицая возможности того, что холопъ великаго князя могъ сдѣлаться помѣщикомъ и служилымъ человѣкомъ, мы однако полагаемъ, что такіе случаи были довольно рѣдки» [1]).

Такъ, дворцовая служба, ея связь съ землевладѣніемъ, вотъ та бытовая почва, по взгляду новѣйшихъ историковъ, на которой выросло помѣстное землевладѣніе. Остановимся подробнѣе на этой гипотезѣ. «Дворецъ» удѣльнаго князя сѣверо-восточной Руси былъ вѣдомствомъ весьма сложнымъ, какъ извѣстно; въ своей дѣятельности онъ совмѣщалъ функціи и центральной администраціи и главнаго управленія вотчиннымъ хозяйствомъ князя. Говоря о дворцѣ, надо различать дворцовую службу и дворцовое хозяйство, хотя обѣ эти области тѣсно связывались между собой. Порядки дворцовой службы настолько разъяснены въ настоящее время, что появленіе помѣстья съ этой стороны представляется достаточно опредѣленно. Но остается мало освѣщенной та сторона происхожденія помѣстья, которой оно обращено къ дворцовому хозяйству, его потребностямъ и порядкамъ.

[1]) Спорные вопросы финанс. исторіи Моск. госуд., стр. 10—11.

Недостатокъ извѣстій о хозяйственномъ устройствѣ частныхъ вотчинъ князя заставляетъ обратиться къ аналогіи. Не подлежитъ сомнѣнію тождество хозяйственнаго строя вотчинъ княжескихъ съ монастырскими и церковными. Сравнительное обиліе и разнообразіе матеріала даетъ возможность удобнѣе изучать потребности и условія крупнаго вотчиннаго хозяйства на примѣрѣ монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ. Во второй половинѣ XVI в. на большихъ монастырскихъ вотчинахъ сильно развито было мелкое, зависимое, условное владѣніе; монастырскія вотчины связывались изъ ряда мелкихъ хозяйствъ, находившихся въ пожизненномъ или срочномъ, возмездномъ или безвозмездномъ владѣніи частныхъ лицъ. Создавались эти мелкія зависимыя хозяйства на монастырскихъ земляхъ различными путями. Часто, какъ увидимъ впослѣдствіи, отдаваемая монастырю на поминовеніе вотчина оставалась во владѣніи ея собственника «до живота». Иногда вкладчикъ взамѣнъ данной получалъ отъ монастыря другую вотчину въ пожизненное владѣніе. Напримѣръ, княгиня Соломонида Долгорукая, урожденная кн. Засѣкина, въ 1601 г. дала Симонову монастырю свою вотчину въ Бѣжецкомъ верхѣ, двѣ деревни, Слепандино и Бораново, а взамѣнъ получила въ Московскомъ уѣздѣ деревню Дыбино и двѣ пустоши до живота; въ 1605 г. она и эту вотчину отдала монастырю, а взамѣнъ получила деревню Слободскую тоже въ Московскомъ уѣздѣ; княгиня обязуется «тое деревни строити» и отдать ее по смерти въ монастырь [1]). Далѣе извѣстно, что за вкладную вотчину монастырь давалъ вкладчику иногда деньгами «сдачу» или «скупъ» для уплаты долговъ И обратно, за денежный вкладъ можно было получить отъ монастыря соотвѣтственное земельное владѣніе «до живота». Приведемъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ видна хозяйственная цѣль этой операціи. Казаринъ Хѣровъ въ 1582 г. взялъ у Троицкаго монастыря въ пожизненное владѣніе, за свой вкладъ 300 руб., въ Тверскомъ уѣздѣ с. Сергѣйцово, а въ 1598 г. с. Пирогово съ деревнями и пустошами; помимо обычныхъ обязательствъ о неотчужденіи этой вотчины мимо монастыря, Казаринъ обязуется назвать на пустоши крестьянъ; если же онъ ту вотчину запустошитъ или отчудитъ, то по данной записи монастырю, взять на немъ 500 руб. [2]) Въ 1585 г. архимандритъ Рождественскаго Александро-Невскаго монастыря, поговоря съ властями и

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Бѣжецк. у. № 1344.

[2]) С. Шумаковъ, Тверскіе Акты, в. I, № LXXII; Сборн. Троице-Сергіев. Лавры, № 532, лл. 271—373.

всѣмъ соборомъ, что взяли у Θедора Опочинина и его сына Мансура 100 р. денегъ, дали ему за тотъ вкладъ во Владимірскомъ уѣздѣ монастырское село Юрово съ церковью, дворомъ монастырскимъ и разными службами, четырьмя крестьянскими дворами и четырьмя пустошами до ихъ живота; Опочининымъ тѣмъ селомъ владѣть, пустоши распахивать, дворы ставить и крестьянъ называть, а монастырю за ихъ здоровье Бога молить; Опочинины обязуются того села не освоить, не продать, не заложить, въ другой монастырь не отдать, «и въ книги за собою впрокъ не записати»; когда же они то село устроятъ, пустоши распашутъ, дворы изставятъ, крестьянъ назовутъ,—и имъ то село и пустоши окупать и государевы тягла тянуть, чѣмъ то село государевы писцы опишутъ; если же Опочинины того села не устроятъ, пустошей не распашутъ, дворовъ не изставятъ, крестьянъ не назовутъ или отчудятъ то владѣніе мимо монастыря, то должны уплатить монастырю 300 рублей. Монастырь съ своей стороны подтверждаетъ чистоту той вотчины отъ всякихъ крѣпостей и обязуется по желанію Опочинина постричь его, дать келью, по смерти же поминать и кормы ставить [1]). Дача монастыремъ вотчины за денежный вкладъ сводилась въ сущности къ продажѣ ея въ пожизненное владѣніе. Въ монастырскихъ актахъ встрѣчаются и такія купчія сдѣлки. Напримѣръ, въ 1548 г. Борисъ Ивановичъ Сукинъ купилъ у Троице-Сергіева монастыря за 150 р. вотчину, данную монастырю Матвѣемъ Ивановичемъ Тюменевымъ въ 1546 г.; Сукинъ обязался держать за собой купленную вотчину до живота, а послѣ отдать въ монастырь на поминовеніе; но затѣмъ Сукинъ отдалъ купленное село съ деревнями въ монастырь еще при жизни, выговоривъ себѣ право жить въ той вотчинѣ до смерти [2]).

Такъ въ результатѣ поземельныхъ и денежныхъ отношеній, тѣсно связанныхъ съ отношеніями чисто духовными между монастыремъ и его вкладчиками, на монастырскихъ земляхъ возникала цѣпь мелкихъ, условныхъ владѣній. Параллельно монастыри отдавали свои земли въ возмездное или безвозмездное владѣніе и не вкладчикамъ. Въ условіяхъ, на которыхъ отдавались земли не вкладчикамъ, также ясно выступаетъ хозяйственная цѣль этой мѣры. Въ 1578 г. троицкія власти дали Замятнѣ Васильевичу Лихареву съ женой въ пожизненное владѣніе семь деревень въ Костромскомъ уѣздѣ; Лихаревъ даетъ монастырю запись, что ему «та вотчина наполнити и

[1]) Румянц. Музей, Сбор. № 53, л. 89.

[2]) Арх. Мин. Юст., гр. Клинск. у. № 5639, л. 11.

тѣхъ мнѣ, Замятнѣ, деревень ни заложити, ни продати, ни въ приданое не отдати, ни запустошити, ни въ какія крѣпости не записати»; власти монастыря со своей стороны обязуются не отнимать этихъ деревень у Замятни и его жены до ихъ смерти. [1]) Въ 1591 г. Жданъ Андреевичъ Гриневъ взялъ у Троице-Сергіева монастыря въ Переяславскомъ уѣздѣ пустошь Михалево въ пожизненное владѣніе съ обязательствомъ эту пустошь распахать, хоромы на ней поставить, но не отчуждать и «ни въ какихъ крѣпостяхъ въ хлѣбныхъ и денежныхъ не увязити»; роду его и семьѣ до той пустоши дѣла нѣтъ. [2]) Тотъ же монастырь далъ Ивану Васильевичу Вельяминову пустоши Луковскую въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ пожизненное владѣніе; Вельяминовъ даетъ обязательство этой пустоши не отчуждать и со всѣмъ хлѣбомъ отдать въ монастырь. [3]) По писцовой книгѣ Владимірскаго уѣзда 1592—1594 гг. власти Киржацкаго монастыря одну пустошь «дали на роспашку» Василію Заломову. [4]) Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, земля отдавалась въ пожизненное и безвозмездное владѣніе. Но эти главныя условія могли и измѣняться по соглашенію сторонъ; устанавливалась иногда извѣстная арендная плата; владѣніе ограничивалось извѣстнымъ срокомъ или просто волей монастыря. Напримѣръ, въ 1589 г. дьякъ Тимоѳей Петровъ взялъ у властей Троицкаго монастыря на льготу на 6 лѣтъ во Владимірскомъ уѣздѣ вкладную пустошь села Сущова; дьякъ Тимоѳей обязанъ въ эти льготные годы пашню распахать и дворъ устроить, а по истеченіи льготнаго срока платить въ троицкую казну ежегодно по рублю, государевы же подати всѣ платить съ троицкими крестьянами повытно; «а понадобятся треть сельца и жеребій закладной монастырю и мнѣ отдати со всѣмъ въ монастырь, и съ хоромы». [5])

Такимъ образомъ монастырскія латифундіи дробились на мелкія, условныя владѣнія, создававшіяся различными путями и на разнообразныхъ условіяхъ, начиная отъ пожизненнаго и безвозмезднаго владѣнія и кончая срочной арендой съ уплатой денежнаго оброка. Это явленіе нельзя признать особенностью монастырскаго землевладѣнія, его происхожденія нельзя объяснить тѣми исключительными отношеніями, какія устанавливались въ древней Руси между

[1]) Jbid., грам. Костром. у., № 5108 г.

[2]) Jbid., грам. Переяслав. у., № 9019.

[3]) Jbid., грам. Дмитров. у., № 3720.

[4]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, стр. 803.

[5]) Арх. Мин. Юст., грам. Владим. у., № 1882.

монастыремъ и его вкладчиками. Подобное же явленіе повторяется и на другихъ группахъ церковныхъ земель, напримѣръ на владѣніяхъ митрополичьей каѳедры. Подробныя извѣстія объ эксплуатаціи митрополичьей каѳедрой принадлежащихъ ей земель собраны проф. Горчаковымъ, который какъ мы видѣли, и самое образованіе помѣстій считаетъ дальнѣйшей ступенью историческаго развитія отдачи земель въ пожизненное владѣніе разнымъ лицамъ. Собранные о. Горчаковымъ акты удостовѣряютъ, что способы и условія отдачи митрополичьихъ земель въ пожизненное владѣніе и въ аренду были тождественны съ тѣми, которые практиковались и монастырями: митрополичьи земли также отдавались частнымъ лицамъ до живота, безвозмездно или съ платой оброка, съ обязательствомъ населить ихъ и культивировать, съ судебными и финансовыми льготами, также продавались въ пожизненное владѣніе и даже въ потомственное родовое владѣніе, «доколѣ родъ изведетца». [1]) Сопоставляя всѣ эти извѣстія объ эксплуатаціи монастырскихъ и митрополичьихъ вотчинъ, мы получаемъ еще и тотъ несомнѣнный фактъ, что изучаемое нами явленіе, дробленіе крупныхъ вотчинъ на мелкія, условныя владѣнія, одинаково наблюдается какъ во второй половинѣ XV-го, такъ и во второй половинѣ XVI-го вѣковъ.

Разнообразіе способовъ и условій, на какихъ раздавались въ пожизненное владѣніе и въ аренду церковныя земли, не закрываетъ собой единства того хозяйственнаго побужденія, которое руководило этой раздачей. Дѣйствительно, во всѣхъ жалованныхъ, докладныхъ и тому подобныхъ грамотахъ со стороны собственниковъ земли, во всѣхъ отписныхъ памятяхъ и записяхъ со стороны лицъ, берущихъ землю во временное владѣніе, — ясно выступаетъ одно хозяйственное побужденіе: поддержаніе земледѣльческой культуры на земляхъ «живущихъ», заведеніе новой культуры на земляхъ пустыхъ; цѣлью собственника, обязанностью временнаго владѣльца было «наполнити вотчину». Экономическое положеніе центральныхъ областей Московскаго государства достаточно объясняетъ появленіе этой настоятельной заботы и потребности. Проф. Ключевскимъ доказанъ фактъ разброда сельскаго населенія въ XVI в. изъ центральнаго междурѣчья Оки и Волги. Для тяглаго посадскаго населенія этотъ же фактъ подтвержденъ Н. Д. Чечулинымъ. Тяжелыя условія для земледѣльческой культуры на вотчинныхъ земляхъ созданы были не только этимъ разбродомъ, ясные при-

[1]) О земельн. владѣн. всерос. митропол. и т. д., стр. 169 — 175.

знаки котораго появляются въ XVI в. Бродячесть населенія была исконной характерной чертой сельскаго быта сѣверо-восточной Руси, начиная съ эпохи ея колонизаціи. Въ этихъ краяхъ частное землевладѣніе и созидалось на «зыбкой почвѣ вольнаго и подвижнаго крестьянскаго труда». Эта исконная бродячесть населенія сама по себѣ поддерживала недостатокъ рабочихъ рукъ и неустойчивость земледѣльческой культуры. Начавшійся съ XVI вѣка отливъ населенія изъ центральныхъ областей подвергъ здѣсь сельское хозяйство уже настоящему тяжелому кризису. Выразился онъ въ появленіи большихъ пространствъ порожнихъ земель, запустѣвшихъ пашенъ. Самый способъ эксплуатаціи подобныхъ земель, пашня «наѣздомъ», доказываетъ, что землевладѣльцы безсильны были возстановить на нихъ правильное хозяйство. «Ходъ сельскаго хозяйства въ московской Руси въ XVI в. представлялъ, можно сказать, геометрическую прогрессію запустѣнія» [1]). Дѣйствительно, въ писцовыхъ книгахъ второй половины XVI в. можно подобрать рядъ примѣровъ того, насколько неустойчива была земледѣльческая культура на большихъ вотчинахъ, какіе быстрые и радикальные перевороты происходили въ ихъ культурномъ состояніи. Ограничимся двумя-тремя примѣрами. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Городскомъ стану, было Троицкое село Андреевское съ деревнями, данное монастырю по душѣ удѣльнаго князя Юрія Ивановича. Въ культурномъ состояніи этой вотчины въ теченіе второй половины XVI в. произошли слѣдующія измѣненія:

По переписи 7067 г. въ ней было:

1 с. 36 дрв., пашни дбр. 329 чт., срд. 1607 чт., сѣна 2803 к., лѣсу пашен. 20 дес., непашен. $1^1/_2$ дес., рощи 23 дес.

По переписи 7101 года:

1 с. 1 пог. 36 дрв., пашни дбр. 493 чт., срд. 1713, сѣна 2257 к., лѣсу пашен. 40 чт., непашен. 14 чт., рощи 49.

По переписи 7102 года:

1 с. 7 дрв. 29 пуст., пашни дбр. 62 чт., срд. 122, перелогу дбр. земли 18 чт., лѣсомъ поросло дбр. земли 249 чт., перелогу срд. 136 чт., лѣсомъ поросло 1449 ч., сѣна 1780 к., лѣсу рощи 27 чт., пашен. 11 чт. [2]).

Подобныя же глубокія перемѣны испытали и нѣкоторыя другія

[1]) В. О. Ключевскій, Бояр. Дума, изд. 2, стр. 309—315; Н. Д. Чечулинъ, Города Моск. Госуд., стр. 345.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, стр. 687, 688, 691.

Троицкія вотчины того же уѣзда. Напримѣръ, въ с. Гузеевѣ съ деревнями по переписи 7067 г. было:

1 с. 18 дрв., пашни срд. 96 чт., худ. 376 чт.

По переписи 7101 года:

1 с. 18 дрв., пашни срд. 348 чт., худ. 398 чт.

По переписи 7102 года:

1 с. 3 дрв. 15 пуст., пашни срд. 12 чт., худ. 17 чт., лѣсомъ поросло срд. земли 84 чт., худ. 359 чт. Сошнаго письма убыло изъ живущаго въ пусто 1/2 сохи съ дробями.

Въ с. Кляпиковѣ съ деревнями съ 7067 по 7101 г. убыло изъ живущаго въ пусто 1259 чт. съ дробью; сошнаго письма убыло 2 сохи съ дробью.

Культурное состояніе Троицкихъ вотчинъ въ Рузскомъ уѣздѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	По переписи 7076 и 7077 гг.:	По переписи 7102 г.:
Селеній —	2 с. 1 слц. 35 дрв. 2 пуст.	2 с. 15 дрв. 23 пуст.
Пашни —	срд. 22 чт.	28 чт.
	худ. 1289 чт.	299 чт.
Перелогу	худ. 212 чт.	1235 чт. [1]).

Повидимому, крупное вотчинное землевладѣніе могло легче переносить эти запустошенія, чѣмъ землевладѣніе среднее и мелкое. Запустѣніе сотни—другой четвертей земли могло совершенно раззорить вотчинника средней руки и подорвать его служебную карьеру; на крупномъ вотчинномъ хозяйствѣ князя, монастыря, митрополичьей каѳедры оно отражалось извѣстнымъ пониженіемъ доходности, не имѣвшимъ непосредственно роковаго значенія для вотчинника. Но подвижность и неустойчивость земледѣльческой культуры подрывала крупное вотчинное хозяйство съ другой стороны. Запустѣвшая земля, обращаясь въ мертвый капиталъ, продолжала нести податную тягость, пока ближайшая по времени перепись не перекладывала ее «въ пусто» и въ сошномъ письмѣ. Но переписи не поспѣвали за тѣми быстрыми неожиданными перемѣнами, которымъ подвергалось культурное состояніе крупныхъ вотчинъ. Челобитья о льготахъ, о сложеніи податныхъ тягостей съ запустѣвшихъ земель, также какъ и челобитья о производствѣ новой переписи для опредѣленія настоящаго положенія платежныхъ силъ данной вотчины — были мѣрами, во всякомъ случаѣ,

[1]) Ibid., стр. 659, 691—693.

исключительными и крайними. Такимъ образомъ естественное стремленіе вотчинниковъ къ скорѣйшему возстановленію культуры на запустѣвшихъ земляхъ должно было сильно подгоняться условіями поземельнаго обложенія.

При большихъ размѣрахъ вотчины, разбросанности поселеній и ихъ незначительной величинѣ, при рѣдкости населенія трудно было организовать вотчинное хозяйство на началахъ централизаціи; трудно было связать въ одну хозяйственную систему гнѣзда селъ и деревень, разбросанныя на большихъ пространствахъ, отдѣленныя другъ отъ друга большими разстояніями. Эти отдѣльныя группы селъ и деревень и были готовыми хозяйственными единицами, изъ которыхъ складывались большія вотчины. По писцовымъ книгамъ мы видимъ, что обширныя вотчины Троице-Сергіева монастыря въ разныхъ уѣздахъ распадаются на такія гнѣзда поселеній, небольшія вотчины, составляющія отдѣльныя административно-хозяйственныя единицы. Обыкновенно село представляетъ хозяйственно-административный центръ тянущихъ къ нему деревень: въ селѣ помѣщаются дворъ монастырскій или дворъ прикащика, дворы служни; въ село стекаются натуральные и денежные оброки съ крестьянъ; наконецъ, каждому селу съ деревнями обыкновенно подводится отдѣльно частный итогъ сошнаго письма [1]). При такомъ составѣ и хозяйственно-административномъ дѣленіи большихъ вотчинъ, возстановленіе культуры на запустѣвшихъ земляхъ должно было совершаться путемъ возстановленія этихъ мелкихъ хозяйствъ. При отсутствіи же хозяйственной централизаціи даже на владѣніяхъ такихъ вотчинниковъ, какъ монастыри, поставленныхъ въ наиболѣе выгодныя хозяйственныя условія, эта цѣль, возстановленіе и поддержаніе отдѣльныхъ, мелкихъ хозяйствъ, удобнѣе всего достигалась отдачей ихъ или въ пожизненное, безвозмездное владѣніе съ обязательствомъ «наполнити» или въ срочную аренду, на оброкъ. Аренда въ самыхъ разнообразныхъ формахъ была, повидимому, излюбленной хозяйственной системой крупныхъ землевладѣльцевъ древней Руси, начиная съ удѣльнаго князя XIV—XV вѣковъ [2]).

Формами условныхъ владѣній, посредствомъ которыхъ поддерживалась и возобновлялась земледѣльческая культура на большихъ

[1]) Примѣры въ I томѣ Писц. книгъ, изд. Геогр. Обществомъ.

[2]) «Намѣстники и волостели со своими тіунами и доводчиками были правительственными арендаторами у князя-хозяина, подобно тому какъ перехожіе крестьяне были поземельными арендаторами у вотчинника XV в. Сходство аренды того и другаго рода простиралось даже на ея условія». Ключевскій, Боярск. Дума, стр. 116.

вотчинахъ, были: 1) пожизненное безвозмездное владѣніе, 2) пожизненное или срочное оброчное держаніе и 3) помѣстье [1]). Чтобы понять бытовыя условія появленія помѣстья на большихъ вотчинахъ, слѣдуетъ выяснить, въ какихъ пунктахъ сближалось, отождествлялось и въ какихъ болѣе или менѣе далеко расходилось помѣстье съ другими формами мелкихъ, условныхъ владѣній на крупныхъ вотчинахъ. Градовскій, какъ мы видѣли, указалъ на самостоятельное возникновеніе помѣстнаго права на церковныхъ земляхъ, независимо отъ вліянія помѣстнаго права въ его государственномъ значеніи. Но Градовскій отыскивалъ только идею помѣстья, идею условнаго пожалованія правъ частной собственности и вывелъ ее изъ другой идеи о верховномъ собственникѣ и его неотчуждаемой собственности; но онъ оставилъ въ сторонѣ бытовую почву, на которой выросло церковное помѣстье, и характеристика послѣдняго вышла очень блѣдной и неясной. Проф. Горчаковъ уже прямо связалъ помѣстье съ различными способами эксплуатаціи митрополичьей каѳедрой принадлежащихъ ей земель: оброчнымъ держаніемъ и пожизненнымъ владѣніемъ. Но и его выводы не достигли достаточной опредѣленности. «Изъ отдачи земель каѳедры въ пожизненное владѣніе съ теченіемъ времени образовалась раздача земель въ помѣстье». «Система раздачи земель каѳедры въ помѣстья явилась, какъ дальнѣйшая степень историческаго развитія отдачи каѳедрою земель въ пожизненное владѣніе разнымъ лицамъ». Въ чемъ же состояла эта «дальнѣйшая степень» развитія отдачи земель въ пожизненное владѣніе, какія обстоятельства переродили эту форму аренды въ помѣстье? На этотъ вопросъ проф. Горчаковъ не далъ положительнаго и опредѣленнаго отвѣта. Появленіе помѣстья на церковныхъ земляхъ онъ отвелъ къ концу XV в., когда земли каѳедры стали сдаваться въ пожизненное владѣніе исключительно служилымъ людямъ митрополита, вслѣдствіе чего всѣ стороннія лица, имѣвшія митрополичьи земли въ пожизненномъ владѣніи, обратились въ разрядъ

[1]) Сложную и, вѣроятно, исключительную форму аренды представляетъ сдѣлка, заключенная въ 1490 г. Андреемъ Ушаковымъ съ властями Новинскаго митрополичьяго монастыря. Ушаковъ купилъ за полтора рубля селище, но не впрокъ, «а доколѣ родъ изведетца». Кромѣ одновременнаго взноса покупной цѣны, Ушаковъ обязуется выплачивать монастырю ежегодно оброкъ, по три четверти ржи. «Изведется родъ Андреевъ», и то селище со всѣми угодьями возвращается монастырю. Наконецъ, Ушаковъ даетъ обычное обязательство о неосвоеніи того селища ему самому, дѣтямъ, роду и о неотчужденіи на сторону мимо монастыря. Такимъ образомъ по формѣ — это купчая сдѣлка, по существу оброчное держаніе. А. отн. до юр. б., I, ст. 491—495.

митрополичьихъ боярскихъ дѣтей. Эта перемѣна является въ концѣ XV в., «стало быть въ такое время, когда впервые появляется помѣстная система и въ государственномъ строѣ русской земли». Изъ этого разсужденія можно заключить, что «дальнѣйшая степень историческаго развитія отдачи земель въ пожизненное владѣніе» выразилась только въ томъ, что на пожизненное владѣніе церковной землей была перенесена основная черта государева помѣстья, именно условіе обязательной службы. Итакъ, въ данномъ случаѣ проф. Горчаковъ остается при общепринятомъ мнѣніи, что церковное помѣстье есть лишь копія помѣстья государственнаго. Но въ примѣчаніи къ той страницѣ текста, съ которой мы взяли только что приведенныя строки о происхожденіи помѣстья, высказывается совершенно другой взглядъ на этотъ вопросъ, трудно согласимый съ высказаннымъ въ текстѣ: «кажется, названіе помѣстья и развитіе на Руси, во владѣніяхъ митрополита, помѣстной системы отчасти образовались подъ вліяніемъ тѣхъ статей кормчей книги, въ которыхъ говорится о «сажденіи», locatio или μισθώσις». Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается и различіе экономическаго свойства между землями, отдаваемыми въ пожизненное владѣніе и въ помѣстье: «въ пожизненное владѣніе шли всегда земли ненаселенныя, между тѣмъ въ помѣстье отдавались и населенныя и ненаселенныя земли каѳедры» [1]). Итакъ, въ концѣ концовъ, въ результатѣ своего изслѣдованія о происхожденіи помѣстья М. И. Горчаковъ оставляетъ читателя между двумя трудно согласимыми и не формулированными точно рѣшеніями.

Обратимся къ скуднымъ источникамъ, чтобы объяснить связь помѣстья съ тѣми формами отдачи земель въ условное владѣніе, посредствомъ которыхъ поддерживались и возстановлялись мелкія хозяйства, составныя части крупной вотчины. Выбирая изъ источниковъ черты, характеризующія ту или другую изъ этихъ формъ, мы должны не забывать разнообразія и неполноты поземельныхъ документовъ XV—XVI вѣковъ. Напримѣръ, объ условіяхъ отдачи земли въ пожизненное владѣніе или на оброкъ мы узнаемъ или изъ жалованной грамоты отъ имени собственника земли или изъ доклада довѣреннаго лица, агента собственника, заключившаго отъ его имени сдѣлку, или, наконецъ, изъ отписной грамоты самого пожалованнаго лица собственнику. Многіе изъ этихъ актовъ недостаточно полны и послѣдовательны съ формальной стороны, не

[1]) Op. cit., стр. 231, 247—248.

всегда даютъ полное перечисленіе всѣхъ условій заключенной сдѣлки. Слѣдующій примѣръ характеризуетъ формальные недостатки поземельныхъ актовъ того времени. О томъ, что данная въ 1498 г. митрополитомъ Симономъ грамота Некрасу и Дрозду Юрьевымъ, есть грамота помѣстная, мы узнаемъ только по счастливой случайности, сохранившей ее въ одномъ судномъ дѣлѣ. Въ самой грамотѣ термина «помѣстье», выражающаго сущность пожалованія, нѣтъ.

Полный кругъ условій помѣстнаго владѣнія на церковныхъ земляхъ въ концѣ XV в. достаточно ясно раскрывается въ единственной доселѣ извѣстной помѣстной грамотѣ этого времени. «Божіею милостью се азъ Симонъ, митрополитъ всеа Руси, пожаловалъ есмь Некраса да Дрозда, Васильевыхъ дѣтей Юрьевича, церковными Пречистые Богородици и Святыхъ Чудотворецъ Петра Алексѣа и Іоны и своими митрополскими деревнями съ селци всѣми, на Уноражѣ, въ Костромскомъ уѣздѣ, и съ всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и къ селцомъ потягло изстарины, да и съ своимъ митрополскимъ оброкомъ; а вѣдаютъ и пашутъ тѣ деревни и селища Некрасъ и Дроздъ на себя; а кто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жити хрестіанъ, и тѣхъ своихъ хрестіанъ Некрасъ да Дроздъ вѣдаютъ и судятъ сами; а въ прокъ имъ себѣ тѣхъ деревень и селищъ, и что къ нимъ изстари потягло, не освоить, ни продать, ни закабалить, ни по душѣ не дать, ни иною никоторою хитростью отъ церкви Божіей не отстаивать, занеже тѣ деревни церковные Пречистые Богородици и Святыхъ Чудотворцевъ, митрополитовъ Петра и Алексѣа и Іоны, и наши митропольскія изстарины»... [1]).

Можно такъ формулировать условія помѣстнаго владѣнія, раскрывающіяся въ этой грамотѣ: 1) подтверждаются права собственности вотчинника, какимъ въ данномъ случаѣ является митрополичья каѳедра; 2) помѣщикамъ предоставляется вся полнота владѣнія и пользованія, какая только принадлежитъ вотчиннику; 3) помѣщикъ лишенъ права какимъ бы то ни было образомъ отчуждать помѣстье. Въ этомъ послѣднемъ условіи скрываются еще два другихъ: 4) если помѣщикъ лишенъ права отчужденія, то помѣстное пожалованіе является личнымъ, а не наслѣдственнымъ; и, наконецъ, 5) если помѣстье со временемъ должно снова вернуться во владѣніе вотчинника, оно возвращается со всѣми сдѣланными въ немъ примыслами, какъ результатомъ хозяйственной дѣятельности помѣщика.

[1]) А. Ю., № 8.

*

Всѣ эти условія помѣстнаго владѣнія мы находимъ и въ другихъ извѣстныхъ намъ актахъ о помѣстьяхъ на церковныхъ земляхъ и частныхъ вотчинахъ. Но, какъ мы замѣтили выше, не всѣ эти акты перечисляютъ полный кругъ условій; нѣкоторыя частныя условія могутъ быть только выведены изъ другихъ, болѣе общихъ. Такъ въ записи братьевъ Ѳениныхъ Солотчинскому монастырю дается обязательство о неотчужденіи помѣстья и подтверждаются права собственности монастыря [1]). Въ помѣстной грамотѣ 1538 г. кн. Ѳед. Мих. Мстиславскаго его сыну боярскому Ив. Толочанову излагаются только самый фактъ пожалованія, финансовыя и судебныя льготы [2]). Въ послушной грамотѣ на помѣстье новгородскаго митрополита Варлаама софійскому сыну боярскому Мих. Вындомскому указаны только принятыя на себя помѣщикомъ обязанности «тѣ пустоши распахати и крестьянъ на нихъ называти и учинити ихъ въ жилѣ», и обязанности крестьянъ по отношенію къ помѣщику [3]). Обязанность поддерживать и развивать культуру даннаго въ помѣстье участка была несомнѣнно однимъ изъ условій помѣстнаго пожалованія. Мы привели различные виды помѣстныхъ документовъ. Каждый изъ нихъ отмѣчаетъ какую-нибудь одну черту помѣстнаго владѣнія, сообразно своей спеціальной цѣли. Всѣ эти черты прямо или въ скрытомъ видѣ мы нашли уже въ древнѣйшей помѣстной грамотѣ.

Выясненіе связи помѣстнаго владѣнія съ различными формами аренды на частновладѣльческихъ вотчинахъ мы начнемъ съ вопроса о тождествѣ или различіи цѣлей, съ которыми земля отдавалась въ пожизненное владѣніе, на оброкъ, въ помѣстье. Мы видѣли, что насущною потребностью крупнаго вотчиннаго землевладѣнія была децентрализація хозяйственнаго управленія, устройство мелкихъ зависимыхъ хозяйствъ, которыя бы поддерживали и возобновляли земледѣльческую культуру на отдѣльныхъ частяхъ вотчины. Эта хозяйственная цѣль выражалась въ актахъ, устанавливающихъ пожизненное или оброчное владѣніе, обязательствомъ со стороны владѣльца возвратить по смерти данную ему землю со всѣми плодами его хозяйственной дѣятельности: «а что на той пустоши примышлю хлѣба и денегъ и животины, и то со всѣмъ тѣмъ по моемъ животѣ Пречистой въ домъ да святому митрополиту» [4]). Иногда это обязатель-

[1]) А. И., I, № 118; А. И. Пискаревъ, Древн. грамоты Рязанск. края, № 10.

[2]) Акты Н. П. Лихачева, стр. 206.

[3]) А. И., I, № 244.

[4]) А. отн. до юр. б., I, № 68, 69 (II), 118 (II, VI); А. Э., I, № 74.

ство выражается въ другой формѣ: владѣлецъ обязывается пустыя земли распахивать, дворы ставить, крестьянъ называть, однимъ словомъ «наполнять» данную ему землю [1]). Теперь спрашивается, какое значеніе имѣла эта культурно-хозяйственная цѣль при отдачѣ земли въ помѣстье? Обычный взглядъ на помѣстье, какъ на форму землевладѣнія по преимуществу служилаго, выдвигаетъ, какъ единственную цѣль помѣстнаго пожалованія, интересъ службы [2]). Но существуютъ факты, доказывающіе, что и хозяйственно-культурная цѣль имѣла большое значеніе въ помѣстномъ пожалованіи. Въ помѣстье шла земля не только культурная, но и пустопорожняя. Правительство наполняло оклады служилыхъ людей иногда цѣликомъ пустопорожней землей и во второй половинѣ XVI-го и въ XVII-мъ вѣкѣ, когда помѣстье дѣйствительно имѣло одно только назначеніе—доставлять извѣстное количество боевой силы. Но пустопорожняя земля не могла выполнить такого назначенія, будучи мертвымъ капиталомъ. Несеніе службы съ нея требовало предварительной хозяйственной работы, которая привела бы пустоши въ культурное состояніе, «въ живущее». Слѣдовательно, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пустая земля давалась въ помѣстье съ исключительной цѣлью обезпечить ею какую-нибудь службу, эта цѣль сама по себѣ предполагала другую, хозяйственную задачу. Хозяйственная потребность, которая вызвала появленіе различныхъ формъ аренды на крупныхъ вотчинахъ, также удобно достигалась отдачей земли въ помѣстье, какъ и въ пожизненное владѣніе и на оброкъ: помѣщикъ уже въ своихъ личныхъ цѣляхъ долженъ былъ развивать культуру помѣстья, а возвращаясь въ руки собственника, помѣстье поступало къ нему со всѣми плодами хозяйственной дѣятельности помѣщика. Въ помѣстныхъ актахъ находимъ и прямыя указанія на то, что раздача земель въ помѣстья преслѣдовала также и хозяйственныя цѣли. Въ послушной грамотѣ на помѣстье новгородскаго митрополита Варлаама софійскому сыну боярскому Мих. Вындомскому указаны принятыя на себя помѣщикомъ обязанности «тѣ пустоши распахати и крестьянъ на

1) А. отн. до юр. б., I, № 118, VI. См. также приведенные выше документы о сдѣлкахъ монастырей съ ихъ вкладчиками.

2) Проф. Горчаковъ проводитъ рѣзкое различіе между помѣстнымъ и пожизненнымъ владѣніемъ въ томъ отношеніи, что въ пожизненное владѣніе шли всегда земли ненаселенныя; между тѣмъ въ «помѣстье отдавались и населенные и ненаселенныя земли каѳедры». Op. cit., стр. 248. Но изъ цитированныхъ имъ документовъ о пожизненномъ владѣніи нѣкоторые говорятъ и о населенныхъ земляхъ, наприм. А. отн. до юр. б., I, № 69, II; № 118, II, V, IX; А. Э. I, 74, I, II. И монастыри, какъ мы видѣли, отдавали своимъ вкладчикамъ населенныя земли.

нихъ называти и учинити ихъ въ жилѣ» [1]). Помѣстная грамота 1610 г. митрополита Исидора софійскимъ дѣтямъ боярскимъ Ивану и Якову Раковымъ разсказываетъ, что даннымъ имъ помѣстьемъ раньше владѣлъ Исакъ Болотовъ, который «то свое помѣстье, живучи, своимъ бездѣльнымъ житьемъ запустошилъ, и крестьянъ своихъ всѣхъ своимъ насильствомъ розогналъ отъ себя вонъ изъ помѣстья: и Ивану да Якову Раковымъ въ то свое новопридачное помѣстье старыхъ крестьянъ, сыскавъ, призывати и пашня распахати, а не запустошити». Крестьянамъ предписывается стараго помѣщика Исака Болотова не слушать ни въ чемъ, дани и оброка ему не давать; слѣдовательно, помѣстье отнято было у Болотова за его нерадѣніе и неумѣлое хозяйничанье [2]). Въ помѣстной выписи помѣщикамъ Шиловскимъ 1570 г. имъ дается наставленіе: «и Дмитрію да Данилу тѣмъ помѣстьемъ владѣти и доходъ съ крестьянъ имати и пашню на себя пахати велѣти, а того помѣстья не опустошити и дворовъ не развозити и пашни не переложити» [3]). Такимъ образомъ въ помѣстномъ пожалованіи должны были совмѣщаться двѣ цѣли, хозяйственная и служебная; обѣ онѣ были тѣсно связаны между собой и послѣ того, какъ съ половины XVI в. помѣстье окончательно становится спеціальной формой военно-служилаго землевладѣнія. Даже въ эту позднюю эпоху служебная цѣль не могла окончательно вытѣснить цѣли хозяйственной, не смотря на то, что съ половины XVI в. обѣ онѣ исключали другъ друга: невозможно было одновременно нести службу и быть хозяиномъ—колонизаторомъ. Служилые люди въ сознаніи этой невозможности прямо отказывались брать въ помѣстья пустопорожнія земли «за пустомъ», т. е. по причинѣ ихъ пустоты.

Разграниченіе правъ собственности вотчинника, дающаго помѣстье, и правъ владѣнія помѣщика проводится почти въ тождественныхъ выраженіяхъ какъ въ помѣстныхъ документахъ, такъ и въ актахъ, устанавливающихъ другія формы условнаго владѣнія. Въ грамотахъ на пожизненное и оброчное владѣніе права собственности вотчинника ограждаются отказомъ владѣльца отъ всѣхъ правъ распоряженія, которыя перечисляются болѣе или менѣе подробно. Подобныя же обязательства принимаютъ на себя и помѣщики въ древнѣйшихъ помѣстныхъ актахъ. Въ помѣстной грамотѣ м. Симона 1498 г. его дѣтямъ боярскимъ Некрасу и Дрозду Юрье-

[1]) А. И., I, № 244

[2]) Ibid., II, № 281.

[3]) Акты Н. П. Лихачева, стр. 245.

вымъ помѣщики даютъ обязательство: «а въ прокъ имъ себѣ тѣхъ деревень и селищъ, и что къ нимъ изстари потягло, не освоить, ни продать, ни закабалить, ни по душѣ не дать, ни иною никоторою хитростью отъ церкви Божіей не отстаивать, занеже тѣ деревни церковныя Пречистые Богородици и Святыхъ Чудотворцевъ Митрополитовъ Петра и Алексѣа и Іоны и наши митрополскія изстарины». Братья Ѳенины, получившіе по своему челобитью отъ властей Солотчинскаго монастыря помѣстье, пишутъ обязательство, что имъ того помѣстья «не освоивать, не окняживать, не продавать..., а та деревня, починокъ и земля Пречистой монастыря Солотщинскаго и Онрхимандрита Досоѳѣя съ братьею». Но въ другихъ помѣстныхъ актахъ не только второй, но и первой половины XVI в. подтвержденій правъ собственности вотчинника и обязательствъ о неотчужденіи мы уже не встрѣчаемъ. Понятіе помѣстнаго владѣнія, очевидно, успѣло окрѣпнуть и опредѣлиться. Самый терминъ «помѣстье» уже достаточно ясно формулировалъ разграниченіе права собственности вотчинника и права владѣнія помѣщика. Разграниченіе правъ собственника и помѣщика въ первоначальную эпоху исторіи помѣстья нужно было еще и потому, что въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ актахъ, устанавливающихъ помѣстное владѣніе, не упоминается самаго термина «помѣстье». Что грамота м. Симона 1498 г. его дѣтямъ боярскимъ и грамота великаго князя Василія Ивановича 1507 г. его сытнику Курбатку Третьякову суть помѣстныя грамоты, объ этомъ мы узнаемъ только изъ судныхъ списковъ, въ которыхъ обѣ грамоты сохранились.

Такое же формальное тождество наблюдается и въ опредѣленіи правъ владѣнія помѣщика, пожизненнаго владѣльца, оброчнаго держателя. Когда въ помѣстныхъ актахъ опредѣляются права владѣнія помѣщика, онѣ формулируются въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и права пожизненнаго владѣльца и оброчнаго держателя: «а вѣдаютъ и пашутъ тѣ деревни и селища Некрасъ и Дроздъ на себя; а кто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жити хрестіанъ, и тѣхъ своихъ хрестіанъ Некрасъ да Дроздъ вѣдаютъ и судятъ сами». «И Дмитрію да Данилу тѣмъ помѣстьемъ владѣти и доходъ съ крестьянъ имати и пашню на себя пахати велѣти». Вся полнота правъ владѣнія помѣщика, также какъ пожизненнаго и оброчнаго владѣльца сводилась къ неограниченному пользованію всѣми статьями хозяйства, къ извлеченію изъ него всѣхъ возможныхъ доходовъ [1]).

[1]) Ср. акты о пожизненномъ и оброчномъ владѣніи, А. отн. до юр. б., I, №№ 68, 69, 118; А. Э., I, № 74.

Неограниченное хозяйственное пользованіе составляло постоянную и неизмѣнную сущность правъ владѣнія помѣщика, пожизненнаго и оброчнаго владѣльца [1]). Итакъ, разграниченіе правъ собственника отъ правъ помѣщика, пожизненнаго владѣльца и оброчнаго держателя, и опредѣленіе правъ владѣнія были пунктами, въ которыхъ всѣ формы эксплуатаціи крупными вотчинниками ихъ земель близко сходились.

Слѣдующимъ пунктомъ, гдѣ можетъ быть поставленъ вопросъ о сходствѣ или различіи помѣстья и другихъ формъ условнаго владѣнія, было личное отношеніе временнаго владѣльца къ вотчиннику. Въ этомъ пунктѣ принято проводить рѣзкое различіе между помѣстьемъ съ одной стороны, оброчнымъ держаніемъ и пожизненнымъ владѣніемъ съ другой. Земля въ помѣстье дается исключительно для службы, слѣдовательно помѣстное владѣніе необходимо предполагаетъ личныя служебныя отношенія помѣщика къ собственнику земли; въ этомъ рѣшительное отличіе помѣстья отъ разныхъ формъ аренды, въ которыхъ личныя отношенія не имѣютъ значенія. Но и этотъ взглядъ требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Хотя личныя служебныя отношенія помѣщика къ собственнику земли и составляютъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ юридической природы помѣстнаго владѣнія, но на практикѣ, въ извѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ, помѣстье не такъ далеко расходилось съ разными формами аренды на большихъ вотчинахъ. Вотчинникъ, сдавая отдѣльныя хозяйства въ аренду на разныхъ условіяхъ, конечно, выбиралъ арендаторовъ изъ того круга лицъ, съ которымъ онъ находился въ болѣе или менѣе постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ. Чѣмъ шире былъ этотъ кругъ, тѣмъ разнообразнѣе былъ и личный составъ арендаторовъ. На монастырскихъ вотчинахъ сѣть условныхъ владѣній устраивалась, какъ результатъ разнообразныхъ духовныхъ и матеріальныхъ связей между монастыремъ и его вкладчиками, принадлежавшими ко всѣмъ классамъ общества. Въ числѣ арендаторовъ земель Солотчинскаго монастыря былъ даже князь Ѳедоръ Васильевичъ Рязанскій, взявшій въ 1502 г. на оброкъ въ пожизненное владѣніе одну деревню [2]). Также обширны были личныя связи митрополитовъ и владыкъ; и въ числѣ пожизненныхъ

[1]) Изъ хозяйственной цѣли, которая руководила раздачей земель на оброкъ, въ пожизненное владѣніе, въ помѣстье, должно было вытекать только одно ограниченіе правъ владѣнія: требовалось вести хозяйство раціональное, а не хищническое. Мы знаемъ, что за запустошеніе помѣстье могло быть отобрано.

[2]) Пискаревъ, Древн. грамоты рязанскаго края, № 9.

владѣльцевъ и оброчныхъ держателей митрополичьихъ земель мы встрѣчаемъ крестьянъ, бояръ, удѣльнаго князя [1]). Но въ личномъ составѣ арендаторовъ земель митрополита, владыкъ и другихъ вотчинниковъ, окруженныхъ штатомъ служилыхъ людей, послѣдніе, безъ сомнѣнія, преобладали. Человѣкъ, связанный съ вотчинникомъ личными служебными отношеніями, былъ, конечно, наиболѣе удобнымъ арендаторомъ его земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ отдача земли въ аренду служилымъ людямъ была и однимъ изъ средствъ ихъ содержанія. Какъ помѣщикъ не только служилъ съ данной ему земли, но и несъ всѣ обязанности хозяина-колонизатора, такъ и служилый человѣкъ, арендуя землю своего господина, получалъ съ нея средства для своей службы. Такимъ образомъ крупный вотчинникъ, бояринъ, владыка, удѣльный князь, сдавая землю въ аренду съ хозяйственной цѣлью своему служилому человѣку, достигалъ косвенно и другой цѣли, обезпечивалъ содержаніе своего слуги, какъ, съ другой стороны, отдавая землю въ помѣстье, онъ косвенно удовлетворялъ и существенной потребности своего хозяйства, дѣлая помѣщика одновременно хозяиномъ-арендаторомъ. Дѣйствительно, служилые люди богатыхъ вотчинниковъ получали земли не только въ помѣстье, но и въ аренду на различныхъ условіяхъ, въ пожизненное владѣніе или на оброкъ. Такъ арендаторами земель митрополичьей каѳедры были и служилые люди митрополита, его бояре, дѣти боярскіе, дьяки [2]). Московскіе государи, эксплуатируя новозавоеванныя земли, напримѣръ послѣ покоренія Новгорода, отдавали ихъ служилымъ людямъ не только въ помѣстье, но и въ оброчное владѣніе.

Такъ на большихъ вотчинахъ князей, іерарховъ, бояръ въ личномъ составѣ арендаторовъ долженъ былъ преобладать тотъ элементъ, который составлялъ ядро и помѣстнаго класса, то есть, служилые люди. Этой близостью помѣстнаго владѣнія съ другими формами аренды, какъ по хозяйственной цѣли, которой всѣ онѣ отвѣчали, такъ и по полнотѣ правъ владѣнія и по личному составу владѣльцевъ, можетъ быть объяснено происхожденіе того исключительнаго, безъ сомнѣнія, факта, что помѣщиками являлись

[1]) Въ 1460 г. м. Іона далъ князю Дмитрію Ивановичу по его прошенію и челобитью свое село домовное Кусуновское во Владимірскомъ у. съ пустошами, лугами, угодьями; князю владѣть эгимъ селомъ до живота, а по смерти отдать Пречистой въ домъ со всѣмъ, что будетъ примышлено хлѣба и животины. Рум. Музей. Записная книга актамъ московской митрополіи, Сборн. Бѣляева, № 1620, л. 212; А. Э., I, № 74, IV; А. отн. до юр. б., I, № 69, II; М. И. Горчаковъ, О земельн. владѣн., прилож., стр. 82.

[2]) М. И. Горчаковъ, Op. cit., стр. 241 и слѣд.

лица, не связанныя служебными отношеніями съ собственникомъ земли. Неволинъ, считая помѣстья на церковныхъ земляхъ лишь точной копіей государственной помѣстной системы, съ недоумѣніемъ остановился на грамотѣ великой княгини Маріи Ярославовны Нерехотскимъ тіуну и доводчикамъ 1468—1474 гг. Въ этой грамотѣ сообщается такой фактъ: «билъ ми челомъ Троице-Сергіева монастыря игуменъ Спиридоней съ братьею о томъ, что имъ далъ въ домъ Живоначальныя Троицы Василей Борисовичъ селцо Егорей Святый въ помѣстье, въ моей волости въ Нерехтѣ, къ ихъ селу къ Лихоревскому» [1]). Неволинъ сопровождаетъ это извѣстіе очень туманнымъ комментаріемъ: «здѣсь, очевидно, дается монастырю земля въ помѣстье не отъ казны, а отъ частнаго лица, и дается въ помѣстье не въ томъ строгомъ смыслѣ, въ какомъ служилые люди владѣли помѣстьями, потому что монастырь по отношенію къ частному лицу не могъ нести такихъ обязанностей, какія несли служилые люди по отношенію къ правительству, а въ смыслѣ только владѣнія, противоположнаго и вотчинному и тяглому, и приближавшагося къ обыкновенному помѣстному по выгодамъ, которыя давало оно монастырю и, можетъ быть, по срочности, которою оно было ограничено; въ такомъ смыслѣ слово помѣстье могло быть особенно употреблено тогда, когда самое право помѣстное, въ строгомъ смыслѣ этого слова, еще не образовалось» [2]). Насколько намъ извѣстно, никто изъ послѣдующихъ ученыхъ не останавливался на этомъ фактѣ. Изъ записи братьевъ Ѳениныхъ Солотчинскому монастырю 1510 г. мы видимъ, что и монастыри съ своей стороны давали помѣстья постороннимъ лицамъ по ихъ челобитью, помимо какихъ-либо служебныхъ отношеній сторонъ. Эти исключительные случаи, когда помѣстьемъ владѣли лица, не связанныя службой съ собственниками земли, случаи, прямо противорѣчащіе, повидимому, самой идеѣ помѣстнаго владѣнія, объясняются единствомъ той обстановки, тѣхъ потребностей крупнаго вотчиннаго хозяйства, среди которыхъ выросли помѣстье и другія формы условнаго владѣнія. Помѣстное пожалованіе неслужилому человѣку, хотя и нарушало юридическую природу помѣстья, было естественнымъ результатомъ связей помѣстнаго владѣнія съ другими формами условнаго владѣнія. Если отъ помѣщика требовалась такая же хозяйственная дѣятельность, какъ отъ всякаго другаго арендатора, если, съ другой стороны, земля, отданная въ аренду служи-

[1]) А. Э., I, № 84.

[2]) П. С. С , IV, стр. 199.

лому человѣку, дѣлалась такой же служилой землей, какъ и помѣстье, если, наконецъ, и арендаторами и помѣщиками одинаково являлись служилые люди, то нетрудно было сдѣлать и обратный шагъ, признать право на помѣстное пожалованіе за неслужилымъ человѣкомъ. Но эти исключительные случаи не поколебали господствующаго значенія помѣстья, какъ служилой земли, и помѣстный классъ по личному составу остался классомъ служилымъ.

Остается еще одинъ вопросъ: было ли когда-нибудь помѣстное владѣніе возмезднымъ, входила ли въ число его условій плата оброка? Арендная плата устанавливалась при различныхъ способахъ эксплуатаціи крупными вотчинниками ихъ земель. Такъ плата оброка вводилась иногда въ число условій пожизненнаго владѣнія, которое обыкновенно было безвозмезднымъ; иногда уплатѣ оброка предшествовалъ рядъ льготныхъ годовъ; ежегодный оброкъ уплачивался даже при продажѣ земли въ потомственное владѣніе, «доколѣ родъ изведетца». Опредѣляющимъ мотивомъ установленія арендной платы, тѣхъ или другихъ условій ея взиманія, было культурное состояніе арендуемаго хозяйства. Абсолютная пустота, бездоходность земли побуждала отдавать землю въ безвозмездное пожизненное владѣніе, довольствоваться тѣмъ, что она современемъ возвратится въ руки собственника со всѣми плодами хозяйственной дѣятельности арендатора. Культурное состояніе земли, а въ особенности наличность какихъ-либо спеціальныхъ доходныхъ статей и угодій, рыбныхъ ловель, бортей, давали возможность собственнику требовать отъ арендатора періодической платы оброка. Нѣкоторыя свидѣтельства источниковъ вводятъ, повидимому, оброкъ въ число условій и помѣстнаго владѣнія. Въ выписи 1553 г. изъ рязанскихъ писцовыхъ книгъ о владѣніяхъ Богословскаго монастыря находимъ перечень монастырскихъ селъ и деревень, которыя «были въ нагодчинѣ (на оброкѣ) за дѣтьми за боярскими по грамотамъ великаго князя рязанскаго: и по цареву великаго князя наказу тѣ деревни розданы дѣтямъ боярскимъ въ помѣстье; а нагодчина имъ платить по книгамъ двутретныхъ писцовъ кн. Ѳед. Сем. Мезецкаго да Третьяка Михайлова сына Дубровина съ товарищи». Можно предполагать, что въ данномъ случаѣ нагодчина или оброкъ былъ установленъ для вознагражденія монастыря за отобранную въ помѣстья землю [1]). Въ одной изъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ 1539 г. встрѣчаемъ оброкъ съ придаточныхъ обежъ на помѣстныхъ земляхъ [2]). Въ Ка-

[1]) Пискаревъ, Древн. грам. Рязанскаго края, № 18.

[2]) Наприм., въ Новг. писц. кн., т. IV, ст. 306: «а на придаточные обжы положено

ширскомъ уѣздѣ во второй половинѣ XVI в. многіе помѣщики платили оброкъ съ находившихся на ихъ земляхъ доходныхъ статей [1]), такъ что земля одновременно находилась въ помѣстномъ и оброчномъ владѣніи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда источники упоминаютъ о платежѣ оброка съ помѣстья, оброкъ связанъ съ какой-нибудь особенностью въ положеніи помѣстья: необходимостью вознаградить прежняго собственника розданной въ помѣстья земли, излишнимъ количествомъ земли сверхъ оклада, наличностью доходныхъ статей, пользованіе которыми выдѣлялось собственно изъ помѣстнаго владѣнія. При отсутствіи подобныхъ исключительныхъ условій, въ общемъ порядкѣ способовъ эксплуатаціи земель крупными вотчинниками, отдача земли въ помѣстье и на оброкъ ясно раздѣляются, какъ два различныхъ способа. Въ разнообразныхъ документахъ, устанавливающихъ помѣстное владѣніе, намъ ни разу не пришлось встрѣтить упоминанія объ оброкѣ.

Мы разсмотрѣли ту обстановку крупнаго вотчиннаго хозяйства, въ которой впервые появляется помѣстье. Хотя уже первыя, древнѣйшія извѣстія достаточно ясно очерчиваютъ служилый характеръ помѣстнаго владѣнія, помѣстье оказывается тѣсно связаннымъ съ другими формами эксплуатаціи крупными вотчинниками ихъ земельныхъ богатствъ. Эта связь раскрывается въ цѣли помѣстнаго пожалованія, въ разграниченіи правъ помѣщика и вотчинника, въ опредѣленіи объема правъ владѣнія, наконецъ въ личномъ составѣ помѣщиковъ; объясняется же она единствомъ хозяйственнаго интереса, который по общимъ экономическимъ условіямъ времени заставлялъ вотчинниковъ создавать на своихъ владѣніяхъ сѣть мелкихъ, зависимыхъ хозяйствъ. Сферу зарожденія помѣстья нѣтъ надобности искать исключительно въ дворцовомъ вѣдомствѣ удѣльнаго князя или въ церковномъ землевладѣніи. Такой сферой была вообще большая вотчина свѣтскаго или духовнаго лица и учрежденія. Необходимость эксплуатировать ее посредствомъ мелкихъ хозяйствъ вызвала появленіе различныхъ формъ аренды, выборъ личнаго состава арендаторовъ изъ штата служилыхъ людей вотчинника придавалъ нѣкоторымъ изъ этихъ формъ аренды служилый характеръ. Когда служебная цѣль при раздачѣ земли въ условное владѣніе перевѣшивала хозяйственную (но она

вел. князя оброку, сверхъ обежной дани, полпята алтына, со обжы по алтыну». Срв. 313, 330, 386.

[1]) Писц. книги Каширы съ уѣздомъ во II т. Писц. кн., изд Геогр. Общ.

ее никогда не исключала), тогда получалась спеціальная форма служилаго землевладѣнія, помѣстье.

Какъ вообще на крупныхъ вотчинахъ основная хозяйственная потребность создавала различныя формы аренды, такъ въ частности на княжескихъ, государевыхъ земляхъ необходимость организаціи военной силы, матеріальнаго обезпеченія служилаго класса, создала различныя формы служилаго землевладѣнія. Необходимо прослѣдить связь помѣстья съ другими формами служилаго землевладѣнія на княжескихъ вотчинахъ также, какъ мы прослѣдили его связь съ различными формами земельной аренды вообще на крупныхъ вотчинахъ. Принято обыкновенно различать двѣ формы служилаго землевладѣнія, одинаковыя по существу лежащихъ на нихъ служебныхъ обязанностей, но совершенно различныя по ихъ юридической природѣ, вотчину и помѣстье; всѣ явленія изъ области служилаго землевладѣнія принято объяснять правомъ вотчиннымъ или помѣстнымъ. Но вотчиной и помѣстьемъ не исчерпывалась система служилаго землевладѣнія въ эпоху ея образованія въ Московскомъ государствѣ. Вотчина и помѣстье были наиболѣе развитыми, рѣзко очерченными юридически формами землевладѣнія. Разстояніе между ними наполнялось нѣкоторыми другими формами владѣнія, изъ которыхъ однѣ болѣе или менѣе приближались къ вотчинѣ, другія къ помѣстью. На эти посредствующія звенья, неопредѣленныя, туманныя по ихъ юридической природѣ, въ историко-юридической литературѣ мало обращалось вниманія.

Въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ московскихъ государей часто упоминаются нѣсколько загадочные разряды московскаго населенія: ордынцы, дѣлюи, числяки. По духовнымъ завѣщаніямъ Іоанна III, Василія III и Іоанна Грознаго эти люди съ ихъ землями всегда отдаются во владѣніе старшему сыну государя; упоминаются же они въ духовныхъ грамотахъ всегда послѣ города Москвы, Добрятинскаго села съ бортью и Васильцова ста [1]). По межевымъ грамотамъ великаго князя Ивана Васильевича 1504 г. на пожалованныя его сыну Юрію города Кашинъ, Дмитровъ, Звенигородъ и Рузу земли числяковъ и ордынцевъ исключаются изъ тѣхъ земель, которыя должны перейти по межевой къ Юрію Ивановичу: онѣ остаются во владѣніи великаго князя Василія; всѣ остальныя земли распредѣляются по принадлежности, согласно съ произведеннымъ межеваніемъ, «куда которая земля перешла» [2]).

[1]) С. Г. Гр. и Д., I, №№ 86, 87, 144; Д. А. И., I, № 222.

[2]) С. Г. Гр. и Д., I, стр. 352, 356, 362, 367, 376, 378, 382.

Итакъ, земли числяковъ и ордынцевъ отдѣлялись отъ частно-владѣльческихъ служилыхъ и черныхъ земель, принадлежали къ дворцовымъ землямъ, частнымъ владѣніямъ старшаго представителя дома московскихъ государей. Въ 1550 г. земли числяковъ и ордынцевъ вмѣстѣ съ «перевѣсными деревнями», «тетеревичами» и оброчными деревнями розданы были въ помѣстья избранной тысячѣ. По характеру лежавшихъ на нихъ государственныхъ повинностей земли числяковъ и ордынцевъ были отчасти тяглыми, отчасти служилыми; въ межевыхъ грамотахъ 1504 г. говорится: «и тѣмъ численнымъ людемъ и ордынцемъ тянути по старинѣ всякое тягло съ числяки и съ ордынцы къ сыну моему Василію» [1]). Изъ нѣкоторыхъ же княжескихъ договоровъ узнаемъ, что ордынцы и дѣлюи несли какую-то службу. Такъ въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1362 г. читаемъ: «а что наши ордынцы и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ»; въ договорѣ тѣхъ же князей 1388 г.: «а что наши ординцы и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ; а численныхъ людей блюсти ны съ одиного, а земель ихъ не купити»; въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ 1389 г.: «а численныхъ ны людей блюсти съ одинаго; а ординцы и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, како то было при нашемъ отци при великомъ князи; а земель ихъ не купити» [2]). Высказанныя въ ученой литературѣ догадки о числякахъ и ордынцахъ сводятся къ тому, что и самое происхожденіе этихъ разрядовъ населенія и лежащія на нихъ повинности или служба связаны съ татарскимъ владычествомъ; ближайшимъ образомъ эта связь не можетъ быть выяснена [3]). Названіе «дѣлюи» само по себѣ ясно указываетъ на принадлежность ихъ къ одному изъ низшихъ разрядовъ дворцовыхъ слугъ. Такимъ образомъ изъ черного тяглаго населенія въ окрестностяхъ Москвы подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ условій татарскаго владычества выдѣлились разряды лицъ, обязанныхъ службою, т. е. вѣроятно исполненіемъ какихъ-нибудь натуральныхъ повинностей. Особенность службы, которою обязаны были ординцы и дѣлюи, выдѣлила и земли ихъ въ особый разрядъ: эти земли не принадлежали ни къ собственно служилымъ, ни къ чернымъ—волостнымъ, были частной собственностью великихъ князей. Поэтому и владѣльцы этихъ земель, если

[1]) Ibid., стр. 352, 356.

[2]) Ibid., стр. 44, 56, 63.

[3]) В. И. Сергѣевичъ, Рус. Юрид. Древн., т. I, стр. 267—269.

и были людьми лично свободными, не обладали правами распоряженія.

Числяки, ордынцы, дѣлюи и по личному и по землевладѣльческому своему положенію были разрядомъ лицъ, посредствующимъ между чернымъ, тяглымъ, и дворцовымъ, служилымъ населеніемъ. Далѣе слѣдовалъ многочисленный классъ всевозможныхъ дворцовыхъ слугъ, вольныхъ и холоповъ [1]). Ихъ поземельное устройство было очень разнообразно и опредѣлялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ личнымъ состояніемъ слуги и характеромъ его службы. Низшій разрядъ дворцовыхъ слугъ, пашенные холопы, посаженные на пашню спеціально для обработки собственныхъ земель князя, по своему земельному устройству только въ томъ отношеніи отличались отъ крестьянъ, что были несвободны и, слѣдовательно, не имѣли правъ распоряженія тѣми землями, на которыхъ сидѣли. Съ теченіемъ времени пашенные холопы слились съ крестьянами [2]). Земельное устройство другаго разряда слугъ, промышленниковъ, обязанныхъ эксплуатировать разныя угодья и доходныя статьи на княжескихъ земель, было уже сложнѣе, въ зависимости отъ того, кто изъ этихъ слугъ былъ лично свободнымъ, кто — холопомъ, кто сидѣлъ на посадѣ, кто — въ селѣ или деревнѣ. Такіе слуги-промышленники, какъ рыболовы, сокольники, образовывали иногда цѣлыя слободы въ городахъ на посадахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ уставныя грамоты галицкимъ и переяславскимъ рыболовамъ и сокольникамъ [3]). Живя на посадахъ отдѣльными слободами, сокольники и рыболовы во многихъ отношеніяхъ сливались съ чернымъ, тяглымъ населеніемъ этихъ посадовъ, пока уставныя грамоты не выдѣляли ихъ изъ среды чернаго тяглаго населенія посредствомъ судебныхъ и податныхъ льготъ. Сближеніе дворцовыхъ слугъ-промышленниковъ съ тяглымъ населеніемъ выражалось и въ названіи ихъ крестьянами. Такъ, напримѣръ, крестьянами называютъ уставныя грамоты бобровниковъ Каменскаго стана въ 1509 г., рыболововъ Каменской слободы въ 1584 г. [4]). На сельскихъ земляхъ слуги-промышленники располагались небольшими поселками, дерев-

[1]) Ихъ перечни въ С. Г. Гр. и Д., I, стр. 74—75, 322. Самое подробное перечисленіе дворцовыхъ слугъ сдѣлано проф. Сергѣевичемъ, «Наблюдатель», 1887 г. № 1, стр. 79.

[2]) А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прям. обложенія, стр. 1—2; В. О. Ключевскій, Боярская Дума, стр. 81—82.

[3]) А. А. Э., I, №№ 142, 143, 147, 324, 341.

[4]) Ibid., №№ 150, 324.

нями и починками въ 1—3 двора [1]). Духовная грамота кн. Владиміра Андреевича разъясняетъ владѣльческія права всѣхъ этихъ дворцовыхъ слугъ-промышленниковъ; благословляя сына Ивана конюшимъ путемъ, Владиміръ Андреевичъ пишетъ: «а тѣхъ бортниковъ, или садовниковъ, или псарей, или бобровниковъ, или барашовъ, дѣлюевъ не въсхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну князю Ивану не надобѣ, на котораго грамоты полные не будетъ, а земли ихъ сыну князю Ивану» [2]). Такимъ образомъ въ землевладѣльческомъ положеніи дворцовыхъ слугъ глубокое различіе проводило прежде всего личное состояніе. Слуга холопъ, конечно, не обладалъ никакими правами, владѣлъ той землей, на которую былъ посаженъ господиномъ, и владѣлъ до тѣхъ поръ, пока было угодно господину. Но тѣ низшіе дворцовые слуги, которые не связаны были личной зависимостью, обладали всей полнотой землевладѣльческихъ правъ вольныхъ слугъ высшихъ разрядовъ. Свободно поступая на службу къ князю и свободно ее оставляя, они владѣли подъ условіемъ службы такими же псарскими, сокольничьими и т. п. землями, на какихъ сидѣли и слуги-холопы. Эти владѣнія вольныхъ и невольныхъ слугъ одинаково состояли въ вѣдѣніи разныхъ путей дворцоваго вѣдомства и были дворцовыми, частными имуществами князей. Но вольные слуги могли владѣть землями и на правѣ частной собственности и съ нихъ служить князю. Ихъ вотчины по характеру лежащихъ на нихъ повинностей также были псарскими, сокольничьими, бобровничьими и т. п., но онѣ не были дворцовыми землями, а составляли частную собственность вольныхъ слугъ. Поэтому нельзя подводить подъ категорію дворцовыхъ, частныхъ имуществъ князя всѣ встрѣчающіяся въ источникахъ поселенія дворцовыхъ промышленниковъ, если неизвѣстно точно личное состояніе послѣднихъ. Напримѣръ, вторая писцовая книга Тверскаго уѣзда въ волости Захожьѣ послѣ монастырскихъ вотчинъ перечисляетъ «деревни псарскія, за псари и за сокольники», «а крѣпости у псарей—купчіе и докладные и жалованные грамоты великаго князя Михаила Борисовича, и кабалы закладные, и съ крѣпостей взяты противни слово въ слово». Также въ волости Суземьѣ перечи-

[1]) Ibid., № 183; Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, стр. 132—133, 160, 177, 287—288, 290: села и деревни псарскія и сокольничьи въ Тверскомъ уѣздѣ.

[2]) С. Г. Гр. и Д., I, стр. 74—75. Тамъ-же: «а кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ, ни отъ сотниковъ; а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ». Ibid., стр. 77—78. Подъ дворскимъ служили не одни холопы.

сляются 5 деревень псарскихъ; въ числѣ крѣпостей на эти деревни упоминаются купчія грамоты; одна изъ деревень принадлежитъ Афинейскому монастырю, «а далъ ту деревню монастырю по душѣ псарь Позднякъ Мерлинъ» [1]). Очевидно, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ холопами, посаженными на частныя земли ихъ господина, а съ вольными слугами, сидящими на своихъ собственныхъ земляхъ, которыми они свободно распоряжаются. Но съ этихъ земель идетъ такая же дворцовая служба, какъ и съ собственно дворцовыхъ, населенныхъ холопами. Поэтому онѣ и группируются въ писцовыхъ книгахъ вмѣстѣ съ дворцовыми землями подъ общимъ именемъ псарскихъ, сокольничьихъ и т. д.

Кромѣ слугъ-землепашцевъ, слугъ-промышленниковъ, свободныхъ и несвободныхъ, у каждаго князя XIII — XVI вѣковъ, какъ у всякаго крупнаго вотчинника, были еще слуги-прикащики, администраторы, также свободные и не свободные [2]). Эти слуги, кромѣ исполненія разныхъ спеціальныхъ порученій по дворцовому хозяйству и управленію, разсаживались по отдѣльнымъ вотчинамъ, селамъ съ деревнями, которыми и управляли самостоятельно отъ имени своего господина. Въ духовной грамотѣ кн. Ивана Юрьевича Патрикѣева 1498 г. приведенъ интересный списокъ его ключниковъ, хозяйничавшихъ въ отдѣльныхъ его селахъ и собиравшихъ съ этихъ селъ доходы: «а што въ моихъ селехъ у моихъ ключниковъ моего серебра на рукахъ, у Головки въ Маковце полосмадесятъ рублевъ, а у Гриди у Панова въ Протасовскомъ осмьнатцать рублевъ, а у Шубы у трубніка въ Нижней слободѣ сорокъ рублевъ, и три рубли, а у Ѳѳонасья въ Моденовѣ полсема рубля, а на Безпуте на Иванкове у Гриди у Страхова двенатцать рублевъ, а въ Пилюшне да въ Сидоровъскомъ у Андрѣйка у Страхова десять рублевъ: и те мои ключніки то серебро изъ людей выбравъ, да отдадутъ моей жене да моимъ детемъ; а сами те мои ключніки на слободу и съ женами и съ детмі» [3]). Собирая съ вотчинъ князя денежныя суммы, сельскіе управители-ключники не отдавали ихъ тотчасъ же вотчиннику. На эти господскіе капиталы, довѣряемые имъ, ключники производили разныя хозяйственныя операціи, пріобрѣтали новыя вотчины «на ключъ» или «за ключомъ» своего господина. «А что мои ключники некупленные, а покупили деревни

[1]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, стр. 160, 177.

[2]) Характеристика службы прикащиковъ у проф. Сергѣевича, «Наблюдатель», 1887 г., № 1.

[3]) С. Г. Гр. и Д., I, стр. 337.

за моимъ ключомъ, сами ключники дѣтемъ моимъ не надобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ, во чьемъ будутъ удѣле» [1]. Управляя вотчинами князя, ключники получали съ нихъ все содержаніе и вознагражденіе, кормились, были въ миніатюрѣ такими же кормленщиками, какъ намѣстники и волостели въ области государственнаго управленія. Но кромѣ опредѣленныхъ денежныхъ и натуральныхъ сборовъ съ населенія ключники могли получать въ пользованіе и участки земли. Напримѣръ, въ одной изъ древнѣйшихъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, въ описаніи дворцовой Дегожской волости, перечисленъ хлѣбный и денежный доходъ, получаемый дворецкимъ, ключникомъ и дьякомъ, а затѣмъ сказано: «а за ключникомъ за Дегожскимъ за Аѳонею за Прасиловымъ тоежъ волости деревни, даны ему на пашню...»; слѣдуетъ перечисленіе деревень [2].

Между землями дворцовыхъ слугъ источники XVI в. нѣсколько разъ упоминаютъ о земляхъ «служнихъ». Эта форма частнаго землевладѣнія впервые описана въ ученой литературѣ И. И. Лаппо въ его этюдѣ «Тверской уѣздъ въ XVI в.» [3]. Тверскія писцовыя книги, выдѣляющія земли «служни» въ особую группу, не оставляютъ сомнѣнія, что эти земли суть вотчины; всѣ документы на право владѣнія землями служними вполнѣ аналогичны съ документами вотчинными [4]. По мнѣнію г. Лаппо «земли служни второй (Тверской) писцовой книги не являются землями, принадлежавшими нѣкогда слугамъ вольнымъ»; это—дворцовыя земли, розданныя не свободнымъ слугамъ подъ дворскимъ; «сидя на служней землѣ, они очень похожи на задворныхъ холоповъ частныхъ владѣльцевъ». Постепенно права несвободныхъ слугъ возрастаютъ, и они сливаются со всѣми другими слугами княжескими въ одинъ общій служилый классъ. «Въ связи съ этимъ мало-по-малу забывается прежняя условность права владѣнія земельнымъ служилымъ участкомъ, и самое слово «земли служни» становится анахрониз-

[1] Ibid., стр. 79.

[2] Арх. Мин. Юст., писц. кн. по Новгороду № 705, л. 5: всего Аѳонѣ даны 4 деревни, дворовъ и людей 6; пашни 30 коробей безъ одной, сѣна 280 копенъ. Самъ Аѳанасій пашетъ съ людьми полтретьи обжи, съ остальныхъ 6 обежъ беретъ денежный доходъ и разный хлѣбъ поспомъ. О доходахъ, получаемыхъ монастырскими приказщиками см. Писц. кн., изд. Геогр. Общ. I, писц. книги Троицкихъ вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ. О земельн. участкахъ ключниковъ и посельскихъ см. Никитскаго, Исторія эконом. быта Вел. Новгорода, стр. 57—58.

[3] Стр. 76—78.

[4] Ibid., таблица на стр. 224 — 225; сравн. таблицу измѣненій въ составѣ владѣльцевъ вотчинъ на стр. 232—233.

момъ, такъ какъ земли, имъ обозначаемыя, уже освоены въ вотчины». Это объясненіе ошибочно въ томъ отношеніи, что произвольно связываетъ происхожденіе служнихъ земель непремѣнно со службой несвободныхъ слугъ подъ дворскимъ. Дворцовыя земли давались подъ условіемъ службы и вольнымъ слугамъ. Мы видѣли, что и среди низшаго разряда дворцовыхъ слугъ-промышленниковъ, состоявшихъ подъ дворскимъ, были люди лично свободные, имѣвшіе право оставить службу, но за то терявшіе и данныя имъ земли. Нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе «служнихъ» земель бросаетъ одно судное дѣло 1507 года. Галичанинъ сынъ боярскій Торопъ Юшковъ сынъ Шенуринъ билъ челомъ на Митю Иванова Мелнева въ томъ, что тотъ Митя жилъ у его отца и у него «въ подворникѣхъ», насильно завладѣлъ третью деревни Шенуринской и «съ тое земли вонъ не лѣзетъ». Обвинитель представилъ жалованную грамоту, въ которой значится, что великій князь Иванъ Васильевичъ въ 1488 году пожаловалъ Микитку и Юрку Шенуриныхъ и сына Микиткина Осташа въ Галичѣ въ Едосскомъ стану деревней Шенуринской, доколѣ Микитка и Юрка съ Микиткинымъ сыномъ Осташомъ служатъ ему, вел. князю, и его дѣтямъ. На пожалованныя деревни даны обычныя судебныя льготы. Отвѣтчикъ Митя оправдывался тѣмъ, что онъ спорную треть деревни купилъ двадцать лѣтъ тому назадъ у отца Торопова у Юшка. По перенесеніи дѣла въ высшую инстанцію, на разсмотрѣніе «человѣка старѣйшева» Дмитрія Володимеровича отвѣтчикъ Митя измѣнилъ свое прежнее показаніе и объяснилъ, что въ подворникахъ у Торопа онъ не жилъ, а жилъ на спорной трети деревни Шенуринской потому, что она принадлежитъ зятю его Осташу Микиткину сыну Шенурина; обвинитель же Торопъ «самъ волочился по людямъ» и свои двѣ трети деревни продалъ Михалю Титову. Дѣйствительно, въ писцовыхъ книгахъ Василія Башина среди земель вел. князя за дѣтьми боярскими и за служилыми людьми оказалась деревня Шенуринская за Михалемъ Митинымъ сыномъ Титова и за Митею Мелневымъ. На вопросъ судьи обвинителю Торопу, почему онъ во время переписи молчалъ и не искалъ спорной земли на Митѣ, Торопъ отвѣчалъ, что «ялося безъ веремяне», и онъ тогда жилъ «у племяни», а деревня Шенуринская была «въ закупи» у Михаля Титова; теперь же онъ эту деревню выкупилъ. Судья рѣшилъ дѣло въ пользу Мити Мелнева, на основаніи писцовыхъ книгъ Вас. Башина призналъ за нимъ право на треть деревни Шенуринской, принадлежавшей его зятю Осташу Микиткину; обвини-

тель же Торопъ утвержденъ былъ въ правахъ владѣнія двумя третями той деревни, согласно съ жалованной грамотой его отцу [1]). Изложенная поземельная тяжба даетъ, на нашъ взглядъ, типичный примѣръ образованія «служней» земли. Земля, данная вольнымъ служилымъ людямъ въ наслѣдственное владѣніе, но подъ условіемъ службы, очень скоро, уже въ поколѣніи дѣтей осваивается въ вотчину и отчуждается на сторону куплей и закладомъ и тому подобными способами, не оставляющими сомнѣнія въ вотчинномъ характерѣ владѣнія. Итакъ, нѣтъ основанія искать происхожденія служнихъ земель непремѣнно въ землевладѣніи слугъ холоповъ; вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и предположеніе, что служни земли превратились въ вотчины вслѣдствіе сліянія слугъ холоповъ съ вольными слугами вотчинниками. «Земли служни», по нашему мнѣнію, образовались изъ тѣхъ дворцовыхъ земель, которыя раздавались вольнымъ слугамъ въ наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ службы. Наслѣдственность владѣнія, составляя существенный признакъ вотчиннаго владѣнія, сближала земли служни съ вотчинами, частною собственностью вольныхъ слугъ. Къ наслѣдственности владѣнія съ теченіемъ времени присоединялись и другіе признаки права частной собственности, право распоряженія и отчужденія. Такимъ образомъ наслѣдственность владѣнія, хотя и подъ условіемъ службы, послужила основаніемъ, на которомъ совершилось превращеніе земель служнихъ въ вотчины.

Въ поземельномъ устройствѣ всѣхъ разрядовъ дворцовыхъ слугъ, землепашцевъ, промышленниковъ, прикащиковъ, необходимо отмѣтить двѣ общія, существенныя черты. Основная цѣль, достигаемая этимъ устройствомъ, была вполнѣ аналогична той цѣли, которая руководила эксплуатаціей обширныхъ вотчинъ монастырей, владыкъ и другихъ крупныхъ вотчинниковъ. Удѣльные князья также стремятся раздробить свои вотчины на мелкія условныя владѣнія, отдѣльныя самостоятельныя хозяйства. Изъ низшихъ разрядовъ слугъ одни, рыболовы, сокольники, бобровники, составляютъ самоуправляющіяся общины на городскихъ и сельскихъ земляхъ, подобно черному тяглому населенію; другіе, псари, конюхи, сытники, живутъ по одиночкѣ, отдѣльными хозяйствами; слугамъ-прикащикамъ раздаются въ управленіе отдѣльныя вотчины, въ которыхъ они самостоятельно хозяйничаютъ съ помощью господскаго капитала. Всѣ эти мелкія хозяйства были различны по характеру: одни были чисто промышленныя, какъ посадскія слободы рыболововъ,

[1]) Рус. Ист. Сборн., V, стр. 15—18.

бобровниковъ; другія—чисто земледѣльческія, какъ села и деревни псарей, сокольниковъ, конюховъ; третьи носили смѣшанный характеръ. Различны были и тѣ непосредственныя хозяйственныя цѣли, для которыхъ земля раздавалась дворцовымъ слугамъ. Одни слуги получали земли прямо для эксплуатаціи ихъ природныхъ богатствъ, разныхъ угодій и доходныхъ статей; другіе слуги должны были получать со своихъ участковъ средства для несенія такой службы, которая не связывалась непосредственно съ эксплуатаціей ихъ владѣній, какъ, напримѣръ, служба конюховъ, псарей, сокольниковъ, стрѣлковъ и другихъ, несшихъ спеціально военную службу; наконецъ посельскіе, ключники получали участки земли для организаціи ихъ въ отдѣльныя, самостоятельныя хозяйства. Но все различіе спеціальныхъ службъ разныхъ разрядовъ дворцовыхъ слугъ покрывалось единствомъ цѣли, къ которой было направлено ихъ поземельное устройство; эта цѣль — децентрализація крупной вотчины, устройство сѣти мелкихъ хозяйствъ, юридически зависимыхъ, экономически самостоятельныхъ. Итакъ, раздача дворцовыхъ земель подъ условіемъ службы руководилась прежде всего многочисленными и разнообразными потребностями обширнаго дворцоваго хозяйства. Но съ этими хозяйственными цѣлями тѣсно переплетались и цѣли спеціально военно-служилыя, необходимость обезпечить содержаніе военной силы. Въ устройствѣ сѣти мелкихъ условныхъ владѣній на княжескихъ земляхъ также трудно разграничить оба ряда потребностей, какъ трудно выдѣлить изъ пестрой массы дворцовыхъ слугъ разрядъ спеціально военный. «Въ случаѣ надобности, сытники, повара, хлѣбники, конюхи и другіе дворовые легко обращались также въ воиновъ» [1]). Эта тѣсная связь интересовъ хозяйства и службы была существенной общей чертой въ поземельномъ устройствѣ многочисленнаго класса дворцовыхъ слугъ, чертой, не потерявшей значенія, какъ увидимъ, и въ помѣстной системѣ XVI в.

Со стороны собственно юридической въ поземельномъ устройствѣ дворцовыхъ слугъ также можно провести общую черту, связывающую различныя формы этого устройства: всѣ онѣ построены на принципѣ подчиненія землевладѣльческихъ правъ условію службы, какъ свидѣтельствуютъ о томъ духовныя и договорныя грамоты нѣкоторыхъ великихъ и удѣльныхъ князей; вольный слуга владѣетъ землей князя только пока служитъ этому князю. Но единство принципа не исключало разнообразія самыхъ формъ владѣнія, различія въ объемѣ владѣльческихъ правъ лицъ, получавшихъ двор-

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Наблюдатель, 1887 г., № 1, стр. 85.

цовую землю подъ условіемъ службы. Подъ этимъ условіемъ земля давалась и въ личное и въ наслѣдственное владѣніе и во временное пользованіе за исполненіе извѣстной должности. По аналогіи съ формами аренды на монастырскихъ и митрополичьихъ вотчинахъ можно предполагать, что и въ хозяйствѣ удѣльнаго князя практиковались такія же различныя формы аренды, пожизненной и срочной, возмездной и безвозмездной, и что всѣ эти формы аренды осложнялись условіемъ службы, какъ скоро арендаторами являлись дворцовые слуги князя. Эту вторую черту, характеризующую поземельное устройство дворцовыхъ слугъ, различіе въ формахъ владѣнія, въ объемѣ владѣльческихъ правъ, построенныхъ на одномъ принципѣ подчиненія ихъ условію службы, также необходимо имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса о происхожденіи помѣстья. Всѣ извѣстія источниковъ, описывающія различныя формы землевладѣнія дворцовыхъ слугъ, не даютъ этимъ формамъ опредѣленныхъ терминовъ, кромѣ одного, крайне неопредѣленнаго самого по себѣ,—«служни земли». Терминъ «помѣстье» начинаетъ встрѣчаться въ источникахъ только въ концѣ XV в. Въ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія ясно вырисовывается и юридическая природа помѣстнаго владѣнія, опредѣляемая двумя существенными признаками: въ помѣстье земля дается подъ условіемъ службы и только въ личное владѣніе служилаго человѣка. Между тѣмъ историки юристы обыкновенно берутъ одинъ признакъ помѣстнаго владѣнія, пожалованіе подъ условіемъ службы, и по этому признаку отыскиваютъ помѣщиковъ среди нѣкоторыхъ дворцовыхъ слугъ землевладѣльцевъ даже первой половины XIV в. Но владѣніе подъ условіемъ службы есть общій признакъ землевладѣльческаго положенія дворцовыхъ слугъ, не характеризующій всецѣло и исключительно помѣстья. Подъ условіемъ службы земли давались и въ вотчину.

Отсутствіе въ источникахъ до конца XV в. спеціальнаго термина, крайняя скудость данныхъ для опредѣленія объема владѣльческихъ правъ дворцовыхъ слугъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не позволяетъ установить конкретной, твердой связи между помѣстной системой XVI в. и землевладѣніемъ дворцовыхъ слугъ московскаго государя XIV—XV вѣковъ. Но существованіе этой связи не подлежитъ сомнѣнію; ея ясные слѣды сохранились въ позднѣйшей помѣстной системѣ.

Въ началѣ XVI в. нормальнымъ типомъ помѣщика является военный, служилый человѣкъ; дворяне и дѣти боярскія составляютъ

ядро всего класса помѣстныхъ землевладѣльцевъ. Но въ плотной массѣ помѣстнаго военно-служилаго класса и въ XVI в. остаются вкрапленными въ большомъ количествѣ и другіе элементы, чины приказные и дворцовые, въ особенности послѣдніе. Хорошо извѣстно, что правильная организація помѣстнаго землевладѣнія въ срединѣ XVI в. обусловлена была извѣстными цѣлями государственной обороны и потребностями военно-служилаго класса; наоборотъ, намъ неизвѣстны такія позднѣйшія государственныя цѣли и потребности, которыя объяснили бы намъ появленіе въ XVI в. въ составѣ помѣстнаго класса большаго числа дворцовыхъ слугъ. Очевидно, они составляютъ первоначальный слой помѣстнаго класса, въ XVI в. уже закрытый слоемъ спеціально военно-служилымъ. Присутствіе дворцовыхъ слугъ въ помѣстномъ классѣ XVI в. можетъ быть объяснено не новыми общегосударственными потребностями, а потребностями болѣе ограниченной сферы, дворцоваго хозяйства и дворцовой службы. Контингентъ дворцовыхъ слугъ XIV—XV вѣковъ, какъ мы видѣли, одинаково набирался какъ изъ вольныхъ людей, такъ и изъ холоповъ; тѣмъ и другимъ одинаково давались участки земли во владѣніе за службу и для службы. И въ XVI вѣкѣ между дворцовыми слугами помѣщиками мы также встрѣчаемъ холоповъ. П. Н. Милюковъ, не отрицая возможности того, что холопъ великаго князя могъ сдѣлаться помѣщикомъ и служилымъ человѣкомъ, полагаетъ однако, что такіе случаи были довольно рѣдки [1]). Кромѣ того единственнаго извѣстія о помѣщикѣ холопѣ, на которое ссылается г. Милюковъ, можно привести еще рядъ указаній. Такъ помѣщиковъ холоповъ мы встрѣчаемъ въ переписныхъ книгахъ Деревской пятины 1495 и 1500 годовъ [2]). Наконецъ изъ дворцовыхъ слугъ-помѣщиковъ XVI в.—псарей, конюховъ, трубниковъ, стрѣлковъ, сытниковъ, осочниковъ—многіе, безъ сомнѣнія, были также людьми несвободными. Итакъ, присутствіе въ личномъ составѣ помѣщиковъ XVI в. большаго числа разныхъ дворцовыхъ слугъ можетъ быть объяснено только органическою связью помѣстья съ землевладѣніемъ этихъ слугъ XIV—XV вв.

[1]) Спорные вопросы, стр. 11. Г. Милюковъ ссылается на извѣстіе о помѣщикѣ холопѣ, найденное имъ въ «Записной книгѣ актамъ Москов. митрополіи», находящейся въ составѣ Бѣляевск. собранія Румянц. музея, подъ № 1620. Приводимъ цѣликомъ это извѣстіе, находящееся въ частности въ отрывкѣ писцовой книги Переяславск. уѣзда первой четверти XVI в.: «деревня Спаское, была Елсуѳьевская Жидовинова, за великіе княгини за холопомъ за Митею за Лаптевымъ: дворъ самъ Митя, дворъ его человѣкъ Парша, дворъ христіанинъ Васюкъ. Пашни половина полчетверти сохи». Сборн. № 1620, л. 32.

[2]) Новгор. писц. книги, т. I, ст. 158, 291; т. III, ст. 793, 823, 853.

Помѣстное землевладѣніе съ начала XVI в. является съ характеромъ военно-служилымъ, выраженнымъ очень рѣзко. Основная цѣль помѣстной организаціи — обезпечить содержаніе боевой силы, необходимой для внѣшней обороны государства. Но и въ позднѣйшей помѣстной организаціи спеціальная военно-служебная цѣль не закрыла собой первоначальныхъ хозяйственныхъ потребностей, точно также, какъ въ личномъ составѣ помѣстнаго класса военный элементъ не вытѣснилъ собой всѣхъ другихъ. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы разсмотримъ подробно, какъ вмѣшивались интересы государственнаго хозяйства въ устройство помѣстнаго землевладѣнія. Здѣсь мы только отмѣчаемъ тѣ пункты, въ которыхъ цѣли хозяйственныя пересѣкались съ цѣлями военной организаціи. Раздачей дворцовыхъ земель служилымъ людямъ подъ условіемъ службы руководили цѣли хозяйственно-административныя и спеціально-военныя. Главной же потребностью крупнаго вотчиннаго хозяйства было устройство мелкихъ, условныхъ владѣній, посредствомъ которыхъ вводились въ хозяйственный оборотъ запустѣвшія вслѣдствіе недостатка и бродячести населенія земли. Слуги, получавшіе земельные участки, помимо исполненія своихъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей военнаго, промышленнаго, административнаго характера, были и хозяевами-колонизаторами, разработывали даваемыя имъ пустыя земли, приводили ихъ «изъ пуста въ живущее». Эти же двѣ цѣли, разработка пустопорожнихъ земель и эксплуатація разныхъ угодій и доходныхъ статей, не чужды были и помѣстной организаціи XVI в. Какъ свидѣтельствуютъ писцовыя книги второй половины этого столѣтія, правительство охотно наполняло помѣстные оклады служилыхъ людей пустопорожними землями, а угодья и доходныя статьи, которыя оказывались на помѣстныхъ земляхъ, часто отдавало на оброкъ самимъ же помѣщикамъ, такъ что помѣстное владѣніе извѣстнымъ участкомъ соединялось съ оброчнымъ. Раздача пустопорожнихъ земель въ помѣстья выступаетъ въ особенности рѣзкой чертой позднѣйшей помѣстной организаціи XVI в. Но дача пустопорожней земли въ помѣстье возлагала на помѣщика трудную хозяйственно-колонизаторскую задачу, совершенно несовмѣстимую съ его прямыми, военно-служебными обязанностями. Этого факта раздачи пустопорожнихъ земель въ помѣстья нельзя, слѣдовательно, объяснить непосредственными цѣлями помѣстной организаціи, которымъ онъ прямо противорѣчитъ. Остается возможнымъ только одно объясненіе, что въ позднѣйшей помѣстной системѣ, построен-

ной по преимуществу въ интересахъ военной службы, продолжали замѣшиваться интересы и цѣли совершенно иного свойства, потребности хозяйственныя.

Въ заключенiе остановимся еще на одномъ фактѣ, освѣщающемъ связь помѣстья XVI вѣка съ землевладѣнiемъ дворцовыхъ слугъ XIV—XV вв. Въ переписной оброчной книгѣ Деревской пятины 1495 г. встрѣчаемъ такую отмѣтку: «въ Шегринскомъ погостѣ великаго князя деревни Захарьинскiе Овинова за Гордѣемъ за Семеновымъ сыномъ Сарыхозина *въ помѣстiѣ и въ кормленѣ»* [1]). Мы видѣли, что въ области частнаго вотчиннаго хозяйства слуги-прикащики, посельскiе, ключники, управлявшiе отдѣльными частями вотчины, были такими же кормленщиками, какъ намѣстники и волостели въ сферѣ управленiя государственнаго. Эти слуги-прикащики не только управляли порученными имъ селами и деревнями, но и получали ихъ въ личное владѣнiе за исполненiе своихъ обязанностей подъ условiемъ службы. Участокъ земли, данный ключнику или посельскому «на пашню», былъ одновременно и «кормленьемъ», потому что пользованiе имъ было обусловлено исправленiемъ должности посельскаго или ключника, и «помѣстьемъ», потому что право владѣнiя имъ вполнѣ тождественно было съ помѣстнымъ. Въ параллель къ приведенному сейчасъ факту соединенiя помѣстнаго владѣнiя съ кормленьемъ можно указать еще на извѣстiя писцовыхъ книгъ второй половины XVI в. о помѣстьяхъ, пользованiе которыми предоставлялось только намѣстникамъ извѣстной области [2]); и въ этихъ случаяхъ пользованiе помѣстьемъ можно разсматривать, какъ одну изъ статей намѣстничьяго корма. Извѣстно, что осторожно высказанное Неволинымъ мнѣнiе о связи помѣстiй и кормленiй было единодушно отвергнуто позднѣйшими историками-юристами, показавшими существенную разницу между помѣстьемъ и кормленьемъ въ ихъ государственномъ значенiи, объемѣ и характерѣ владѣльческихъ правъ, связи ихъ со службою. Но, не смотря на все различiе, помѣстное владѣнiе могло соединяться съ кормленiемъ, какъ оно соединялось съ владѣнiемъ оброчнымъ, съ которымъ также существенно разнилось.

Итакъ, связь между помѣстьями XVI в. и владѣнiями дворцовыхъ слугъ XIV—XV вв. раскрывается не только въ общемъ принципѣ владѣнiя подъ условiемъ службы, принципѣ слишкомъ широкомъ для того, чтобы характеризовать имъ исключительно

[1]) Новгор. писц. книги, т. II, стр. 198.

[2]) См. ниже главу III.

помѣстное владѣніе, но и въ фактахъ болѣе осязательныхъ и конкретныхъ. Въ личномъ составѣ помѣстнаго класса XVI в. и въ цѣляхъ помѣстнаго пожалованія наблюдаются переживанія старыхъ порядковъ, которые находятъ себѣ полное объясненіе въ области поземельнаго устройства дворцовыхъ слугъ XIV—XV вв.

Крайняя скудость источниковъ надолго еще оставитъ открытымъ вопросъ о происхожденіи помѣстнаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ. Въ результатѣ изслѣдованія наличныхъ источниковъ и существующихъ въ наукѣ мнѣній, мы рѣшаемся представить слѣдующую схему образованія помѣстнаго землевладѣнія, резюмирующую все предшествующее разсужденіе. Условія экономическаго быта сѣверо-восточной Руси XIV—XVI вв., недостатокъ и бродячесть населенія, дѣлали крайне подвижной и неустойчивой земледѣльческую культуру. Земля, запустѣвшая въ результатѣ этой подвижности культуры, не только становилась мертвымъ капиталомъ, но прямо вводила въ убытки вотчинника, при условіяхъ поземельнаго обложенія того времени. Поддержаніе культуры «живущихъ» земель, возстановленіе ея на земляхъ запустѣвшихъ было самымъ больнымъ мѣстомъ и настоятельной заботой каждаго крупнаго вотчиннаго хозяйства. Средство къ достиженію этихъ цѣлей также подготовлено было общими экономическими условіями того времени. Рѣдкость населенія, спорадическое расположеніе поселеній не позволяли большимъ вотчинамъ сплачиваться въ одно хозяйство, дѣлали невозможной хозяйственно-административную централизацію ихъ. Большія вотчины князей, бояръ, владыкъ, монастырей обыкновенно дробились въ хозяйственно-административномъ отношеніи на отдѣльныя, экономически самостоятельныя, мелкія хозяйства, обнимавшія собой группы селъ и деревень или даже отдѣльныя села и деревни. При такой дробности большихъ вотчинъ основная хозяйственная цѣль, поддержаніе земледѣльческой культуры и ея возстановленіе на пустопорожнихъ земляхъ достигалась удобнѣе всего путемъ хозяйственно-административной децентрализаціи, устройства сѣти мелкихъ, зависимыхъ, условныхъ владѣній. Составъ лицъ, получавшихъ въ условное владѣніе земельные участки на большихъ вотчинахъ, опредѣлялся личными связями вотчинника. Монастыри отдавали земли въ условное владѣніе по преимуществу своимъ вкладчикамъ, князья и частные вотчинники — слугамъ вольнымъ и невольнымъ. Сопоставляя факты первоначальнаго помѣстнаго землевладѣнія съ извѣстіями о различныхъ формахъ аренды на большихъ вотчинахъ, приходимъ

къ заключенію, что помѣстья въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тѣсно соприкасались съ этими формами. Какъ всякое историческое явленіе, какъ бы своеобразно оно ни было, такъ и помѣстье появилось не изолированно, но въ обстановкѣ многихъ другихъ родственныхъ явленій. Вопросъ о происхожденіи помѣстья не можетъ быть отдѣленъ отъ вопроса о происхожденіи всѣхъ другихъ формъ условнаго владѣнія. Такъ выясняется почва, на которой выросло помѣстное землевладѣніе.

На княжескихъ земляхъ въ XIV—XV вв. широко развита была система отдачи земельныхъ участковъ дворцовымъ слугамъ, свободнымъ и несвободнымъ, для хозяйственныхъ и служебныхъ цѣлей и подъ непремѣннымъ условіемъ службы. Служба обусловливала владѣніе дворцовой землей и въ тѣхъ случаяхъ, когда отдачей земли въ условное владѣніе преслѣдовались и чисто-хозяйственныя цѣли. Поэтому служилой землей въ княжеской вотчинѣ было владѣніе не только слуги-воина, но и слуги-промышленника и слуги-прикащика. Спеціальныя военно-служебныя цѣли тѣсно переплетались съ цѣлями хозяйственными. Несомнѣнно, въ каждой княжеской вотчинѣ были земли, съ которыхъ слуги, владѣвшіе ими, обязаны были нести военную службу, но такой же военно-служилый характеръ имѣли земли и слугъ-промышленниковъ, которые въ случаѣ надобности становились воинами. Такимъ образомъ въ вотчинѣ удѣльнаго князя военно-служилое землевладѣніе не было совершенно особымъ институтомъ, рѣзко разграниченнымъ отъ другихъ формъ дворцоваго служилаго землевладѣнія, выполнявшихъ совершенно другое назначеніе. Принципъ подчиненія землевладѣльческихъ правъ условію службы связывалъ формы владѣнія различныя и по цѣлямъ, для которыхъ онѣ устраивались, и по ихъ юридической природѣ. Этому принципу одинаково подчинены были и владѣнія слугъ-промышленниковъ, обязанныхъ эксплуатировать угодья и доходныя статьи на княжескихъ вотчинахъ, и слугъ-прикащиковъ и слугъ-воиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ же принципѣ были построены владѣльческія права различнаго объема: и временное пользованіе, связанное съ исполненіемъ опредѣленнаго рода обязанностей, и личное пожизненное владѣніе, и владѣніе наслѣдственное. Такое широкое значеніе указаннаго принципа, какъ общей основы всѣхъ частныхъ формъ владѣнія на дворцовыхъ земляхъ, не позволяетъ взять его, какъ единственный несомнѣнный признакъ помѣстнаго владѣнія. До конца XV в. помѣстья нельзя выдѣлить изъ другихъ формъ условныхъ владѣній

дворцовыхъ слугъ. Со второй половины XV в. государственная территорія расширяется особенно быстро, военныя задачи государства требуютъ созданія обширной военной силы. Эта сила складывается въ особый классъ населенія, отдѣльный отъ личныхъ слугъ князя, хотя именно личные слуги князя и составили ядро новаго военнаго служилаго класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ земельныя владѣнія, предназначенныя для обезпеченія службы этого класса, выходятъ изъ тѣсныхъ рамокъ дворцоваго землевладѣнія, выдѣляются въ особый разрядъ частновладѣльческихъ земель, отдѣльный отъ владѣній дворцовыхъ слугъ. Въ первой половинѣ XVI в. окончательно опредѣляется и юридическая природа помѣстья, какъ владѣнія личнаго, безвозмезднаго, обусловленнаго выполненіемъ извѣстныхъ служебныхъ обязанностей. Но и въ позднѣйшей помѣстной организаціи открываются несомнѣнные слѣды органической связи его съ землевладѣніемъ дворцовыхъ слугъ.

II.

Не выясненными окончательно остаются нѣкоторые пункты и втораго основнаго процесса въ образованіи служилаго землевладѣнія: подчиненія частно-владѣльческой вотчины, подобно помѣстью, обязательной службѣ. Этотъ процессъ, продолжавшійся около 100—150 лѣтъ, кореннымъ образомъ измѣнилъ положеніе частнаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ. Частная земельная собственность вольныхъ слугъ въ сѣверо-восточной Руси въ значительной мѣрѣ создалась независимо отъ политическихъ и служебныхъ отношеній. «Бояринъ былъ такою же случайностью въ княжествѣ, гдѣ служилъ, какъ и всякій другой свободный обыватель. Онъ свободно переходилъ отъ князя къ князю, могъ имѣть и не имѣть земельной собственности тамъ, гдѣ служилъ, и часто имѣлъ землю не тамъ, гдѣ служилъ. Его служебныя отношенія, его правительственное значеніе не были связаны съ землевладѣльческимъ его положеніемъ: онъ былъ совѣтникомъ князя, потому что былъ его слугой, а не потому, что былъ землевладѣльцемъ въ его княжествѣ, какъ не былъ слугой его потому, что имѣлъ вотчину въ предѣлахъ его владѣній, хотя часто становился вотчинникомъ въ княжествѣ потому, что служилъ его князю» [1]). Такъ было еще въ серединѣ XV в. Черезъ 100 лѣтъ устанавливается

[1]) Ключевскій, Боярск. Дума, стр. 97, 144.

обязательная служба съ вотчинъ, провозглашается принципъ, что вотчина не должна выходить изъ службы, и во имя этого принципа государство начинаетъ стѣснять права распоряженія частными вотчинами, т. е. лишаетъ право частной земельной собственности одного изъ существенныхъ его элементовъ. Укажемъ наиболѣе опредѣленныя мнѣнія изслѣдователей по данному вопросу о перенесеніи чертъ служилой земли на частную собственность. Лакіеръ опредѣлилъ служилое значеніе частно-владѣльческой вотчины съ своей точки зрѣнія отсутствія частной собственности въ древней Руси: «частная собственность вытекала изъ государевой»; источникъ служилаго значенія вотчины тотъ-же, что и помѣстья. А. Д. Градовскій доказывалъ, что «обладаніе поземельнымъ имуществомъ подъ условіемъ службы впервые развивается въ сферѣ государственнаго управленія; но начало это первоначально относится не къ помѣстьямъ, ибо ихъ еще не было, а къ вотчинамъ». Этотъ принципъ примѣняется прежде всего къ вотчинамъ служилыхъ князей. «Вполнѣ частное землевладѣніе оставалось пока безъ всякихъ ограниченій». «Полное подчиненіе вотчинъ государственнымъ цѣлямъ ждало предварительно полнаго закрѣпощенія служилаго сословія и окончательнаго развитія помѣстной системы, гдѣ идея условнаго, несвободнаго обладанія землею, въ противоположность свободной частной собственности, установилась бы окончательно. Законодательство Ивана Грознаго представляетъ окончательное развитіе того и другаго явленія» [1]). Припоминая то, что говорилъ Градовскій о происхожденіи помѣстья, мы получаемъ такую схему развитія идеи службы съ земли и дѣйствія этой идеи на вотчинное землевладѣніе. Понятіе условнаго владѣнія землей появляется въ церкви прежде, чѣмъ въ государствѣ; на церковныхъ же земляхъ обнаруживаются и первые зачатки помѣстнаго права. Параллельно въ государственныхъ отношеніяхъ развивается обладаніе землей подъ условіемъ службы. Но этотъ принципъ касается только княжескихъ вотчинъ. На все же вообще частное вотчинное землевладѣніе обязательность службы перенесена была не съ княжескихъ вотчинъ, а съ помѣстнаго землевладѣнія, какъ оно развилось при Грозномъ. Такимъ образомъ Градовскій различилъ нѣсколько сферъ въ вотчинномъ и помѣстномъ землевладѣніи: помѣстья церковныя, помѣстья государственныя, вотчины княжескія, вотчины частновладѣльческія вообще. Въ каждой изъ этихъ сферъ дѣйствуетъ условіе службы; но связь между ними или со-

[1]) Исторія мѣстнаго управл., стр. 42, 43, 48.

всѣмъ не выяснена или показана очень неясно. Градовскій не связалъ церковныхъ помѣстій съ государственными, вотчинъ княжескихъ съ общей массой вотчинъ частновладѣльческихъ. Такую же слишкомъ широкую и отвлеченную схему, скрывающую конкретныя черты процесса превращенія частновладѣльческой вотчины въ служилую землю, представилъ проф. Загоскинъ. «Послѣ покоренія русской земли татарами, говоритъ онъ, съ усиленіемъ княжеской власти въ Московскомъ Великомъ княженіи и съ усвоеніемъ послѣднимъ болѣе твердыхъ основъ государственнаго быта, постепенно выясняется тотъ принципъ, что владѣніе на правѣ собственности отдѣльною частью государственной территоріи неминуемо влечетъ за собою обязанность собственника ея содѣйствовать личными силами защитѣ этой территоріи, является, слѣдовательно, установленіе болѣе или менѣе твердаго понятія объ обязательной службѣ съ вотчинъ. Великіе князья московскіе подмѣтили этотъ принципъ государственной жизни и обратили его въ одно изъ средствъ образованія правильнаго служилаго класса. Земля получаетъ характеръ служебный. Не только вотчинники являются обязанными нести службу государству, но и самая земля становится какъ бы въ служебное подчиненіе ему, земля сама по понятіямъ того времени какъ бы служитъ государству; такимъ образомъ вотчинникъ является только лицомъ, въ которомъ выражается служебная сила земли». Примѣръ приложенія новаго принципа на практикѣ авторъ указываетъ въ землевладѣніи служебныхъ князей. Для нихъ обладаніе вотчиной обусловлено службой. Но на обыкновенныхъ служилыхъ людей, вольныхъ слугъ, это условіе не распространялось; они сохраняли свои вотчины, переходя отъ князя къ князю. «Почему же, спрашиваетъ проф. Загоскинъ, отъѣздъ обыкновенныхъ служилыхъ людей не влекъ за собою, по крайней мѣрѣ юридически, лишенія вотчинъ, тогда какъ подобное лишеніе имѣло мѣсто въ подобныхъ же случаяхъ относительно князей служебныхъ?» Первая половина вопроса не представляетъ затрудненія: право вольнаго перехода съ сохраненіемъ вотчинъ есть «очевидно наслѣдіе предшествовавшаго періода, остатокъ свободныхъ формъ государственной жизни, господствовавшихъ въ теченіе его». На вторую половину вопроса,—о причинахъ ранняго ограниченія правъ князей переходить съ вотчинами, проф. Загоскинъ отвѣчаетъ своей собственной гипотезой, оставивъ безъ вниманія объясненіе Градовскаго. По его мнѣнію, ограниченія правъ служебныхъ князей могутъ быть объяснены особыми отношеніями служебныхъ князей

къ великимъ князьямъ: «кромѣ простой служебной связи существовала между ними болѣе крѣпкая нравственная связь, основанная на клятвѣ». «Причина, по которой служебные князья были обязываемы клятвою, можетъ быть объяснена временемъ происхожденія этого класса служилыхъ людей. Служебные князья впервые появляются въ Московскомъ государствѣ уже въ эпоху значительнаго усиленія Москвы, — слѣдовательно составляли новое учрежденіе, не имѣвшее примѣра въ періодѣ удѣльно-вѣчевомъ. Новизна этого класса и могла побудить великихъ князей московскихъ, принимая ихъ съ вотчинами на службу, требовать отъ нихъ клятвеннаго обѣщанія въ вѣрности, изъ опасенія, чтобы они впослѣдствіи не ослабили территорію московскую переходомъ съ вотчинами на службу другаго князя. Примѣняя требованіе клятвы ко вновь возникшему разряду лицъ и признавая свободное право отъѣзда безъ потери вотчинъ для обыкновеныхъ служилыхъ лицъ, — великіе князья не нарушали старины, не давали повода къ нареканіямъ на себя. Такимъ образомъ цѣлью клятвы служебныхъ князей была неотчуждаемость вотчинъ ихъ; отказавшись отъ послѣдней, служебный князь былъ свободенъ отъѣхать къ кому угодно» [1]). Этой гипотезѣ мы предпочитаемъ болѣе простое и мѣткое объясненіе Градовскаго, указавшаго на присутствіе государственнаго элемента въ правахъ князей на ихъ вотчины, какъ причину исключительнаго положенія князей въ средѣ московскаго служилаго общества. Что же касается ограниченій въ области частнаго вотчиннаго землевладѣнія вообще, то здѣсь проф. Загоскинъ ограничился общимъ замѣчаніемъ, что «всѣ эти опредѣленія вытекали изъ того же принципа служебнаго значенія поземельной собственности». Итакъ, проф. Загоскинъ далъ не изображеніе дѣйствительнаго процесса превращенія частновладѣльческой вотчины въ служилую землю, а только отвлеченное объясненіе этого явленія. Проф. Сергѣевичъ, перечисляя тѣ милости, на которыя вольные слуги московскихъ государей промѣняли свою волю, говоритъ о пожалованіяхъ имъ селъ и деревень и спрашиваетъ: «на какомъ правѣ дѣлались эти пожалованія? Права эти были неодинаковы; съ теченіемъ времени онѣ измѣняются. Первоначально пожалованіе дается условно, т. е. даръ остается за пожалованнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ служить князю, отъ котораго получилъ пожалованіе, или тому изъ его наслѣдниковъ, котораго князь укажетъ. Это условіе прямо обозначается въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ о пожалованіяхъ. Оно и совершенно по-

[1]) Учен. Записки Казанск. Универс., 1876 г., № 5.

нятно. Не могли же князья раздавать земли безусловно при существованіи правъ отъѣзда. Но по мѣрѣ того, какъ отъѣздъ выходитъ изъ употребленія, начинаютъ встрѣчаться безусловныя пожалованія съ предоставленіемъ права отчужденія. Такія пожалованія въ вотчину не старѣе XVI в. и далеко не вытѣснили пожалованій условныхъ»[1]). Итакъ, проф. Сергѣевичъ, останавливаясь на вотчинахъ жалованныхъ, выставляетъ на видъ въ исторіи частнаго землевладѣнія Московскаго государства XIV—XVI вв. и совершенно обратную тенденцію: условное владѣніе уже въ эту эпоху стремится переродиться въ беусловное. Иное значеніе получаетъ при этомъ и уничтоженіе права вольнаго перехода: оно содѣйствуетъ утвержденію безусловнаго владѣнія. Проф. Ключевскій въ своихъ курсахъ объясняетъ обращеніе вотчины въ служилую землю вліяніемъ помѣстной системы. Помѣстное землевладѣніе измѣнило юридическій характеръ землевладѣнія вотчиннаго. Перемѣна эта была произведена распространеніемъ на вотчинное землевладѣніе принципа, на которомъ построено было землевладѣніе помѣстное. Въ удѣльное время государственная служба не была связана съ землевладѣніемъ. Тогда земля платила, несла тягло; служили только лица. Теперь служба связалась съ землей, т. е. служебныя повинности распредѣлились на лица по землѣ. Благодаря этому соединенію службы съ землей, произошла двоякая перемѣна въ вотчинномъ землевладѣніи: 1) стѣснено было право продажи вотчинъ, т. е. ограниченъ былъ кругъ лицъ, имѣвшихъ это право; 2) стѣснено было право распоряжаться вотчинами по завѣщанію.

Всѣ изслѣдователи, взгляды которыхъ мы сейчасъ изложили, за исключеніемъ Лакіера, проводятъ рѣзкое различіе между вотчиной, какъ безусловной частной собственностью, независимой отъ служебныхъ отношеній собственника, и помѣстьемъ, какъ условнымъ владѣніемъ, по самому своему происхожденію тѣсно связаннымъ со службой. При такомъ пониманіи вотчины, какъ чистой формы частной земельной собственности, ея подчиненіе обязательной службѣ объясняется дѣйствіемъ внѣшнихъ причинъ, вліяніемъ противоположной формы землевладѣнія, помѣстья, построеннаго на принципѣ обязательной службы, перемѣнами въ политическомъ и служебномъ положеніи вольныхъ слугъ, уничтоженіемъ права вольной службы. Такъ можетъ быть формулировано со-

[1]) «Наблюдатель» 1887 г., № 2, стр. 63—64. Въ примѣчаніи проф. Сергѣевичъ оспариваетъ мнѣніе Неволина, что пожалованія въ вотчину дѣлаются уже съ XIV в.

временное состоянiе вопроса о подчиненiи частновладѣльческой вотчины обязательной службѣ.

Въ эпоху, когда происходилъ въ Московскомъ государствѣ процессъ прикрѣпленiя къ службѣ вотчиннаго землевладѣнiя, можно различить три группы вотчинъ, различныхъ по происхожденiю и по характеру, служилое значенiе которыхъ вытекало изъ различныхъ источниковъ. Первую группу составляли тѣ вотчины вольныхъ слугъ, которыя были ихъ безусловной частной собственностью. Частная земельная собственность, какъ извѣстно, слагалась въ Московской Руси независимо отъ политическихъ и служилыхъ отношенiй собственника, и эта независимость выражалась въ правѣ сохранять вотчины при переходахъ на службу отъ князя къ князю. Насколько устойчиво держалось разграниченiе между службой и владѣнiемъ вотчиной, видно изъ того, что московскiе государи, наказывая отъѣзжавшихъ слугъ отнятiемъ вотчинъ, вплоть до XVI в. не рѣшались выключить изъ договоровъ условiя о переходѣ вольныхъ слугъ съ сохраненiемъ вотчинъ [1]).

Но не все землевладѣнiе вольныхъ слугъ, носившее названiе вотчиннаго, было такъ рѣзко разграничено отъ служебныхъ и политическихъ отношенiй собственниковъ. Параллельно вотчинамъ, составлявшимъ безусловную собственность вольныхъ слугъ, существовала другая группа вотчинъ, уже по самому своему происхожденiю тѣсно связанная со службой. То были вотчины жалованныя. Мы привели взглядъ проф. Сергѣевича на эти вотчины. Понимая терминъ «вотчина» въ смыслѣ полной безусловной собственности, В. И. Сергѣевичъ отрицаетъ мнѣнiе Неволина, что пожалованiя въ вотчину дѣлаются уже съ XIV в., на томъ основанiи, что князья не могли раздавать безусловно земли при существованiи правъ отъѣзда. Пожалованiе въ вотчину не старѣе XVI в.; до этого же времени земли жалуются условно, на помѣстномъ правѣ. Проф. Сергѣевичъ всѣхъ землевладѣльцевъ, которые получали земли подъ условiемъ службы, прямо и называетъ помѣщиками. Пожалованiя «въ вотчину» земель князьямъ Рюриковичамъ и боярину Родiону Нестеровичу половины Волока-Ламскаго истолковываются, какъ пожалованiя особеннаго права наслѣдственнаго кормленiя. Однако, обращаясь къ извѣстiямъ источниковъ о происхожденiи жалованныхъ вотчинъ, мы видимъ, что, вопреки мнѣнiю проф. Сергѣевича, источники XV—XVI вв. упорно называютъ земли, жалуемыя въ

[1]) См. напримѣръ мѣновную грамоту царя Ивана Васильевича съ княземъ Владимiромъ Андреевичемъ 1566 г. С. Г. Гр. и Д., I, № 187.

наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ службы не помѣстьями, а вотчинами. «Въ вотчину», т. е. въ наслѣдственное владѣніе или кормленіе, подъ условіемъ службы награждаются чужеземные выходцы, князья и бояре, городами и волостями. Вотчинами продолжаютъ называться не только родовыя владѣнія, которыми князья, поступая на службу къ московскому государю, владѣютъ уже въ силу пожалованія со стороны государя[1]), но и тѣ земли, которыя князья и бояре получаютъ въ обмѣнъ на старыя вотчины. Въ этомъ отношеніи характерно слѣдующее мѣсто въ духовномъ завѣщаніи удѣльнаго князя Бориса Васильевича Волоцкаго 1477 г.: «а что есмь пожаловалъ бояръ своихъ князя Андрѣя Ѳедоровича и князя Петра Микитича, подавалъ есмь имъ отчину въ ихъ отчины мѣсто, далъ есмь князю Андрѣю Федоровичю Скирманово да Фроловское да Кореневское зъ деревнями, доколѣ служатъ мнѣ и моимъ дѣтемъ и ихъ дѣти, и учнутъ служити моему сыну и ихъ дѣти, ино то имъ и есть; а не имутъ служити моему сыну, ино ихъ отчина моему сыну; а возьметъ Богъ моего сына Ѳедора, ино то мое жалованье имъ въ отчину въ ихъ отчины мѣсто»[2]). Такъ терминомъ «вотчина» окрещиваются разнообразныя пожалованія наслѣдственнаго владѣнія, въ которыхъ владѣльческія права лицъ жалуемыхъ подчинены непремѣнному условію службы. Та же терминологія настойчиво и послѣдовательно проводится и въ указахъ средины XVI в., развившихъ до послѣднихъ предѣловъ идею подчиненія вотчиннаго землевладѣнія службѣ. Соборный приговоръ 1573 г. выдѣляетъ въ особую группу жалованныя вотчины, владѣніе и распоряженіе которыми стоитъ въ зависимости отъ условій пожалованія, изложенныхъ въ жалованныхъ грамотахъ. Это позднее законодательное опредѣленіе, безъ сомнѣнія, только нормировало стародавнее явленіе, пожалованіе земель въ вотчину подъ извѣстными условіями, изъ которыхъ на первое мѣсто надо поставить службу. И какъ ни стѣснительны были условія, которыми законодательство XVI в. обставило права распоряженія вотчинниковъ различныхъ разрядовъ, вотчины жалованныя, княжескія и другія не превратились въ помѣстья. Безусловность владѣнія въ сознаніи общества и законодательства XVI в. не была, очевидно, непремѣннымъ признакомъ вотчины[3]). Надо вспомнить еще земли служни, являющіяся

[1]) См. актъ поступленія на службу князя вотчинника въ Рус. Юрид. Древн., т. II, вып. I, стр. 308.

[2]) С. Г. Гр. и Д., I, стр. 252.

[3]) Въ соборномъ приговорѣ 1573 г. встрѣчаемъ постановленіе: «а у котораго (вот-

вотчинами уже въ первой половинѣ XVI в. Мы видѣли, что по своему происхожденію это были дворцовыя земли, даваемыя вольнымъ и невольнымъ слугамъ подъ условіемъ службы. Но таково же было и происхожденіе помѣстій. Чѣмъ же объясняется то обстоятельство, что изъ этихъ условныхъ владѣній дворцовыхъ слугъ однѣ превратились въ помѣстья, другія въ вотчины? Единственнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ представляется намъ предположеніе, что подъ условіемъ службы земли жаловались не только въ личное, но и въ наслѣдственное владѣніе. Наслѣдственность же владѣнія послужила основаніемъ, на которое опиралось стремленіе владѣльца обратить землю въ полную собственность, со всѣми правами распоряженія.

Такимъ образомъ по источникамъ XV—XVI вѣковъ можно прослѣдить существованіе особой группы служилыхъ земель, жалуемыхъ въ наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ службы и представляющихъ посредствующее звено между вотчиной, какъ безусловной собственностью, и помѣстьемъ, какъ условнымъ владѣніемъ. Съ вотчинами ихъ сближала наслѣдственность, съ помѣстьемъ — условность владѣнія. Большія трудности представляетъ вопросъ о происхожденіи данной формы служилаго землевладѣнія, о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ въ понятіе вотчины, чистой безусловной собственности, внесено было совершенно чуждое ей условіе службы, ставшее исходнымъ пунктомъ вотчиннаго законодательства XVI в. Мы видѣли, что превращеніе вотчины въ служилую землю объясняютъ вліяніемъ помѣстной системы. Такъ какъ на вотчину былъ распространенъ тотъ принципъ обязательной службы, на которомъ было построено помѣстное землевладѣніе, то, слѣдовательно, своимъ подчиненіемъ службѣ вотчина обязана вліянію помѣстной системы. Но эта гипотеза сталкивается съ нѣкоторыми фактами, трудно съ ней согласимыми. Помѣстье, какъ особая форма военно-служилаго землевладѣнія, появляется въ источникахъ въ концѣ XV вѣка, помѣстная система, какъ система особенныхъ владѣльческихъ правъ и обязанностей, складывается уже въ XVI вѣкѣ, а первый фактъ служебнаго уравненія вотчинъ и помѣстій относится къ 1556 г. (Уложеніе о службѣ). Между тѣмъ, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописныя извѣстія о пожалованіяхъ князьямъ и знатнымъ выходцамъ, подтверждаемыя и документальными данными, уже со временъ Ивана Калиты и въ теченіе XV вѣка тер-

чинника) въ грамотѣ будетъ ему одному вотчина написана, и послѣ его та вотчина на государя». Чѣмъ отличалась юридически такая вотчина отъ помѣстья?

*

миномъ вотчина окрещиваются разнообразныя формы владѣнія условнаго, обязаннаго службой, а не только безусловная, частная собственность. Такимъ образомъ, если строго держаться терминологіи источниковъ, не раздвигать произвольно понятія помѣстнаго владѣнія до предѣловъ всякаго условнаго владѣнія, то слѣдствіе будетъ старше своей причины, вотчинное землевладѣніе окажется привязаннымъ къ службѣ въ такую эпоху, когда помѣстной системы еще не существовало.

Ранняя связь вотчины со службой не требуетъ для своего объясненія непремѣнно предположенія о вліяніи помѣстнаго землевладѣнія. Изслѣдователи этого вопроса, проводя рѣзкое различіе между пожалованіемъ въ безусловную собственность и пожалованіемъ въ условное владѣніе, не обратили должнаго вниманія на существованіе такой формы земельнаго пожалованія, которая составляла промежуточное звено между двумя противоположными формами. Это было пожалованіе въ наслѣдственное владѣніе, но подъ условіемъ службы. Изучая тѣ поземельныя отношенія, въ обстановкѣ которыхъ появилось помѣстье, мы видѣли, что служебныя отношенія переплетаются съ отношеніями поземельными задолго до появленія помѣстья, что помѣстье не было первымъ и единственнымъ синонимомъ служилой земли. Оно явилось одной изъ частныхъ формъ землевладѣнія, въ которыхъ служба была основаніемъ владѣльческихъ правъ. Такой же отдѣльной, самостоятельной формой служилаго землевладѣнія надо признать и пожалованіе земли подъ условіемъ службы въ наслѣдственное владѣніе. Легко понять, почему эта форма землевладѣнія получила названіе вотчины, а не помѣстья. Помѣстье по существу не допускало наслѣдственности; оно было личнымъ пожалованіемъ, даже не пожизненнымъ, но до тѣхъ поръ, пока пожалованное лицо способно нести службу. Личное пожалованіе составляло такой же непремѣнный признакъ помѣстнаго владѣнія, какъ и условіе службы. Терминъ же вотчина въ своемъ широкомъ первоначальномъ значеніи далеко выходилъ за предѣлы понятія частной собственности и примѣнялся къ самымъ разнообразнымъ видамъ государственнаго и частнаго наслѣдственнаго владѣнія. Бѣдность юридической терминологіи заставляла и всю полноту правъ частной собственности покрывать терминомъ, который характеризовалъ первоначально только одинъ признакъ права собственности, наслѣдственность [1]). Такимъ образомъ земля,

[1]) О первонач. значеніи термина вотчина см. у Неволина, П. С. С., т. IV, стр. 125; Градовскаго, Ист. мѣстн. управл., стр. 22; Сергѣевича, Лекціи и Изслѣд., стр. 942—943.

жалуемая въ наслѣдственное владѣніе, но подъ условіемъ службы, получила названіе вотчины. Наслѣдственность владѣнія сближала ее съ вотчиной, какъ полной и безусловной собственностью, условіе службы съ помѣстьемъ. Сочетаніе этихъ обоихъ признаковъ объясняетъ два существенныхъ процесса въ исторіи служилаго землевладѣнія. Какъ показываетъ примѣръ «служнихъ земель», наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ службы скоро пріобрѣтаетъ всѣ черты полной частной собственности. Владѣльцамъ «земель служнихъ» въ первой половинѣ XVI в. принадлежатъ уже всѣ права распоряженія и отчужденія, а не только наслѣдственной передачи ихъ земель подъ условіемъ службы. Право наслѣдственной передачи послужило прочнымъ основаніемъ для превращенія владѣнія, обусловленнаго службой, въ полную собственность со всѣми правами распоряженія и отчужденія. Тотъ же процессъ повторился и въ исторіи помѣстья. Его постепенное сліяніе съ вотчиной подвигалось также въ зависимости отъ того, какъ развивалось право наслѣдованія помѣстій. Съ другой стороны, самостоятельное, независимое отъ вліянія помѣстной системы, существованіе такой формы вотчиннаго землевладѣнія, въ которой наслѣдственность сочеталась съ условіемъ службы, объясняетъ, почему законодательство Московскаго государства, разрабатывая систему помѣстнаго землевладѣнія, параллельно проводило тотъ же принципъ службы и въ области вотчиннаго землевладѣнія, отнюдь не смѣшивая вотчины и помѣстья, всегда строго ихъ различая. Условность владѣнія, подчиненіе его служебнымъ отношеніямъ владѣльца, очевидно, не стояли въ противорѣчіи съ широкимъ понятіемъ вотчины, какъ всякаго наслѣдственнаго владѣнія.

Особое положеніе занимали въ московскомъ служиломъ обществѣ «служебные» князья съ ихъ вотчинами. Тогда какъ вольные слуги вообще сохраняли за собой право свободнаго перехода съ сохраненіемъ вотчинъ, служебные князья пользовались правомъ только личнаго перехода. «Князей служебныхъ съ вотчинами не принимати» становится стереотипнымъ условіемъ междукняжескихъ договоровъ. Происхожденіе этой особенности въ положеніи служебныхъ князей раскрыто Градовскимъ и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ. Въ своихъ вотчинахъ князья не были простыми частными владѣльцами; переходя на московскую службу, они сохраняли многія права своей прежней власти. Это присутствіе государственнаго элемента въ правахъ, начинавшихъ уже входить въ область права гражданскаго, естественно, открыло возможность государ-

ственной власти постепенно ограничить ихъ[1]). Государи Московскіе не могли предоставить князьямъ полныя права распоряженія на ихъ владѣнія, ибо это означало не частную свободу распоряженія имуществами, а распоряженіе государственными правами по частнымъ сдѣлкамъ. Поэтому право свободнаго перехода съ сохраненіемъ вотчинъ прежде всего было отнято у служилыхъ князей[2]). Проф. Загоскинъ, какъ мы видѣли, не обратилъ вниманія на объясненія Градовскаго и представилъ свою собственную гипотезу о нравственной связи между московскими государями и служебными князьями, основанной на клятвѣ, какъ источникѣ раннихъ ограниченій правъ служебныхъ князей. Въ послѣднее время занялся вопросомъ о служебныхъ князьяхъ В. И. Сергѣевичъ. Возникновеніе института служилыхъ князей вотчинниковъ онъ относитъ ко времени болѣе позднему, чѣмъ возникновеніе разряда безземельныхъ служилыхъ князей. «Поступленіе на службу съ вотчиной есть актъ добровольный. Князь вотчинникъ, желающій служить владѣтельному князю, бьетъ ему челомъ о принятіи его на службу вмѣстѣ съ вотчиной. Свободная отъ служебныхъ обязательствъ вотчина становится съ этого момента владѣніемъ условнымъ, принадлежащимъ прежнему вотчичу до тѣхъ только поръ, пока онъ служитъ. Вотчина служилаго князя превращается, такимъ образомъ, въ помѣстье. Необходимымъ слѣдствіемъ такого превращенія вотчины въ помѣстье является ограниченіе права распоряженія такихъ новыхъ вотчинниковъ своими вотчинами и соотвѣтствующія измѣненія въ порядкѣ наслѣдованія по закону. Въ случаѣ бездѣтной смерти служилыхъ князей вотчины ихъ поступали въ распоряженіе правительства, онѣ не могли быть отчуждаемы владѣльцемъ постороннимъ лицамъ»[3]). Проф. Сергѣевичъ и здѣсь проводитъ какъ глубокую черту между вотчиной и помѣстьемъ, условность владѣнія. Но это одностороннее разграниченіе приводитъ къ искаженію историческаго факта. Какъ далеко ни простирались ограниченія въ правахъ распоряженія княжескими вотчинами, послѣднія не превратились въ помѣстья, какъ это поставилъ на видъ еще Градовскій[4]), остались вотчинами въ сознаніи самихъ вла-

[1]) Ист. мѣстн. управл., стр. 42—43.

[2]) Обзоръ ист. рус. права, стр. 117—118.

[3]) Рус. юрид. древности, т. II, вып. I, стр. 308—309.

[4]) «Конечно, ограниченіе, касавшееся княженецкихъ вотчинъ, не превращало ихъ въ помѣстья въ истинномъ смыслѣ слова. Онѣ были по прежнему имуществами наслѣдственными, переходили отъ отца къ дѣтямъ, пока извѣстный родъ служебныхъ князей оставался на службѣ великаго князя». Ист. мѣстн. управл., стр. 43.

дѣльцевъ и законодательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ оговорки и все вообще объясненіе проф. Сергѣевича, что условіе заключаемое обыкновенно между владѣтельными князьями о неотъѣздѣ служилыхъ князей съ ихъ вотчинами является «только отголоскомъ особаго соглашенія, состоявшагося между владѣтельнымъ княземъ и служилымъ». Этимъ объясненіемъ не разрѣшается еще вопросъ о томъ, почему всѣ вообще вольные нетитулованные слуги вступали съ государями въ соглашеніе только о своей личной службѣ, сохраняя за своими вотчинами свободу и независимость отъ служебныхъ обязанностей, и почему, наоборотъ, князья должны были «служити съ отчиной», ставить свои владѣнія порукой въ неотступной службѣ. Откуда явилась необходимость самаго соглашенія владѣтельнаго князя со служилымъ о неотъѣздѣ послѣдняго съ вотчиной? Существовала, очевидно, въ положеніи князей такая черта, которая проводила рѣзкое различіе между ними и массой нетитулованнаго служилаго люда, которая заставила внести особое условіе въ соглашеніе служилыхъ князей съ владѣтельными и послужила источникомъ цѣлаго ряда ограниченій въ землевладѣльческихъ правахъ князей. Эта черта, сохраненіе даже измельчавшими князьями-вотчинниками традиціи политическаго, государственнаго владѣнія, давно уже указана Градовскимъ, подтверждена г. Владимірскимъ-Будановымъ, но оставлена безъ вниманія гг. Загоскинымъ и Сергѣевичемъ. Соединенное съ этими традиціями государственной власти право отъѣзда съ сохраненіемъ вотчинъ должно было грозить цѣлости государственной территоріи. Тогда какъ вотчина простаго служилаго человѣка и послѣ его отъѣзда продолжала тянуть судомъ и данью «по землѣ и по водѣ», не выходила изъ государственнаго обладанія того князя, которому служилъ отъѣхавшій,—служилый князь, отъѣзжая, увозилъ съ собой на службу другому государю не только частновладѣльческія права на свои вотчины, но и права государственнаго характера. Судъ и дань, которые простой слуга получалъ, какъ особое пожалованіе, принадлежали князю вотчиннику уже въ силу указанной традиціи государственнаго владѣнія. Поэтому право князей переходить съ вотчинами отъ одного государя къ другому разсматривалось какъ отголосокъ права свободы во внѣшнихъ государственныхъ сношеніяхъ. Отнятіе у нихъ этого права можно сопоставить съ принужденіемъ московскими государями нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей «не канчивати», т. е. не заводить безъ вѣдома Москвы внѣшнихъ сношеній.

Служилые князья, какъ и всѣ вообще вольные слуги, несли службу не только со своихъ родовыхъ вотчинъ, обломковъ старыхъ удѣловъ, но и съ вотчинъ жалованныхъ. Въ землевладѣльческомъ положеніи этихъ князей первоначально также замѣчаются нѣкоторыя особенности, прежде чѣмъ ихъ жалованныя вотчины слились съ вотчинами прочихъ разрядовъ служилыхъ людей. Безземельными выходцами на московскую службу являлись по большей части князья иноземные изъ Литвы и Орды и очень рѣдко князья сѣверо-восточные рюриковичи, которые дѣлались служилыми князьями, оставаясь на своихъ родовыхъ вотчинахъ [1]). Лѣтописныя извѣстія о многочисленныхъ князьяхъ выходцахъ, черниговскихъ, смоленскихъ, литовскихъ, татарскихъ царевичахъ, за нѣкоторыми исключеніями ничего не говорятъ о характерѣ пожалованій, какихъ удостоивались эти выходцы отъ московскихъ государей. Приведемъ эти рѣдкія извѣстія. Въ 1378—79 г. воеводы Дмитрія Донскаго, съ которыми вмѣстѣ былъ кн. Андрей Ольгердовичъ Полоцкій, ходили въ Литву и взяли Трубчевскъ и Стародубъ. Трубчевскій князь Дмитрій Ольгердовичъ не захотѣлъ биться, а съ женой, дѣтьми и боярами отправился въ Москву, къ великому князю, «гдѣ урядися у него въ рядъ и крѣпость взя». Ему былъ данъ Переяславль Залѣсскій со всѣми пошлинами [2]). Въ 1407 г. изъ Новгорода пріѣхалъ въ Москву кн. Юрій Святославичъ Смоленскій, которому Василій Дмитріевичъ далъ «намѣстничество» въ Торжкѣ [3]). Въ 1408 г. выѣхалъ въ Москву князь литовскій Свитригайло Ольгердовичъ со многими другими южно-русскими князьями и боярами: «князь же великій Василій Дмитріевичъ пріатъ его съ честію и дасть ему градъ Володимеръ со всѣми волостми и съ пошлинами и съ селы и съ хлѣбомъ, такоже и Переяславль, потому же и Юрьевъ-Польскій и Волокъ-Ламскій и Ржеву и половину Коломны» [4]). Въ 1482 г. кн. Ѳед. Ив. Бѣльскому вел. князь Иванъ Васильевичъ далъ «городъ Дѣмонъ въ вотчину да Мореву и съ многими волостми» [5]). Въ 1558 г. выѣхалъ въ Москву на службу кн. Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, «и царь государь его пожаловалъ

[1]) Исключеніе составляютъ нѣкоторые Тверскіе князья, отъѣзжавшіе на службу Москвѣ безъ вотчинъ. Такъ въ 1485 г. выѣхали въ Москву кн. Осипъ Дорогобужскій и кн. Андрей Микулинскій, получившіе за выѣздъ первый Ярославль, второй Дмитровъ.

[2]) П. С. Р. Л., VIII, 34; Никон. лѣт., IV, 84.

[3]) Никон. лѣт., V, 8; По Воскресенской просто Торжокъ: П. С. Р. Л., VIII, 81.

[4]) Никон. лѣт., V, 16.

[5]) П. С. Р. Л., VIII, 214.

великимъ своимъ жалованьемъ, и далъ ему отчину городъ Бѣлевъ со всѣми волостми и селы, да въ иныхъ городахъ села подклѣтныя государь ему подавалъ и великими жалованьи устроилъ» [1]). Проф. Сергѣевичъ, давая общую характеристику положенія безземельныхъ выходцевъ князей, различаетъ въ щедрыхъ пожалованіяхъ, которыми они награждались за выходъ, съ одной стороны кормленія, т. е. доходныя должности намѣстниковъ и воеводъ въ городахъ, съ другой — земли, волости и села. И то и другое давалось, конечно, подъ условіемъ службы. Это различеніе владѣльческихъ правъ выходца князя еще не даетъ цѣльной характеристики его положенія. Князь-выходецъ, пожалованный городомъ и волостями, былъ не только великокняжескимъ намѣстникомъ въ городѣ и помѣщикомъ въ селѣ. Совокупное владѣніе городомъ и его волостями и селами выдѣляло такого князя изъ среды простыхъ намѣстниковъ-кормленщиковъ и служилыхъ людей, сельскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Далѣе князья, какъ сѣверо-восточные, такъ и южно-русскіе и литовскіе, поступая во второй половинѣ XIV-го и XV вв. на московскую службу, съ вотчинами или безъ вотчинъ, не сразу размѣщались на лѣстницѣ московской чиновной іерархіи, но продолжали составлять особую группу слугъ, стоявшую особнякомъ и выше массы остальныхъ вольныхъ слугъ. Князь безземельный выходецъ по своему служебному положенію ближе всего примыкалъ къ своему собрату, князю вотчиннику. Если необходимо освѣтить аналогіей и владѣльческое положеніе князя выходца, пожалованнаго городомъ съ волостями, селами и деревнями, то такую аналогію можно указать также въ положеніи князя вотчинника, владѣющаго частью своего бывшаго удѣла. Глубокое различіе въ положеніи того и другого князя, повидимому, можно провести въ томъ отношеніи, что владѣльческія права одного опирались на наслѣдственную преемственность, права другого на личное пожалованіе. Но и это различіе сглаживается, до извѣстной степени, тѣмъ обстоятельствомъ, что и князь, поступившій на московскую службу съ вотчиной, владѣлъ послѣдней столько же въ силу личнаго пожалованія, сколько въ силу наслѣдственнаго права. Поступая на службу, онъ отказывался отъ своихъ владѣльческихъ правъ, и государь его жаловалъ его же вотчиной. Такимъ образомъ нѣкоторые выходцы князья, южно-русскіе и литовскіе, службой которыхъ московское правительство особенно дорожило, и по служебному и по землевладѣльческому положенію сливались съ служилыми

[1]) Никон. лѣт., VII, 293.

князьями-вотчинниками, сидѣвшими въ своихъ старыхъ удѣлахъ. Тѣхъ и другихъ сближало, во-первыхъ, достоинство крови, не успѣвшее ниспасть до значенія мертваго титула и поднимавшее ихъ выше общаго уровня московскаго служилаго класса, во-вторыхъ, объемъ и составъ владѣній (города и волости), представлявшихъ цѣлые удѣлы, въ третьихъ, характеръ владѣльческихъ правъ, право суда и дани. Но далеко не всѣ безземельные выходцы князья успѣли занять въ своемъ новомъ отечествѣ такое блестящее положеніе, какъ князь Свидригайло Ольгердовичъ или кн. Ѳед. Ив. Бѣльскій. По мѣрѣ того, какъ число выходцевъ князей увеличивалось, а служилое значеніе ихъ въ глазахъ московскаго правительства падало, по мѣрѣ того, какъ бывшіе удѣлы служилыхъ князей дробились и мельчали, и сами князья размѣщались по лѣстницѣ московскихъ чиновъ,—и безземельные князья выходцы должны были глубоко уходить въ ряды простой служилой массы и довольствоваться такими земельными пожалованіями, которыми московскіе государи обыкновенно награждали служилыхъ людей, сообразно ихъ чиновному положенію и выслугѣ. Пожалованіе этимъ князьямъ городовъ обусловливалось уже не достоинствомъ ихъ происхожденія и необходимостью поставить ихъ на одну ногу съ служебными князьями, владѣльцами старыхъ удѣловъ; князь сталъ получать городъ въ кормленіе уже на правахъ рядового слуги государя, его намѣстника [1]).

Мы различили въ московскомъ государствѣ три группы вотчинъ въ ту эпоху, когда постепенно подготовлялось подчиненіе всего частнаго землевладѣнія обязательной государственной службѣ. Владѣльческія права вотчинниковъ каждой изъ этихъ трехъ группъ покоились на различныхъ основаніяхъ. Тогда какъ вотчинники первой группы владѣли своими вотчинами на правахъ полной безусловной собственности, независимо отъ ихъ служебныхъ отношеній, землевладѣльческое положеніе вотчинниковъ второй и третьей группъ опредѣлялось въ извѣстной мѣрѣ ихъ службой. Права вотчинниковъ второй группы, наслѣдственныхъ владѣльцевъ земель, жалованныхъ подъ условіемъ службы, опирались уже съ одной стороны на наслѣдственность, одинъ изъ существенныхъ признаковъ права полной собственности, съ другой на условіе службы. Наконецъ владѣльческія права третьей группы вотчинниковъ, служилыхъ князей, осложнялись еще однимъ элементомъ, традиціей государственной власти, политическаго владѣнія. Этотъ элементъ политической власти

[1]) Подробности о происхожденіи и положеніи служилыхъ князей вотчинниковъ и безземельныхъ у проф. Сергѣевича въ Рус. Юрид. Древн., т. II, в. I, стр. 302 и слѣд.

не позволилъ князьямъ при поступленіи на московскую службу сохранить за собою привиллегію вотчинниковъ первой группы, право отъѣзда съ сохраненіемъ вотчинъ, такъ какъ это грозило бы цѣлости государственной территоріи. Служилые князья, какъ землевладѣльцы, слились съ вотчинниками второй группы. Они остались вотчинниками, потому что были родовыми, наслѣдственными владѣльцами своихъ земель, но они перестали быть полными ихъ собственниками, потому что ихъ владѣльческія права ограничивались условіемъ службы. Въ сліяніи всѣхъ этихъ формъ вотчиннаго землевладѣнія и заключался процессъ превращенія частновладѣльческой вотчины, свободной отъ службы, въ служилую землю. Государство старалось всѣ права собственности поставить въ такую зависимость отъ интересовъ службы, при которой «земля бы изъ службы не выходила». Указами о родовыхъ княжескихъ вотчинахъ средины XVI в. оно добилось того, что князья не сохранили ни одного изъ правъ собственности, которое бы въ большей или меньшей степени не было стѣснено интересами службы. Въ разрѣзъ съ этой государственной точкой зрѣнія шло противоположное стремленіе всякаго наслѣдственнаго владѣнія подъ условіемъ службы пріобрѣсти на основѣ наслѣдственности всѣ черты полной собственности. «Земли служни» въ первой половинѣ XVI в. являются уже вотчинами въ смыслѣ полной частной собственности своихъ владѣльцевъ, но сохраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ служилое значеніе. Отголоски борьбы обѣихъ точекъ зрѣнія, государственной и частной владѣльческой, можно встрѣтить не только въ XV в., когда московскіе государи, вопреки договорнымъ нормамъ, отнимали вотчины у отъѣзжавшихъ бояръ, но и въ XVI-мъ. Лѣтописный пересказъ уложенія о службѣ 1556 г. мотивируетъ эту важную мѣру тѣмъ, что служилые люди завладѣли многими землями, а службою оскудѣли; не противъ государева жалованья и вотчинъ стала служба ихъ. Юридическое подчиненіе вотчинныхъ частновладѣльческихъ правъ условію службы еще не превращало по этому самому вотчину въ землю фактически служилую. Нельзя было сдѣлаться вотчинникомъ въ московскомъ государствѣ, не будучи слугой московскаго государя; нельзя было уйти съ его службы безъ потери вотчины. Но пока не былъ строго опредѣленъ порядокъ службы съ вотчинъ, пока служба зависѣла отъ личной ревности вотчинника, до тѣхъ поръ вотчинныя земли могли свободно ускользать отъ службы. Новое уложеніе, уравнивая въ служебномъ отношеніи вотчины и помѣстья, должно было обезпечить и фактически несеніе службы съ вотчинъ.

Съ этого времени, съ уложенія 1556 г., служба съ вотчинъ всецѣло подчиняется тому порядку, которымъ опредѣлялась служба съ помѣстій. Установленіе однообразной единицы, 100 четей доброй угожей земли, для измѣренія службы съ вотчины и съ помѣстья, совершенно сливало въ служебномъ отношеніи ту и другую землю. Вотчина должна была доставлять боевую силу въ томъ же количествѣ и такого же качества, какъ и помѣстье. Но этой формальной стороной, отождествленіемъ служилой организаціи вотчины и помѣстья, и ограничивалось вліяніе помѣстной системы на вотчинное землевладѣніе. Законодательство XVI в., послѣдовательно развивая принципъ подчиненія частновладѣльческихъ правъ интересамъ службы, иногда сближало юридически вотчину съ помѣстьемъ. Но эти случаи нельзя объяснять на основаніи только аналогіи перенесеніемъ нормъ помѣстной системы на вотчинное землевладѣніе. Мы видѣли, что идея связи поземельныхъ отношеній со служебными старше помѣстья, что послѣднее является только одной изъ частныхъ формъ осуществленія этой идеи, а не единственнымъ и полнымъ ея воплощеніемъ, что раньше помѣстья эта идея появляется въ широкой области вотчиннаго владѣнія. Законодательство XVI в. усвоило и развивало идею подчиненія частновладѣльческихъ правъ интересамъ службы независимо отъ нормъ помѣстнаго права.

ГЛАВА I.

Мобилизація вотчиннаго землевладѣнія и вотчинное законодательство XVI вѣка.

Прочность военной организаціи государства, построенной на извѣстныхъ формахъ землевладѣнія, зависѣла отъ двухъ условій: во-первыхъ, служилая земля не должна была, говоря языкомъ законодательства XVI в., выходить изъ службы, т. е. количество ея не должно было уменьшаться; во-вторыхъ, тѣ землевладѣльческія единицы, отдѣльныя хозяйства, которыя доставляли извѣстное количество боевой силы, должны были отличаться устойчивостью, не дробиться, не переходить постоянно изъ рукъ въ руки, такъ какъ постоянная мобилизація служилой земли не могла не нарушать и устойчивости основанной на ней военной организаціи, поддерживая постоянное броженіе боевыхъ силъ, не позволяя сплачивать ихъ въ стройную и прочную систему. Именно въ этихъ двухъ направленіяхъ и развивалась мобилизація служилаго землевладѣнія въ Московскомъ Государствѣ, подтачивавшая его военную силу.

Нѣтъ надобности a priori доказывать, что эта мобилизація была явленіемъ очень сложнымъ, создавалась и поддерживалась не одной какой-нибудь силой, а нѣсколькими. Долговременное увлеченіе руской науки государственной исторіей Московской Руси выдвинуло на первый планъ политическую сторону вопроса и придало этой сторонѣ преувеличенное значеніе. Широкій вопросъ о мобилизаціи служилаго вотчиннаго землевладѣнія вообще сводится къ вопросу о мобилизаціи крупнаго княжескаго землевладѣнія на основѣ политической борьбы московскихъ государей съ княжатами. Затѣмъ извѣстно, что московское правительство хорошо сознавало гибельное значеніе земельной мобилизаціи для военной организаціи государства и принимало необходимыя мѣры. И этотъ фактъ далъ основаніе разсматривать вотчинное законодательство XVI в., какъ

систему мѣръ, продуктъ зрѣлой законодательной мысли, мѣръ, долженствовавшихъ сдерживать и упорядочивать хаотическій процессъ земельной мобилизаціи. Но само по себѣ ясно, что это законодательство можетъ быть всесторонне понято только въ томъ случаѣ, если изучать его прежде всего не со стороны даваемыхъ имъ нормъ права, но какъ живой историческій фактъ, въ непосредственной связи съ тѣми живыми историческими процессами и явленіями, отраженіемъ которыхъ оно осталось. Итакъ, чтобы понять смыслъ и значеніе мобилизаціи вотчиннаго землевладѣнія XVI в., необходимо сначала послѣдовательно раскрыть живыя, бытовыя условія и причины ея, а затѣмъ уже опредѣлить отношеніе къ ней законодательной мысли. Тогда только можетъ выясниться, что новаго вносило законодательство въ ходъ событій, могло ли оно направить его въ желательномъ для себя направленіи, остановить вредную мобилизацію, какое, наконецъ, значеніе слѣдуетъ придавать политической сторонѣ вопроса.

Вотчина древней Руси была однимъ изъ типовъ служилаго землевладѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе чистой формой частной недвижимой собственности. Слѣдовательно, уже изъ ея юридической сущности вытекали тѣ силы, которыя создавали и поддерживали оживленную мобилизацію служилаго вотчиннаго землевладѣнія, т. е., нарушали два основныхъ условія прочности военной организаціи, покоющейся на этомъ землевладѣніи.

I.

Первая основная сила, дробившая частновладѣльческую вотчину XV и XVI вв. и передававшая извѣстную часть ея въ неслужилыя руки, скрывалась въ наслѣдственномъ правѣ древней Руси. Права женщинъ въ наслѣдованіи земельной собственности должны были отрывать извѣстное количество земли отъ службы, болѣе или менѣе широкій кругъ наслѣдниковъ и способы раздѣловъ наслѣдственнаго имущества оказывали то или другое вліяніе на дробленіе служилыхъ вотчинъ. Припомнимъ главныя черты обычнаго порядка наслѣдованія по завѣщанію, отношеніе къ этому порядку наслѣдованія по закону и спеціальные указы о наслѣдованіи въ XVI в.

Ущербъ для государевой службы отъ перехода извѣстной части служилой земли въ руки женщинъ ясенъ и не требуетъ доказательствъ. Остановимся только на характеристикѣ размѣровъ этого

ущерба. Объемъ и характеръ наслѣдственныхъ правъ жены на имущество мужа довольно полно и разносторонне характеризуются частными актами, особенно духовными грамотами XV и XVI вв. Духовныя завѣщанія московскихъ государей, отъ Ивана Калиты до Василія Темнаго, показываютъ, что части, выдѣляемыя вдовамъ, были довольно значительны. Собственные примыслы и купли дѣлали древне-русскихъ княгинь богатыми землевладѣлицами [1]). Часть, выдѣляемая женѣ, въ великокняжескихъ духовныхъ грамотахъ имѣетъ, какъ извѣстно, двоякій характеръ. Великіе князья Иванъ Ивановичъ, Дмитрій Донской, Василій Дмитріевичъ и Василій Васильевичъ выдѣляютъ своимъ женамъ части изъ удѣла каждаго сына. Эти части носятъ строгій характеръ прожитка; вдова владѣетъ ими «до живота», а послѣ ея смерти онѣ снова возвращаются къ сыновьямъ по принадлежности. Такой способъ выдѣла вдовьей части можетъ быть объясненъ двумя обстоятельствами: 1) государственнымъ характеромъ тѣхъ имуществъ, удѣловъ сыновей, изъ которыхъ выдѣлялась прожиточная часть женѣ; 2) болѣе общимъ началомъ древнерусскаго права, по которому все наслѣдство отца принадлежало дѣтямъ, а жена владѣла этимъ наслѣдствомъ сообща съ дѣтьми или получала себѣ извѣствую часть на прожитокъ. Выдѣленіе прожитка одинаково изъ частей всѣхъ сыновей и пожизненность владѣнія имъ отнимаютъ у него характеръ самостоятельной части наслѣдства [2]). Поэтому выдѣлъ прожитка женѣ изъ удѣловъ сыновей не былъ лишнимъ шагомъ на пути дробленія княжеской вотчины. Но на ряду съ прожиточнымъ, пожизненнымъ владѣніемъ, въ нѣкоторыхъ княжескихъ завѣщаніяхъ, какъ извѣстно, выдѣляется женѣ особенная, самостоятельная часть имущества «въ опришнину» съ правомъ полнаго распоряженія ею. Такъ Дмитрій Донской, давая женѣ кромѣ частей изъ сыновнихъ удѣловъ еще нѣсколько селъ, своихъ примысловъ, говоритъ: «а тѣми своими примыслы всѣми благословляю княгиню свою, а въ тѣхъ примыслѣхъ волна моя княгиня, сыну ли которому дастъ, по души ли дастъ, а дѣти мои въ то не вступаются» [3]). Такія же самостоятельныя «опришнины» съ полными правами распоряженія выдѣляютъ своимъ женамъ Василій Дмитріевичъ и Владиміръ Андреевичъ [4]). Таковы

[1]) См. напр. духовную княгини Евпраксіи, жены Владиміра Андреевича, и великой княгини Софіи Витовтовны, С. Г. Гр. и Д., I, №№ 82, 83.

[2]) Влад. Будановъ, Обзоръ, стр. 415 — 416; Сергѣевичъ, Лекціи и Изслѣдованія, 550 и слѣд.

[3]) С. Г. Гр. и Дог., I, № 34.

[4]) Ibid., №№ 39, 40.

въ краткихъ словахъ наслѣдственныя права княгинь при раздѣлѣ наслѣдства между взрослыми дѣтьми. При малолѣтствѣ дѣтей права матери стоятъ неизмѣримо выше. Она воплощаетъ въ своемъ лицѣ право малолѣтнихъ на полученіе самостоятельной доли въ наслѣдствѣ. Поэтому Иванъ Калита даетъ женѣ не прожиточную часть изъ удѣловъ сыновей, а отдѣляетъ съ меньшими дѣтьми вполнѣ самостоятельную часть. Семенъ Ивановичъ, послѣ котораго, повидимому, остался сынъ, весь свой удѣлъ отказываетъ женѣ безъ всякихъ оговорокъ о правахъ сына или братьевъ. Эти же начала развиваются въ духовныхъ завѣщаніяхъ частныхъ лицъ XV и XVI вѣковъ. Часто имущество отказывается безраздѣльно женѣ и дѣтямъ [1]). Такой порядокъ вызывался, естественно, малолѣтствомъ дѣтей, невозможностью произвести между ними раздѣлъ при жизни завѣщателя. Жена занимала мѣсто мужа въ управленіи оставшимся послѣ него имуществомъ. Фактически въ положеніи вотчины, перешедшей въ нераздѣльное обладаніе вдовы и дѣтей, не происходило, конечно, никакой перемѣны, а служилое ея значеніе измѣнялось въ томъ отношеніи, что владѣльцами ея оказывались малолѣтніе, неспособные къ службѣ. Но нераздѣльность вотчины была только временнымъ состояніемъ. Постепенно, по достиженіи совершеннолѣтія, сыновья выдѣлялись матерью, причемъ ея доля обыкновенно соединялась съ тою долей, которая оставалась младшимъ послѣ выдѣла старшихъ. Равнымъ образомъ и отецъ при жизни распоряжался иногда такимъ образомъ, что взрослые сыновья получали отдѣльныя части, а малолѣтніе совмѣстно съ матерью [2]). И въ этихъ случаяхъ, очевидно, права жены не требовали лишняго дробленія вотчины. Положеніе совершенно измѣнялось, когда всѣ сыновья становились совершеннолѣтними и получали самостоятельныя части въ наслѣдствѣ. Тогда необходимость обезпечить судьбу вдовы требовала выдѣла ей извѣстной части изъ имущества мужа. Но былъ ли этотъ способъ обезпеченія единственно возможнымъ и необходимымъ? Одно духовное завѣщаніе 1558—1559 г. показываетъ, что существовалъ и другой способъ. Нѣкто Василій Дуровъ отказываетъ женѣ только ея приданое, треть села, платье и саженье, за которое она по желанію можетъ взять 50 руб. деньгами; зато онъ предоставляетъ женѣ право жить у того изъ сыновей, у котораго она захочетъ, а тѣ двое, у которыхъ она не будетъ жить, должны давать ей въ годъ по 100 четей всякаго

[1]) А. Ю., № 409, IV, VI; 410, 416.

[2]) Ibid., № 409, II, X; 411, 415.

хлѣба; если же она предпочтетъ жить въ своей деревнѣ, то сыновья даютъ ей по 200 четей всякаго хлѣба, по 100 копенъ сѣна, дровъ и всякихъ запасовъ на ея обиходъ, сколько потребуется; если она пожелаетъ постричься, сыновья должны купить ей келью и давать всякіе запасы [1]). Насколько распространенъ былъ этотъ способъ обезпеченія вдовы, неизвѣстно. Обыкновенно въ духовныхъ завѣщаніяхъ встрѣчаемъ другой способъ, именно, выдѣлъ женѣ части, отдѣльной отъ сыновей. Въ случаѣ отсутствія дѣтей жена могла стать первой наслѣдницей даже родоваго имущества. Напримѣръ, бездѣтный Дмитрій Григорьевичъ Плещеевъ въ духовной 1558—1559 г. отказываетъ женѣ, мимо братьевъ, родовую вотчину, треть села Бѣлей съ деревнями. Братья получаютъ только исключительное право покупки этой вотчины у вдовы и выкупа въ случаѣ выхода ея замужъ. Женѣ же онъ отказываетъ съ полнымъ правомъ распоряженія московскій дворъ, такъ что жена является единственной наслѣдницей недвижимаго имущества [2]). Если жена дѣлалась наслѣдницей мимо братьевъ, то тѣмъ менѣе могли ее заслонить племянники [3]).

Если по духовнымъ завѣщаніямъ московскихъ князей часть, выдѣляемая женѣ изъ сыновнихъ удѣловъ, была въ полномъ смыслѣ слова прожиткомъ, по смерти вдовы возвращавшимся снова по принадлежности подъ дѣйствіемъ государственной идеи и не уменьшавшимъ поэтому оставленнаго дѣтямъ наслѣдства, то въ частномъ быту, наоборотъ, вдовья часть часто уже не возвращалась къ дѣтямъ, а отчуждалась на сторону. Въ нѣкоторыхъ духовныхъ завѣщаніяхъ XV в. назначенныя вдовамъ части послѣ смерти должны возвращаться дѣтямъ [4]); въ духовныхъ же XVI в. онѣ большею частью получаютъ другое назначеніе; въ случаяхъ замужества вдовы, ея постриженія или смерти, ея часть отдается по душѣ въ монастырь. Иногда послѣдствія замужества, постриженія и смерти различаются. Напримѣръ, Василій Петровичъ Кутузовъ, давая часть вотчины женѣ, обязуетъ ее возвратить эту часть въ случаѣ заму-

[1]) Сборн. Тр. Серг. Лав. № 532, л. 474.

[2]) Н. П. Лихачевъ, Сборн. актовъ, вып. I, № XI; И. Бѣляевъ, О наслѣдствѣ безъ завѣщанія, стр. 81. Еще случай отдачи всего имущества женѣ мимо родичей въ духовной XVI в. Василія Беззуба Ивановича Ларіонова, Сборникъ Н. П. Лихачева, № II. Случай наслѣдованія женою родовой вотчины у И. И. Лаппо, Тверской, уѣздъ XVI в., стр. 73.

[3]) Духовныя грам. кн. Андрея Ивановича Стародубскаго 1556—1557 г. Арх. Мин. Юст., грам. Суздальскаго у. № 11811; Сборн. Тр. Л. № 530, л. 1125. Кн. Мих. Андр. Куракина, Арх. Мин. Юст., грам. Кашин. у. № 6789.

[4]) А. Ю., стр. 435, 438, 442.

жества и постриженія его брату, а послѣ смерти предоставляетъ отдать по душѣ въ монастырь. Въ духовной Плещеева, какъ мы видѣли, сдѣлана оговорка о правѣ его братьевъ выкупить данную женѣ вотчину въ случаѣ ея замужества, о выкупѣ же изъ монастыря ничего не сказано [1]). Арина Часовникова въ завѣщаніи 1543—1544 г. отказываетъ село, данное ей мужемъ до живота, а послѣ въ монастырь, своему сыну тоже до живота, а послѣ въ монастырь; при этомъ она оговаривается, что изъ четырехъ прикащиковъ, назначенныхъ мужемъ, въ живыхъ остался только одинъ, «а мужа моего приказъ положили на мнѣ» [2]).

Такимъ образомъ скромное право на прожитокъ превращалось въ право на самостоятельную, отдѣльную часть имущества мужа, а иногда и на все имущество въ полномъ его объемѣ. Сверхъ той доли, которую жена получала изъ имущества мужа на прожитокъ, она имѣла право получить обратно свое приданое, и это право часто отрывало лишній кусокъ отъ вотчины мужа. Въ качествѣ приданаго жена приносила обыкновенно землю, платье, саженье, деньги. Случалось, что мужъ «терялъ» или «прослуживалъ» приданое жены. Въ такомъ случаѣ, если онъ не могъ уплатить свой долгъ деньгами, онъ вознаграждалъ жену опредѣленной частью своей вотчины, отдавая ее въ полную собственность жены съ правомъ продать, промѣнять и отказать по душѣ [3]). Полное право распоряженія, предоставляемое женѣ на данную за приданое вотчину, не исключало, конечно, возможности ея выкупа. Такъ Василій Петровичъ Кутузовъ, отказывая женѣ за ея приданое, платье и саженье на сумму 110 р., половину села Кондратова, предоставляетъ брату право выкупить ее за 110 руб. По смерти жены эта вотчина идетъ въ монастырь, но съ правомъ выкупа за тѣ же

[1]) Точно также и жены, отказывая мужьямъ вотчины, обязывали отдавать ихъ послѣ смерти въ монастырь. Арх. Мин. Юст., Руза, № 10235.

[2]) Акты Н. П. Лихачева, № IV. Интересенъ случай: Степанъ Далматовъ въ данной грамотѣ Лужецкому монастырю 1547 г. объясняетъ, что отецъ его благословилъ свою жену, а его Степана мать, деревней до ея живота, послѣ чего эта деревня должна перейти къ двумъ его сыновьямъ по жеребьямъ, Степану и Поліекту. Степанъ еще при жизни матери отказался отъ имѣющей перейти къ нему полудеревни въ пользу монастыря. Архим. Діонисій, Можайскіе Акты, изд. Общ. Люб. Древн. Письм. С.-Петербургъ, 1892, № 2.

[3]) А. Ю. стр., 449, 451. Кн. Судскій даетъ женѣ два села съ деревнями за ея приданое, за 300 руб., «а онъ то приданое государю прослужилъ» Акты Н. П. Лихачева, в. I, № V. Дм. Григ. Плещеевъ обязываетъ прикащиковъ возвратить его женѣ деньги за ея приданую вотчину, выкупленную родичами, «а что жены моей приданаго, платья и саженья и кузни: и то все приданое у ней готово, того есми у нея не потерялъ ничего».

110 руб. [1]). Сообразно суммѣ приданаго, даваемыя за него вотчины были иногда большихъ размѣровъ. Напримѣръ, княгиня Горбатая въ 1551 г. отказала Троице-Сергіеву монастырю цѣлую волость Юмхну съ 113 деревнями, полученную отъ мужа за ея приданое, за 400 руб. [2]). Вдова кн. Мих. Вас. Горбатаго, постригшаяся въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ, дала этому монастырю отказанную ей мужемъ за приданое вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ Шуѣ, село Ярлыково съ 33 деревнями и 7 починками [3]). Такимъ образомъ выдѣлъ женѣ извѣстной части изъ имущества мужа наравнѣ съ дѣтьми заставлялъ дробить вотчину служилаго человѣка на лишнее число участковъ и передавалъ нѣкоторые изъ нихъ въ неслужилыя руки.

Тѣже моменты можно отмѣтить и въ развитіи наслѣдственныхъ правъ дочерей на имущество отца. Сначала обычай, повидимому, строго держался принципа, что при братьяхъ сестра не вотчинница. Практическое приложеніе этого принципа особенно ясно выражалось въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщатель оставлялъ беременную жену. Въ случаѣ рожденія сына ему безраздѣльно отказывалась вся вотчина и кассировалось все ранѣе сдѣланное распредѣленіе имущества между женой, дочерями и другими родичами. Напримѣръ, кн. Ив. Өедор. Судскій въ своемъ завѣщаніи распредѣляетъ свои вотчины между монастырями, женой (за приданое) и двумя дочерями, которымъ даетъ по нѣсколько селъ и деревень въ приданое: «а пойдутъ дочери за-мужъ, и онѣ въ тѣхъ селахъ вольны, то имъ за саженье и за свадебный нарядъ» [4]). Но жена остается беременной. Рожденіе сына должно измѣнить весь порядокъ, установленный завѣщаніемъ: «и Богъ пошлетъ сына, ино сыну моему вотчина вся, села и деревни», т. е. надо думать, вся вотчина за исключеніемъ селъ, отданныхъ на поминовеніе души монастырямъ, остается нераздѣльной подъ управленіемъ жены, а дочери сохраняютъ право получить изъ отцовскаго имущества приданое при выходѣ за-мужъ, въ тѣхъ, вѣроятно, размѣрахъ, которые указаны въ завѣщаніи при первоначальномъ распредѣленіи иму-

[1]) Ibid., № XIV. Также вдова Ив. Конст. Замыцкаго, Устинья Иванова, давая по приказу мужа Троице-Сергіеву монастырю с. Нарѣчье съ семью деревнями, отказанное ей за ея приданое, предоставляетъ деверьямъ право выкупить вотчину за 240 руб. Арх. Мин. Юст., грам. Дмитров. у. № 3806.

[2]) Акты г. Лихачева, в. I, № VII.

[3]) Рум. Музей, Сборн. № 53, л. 30—31.

[4]) Наоборотъ жена, выходя замужъ, теряетъ вотчину, данную ей за приданое. Дѣти могутъ ее выкупить за сумму приданаго, за 300 руб.

щества. Въ случаѣ же рожденія дочери, послѣдняя получаетъ также часть вотчины, наравнѣ съ старшими сестрами. [1]).

Но принципъ «сестра при братѣ не вотчинница» не былъ такъ уже невыгоденъ для первой, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, не былъ потому, что онъ имѣлъ только временное приложеніе, до выхода дочери въ замужество. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ XV и XVI вѣковъ на сыновей наслѣдниковъ возлагается обязанность выдать за-мужъ ихъ сестеръ «по силѣ» [2]). Это обязательство чисто нравственнаго характера не опредѣляло ни того рода имущества, изъ котораго должно быть выдано приданое, ни его количества. Земельныя имущества не составляли необходимой его принадлежности; въ актахъ упоминается иногда только платье, саженье, деньги. Но едва-ли можно сомнѣваться, съ другой стороны, въ распространенности обычая давать въ приданое земли, по недостатку денежныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ необходимость выдѣла дочери извѣстной части отцовскаго имущества въ приданое дѣлала ее вотчинницей при братьяхъ съ момента выхода въ замужество. Это былъ уже предѣлъ, сильно ограничивавшій дѣйствіе указаннаго выше принципа, столь безусловно невыгоднаго на первый взглядъ для дочерей. Наконецъ послѣдней ступенью въ развитіи наслѣдственныхъ правъ дочери было признаніе ея права на полученіе доли наслѣдства наравнѣ съ братомъ. Въ духовной Ѳ. Гр. Ракитина 1551—1552 г. встрѣчаемъ явленіе какъ разъ противоположное тому, съ которымъ знакомитъ насъ духовная кн. Судскаго. Ракитинъ также распредѣляетъ свои вотчины между женой и дочерьми. Но рожденіе сына влечетъ за собой только ту перемѣну, что онъ получаетъ одно изъ селъ, отказанныхъ женѣ. Дочери остаются при своихъ доляхъ [3]). Въ началѣ XVII вѣка складывается въ обществѣ убѣжденіе, что дочь такая же вотчинница, какъ и сынъ. Въ одномъ судномъ дѣлѣ 1624 — 25 г. читаемъ такой аргументъ: «по государеву де указу вотчинамъ каковъ вотчичъ сынъ, такова вотчица и дочь; то де все равно; то де не вина, что Арина Васильевна за дочерью своею въ приданое дала, дочь де такова же вотчица, что и сынъ» [4]). Но по справкѣ въ Помѣстномъ При-

[1]) Случилось, вѣроятно, послѣднее. Кн. Иванъ Ѳедоровичъ былъ послѣднимъ княземъ Судскимъ. См. подобное же завѣщаніе Петра Малечкина 1524 г. въ А. Ю., № 418.

[2]) Напримѣръ: «а что моя дочи Настасья, и моя жена Ѳедосья, съ моими дѣтми и съ своими, съ Дмитріемъ и съ Ѳедоромъ и съ Ильею, отдадутъ ее за-мужъ попригожю, какова ихъ сила». А. Ю., стр. 436.

[3]) Н. П. Лихачевъ, Сборн. Актовъ, стр. 25.

[4]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, стр. 267.

казѣ такого указа, который прямо разрѣшалъ бы женѣ отдавать по смерти мужа его родовыя вотчины въ приданое дочерямъ, не оказалось. [1]) Наконецъ, по общему правилу, утвержденному главными законодательными памятниками московской Руси, при отсутствіи сыновей дочь становилась ближайшей наслѣдницей отца, даже впереди ближняго рода. [2]).

Таковы основныя черты наслѣдованія вотчинъ по женской линіи. Практика и воля завѣщателя безконечно ихъ разнообразили и, можно думать, скорѣе расширяли, чѣмъ суживали права женщинъ. Стремленіе уравнять наслѣдственныя права мужчинъ и женщинъ приводило и къ равенству правъ потомства той и другой линіи. Для примѣра укажемъ на два духовныхъ завѣщанія. Въ первомъ завѣщаніи, Андрея Тушина, 1562—63 г. земельное имущество распредѣляется слѣдующимъ образомъ. Полсела Семеновскаго Тушина завѣщатель отдаетъ церкви Спаса на Сходнѣ; четверть этого села даетъ сестрѣ своей Степанидѣ, находящейся въ замужествѣ за кн. Петромъ Иван. Телятевскимъ, взамѣнъ недостающаго ей приданаго въ 100 р.; остальную четверть того же села назначаетъ ея сыну, своему племяннику; по смерти Степаниды и въ случаѣ отсутствія дѣтей у ея сына вся половина названнаго села отходитъ къ тому же монастырю Спаса на Сходнѣ; брата и его дѣтей завѣщатель надѣляетъ с. Носковымъ, а сверхъ того дѣтямъ его отказываетъ нѣсколько деревень въ Углицкомъ уѣздѣ; внучатамъ, дѣтямъ покойной дочери, даетъ село Порѣчье; другую замужнюю дочь благословляетъ селомъ Литвиновымъ, которое въ случаѣ ея бездѣтности переходитъ къ церкви Пречистой въ Угличѣ; наконецъ, внукамъ отъ третьей дочери назначается въ Вяземскомъ стану село Ивановское [3]). Этотъ частный примѣръ обрисовываетъ, по нашему мнѣнію, общій характеръ завѣщанія XV — XVI вѣковъ, направленнаго къ равномѣрному распредѣленію имущества между всѣми членами семьи и ихъ потомствомъ.

[1]) Ibid., 278. Влад. Будановъ такъ объясняетъ происхожденіе наслѣдованія сестеръ при братьяхъ: «Выдѣлъ дочерямъ приданаго приближается постепенно къ праву наслѣдства ихъ при братьяхъ на опредѣленную закономъ часть имущества. Это совершается въ слѣд. порядкѣ: сначала приданое становится частью на прожитокъ, т. е. дается независимо отъ выхода въ замужество; а это можетъ случиться лишь по смерти отца, когда братья приступаютъ къ раздѣлу. Такимъ образомъ право полученія дочерью части на прожитокъ становится уже въ зависимость отъ смерти отца и тѣмъ получаетъ значеніе наслѣдованія». Обзоръ, 425—426.

[2]) Судебникъ 1497 г., ст. 60, Суд. Цар., ст. 92, Улож., XVII, 2.

[3]) Сборн. Тр. Л. № 530, л. 71.

Но эта тенденція вела, какъ это мы видимъ въ данномъ случаѣ, къ полному разрушенію служилой вотчины; не смотря на то, что у завѣщателя есть братъ, онъ раздаетъ бо́льшую часть имущества по женской линіи и даже заранѣе опредѣляетъ его дальнѣйшую судьбу, предназначая его въ пользу монастыря и церкви. Какъ на другой примѣръ стремленія къ уравненію наслѣдственныхъ правъ родичей по женской линіи сравнительно съ мужской, можно указать на завѣщаніе Семена Дмитріевича Пѣшкова-Сабурова 1559—60 г. Онъ называетъ четырехъ своихъ родичей по мужской линіи, носящихъ ту же фамилію Пѣшковыхъ, но только одному изъ нихъ, племяннику Петру Михайловичу, назначаетъ часть своей вотчины; остальная часть распредѣляется между родичами по женской линіи, племянниками Григор. Андр. Булгаковымъ и Григор. Ив. Нагово, сестрой Ѳедосьей, въ замужествѣ Жулебиной, съ тремя сыновьями, племянницей Маріей Пѣшковой [1]).

Наконецъ, служилая вотчина дробилась подъ вліяніемъ различныхъ способовъ ея раздѣла между нѣсколькими сонаслѣдниками. А тотъ или другой способъ раздѣла отражался и на ея служиломъ значеніи.

Въ памятникахъ XVI в. встрѣчаемъ нѣсколько способовъ владѣнія вотчиной, перешедшей по наслѣдству въ руки нѣсколькихъ лицъ. Такъ общее, нераздѣльное владѣніе наслѣдственной вотчиной можно наблюдать и въ XVI вѣкѣ. Въ писцовыхъ книгахъ часто встрѣчаемъ вотчины, записанныя совмѣстно за нѣсколькими братьями или другими родичами. При раздѣлахъ наслѣдственныхъ вотчинъ иногда 2—3 брата представляютъ одно лицо, получаютъ по раздѣлу часть вотчины въ свое общее владѣніе [2]). Но общность владѣнія въ XVI в. уже не была замкнутой и ненарушимой. Въ эту эпоху она представляется временной мѣрой, обусловленной невозможностью произвести немедленный раздѣлъ по причинѣ малолѣтства одного или нѣсколькихъ изъ сонаслѣдниковъ. Такое значеніе общности владѣнія обнаруживается въ томъ, что прекращеніе этой общности наступаетъ не сразу, выражается не въ одновременномъ раздѣлѣ вотчины между всѣми наслѣдниками, а въ постепенномъ выдѣленіи каждому наслѣднику слѣдуемой ему части. Естественно, что прежде другихъ выдѣлялись старшіе наслѣдники, какъ болѣе способные вести самостоятельное хозяйство въ своихъ

[1]) Акты Н. П. Лихачева, в. I, № XIII. Еще прим. раздробленія служилой вотчины, И. И. Лаппо, Тверской у. XVI в., стр. 73.

[2]) А. Ю., № 263. Раздѣльная князей Кемскихъ на вотчину 1520 г.

жребіяхъ, тогда какъ малолѣтство хотя бы одного изъ нихъ дѣлало невозможнымъ окончательный реальный раздѣлъ наслѣдственной вотчины [1]). Понятно, что служилое значеніе вотчины, остающейся въ общемъ владѣніи, нераздѣленной между наслѣдниками, не терпѣло при этомъ никакого ущерба и оставалось безъ всякой перемѣны.

Но общее владѣніе было состояніемъ временнымъ и прекращалось, какъ скоро всѣ совладѣльцы достигали зрѣлаго возраста и начинали чувствовать потребность и способность вести вполнѣ самостоятельныя хозяйства. Тогда производился раздѣлъ. Въ XV и XVI вв. встрѣчаемъ два способа раздѣла наслѣдственныхъ вотчинъ. Первый способъ заключался въ томъ, что дѣлилась не только вся совокупность тѣхъ хозяйственныхъ единицъ, изъ которыхъ слагалась вотчина, селъ, деревень, пустошей и разныхъ угодій, но дробились на жеребьи и эти единицы, дѣлился даже дворъ и отдѣльныя хозяйственныя службы. Приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ подобнаго дѣлежа. Въ 1541 г. князья Ѳедоръ и Іосифъ Угольскіе подѣлили между собой село Покровское: «мнѣ князь Ѳедору полоса сѣверная, а мнѣ князь Осифу полоса южная, а земли въ селѣ и въ деревнѣ въ Брашнѣ и въ Мелеховѣ деревнѣ пашни по половинамъ; а мнѣ ся князь Ѳедору достало, изба большая, да повалуша, да синникъ, а мнѣ князь Осифу досталося горница съ синьми и съ подсиньми» [2]). Въ 1542—43 г. братья Юрій и Ѳедоръ Зварыкины по благословенію матери подѣлили между собою отцовскую вотчину, с. Буженинино съ деревнями. Братъ Юрій взялъ излюбленную половину, при чемъ на его долю досталось: «горница съ комнатою старая да повалуша да сѣни взяти отъ новыхъ хоромъ къ старымъ хоромамъ, да изба воротняя, да погребъ, да ледникъ, да поварня сытовняя, да житница на дворѣ лутчая, да двѣ житницы на огородѣ, да ворота большія, да половина переходовъ, 4 звена заборовъ и съ мостомъ, да девять столбовъ, да 5 столпковъ, кони вяжутъ, да 15 звенъ забору около двора и столбы, да полчетверти звена забору около конюшеннаго двора, да два хлѣва отъ воротной избы, да денникъ, да половина сада и огородовъ и хмельни-

[1]) Напримѣръ, въ 1516—17 году четверо братьевъ Пересвѣтовыхъ подѣлили между собой вотчину отца своего: старшему достались двѣ деревни, а тремъ младшимъ сообща 1 село и $^1/_2$ деревни. Сборн. Тр. Серг. Лавры № 532, л. 554. Въ 1587—88 году Марія Ромейкова при своемъ животѣ благословила сына своего Ивана частью его старинной вотчины, остальная часть которой осталась въ общемъ владѣніи 3-хъ братьевъ его. А. о. до Ю. Б., I, № 105, II.

[2]) А. Ю., № 265.

ковъ и гумна по половинамъ,—то къ старымъ хоромамъ на Юрьеву половину, да дѣловыхъ людей дворы на Юрьеву-жъ половину (перечисляются по именамъ 6 дворовъ), да на тужъ на Юрьеву половину на правой сторонѣ два двора (названы имена) и съ землею, что подъ хоромишки и съ огородишки, а поповъ дворъ вопчей монастырь, да на тужъ Юрьеву половину снести Ѳедоровы половина съ охановскаго двора изба, да тынишка, да клѣтишка, да овинъ, да изба плоская, да съ Костина двора Долгово снести изба, да съ Вахрамѣева двора снести изба да клѣть да ворота, да съ двора снести клѣтка съ подклѣткомъ, да хлѣвъ въ столбѣхъ новъ о двунадцати стѣнахъ, то все снести съ правые стороны, съ Ѳедоровы половины, на лѣвую сторону, на Юрьеву половину». Далѣе перечисляются деревни на Юрьеву половину, «ѣдучи отъ Москвы на лѣвую сторону»; роща большая и лугъ раздѣлены по половинамъ; озеро оставлено въ общемъ владѣніи; два пруда отнесены на Юрьеву половину [1]). Еще примѣръ. Въ 1541—42 году Ѳетинья, жена Владиміра Семеновича, по его приказу, подѣлила между своими двумя сыновьями свою вотчину, село Ларіоново съ землей и дворами по половинамъ. Сыну Ивану достался дворъ большой, да еще три двора со всѣми хоромами, да гумно старое съ хмѣльниками и съ огородами. Сыну Лаврентію досталось 4 двора съ хоромами, да гумно новое, что стоитъ за большимъ дворомъ; земли обоимъ сыновьямъ по $1/_2$ поля; дѣлежъ производился по жеребью и вынялся жребій Лаврентью, что снести ему хоромы отъ брата Ивана съ усадища на свою землю [2]). Такимъ путемъ отдѣльныя хозяйственныя единицы, села и деревни, могли дѣлиться на большое число мелкихъ жеребьевъ. Напримѣръ, въ 1543—44 году Кокошкинъ-Глѣбовъ отдаетъ въ Троице-Сергіевъ монастырь седьмой жребій сельца Перемилова у Дмитрова на посадѣ; этотъ жребій содержитъ въ себѣ 3 двора пашенныхъ людей на трехъ вытяхъ, 1 дворъ непашенныхъ людей и 3 десятины боярской пашни [3]). При дѣлежѣ на жеребьи села обыкновенно въ общемъ владѣніи оставалась церковь, церковные дворы и пашня [4]). Деревни и пустоши, принадлежащія къ извѣстному раздѣленному селу, или также дѣлятся на такое же число жеребьевъ каждая, или къ каждому жеребью села приписывается группа цѣльныхъ деревень и пустошей [5]).

[1]) Сборн. Тр. Серг. Лавры № 530, л. 542 об.

[2]) Ibid., л. 1389 об.

[3]) Сборн. Рум. Музея, № 53, л. 54.

[4]) Напр., Арх. Мин. Юст., грам. Переясл.-Залѣс. у. № 8841.

[5]) Арх. Мин. Юст., грам. Переясл.-Залѣс. у. № 8841; Рум. Музей, грамоты Бѣ-

Этотъ способъ раздѣла частновладѣльческой вотчины находитъ себѣ полную аналогію въ раздѣлахъ на трети и половины нѣкоторыми владѣтельными князьями, напримѣръ, московскими и ростовскими, главныхъ городовъ ихъ удѣловъ. Громадная разница по значенію и богатству между Москвой и другими удѣльными городами московскаго княжества заставляла великаго князя уравновѣшивать удѣлы старшаго и младшихъ сыновей дачей послѣднимъ извѣстной части въ Москвѣ. Въ частномъ быту необходимость послѣдовательнаго дѣлежа на жеребьи всего имущества вызывалась недостаткомъ денежныхъ капиталовъ, не позволявшимъ прибѣгать для удобства раздѣла къ денежной оцѣнкѣ имущества. Раздѣленіе Москвы на трети въ XIV и XV вѣкахъ сводилось, какъ извѣстно, къ дѣлежу доходовъ и не нарушало ея государственнаго и административнаго единства. Точно также не теряла своей хозяйственной цѣльности и вотчина, раздѣленная на жеребьи между наслѣдниками. Всѣ жеребьи села или деревни оставались соединенными въ одной хозяйственной системѣ, подчинялись одному хозяйственному обороту. Служилое значеніе вотчины непосредственно также не претерпѣвало никакого измѣненія съ раздѣломъ ея на жеребьи, такъ какъ ея хозяйственное единство и строй оставались безъ перемѣны. Пока всѣ совладѣльцы были служилыми людьми, вотчина оставалась такой же цѣльной служилой единицей, служба съ нея регламентировалась также, какъ и до раздѣла. Но раздѣлъ вотчины, независимо отъ способа дѣлежа, открывалъ широкій путь выходу земли изъ службы. Нѣкоторые жеребьи переходили въ руки неслужилыя. Каждый изъ совладѣльцевъ, вступая послѣ раздѣла въ полное обладаніе своимъ жеребьемъ, тотчасъ же могъ воспользоваться принадлежащими ему правами распоряженія и отдать его неслужилому лицу. Но какъ только одинъ изъ жеребьевъ раздѣленной вотчины выходилъ изъ службы, всѣ другіе жеребьи, остававшіеся въ служилыхъ рукахъ, требовали новаго распредѣленія лежащихъ на нихъ служебныхъ тягостей.

Наряду съ разсмотрѣннымъ способомъ также распространенъ былъ и другой, основанный на болѣе новыхъ началахъ. Первый требовалъ реальнаго равенства жеребьевъ дѣлимаго имущества,

ляевск. Собран. № 113 (по описанію Лебедева): въ 1556—57 г. кн. Андрей Ивановичъ Стародубскій подѣлилъ съ своею племянницею Θеодорою, дочерью кн. Семена Ивановича, вотчину свою въ Дмитровскомъ уѣздѣ, деревни: Рязаново, Гусельниково, Бороздино и 2 пустоши; каждая деревня раздѣлена на 2 жеребья по нѣсколько вытей. Тр. Сборн. № 530, л. 260 об.

второй допускалъ уже условное равенство и полюбовное соглашеніе. Отдѣльныя единицы имущества уже не дробятся, но въ цѣльномъ видѣ входятъ въ составъ части каждаго владѣльца. Въ силу условнаго равенства въ одну часть входитъ большее число хозяйственныхъ единицъ, въ другую меньшее. Если вотчина состояла изъ большого села и ряда мелкихъ деревень и пустошей, то отдача села одному изъ наслѣдниковъ должна была уравновѣситься выдѣленіемъ въ пользу другого бо̀льшаго количества деревень и пустошей. Напримѣръ, братья Пильемовы въ 1527—28 г. подѣлили между собой свою ростовскую вотчину такимъ образомъ, что первому досталось село съ церковью, дворомъ и 10 деревнями, а второму 16 деревень съ пустошами [1]). Такимъ образомъ раздѣленная вотчина уже распадалась на нѣсколько вполнѣ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ хозяйствъ. Иногда только въ общемъ владѣніи оставалась церковь съ церковной землей и нѣкоторыя угодья. [2]). Но и при этомъ способѣ раздѣла идея равенства правъ наслѣдниковъ сказывается, между прочимъ, въ томъ, что ущербъ, понесенный однимъ изъ родичей послѣ раздѣла, можетъ повести къ новому дѣлежу. Напримѣръ, при раздѣлѣ князьями Кемскими ихъ вотчины въ 1529 году, князю Константину достались купленныя земли; поэтому князья вносятъ въ раздѣльную грамоту условіе: «будетъ тѣ земли вотчинники выкупятъ, и намъ дѣлити вотчина изнова». Предвидя возможность конфискаціи части ихъ вотчины московскимъ государемъ, князья договариваются: «а учинитъ Огосударь силу и намъ дѣлитись изнова» [3]). Служилое значеніе вотчины послѣ раздѣла по второму способу должно было уже прямо измѣниться, не потому только, что онъ открывалъ, подобно первому способу, возможность перехода части вотчины въ неслужилыя руки. Дробленіе большихъ вотчинъ спутывало организацію службы съ земли, нарушало ея устойчивость и однообразіе, мѣшало правильной и систематической регистраціи распредѣленія служебныхъ обязанностей земли. Напримѣръ, дѣти землевладѣльца, служившаго дальнюю полковую службу, послѣ раздѣла его имущества могли оказаться не въ состояніи наслѣдовать отцу въ его служебной дѣятельности и должны были перечисляться въ низшій разрядъ службы. Правительство не успѣвало, конечно, слѣдить за всѣми подобными

[1]) Сборн. Тр. Л. № 532, л. 745 об. Примѣры раздѣла вотчинъ по второму способу: А. о. до Ю. Б., I, № 105; А. Ю. № 260, 263, 264, 266.

[2]) А. Ю. № 260, I, 264; А. о. до Ю. Б., I, № 105, I.

[3]) А. Ю., № 264.

измѣненіями въ имущественномъ положеніи служилаго класса и своевременно перераспредѣлять служебныя обязанности на основаніи этихъ измѣненій.

Несмотря, однако, на такое ясное несоотвѣтствіе государственнымъ интересамъ законъ не ставилъ никакихъ ограниченій раздѣлу наслѣдственныхъ имуществъ, какъ одной изъ причинъ дробленія и измельчанія вотчиннаго землевладѣнія. Практика сохраняла коекакіе обычаи, поддерживавшіе слабое сознаніе единства разбитой вотчины; но эти обычаи не имѣли правового, обязательнаго характера и не могли остановить и парализовать зло дробленія наслѣдственныхъ вотчинъ. Такъ иногда въ раздѣльныя грамоты вносятся слѣдующія условія: «а тѣмъ землямъ межи отъ чюжихъ рубежевъ по купчей грамотѣ и по мѣновной и по духовной грамотѣ дѣда нашего: стояти намъ за тѣ за свои земли съ одного; а по грѣхомъ нашимъ доспѣется убытокъ земляной или денежной въ межахъ, и намъ тѣ убытки подымати обѣма съ одного» [1]). Но подобныя условія нисколько не нарушали самостоятельности правъ каждаго владѣльца и не мѣшали ему распоряжаться своею частью по собственному усмотрѣнію.

Итакъ, наслѣдственное право древней Руси было первымъ основнымъ факторомъ мобилизаціи вотчиннаго землевладѣнія, разрушавшей его служилое значеніе. Во-первыхъ, кругъ наслѣдниковъ не былъ замкнутъ ни предѣлами семьи, ни извѣстной степенью родства. Воля завѣщателя по произволу суживала и расширяла кругъ наслѣдниковъ родичей. Отсюда вытекало сильное дробленіе вотчинъ при наслѣдованіи. Во-вторыхъ, ограниченія наслѣдственныхъ правъ женщинъ оказывались часто фиктивными. Право на пожизненный прожитокъ превращалось въ право на извѣстную часть наслѣдства. Самый фактъ наслѣдованія женщинами недвижимыхъ имуществъ и тѣ условія, которыми оно было обставлено, открывали широкій путь къ временному или окончательному выходу земли изъ службы. Въ-третьихъ, слишкомъ прямолинейное понятіе равнаго дѣлежа, отсутствіе денежной оцѣнки имущества приводило къ крайней степени фактическаго дробленія имущества. Нельзя, наконецъ, обойти молчаніемъ обычая, тѣсно связаннаго съ распредѣленіемъ имущества по наслѣдству, именно обычая награждать по духовному завѣщанію землей въ вотчину наиболѣе заслуженныхъ и вѣрныхъ слугъ, холоповъ [2]).

[1]) А. о. до Ю. Б., I, ст. 668.

[2]) Вотъ нѣсколько случаевъ награжденія холоповъ землею въ вотчину. Пѣшковъ-

Насколько ясно сознавало правительство XVI в. причины земельной мобилизаціи, скрывавшіяся въ порядкахъ наслѣдованія, и какія мѣры принимало въ этомъ отношеніи законодательство? До второй половины XVI в. оно не ставило никакихъ преградъ волѣ завѣщателя въ опредѣленіи круга наслѣдниковъ и дробленію между ними недвижимаго имущества. Первое ограниченіе воли завѣщателя поставлено было указомъ 1562 г. Но это ограниченіе коснулось только двухъ спеціальныхъ разрядовъ служилыхъ вотчинъ, княжескихъ и выслуженныхъ; оно было вызвано особенностью положенія того и другого разряда земель [1]). Но въ принципѣ, по отношенію къ служилому вотчинному землевладѣнію вообще, воля завѣщателя осталась ничѣмъ не стѣсненной въ законодательствѣ XVI в. Порядокъ наслѣдованія по закону не исключалъ правъ женщинъ. Оба Судебника (стт. 60 и 92) поставили наслѣдственныя права дочерей выше правъ ближняго рода. Хотя эти статьи и молчатъ о правахъ жены, но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ порядкѣ законнаго наслѣдованія жена получала часть мужниной вотчины на прожитокъ. Даже по указу 1562 г. о княжескихъ вотчинахъ жена сохраняетъ право на полученіе прожитка изъ вотчины мужа; а указъ 1562 г. былъ крайнимъ моментомъ въ стѣсненіи наслѣдственныхъ правъ женщинъ и въ ограниченіи круга наслѣдниковъ вообще. Такимъ образомъ общій порядокъ наслѣдованія по закону не отрицалъ утвердившагося въ практикѣ права женъ и дочерей на полученіе извѣстной части изъ земель мужей и отцовъ. Слѣдовательно, и порядокъ наслѣдованія по закону не ставилъ преграды переходу служилой земли въ неслужилыя руки. Но статьи Судебниковъ о наслѣдованіи по закону и

Сабуровъ отказываетъ человѣку своему Оксену деревню Мелехову въ Костромскомъ уѣздѣ, Черной волости. Княгиня Авдотья Шемякина Пронская жалуетъ трехъ холоповъ за ихъ службу деревнями. Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. № 11827. Кн. Афанасій Андр. Нагаевъ-Ромодановскій даетъ человѣку своему Кудашу деревню до живота, а послѣ Троицкому монастырю. Тр. Сб. № 530, л. 1097. Ѳедоръ Неждановъ Фофановъ далъ Троице-Сергіеву монастырю деревню Плетеново въ Дмитровскомъ уѣздѣ, чѣмъ его благословилъ государь его Андрей Ивановичъ Товарковъ. Сборн. Рум. музея № 66, л. 32. Иванъ Григор. Нагово въ 1597—98 г. пожаловалъ своему человѣку Богданку въ вотчину въ Бѣльскомъ уѣздѣ сельцо Анофріевское съ шестью деревнями и четырьмя починками «за его службу и терпѣнье», за тѣ заслуги, которыя онъ оказалъ во время долгой опалы, постигшей господина. За это жалованье онъ обязанъ слѣдить за воспитаніемъ дѣтей Ив. Григор. Нагово. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. VIII, 22—23.

[1]) Подробный разборъ указовъ о княжескихъ вотчинахъ см. ниже.

указы второй половины XVI в. [1]) ограничивали нѣсколько мобилизацію служилаго вотчиннаго землевладѣнія съ другой стороны; именно, постановленія о послѣдовательномъ выступленіи правъ наслѣдниковъ, опредѣленіе круга наслѣдниковъ извѣстными степенями родства должны были до нѣкоторой степени сдерживать чрезмѣрное дробленіе вотчинъ, чѣмъ, какъ мы видѣли, обыкновенно не стѣснялась воля завѣщателя. Такъ статьи Судебниковъ, перечисляя наслѣдниковъ въ послѣдовательности ихъ правъ, суживаютъ кругъ ихъ до минимума: сыновья исключаютъ дочерей, дочери ближній родъ, отсутствіе дочерей выдвигаетъ право только «ближняго отъ рода». Естественно, что вотчина, переходя по наслѣдству въ такомъ порядкѣ, дольше сохраняетъ свою цѣльность, разрушается медленнѣе, чѣмъ по завѣщанію, когда одинаково могутъ быть призваны къ наслѣдованію и ближніе и дальніе родичи, по мужской и по женской линіи. По общему правилу указа 1562 г. «котораго боярина или сына боярскаго не станетъ бездѣтна, и ближняго роду и духовныя у него не будетъ: и та вотчина государя царя и великаго князя»; только жена получаетъ участокъ на прожитокъ по усмотрѣнію государя. Но понятіе *ближняго* родства было неопредѣленно. Поэтому на соборѣ 1573 г. былъ поставленъ принципіальный вопросъ: «у которыхъ вотчинъ вотчинники вымрутъ, и тѣ вотчины вотчинникомъ отдавати ли и по которое колѣно?». По приговору освященнаго собора и боярской Думы постановлено было «далѣе внучатъ вотчинъ не отдавати роду». Такая вотчина отбиралась на государя. [2]). Очевидно, что и указы 1562 и 1573 гг., ограничивая кругъ наслѣдниковъ, тѣмъ самымъ нѣсколько сдерживали чрезмѣрное дробленіе переходящей по наслѣдству вотчины.

Итакъ, насколько же, въ концѣ концовъ, было проникнуто законодательство XVI в. о правахъ наслѣдства сознаніемъ вреда земельной мобилизаціи? Исключительный интересъ государевой службы лежалъ въ основѣ только постановленій о княжескихъ и выслуженныхъ вотчинахъ. Дѣйствіе этого же интереса замѣтно и въ общихъ статьяхъ указовъ 1562 и 1573 гг. объ отобраніи на государя вотчинъ за предѣлами извѣстныхъ степеней родства. Но въ общемъ надо признать, что сознаніе вреда земельной мобилизаціи, какъ результата извѣстныхъ порядковъ въ наслѣдованіи недви-

[1]) Оставляемъ пока въ сторонѣ постановленія о двухъ спеціальныхъ разрядахъ вотчинъ: княжескихъ и выслуженныхъ.

[2]) Объ этомъ указѣ сравн. комментаріи Неволина, П. С. С., V, стр. 351—352 и Владимірскаго-Буданова, Хрестоматія, III, стр. 33, прим. 102.

жимыхъ имуществъ, заставило предпринять лишь нѣсколько частныхъ мѣръ, но не было настолько сильно, чтобы побудить къ кореннымъ реформамъ наслѣдственнаго права.

II.

Духовныя завѣщанія частныхъ вотчинниковъ XV и XVI вв., раскрывая дѣйствіе древне-русскаго права наслѣдованія на мобилизацію вотчиннаго землевладѣнія, вводятъ также изслѣдователя и въ другую область причинъ и условій этой мобилизаціи. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи вотчинникъ древней Руси не только распредѣлялъ имущество между наслѣдниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ ликвидировалъ всѣ свои имущественныя отношенія. Какія же условія экономическаго строя древне-русскаго общества оказывали вліяніе на дробленіе служилыхъ вотчинъ, на переходъ ихъ въ неслужилыя руки, вообще на пониженіе уровня ихъ служилаго значенія?

При первомъ же знакомствѣ съ древне-русскими духовными завѣщаніями бросается въ глаза сложная сѣть обязательственныхъ, долговыхъ отношеній, которыми каждый вотчинникъ, бѣдный и богатый, простой и знатный, связанъ былъ съ обширнымъ кругомъ лицъ. Свободу отъ долговыхъ обязательствъ встрѣчаемъ сравнительно такъ рѣдко, что ее можно считать исключеніемъ. Изъ напечатанныхъ духовныхъ грамотъ только въ нѣкоторыхъ завѣщаніяхъ новгородцевъ и двинянъ XV в. встрѣчаемъ оговорку: «а не виноватъ никому ничѣмъ, развѣ Богу душою» [1]; изъ извѣстныхъ же намъ духовныхъ завѣщаній богатыхъ вотчинниковъ XVI в. только въ одномъ завѣщаніи кн. Михаила Андреевича Куракина отмѣчено, что ни онъ никому, ни ему никто не долженъ [2]). Предметами долговыхъ обязательствъ, которыми вотчинникъ связанъ былъ съ обширнымъ кругомъ лицъ, родичей и чужеродцевъ, были денежныя суммы, разный служилый и хозяйственный инвентарь: доспѣхи, оружіе, платье, кони и хлѣбъ. Для примѣра приведемъ рядъ выдержекъ изъ духовныхъ завѣщаній богатыхъ вотчинниковъ XVI вѣка, принадлежащихъ къ высшему слою служилаго класса. Сопоставленіе этихъ выдержекъ съ тѣми духовными мелкихъ и среднихъ вотчинниковъ, которыя напечатаны въ «Актахъ Юридическихъ», показываетъ, что густая сѣть долговыхъ обязательствъ

[1]) А. Ю., № 409, II, III, VI, X.

[2]) Арх. Юст., грам. Кашин. у., № 6787.

не была характеристической чертой имущественнаго положенія одного какого-нибудь класса. Передъ нами, напримѣръ, духовное завѣщаніе Дмитрія Григорьевича Плещеева, представителя одной изъ самыхъ старыхъ и видныхъ боярскихъ фамилій Москвы и крупнаго вотчинника. Онъ перечисляетъ слѣдующія долговыя обязательства, по которымъ онъ долженъ заплатить и получить: «дати мнѣ шурину своему, кн. Богдану Петровичу Ромодановскому, 15 рублевъ по памяти; и прикащикомъ моимъ о тѣхъ деньгахъ съ шуриномъ моимъ говорити по крѣпостямъ, доискався крѣпостей сельца Сидоровскаго съ деревнями, чтобъ ему тѣхъ денегъ на душу не взяти, а корысти прикащикамъ моимъ во княжъ Богдановѣ не хотѣти ни въ чемъ. И будетъ доведется князю Богдану додати, счетчи по крѣпостямъ, и прикащикомъ моимъ кн. Богдану додати. Да взялъ есми у Дмитрія у Михайловича у Плещеева конь чалъ, цѣна ему 10 руб.; да взялъ есми у Алексѣя у Даниловича Басманова конь сѣръ, цѣна ему 6 руб., да иноходецъ буръ, а цѣна ему 5 руб., да шапку горлатну черну, а цѣна ей 4 рубли; да взялъ есми у Ѳедора у Григорьевича у Овчины Плещеева конь буръ, цѣна ему 10 руб.; да взялъ есми у брата своего у Микиты у Григорьевича меринъ карь, цѣна ему 8 руб.; да взялъ есми у кн. Дмитрія у Семеновича Шестунова меринъ гнѣдъ, цѣна ему 3 рубли, да у него жъ взялъ сукно черьвчато новогонское, цѣна ему рубль, да шапку черевью черну, цѣна ей рубль; да взялъ есми у кн. Константина у Семеновича пансырь, и прикащикамъ моимъ тотъ пансырь отдати князю Дмитрію Семеновичу лицомъ; да взялъ есми у Ѳедора у Михайловича Плещеева конь чалъ, цѣна ему 5 рублевъ; и тѣ деньги дати женѣ его Пелагеѣ; да писался есми въ память съ княземъ Андреемъ съ Ѳедоровичемъ съ Оленкинымъ въ полу пятидесяти рубляхъ у Семена у Клушина, и тѣ деньги, полпята десять рублевъ шли ко князю Андрею, а ко мнѣ тѣ деньги не шли; да заимывали есмя съ Дмитріемъ съ Михайловичемъ съ Плещеевымъ Угрѣшьскаго монастыря 10 рублевъ денегъ, и тѣ деньги шли къ намъ пополамъ, и прикащикомъ моимъ тѣ деньги заплатити, пять рублевъ съ росты по кабалѣ; а что у брата моего у Микиты кабала выкупная въ тридцати рубляхъ, а писали есмя съ нимъ для Михалка Микитина сына Тиханова у Василья у Невѣжина, и тѣ деньги ко мнѣ не шли, а шли къ Михалку; да взялъ есми у племянника своего у Ивана у Бакакина сына Хирина конь соловъ, цѣна ему 5 рублевъ; да взялъ есми у сестры своей у Настасьи у Бакакинской жены Хирина, а нынѣ Андреева жена Ива-

новича Бурухина, 20 чети ржи; да взялъ есми у Ивана у Ѳедоровича Плещеева 20 чети ржи; да взялъ есми у Андрея у Рахманинова пятдесять четей ржи; да взялъ есми у Пречистой въ Осифовѣ въ монастырѣ 5 рублевъ денегъ, и прикащикомъ моимъ тѣ деньги дати въ Осифовѣ монастырѣ игумену съ братьею; да взялъ есми у матки 10 рублевъ денегъ; да взялъ есми у Соломониды у Пятаго жены Ларивонова 4 рубли безъ гривны денегъ; да взялъ есми у княжъ Петровы Семеновича княгини Настасьи 100 чети ржи да 100 чети овса; да взялъ есми у Ивана у Яковлича Ботова 2 рубля денегъ; да взялъ есми у Василья у Захарова шубу кунью поношену, цѣна ей 4 рубли; да взялъ есми у кн. Василья у Ѳедоровича Лопатина рубль денегъ, и прикащикомъ моимъ тотъ рубль дати нищимъ по княжъ Васильевѣ душѣ, да взялъ есми у кн. Юрья у Григорьевича Мещерскаго 40 чети овса. А взяти ми на Алексѣѣ на Даниловичѣ Басманова пансырь меделянской, да взялъ у меня князь Константинъ Семеновичъ Шестуновъ гачникъ шелковъ, серебромъ окованъ, цѣна ему 3 рубли; да онъ же взялъ кафтанъ хондрячей настеганъ, цѣна ему рубль» [1])...

Такою же сѣтью крупныхъ и мелкихъ долговъ, денежныхъ и натуральныхъ, связаны были и другіе крупные вотчинники и знатные люди XVI вѣка. Такъ Семенъ Дмитріевичъ Пѣшковъ Сабуровъ въ завѣщаніи 1560 г. перечисляетъ свои денежные долги, кабальные и безкабальные, въ 1, 5, 12, 100 рублей; у разныхъ лицъ взялъ много коней и мериновъ, цѣною отъ 2 до 20 рублей. Съ другой стороны ему долженъ быть возвращенъ длинный рядъ мелкихъ суммъ, отъ полтины до «полчетвертадцать» рублевъ, и натурой: «шуба почеревесинна съ пуговицами боброва съ серебрянными, цѣна ей 6 рублевъ», «охабень мухояренъ лазоревъ, пуговицы серебряны, цѣна ему 2 руб.», «шуба бѣлья хребтовая нова, цѣна ей 3 руб.», нѣсколько коней и мериновъ разномастныхъ по 2—5 рублей [2]). Василій Петровичъ Кутузовъ въ завѣщаніи пишетъ: «дати ми Ѳедору Андрееву сыну Писемскаго 15 рублей денегъ, а въ тѣхъ если деньгахъ заложилъ три пансыри нѣмецкіе, и тѣ бы пансыри Ѳедоръ пожаловалъ, взялъ за тѣ деньги; да заимовали мы у дьяковъ великаго князя Александровскаго монастыря съ Андреемъ Ивановичемъ сыномъ Клепикова 30 руб. денегъ, и тѣхъ денегъ ко мнѣ къ Василью шло 10 рублевъ, а 20 рублевъ шло Андрею, и

[1]) Акты Н. П. Лихачева, в. I, № XI.

[2]) Ibid., № XIII.

въ тѣхъ 20 рубляхъ у меня на Андрея и отпись есть; да дати ми Александровскаго монастыря дьякамъ великаго князя 5 руб. денегъ; да дати ми дьякамъ же великаго князя Угрѣшскаго монастыря 3 руб. денегъ по кабалѣ; да дати ми старцу Васьяну Романову сыну Попову 2 руб. и полтретьятцать алтынъ по кабалѣ; да дати ми Григорію Шапкину полтину безкабально; да дати ми князю Андрею княжъ Иванову сыну Кропоткина шесть рублевъ денегъ по памяти моей руки; да дати ми Стефану, протопопу Вознесенскому, 1 руб. денегъ; да дати ми по бабиной духовной 10 руб. денегъ по церквамъ; да взялъ есми у Субботы у Кутузова тцки бѣльи хрептовы; а цѣну имъ Суббота вѣдаетъ; да дати ми Андрею Клепикову полдесята рублевъ безкабально; а взяти ми на Семенѣ на Голенищевѣ три руб. за конь» [1]... Денежные долги кн. Семена Ивановича Кемскаго равняются одному и десяти рублямъ, а имъ самимъ розданы въ долгъ суммы по 3, 5, 9, 10, 50 руб. [2]). Князю Андрею Ивановичу Стародубскому были должны: Өедоръ Михайловичъ Нагой—3 панцыря, 6 шеломовъ, 2 шамахейскихъ и 4 московскихъ, 2 коня, взятые имъ на службу; шуринъ князь Михайло—по рядной грамотѣ 90 руб.; князья Иванъ Алекс. Кривоборскій, Иванъ Черный и Петръ Васильевичи Пожарскіе со своими людьми — по 4 кабаламъ 14 рублей; князья Иванъ и Петръ Кривоборскіе — по кабалѣ 12 четей ржи; наконецъ разныя лица — по кабаламъ мелкія денежныя суммы — полтину, 4 руб., 6 руб. [3]). Также князь Иванъ Өедоровичъ Судскій перечисляетъ свои денежные долги суммами по 10, 20, 30 руб. и нѣсколькихъ коней; если тѣхъ коней не окажется «въ лицахъ», то кредиторы должны объявить ихъ цѣну; суммы, данныя въ долгъ кн. Судскимъ, заключаютъ въ себѣ отъ 5 до 20 руб [4]). Нѣкто Василій Кузьмичъ Протопоповъ, видимо человѣкъ очень богатый, въ завѣщаніи 1531 — 32 г. называетъ своими должниками рядъ князей; ему должны: князь Михаилъ Васильевичъ Вислый — 180 руб., князь Иванъ Даниловичъ Пѣнковъ — 120 руб., князь Иванъ Михайловичъ Кубенскій — 50 руб., кн. Иванъ Шапка и Семенъ Мезецкіе—70 руб., кн. Михаилъ Бабичъ — 7 руб., кн. Иванъ Михайловичъ Воротынскій — 20 руб., кн. Иванъ Ивановичъ Барбашинъ — 40 руб., кн. Өедоръ Васильевичъ Лопата—50 руб., князь Иванъ Мезецкій — 200 руб. [5]).

[1]) Ibid., № XIV.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Бѣлозерск. у., № 800.

[3]) Ibid., грам. Суздальск. у., № 11811.

[4]) Акты Н. П. Лихачева, № V.

[5]) Сборн. Тр. Л., № 530, л. 1040 об.

Эти утомительно длинные перечни долговыхъ обязательствъ, наполняющіе духовныя завѣщанія землевладѣльцевъ всѣхъ ранговъ и состояній, раскрываютъ передъ нами оборотъ экономической жизни служилаго человѣка XVI в. Главнымъ источникомъ доходовъ служилаго класса въ эту эпоху была, конечно, земля, сельское хозяйство. Но служилый человѣкъ на доходы со своей земли не только кормился самъ съ семьей и челядью, но и долженъ былъ нести службу. Потребности же и условія военной службы въ то время не могли уже удовлетворяться одними продуктами натуральнаго хозяйства, но требовали также извѣстныхъ денежныхъ капиталовъ. На крайній недостатокъ послѣднихъ и указываютъ тѣ долговыя обязательства, которыя опутывали служилыхъ землевладѣльцевъ XVI в. Мы видимъ по духовнымъ завѣщаніямъ богатыхъ землевладѣльцевъ, что даже мелкія текущія потребности личныя, хозяйственныя, служебныя, они принуждены были удовлетворять постоянными займами денежныхъ суммъ, часто очень мелкихъ, платья, служилаго инвентаря, коней, хлѣба. Можно думать, что изъ всѣхъ потребностей личныхъ, хозяйственныхъ и служебныхъ, послѣднія создавали наиболѣе серьезныя финансовыя затрудненія служилому человѣку, особенно нужда въ боевомъ снаряженіи для себя и людей и необходимость нести службу часто далеко отъ мѣста своей осѣдлости. Мы видѣли уже въ духовныхъ завѣщаніяхъ, что значительная доля долговыхъ обязательствъ, упоминаемыхъ ими, относится, именно, къ служилому инвентарю. То же самое подтверждаютъ и отдѣльныя закладныя грамоты и другіе документы, показывающіе, что служилый человѣкъ для пріобрѣтенія необходимаго боевого снаряженія бывалъ принужденъ входить въ большіе долги. Напримѣръ, князь Иванъ Васильевичъ Гундоровъ занялъ у Спасо-Евфимьева монастыря 3 коня, 5 мериновъ, 4 доспѣха, спорокъ бархатный, все цѣною 54 рубля, да деньгами 74 рубля [1]). Ѳедоръ Ивановичъ Хабаровъ у властей того же монастыря взялъ въ долгъ 7 коней и 9 мериновъ за 64 рубля, 9 доспѣховъ за 30 рублей и 150 руб. деньгами [2]). Но самымъ яркимъ примѣромъ вліянія службы на задолженность представляется такой случай. Въ 1547 г. царь Иванъ сосваталъ дочь извѣстнаго воеводы, князя Александра Бори-

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Владимір. у. № 1833. Также ibid., грам. Суздальск. у. № 11854.

[2]) Кромѣ того взялъ 200 четей ржи, «полтретьяста» четей овса, да изъ казны монастырской шубу соболью подъ бархатомъ, да опашень зуѳь голуба, а на немъ 12 пуговицъ серебряныхъ, да людскихъ 3 однорядки настрафильныхъ, да 3 кафтана настрафильныхъ, все платье цѣной 53 руб. Арх. Юст., грам. Владимір. у. № 1840.

совича Горбатаго, за кн. Ивана Өедоровича Мстиславскаго. Извѣщая объ этомъ мать невѣсты, царь писалъ ей: «да сказывалъ намъ братъ твой Өома, что князь Александръ, идучи на нашу службу, заложилъ платье твое все, и мы были велѣли платье твое выкупити; и братъ твой Өома не вѣдаетъ, у кого князь Александръ то платье заложилъ; и мы тебя пожаловали, послали тебѣ отъ себя платье, въ чемъ тебѣ ѣхати; а дастъ Богъ пріѣдешь къ Москвѣ и скажешь, у кого платье твое заложено, и мы велимъ выкупити» [1]). Бояринъ, богатый землевладѣлецъ, владѣвшій вотчинами и помѣстьями въ нѣсколькихъ уѣздахъ, принужденъ закладывать платье жены, чтобы снарядиться на службу! Экономическое оскудѣніе служилаго класса хорошо сознавалась правительствомъ и обществомъ XVI в. Жалобы на это явленіе мы встрѣчаемъ и въ законодательныхъ актахъ и въ публицистической литературѣ того времени [2]).

Крайній недостатокъ денежныхъ капиталовъ былъ одною изъ характерныхъ чертъ экономическаго быта служилаго класса XVI в. Самый же этотъ недостатокъ объясняется несоотвѣтствіемъ между постоянно развивающимися и прогрессирующими потребностями государства и общества съ одной стороны и слабымъ развитіемъ, инертностью народнаго хозяйства съ другой, преобладаніемъ хозяйства натуральнаго надъ денежнымъ, котораго требовали новыя обстоятельства. Но и само натуральное хозяйство въ XVI в. переживало тяжелый кризисъ, причина котораго разъяснена проф. Ключевскимъ. «Разбродъ населенія подвергалъ тяжелому кризису частное землевладѣніе въ срединныхъ областяхъ, гдѣ оно преимущественно развивалось. Рабочее населеніе уплывало изъ этихъ областей на открывавшіяся для колонизаціи окраины государства, гдѣ боярское землевладѣніе еще не имѣло насиженныхъ мѣстъ. Съ половины XVI в. вопросъ о бѣглыхъ становится больнымъ мѣстомъ русскаго землевладѣнія» [3]). Недостатокъ населенія, рабочихъ

[1]) А. И., I, № 146. Василій Протопоповъ, богатый капиталистъ, въ своемъ завѣщаніи 1531—32 г. пишетъ: «а зять мой князь Иванъ (Мезецкій) жилъ у меня во дворѣ 13 лѣтъ, ѣлъ-пилъ мое; а что его четвертый жребій полсела Олексина, и въ то есми село у него не вступался, а служилъ зять мой государю службы все моею подмогою». Жена Протопопова, Марфа, въ своемъ завѣщаніи расказываетъ, что мужъ ея купилъ на имя зятя у его братьевъ, князей Мезецкихъ, 3 жеребья с. Глумова за 500 р., а на зятѣ взялъ кабалу въ 300 руб. «А что есмя давали зятю своему приданаго и въ ссуду, деньги и платья и кони, и то зять нашъ прослужилъ на царской службѣ». Сб. Тр. Л., № 530, л.л. 1030 об., 1038, 1040 об.

[2]) Ждановъ, Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора. Журн. Мин. Нар. Просв., 1876 г., августъ, 185—186.

[3]) Боярск. Дума, 312.

рукъ, и безденежье, развивая задолженность служилаго класса, сильно дѣйствовали на мобилизацію вотчиннаго землевладѣнія тѣмъ, что земля являлась мѣновой цѣнностью, переходила постоянно изъ рукъ въ руки по долговымъ обязательствамъ и купчимъ сдѣлкамъ. Принимая во вниманіе общія условія экономическаго быта XVI в., можно думать, что въ замѣнѣ денежнаго роста пользованіемъ залогомъ сказалось дѣйствіе выдающейся черты экономическаго кризиса, недостатка денежныхъ капиталовъ. Необезпеченность уплаты роста приводила къ немедленному переходу земли въ пользованіе кредитора, а неувѣренность въ возможности уплатить и самый долгъ заставляла соединять въ одномъ документѣ два различныхъ по существу акта, залогъ и куплю: «ся кабала и купчая». Въ XVI в. земля является мѣновой цѣнностью и внѣ формъ залога и купли-продажи; ею просто уплачиваются денежные долги безъ предварительнаго залога. По крайней мѣрѣ, въ данныхъ и вкладныхъ грамотахъ, какъ еще увидимъ, иногда говорится объ отдачѣ вотчинъ монастырямъ за долгъ и не упоминается о залогѣ ихъ. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Судскій упоминаетъ въ духовной, что онъ уплатилъ нѣкоему Ивану Сипягину долгъ, 20 рублей, деревней изъ своей ярославской вотчины.

Наиболѣе характерныя и оригинальныя черты мобилизаціи служилыхъ вотчинъ подъ дѣйствіемъ указаннаго экономическаго кризиса ясно раскрываются въ рѣшеніи двухъ частныхъ вопросовъ экономической жизни московскаго общества: 1) какое вліяніе оказывало на дробленіе вотчины служилаго человѣка и на пониженіе ея служилаго значенія посмертная ликвидація его имущественныхъ отношеній и долговыхъ обязательствъ, и 2) какую роль въ экономическомъ кризисѣ XVI в. игралъ монастырь.

Посмертная ликвидація имущественныхъ отношеній служилаго вотчинника заключалась въ погашеніи тѣхъ долговыхъ обязательствъ, которыми онъ связанъ былъ съ извѣстнымъ кругомъ лицъ. Крупные долги, обезпеченные земельнымъ залогомъ, погашались или переходомъ земли въ собственность кредитора, или прямо уплатой долга извѣстной частью вотчины и безъ предварительнаго ея залога. Но за этими крупными долгами стоялъ еще длинный списокъ мелкихъ долговыхъ обязательствъ, обезпеченныхъ олько письменными кабалами, памятями, или просто взаимнымъи тдовѣріемъ. Въ общей суммѣ всѣ эти обязательства составлял активъ и пассивъ вотчинника. Имущественная ликвидація, естественно, совершалась легче всего тогда, когда активъ и пассивъ

взаимно покрывали другъ друга. Дѣйствительно, въ духовныхъ завѣщаніяхъ даются душеприкащикамъ инструкціи платить долгъ тѣми деньгами, которыя будутъ собраны съ должниковъ завѣщателя: «а на комъ ми что взяти денегъ по кабаламъ, и язъ тѣ денги велѣлъ собрати моимъ прикащикомъ, Василью Аксакову Микифорову сыну да Григорью Кузмину сыну Коробкина, и тѣ мои прикащики, собравши денги по кабаламъ, долгъ заплатятъ» [1]). Но, кромѣ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, можно замѣтить нѣсколько постоянныхъ, обычныхъ причинъ, которыя понижали активъ передъ пассивомъ, не давали возможности первому покрыть послѣдній. Первая причина заключалась въ томъ благочестивомъ обычаѣ, который заставлялъ вотчинника въ духовномъ завѣщаніи прощать цѣликомъ или частью долги главнымъ его должникамъ и плательщикамъ, крестьянамъ и разнымъ другимъ лицамъ. Конечно, и въ этомъ отношеніи воля завѣщателя высказывалась очень разнообразно. Иногда въ духовномъ завѣщаніи крестьянамъ должникамъ не дѣлается никакихъ льготъ и душеприкащикамъ предписывается собрать съ вотчинъ все «серебро» безъ исключенія для уплаты долга [2]). Иногда предписывалось собрать съ крестьянъ долгъ полностью, но безъ роста [3]). Но эти случаи можно считать исключеніями. Обычнымъ порядкомъ было прощеніе долговъ, всѣхъ или части, крестьянамъ и холопамъ завѣщателя [4]). Этотъ благочестивый обычай прощать

[1]) А. Ю., № 416. Срв. ibid. № 419, 420.

[2]) А. Ю., № 413.

[3]) А. Ю., № 421, II.

[4]) Духовная кн. Семена Ивановича Кемскаго, Арх. Мин. Юст., грам. Бѣлозер. у. № 800: «а кабальнымъ людем всѣмъ кабалы отдати безденежно». Духовное завѣщаніе Дмитрія Тимофеева сына Синяго, ibid., грам. Костром. у., № 4993: «а пошлетъ Богъ по душу мою, а которыя денги останутся въ людѣхъ, и прикащики тѣхъ денегъ изъ людей не емлютъ, а кабалы подерутъ; за кѣмъ тѣ деньги останутся, тому то и есть». Духовная Дмитрія Григорьевича Плещеева: «а что у меня кабала на Тютюна Савина въ получетверти рублехъ и прикащикомъ моимъ та кабала выдати безденежно, а что у меня ржи въ займѣхъ на крестьянѣхъ и на моихъ людѣхъ, и тое ржи послѣ моего живота не имати изъ займовъ ни на комъ, а который хлѣбъ сѣянъ у крестьянъ исполу, и тотъ хлѣбъ дѣлити пополамъ, какъ уговоръ съ ними былъ»... Духовная Григорія Дмитріевича Плещеева: «да что моихъ денегъ на дѣтехъ боярскихъ и на волостныхъ людяхъ и на моихъ помѣстныхъ крестьянѣхъ и на городскихъ людѣхъ на Углеченѣхъ и на моихъ на вотчинныхъ крестьянѣхъ въ Ростовѣ по кабаламъ, и прикащики бъ мои тѣ денги писали, а изъ истины бъ имъ выдавали изъ рубля по алтыну и съ полтины по три деньги, а что моихъ хлѣбныхъ кабалъ за дѣтми боярскими и за городскими людьми за углицкими и за волостными людьми на моихъ помѣстныхъ крестьянѣхъ и на моихъ вотчинныхъ крестьянѣхъ въ Ростовѣ, и имать было мнѣ на треть четвертая, и прикащики бъ мои на тотъ хлѣбъ наспу не имали»... Сборн. Тр. Серг. Лавры № 532, л. 702 об. Духовная кн. Михайла Василье-

долги крестьянамъ и другимъ кабальнымъ людямъ не могъ не понижать суммы того актива въ имуществѣ вотчинника, который прежде всего долженъ былъ пойти на уплату долговъ. На ряду съ этимъ обычаемъ существовалъ еще другой, также коренившійся въ религіозно-нравственномъ міросозерцаніи общества. Собранныя по кабаламъ деньги только частью предназначались на уплату долговъ, другая же часть расходовалась на поминовеніе, на устроеніе души завѣщателя; денежные вклады не исключали земельныхъ, но существовали рядомъ. Въ большинствѣ извѣстныхъ намъ духовныхъ грамотъ XVI в. денежный капиталъ получаетъ двоякое назначеніе: «и прикащики мои, собравши денегъ по кабаламъ, долгъ заплатятъ и по душѣ поправятъ». Таковы были двѣ главныя причины, которыя должны были сильно понижать активъ передъ пассивомъ и для погашенія послѣдняго приводили къ денежной реализаціи имущества. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ часто находимъ распоряженія о продажѣ разнаго рода движимаго имущества, животовъ и всякаго домашняго скарба, для уплаты долговъ [1]). Наконецъ, послѣднимъ шагомъ для погашенія долга была продажа недвижимыхъ имуществъ, земли [2]). Такимъ образомъ посмертная ликвидація имущественныхъ отношеній вотчинника содѣйствовала дробленію и мобилизаціи служилой земли. Эта же посмертная ликвидація наносила ущербъ государевой службѣ еще и съ другой стороны: она не только дробила служилую вотчину, но вмѣстѣ понижала ея служилое значеніе тѣмъ, что уменьшала количество находящагося на ней служилаго

вича Горбатаго 1535 г.: «а что моего хлѣба и денегъ въ людѣхъ по кабаламъ и безъ кабалъ, и прикащики мои тѣмъ людемъ хлѣбъ и деньги отдадутъ, да и кабалы имъ выдадутъ безденежно». Владимір. Сборн., стр. 128—130.

[1]) А. Ю., № 420, 421. Василій Ларіоновъ приказываетъ прикащикамъ для уплаты долга женѣ продать его платье, коней и доспѣхи. Акты Н. П. Лихачева, № II. Князь Афанасій Андреевичъ Нагаевъ-Ромодановскій велитъ продать часть лошадей и доспѣховъ для уплаты долга и для поминовенія. Сборн. Тр. Серг. Лавры, № 530 л. 1097 об. Князь Михаилъ Васильевичъ Горбатый въ духовной 1535 г. велитъ продать суды, доспѣхъ, платье, кони и всякій животъ для уплаты долга и дачи по душѣ. Владимірск. Сборн., стр. 128—130. Такія же распоряженія о продажѣ, для уплаты долга, лошадей, доспѣховъ, всякой рухляди и хлѣба находимъ также въ завѣщаніяхъ Пѣшкова-Сабурова, Плещеева, Кутузова, цитированныхъ выше.

[2]) О продажѣ селъ и деревень для уплаты долга говорятъ, напримѣръ, духовныя грамоты княгини Безубцевой, А. Ю., № 419, Пѣшкова-Сабурова, князя Аѳанасія Нагаева-Ромодановскаго. Кн. Андрей Васильевичъ Ногтевъ по духовной 1534 года отказываетъ часть вотчины племянникамъ съ обязательствомъ уплатить долги. «А не захотятъ племянники платить долгъ, ино та моя вотчина, село Воскресенское съ деревнями, должникамъ моимъ за ихъ денги, которой долгъ въ сей моей духовной писанъ; волны они продати, кому захотятъ». Сборн. князя Хилкова, № 57.

инвентаря, живаго и мертваго. Извѣстно, что земля не только должна была давать пропитаніе служилому человѣку, но съ нея онъ обязанъ былъ являться на службу въ извѣстномъ вооруженіи, въ сопровожденіи извѣстнаго числа вооруженныхъ слугъ. Между тѣмъ въ духовныхъ грамотахъ XVI в. постоянно встрѣчаемъ распоряженія не только о продажѣ главныхъ статей служилаго инвентаря, лошадей и доспѣховъ, но и объ отпускѣ на свободу холоповъ, или всѣхъ или части. При этомъ обыкновенно отпускаемые на волю награждаются животами и разной рухлядью, а часто и предметами служилаго инвентаря: лошадьми, доспѣхами, платьемъ [1]). Такими путями понижалось вотчинное благосостояніе служилаго класса подъ дѣйствіемъ того экономическаго кризиса, слѣдствіемъ котораго была крайняя задолженность этого класса.

Мобилизація служилой земли, переходившей изъ рукъ въ руки по долговымъ обязательствамъ, во-первыхъ, крайне затрудняла и разстраивала правильную регламентацію службы съ земли, а во-вторыхъ, передавала значительную часть этой земли, какъ мѣновой цѣнности, въ неслужилыя руки. Здѣсь, именно, мы встрѣчаемся съ вопросомъ о роли монастыря въ экономическомъ кризисѣ, пережитомъ обществомъ XVI в. Эта роль, значеніе которой хорошо сознавалось уже современниками, публицистами того времени, основана была на томъ, что монастырь въ московской Руси сдѣлался самымъ чистымъ типомъ землевладѣльца и капиталиста. Главная нравственная потребность древне-русскаго общества, забота о спасеніи душевномъ, служила обильнымъ источникомъ монастырскихъ богатствъ, земельныхъ и денежныхъ. То же религіозное чувство поддерживало и развивало земледѣльческія привиллегіи монастырей, привлекавшія на монастырскія земли и удерживавшія на нихъ рабочую силу. Наконецъ, въ монастырскихъ вотчинахъ хозяйскія рука и глазъ не отрывались отъ своего дѣла посторонними обязанностями и заботами, какъ это бывало на служилыхъ земляхъ, отъ которыхъ служба государева постоянно отрывала хозяина. Эти выгоды въ экономическомъ положеніи монастыря выступаютъ особенно ясно, если ихъ сопоставить съ положеніемъ служилаго класса, подвергавшагося всѣмъ тягостямъ безденежья и недостатка служилыхъ рукъ, военной службы, отрывавшей его отъ хозяйственной дѣятельности. Такое неравенство въ экономическомъ положеніи монастырей и служилаго класса само-собой,

[1]) См. напримѣръ, духовное завѣщ. Маріи Мирославичевой 1535 г. и Семена Киселева 1547—1548 гг. Акты Н. П. Лихачева, в. I, №№ III, VI.

естественнымъ образомъ, развило и укрѣпило тѣ матеріальныя связи, которыя существовали между монастыремъ и міромъ уже съ древнихъ временъ. Еще въ кіевской Руси монастырь былъ обычнымъ мѣстомъ «поклажи», т. е. храненія имуществъ міряпъ. То же значеніе сохранилъ онъ и въ XVI вѣкѣ; и въ это время онъ принимаетъ на храненіе деньги и разный домашній скарбъ. Напримѣръ, Пѣшковъ-Сабуровъ въ своей духовной говоритъ про имѣющіяся у него отписи на кабалы: «а тѣ у меня отписи лежатъ на Москвѣ, на Троицкомъ дворѣ, въ городѣ, въ казнѣ у троицкаго слуги у Третьяка у Вакорина въ сундукѣ маломъ, въ ларчикѣ желѣзномъ; да въ той же казнѣ троицкой сундукъ большой съ платьемъ, да коробья большая лубяная съ тягиляи да двѣ коробьи лубяныя съ доспѣхомъ» [1]). Далѣе въ большихъ монастыряхъ всегда находился складъ всевозможнаго служилаго инвентаря, платья, домашняго скарба. Выше мы привели нѣсколько примѣровъ того, какъ монастырь снабжалъ служилыхъ людей необходимымъ вооруженіемъ и платьемъ. Но особенно важное значеніе имѣло скопленіе въ монастыряхъ значительныхъ денежныхъ капиталовъ, благодаря постоянному приливу вкладовъ на поминовеніе и большимъ доходамъ съ монастырскихъ вотчинъ [2]). При исконныхъ и постоянныхъ связяхъ монастыря съ міряпами богатый капиталистъ монастырь сдѣлался банкиромъ для страдавшаго безденежьемъ служилаго класса. Финансовыя операціи, производившіяся монастыремъ, своеобразно сочетались съ выполненіемъ его нравственно-религіознаго назначенія. Для мірянина XVI в. монастырь былъ вѣрнымъ посредникомъ не только въ устроеніи жизни небесной, но и въ превратностяхъ жизни земной. Часто, уплачивая монастырю долгъ, денежный или натуральный, частью своей вотчины, служилый человѣкъ отдавалъ эту вотчину вмѣстѣ и какъ вкладъ на поминовеніе. Въ актахъ часто встрѣчаемъ эти два побужденія отдачи земель въ монастыри, матеріальное и нравственное, соединенными вмѣстѣ: «за долгъ и по душѣ» [3]). И наоборотъ,

[1]) О храненіи денегъ въ монастырѣ находимъ упоминанія въ духовной кн. Семена Кемскаго, Арх. Мин. Юст., грам. Бѣлозер. у. № 800. Онъ же отдаетъ монастырю: «весь свой животъ дворный и въ клѣтехъ, всякій хлѣбъ, лошадей, коровъ и всякій домашній бытъ, и тѣ всѣ статки Кириллову монастырю»; Мясоѣда Вислаго, А. Ю. № 421, II.

[2]) О скопленіи денежныхъ капиталовъ и разнаго рода имущества въ монастыряхъ свидѣтельствуютъ «кормовыя книги». См. напр., іеромонаха Леонида, Церковно-Истор. описаніе упраздненныхъ монастырей Калужской епархіи. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1863 г., кн. I. Историческія свѣдѣнія объ Антоніевскомъ Сійскомъ монастырѣ епископа Макарія, ibid., 1878 г., кн. III.

[3]) Напримѣръ, данныя и вкладныя грамоты кн. Вас. Юр. Шаховскаго 1561—62 г.

съ послѣдней и высшей заботой человѣческаго существованія, о спасеніи души, о будущей жизни, часто соединялась забота и объ остающемся срокѣ жизни земной. За вотчину, данную въ монастырь по душѣ, брали «сдачу» или «скупъ», извѣстную сумму денегъ для уплаты долговъ, т. е. попросту вотчина продавалась монастырю.

Фактъ обширнаго развитія финансовыхъ операцій, передававшихъ большія количества служилой земли въ руки монастырей, хорошо сознавался современниками. Но они невѣрно освѣщали причины этого явленія. Извѣстно, что бояре-публицисты всю вину за то зло, которое коренилось въ развитіи монастырскихъ богатствъ, складывали на головы государей и монашества, а самихъ себя, частныхъ землевладѣльцевъ, выставляли жертвами ослѣпленія верховной власти и иноческой алчности. Эти обвиненія находятъ себѣ, повидимому, полное документальное подтвержденіе. Проф. Ключевскій, характеризуя боярскую публицистику XVI в., говоритъ: «поземельные акты большихъ монастырей XVI в. открываютъ намъ, какія широкія землевладѣльческія операціи совершали иноки посредствомъ вкладовъ, закладовъ, покупокъ, льготъ, своза крестьянъ у другихъ землевладѣльцевъ и т. п. Они завели или дѣятельно поддерживали на тогдашнемъ земельномъ рынкѣ настоящую игру въ въ крестьянъ и въ землю, благодаря которой населенныя имѣнія переходили изъ рукъ въ руки чуть не съ быстротой цѣнныхъ бумагъ на нынѣшней биржѣ» [1]). Съ такимъ одностороннимъ освѣщеніемъ экономической роли монастыря въ обществѣ XVI в. нельзя согласиться, такъ какъ оно выставляетъ слѣдствіе причиной. Монастыри не потому скопляли громадныя земельныя богатства, что монашество того времени было развращено, а наоборотъ, нравственный упадокъ монашества былъ слѣдствіемъ его богатствъ. Роль монастыря, какъ капиталиста и землевладѣльца, была создана, какъ мы видѣли, общими ненормальными условіями экономическаго быта московскаго общества, независимо отъ нравственнаго упадка монашества. Всѣ эти акты, о которыхъ говоритъ проф. Ключевскій, должны сильно охлаждать впечатлѣніе отъ горячей боярской полемики. Они показываютъ, что монастырь со своими финансовыми и поземельными операціями только шелъ на встрѣчу насущнымъ

въ Арх. Мин. Юст., грам. Романов. у., №№ 10108, 10109; кн. Ив. Вас. Гундорова, 1572—73 г., ibid., грам. Владимір. у., № 1833; княг. Ульяны Гундоровой, 1574—75 г., ibid., грам. Суздал. у. №№ 11854, 11848; княг. Арины, жены какого-то князя Семена Романовича, 1511—12 г., ibid., грам. Дмитров. у. № 3733.

[1]) Боярск. Дума, 288.

потребностямъ общества, литературные представители котораго платили ему такою неблагодарностью. Еще менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ, видящимъ въ описанныхъ операціяхъ явленіе временное, случайное, вызванное такою случайною и постороннею причиною, какъ опалы и казни извѣстной эпохи царствованія Грознаго. «Страхъ опалъ и казней», говоритъ проф. А. С. Павловъ, «побуждалъ вотчинниковъ вступать въ различныя тайныя сдѣлки съ монастырями, чтобы на черный день сохранить что-нибудь себѣ или своимъ семействамъ. Всего чаще совершалась, кажется, купля-продажа подъ видомъ отказа по душамъ, предварительнаго вклада на постриженіе, займа подъ залогъ вотчинъ на потребности службы и т. п.» [1]). Это мнѣніе опровергается уже тѣмъ фактомъ, что всѣ подобныя сдѣлки, въ которыхъ нѣтъ возможности отличать тайныхъ отъ явныхъ, развиты были и до эпохи казней и не прекратились вмѣстѣ съ нею [2]).

Во всякомъ случаѣ экономическій кризисъ, безденежье и недостатокъ рабочихъ рукъ, который переживало московское общество XVI в., былъ опасенъ для государства прежде всего тѣмъ, что, вызывая мобилизацію служилой земли, передавалъ ее въ большомъ количествѣ въ неслужилыя руки.

Законодательство XVI в. не могло, конечно, не обратить вниманія на ненормальное экономическое положеніе служилаго класса. Одной изъ первыхъ и важнѣйшихъ мѣръ, касавшихся мобилизаціи служилыхъ вотчинныхъ земель по закладнымъ и купчимъ, была законодательная обработка обычая родоваго выкупа. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого сложнаго вопроса, мы остановимся только на тѣхъ его сторонахъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ мобилизаціи служилаго землевладѣнія XVI в. Въ настоящее время едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что право родоваго выкупа не было создано московскимъ законодательствомъ, что оно было заимствовано законодательствомъ изъ круга обычнаго

[1]) Очеркъ исторіи секуляризаціи, стр. 150.

[2]) Срв. взглядъ И. Н. Жданова: «сопоставленіе такого рода свидѣтельствъ (объ экономическомъ оскудѣніи служилаго класса), идущихъ отъ людей самыхъ различныхъ положеній и направленій, производитъ на первыхъ порахъ странное впечатлѣніе. Всѣ кричатъ противъ корыстолюбія, всѣ обвиняютъ другъ друга въ захватѣ чужаго, никто только не чувствуетъ за собою этого порока. Но присмотрѣвшись ближе къ этимъ взаимнымъ обвиненіямъ, мы не можемъ не догадываться, какой глубокій соціально-экономическій переворотъ долженъ былъ скрываться подъ этимъ любостяжаніемъ, о которомъ такъ много говорили въ XVI вѣкѣ». Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, Журн. Мин. Нар. Просв., 1876 г., августъ, 186.

права и принаровлено къ назрѣвшимъ потребностямъ государства и общества [1]). Гладковъ и Неволинъ, ошибочно видѣвшіе въ правѣ родоваго выкупа институтъ, искуственно созданный московскимъ законодательствомъ, тѣмъ не менѣе вѣрно отмѣтили тотъ историческій мотивъ, ту живую историческую силу, которая выдвинула родовой выкупъ изъ области обычнаго права и подвергла его законодательной обработкѣ. Такимъ мотивомъ было стремленіе стѣснить мобилизацію служилаго землевладѣнія, сохранить его устойчивость. Только Неволинъ, вѣрно угадавъ охранительный, консервативный смыслъ законодательной обработки права выкупа, ошибся въ опредѣленіи ея конечной цѣли. «Едва-ли можно сомнѣваться, говоритъ онъ, что преобразованіе всѣхъ отношеній древней Руси въ Московскомъ государствѣ не имѣло вліянія и на право выкупа родовыхъ имуществъ. Здѣсь особенно столкнулись между собою различные роды, здѣсь развилось мѣстничество. Выкупъ родовыхъ имуществъ не могъ не быть признанъ важною мѣрою для утвержденія родовъ и по этой причинѣ не могъ не обратить на себя вниманія законодателя. Если и не видно никакихъ постановленій, по которымъ бы родственный выкупъ долженъ былъ ограничиваться людьми служилыми, но однако же онъ могъ имѣть свое примѣненіе преимущественно только въ этомъ классѣ, какъ скоро по общему правилу только лица этого класса обладали вотчинами, лица же другихъ состояній владѣли ими только по исключеніямъ» [2]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Неволина, законодательство о родовомъ выкупѣ преслѣдовало узкую сословную цѣль, поддержаніе родовой аристократіи. Это очевидно невѣрное заключеніе набросило тѣнь на всю теорію Неволина о происхожденіи права родоваго выкупа [3]).

Какъ же приспособило законодательство обычай родоваго выкупа къ потребностямъ службы съ земли? Еще въ срединѣ XVI в. жива была традиція родоваго владѣнія землей, выражавшаяся въ томъ, что по волѣ завѣщателя или по личному соглашенію родичей земля должна была обращаться только въ предѣлахъ рода до по-

[1]) Сжатый обзоръ главныхъ взглядовъ на происхожденіе права родоваго выкупа у г. Блюменфельда, О формахъ землевладѣнія и т. д., стр. 70 и слѣд. См. еще рефератъ г. Мейчика въ Моск. Юрид. Общ. О правѣ родственнаго выкупа по древне-русскому обычному праву до половины XVI вѣка; содержаніе его изложено въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», 1883 г., кн. 4, стр. 58—62.

[2]) П. С. С., т. V, стр. 75.

[3]) Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 461: «относительно же самой теоріи Неволина замѣтимъ, что самодержавное московское государство вообще не склонно было поддерживать аристократическія фамиліи».

слѣдней возможности. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Андрей Мих. Плещеевъ въ завѣщаніи 1490—91 г. пишетъ: «а по грѣхамъ котораго сына моего въ животѣ не станетъ, а не будетъ отъ него отрода, и тому моему сыну своего села мимо свою братью не продавати, ни промѣнити, ни въ закупъ не давати, ни монастырю не отдати, да то село братья ево оцѣнятъ съ людми добрыми, да тому денги дадутъ, кому сынъ мой прикажетъ по своей душѣ поправити, а то село подѣлятъ себѣ по жеребьямъ» [1]). Василій Дуровъ въ духовной грамотѣ 1558—59 г., раздѣливъ свою вотчину между сыновьями, говоритъ: «а которому·будетъ сыну моему не до вотчины, и ему той вотчины мимо братьи своей не продати, а будетъ тое вотчины братьямъ купити не мочно, и та вотчина продать въ своемъ же роду, кто похочетъ купить, а будетъ роду нашему не до вотчины, и та вотчина тогда продати въ чужой родъ» [2]). Въ 1516—17 г. четверо братьевъ Пересвѣтовыхъ, подѣливъ вотчину отца, постановили: «которому брату будетъ не до земли, и ему своего жеребья не продать, ни промѣнить, ни по душѣ, ни въ закупъ дать, а взять ему за тотъ четвертый жребій съ своей братьи 15 рублей» [3]). Въ силу такихъ завѣщаній и условій жребій умершаго брата или другаго родича раздѣлялся между остальными [4]). Подобныя духовныя и раздѣльныя грамоты показываютъ, что въ теченіи новыхъ юридическихъ идей о правахъ личности въ имущественныхъ отношеніяхъ проходила еще извѣстная струя стараго порядка, когда право личности поглощалось правами рода [5]). Этотъ обычай стѣснять обращеніе вотчины предѣлами рода какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ бы государственнымъ интересамъ. Однако, законодательство не воспользовалось имъ для своихъ цѣлей и пре-

[1]) Акты Өедотова-Чеховскаго, I, ст. 269—272.

[2]) Сборн. Тр. Серг. Лавры, № 532, л. 474.

[3]) Ibid., л. 554. Ср. А. Ю., № 259. Еще нѣсколько случаевъ права предпочтительной покупки отчуждаемаго имущества родичами указаны Блюменфельдомъ—О формахъ землевладѣнія, стр. 70—71.

[4]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., № 11815: князья Өедоръ и Романъ Гундоровы дѣлятъ въ 1558—59 г. между собою вотчину кн. Михаила Гундорова. Сборн. Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 147 об.: Иванъ и Юрій Алексѣевы въ 1510—11 г. дѣлятъ вотчину отца и выть брата своего Бориса. Ibid., л. 1038: кн. Иванъ меньшой Мезецкій купилъ у своихъ братьевъ, князей Ивана Шапки, Петра и Семена, 3 жеребья с. Глумова съ деревнями и всѣми угодьями, которыми отецъ ихъ благословилъ всѣхъ четырехъ братьевъ сообща.

[5]) См. еще извѣстное дѣло о родовомъ выкупѣ вотчины окольничаго Ан. Алекс. Квашнина, противъ котораго родичи возбудили обвиненіе, что онъ отдалъ вотчину въ монастырь въ старости глубокой, безъ совѣта съ родичами. Акты Өедотова-Чеховскаго, I, 196.

доставило вотчиннику полную свободу отчуждать родовыя вотчины за предѣлы рода посредствомъ продажи, въ то самое время, когда оно стало ограничивать, а наконецъ и совсѣмъ запретило отчужденіе вотчины изъ рода въ монастыри посредствомъ вкладовъ. Такимъ образомъ законодательство должно было отступить передъ силою экономическихъ потребностей общества, которыя сдѣлали землю мѣновой цѣнностью и создали оживленную мобилизацію земельной собственности. При этихъ условіяхъ ограниченіе обращенія родовыхъ вотчинъ предѣлами рода было прямо невозможно. Не отвлеченное сознаніе правъ вотчинника [1]), а живая сила экономическаго быта не позволила запретить отчужденія земли за предѣлы рода. Что государство не стѣснялось правами собственности частныхъ лицъ, свидѣтельствуютъ указы о княжескихъ вотчинахъ и рѣшительная борьба съ обычаемъ земельныхъ вкладовъ въ монастыри.

Статья 85-ая Царск. Судебника отдѣлила отъ родовой вотчины куплю и вывела послѣднюю изъ сферы права родоваго выкупа: «а кто куплю продастъ, и дѣтемъ и братьѣ и племянникомъ тое купли не выкупити. А кто напишетъ свою куплю дѣтемъ своимъ послѣ своего живота, ино имъ та вотчина: то имъ держати въ вотчину, и впередъ имъ та вотчина выкупити, по тому жъ указу, за вотчину». Въ какомъ отношеніи находится это законодательное постановленіе къ обычному праву, какъ отдѣлялась тамъ купля отъ вотчины и не существовало-ли права родоваго выкупа и для купли? Г. Сторожевъ, объясняя то мѣсто образца жалованной грамоты 7127 г., гдѣ говорится, что жалованныя вотчины подлежатъ выкупу «по прежнему Уложенью, какъ родовыя и купленныя вотчины выкупаютъ», предлагаетъ двѣ гипотезы. Опираясь на то, что въ купчихъ на проданныя «купли» встрѣчаются оговорки о продажѣ «безъ выкупа», «въ дернь», «во вѣки», онъ высказываетъ положеніе, что «до Ц. Судебника и нѣкоторое время послѣ него могло существовать въ практикѣ право выкупа купленной вотчины самимъ продавцомъ послѣдней у купца, а можетъ быть и родичами продавца». Второе предположеніе сводится къ тому, что въ выраженіи «какъ ихъ родовыя и купленныя вотчины выкупаютъ» можно видѣть указаніе на выкупъ только родовыхъ вотчинъ, подразумѣвая подъ выраженіемъ «купленныя вотчины» купли у родичей, т. е. родовыя же вотчины. Г. Сторожевъ отдаетъ рѣшительное предпочте-

[1]) Какъ думаетъ Блюменфельдъ, op. cit., стр. 77.

ніе первой своей гипотезѣ въ объясненіи текста образца жалованной грамоты 127 г. [1]). Нельзя согласиться съ этимъ взглядомъ. Самъ г. Строжевъ говоритъ, что законъ никогда не признавалъ права родоваго выкупа «купель», прямо запрещалъ этотъ выкупъ. Между тѣмъ текстъ грамоты 127 г., установляя право выкупа жалованныхъ вотчинъ, ссылается именно на «прежнее Уложенье». Если бы въ грамотѣ 127 г. содержался намекъ на существовавшее когда-то право выкупа «купель», то она не могла бы ссылаться на предшествующее законодательство. Сомнѣніе вполнѣ логически разрѣшается второй гипотезой г. Строжева о тождествѣ родовыхъ и купленныхъ вотчинъ, упоминаемыхъ грамотой 127 года. Случаи купель-продажъ въ предѣлахъ рода, о которыхъ мы говорили, должны были подлежать порядку выкупа, установленному 85-ой ст. Судебника. Вспомнимъ, какой порядокъ отчужденія вотчины установляетъ Василій Дуровъ въ 1558—59 г.: «а которому сыну моему будетъ не до вотчины, и ему той вотчины мимо братьи своей не продати, а будетъ тое вотчины братьямъ купити не мочно, и та вотчина продать въ своемъ же роду, кто похочетъ купить»... Изъ этого раздѣленія рода на ближній и дальній и вытекала возможность выкупа ближними родичами у дальнихъ. Обращавшіяся такимъ образомъ въ предѣлахъ рода земли, одинаково подходили подъ понятія какъ «купли», такъ и «вотчины». Нельзя, однако, отвергать вполнѣ и перваго предположенія г. Строжева о существованіи нѣкогда права выкупа купленныхъ вотчинъ. Кромѣ извѣстныхъ оговорокъ о выкупѣ въ сдѣлкахъ на купленныя вотчины, на эту мысль наводитъ самое запрещеніе Судебника выкупать купли. Хорошо извѣстна характеристическая черта московскаго законодательства, строившаго каждую юридическую норму на конкретномъ историческомъ явленіи. Если бы не существовало на практикѣ выкупа купель, и законъ не остановился бы на этомъ вопросѣ. Самое же происхожденіе выкупа купли наравнѣ съ родовой вотчиной вытекало изъ обычая пріобрѣтать и отчуждать земли совмѣстно цѣлою семьей или родомъ [2]). При этомъ обычаѣ каждый членъ семьи или рода, совмѣстно купившаго землю, несомнѣнно долженъ былъ смотрѣть на эту землю и какъ на куплю и какъ на родовое имущество. Конечно, такое сближеніе было совершенно внѣшнимъ, но и его было достаточно, чтобы въ указанныхъ случаяхъ перенести на куплю право родоваго выкупа. Въ срединѣ XVI в. этотъ обычай

[1]) Указн. книга Помѣстнаго Приказа, стр. 184—186.

[2]) Факты указаны г. Блюменфельдомъ, op. cit., стр. 69 и слѣд.

семейныхъ и родовыхъ сдѣлокъ на землю, какъ и обычай стѣснять посредствомъ завѣщанія или договора обращеніе вотчинъ предѣлами рода, были слабыми струями, постепенно растворявшимися въ потокѣ новыхъ понятій. Судебникъ не далъ санкціи закона ни тому ни другому обычаю, и установилъ болѣе ясное понятіе купли, какъ имущества, пріобрѣтеннаго на личныя средства и въ личную собственность покупщика; такая купля была изъята изъ права родоваго выкупа; только перейдя по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ, купля превращалась въ родовую вотчину.

Наконецъ, изъ области права родоваго выкупа были изъяты «опальныя» вотчины, т. е. конфискованныя за разныя преступленія и отданныя въ вознагражденіе потерпѣвшимъ. Въ одномъ судномъ дѣлѣ около середины XVII в. было отказано истцамъ въ выкупѣ подобной вотчины съ государева доклада и всѣхъ бояръ приговора «потому, что опальныхъ вотчинъ вотчичемъ не выкупати» [1]).

Разрѣшая отчуждать родовую вотчину за предѣлы рода, Судебникъ запрещаетъ выкупать ее самому продавцу и его нисходящимъ. Здѣсь опять выступаетъ спорный вопросъ объ отношеніи этого постановленія Судебника къ практикѣ его времени [2]). Противорѣчія источниковъ и въ данномъ случаѣ разрѣшаются, по нашему мнѣнію, параллельнымъ существованіемъ двухъ обычаевъ, одного болѣе стараго, другаго болѣе новаго. Постоянныя оговорки въ актахъ XV—XVI вѣковъ о куплѣ и продажѣ земель «безъ выкупа» несомнѣнно свидѣтельствуютъ о существовавшемъ когда-то правѣ выкупа для самого продавца и его дѣтей [3]). Съ другой стороны постоянное употребленіе оговорокъ о невыкупѣ показываетъ, что преобладаніе получила идея о безповоротности продажи для самого продавца, а слѣдовательно и для его семьи, а самыя оговорки стали превращаться въ мертвую формулу. Продажа на время съ правомъ выкупа потеряла свой смыслъ съ развитіемъ права залога. Оба обычая продажи, условной и безусловной, съ правомъ выкупа и безъ права выкупа, существовали рядомъ въ XVI в. съ несомнѣннымъ преобладаніемъ втораго обычая. Судебникъ санкціонировалъ тотъ обычай, который являлся лучшимъ выразителемъ господствующихъ юридическихъ понятій и экономическихъ условій времени. Но отрицаніе Судебникомъ права продавца и его потомства на

[1]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, стр. 205.

[2]) См. вышеупомянутый рефератъ г. Мейчика и пренія по поводу его.

[3]) Неволинъ, П. С. С., V, 60—62, и Блюменфельдъ, 75—76.

выкупъ косвенно свидѣтельствуетъ о существованіи этого права на практикѣ [1]).

Устранивъ самого продавца съ его дѣтьми, Судебникъ предоставилъ право выкупа боковымъ родичамъ: «а братья будутъ или племянники въ купчихъ въ послусѣхъ, и имъ и ихъ дѣтемъ и внучатомъ до тое вотчины потомужъ дѣла нѣтъ. А не будетъ братьи въ послусѣхъ или племянниковъ: и братья или сестры или племянники ту вотчину выкупятъ». Является вопросъ: какою степенью родства было ограничено право выкупа? Ограничивалось-ли оно только ближнимъ родомъ, братьями, племянниками, или простиралось и на ихъ потомство, т. е. и на дальній родъ? Законодательство XVI в. прямо не разрѣшило этого важнаго вопроса, но косвенно стѣсняло и въ этомъ отношеніи права рода. Самъ Судебникъ устранялъ право дальняго рода тѣмъ, что установилъ 40-лѣтній срокъ выкупа. По указу 1573 г. права наслѣдства въ родовыхъ вотчинахъ вообще не шли далѣе четвертой степени. Наконецъ, въ соборномъ Уложеніи 1580 г. предоставленіе права дальнему роду выкупать вотчины изъ монастырей редактировано, какъ исключеніе изъ общаго правила: вотчину можно выкупить изъ монастыря, «хотя кто и далеко въ роду». Такимъ образомъ по данному вопросу законодательствомъ XVI в. былъ выставленъ только одинъ критерій для опредѣленія правъ рода на выкупъ, сорокалѣтній срокъ. Но этотъ критерій не разрѣшалъ, конечно, многихъ существенныхъ вопросовъ. Въ какомъ хаотическомъ состояніи находился вопросъ о правахъ дальняго рода на выкупъ въ первой четверти XVII в., а слѣдовательно и ранѣе, свидѣтельствуетъ одно судное дѣло 1622—23 г. Ѳаддей Плещевъ билъ челомъ на свою невѣстку Арину Басманову въ томъ, что она отдала въ приданое за своею дочерью, вышедшей за-мужъ за кн. Василія Сулешова, родовую вотчину мужа своего, утая его, Плещеева. Основаніемъ чело-

[1]) Блюменфельдъ строитъ очень сложную и искуственную гипотезу: по его мнѣнію, до Судебника существовало только право задружнаго выкупа, въ основѣ котораго лежали два момента: 1) отчужденіе недвижимаго имущества задруги съ согласія всѣхъ ея членовъ; 2) несмотря на это согласіе, право выкупа, принадлежащее какъ самому представителю семейной общины, такъ и всѣмъ прочимъ ея членамъ. Эту идею выкупа подхватило московское законодательство и перекроивъ ее на свой ладъ, создало родственный выкупъ для служилыхъ классовъ на основаніи совершенно противоположной основамъ задружнаго быта, стр. 74 — 78. Ошибка этой гипотезы въ томъ, что она беретъ для объясненія постановленій Судебника не господствующія формы современнаго ему быта, а слабые слѣды быта отжившаго. Противъ задружной теоріи Блюменфельда высказался Владимірскій-Будановъ въ статьѣ «Задружная теорія и древне-русское землевладѣніе» въ Кіевскихъ Университ. Извѣстіяхъ 1884 г., № 11, стр. 283—304.

битья выставлялось то, что эта вотчина принадлежала нѣкогда роду Плещеевыхъ, отъ которыхъ шли и Басмановы. Явившійся отвѣтчикомъ человѣкъ князя Сулешова, Микитка, отвергалъ правильность челобитья Плещеева на слѣдующемъ основаніи: «какъ де Басмановы съ Плещеевы въ родствѣ разошлись, тому со сто съ пятьдесятъ лѣтъ, и стѣхъ де мѣстъ тою вотчиною владѣютъ Басмановы, а Плещеевы не владѣли; а владѣютъ Плещеевы вотчины своими, которые достались по раздѣлу». Микитка ссылался даже на государевъ указъ: «шлюсь, Государь, изъ виноватыхъ въ Помѣстной Приказъ на Государево Уложенье и на боярскій приговоръ въ томъ, что по Государеву Уложенью выкупать вотчины, кто которымъ прозвищемъ слыветъ, тому тѣмъ и вотчины выкупать, а хотя хто тово жъ роду и ближнѣе и родитель, а прозвищемъ инымъ, и тѣмъ тѣхъ вотчины въ выкупъ не давать; въ томъ, Государь, въ Помѣстной Приказъ на Государево Уложенье и шлюсь». Эта смѣлая ссылка не оправдалась: «въ Помѣстномъ Приказѣ о таковыхъ родовыхъ вотчинахъ Государева Царева и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссіи указу и боярскаго приговору не сыскано». Въ Приказѣ о выкупѣ родовыхъ вотчинъ нашли только указъ 7130 г., который къ извѣстному соборному Уложенію 1580 г. о выкупѣ вотчинъ изъ монастырей дальними родичами добавилъ: «а которые вотчины давали въ монастыри при Государе жъ со 121 году, а роду тѣхъ вотчинъ не осталось, или кто и есть дальнево роду и слывутъ иными роды, а не тѣми, которыхъ тѣ вотчины были изначала, и тѣ вотчины имать на Государя»... Но въ концѣ концовъ Плещееву было всетаки отказано въ его челобитьи и, между прочимъ, на томъ основаніи, которое приводилъ отвѣтчикъ противной стороны: «потому, что Басмановъ съ Плещеевыми въ родствѣ въ прозвищахъ разошлись и вотчинами подѣлились изстари; давно Басмановы владѣли своими родовыми вотчинами Басмановыхъ, а Плещеевы владѣютъ и нынѣ своими жъ Плещеевыхъ родовыми вотчинами изстари жъ» [1]). Такимъ образомъ законодательство XVI в. оставило открытымъ запутанный вопросъ о правахъ дальняго рода на выкупъ. Общественная мысль самостоятельно вырабатывала извѣстныя основанія для рѣшенія этого вопроса, а правительство пользовалось этими основаніями въ своихъ рѣшеніяхъ.

Оставивъ право выкупа продаваемыхъ вотчинъ за боковыми родичами, братьями, сестрами, племянниками, конечно за исключеніемъ тѣхъ, которые своимъ рукоприкладствомъ слили свою лич-

[1]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 94, стр. 264, 267, 269, 278, 285.

Bayerische Staatsbibliothek München

ность съ личностью продавца, Судебникъ установилъ начало полюбовнаго соглашенія о выкупной цѣнѣ и сорокалѣтній срокъ для выкупа. Чтобы не сдѣлать право выкупа источникомъ вредной спекуляціи, Судебникъ постановилъ, что выкупившій вотчину не можетъ ее продать или заложить въ чужой родъ, а долженъ отдать непремѣнно въ свой родъ. Съ этою же цѣлью запрещено было выкупать вотчины чужими деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Судебникъ опредѣлилъ право выкупа и для закладныхъ вотчинъ. Здѣсь онъ ввелъ уже принудительную оцѣнку вотчинъ. Закладывать вотчину помимо родичей чужеродцу можно было лишь «въ толкѣ, чего та вотчина стоитъ. А возметъ кто сторонній человѣкъ, а не вотчичъ, вотчину въ закладъ больши тоѣ цѣны, чего та вотчина стоитъ, и кто вотчичъ начнетъ бити челомъ, что закладываетъ, или уже заложилъ, въ чужой родъ: и тому вотчичу та вотчина въ закладъ взяти, въ мѣру, чего та вотчина стоитъ, а что тотъ денегъ въ займы далъ лишекъ, болши тоѣ цѣны, чего та вотчина стоитъ, и у того тѣ денги пропали». Позднѣе, но когда именно, неизвѣстно, сдѣлано было еще одно постановленіе о выкупѣ родовыхъ вотчинъ, касавшееся собственно уплаты цѣны за выкупаемую землю. Въ 1619—1620 г. нѣсколько князей Пріимковыхъ-Ростовскихъ били челомъ о выкупѣ ихъ старинной родовой вотчины, села Гвоздева. Одинъ изъ челобитчиковъ, князь Иванъ Никитичъ, ссылаясь на свою бѣдность, на невозможность собрать требуемые 100 руб., просилъ сроку на годъ. «И бояре, князь Θедоръ Ивановичъ Мстиславской съ товарыщи, сего дѣла слушали и приговорили: князю Ивану княжъ Микитину сыну Пріимкову-Ростовскому и сыну ево князю Ивану въ той вотчинѣ отказать; потому что, кто учнетъ родовую вотчину выкупать, а въ денгахъ учнетъ просити сроку и сроку въ вотчинныхъ денгахъ не даютъ» [1])... Итакъ, отсутствіе принудительной оцѣнки выкупаемыхъ вотчинъ, запрещеніе выкупать земли на чужія деньги, запрещеніе отсрочки въ уплатѣ денегъ — всѣ эти мѣры должны были сильно стѣснять практическое осуществленіе права родоваго выкупа.

Еще Бѣляевъ замѣтилъ, что, какъ свидѣтельствуетъ Судебникъ, правительство XVI в. не установляло права выкупа, а напротивъ, старалось положить законные предѣлы сему праву, ограничить его [2]). Дѣйствительно, мы уже замѣтили, что въ своихъ основахъ право

[1]) Акты Θедотова-Чеховскаго, I, ст. 283.

[2]) Рецензія на книгу Гладкова — О вліяніи обществен. состояній частн. лицъ на право поземельной собственности, Русск. Бесѣда, 1856 г., II, критика, стр. 104—105.

родоваго выкупа было разнообразнѣе и шире на практикѣ, чѣмъ въ постановленіяхъ Ц. Судебника, что послѣдній выбиралъ изъ практики формы выкупа, наиболѣе соотвѣтствующія условіямъ времени. Не видно, однако, чтобы интересъ государства, потребности государевой службы проходили такою же яркою нитью черезъ законы о выкупѣ, какъ и черезъ указы о земельныхъ вкладахъ въ монастыри. Судебникъ не высказалъ прямо мотива для своихъ постановленій о выкупѣ, какъ высказывали позднѣйшіе указы, направленные къ сохраненію цѣлости служилаго землевладѣнія. Если, съ одной стороны, близкое совпаденіе постановленій Судебника о выкупѣ съ другими мѣрами для упорядоченія служилаго землевладѣнія, очевидная ихъ цѣлесообразность съ этой точки зрѣнія заставляютъ думать, что, именно, интересы служилаго землевладѣнія заставили подвергнуть обычаи родоваго выкупа законодательной обработкѣ, то, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что нѣкоторыми обычаями Судебникъ совсѣмъ не воспользовался, другіе формулировалъ не такъ, какъ того, повидимому, требовали интересы служилаго землевладѣнія. Такъ онъ не стѣснилъ обращенія вотчинъ предѣлами рода, устранилъ отъ выкупа продавца съ его потомствомъ, установилъ извѣстный срокъ для выкупа, осуществленіе выкупа предоставилъ полюбовному соглашенію сторонъ, запретилъ вторичное отчужденіе выкупленной вотчины за предѣлы рода, какъ послѣдствіе выкупа на чужія деньги. Явное стремленіе ограничить до извѣстной степени практику родоваго выкупа, сквозящее во всѣхъ перечисленныхъ мѣрахъ, можетъ быть объяснено двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, облегчить всѣми возможными способами всѣмъ представителямъ рода возвращеніе отчужденной вотчины, установить безсрочность выкупа, принудительную оцѣнку выкупаемой вотчины, безразличіе купли и вотчины — значило бы идти въ разрѣзъ установившимся понятіямъ купли-продажи, какъ безусловнаго акта, тому складу имущественныхъ отношеній, при которомъ земля по недостатку денегъ играла роль мѣновой цѣнности. Во-вторыхъ, право родоваго выкупа было обоюдоострымъ оружіемъ и для интересовъ военной организаціи государства. Во всемъ разнообразіи обычной практики оно еще болѣе развивало земельную мобилизацію. Охраняя служилый классъ отъ обезземеленія, право родоваго выкупа могло служить вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ вредной для государства земельной спекуляціи посредствомъ перепродажи и перезалога выкупленныхъ вотчинъ. Вызываемый этой спекуляціей, быстрый переходъ земли изъ рукъ въ руки

крайне затруднялъ наблюденіе и регистрацію службы съ мобилизуемой земли. Точно также можно объяснить и установленіе сорокалѣтняго срока для выкупа тѣмъ соображеніемъ, что за это время вотчина, проданная въ чужой родъ, превращалась и здѣсь въ родовое имущество и пріобрѣтала служилое значеніе, ломать которое невыгодно было для государства.

Итакъ, въ постановленіяхъ Судебника о родовомъ выкупѣ наблюдается сложность мотивовъ. Если онѣ и были направлены, прежде всего, для поддержанія служилаго класса, то не какъ сословія, а какъ боевой силы. Интересы военной организаціи государства были, конечно, главною цѣлью постановленій Судебника о выкупѣ, но они не имѣли всепоглощающаго значенія, передъ которымъ бы исчезали всѣ другіе мотивы и интересы. Разнообразіе практики родоваго выкупа, несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ его формъ съ новыми условіями общественнаго быта, юридическими и экономическими, сами по себѣ были достаточно побудительными причинами законодательной обработки обычаевъ родоваго выкупа.

Законодательство XVI в. послѣ Судебника нѣсколько разъ возвращалось къ вопросу о мобилизаціи частныхъ вотчинъ посредствомъ продажи и залога. Татищевъ сообщаетъ текстъ указа Іоанна Грознаго, по которому устанавливается различіе въ правахъ распоряженія родовыми и купленными вотчинами бездѣтныхъ землевладѣльцевъ. Такой землевладѣлецъ можетъ свободно отчуждать всѣ свои купли, изъ родовой же вотчины можетъ продать, заложить и отдать въ монастырь не болѣе половины [1]). Зимой 1557—1558 г. были приняты чрезвычайныя мѣры для облегченія того тяжелаго положенія, въ какое ставило разные классы общества крайнее развитіе долговыхъ отношеній. Мы видѣли выше, что безденежье, характерная черта экономическаго быта московскаго общества XVI в., вела служилыхъ людей къ задолженности, заставляла ихъ реализировать движимое и недвижимое имущество, дробить вотчины, продавать ихъ и закладывать. Вліяніе задолженности не ограничивалось упадкомъ имущественнаго благосостоянія служилаго класса, но шло и далѣе, отражаясь на личномъ правовомъ положеніи служилыхъ людей. Съ половины XVI в. встрѣчаемъ рядъ извѣстій о поступленіи въ холопство дѣтей боярскихъ [2]). Въ сре-

[1]) Владимірскій-Будановъ, Христоматія, III, стр. 33—34. Максимовичъ, Указатель рос. законовъ, т. I, стр. 60—61.

[2]) Цар. Суд., ст. 81; Указъ 7067 года сент. 1 въ Христ. Владимірскаго-Буданова, в. III, стр. 20. Арх. Мин. Юст., Опись Приказнаго стола Разряда, столбцы 1628—1631 гг., №№ 33, 34, 35: дѣла о поступленіи въ холопство служилыхъ людей.

динѣ XVI в., въ пору всестороннихъ реформъ служилаго землевладѣнія, правительство не могло не обратить вниманія на трудное положеніе обремененныхъ долгами служилыхъ людей и мобилизацію ихъ вотчинъ. Переходъ служилой земли по закладнымъ еще болѣе затруднялъ наблюденіе за нею и отчетность службы съ нея, чѣмъ переходъ по купчимъ. При закладѣ земли, отдачѣ ея кредитору за ростъ пахать, очень трудно было установить отвѣтственность въ правильномъ исполненіи служебныхъ обязанностей съ земли: собственникъ заложенной земли не могъ нести съ нея службу, такъ какъ онъ не владѣлъ ею фактически; залогодержатель долженъ былъ отказываться отъ службы съ той же земли по временному и условному характеру владѣнія ею. Такимъ образомъ закла дываемая земля или прямо выходила изъ службы, поступая въ не служилыя руки, или, обращаясь между служилыми же людьми ускользала, благодаря двусмысленности своего положенія, отъ правительственнаго контроля. Мѣры, принятыя указами 1557—1558 гг., оказывали только временную и относительную помощь запутавшимся въ долгахъ служилымъ людямъ. Указъ 25 декабря 1557 года, «ростовый приговоръ», несомнѣнно вызванъ нуждами служилаго класса, хотя установленныя имъ льготы и облегченія распространены и на неслужилыхъ людей. Этотъ указъ не коснулся закладныхъ вотчинъ. Онъ уничтожилъ, прежде всего, въ видѣ чрезвычайной мѣры ростъ и наспъ по денежнымъ и хлѣбнымъ кабаламъ, заключеннымъ до 25 декабря 1557 г. Уплата самаго долга, «истины», разсрочена была на 5 лѣтъ, съ 25 декабря 1557-го по 1562 г. По кабаламъ, заключеннымъ въ эти годы и не погашеннымъ до 25 декабря 1562 года, ростъ уплачивается, но въ половинномъ размѣрѣ противъ обычныхъ 20⁰/₀. Тѣмъ служилымъ людямъ, которые будутъ на службѣ или въ отъѣздѣ въ теченіе урочныхъ пяти лѣтъ, не оказано никакой особой льготы; за просроченные годы долгъ взыскивается съ нихъ весь сполна, но безъ роста. Для взысканія долга въ 100 рублей установляется двухмѣсячный срокъ, для долга болѣе или менѣе крупнаго—по разсчету. Примѣненіе этого «ростоваго приговора» къ закладнымъ вотчинамъ сдѣлано было въ указѣ 11 января 1558 г. Для долга, обезпеченнаго закладомъ вотчины, также устанавливается разсрочка платежа на 5 лѣтъ, причемъ закладная вотчина возвращается во владѣніе должника, а кредитору предоставляется пахать ту вотчину за ростъ. Если долгъ не будетъ уплаченъ въ льготныя 5 лѣтъ, то вотчина опять возвращается во владѣніе кредитора. Должникъ, получившій обратно во владѣніе свою

заложенную вотчину, не можетъ ни перезаложить, ни продать, ни промѣнять, ни въ приданое, ни по душѣ не отдать, доколѣ не выплатитъ всѣхъ денегъ. Въ обезпеченіе правъ кредитора указъ принялъ слѣдующія мѣры. Если должникъ продастъ возвращенную ему вотчину мимо кредитора и не уплатитъ послѣднему долга сполна, то долгъ правится на немъ по кабалѣ сполна. Если должника не будетъ «въ лицѣхъ», то долгъ взыскивается съ того, кто купилъ закладную вотчину у должника. Если же этому «купцу» нечѣмъ заплатить, какъ только купленною вотчиной, то вотчина у него отбирается, а ему дается правежъ на того, кто продалъ ему свою закладную вотчину. Если же и въ этомъ случаѣ совершившаго противозаконно продажу не окажется «въ лицѣхъ», то у купца деньги пропали по его собственной винѣ: слѣдовало вотчину покупать «сыскивая и въ тѣхъ книгахъ разсмотря, гдѣ вотчинныя купли и закладныя у которыхъ діяковъ въ книгахъ записаны» [1]. Несмотря на ясность и точность редакціи, указъ 11 января 1558 г. поднимаетъ нѣсколько трудно-разрѣшимыхъ вопросовъ. Почему на долги съ земельнымъ обезпеченіемъ не распространена льгота 1557 г., не уничтоженъ ростъ на льготныя 5 лѣтъ? Какое измѣненіе происходило въ фактическомъ положеніи вотчины, которая возвращается во владѣніе должника и которую вмѣстѣ съ тѣмъ кредиторъ продолжаетъ пахать за ростъ? Какую цѣль преслѣдовало правительство возвращеніемъ должнику заложенной вотчины, если оно само предвидѣло возможность такихъ злоупотребленій, которыя нарушали интересы не только кредитора, но и третьихъ лицъ? Труднѣе всего отвѣтить на первый вопросъ. Можетъ быть, временное уничтоженіе роста и наспа по денежнымъ и хлѣбнымъ кабаламъ вызвано было прямо фактической невозможностью его уплаты, тогда какъ нахожденіе вотчины въ рукахъ кредитора открывало возможность полученія роста изъ доходовъ этой вотчины. Трудно объяснить также измѣненія въ положеніи вотчины, возвращенной должнику во владѣніе. Права распоряженія до уплаты не принадлежатъ ни должнику, ни кредитору, нейтрализуются, по выраженію проф. Владимірскаго-Буданова, это ясно. Но какъ разграничивались право владѣнія должника и право пользованія кредитора? Вѣдь, если исключить права распоряженія, то право владѣнія фактически, именно, и выражалось въ хозяйственномъ пользованіи вотчиной. Слѣдовательно, если за кредиторомъ удерживалось право пользованія вотчиной, возвращаемой во владѣніе

[1] Владимірскій-Будановъ, Христоматія, III, стр. 12—15, 16—19.

должника, то послѣднему оставалось только формальное право считаться владѣльцемъ закладной вотчины, положеніе же его фактически нисколько не улучшалось. Такъ какъ подъ каждымъ опредѣленіемъ московскаго законодательства всегда надо предполагать живой конкретный фактъ, то можно думать, что введенное указомъ 1558 г. разграниченіе формальнаго права владѣнія и фактическаго пользованія закладной вотчиной вызвано было тѣми злоупотребленіями и путаницей правъ, которыя возникали при передачѣ закладной вотчины кредитору за ростъ пахать. Кредиторъ, получивъ закладную вотчину въ пользованіе и, слѣдовательно, въ фактическое владѣніе, могъ записать ее въ писцовыя книги или другія крѣпости, какъ свою собственность. Кромѣ того, совмѣщеніе права должника на заложенную вотчину до просрочки долга и права кредитора, фактически владѣющаго ею, не позволяли установить правильный контроль надъ службою земли и отвѣтственность за нее. Въ интересахъ должника надо было возвратить ему формальное право на закладную вотчину, писать ее за нимъ въ книгахъ и крѣпостяхъ. Но это формальное право лишено было всякаго живаго содержанія. Права распоряженія, естественно, были отняты у должника, чтобы гарантировать право кредитора на полученіе долга. Кредиторъ же оставался фактическимъ владѣтелемъ вотчины, согласно условію, пользовался доходами съ нея, пахалъ ее за ростъ.

Такимъ образомъ законодательство XVI вѣка не могло остановить той мобилизаціи служилой земли, которая вызывалась экономическими потребностями вѣка. Ея причины были заложены такъ глубоко въ условіяхъ экономическаго быта, что никакой государственный авторитетъ и не въ состояніи былъ устранить этихъ причинъ, пока кореннымъ образомъ не измѣнился самый экономическій бытъ. Государство могло только воспользоваться нѣкоторыми средствами стѣсненія земельной мобилизаціи, которыя не были имъ придуманы, а были указаны практикой частновладѣльческихъ отношеній. Законодательная обработка этихъ, подсказанныхъ жизнью, средствъ, да нѣсколько временныхъ и очень слабыхъ мѣръ для облегченія тяжелаго имущественнаго положенія служилаго класса, вотъ все, что могло сдѣлать государство, чтобы спасти служилое вотчинное землевладѣніе отъ разлагающаго дѣйствія ненормальнаго теченія экономической жизни. Такая же неудача въ концѣ концовъ постигла и борьбу противъ перехода служилой земли въ руки церкви, такъ какъ и здѣсь государство не

въ силахъ было уничтожить коренную причину, измѣнить господствующія религіозно-нравственныя понятія общества, какъ не могло перестроить на новыхъ основаніяхъ его юридическій и экономическій бытъ.

III.

Экономическій кризисъ передавалъ большія количества служилой земли въ неслужилыя руки, въ собственность монастырей и духовенства. Но самымъ обильнымъ источникомъ земельныхъ богатствъ духовенства былъ, конечно, благочестивый обычай давать земли церквамъ и монастырямъ на устроеніе души, вѣчное поминовеніе. Его гибельное значеніе для военной организаціи государства, «веліе оскудѣніе», происходившее отъ него «воинственному чину», хорошо извѣстно и было вѣрно оцѣнено правительствомъ XVI в. [1]). Но озабоченное, главнымъ образомъ, самымъ фактомъ перехода громаднаго количества служилой земли въ собственность духовенства, правительство очень мало обращало вниманія на другой обычай, тѣсно связанный съ первымъ. Этотъ другой обычай также долженъ былъ служить источникомъ большихъ злоупотребленій по службѣ съ земли. Онъ заключался въ томъ, что земля, даваемая монастырю «вѣчнаго ради спасенія и небесныхъ благъ наслажденія», обыкновенно не сразу поступала въ полное обладаніе монастыря, но оставалась въ пожизненномъ владѣніи вкладчика. Въ подобныхъ поземельныхъ отношеніяхъ монастыря и вкладчика своеобразно сочетались духовныя потребности и матеріальные интересы древне-русскаго общества. Надо вспомнить тѣ условія, въ которыхъ человѣкъ XV—XVI вв. устраивалъ свою душу. Духовное завѣщаніе въ древней Руси имѣло гораздо болѣе широкое назначеніе и смыслъ, чѣмъ оно имѣетъ въ настоящее время. Въ своей «душевной грамотѣ» завѣщатель не только ликвидировалъ свои житейскія дѣла, но и устраивалъ свою будущую жизнь. Въ числѣ обычныхъ побужденій къ составленію духовнаго завѣщанія, ожиданія смерти, тяжелой болѣзни, отправленія на опасное предпріятіе или службу, большое значеніе имѣло то одностороннее и оригинальное представленіе о средствахъ душевнаго спасенія, по которому правильное дѣйствіе этихъ средствъ должно было обезпечиваться матеріально. Если, такимъ образомъ,

[1]) Соборный приговоръ 1580 г.

достиженіе душевнаго спасенія поставлялось въ зависимость отъ того, какъ распорядится человѣкъ при жизни своимъ имуществомъ, то понятно, что онъ задолго до смерти старался обезпечить какъ можно болѣе средствъ для достиженія высшей цѣли своего существованія.

Отдавая часть своей вотчины на поминъ души монастырю, завѣщатель обыкновенно выговаривалъ себѣ право жить въ той вотчинѣ до смерти, «до живота», какъ выражаются памятники того времени. Духовныя, данныя, вкладныя и другія грамоты очень рѣдко разъясняютъ въ точности, какъ въ подобныхъ случаяхъ разграничивались права завѣщателя-вотчинника и монастыря, было ли это владѣніе «до живота» просто пользованіемъ доходами съ вкладной вотчины или въ немъ сохранялись еще какіе-нибудь элементы отъ прежняго вотчиннаго права. Туманность обоюдныхъ отношеній монастыря и завѣщателя зависитъ, впрочемъ, не столько отъ скудости источниковъ, сколько, вообще, отъ той неопредѣленности и хаотичности, какими отличались вотчинныя права и поземельныя отношенія древней Руси. Можно думать, что и на самомъ дѣлѣ подобныя поземельныя владѣльческія отношенія были очень разнообразны. Иногда завѣщатель ставилъ себя какъ бы въ зависимость отъ милости и благоволенія монастырскихъ властей: «а покамѣста Богъ продлитъ живота, и архимандриту пожаловати, меня вонъ не высылати» [1]). Иногда онъ проявлялъ бóльшую самостоятельность и прямо говорилъ о пожизненномъ владѣніи вкладной вотчиной и живущими въ ней крестьянами и всякими угодьями [2]). Въ одномъ случаѣ встрѣчаемъ прямое указаніе на то, что завѣщатель, дѣйствительно, сохранялъ за собой право владѣнія вкладной вотчиной, а не только право пользованія доходами. Княгиня Елена Тростенская, жена князя Ивана Тимофеевича, дала по первомъ своемъ мужѣ, Яковѣ Григ. Лелѣчинѣ, его вотчину въ Рузскомъ уѣздѣ, село Волково съ деревнями, выговоривъ право жить въ немъ до живота; въ 1557—58-мъ же году «за немощь и за старость» она отступилась отъ той вотчины при своемъ животѣ съ обязательствомъ въ нее болѣе не вступаться; за это монастырскія власти должны платить ей ежегодный натуральный и денежный оброкъ; въ случаѣ неисполненія этого обязательства со стороны монастыря, вотчина опять переходитъ во владѣніе княгини

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Владимір. у., № 1826.
[2]) Сборн. Тр. Л., № 532, л. 268 об.

Елены [1]). Выговариваются также иногда, вмѣстѣ съ правомъ жить до живота во вкладной вотчинѣ, опредѣленные доходы или извѣстныя крестьянскія повинности. Напримѣръ, Настасья Житова, отдавая въ 1573—74 г. вотчину въ монастырь, оставляетъ за собой право пользоваться съ нея половиною всякихъ доходовъ [2]). Въ 1571—72 г. Анна Воронова, давая Троицѣ по мужѣ его старую вотчину, село Дмитріево съ деревнями, выговариваетъ себѣ право жить до живота: «а архимандриту Ѳеодосію съ братіей пожаловати, велѣть мнѣ въ полуселѣ Дмитріевѣ монастырскимъ крестьянамъ Ѳедоровскимъ пахать на 20 четей ржи, а овса на 40 четей» [3]). Но въ большинствѣ случаевъ вкладчики ограничиваются общимъ условіемъ: «а жить мнѣ въ той вотчинѣ до живота», не опредѣляя точнѣе объема своихъ правъ [4]). Встрѣчаемъ одинъ случай, когда вкладчикъ выговариваетъ себѣ очень скромную долю, «полвытки землицы» [5]). Особое условіе требовалось для оставленія вотчины по смерти вкладчика за его семьей. Такъ въ 1543—44 г. Суета Улыбышевъ оставляетъ себѣ право жить во вкладной вотчинѣ до живота, а женѣ только одинъ годъ. Гр. Аѳ. Красновъ во вкладной грамотѣ Троице-Сергіеву монастырю пишетъ: «а тою мнѣ вотчиною владѣти до своего живота, а послѣ моего живота владѣти сыну моему Ѳедору, а послѣ сына моего живота та моя вотчина въ домъ Живоначальныя Троицы» [6]). Условія о пожизненномъ владѣніи вкладной вотчиной заключались иногда съ вѣдома государя. Такъ въ 1566—67 г. княгиня Авдотья Микулинская, отдавая монастырю громадныя вотчины въ Тверскомъ и Микулинскомъ уѣздахъ, говоритъ въ данной: «а ей въ вотчинѣ по государеву жалованью и мужа приказу жить до жи-

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Рузск. у., № 10302. Не лишнимъ считаемъ привести интересный перечень оброка, платимаго монастыремъ княгинѣ: «оброку давати при ея животѣ съ году на годъ 70 четей муки ржаной, 30 четей овса, 20 четей солоду ячнаго, 10 четей солоду ржанаго, 6 четей пшеницы, 2 чети конопли, 2 чети гороху, 4 чети крупъ гречневыхъ, 2 чети крупъ овсяныхъ, 2 чети толокна, 10 пудовъ меду, 3 пуда масла коровьяго, 5 пудовъ соли, 50 возовъ дровъ, 200 полѣнъ лучины, 20 возовъ сѣна, 10 рублей денегъ, бочка капусты соленые, бочка кислые, бочка кислицы, бочка огурцовъ соленыхъ, четверть моркови, четверть рѣпы.

[2]) Сборн. Тр.-Серг. Л. № 532, л. 360.

[3]) Ibid., л. 878 об.

[4]) Образцы данныхъ и вкладныхъ съ этимъ условіемъ см. А. Ю. № 115; А. о. до Ю. Б., I, № 63, XVIII. С. Шумаковъ, Тверскіе Акты, вып. I, №№ VI, XXIII, XXV, XXX, XXXI, XXXIII, XXXIV, XLI, LIII.

[5]) Сборн. Тр. Серг. Л. № 532, л. 116.

[6]) Ibid., л. 57, С. Шумаковъ, Тверскіе Акты, в. I, № XXXVI.

вота. А на кормъ монастырю давать по 10 рублей въ годъ» [1]). Такъ разнообразны были поземельныя отношенія, устанавливавшіяся въ монастырскихъ вкладныхъ вотчинахъ, которыя оставались въ пожизненномъ владѣніи вкладчиковъ. Ясенъ вредъ, который эти отношенія причиняли государевой службѣ. Часть вотчины, предназначенная на вѣчное поминовеніе, задолго до смерти вкладчика переходила въ юридическую собственность монастыря, т. е. выходила изъ службы, одновременно оставаясь въ фактическомъ владѣніи служилаго человѣка. Такой порядокъ могъ быть источникомъ большихъ злоупотребленій, давая возможность служилымъ людямъ выводить свою землю изъ службы еще при жизни. Дѣйствительно, такія вотчины, оставшіяся въ пожизненномъ владѣніи вкладчика, записывались въ писцовыхъ книгахъ уже за монастырями [2]). Однако правительство долгое время не обращало никакого вниманія на описанный порядокъ земельныхъ вкладовъ въ монастыри. Только въ концѣ XVI в., во время ревизіи вотчинныхъ правъ Троице-Сергіева и другихъ монастырей, потребовалось разрѣшить нѣкоторыя недоумѣнія, возникавшія изъ этого порядка. Разрѣшены онѣ были въ томъ смыслѣ, что законность договоровъ о пожизненномъ владѣніи вкладными вотчинами была признана правительствомъ. Конфискованы временно были только тѣ вотчины, правъ на которыя не могли оправдать необходимыми документами монастырь и пожизненный владѣлецъ [3]).

Обычай давать земли монастырямъ и церквамъ для вѣчнаго поминовенія былъ зломъ, въ борьбѣ съ которымъ государство потерпѣло въ концѣ концовъ неудачу. И въ этой борьбѣ его усилія были парализованы, съ одной стороны, религіозно-нравственнымъ идеаломъ общества, съ другой—уже извѣстнымъ намъ экономическимъ кризисомъ. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія разсмотримъ мѣропріятія XVI в. противъ непомѣрнаго обогащенія монастырей земельными вкладами.

Земля давалась монастырю «вѣчнаго ради спасенія», которое должно было обезпечиваться и вѣчнымъ поминовеніемъ души вкладчика. Отсюда необходимо вытекало условіе о неотчуждаемости вкладной земли, которое постоянно встрѣчается въ данныхъ и вкладныхъ грамотахъ XVI в. Монастырь, получившій вкладъ, долженъ былъ

[1]) Сборн. Тр.-Серг. Л. № 532, л. 266 об.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 791, 901, 902, 918.

[3]) См. нашу статью, Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI в., Журн. Мин. Народн. Просв., 1895 г., № 5.

исполнять свою обязанность поминовенія, «доколѣ святая обитель стоитъ», или даже, «доколѣ міръ стоитъ». Эти требованія вкладчиковъ о неотчуждаемости вкладныхъ вотчинъ, вызываемыя заботой о вѣчности поминовенія, вполнѣ отвѣчали извѣстному ученію самой церкви о неотчуждаемости ея имуществъ. Интересы церкви въ данномъ случаѣ находили себѣ полную поддержку въ религіозныхъ потребностяхъ общества. Нельзя поэтому согласиться съ мнѣніемъ М. И. Горчакова, что появленіе во вкладныхъ грамотахъ условій о неотчуждаемости вызывалось преимущественно одностороннимъ интересомъ церкви, что митрополичья каѳедра, напримѣръ, *заставляла* вкладчиковъ XV и XVI вв. вписывать въ ихъ данныя и вкладныя эти условія [1]). Тою же заботою о непрерывности и вѣчности поминовенія, боязнью душу свою учинить «безпамятной» или «двинуть костью» предковъ проникнуты и наказы завѣщателей и вкладчиковъ родичамъ о выкупѣ вкладныхъ вотчинъ изъ монастыря. Какъ и слѣдуетъ ожидать, воля завѣщателя или вкладчика высказывалась очень различно о правахъ его родичей на выкупъ. Для кого спасеніе души было главнѣйшей, исключавшей всѣ другія, заботой, тотъ обыкновенно писалъ, что даетъ вотчину монастырю впрокъ, безъ выкупа, а кто будетъ вступаться въ нее, тому будетъ судъ съ нимъ, вкладчикомъ, въ будущемъ вѣкѣ, предъ лицомъ Бога. Выкупъ у монастыря вотчины противъ воли вкладчика представлялся дѣломъ насильственнымъ: «а роду моему ни ближнему ни дальнему того села у Живоначальные Троицы не выкупити, а кто насильствомъ выкупитъ то село, и мнѣ съ нимъ судъ будетъ предъ Богомъ» [2]). Любопытенъ одинъ случай, когда завѣщатель, формально разрѣшая роду произвести выкупъ вкладной вотчины и опредѣляя сумму выкупа, грозитъ все-таки родичамъ за этотъ выкупъ судомъ въ будущемъ вѣкѣ [3]). Свободно разрѣшая или запрещая выкупъ, завѣщатель также свободенъ былъ въ выборѣ тѣхъ лицъ, которымъ предоставлялось право выкупа. Предпочтеніе, конечно, давалось прежде всего дѣтямъ и ближнему роду. Напримѣръ, князь Дмитрій Ивановичъ Нѣмово въ 1562—63 г. даетъ право выкупа изъ монастыря завѣщанной послѣднему большой вотчины только дѣтямъ, сыновьямъ и дочерямъ, если таковые у него будутъ; княгинѣ же его, брату, племяннику и всему роду до той вотчины дѣла нѣтъ [4]). Пятеро

[1]) О земельн. владѣн. всероссійск. митрополитовъ и т. д., стр. 156.
[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Переяслав. у. № 8916; Сборн. Тр.-Серг. Л. № 530, л. 547.
[3]) Сборн. Тр.-Серг. Л. № 532, л. 53 об. и слѣд.
[4]) Арх. Мин. Юст., грам. Рузск. у., № 10314.

князей Кривоборскихъ въ 1557—58 г., отдавая по духовной отца его вотчину Троице-Сергіеву монастырю, оставляютъ право выкупа исключительно за собой: «а опричь насъ пятерыхъ того села и деревень нашему роду никоторому у Живоначальной не выкупити» [1]). Право выкупа предоставлялось также одному только извѣстному лицу; напримѣръ, Андрей Палицынъ въ 1610 — 11 г. даетъ это право исключительно родному брату и притомъ съ обязательствомъ возвратить выкупленную вотчину послѣ смерти обратно въ монастырь [2]). Завѣщатель могъ дать право выкупа и совершенно постороннему лицу, исключивъ свой родъ; такъ въ 1577—78 г. старица Евфросинья Головкина, давая Троице-Сергіеву монастырю нѣсколько деревень, запрещаетъ своему роду-племени выкупать ихъ; если же о той вотчинѣ будетъ бить челомъ Смирной-Ильинъ (кто онъ, неизвѣстно), то архимандриту взять у него 50 рублей, а вотчину дать ему до живота [3]). Право родоваго выкупа завѣщатели стѣсняли также разными косвенными мѣрами, напримѣръ, назначеніемъ несоразмѣрно высокой цѣны за выкупъ, что было замѣчено и законодательствомъ [4]). Другой причиной, сильно стѣснявшей родичей, желавшихъ воспользоваться своимъ правомъ выкупа, было возлагаемое на нихъ обязательство вознаградить монастырь за всѣ затраты, произведенныя во вкладной вотчинѣ. Напримѣръ, Иванъ Ѳедоровичъ Березниковъ, отдавая Сергіеву монастырю въ Клинскомъ уѣздѣ свою вотчинную пустошь и разрѣшая роду выкупить ее за 300 рублей, дѣлаетъ такую оговорку: «а что въ той вотчинѣ лѣсу росчистятъ (монастырскія власти) и пашни роспашутъ и дворовъ устроятъ и крестьянъ посадятъ, и за тое лѣсную расчистку и за пашенную роспашку и за дворовое строеніе взять на томъ въ домъ Живоначальные Троицы деньги по ихъ властинской сказкѣ, во что имъ то строенье станетъ, а крестьянъ имъ вывезти въ иныя Троицкія вотчины»... [5]).

Со своей стороны монастырь ревностно помогалъ вкладчикамъ въ ихъ стремленіи охранять неотчуждаемость вкладныхъ вотчинъ

[1]) Ibid., грам. Бѣлозер. у. № 808.

[2]) Сборн. Тр.-Серг. Л. № 532, л. 12. Также: «а мимо имъ меня и братанича моего Андрея Гаврилова сына тѣ земли иному не продати, ни заложити, ни промѣняти, ни въ закупъ не дати никому». Арх. Мин. Юст., грам. Переяслав. у., № 8765.

[3]) Сборн. Тр. Серг. Л., № 532, л. 70 об.

[4]) Такой черезчуръ высокой цѣной можно считать 700 рублей, назначенные кн. Нѣмымъ за выкупъ 1 села и 22 деревень, тогда какъ князь Иванъ Алекс. Кривоборскій за 1 село и 20 деревень назначилъ 110 рублей. Явно уже несообразной цѣной была сумма въ 300 рублей, назначенная за выкупъ одной пустоши.

[5]) Арх. Мин. Юст., грам. Клин. у., № 5639, л. 25.

тѣмъ, что заключалъ условія о выкупѣ съ тѣми родичами, которые могли бы воспользоваться своимъ правомъ; именно, онъ бралъ отписи о невыкупѣ съ родичей, не подписавшихся послухами въ данныхъ и вкладныхъ грамотахъ. Напримѣръ, въ 1542—43 г. Марфа Еропкина, по приказу мужа своего, дала Іосифову Волоколамскому монастырю село съ двумя деревнями; въ числѣ послуховъ, подписавшихся подъ данной, не оказалось ея племянника Михаила Васильева Еропкина; тогда онъ далъ особую отпись игумену, что ему до того сельца и деревень дѣла нѣтъ, въ чемъ въ свою очередь онъ представилъ нѣсколько послуховъ [1]). Иногда монастырь бралъ отпись съ родича въ томъ случаѣ, когда совершалъ какую-нибудь операцію съ вкладной вотчиной; напримѣръ, Ѳедоръ Тиронъ Григорьевъ сынъ Ракитинъ далъ обязательство властямъ Іосифова Волоколамскаго монастыря о невыкупѣ той вотчины, которую дядя его далъ монастырю, а монастырскія власти промѣняли ее князю Михаилу Ивановичу Звенигородскому Спячему [2]). Точно также монастырь старался покончить мировой сдѣлкой процессы, возбуждавшіеся противъ него по дѣламъ о выкупѣ. Такъ Аѳанасій Лопухинъ въ отписи, данной Троицкому игумену въ 1591—92 г., говоритъ, что онъ билъ челомъ Государю на архимандрита о дѣда своего вотчинѣ, данной по душѣ бабки, полуселѣ Лазаревѣ, двухъ селищахъ и полудеревнѣ; затѣмъ тяжба была покончена миромъ; Аѳанасій получилъ на прожитокъ до живота четверть села и пустошь; помимо обычныхъ обязательствъ о неосвоеніи и неотчужденіи той вотчины Аѳанасій обязуется не бить о ней челомъ Государю; въ противномъ же случаѣ долженъ заплатить 50 рублей [3]). Въ крайнемъ случаѣ монастырь прямо обращался къ царю съ челобитьемъ запретить выкупъ такимъ-то родичамъ. Такъ въ 1586—87 г. Троицкія власти били челомъ царю, что князь Григорій Андреевичъ Куракинъ далъ монастырю свою вотчину въ Костромскомъ у., Плесскомъ стану, село Медвѣдково съ 20 деревнями; и ту вотчину хотятъ выкупить изъ монастыря «княжъ Григорьево родство, Голи-

[1]) Арх. Мин. Юст., грам., Волоколамск. у. № 2431. Другой примѣръ: въ 1579—80 г. князь Андрей Ивановичъ Гундоровъ обязался за себя, жену и дѣтей не вступаться въ ту вотчину, которую отецъ его князь Иванъ Васильевичъ послѣ живота своей жены Ирины далъ Спасо-Ефимьеву монастырю, $^1/_2$ села Воскресенскаго на рѣкѣ Шижехтѣ съ деревнями. Въ случаѣ нарушенія обязательства монастырь беретъ съ кн. Андрея, его жены и дѣтей, 100 рублей по сей отписи. Арх. Мин. Юст., грам. Владимір. у. № 1855. Подобныя же условія заключались между частными лицами. Нѣсколько образцовъ находится, напримѣръ, въ Сборн. Тр.-Серг. Л. № 530, лл. 274, 400 об., 772.

[2]) Сборн. Рум. Музея, № 53, л. 37; Арх. Мин. Юст., грам. Рузск. у., № 10242.

[3]) Арх. Мин. Юст., грам. Дмитров. у., № 3780.

цыны, Куракины и иныя ихъ племена». Монастырь проситъ дать жалованную грамоту и запретить выкупъ. Челобитье было удовлетворено [1]). Наконецъ, родовая вотчина могла быть выкуплена только въ пожизненное владѣніе съ обязательствомъ не отчуждать ее мимо монастыря [2]).

Всѣ эти примѣры показываютъ, что практика родоваго выкупа вкладныхъ вотчинъ у монастырей представляла полный просторъ личной волѣ завѣщателя-вкладчика и личному соглашенію заинтересованныхъ лицъ. Въ какомъ отношеніи стояло законодательство къ этой практикѣ, создало-ли оно ее, или только направляло ее въ своихъ цѣляхъ и облекало въ юридическія нормы? Вниманіе правительства на обычай родоваго выкупа вкладныхъ вотчинъ обращено было еще во второй половинѣ XV в., при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ. Объ указахъ этого князя и его сына, Василія Ивановича, упоминаетъ соборный приговоръ 11 мая 1551 г., утвердившій прежнія узаконенія о родовомъ выкупѣ и постановившій: «а которые люди напередъ сего и по ся мѣста вотчины свои въ монастыри давали по своихъ душахъ и по родителей своихъ душахъ въ вѣчной поминокъ, или которые впередъ учнутъ потому же вотчины давати въ вѣчной же поминокъ; и тѣхъ вотчинъ у монастырей никому жъ никако не выкупати. А которые люди вотчины свои въ монастыри по ся мѣста давали, да и впередъ которые учнутъ вотчины свои давати въ монастыри, а напишетъ кто въ духовныхъ и въ данныхъ и въ всякихъ крѣпостяхъ, кому будетъ до ихъ вотчины роду ихъ, и родъ ихъ скупъ дадутъ столько, сколько въ духовной или въ иныхъ въ которыхъ крѣпостяхъ написано дати скупу; и тѣ вотчины вотчичемъ выкупати по духовнымъ и по даннымъ крѣпостямъ по старинѣ, по тѣмъ же указомъ, какъ было при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руссіи и при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ вся Руссіи» [3]). Ясно изъ этого приговора, что законодательство со времени великаго князя Ивана Васильевича и до половины XVI в. не выработало никакихъ самостоятельныхъ нормъ для права родоваго выкупа вкладныхъ вотчинъ, а только узаконило практику этого обычая и притомъ во всемъ ея разнообразіи, предоставивъ завѣщателю полную свободу отдавать свои вотчины безъ выкупа или съ правомъ выкупа, установлять по произволу выкупную цѣну.

[1]) Ibid., грам. Костром. у., № 5125.

[2]) Д. М. Мейчикъ, грамоты XIV и XV вв. Архива Министерства Юстиціи, стр. 92.

[3]) А. А. Э., I, № 227.

Но и приговоръ 1551 г. и предшествовавшіе ему указы проникнуты однимъ принципомъ, составляющимъ самую сущность обычая давать вотчины на поминовеніе, тѣмъ именно, что эти вотчины должны находиться въ вѣчномъ владѣніи монастыря, какъ вѣчно должно быть самое поминовеніе, обезпечивающее вѣчную жизнь. Этотъ же принципъ легъ въ основу и дальнѣйшаго законодательства. Черезъ 6 лѣтъ послѣ приговора 1551 г., предоставившаго полную свободу существовавшей практикѣ родоваго выкупа, послѣдовалъ указъ 5 августа 1557 г., изъ котораго видно, что правительство вынуждено было вмѣшаться въ эту практику злоупотребленіями при назначеніи выкупной суммы за вкладную вотчину. Указомъ 1557 г. было постановлено, что вотчичи, имѣющіе право на выкупъ, могутъ обжаловать несоразмѣрно высокую денежную оцѣнку вотчины и бить челомъ о мѣрѣ, «покуда духовная не запечатана и не совершена: и тѣмъ вотчичемъ на вотчины давати мѣрщиковъ, и выкупити вотчины по мѣрѣ, чего вотчина стоитъ». Запоздалыя челобитья послѣ того, какъ всѣ формальности по совершенію и утвержденію духовнаго завѣщанія окончены, оставляются безъ послѣдствій. Итакъ, несомнѣнно, что указъ 1557 г. узаконилъ при извѣстныхъ условіяхъ правительственное вмѣшательство въ денежную оцѣнку выкупаемой вотчины. Кромѣ того тотъ же законъ постановилъ платить за землю подъ лѣсомъ и подъ рощей ту же цѣну, что и за пашенную землю, а отдѣльную плату за лѣсъ совсѣмъ отмѣнилъ [1]). Такимъ образомъ законъ 1557 г. коснулся второстепенной стороны вопроса о родовомъ выкупѣ вкладныхъ вотчинъ и совсѣмъ обошелъ молчаніемъ два главныхъ пункта: права завѣщателя по произволу разрѣшать или запрещать родичамъ выкупъ и круга родства, допускаемаго къ выкупу. Соборные приговоры 1573, 1580, 1584 гг. по отношенію къ вопросу о родовомъ выкупѣ подтвердили стародавній порядокъ, воспретивъ выкупъ земель у монастырей, подразумѣвается, противъ воли вкладчиковъ [2]). Итакъ, правительство XVI в. совершенно не сумѣло воспользоваться въ своихъ интересахъ обычаемъ родоваго выкупа вкладныхъ вотчинъ, потому что не могло поднять руку на принципъ неотчуждаемости вотчины, данной монастырю на вѣчное по-

[1]) А. И., I, № 154, VI.

[2]) Приговоръ 1573 г.: «а монастырскихъ вотчинъ вотчичамъ впередъ не выкупати». А. И. № 154, XIX; приговоры 1580 и 1584 гг.: «и вотчины никоторымъ судомъ, ни тяжею у митрополита, и у владыкъ, и у монастыря не емлютъ и не выкупаютъ; хотя которое мѣсто и не утверждено крѣпостьми, и у того монастыря не выкупати и впередъ съ монастыри о вотчинахъ не тягатися». С. Г. Г. и Д., I, №№ 200 и 202.

миновеніе, принципъ, безъ котораго самый обычай вкладовъ на поминовеніе потерялъ бы весь свой смыслъ.

Также безсильно оказалось государство и въ тѣхъ своихъ мѣрахъ, которыя были направлены прямо противъ земельныхъ вкладовъ монастырямъ. Ихъ неудача зависѣла все отъ того же, что правительство не могло отрѣшиться отъ религіозныхъ убѣжденій массы общества, отъ господствовавшихъ взглядовъ на средства душевнаго спасенія, и не могло изыскать другихъ средствъ матеріальнаго обезпеченія спасенія души, которыя бы съ успѣхомъ замѣнили земельные вклады. Первая мѣра противъ прилива земельныхъ вкладовъ въ монастыри была предпринята «изъ старины, по Уложенью Великаго князя Василья Ивановича всея Русіи» и заключалась въ томъ, что жителямъ нѣкоторыхъ городовъ и нѣкоторымъ сѣверо-восточнымъ князьямъ было запрещено давать вотчины монастырямъ безъ доклада и «безъ Царева и Великаго князя вѣдома». Въ соборномъ приговорѣ 11 мая 1551 г. это уложеніе было не только подтверждено, но получило силу общаго и повсемѣстнаго закона. За нарушеніе его постановлено: «та вотчина у монастыря безденежно имати на государя». Слово «безденежно» показываетъ, что отвѣтственными за нарушеніе закона являются не только сами вотчинники, но и монастыри, принимающіе вотчины безъ доклада. Такъ какъ между соборнымъ приговоромъ 1551 г. и уложеніемъ великаго князя Василія Ивановича прошелъ значительный промежутокъ времени, то явился вопросъ о примѣненіи обратной силы новаго общаго закона. Какъ общій законъ, онъ не получилъ этой силы: «а которые вотчины свои въ монастыри по душамъ до сего государева приговору давали: и тѣмъ вотчинамъ впередъ за монастыри и быти, потому что тѣ вотчины даваны въ монастыри до сего Государева приговору». Но вотчины князей и жителей городовъ, поименованныхъ въ уложеніи великаго князя Василія, поступившія во владѣніе монастырей безъ доклада до 1551 г., велѣно «имати на Государя, да за нихъ по мѣрѣ денги платити, да тѣ вотчины отдавати въ помѣстья»[1]). Такимъ образомъ до половины XVI в. законодательство подходило къ вопросу объ ограниченіи земельныхъ вкладовъ очень осторожно и нерѣшительно. Оно не осудило этого обычая, но только поставило его подъ контроль свѣтскаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ указало на другой возможный способъ обезпечивать вѣчное поминовеніе, денежные

[1]) А. Э., I, № 227; А. С. Павловъ, Ист. очеркъ секуляризаціи и т. д., стр. 122—123.

вклады. Но эти первые нерѣшительные шаги не привели ни къ чему и не могли привести, потому что не было указано твердаго опредѣленнаго критерія, которымъ слѣдовало руководиться при контролированіи земельныхъ вкладовъ. Самая организація этого контроля была несостоятельна, такъ какъ возлагала на центральное правительство совершенно непосильную задачу слѣдить за всею массою духовныхъ завѣщаній, данныхъ и вкладныхъ актовъ, совершавшихся во всемъ государствѣ. Приговоръ 1551 г. не могъ остановить злоупотребленій, и слѣдующія законодательныя мѣры становятся рѣшительнѣе. Указъ 1562 г. о княжескихъ вотчинахъ прямо потребовалъ замѣны земельныхъ вкладовъ денежными, но онъ не былъ общимъ закономъ, обязательнымъ для всего землевладѣльческаго класса [1]). Соборный приговоръ 1573 г., распространившій дѣйствіе указа 1562 г. на всѣ вообще родовыя княжескія и боярскія вотчины, запретилъ давать земли только богатымъ монастырямъ, гдѣ вотчинъ много, «а кто которымъ монастыремъ малымъ дастъ вотчину, у которыхъ монастырей земель мало: и тѣ вотчины, доложа государя, записывати, а безъ докладу не записывати и безъ боярскаго приговору» [2]). Какъ видно, указы 1562 и 1573 гг. очень мало подвинули впередъ дѣло. Во-первыхъ, они коснулись только родовыхъ вотчинъ одного только высшаго служилаго класса; во-вторыхъ, они не отвергли принципіально обычая земельныхъ вкладовъ, но только ограничили область его примѣненія. Рѣшительная попытка разъ навсегда покончить съ злосчастнымъ обычаемъ сдѣлана была на соборахъ 1580 и 1584 гг. [3]). Соборы постановили: «а отъ сего дни впередъ, съ генваря пятаго надесять дня, вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не давати, а давати за нихъ въ монастыри денги, которое село чего судитъ; а село имати вотчинникомъ, хотя кто и далеко въ роду: а будетъ у кого роду не будетъ ни далнего, и та вотчина имать на госу-

[1]) А. И., I, № 154. XVIII.

[2]) Ibid., XIX.

[3]) И въ настоящее время относительно соборнаго приговора 1580 г. надо повторить новѣйшимъ ученымъ тотъ упрекъ, который въ свое время сдѣланъ былъ А. С. Павловымъ, упрекъ въ томъ, что обращаясь къ соборному приговору 1580 г., пользуются не подлинникомъ его, напечатаннымъ въ I т. С. Г. Гр. и Дог., а позднѣйшимъ спискомъ, съ невѣрною хронологическою датой. Этотъ списокъ цитируетъ, напримѣръ, г. Сторожевъ въ своемъ перечнѣ указовъ о поземельномъ владѣніи. Указ. кн. Пом. Приказа, стр. 140. Неправильность этого списка не ограничивается невѣрною хронологическою датой (1581 вмѣсто 1580); но сравнительно съ подлинникомъ въ текстѣ списка находятся значительные пропуски, которые могутъ повести къ недоразумѣніямъ.

даря, а денги за нее платити изъ казны» [1]). Въ этомъ приговорѣ высказалась крайняя точка зрѣнія правительства на злополучный вопросъ; запретивъ безусловно земельные вклады, оно все-таки не рѣшилось посягнуть принципіально на убѣжденіе въ необходимости матеріальнаго обезпеченія будущей жизни и признало этимъ средствомъ обезпеченія денежные вклады.

Насколько достигали цѣли всѣ перечисленныя ограничительныя и запретительныя мѣры противъ земельныхъ вкладовъ въ монастыри? Уже неоднократное повтореніе запретительныхъ мѣръ противъ земельныхъ вкладовъ само по себѣ наводитъ на мысль, что жизнь оказала сильное противодѣйствіе закону [2]). Въ указахъ 1562 и 1573 годовъ государство приняло на себя обязанность устраивать денежными вкладами души тѣхъ князей, у которыхъ не хватало для этой цѣли движимаго имущества и денегъ. Дѣйствительно, сохранился рядъ извѣстій о денежныхъ вкладахъ московскихъ государей по душамъ князей [3]). Но параллельно съ денежными вкладами встрѣчаемъ и большіе земельные. Такъ, напримѣръ, въ 70-хъ годахъ царь Иванъ далъ монастырямъ громадныя вотчины князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго по душѣ его и его рода. Въ 1575 г. даны были Кириллову Бѣлозерскому монастырю села Спасское въ Ростовскомъ и Пирогово въ Московскомъ уѣздахъ, оба съ деревнями, пустошами и всякими угодьями, причемъ точно былъ опредѣленъ порядокъ поминовенія много-

[1]) С. Г. Гр. и Д., I, №№ 200 и 202.

[2]) Ученые, затрогивавшіе этотъ вопросъ, въ большинствѣ отмѣчаютъ нѣкоторые факты нарушенія законовъ XVI в., запрещающихъ земельные вклады, но не даютъ точнаго отвѣта на вопросъ о причинахъ этихъ нарушеній. Смотр., напримѣръ, Лакіера О вотчинахъ и помѣстьяхъ, 90; г. Блюменфельда. О формахъ землевладѣнія, 188—189; г. Сторожева, Указная книга, 158—159. А. С. Павловъ отрицательно относится къ дѣйствительному значенію законодательныхъ мѣръ Ивана IV, но слишкомъ узко объясняетъ причины ихъ неудачи. «Онъ (Иванъ IV) не только не спасъ Россіи отъ обращенія въ монастырскую собственность, какъ утверждаютъ нѣкоторые, но едва-ли не болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ содѣйствовалъ чрезвычайному обогащенію монастырей землями. Поставивъ вотчины на одну линію съ помѣстьями, обусловивъ всѣ частныя права на тѣ и другія обязанностями службы, держа служилыхъ людей въ постоянномъ страхѣ за свои земли и головы, Грозный на столько умалилъ выгоды частнаго землевладѣнія, что вотчинники безъ особеннаго сожалѣнія поступались духовенству своими родовыми имуществами, разсчитывая, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ опалы и казни, обезпечить себѣ вѣчное церковное поминовеніе». Ист. оч. секуляр., 151. Впрочемъ срв. стр. 157 и сл.

[3]) Напримѣръ, см. Кормовую книгу Кирилло-Бѣлоз. монастыря въ Запискахъ Славян.-Рус. Отдѣленія Археолог. Общества, т. I, вкладную книгу Перемышльскаго Успенск. монастыря, Чт. Общ. Ист. и Древн., 1863 г., кн. I, стр. 32—35.

численныхъ представителей рода князей Бѣльскихъ [1]); въ 1542 г. Спасо-Евфимьевъ монастырь получилъ село Правдино съ деревнями и починками въ Углицкомъ уѣздѣ [2]); жалованная грамота суздальскому епископу Варлааму 1578 г. упоминаетъ о данныхъ на поминъ души того же кн. Ивана Дмитріевича Бѣльскаго въ Московскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ селахъ Шубинѣ и Залѣсьѣ и во Владимірскомъ уѣздѣ селѣ Добрынскомъ съ деревнями [3]); въ 1573 г. царь далъ тарханную грамоту Новодѣвичьему монастырю на села Михайлову Гору въ Бѣжецкомъ верхѣ и Козино въ Московскомъ уѣздѣ, данныя монастырю царемъ по душамъ жены князя Ивана Дмитріевича, княгини Марѳы, и его тещи, княгини Анастасіи Шуйской, жены князя Василія Васильевича. Это были двѣ громадныя вотчины; къ селу Михайловой Горѣ тянуло 102 деревни, къ селу Козину—2 деревни, 1 починокъ и 22 пустоши [4]). Нѣтъ основаній думать, что родъ князей Бѣльскихъ представлялъ счастливое исключеніе среди другихъ князей по той заботливости, которую проявлялъ государь объ устроеніи ихъ будущей жизни. Благочестивый царь Ѳедоръ также давалъ монастырямъ большія вотчины на поминокъ. Такъ въ 1585 г. онъ далъ по душѣ отца Троице-Сергіеву монастырю село Кляпово съ 1630 четями пашни въ Звенигородскомъ уѣздѣ; въ 1586 г. по челобитью царицы Ирины онъ далъ Костромскому Ипатскому монастырю на поминъ душъ ея родителей въ разныхъ уѣздахъ рядъ селъ и деревень [5]). Подобныя нарушенія московскими государями собственныхъ законовъ только отчасти можно объяснять ихъ личнымъ характеромъ или извѣстнымъ настроеніемъ духа, припадками религіознаго экстаза, овладѣвавшими по временамъ Іоанномъ IV, или примѣрнымъ благочестіемъ царя Ѳедора [6]). Общую причину неудачи законодательныхъ мѣръ, направленныхъ или прямо къ прекращенію прилива земельныхъ вкладовъ въ монастыри, или, по крайней мѣрѣ, къ замѣнѣ ихъ вкладами денежными, надо искать въ религіозномъ настроеніи и условіяхъ экономическаго быта общества, которыхъ не

1) А. Ю., № 126.

2) А. И., I, № 182.

3) Ibid., № 200.

4) Ibid., I, № 188; Арх. Мин. Юст., грам. Бѣжецк. у., №№ 1293, 1294, 1387, л. 44 и слѣд.

5) Арх. Мин. Юст., грам. Можайск. у., № 7619, Костром. у., № 5124.

6) А. С. Павловъ: «самъ царь (Иванъ IV), потерявшій теперь равновѣсіе духа, поминутно переходившій отъ лютыхъ казней къ усерднымъ молитвамъ и щедрымъ подаяніямъ за упокой казненныхъ, нерѣдко дѣйствовалъ вопреки своимъ собственнымъ запрещеніямъ отдавать вотчинныя земли по душамъ». Op. cit., стр. 151.

могла измѣнить государственная власть. Дѣйствительно, въ массѣ общества второй половины XVI в. замѣчается упорное противодѣйствіе требованіямъ закона. Вотчины отдавались иногда монастырямъ въ полномъ сознаніи противорѣчія закону, но съ надеждой на нравственную силу послѣдней воли человѣка. Такъ княгиня Авдотья Шемякина-Пронская, отказывая въ духовномъ завѣщаніи часть своихъ вотчинъ монастырямъ, пишетъ: «и только государь пожалуетъ, православный царь князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, не велитъ взяти у Живоначальныя Троицы и Чуднаго Богоявленья тое вотчинки, что есми дала по своей душѣ и по своихъ родителяхъ, а насъ не учинитъ безпамятныхъ; а возметъ — его царская воля» [1]). Въ этихъ полныхъ покорности словахъ: «а насъ не учинитъ безпамятныхъ; а возметъ — его царская воля», слышится тоже нравственное осужденіе за отнятіе у монастыря данной ему на поминокъ вотчины, какъ и угроза страшнымъ судомъ родичамъ за выкупъ. Очень интересно также духовное завѣщаніе князя Ивана Михайловича Глинскаго 1586 г. Перечисляя свое имущество, движимое и недвижимое, онъ послѣ каждаго разряда имущества неизмѣнно прибавляетъ: «а въ томъ во всемъ воленъ Богъ да государь». Онъ приказываетъ и «душу свою и дочеришко свое Богу да государю, воленъ Богъ да государь, какъ ему государю Богъ извѣститъ». Однимъ словомъ, въ этой духовной мы встрѣчаемъ, повидимому, блестящій результатъ законовъ о княжескихъ вотчинахъ, полное отреченіе князя отъ свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ. И однако, если отбросить эти неизмѣнныя воззванія къ волѣ Божіей и произволу государеву, то передъ нами останется типичное завѣщаніе богатаго вотчинника, ничѣмъ не отличающееся по формѣ и содержанію отъ завѣщаній лицъ, сохранявшихъ полную свободу распоряженія имуществомъ. Часть вотчины онъ завѣщаетъ своей единственной дочери, Аннѣ, другую — Троице-Сергіеву монастырю, третью предоставляетъ въ распоряженіе царя, не давая ей никакого опредѣленнаго назначенія. Распредѣляя свое имущество, движимое и недвижимое, согласно установившимся обычаямъ, князь Глинскій налагалъ на государя нравственную обязанность исполнить въ точности его послѣднюю волю [2]). И, дѣйствительно, есть примѣры, что московскіе государи исполняли эту волю, хотя и противорѣчившую ихъ собственнымъ узаконеніямъ. Иногда самъ монастырь обращался къ

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., № 11827.

[2]) Акты Н. П. Лихачева, в. I, № XIX.

царю съ просьбою утвердить за нимъ вопреки закону вкладную вотчину. Бояринъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой далъ Новодѣвичьему монастырю по своемъ родѣ и по себѣ вотчину въ Волоцкомъ уѣздѣ, села Кельиче и Несытово съ деревнями; монастырскія власти въ 1601 г. обратились съ челобитьемъ къ царю о дачѣ имъ жалованной грамоты на эту вотчину, причемъ откровенно поставили на видъ: «а по Уложенью блаженные памяти государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси и государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Руси въ монастыри вотчинникомъ давати не велѣно»; жалованная грамота была дана [1]). Въ случаѣ необходимости монастырь искалъ и находилъ сильную поддержку въ представителяхъ высшей церковной іерархіи. Въ смутное время возникъ споръ, который разбирали князь Дмитрій Трубецкой и Иванъ Заруцкій, между Владимірскимъ-Рождественскимъ монастыремъ и княземъ Иваномъ Барятинскимъ о селѣ Палашкинѣ; въ жалованныхъ грамотахъ, представленныхъ монастыремъ, упомянуто, что по Уложенью царей Ивана Васильевича и Ѳедора Ивановича вотчинъ монастырямъ давать не велѣно, «и по Уложенью царя Бориса и сына его царевича Ѳедора и по челобитью архіепископа Іоны Вологодскаго и Великопермскаго то село дано въ монастырь» [2]). Таковы были наиболѣе характерные способы противодѣйствія законамъ противъ земельныхъ вкладовъ монастырямъ. Обычай земельныхъ вкладовъ не былъ уничтоженъ; переходъ служилыхъ земель посредствомъ вкладовъ въ монастыри продолжался и въ теченіе всей второй половины XVI в. и въ началѣ XVII-го. Данныя и вкладныя послѣ 1580 г. встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ монастырскихъ вотчинъ [3]). Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что и княжескія вотчины, находившіяся подъ особенно строгимъ надзоромъ правительства, постоянно переходили въ руки монастырей, вопреки законамъ 1562, 1573 и 1580 годовъ. Сохранился одинъ любопытный документъ, рисующій отношеніе правительства къ этимъ противузаконнымъ вкладамъ княжескихъ вотчинъ въ монастыри. Въ 1569 г. княгиня Евфросинья, жена князя Семена Стародубскаго, дала Симонову монастырю родовую вотчину мужа

[1]) Грамоты Бѣляевскаго Собранія въ Рум. Музеѣ, № 215.

[2]) Это дѣло изложено въ грамотѣ 20 декабря 7120 г., адресованной: «въ Володимеръ околничему и воеводамъ Дмитрію Васильевичу съ товарыщи да дьяку Меншому Дюрбеневу Московскаго государства бояре и воеводы Дмитрій Трубецкой да Иванъ Заруцкой человъ бьютъ»... Писана грамота «въ полкѣхъ». Арх. Мин. Юст., грам. Владимір. у., № 1892.

[3]) Напримѣръ, въ писц. кн. Владим. у., Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 768 и слѣд.

своего въ Стародубѣ-Ряполовскомъ, село Кувезино съ деревнями, «на поминокъ въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ» по душѣ мужа и своей; но, предвидя взятіе по закону той вотчины на государя и отдачу ея вотчичамъ, она уполномочила монастырскія власти просить государя объ уплатѣ монастырю съ той вотчины ея приданаго, 120 рублей. Дѣйствительно, по смерти княгини, вотчина, село съ 17 деревнями, была отписана владимірскимъ городовымъ прикащикомъ Григоріемъ Дорнинымъ на государя и записана въ «отписныя книги». Это было въ январѣ, а въ февралѣ монастырь подалъ царю челобитную, въ которой изложилъ волю покойной княгини и просилъ дать вотчину или деньги. Въ грамотѣ отъ 7 марта 1569 г. тому же владимірскому городовому прикащику царь предписываетъ отказать село Кувезино съ деревнями и со всѣми угодьями Симонову монастырю [1]). Такъ само правительство нарушало законъ тамъ, гдѣ и вкладчикъ и монастырь готовы были удовлетвориться законнымъ рѣшеніемъ. Наконецъ, извѣстное челобитье всякихъ чиновъ людей 1648 г. объ отобраніи у духовенства земель, пріобрѣтенныхъ послѣ 1580 г., прямо упоминаетъ, что вотчины давались на поминокъ «по государевымъ указомъ и по подписнымъ челобитнымъ и безъ государевыхъ указовъ собою» [2]).

Недостатокъ денежныхъ капиталовъ, ставившій въ тяжелое экономическое положеніе московскій служилый классъ XVI в., былъ также общей причиной неудачи, которую потерпѣло требованіе закона о замѣнѣ земельныхъ вкладовъ денежными. Безденежье, заставлявшее даже богатыхъ вотчинниковъ вести свое хозяйство въ кредитъ, съ трудомъ позволяло скопить денежную сумму, вкладъ которой обезпечилъ бы не временное, а вѣчное поминовеніе. Такса же поминовеній, установленная большими, особенно чтимыми монастырями, была иногда очень высока; въ Іосифовѣ Волоколамскомъ монастырѣ, напримѣръ, она колебалась отъ 100 до 500 рублей: «и за 100 рублевъ написати его (вкладчика) въ повседневный списокъ и въ сенаники вѣчные книги, да и въ родъ его въ сенаникъ напишутъ въ книгу, да на всякъ годъ учинятъ по немъ на братію кормъ, и въ кормовыя книги и въ списокъ напишутъ. А кто дастъ 200 рублевъ, и за то учинятъ два корма; а кто 300, ино три кормы большіе и три души имянъ ихъ въ повседненомъ спискѣ. А кто дастъ 500 рублевъ, и того написати въ повседневный

1) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., № 11835.

2) А. Э., IV, № 33.

списокъ и въ сенаницы до вѣка» [1]). Монастыри мало извѣстные должны были, конечно, сбавлять таксу. Такъ въ Лихвинскомъ Анастасіевѣ монастырѣ было установлено вносить въ синодикъ вседневный и вѣчный тѣхъ, кто дастъ 50 рублей, село, деревню или 90 рублей; а въ вѣчный синодикъ вносить и тѣхъ, кто дастъ и менѣе 15 рублей, а «у инаго взять и полтину и написать его въ вѣчный синодикъ» [2]). Надо припомнить при этомъ описанную нами выше посмертную ликвидацію имущественныхъ отношеній служилыхъ людей XVI в., чтобы понять, какъ трудно было скопить денежную сумму, требуемую монастыремъ. Эта же высота поминальной таксы, обиліе вкладовъ, которые правительство по законамъ второй половины XVI в. предполагало выкупать у монастырей, требовало отъ государства затраты большихъ денежныхъ капиталовъ. Между тѣмъ государство, особенно во второй половинѣ XVI в., слишкомъ много должно было тратить денегъ на содержаніе своихъ слугъ, чтобы платить еще такія большія суммы за спасеніе ихъ душъ. Неудивительно, поэтому, что правительство соглашалось поступиться лучше вотчиною служилаго человѣка, чѣмъ платить деньги, въ которыхъ само всегда нуждалось. Недостатокъ денежныхъ капиталовъ парализовалъ стремленіе законодательства замѣнить земельные вклады денежными. Дальше этой мѣры правительство не могло идти, такъ какъ не могло отрѣшиться отъ господствовавшихъ нравственно-религіозныхъ убѣжденій своего вѣка и воспретить всякіе вклады на поминъ души монастырямъ.

IV.

Мы разсмотрѣли силы, создавшія и поддерживавшія оживленную мобилизацію вотчиннаго служилаго землевладѣнія. Изъ всѣхъ разрядовъ частновладѣльческихъ земель два были предметомъ особенныхъ правительственныхъ заботъ и тревогъ въ XVI в.: родовыя княжескія вотчины и вотчины духовенства.

Результаты земельной мобилизаціи особенно рѣзко должны были обнаруживаться на княжескихъ вотчинахъ, благодаря ихъ величинѣ и въ особенности ихъ положенію и значенію въ военной организаціи государства. Большія родовыя княжескія вотчины со-

[1]) Выписка изъ Обиходника Іосифова монастыря у А. С. Павлова, op. cit., 163—164, прим. 2.

[2]) Чт. Общ. Ист. и Древн., 1863, кн. I. стр. 168—169.

храняли и въ военной организаціи XVI в. то значеніе, которое онѣ имѣли въ удѣльное время, когда онѣ были самостоятельными, отдѣльными военными округами. Крупные вотчинники князья «выставляли въ поле цѣлые полки ратныхъ людей, которыхъ сами вербовали, вооружали и содержали, избавляя правительство отъ хлопотъ объ этомъ. Въ дѣлѣ обороны страны одинъ такой князь стоилъ цѣлаго уѣзда, наполненнаго мелкими вотчинниками и помѣщиками» [1]). Понятно, что распаденіе этихъ вотчинъ и переходъ ихъ въ неслужилыя руки особенно чувствительно должны были отражаться на военной организаціи государства. И первыя законодательныя мѣры противъ вредныхъ послѣдствій земельной мобилизаціи захватывали прежде всего княжескія вотчины. По Уложенью великаго князя Василія Ивановича, подтвержденному соборнымъ приговоромъ 1551 г., «Суздальскіе князья, да Ярославскіе, да Стародубскіе князи безъ великаго князя вѣдома вотчинъ своихъ мимо вотчинъ не продавали никому-жъ и въ монастыри по душамъ не давали». Роды князей Ярославскихъ, Стародубскихъ, Суздальскихъ были особенно густо разросшимися вѣтвями генеалогическаго дерева сѣверо-восточныхъ Всеволодовичей. Уложеніе Василія Ивановича захватило, поэтому, большую часть вотчинъ сѣверо-востока. Позволительно догадываться, что корень ограниченій, положенныхъ этимъ уложеніемъ, кроется въ договорной практикѣ князей, ограждавшихъ свои владѣнія отъ появленія въ нихъ землевладѣльцевъ, слугъ другаго князя. Когда мелкіе удѣлы сѣверо-востока превратились въ частныя родовыя вотчины князей, московское правительство постаралось закрѣпить эту неприкосновенность княжескихъ вотчинъ въ интересахъ военной организаціи государства; поддерживая цѣлость княжеской вотчины, оно сохраняло ея военно-служилое значеніе, какъ опредѣленной, твердо установившейся территоріальной военной единицы.

Вмѣстѣ съ владѣніями трехъ наиболѣе многочисленныхъ княжескихъ родовъ сѣверо-восточной Руси ограниченію подверглись вотчины и купли всѣхъ вообще землевладѣльцевъ Твери, Микулина, Торжка, Оболенска, Бѣлаозера, Рязани; ихъ вотчины также воспрещено было продавать иногородцамъ и давать монастырямъ безъ вѣдома царя и великаго князя. Эти ограниченія также, вѣроятно, вытекали изъ договорныхъ отношеній между московскимъ государствомъ и помянутыми областями въ эпоху ихъ удѣльной независимости. Запрещеніе иногородцамъ и монастырямъ пріобрѣ-

[1]) Ключевскій, Боярск. Дума. стр. 346—347.

тать земли въ извѣстныхъ областяхъ было прежде всего привилегіей мѣстныхъ правительствъ, установлялось и дѣйствовало въ ихъ интересахъ. Но это же запрещеніе, поддерживавшее устойчивость землевладѣнія, вполнѣ отвѣчало и военнымъ интересамъ государства [1]). Вотъ почему московское законодательство охотно приняло и укрѣпило его [2]). Эти первыя мѣры, коснувшіяся мобилизаціи княжескихъ вотчинъ, были изданы не въ спеціальныхъ указахъ, но въ общихъ «уложеніяхъ», вмѣстѣ съ мѣрами по отношенію къ другимъ разрядамъ вотчиннаго землевладѣнія. Слѣдовательно, вопросъ о княжескихъ вотчинахъ съ самаго начала не отдѣлялся отъ общаго вопроса о мобилизаціи служилаго землевладѣнія во всей его массѣ.

Стремленіе охранить военную организацію государства отъ опасности, какой подвергала ее чрезмѣрная мобилизація землевладѣнія, опредѣленно выступаетъ въ указахъ и соборныхъ приговорахъ 1562, 1573 и 1580 годовъ. Содержаніе ихъ хорошо извѣстно; но оно подвергалось спеціальному изученію со стороны

[1]) Совершенно иначе смотритъ на подтвержденіе соборомъ 1551 г. Уложенія великаго князя Василія Ивановича проф. Сергѣевичъ: «Запрещенія покупать иногородцамъ въ XV в., говоритъ онъ, имѣли смыслъ, потому что Тверь, Торжокъ, Рязань и пр. были тогда особыми государствами и такія покупки выводили земли изъ службы мѣстному правительству; вотъ почему онѣ допускались только въ томъ случаѣ, если мѣстное правительство ихъ дозволяло. Въ XVI же вѣкѣ Тверь, Рязань и проч. составляютъ одно государство, и нѣтъ разумной причины запрещать покупки иногородцамъ. А онѣ не только впредь запрещаются, но безжалостно обираются въ пользу государя всѣ пріобрѣтатели за 15 и за 20 лѣтъ. Таковы московскіе порядки. Что это—правительственная ложь въ видахъ обогащенія казны? Нѣтъ, это наивная преданность старинѣ, живой смыслъ которой болѣе никому непонятенъ». Наблюд., 1887 г., № 3, стр. 35. Если станемъ на точку зрѣнія правительства XVI в. по отношенію къ мобилизаціи служилаго землевладѣнія, то увидимъ въ соборномъ приговорѣ 1551 г. не правительственную ложь и не безсмысленную, наивную преданность старинѣ, а цѣлесообразную консервативную мѣру.

[2]) Г. Сторожевъ объясняетъ ограниченія въ обращеніи земель, установленныя указами и соборными приговорами XVI в., узко-стратегическими цѣлями. По его мнѣнію, «наибольшее число заказныхъ пунктовъ по указамъ XVI в. приходится на южную и западную границу: изъ 15 пунктовъ только четыре относятся собственно къ восточной границѣ. Наконецъ, западная граница, повидимому, сплошь была заказана для монастырей. Очевидно, что запрещеніе обусловливалось цѣлями стратегическими. Въ наиболѣе опасной пограничной части находимъ и наибольшее число заказныхъ вотчинъ». Указн. кн. Пом. Прик., 12—13., прим. Въ дѣйствительности, изъ 15, насчитанныхъ г. Сторожевымъ, пунктовъ, только Рязань, Трубчевскъ, Одоевъ, Воротынскъ, Мосальскъ и Оболенскъ могутъ быть отнесены къ пограничнымъ областямъ, всѣ же остальные (Бѣлоозеро, Романовъ, Ярославль, Ростовъ, Суздаль, Стародубъ, Тверь, Микулинъ, Торжокъ) подъ понятіе пограничныхъ совсѣмъ не подходятъ. Срв. мнѣнія Блюменфельда, О формахъ землевладѣнія, 147, и Владимірскаго-Буданова, Хрестоматія, III, 31.

даваемыхъ ими отвлеченныхъ юридическихъ нормъ; намъ же необходимо разобрать ихъ, какъ живые историческіе факты, опредѣлить ихъ непосредственное жизненное значеніе, ту живую цѣль, къ которой онѣ были направлены.

Въ указѣ 1562 г. особенно полно и ясно выразилась общая цѣль всѣхъ ограниченій въ правахъ распоряженія родовыми княжескими вотчинами. Разрѣшая князьямъ завѣщать родовую вотчину представителю ближняго родства, исключающаго бракъ, указъ гласитъ: «и государь того посмотря, по вотчинѣ и по духовной и *по службѣ*, кому которую вотчину напишетъ, велитъ указъ учинити». Интересомъ государевой службы, требующимъ сохраненія цѣльности вотчины, какъ территоріальной военно-служилой единицы, проникнуты всѣ отдѣльныя постановленія указа. Какъ военно-служилой территоріей, родовой княжеской, боярской и дворянской вотчиной не можетъ владѣть женщина, жена, дочь или сестра служилаго человѣка, такъ какъ она неспособна организовать военную силу, доставляемую вотчиной и управлять этой силой. Отдать служилую землю женщинѣ значитъ вывести ее изъ службы. Поэтому жена вотчинника имѣетъ право только на извѣстную прожиточную часть въ родовой вотчинѣ мужа, часть, которую опредѣляетъ самъ мужъ въ своей духовной или государь, если вотчиннику вздумается завѣщать всю вотчину женѣ. Дочери и сестры вотчинника получаютъ въ приданое только извѣстныя части движимаго имущества; изъ послѣдняго устраивается также и поминъ души. Вотчина можетъ выполнять свое служилое назначеніе, только находясь во владѣніи мужскаго потомства. Но интересы службы крайне стѣснили наслѣдственныя права и этого потомства. По общему правилу княжескую вотчину могутъ наслѣдовать только сыновья князя; за отсутствіемъ послѣднихъ она переходитъ въ собственность государя. Но изъ этого общаго правила сдѣланы нѣкоторыя уступки послѣдней волѣ завѣщателя и правамъ рода, поскольку онѣ допускаются тѣмъ же государственнымъ интересомъ. Князь можетъ завѣщать вотчину брату родному или двоюродному, племяннику или другому представителю ближняго рода; но утверждаетъ это завѣщаніе только государь, «разсмотря по вотчинѣ и по духовной и по службѣ». Почему кругъ лицъ, которымъ князь имѣетъ право завѣщать вотчину, ограниченъ только ближнимъ родствомъ, исключающимъ бракъ? Потому, конечно, что представители ближняго рода стоятъ приблизительно на одинаковой ступени служилой іерархіи съ завѣщателемъ и могутъ нести съ вот-

чины ту же службу, какую несъ завѣщатель. Но указъ предвидитъ и тѣ весьма возможные случаи, когда ближній родичъ по своимъ личнымъ качествамъ и положенію не въ состояніи принять на себя вмѣстѣ съ вотчиной и всѣ лежащія на ней обязанности. Въ этихъ-то видахъ и введена оговорка, что государь жалуетъ ближняго вотчича завѣщанной ему вотчиной, сообразно его службѣ, т. е. служебной годности и служебному положенію. Однако запрещеніе завѣщать родовыя вотчины дальнимъ родичамъ не устраняетъ для послѣднихъ вполнѣ возможности получить эти вотчины. Но только для нихъ полученіе вотчины ихъ дальняго родича всецѣло зависитъ отъ благоусмотрѣнія государя, для котораго, естественно, удобнѣе эксплуатировать взятую въ казну княжескую вотчину отдачей ея дальнимъ родичамъ, чѣмъ чужеродцамъ. И въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣютъ служебныя способности дальнихъ родичей. Предпочтеніе дальнихъ родичей чужеродцамъ при служебной эксплуатаціи взятой въ казну за отсутствіемъ ближняго рода вотчины настолько было естественно, что одинъ изъ послѣдующихъ указовъ прямо узаконилъ отдачу вотчины служилаго человѣка дальнему роду, лишь бы она не уходила въ неслужилыя руки. Суженіе круга наслѣдниковъ ближайшими степенями родства должно объясняться еще и съ другой точки зрѣнія, опредѣляемой все тѣмъ же интересомъ государевой службы. Недостаточно было сохранить вотчину въ служилыхъ рукахъ, надо было сохранить ея цѣльность, спасти отъ раздробленія, которое понижало ея служебную цѣнность, спутывало регламентацію службы съ нея. Съ этою цѣлью необходимо было сократить до минимума число возможныхъ наслѣдниковъ, которое возрастало по мѣрѣ расширенія круга родства. И указъ прямо называетъ наслѣдниковъ родовой княжеской вотчины только въ единственномъ числѣ: брата, племянника. Наконецъ, взятіе вотчины на государя было наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ сохранить вотчину на службѣ. Но, какъ сказано, эта мѣра совсѣмъ не означала полной и безвозвратной потери родичами ихъ вотчинныхъ правъ; вотчина могла быть отдана кому-нибудь изъ нихъ, смотря по службѣ, если только интересы той же службы не требовали раздробленія вотчины на мелкіе помѣстные участки. Отобраніе вотчины на государя выражало не столько утрату родомъ его вотчинныхъ правъ, сколько полное подчиненіе этихъ правъ интересамъ государевой службы. Итакъ, указъ 1562 г. сдѣлалъ попытку охранить военную организацію государства именно съ тѣхъ двухъ сторонъ, съ которыхъ

разрушала ее мобилизація вотчиннаго землевладѣнія: служилыя вотчины надо было удержать въ служилыхъ рукахъ и сохранить ихъ цѣльность [1]).

Княжескія вотчины, какъ высшій и наиболѣе важный слой служилыхъ земель, разрушеніе которыхъ особенно чувствительно отзывалось на военной организаціи государства, были предметомъ особенныхъ заботъ законодательства, боровшагося противъ мобилизаціи вотчинныхъ земель. Указъ 1562 г. стѣснилъ мобилизацію родовыхъ вотчинъ князей Ярославскихъ, Стародубскихъ, Ростовскихъ, Суздальскихъ, Тверскихъ, Оболенскихъ, Бѣлозерскихъ, Воротынскихъ, Мосальскихъ, Трубецкихъ, Одоевскихъ *и иныхъ* служилыхъ князей. Этотъ перечень, болѣе полный сравнительно съ помѣщеннымъ въ соборномъ приговорѣ 1551 г., обнимаетъ уже всѣхъ безъ исключенія князей сѣверо-восточной Руси, такъ какъ роды князей Ярославскихъ, Ростовскихъ, Суздальскихъ, Тверскихъ, Стародубскихъ, Бѣлозерскихъ были основными вѣтвями, отъ которыхъ разрослись всѣ княжескія фамиліи сѣверо-востока. Изъ юго-западныхъ княжескихъ родовъ названо только пять, но прибавка «и за иными служилыми князьями» даетъ основаніе заключить, что указъ 1562 г. захватываетъ также всѣхъ юго-западныхъ, какъ и сѣверо-восточныхъ князей. Несмотря на ясную редакцію указа, нѣкоторые ученые, напримѣръ, гг. Владимірскій-Будановъ и Сторожевъ, приписываютъ ему только мѣстное значеніе. По ихъ мнѣнію только соборный приговоръ 1573 г. установилъ для всѣхъ вообще княжескихъ вотчинъ обязательность нормъ, введенныхъ въ 1562 г. Г. Сторожевъ предлагаетъ, поэтому, такую стройную схему послѣдовательности Уложенія великаго князя Василія Ивановича, соборнаго приговора 1551 г., указа 1562 г. и соборнаго приговора 1573 г.: «сперва мѣстное и условное запрещеніе только продажи, потомъ мѣстное и безусловное (въ указѣ 1562 г.) запрещеніе отчужденія, наконецъ общее и безусловное запрещеніе отчужденія мимо вотчичей» [2]). Нельзя принять этой схемы въ виду точнаго смысла указа 1562 г., распространяю-

[1]) Не могутъ быть раскрыты съ полною ясностью тѣ потребности службы, которыми обусловливалось отношеніе указа 1562 г. къ нарушителямъ уложенія великаго князя Василія Ивановича и соборнаго приговора 1551 г.; опредѣлено было вотчины, противозаконно отчужденныя за 15 и 20 лѣтъ до 1562 г., взять на государя безденежно, а отданныя не болѣе какъ за 10 лѣтъ выкупить за деньги. Несомнѣнно только, что и здѣсь руководящее значеніе имѣли интересы службы. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, III, 30—31.

[2]) Указн. кн. Пом. Пр., 14; Владимірскій-Будановъ, Христоматія, III, 32.

щаго свое дѣйствіе и на «иныхъ служилыхъ князей», а не только на однихъ поименованныхъ. Соборный приговоръ 1573 г., подтверждая общее значеніе ограниченій, установленныхъ въ 1562 г., даетъ еще менѣе полный и случайный перечень княжескихъ родовъ, называя только князей Ярославскихъ, Ростовскихъ, Оболенскихъ, Рязанскихъ, Тверскихъ и Мосальскихъ. Подобно тому, какъ въ предшествовавшемъ законодательствѣ, и въ указѣ 1562 г. ограниченія мобилизаціи служилыхъ земель коснулись не однѣхъ только княжескихъ вотчинъ. Снова подтверждено запрещеніе иногородцамъ отчуждать вотчины въ нѣкоторыхъ городахъ; изъ городовъ, перечисленныхъ въ 1551 г., пропущены Торжокъ, Микулинъ, Оболенскъ, а вновь названы Ярославль и Романовъ. По отношенію ко всѣмъ этимъ городамъ указъ 1562 г. только подтверждаетъ изстаринный порядокъ, но не вводитъ никакихъ новыхъ нормъ. Замкнутость въ обращеніи земельныхъ владѣній во всѣхъ этихъ уѣздахъ, какъ остатокъ удѣльной обособленности, и во второй половинѣ XVI в. сохранила свой смыслъ, потому что вполнѣ отвѣчала стремленію законодательства остановить мобилизацію служилаго землевладѣнія. Въ концѣ указа частное постановленіе объ отписаніи на государя вотчинъ бездѣтныхъ князей получаетъ силу общаго закона о всѣхъ вообще служилыхъ вотчинахъ: «а котораго боярина или сына боярскаго не станетъ бездѣтна, а ближняго роду и духовныя у него не будетъ: и та вотчина государя царя и великаго князя; а женѣ его изъ тое вотчины государь указъ учинитъ, какъ ей мочно прожить, а душу умершаго государь велитъ устроить изъ своей казны». Нѣкоторая неожиданность этого общаго узаконенія, заключающаго собою указъ о двухъ частныхъ группахъ служилыхъ земель, объясняется тѣмъ казуистическимъ способомъ построенія всего указа 1562 г., который вообще составлялъ свойство московскаго законодательства. Очевидно, что весь указъ 1562 г. вызванъ былъ потребностью дополнить и распространить старыя постановленія о княжескихъ вотчинахъ: этотъ вопросъ и былъ выдвинутъ на первый планъ и разработанъ съ наибольшимъ вниманіемъ. Къ нему по старой памяти прежнихъ указовъ присоединилось подтвержденіе постановленій объ обращеніи вотчинъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Но эти два частныхъ вопроса, потребовавшіе законодательной обработки и подтвержденія, вызвали и общее постановленіе объ ограниченіи мобилизаціи всей вообще служилой земли, такъ какъ весь вредъ этой мобилизаціи уже былъ сознанъ и характеризованъ въ уло-

женіи о службѣ 1556 г. Эта естественная жизненная послѣдовательность вопросовъ, подлежавшихъ разрѣшенію, отразилась и на послѣдовательности редакціи указа 1562 г. или, вѣрнѣе, на ея внѣшней непослѣдовательности. Итакъ, указъ 1562 г. не былъ указомъ, спеціально посвященнымъ княжескимъ вотчинамъ; но по поводу этихъ вотчинъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ областныхъ привиллегій онъ далъ цѣлое общее узаконеніе, ограничившее права распоряженія служилыми родовыми вотчинами въ видахъ охраненія ихъ служилаго значенія.

Всѣ предыдущія законодательныя мѣры противъ мобилизаціи служилыхъ земель были еще разъ подтверждены и обобщены въ соборномъ приговорѣ 1573 г. Здѣсь, видимо, вопросъ былъ поставленъ принципіально, а не по поводу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группъ земель. Поэтому и редакція указа 1573 г. отличается большею стройностью, сравнительно съ предыдущими указами. По отношенію къ вотчинамъ княжескимъ и боярскимъ соборъ 1573 г. только подтвердилъ общее постановленіе указа 1562 г.: «и тѣмъ вотчинамъ быти по старому государеву уложенію въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ, про которые городы указъ государевъ есть, про Ярославскіе вотчины, и про Ростовскіе, и про Оболенскіе, и про Рязанскіе, и про Тверскіе, и про Мосальскіе, и про всѣ вотчины княжія такія жъ одинъ приговоръ». Это постановленіе дополнено оговоркой, что его дѣйствію подлежатъ только родовыя вотчины, а не выслуженныя и не пожалованныя, распоряженіе которыми допускается въ предѣлахъ, указанныхъ жалованными грамотами. За отсутствіемъ послѣднихъ пожалованная вотчина по смерти вотчинника отбирается на государя. Но какія *боярскія* вотчины разумѣетъ указъ 1573 г.? По мнѣнію г. Владимірскаго-Буданова, здѣсь разумѣются лишь нѣкоторыя боярскія вотчины, быть можетъ, тѣ, которыя перешли къ боярамъ отъ князей [1]). Ни прямой смыслъ указовъ 1562 и 1573 годовъ, ни другіе извѣстные источники не даютъ основаній для такого предположенія. Для распространенія на вотчины боярскія постановленій о княжескихъ вотчинахъ были болѣе прямыя и естественныя основанія. Въ XVI в. титулованная аристократія настолько наполнила верхній, боярскій слой служилаго класса, что землевладѣніе всѣхъ видныхъ княжескихъ фамилій было вмѣстѣ съ тѣмъ и боярскимъ землевладѣніемъ, если понимать терминъ «бояринъ» въ смыслѣ чина. И съ другой стороны, вотчина нетитулованнаго боярина пріобрѣла такое же служилое значеніе, какъ и вотчина

[1]) Христоматія, III, 32.

княжеская. Когда, такимъ образомъ, оба разряда высшей служилой аристократіи, титулованной и нетитулованной, слились по своему землевладѣльческому положенію и значенію въ одинъ классъ также, какъ они слились политически, то явилась необходимость распространить и на боярскія вотчины тѣ же ограниченія, что и на княжескія. Указъ 1562 г. предписалъ, какъ мы видѣли, отбирать на государя вотчины бездѣтныхъ бояръ и дѣтей боярскихъ, не оставившихъ ближняго рода. Но постановленіе указа 1562 г. о вотчинахъ нетитулованныхъ землевладѣльцевъ было слишкомъ кратко, не опредѣляло точно предѣловъ ближняго рода, какъ постановленіе о княжескихъ вотчинахъ. Поэтому на соборѣ 1573 г. и былъ поставленъ вопросъ: «а у которыхъ вотчинъ вотчинники вымрутъ, и тѣ вотчины вотчинникомъ отдавати ли и по которое колѣно»? Вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что послѣ умершаго бездѣтнаго вотчинника права наслѣдства переходятъ къ его братьямъ и ихъ нисходящимъ до внуковъ включительно: «а далѣ внучатъ вотчинъ не отдавати роду; а которой внукъ умретъ бездѣтенъ, а останутся братья его межъ собою въ правнучатѣхъ, и та вотчина, тотъ жеребей взяти на государя, а правнуку правнучьи вотчины не отдавати» [1]). Наконецъ, указъ 1573 г. коснулся и наиболѣе щекотливой и важной стороны мобилизаціи служилаго землевладѣнія, воспретивъ дѣлать земельные вклады въ большіе монастыри, «чтобъ въ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не выходила». Итакъ, на соборѣ 1573 г. вопросъ о княжескихъ вотчинахъ снова былъ поставленъ и рѣшенъ совмѣстно съ другими важными вопросами о поддержаніи служилаго землевладѣнія на общей почвѣ всепроникающаго интереса государевой службы: «чтобы земля изъ службы не выходила».

Какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, служилыя земли, и особенно княжескія вотчины, несмотря на указы 1551, 1562 и 1573 годовъ, продолжали дробиться и уходить изъ службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ практика выяснила и самое больное мѣсто въ положеніи служилаго вотчиннаго землевладѣнія, поглощеніе служилой земли церковными учрежденіями. Поэтому на соборахъ 1580 и 1584 гг., при торжественной обстановкѣ, съ особеннымъ краснорѣчіемъ и наглядностью выясненъ былъ громадный вредъ для государства отъ поглощенія служилой земли церковью, и представителямъ послѣдней воспрещено было пріобрѣтать земли какимъ бы то ни было спо-

[1]) Толкованіе этой статьи см. у. Неволина, П. С. С., т. V, § 511; Владимірскаго-Буданова, Христоматія, III, 33—34.

собомъ. По отношенію къ княжескимъ вотчинамъ соборы 1580 и 1584 гг. не ввели ничего новаго. Они только еще разъ подтвердили запрещеніе отчуждать ихъ въ пользу церкви подъ угрозою безвозмезднаго отобранія земли въ казну. Отобрать постановлено было и вотчины княжескія, купленныя монастырями до 1580 г.: «а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ»; рѣшеніе о вотчинахъ, данныхъ на поминокъ, также предоставлялось усмотрѣнію государя. Опредѣленія о княжескихъ вотчинахъ на этихъ соборахъ, также какъ и на предшествующихъ, стоятъ въ связи съ опредѣленіями о служилыхъ земляхъ вообще. Чтобы только удержать вотчину на службѣ, государство отказалось отъ ограниченій наслѣдственныхъ правъ рода, разрѣшивъ отдавать вотчину, отказанную монастырю, даже и дальнему роду.

Итакъ, узаконеній о княжескихъ вотчинахъ нельзя вырывать изъ послѣдовательной цѣпи законодательства о служиломъ землевладѣніи вообще. Мобилизація княжескихъ вотчинъ была только одной стороной, правда наиболѣе видной и широкой, общей мобилизаціи служилаго землевладѣнія. Потому и вопросъ о княжескихъ вотчинахъ не разрѣшался въ отдѣльныхъ, спеціальныхъ указахъ, съ особой точки зрѣнія и на почвѣ особыхъ интересовъ, сравнительно съ другими разрядами служилыхъ вотчинъ. Государство стремилось спасти княжескія вотчины, какъ и всѣ другія служилыя земли, отъ разрушительной мобилизаціи, передававшей ихъ въ неслужилыя руки и подрывавшей военную организацію страны. Но княжескія вотчины по своему значенію составляли важнѣйшій слой служилыхъ вотчинъ, на нихъ рѣзче обнаруживались вредныя послѣдствія мобилизаціи, и потому законодательство относилось къ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ, ставило ихъ на первое мѣсто.

Такое заключеніе о глубоко консервативномъ характерѣ законодательства, посвященнаго княжескимъ вотчинамъ, о его стремленіи сохранить ихъ цѣльность и поддержать ихъ военно-служилое значеніе, расходится съ весьма распространеннымъ въ наукѣ взглядомъ на это законодательство, какъ на орудіе разрушенія, средство политической борьбы московскихъ государей съ потомствомъ удѣльныхъ князей. Такъ, по словамъ Соловьева, распоряженія о княжескихъ вотчинахъ въ дополнительныхъ указахъ къ Судебнику сдѣланы были «для скорѣйшаго перехода княжескихъ вотчинъ въ казну» [1]). Д. И. Иловайскій говоритъ, что Иванъ IV, со свой-

[1]) Ист. Россіи, VII, изд. 4, стр. 12.

ственнымъ ему нетерпѣніемъ, деспотизмомъ и ненавистью къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, старался возможно скорѣе порвать ихъ старыя связи съ бывшими удѣлами [1]). Вѣскія доказательства въ пользу мысли о политической борьбѣ, какъ основѣ законодательства о княжескихъ вотчинахъ, представилъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Смыслъ борьбы Грознаго съ княжатами, по его мнѣнію, былъ ясно указанъ знаменитымъ англійскимъ путешественникомъ Флетчеромъ, который такъ объяснилъ ее: «унизивъ ихъ (княжатъ) такимъ образомъ (учрежденіемъ опричнины) и захвативъ ихъ наслѣдственныя земли и преимущества и проч., за исключеніемъ весьма незначительной доли, которую онъ оставилъ имъ, онъ далъ имъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, земли въ далекихъ отъ ихъ прежнихъ земель областяхъ, въ областяхъ до того удаленныхъ, что тамъ они не имѣли ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Такъ что теперь высшая аристократія, называемая удѣльные князья, сравнена съ остальными; только лишь во мнѣніи и любви народной сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ при торжественныхъ случаяхъ пользуется почетными мѣстами». Сближая это извѣстіе съ указомъ 1562 г., К. Н. Бестужевъ-Рюминъ видитъ въ немъ ключъ къ пониманію основной идеи вотчиннаго законодательства XVI в. [2]). Той же точки зрѣнія высшей политики держатся и нѣкоторые историки-юристы. Видами высшей политики объясняетъ Неволинъ указы 1562 и 1573 гг. [3]). Неволинъ даже думалъ, что княжескія родовыя вотчины исчезаютъ послѣ Грознаго: «послѣ Іоанна IV о княжескихъ вотчинахъ совсѣмъ не упоминается. Вслѣдствіе мѣръ, имъ принятыхъ, большая часть ихъ поступила въ казну. Число остававшихся затѣмъ было незначительно» [4]). Увлекаясь мыслью о политической борьбѣ съ боярствомъ, А. С. Павловъ приписываетъ правительству XVI в. такія мысли, которыя самымъ очевиднымъ образомъ идутъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что только представляютъ документальные источники. Снисходительное отношеніе къ нарушеніямъ законовъ противъ земельныхъ вкладовъ онъ объясняетъ, между прочимъ, тѣмъ, что царю не стоило жалѣть объ убыли служилыхъ земель, когда вмѣстѣ съ нею (съ ними?) убывало и число самихъ бояръ-

[1]) Ист. Россіи, т. III, стр. 414, 419.

[2]) Русск. Ист., т. II, стр. 261.

[3]) П. С. С., V, § 511.

[4]) Ibid., IV, стр. 148.

крамольниковъ [1]). К. П. Побѣдоносцевъ высказалъ, что «борьба московскихъ государей съ потомками удѣльныхъ князей и съ боярствомъ вызываетъ нѣкоторыя постановленія, опредѣляемыя не семейнымъ началомъ, а временными, случайными, политическими цѣлями и стремленіями государства» [2]). Въ недавнее время господствующее воззрѣніе на политическую основу вотчиннаго законодательства подкрѣпилъ С. М. Середонинъ. Вмѣстѣ съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ онъ признаетъ краеугольнымъ камнемъ этого взгляда сообщеніе Флетчера объ отобраніи вотчинъ у княжатъ и о замѣнѣ ихъ помѣстьями въ отдаленныхъ краяхъ государства. Отмѣтивъ нѣкоторое преувеличеніе въ словахъ Флетчера, онъ все-таки признаетъ вѣрнымъ его освѣщеніе борьбы Грознаго съ княжатами. Флетчеру въ этомъ вопросѣ подаетъ руку князь Курбскій, объясняющій казни многихъ князей желаніемъ Грознаго присвоить себѣ ихъ земельныя богатства. Въ завѣщаніи Грознаго и въ писцовыхъ книгахъ XVI в. встрѣчается масса указаній на потерю князьями ихъ старинныхъ вотчинъ, на постоянную мѣну ихъ вотчинъ и помѣстій. Законодательства второй половины XVI вѣка г. Середонинъ касается мимоходомъ, замѣчая, что «приговоръ 1562 года служитъ только показателемъ поземельной политики Грознаго» [3]). Въ книгѣ г. Середонина господствующій взглядъ на политическій смыслъ поземельной политики Іоанна Грознаго высказанъ наиболѣе опредѣленно и наиболѣе доказательно.

Въ слѣдующей главѣ мы разсмотримъ исторію разрушенія родовыхъ княжескихъ вотчинъ и постараемся опредѣлить, насколько она можетъ быть объяснена политической борьбой московскихъ государей съ княжатами. Здѣсь же мы остановимся только на методологической сторонѣ вопроса, на правильности его постановки. Мысль о политическихъ цѣляхъ вотчиннаго законодательства XVI в. держится, главнымъ образомъ, на свидѣтельствахъ князя Курбскаго и Флетчера. Но ни тотъ, ни другой не могутъ быть надежными руководителями въ данномъ вопросѣ;

[1]) Ист. очеркъ секуляризаціи, 150. И. Д. Бѣляевъ не могъ понять смысла указовъ о княжескихъ вотчинахъ, потому что смѣшивалъ изстаринныя княжескія вотчины съ жалованными и выслуженными: «княженецкія вотчины, о которыхъ здѣсь (въ указѣ 1562 г.) говорится, въ законѣ названы старинными, а не жалованными; но это нисколько не уничтожаетъ въ нихъ характера жалованныхъ вотчинъ эа службу, ибо онѣ первоначально были пожалованы князьямъ за то, что они, оставивъ свои удѣльныя владѣнія, перешли на службу Московскаго государя». О наслѣдствѣ безъ завѣщанія, 89—91.

[2]) Курсъ гражданскаго права, т. II, изд. 2, стр. 268—269.

[3]) Соч. Дж. Флетчера, стр. 86 и слѣд.

*

даже вполнѣ довѣряя сообщаемымъ ими фактамъ, слѣдуетъ съ крайнею осторожностью относиться къ ихъ обобщенію и истолкованію этихъ фактовъ. У князя Курбскаго слишкомъ ясна наивная тенденція объяснить всѣ бѣды княжескаго сословія ненасытной алчностью «издавна кровопійственнаго рода» [1]). Обвиненію со стороны Курбскаго, «яко обычай есть Московскимъ княземъ издавна желати братій своихъ крови и губити ихъ, убогихъ ради и окаянныхъ отчинъ, несытства ради своего» [2]), также мало можно придавать серьезнаго значенія, какъ и тому обвиненію, которое было брошено Іоанномъ Курбскому, «восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскому владыцѣ» [3]). Также скептически слѣдуетъ отнестись и къ извѣстію Флетчера. Самъ послѣдній критикъ его, С. М. Середонинъ, признаетъ въ этомъ извѣстіи значительное заблужденіе: «говорить о томъ, что отняты были почти всѣ вотчины у князей, нельзя, но несомнѣнно, что отнято было у князей старинныхъ вотчинъ очень много; взамѣнъ этого имъ давали помѣстья; кромѣ того, при Іоаннѣ, какъ извѣстно, въ отношеніи службы вотчины сравнены были съ помѣстьями, что до извѣстной степени могло ввести въ заблужденіе Флетчера» [4]). Документальные источники нигдѣ не говорятъ о насильственномъ обмѣнѣ княжескихъ вотчинъ на помѣстья въ другихъ краяхъ государства. Извѣстно нѣсколько случаевъ обмѣна, по государеву указу, княжескихъ вотчинъ на вотчины же, но подобная операція производилась также и съ вотчинами не княжескими, монастырскими и другими. Можно указать много примѣровъ обмѣна вотчинъ частными нетитулованными и незнатными землевладѣльцами по государеву указу, перевода вотчинниковъ изъ одного уѣзда въ другой [5]). И цѣлей этого обмѣна нельзя искать непремѣнно въ политической борьбѣ. Передвиженіе военныхъ силъ, требуемое внутренней военной организаціей и внѣшней обороной, естественно, вызывало и

[1]) Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, стр. 91, 96, 97, 99, 107, 114, 220.

[2]) Ibid., 127.

[3]) Ibid., 157.

[4]) Соч. Дж. Флетчера, стр. 87.

[5]) Случаи обмѣна частновладѣльческихъ земель по распоряженію правительства: Арх. Мин. Юст., грам. Костром. у. № 5066, Клин. у. № 5639, л. 18, Новгород. у. № 8442, книга крѣпостей Троицкихъ вотчинъ, л. 25 об. Сб. Тр. Серг. Лавры № 532, л. 118 об., 464 об. Обмѣнъ монастырскихъ вотчинъ по государеву указу: Арх. Мин. Юст., грам. Костром. у. № 5075, 817; Коломен. у. № 6321. Въ 1591—1592 г. архіепископу рязанскому Митрофану пожалована была вотчина въ Коломенскомъ уѣздѣ, взамѣнъ взятой у него Рязанской Борисоглѣбской вотчины, взятой для казаковъ рязанскихъ. Бѣляев. Акты Румянц. Музея № 192.

мобилизацію землевладѣнія. Почему же непремѣнно надо объяснять каждый случай обмѣна княжеской вотчины или перевода князя изъ вотчины на помѣстье, подмосковное или пограничное, цѣлями политическими, а не служебными, централизаціей политической, а не военно-административной? Документальные источники ясно раскрываютъ потребности службы и молчатъ о цѣляхъ высшей политики. Если фактическая сторона поземельной политики XVI в. передана Флетчеромъ преувеличенно и неправильно, то еще менѣе вѣрно схвачена имъ основная цѣль этой политики. Самъ г. Середонинъ отмѣчаетъ шаткость и подозрительность той почвы, на которой выросли общіе взгляды Флетчера на важнѣйшія стороны государственной и общественной жизни современной ему Россіи. По словамъ г. Середонина, Флетчеръ о поземельной политикѣ Грознаго «судилъ уже по ея слѣдствіямъ и потому придалъ ей такой послѣдовательный характеръ, какого въ дѣйствительности она не имѣла»; «эти извѣстія Флетчера въ значительной степени отголосокъ ходившихъ въ Москвѣ разговоровъ, равно какъ и сообщенія его объ отношеніяхъ Бориса Годунова къ царевичу Дмитрію; при недостаткахъ, свойственныхъ всѣмъ политическимъ разговорамъ-сплетнямъ, эти сообщенія будутъ далеко не лишни для будущаго изслѣдователя» [1])... Наконецъ, крайне туманными остаются слова самого царя Ивана Васильевича о нарушеніи Сильвестромъ и Адашевымъ земельнаго уложенія его дѣда, великаго князя Ивана. Обвиняя въ письмѣ Курбскому своихъ бывшихъ совѣтниковъ въ интригахъ противъ царской власти, въ возвышеніи дѣтей боярскихъ, царь пишетъ: «и тако по малу утвердися сія злоба, и васъ началъ (Сильвестръ) причитати къ вотчинамъ, ко градомъ и къ селомъ, еже дѣда нашего великаго государя уложеніемъ которыя вотчины у васъ взимали и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и то дѣда нашего уложеніе разрушилъ, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ» [2]). Въ этой замысловатой фразѣ съ уложеніемъ великаго князя Іоанна связываются двѣ мѣры: отобраніе вотчинъ у бояръ и запрещеніе отчуждать вотчины («которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися»). Насколько намъ извѣстно уложеніе великихъ князей Іоанна III и Василія III по соборному приговору 1551 г., въ немъ дѣйствительно содержалось постановленіе о неотчужденіи вотчинъ нѣкоторыми княжескими фамиліями;

[1]) Op. cit., стр. 370—371. О тенденціозности Флетчера см. еще стр. 67—69.

[2]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 188.

но отобранія княжескихъ и боярскихъ вотчинъ посредствомъ законодательнаго акта мы не знаемъ, да его безъ сомнѣнія и не было. Грозный связалъ, надо думать, съ уложеніемъ дѣда и отца о боярскихъ вотчинахъ тѣ отдѣльные случаи конфискацій этихъ вотчинъ, какихъ, конечно, было не мало [1]). Нѣтъ возможности въ точности указать, какія именно мѣры 50-хъ годовъ подали поводъ царю обвинять его бывшихъ руководителей въ возвращеніи боярамъ вотчинъ, отнятыхъ Іоанномъ III, въ желаніи раздачею вотчинъ привлечь на свою сторону «многихъ людей» [2]). Во всякомъ случаѣ, во всей этой тирадѣ противъ Сильвестра и Адашева настолько очевидна умышленная или неумышленная путаница и искаженіе фактовъ, что опираться на это свидѣтельство при комментированіи вотчиннаго законодательства XVI в. нѣтъ возможности. Итакъ, ни Курбскій, ослѣпленный личною ненавистью къ Іоанну, ни самъ Іоаннъ, раздувающій въ литературной полемикѣ свою ссору съ боярами въ политическую борьбу, ни Флетчеръ, собиравшій свой матеріалъ изъ сплетенъ и политическихъ толковъ и систематизировавшій его, согласно предвзятому взгляду на сущность государственной власти въ Россіи, не могли понять основной задачи поземельной политики XVI в.

Подтверждаются ли объясненія Курбскаго и Флетчера тѣми документальными источниками, которые одни могутъ быть выразителями истинныхъ цѣлей поземельной политики, законодательствомъ XVI в.? Сдѣланный выше разборъ его заставляетъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Вопросъ о мобилизаціи княжескаго землевладѣнія, какъ мы только что наблюдали, освѣщался съ той же самой точки зрѣнія, какъ и вопросъ о служиломъ землевладѣніи вообще, и права распоряженія княжескими вотчинами регламентировались подъ давленіемъ потребностей военной организаціи государства, интересамъ котораго должно было служить все частное землевладѣніе.

Политическая борьба съ потомствомъ удѣльныхъ князей не была основаніемъ поземельнаго законодательства XVI в. Но частыя опалы и казни влекли за собою и частыя конфискаціи земельныхъ имуществъ пострадавшихъ. Извѣстія Курбскаго объ отнятіи вотчинъ

[1]) Курбскій: «единоплеменныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертьми поморилъ еси, и движимыя стяжанія и недвижимыя, *чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ*», стр. 220.

[2]) Наиболѣе вѣроятно предположеніе, что Грозный разумѣлъ мѣру 1550 г., испомѣщеніе избранной тысячи. И. Н. Ждановъ, Матеріалы для исторіи Стоглав. собора, Журн. Мин. Нар. Пр., 1876 г., іюль, стр. 56.

у многихъ князей и бояръ, погибшихъ при Грозномъ въ эпоху казней, подтверждаются и завѣщаніемъ Грознаго и отдѣльными фактами, съ которыми мы встрѣтимся въ слѣдующей главѣ. Но подобно тому, какъ указы о княжескихъ вотчинахъ не могутъ быть выдѣлены изъ общаго поземельнаго законодательства, такъ точно и отдѣльные факты конфискацій земельныхъ владѣній князей не могутъ объясняться исключительно особыми, спеціальными цѣлями высшей политики. Конфискація вотчины была обычной карой за самыя разнообразныя преступленія, начиная съ преступленія по службѣ и кончая дѣйствительной или мнимой политической крамолой [1]). Уже это разнообразіе преступленій, караемыхъ конфискаціей земельныхъ владѣній, не позволяетъ видѣть въ конфискаціи княжескихъ вотчинъ непремѣнно орудіе систематической борьбы съ традиціями удѣльныхъ временъ. Надо помнить также, что не одни князья и бояре жили подъ страхомъ опалы и отнятія вотчинъ. И въ поземельныхъ актахъ землевладѣльцевъ изъ низшихъ слоевъ общества встрѣчаются оговорки о возможности конфискаціи ихъ земель государемъ или указанія на прежнія отобранія [2]). Итакъ,

[1]) Конфискація вотчины замѣняла иногда взысканіе денежнаго штрафа въ процессахъ между частными лицами. Такъ въ 1571 г. съ подъячаго Улана Айгустова присуждено было взыскать 600 рублей «безчестья» въ пользу дьяка Василья Щелкалова, на котораго онъ доводилъ «многія лихія дѣла». По челобитью Улана часть этого штрафа была уплачена конфискаціей его вотчины, причемъ эта мѣра была облечена въ форму купчей сдѣлки. А. Э., I, № 280. Подобнымъ же образомъ у кн. Василія Ивановича Темкина-Ростовскаго взята была вотчина въ Переяславскомъ уѣздѣ взамѣнъ штрафа въ 600 рублей въ пользу нѣкоего Никиты Аксентьева. Арх. Мин. Юст., грам. Переяславск. у., № 8967.

[2]) «А Божья воля станетца, на меня, на князя Өедора придетъ государева опала или смерть случитца, возметъ государь ту мою вотчину на себя, двѣ трети Здвиженскаго села и тѣ четыре пустоши, или помѣщику отдастъ, и мнѣ князю Өедору игумену Игнатью съ братьею половина села Покровскаго отдати назадъ; а возметъ государь у игумена Игнатья съ братьею половину села Покровскаго до писцовъ, и игумену Игнатью съ братьею отдати назадъ двѣ трети села Здвиженскаго и тѣ четыре пустоши мнѣ князю Өедору». Мѣновная князя Өедора Шелешпальскаго и Кириллова монастыря 1582. А. Ю., № 106. Князья Константинъ и Өедоръ Кемскіе, дѣля между собой отцовскую вотчину въ 1529 г., договариваются: «а учинитъ Огосударь силу, и намъ дѣлитись изнова». Ibid., № 264. Такія же указанія на конфискаціи встрѣчаемъ и въ актахъ мелкихъ нетитулованныхъ землевладѣльцевъ. Напримѣръ, Дмитрій Нелединскій со своимъ племянникомъ, взявъ у Мих. Вас. Годунова 150 рублей подъ залогъ вотчины, обязуются платить долгъ и безъ заклада, если государь возьметъ ту вотчину «въ своей опалѣ». Сборн. Тр. Серг. Лавры, № 532, л. 142 об. Въ 1548 г. Угримъ Булгаковъ, закладывая свою вотчину, разсказываетъ, что она была въ опалѣ, въ помѣстьи за паномъ Кузминскимъ; по челобитью Угрима это помѣстье возвращено ему, а панъ высланъ. Ibid., л. 524. Въ послушной грамотѣ крестьянамъ с. Зарѣчья съ деревнями въ Костромскомъ уѣздѣ 1576—77 г. упоминается, что это село было въ вотчинѣ за Алексѣемъ и Михаиломъ Зубатыми, а въ прошломъ 85 г. было взято на

въ виду разнообразія преступленій, каравшихся конфискаціей вотчинъ, и примѣненія этой кары ко всѣмъ классамъ частныхъ землевладѣльцевъ, нѣтъ возможности всѣ извѣстные случаи конфискаціи княжескихъ вотчинъ группировать въ систему политической борьбы.

V.

Самой трудной и сложной задачей въ устройствѣ вотчиннаго служилаго землевладѣнія XVI в. было опредѣленіе его отношеній къ землевладѣнію церковному. Мы разсмотрѣли причины постояннаго перехода служилыхъ земель въ собственность церковныхъ учрежденій и видѣли, съ какимъ трудомъ и какъ малоуспѣшно боролось правительство съ этими причинами, глубоко заложенными въ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ вѣка и въ ненормальныхъ условіяхъ его экономическаго быта. Такое же колебаніе и неустойчивость замѣчаются и въ стремленіи положить извѣстный предѣлъ земельному обогащенію монастырей изъ того источника, обратиться къ которому всегда можно было найти достаточное основаніе. Такимъ источникомъ была государева милость. Когда правительство взяло на себя обязанность наблюденія за переходомъ служилыхъ земель въ монастыри, оно старалось установить извѣстныя нормы для нѣкоторыхъ монастырей, въ которыхъ они могли расширять свои земельныя владѣнія. Эта норма выражалась или опредѣленной денежной суммой, на которую монастырь имѣлъ право пріобрѣтать земли, или прямо назначеніемъ земельнаго оклада, въ предѣлахъ котораго монастырь могъ пріобрѣтать земли пожалованіемъ отъ государя или покупкой. Такъ въ 1556 г. Кириллову Бѣлозерскому монастырю разрѣшено было купить вотчины на 2000 руб. въ любой области, кромѣ Новгородской, Псковской, Рязанской, Тверской, Смоленской земель и кромѣ вотчинъ тѣхъ князей, которымъ запрещено было отчуждать вотчины безъ государева вѣдома [1]). Въ 1583—84 г. Спасскому Ярославскому монастырю

государя съ городомъ вмѣстѣ; теперь оно возвращается снова прежнимъ вотчичамъ. Ibid., л. 847 об.—848 об. Арх. Мин. Юст., грам. Костром. у., № 5102. Въ 1573—74 г. Лукѣ Житову возвращена была его вотчина, розданная въ помѣстья разнымъ лицамъ. Арх. Мин. Юст., грам. Старпц. у., № 11645, л. 14. Василій Ивановичъ Ларіоновъ въ духовномъ завѣщаніи упоминаетъ, что у него отобранъ былъ великимъ княземъ Иваномъ Вас. и великой княгиней Еленой рядъ починковъ, поставленныхъ имъ на купленныхъ пустошахъ и на мѣстѣ, пожалованномъ ему вел. кн. Василіемъ. Въ случаѣ возвращенія этихъ починковъ отдаетъ ихъ женѣ, а послѣ ея смерти или выхода замужъ въ монастырь по душѣ. Акты Н. П. Лихачева, стр. 7.

[1]) А. Э., I, № 246.

дано было право пріискать себѣ земли въ вотчину на 1000 четвертей и о той землѣ сообщить на Москву боярину Льву Андреевичу Салтыкову. Монастырь нашелъ такую землю въ вотчинѣ князя Ивана Сисеева, заключавшей въ себѣ 1 село, 42 деревни живущихъ, 9 деревень пустыхъ, 12 пустошей, земли всего 1000 четвертей; эта вотчина въ томъ же году и была пожалована монастырю [1]). Монастырямъ, вновь возникавшимъ на восточной окраинѣ, прямо назначался опредѣленный земельный окладъ. Такъ въ 1590—91 г. царь Ѳедоръ пожаловалъ Преображенскому Казанскому монастырю «въ его окладъ, въ 800 четей» помѣстье Меншика Волынскаго, деревню Салмачи [2]). Грамота царя Василія Шуйскаго Спасскому монастырю 1605—6 г. передаетъ, что царь Иванъ велѣлъ дать этому монастырю въ вотчину земли на 1200 четей; монастырь получилъ въ этотъ счетъ 906 четей съ осминой пашни; осталось недоданнымъ 293 чети съ осминой. Теперь царь Василій по челобитью монастырскихъ властей даетъ монастырю въ додачу изъ порожнихъ земель полдеревни и 2 пустоши, «а будетъ, что тѣхъ пустошей за ихъ окладомъ останется, и то велѣно отписати на государя» [3]). Во всѣхъ этихъ мѣрахъ ясно обнаруживается стремленіе, за невозможностью пресѣчь ростъ монастырскихъ земельныхъ богатствъ, установить, по крайней мѣрѣ, для монастырскаго землевладѣнія извѣстныя рамки на подобіе оклада для служилой земли. Но эта мѣра, назначеніе монастырямъ извѣстнаго оклада, не могла прочно привиться, такъ какъ невозможно было найти твердаго и неизмѣннаго критерія для опредѣленія дѣйствительной нужды монастыря въ землѣ. Поэтому и количество вновь пріобрѣтаемыхъ земель всегда опредѣлялось особо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ зависимости отъ государевой милости и дѣйствительныхъ или мнимыхъ нуждъ, подыскиваемыхъ монастырскими властями. Соборный приговоръ 1580 г. формально пресѣкъ всѣ способы дальнѣйшаго увеличенія церковнаго землевладѣнія за исключеніемъ одного, обращенія къ государевой милости: «а которое мѣсто убогое, земли будетъ мало или не будетъ: и онъ бьетъ челомъ государю, и государь съ митрополитомъ соборне и съ бояры приговоря, и устроятъ тотъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже, какъ бы ему мочно прожити» [4]).

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Ярослав. у., №№ 14768, 14769, 14770.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Казан. у., № 6429, л. 45 и слѣд.

[3]) Ibid., л. 46 об. и слѣд.

[4]) С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 585.

На переходъ служилой земли въ руки церковной іерархіи и монастырей правительство смотрѣло, какъ на выходъ ея изъ службы. Но это выраженіе не вполнѣ точно опредѣляетъ отношеніе къ службѣ церковныхъ земель. И эти земли несли извѣстную часть военныхъ повинностей. Не смотря на обиліе льготныхъ грамотъ, дававшихъ монастырскимъ землямъ полную свободу отъ всякихъ податей и повинностей, этими грамотами все-таки устанавливались исключенія изъ общаго порядка. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ исторіи натуральныхъ повинностей и податной системы московскаго государства рано обнаруживается стремленіе изъять изъ круга льготъ, даруемыхъ тарханами, тѣ повинности, которыя непосредственно предназначались на развитіе и поддержаніе военной организаціи государства. Такъ уже въ жалованныхъ льготныхъ грамотахъ XV в. встрѣчаемъ слѣдующія оговорки: «опричь того дѣла, коли учнутъ городъ рубити и имъ дѣлати жъ», 1434—1447 г. [1]); «опричь ратныхъ вѣстей», 1462 г. [2]); «опричь татарскаго яму», 1462—1467 г. [3]); «опричь одного монастырскаго яму», 1494 г. [4]). Съ начала XVI в. эти оговорки встрѣчаются все чаще и чаще; ихъ характеръ и цѣли обнаруживаются все яснѣе; исключаются изъ льготныхъ грамотъ повинности, имѣющія общегосударственное военное значеніе: «опричь яму и городчиковъ пошлины и городового дѣла», 1505 г. [5]); «опричь ратной вѣсти», 1534 г. [6]); «опричь яму и посошныя службы», 1517 г. [7]); «опричь нашіе дани и ямскихъ денегъ и посошныя службы и намѣстнича корму», 1547 г. [8]); «опричь посошнаго корму и ямскихъ и полоняничныхъ денегъ и всякихъ податей», 1554—1555 г. [9]); «опричь ямскихъ и ямчужныхъ денегъ» [10]); «опричь того, кто погонитъ со скорою грамотой», 1566 г. [11]); «а городовое имъ и острожное и засѣчное дѣло дѣлати съ иными сохами вмѣстѣ», 1575 г. [12]); «опричь яму и городоваго

[1]) А. Э., I, № 28; А. о. до Ю. Б., I, № 31, IV.

[2]) А. И., I, № 71.

[3]) А. И., I, № 74. А. о. до Ю. Б. № 31, XVI, XVII.

[4]) А. Э., I, № 131.

[5]) А. И., I, № 115.

[6]) Арх. Мин. Юст., грам. Рузск. у., № 10258.

[7]) А. Э., I, № 164.

[8]) А. И., I, № 147.

[9]) А. о. до Ю. Б., № 30, IV и подобная же грамота 1557 г., Арх. Мин. Юст., Руза, № 10293.

[10]) Арх. Мин. Юст., грам. Коломен. у., № 6321

[11]) Ibid., грам. Дмитров. у., № 3818.

[12]) Сборн. Рум. Муз., № 53, л. 42.

дѣла и посошныя службы», 1534 г. [1]). Необходимость возложить на монастырскія земли военно-финансовыя повинности заставляла правительство отмѣнять нѣкоторыя льготы при подтвержденіи старыхъ льготныхъ грамотъ, дававшихъ полную свободу отъ податей и повинностей. Иногда между первой выдачей льготной грамоты съ полнымъ кругомъ льготъ и подтвержденіемъ этой грамоты съ отмѣною нѣкоторыхъ льготъ, протекалъ очень незначительный промежутокъ времени. Слѣдовательно, пересмотръ производился правительствомъ подъ давленіемъ какихъ-нибудь особенныхъ военно-финансовыхъ нуждъ. Вотъ примѣры: полная льготная грамота 1543 г. подтверждена въ 1551 г. съ оговоркой: «оприч ямскихъ денегъ и посошныя службы и тамги» [2]); полныя льготныя 1532—33 и 1533—34 годовъ подтверждены въ 1550—51 г. съ оговоркой: «оприч ямскихъ денегъ и посошныя службы, то имъ давати» [3]); грамотой 1550—51 г. отмѣнена льготная 1549—50 г.; велѣно съ монастырской вотчины брать ямскія деньги, посошную службу править и тамгу [4]); изъ льготной 1547—48 г. въ 1550—51 г. исключены ямскія деньги и окупныя, посошная служба, тамга и мытъ [5]). Въ 1557—58 г. дана была жалованная грамота Пѣсношскому монастырю о замѣнѣ всѣхъ пошлинъ съ его вотчинъ ежегоднымъ оброкомъ по рублю съ сохи. Въ томъ же году эта грамота подтверждается, но съ ограниченіемъ: «а ямскія деньги даньщикамъ велѣти имати съ монастырскихъ селъ и деревень, съ сохъ имати по разводу, почему котораго году иметца на соху» [6]). Большая часть всѣхъ этихъ примѣровъ относится къ вотчинамъ Троице-Сергіева монастыря и показываетъ, что съ начала пятидесятыхъ годовъ существовали какія то финансовыя затрудненія для правительства, заставившія его наложить руку на льготы отъ разныхъ военно-финансовыхъ повинностей. Но ограниченія монастырскихъ льготъ не начались во второй половинѣ XVI в., какъ полагаетъ П. Н. Милюковъ [7]). Первыя оговорки мы встрѣтили еще въ XV в. въ жалованныхъ грамотахъ не только московскихъ государей, но и удѣльныхъ князей. Общей причиной всѣхъ этихъ ограниченій была естественная реакція чрезмѣрному развитію монастырскихъ

[1]) А. Э., I, № 179.

[2]) А. Э., I, № 200, А. И., I, № 143.

[3]) Арх. Мин. Юст., грам. Галицк. у. № 3346.

[4]) Ibid., грам. Ростов. у., № 10560.

[5]) Ibid., грам. Дмитров. у., № 3780, 3817.

[6]) Бѣляевскіе Акты Румянц. Муз., № 78.

[7]) Спорные вопросы, 17.

льготъ, приводившему къ крайне неравномѣрному распредѣленію податнаго бремени. Какъ и естественно, первыя оговорки въ льготныхъ грамотахъ касались нѣкоторыхъ исключительныхъ потребностей и выводили изъ круга льготъ такія повинности, какъ «ратная вѣсть», «татарскій ямъ». Съ XVI в., когда забота о военной организаціи государства проходитъ красною нитью черезъ всѣ памятники законодательства, черезъ всѣ реформы, кругъ оговорокъ расширяется, онѣ касаются уже повинностей, имѣющихъ постоянное общегосударственное военное значеніе: таковы въ особенности посошная служба, ямъ, городовое и острожное дѣло. Логическимъ слѣдствіемъ постепеннаго расширенія круга исключеній изъ тарханныхъ грамотъ была полная отмѣна тархановъ въ 1584 г. [1]). Въ соборномъ приговорѣ эта отмѣна прямо объяснена необходимостью равномѣрно распредѣлить податное бремя, чтобы улучшить положеніе и, слѣдовательно, боевую годность служилаго класса, невозможностью для послѣдняго одновременно и цѣликомъ нести и бремя службы и бремя податей: «что земли митрополичи и архіепископли и владычни и монастырскіе въ тарханехъ, и съ тѣхъ никакіе царскіе дани и земскихъ разметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди, тѣ ихъ земли оплачиваютъ: и сего ради многое запустѣніе за воинскими людьми въ вотчинахъ ихъ и въ помѣстьяхъ, платячи за тарханы; а крестьяне вышедъ изъ за служилыхъ людей, живутъ за тарханы во лготе, и отъ того великая тощета воинскимъ людемъ пріиде. И сего ради для великихъ нуждъ и тощеты воинскимъ людемъ... уложихомъ сице» [2]).

На примѣрѣ одного монастыря очень ясно обнаруживается стремленіе связать пожалованіе разныхъ льготъ и земель этому монастырю съ его службой государству. Соловецкій монастырь на крайнемъ сѣверѣ былъ не только центромъ просвѣщенія и хозяйственной культуры, но и центромъ военной обороны сѣвернаго поморья во время войнъ со Швеціей во второй половинѣ XVI в. Съ 1578 г. въ монастырѣ появляется постоянный отрядъ стрѣльцовъ, около 100 человѣкъ, содержимый на монастырскій счетъ [3]). И въ послѣдующее время неоднократно присылались въ монастырь военные отряды; вмѣстѣ съ тѣмъ во время войны отряды форми-

[1]) Тарханы отмѣнены были еще Ц. Судебн., ст. 43: «а тарханныхъ впередъ не давати никому, а старыя тарханныя грамоты поимати у всѣхъ». Обиліе тархановъ послѣ 1550 г. и самый приговоръ 1584 г. свидѣтельствуютъ, что постановленіе Судебника совсѣмъ почти не примѣнялось на практикѣ.

[2]) С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 594.

[3]) Соловецкій лѣтописецъ, Архим. Досиѳея, стр. 39.

ровались изъ монастырскихъ крестьянъ и на монастырскій счетъ. Въ 1592 г. Сумскій острогъ защищали отъ нападенія шведовъ ратные люди царскіе и монастырскіе; въ это же время князю Григорію Волконскому велѣно было набирать 100 человѣкъ съ пищалями для похода на Каянскихъ нѣмцевъ и 100 человѣкъ для защиты Сумскаго острога, «и они деи (монастырскія власти) тѣхъ ратныхъ людей въ походъ и въ осаду наняли монастырскою казною; и что деи у нихъ было монастырскіе казны, и они деи тое монастырскую казну, городъ каменой дѣлаючи и людей наймуючи и прибылныхъ ратныхъ людей нашихъ Литву и Черкасъ и стрѣльцовъ кормлючи, въ городѣ и въ монастырѣ и въ острогѣ и на иные расходы издержали все» [1]). Съ 1585 г. вокругъ монастыря начали сооружать на его счетъ каменную крѣпость, которую царь нѣсколько разъ снабжалъ пушечнымъ нарядомъ [2]). Также и въ другихъ пунктахъ поморья монастырь строилъ остроги и содержалъ въ нихъ гарнизоны: таковы были остроги Сумскій и Кемскій [3]). Монастырю поручалось наблюденіе и за мѣстнымъ инородческимъ населеніемъ. Такъ въ грамотѣ 1604 г. игумену Антонію предписывается слѣдить, чтобы Кореляне жили за государемъ неизмѣнно [4]). Сооруженіе остроговъ и содержаніе ратныхъ людей были двумя главными заслугами монастыря, на которыя онъ самъ указывалъ въ своихъ челобитьяхъ о льготахъ [5]).

Интересно прослѣдить теперь, какъ вознаграждалась усердная служба монастыря государству разнаго рода жалованьемъ и льготами. Земельными вкладами монастырь сталъ обогащаться съ самаго почти основанія. Но несмотря на крупные вклады частныхъ лицъ и пожалованія государей, монастырь неоднократно жаловался на недостатокъ и даже на полное отсутствіе пашенъ. Можетъ быть,

[1]) А. Э., I, № 355.

[2]) Сол. Лѣт., стр. 38, 41 и слѣд.

[3]) Сборникъ копій съ Соловецкихъ грамотъ въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи № 18, л. л. 122 об., 130 об.

[4]) Ibid., л. 159.

[5]) Наприм., въ жалованной грамотѣ царя Василія Шуйскаго 1607 г. ibid., л. 180; относительно денежныхъ расходовъ монастыря на содержаніе ратныхъ людей любопытна грамота 1591 г.: она предписываетъ дать служилымъ людямъ и стрѣльцамъ изъ монастырской казны 471 р. Изъ нихъ 464 рубля $^1/_2$ деньги зачислены въ счетъ монастырскаго оброка на 7100 годъ, а остальныя 6 рублей 33 алтына $1^1/_2$ деньги взяты изъ стрѣлецкаго приказа и даны старцу Ильѣ; приводятся оклады жалованья разнымъ чинамъ; раздаточныя книги велѣно прислать на Москву въ Приказъ Андрея Щелкалова, ib., л. 123. Въ грамотѣ 1609 г. двинскому воеводѣ князю Алексѣю Даниловичу Пріимкову-Ростовскому монастырскія суда освобождаются отъ пошлинъ, ибо съ монастыря сверхъ оброка взято 5150 р., ibid., л. 203.

монастырскія вотчины, доставляя доходные промыслы, были крайне неудобны для хлѣбопашества по условіямъ климата и почвы [1]). Во второй половинѣ вѣка дарованіе монастырю земель и разныхъ льготъ ставится въ связь съ его дѣятельностью по организаціи военной обороны сѣвернаго края. Въ 1575 г. монастырскія вотчины были освобождены отъ посошной дани по случаю раззорительнаго нападенія шведовъ [2]). Въ 1580 г. монастырь билъ челомъ, что у него вотчинъ нѣтъ и онъ ничего не пашетъ; на этомъ основаніи было запрещено брать печатную пошлину съ продажной монастырской соли [3]). Въ 1584 г. монастырскіе крестьяне Кольской волости были освобождены отъ острожной и стрѣлецкой службы, потому что монастырь на собственныя средства выстроилъ и содержалъ острогъ [4]). Въ 1589 г. монастырь, жалуясь на отсутствіе вотчинъ, просилъ разрѣшенія купить на Устюгѣ Вел. дворъ и пристань; разрѣшеніе было дано съ приказаніемъ, записавъ купчія въ книги, прислать ихъ въ четверть дьяка Елизара Вылузгина [5]). Въ 1590 г. монастырь подалъ царю челобитную, въ которой жаловался на запустѣніе своихъ промысловъ отъ войны съ нѣмцами, указывалъ на расходы, постройку каменнаго города на Соловкахъ и острога въ Сумской волости, содержаніе тамъ на собственныя средства войска и наряда, и просилъ пожаловать ему двѣ волости въ Обонежской пятинѣ, Нюкму и Унежму; челобитье было удовлетворено съ дарованіемъ двухлѣтнихъ льготъ отъ податей, послѣ чего монастырь обязанъ платить за всякія подати и пошлины оброку по 50 рублей въ годъ въ четь дьяка Андрея Щелкалова. Въ 1590 г. во вниманіе къ построенію остроговъ и содержанію въ нихъ постояннаго гарнизона, раззоренію монастырскихъ промысловъ отъ войны, сборъ пошлины съ монастырскихъ судовъ съ солью замѣненъ былъ уплатой оброка по 100 руб. въ годъ, за исключеніемъ 1590 г.; за этотъ годъ оброкъ данъ былъ монастырю на подмогу по случаю войны [6]). Въ слѣдующемъ году монастырю за военныя заслуги его пожаловано нѣсколько волостей (Кемь, Пудожма, Пебозеро, Маслоозеро) съ обязательствомъ

[1]) О земельныхъ и другихъ вкладахъ см. Лѣтописецъ Соловецкій подъ разными годами, Описаніе Соловецкаго монастыря Арх. Досиѳея, стр. 203 и слѣд. и часть III этого описанія, гдѣ напечатаны акты монастыря.

[2]) Сборникъ грамотъ Соловецкаго монастыря, л. 62.

[3]) Ibid., л. 63 об.

[4]) Ibid., л. 67 об.

[5]) Ibid., л. 101. Такая же жалоба на отсутствіе вотчинъ, л. 102 об., 196.

[6]) Ibid., л. 109—114 об.

«въ той Кемской волости всякія крѣпости подѣлати и острогъ сдѣлати и людей ратныхъ изъ монастыря туто устроить для нѣмецкихъ воинскихъ людей приходу и заставы учинити крѣпкіе, чтобъ въ приходъ воинскихъ нѣмецкихъ людей сидѣти было безстрашно». Кромѣ того монастырь долженъ былъ еще платить за всѣ подати съ новыхъ вотчинъ оброкъ въ Москвѣ [1]). Можно было бы привести еще много указаній на жалованныя и льготныя грамоты Соловецкому монастырю, но и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какъ государство, возлагая на Соловецкій монастырь почти всю тяжесть обороны сѣвернаго поморья, очень неохотно снимало съ него податное бремя, какъ съ самаго богатаго промышленника сѣвернаго края. Рѣдко встрѣчается въ жалованныхъ льготныхъ грамотахъ полное освобожденіе какой-нибудь монастырской вотчины или доходной статьи отъ податей и повинностей. Большая часть податныхъ льготъ сводится къ переложенію всѣхъ отдѣльныхъ податей на опредѣленную сумму оброка.

Мы взяли Соловецкій монастырь, какъ самый видный примѣръ монастыря, принявшаго на себя обязанности государственной службы. Соловецкій монастырь по условіямъ своего географическаго положенія и по богатству особенно широко могъ развернуть свою дѣятельность по оборонѣ страны. Въ этомъ отношеніи онъ занималъ исключительное мѣсто между другими монастырями. Но нѣтъ сомнѣнія, что и всякій другой монастырь, крупный землевладѣлецъ и капиталистъ, владѣвшій запасомъ всякаго рода служилаго инвентаря, былъ въ состояніи по требованію обстоятельствъ проявить въ большей или меньшей степени такую же боевую дѣятельность. Извѣстно, какимъ сильнымъ оплотомъ оказался Троице-Сергіевъ монастырь въ смутное время. Значеніе крѣпостей имѣли и монастыри южной и восточной окраинъ [2]). Еще въ первой половинѣ XVII в. въ Казанской области Тетюшскій монастырь со-

[1]) А. Э., I, № 353. Грамоты о строеніи Кемскаго острога, Сборн. Грам. № 18, лл. 122 об., 131 об.

[2]) Напримѣръ, въ описи Бѣлопесоцкаго монастыря Каширскаго уѣзда читаемъ: «да тутъ же стоитъ нарядъ, пищаль сороковая да 2 пищали желѣзныхъ семипядныхъ, да 2 пищали затинныхъ; у нихъ припасено 100 ядеръ свинчатыхъ, да въ казнѣ подъ церковью $1^1/_2$ пуда зелья да $1^1/_2$ пуда емчюги. Да въ паперти у Николы Чудотворца на той же стѣнѣ на каменной стоитъ пушечка мѣдена, а въ ней 2 заряда, длина 5 пядей, ядро 6 гривенокъ, а нарядъ на стѣнѣ, пищали и зелья и ядра, все государево данье опрочѣ пушечки, что у ней 2 заряда, а сказали: далъ ту пушечку въ монастырь князь Юрій Ивановичъ Токмаковъ, а у того наряду, коли въ приходъ воинскихъ людей, стоятъ пушкари, монастырскіе слуги и дѣтеныши Иванъ Букинъ съ товарыщи». Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 1516—1517.

держалъ на свой счетъ сторожей на Тетюшской засѣкѣ, хотя и жаловался, что это дѣло «имъ не за обычай» [1]).

Итакъ, вопросъ объ отношеніи церковнаго землевладѣнія къ служилому разрѣшался не только съ отрицательной стороны, но и съ положительной. Государство не только стремилось къ тому, чтобы остановить переходъ служилой земли въ собственность церкви или посредствомъ секуляризаціи обратить церковную землю въ служилую, но также и къ тому, чтобы привлечь и наличныя церковныя земли къ несенію извѣстныхъ тягостей по созданію и поддержанію военныхъ силъ государства. Для этихъ цѣлей церковныя земли имѣли значеніе прежде всего, какъ богатый податной источникъ, доставляющій средства для развитія военной силы. И дѣйствительно, не смотря на всю щедрость, съ какой государи надѣляли монастыри финансовыми льготами, эти льготы были все-таки исключеніями изъ общаго порядка, по которому монастырскія земли во второй половинѣ XVI в. обложены были тяжелѣе, чѣмъ вотчинныя и помѣстныя [2]). Далѣе, съ XV в. постепенно учащаются оговорки, исключающія изъ льготныхъ грамотъ подати и повинности, назначенныя на военныя нужды, и въ результатѣ слѣдуетъ общая мѣра, уничтоженіе тархановъ въ 1584 году. Наконецъ, какъ показываетъ примѣръ Соловецкаго монастыря, государство привлекало монастыри и къ непосредственному участію въ оборонѣ страны. Но, какъ въ стремленіи прекратить переходъ служилой земли въ собственность церкви, такъ и въ стремленіи привлечь наличныя церковныя земли къ созданію военной силы, государство не могло твердой ногой стать на извѣстную точку зрѣнія и неизмѣнно держаться на ней. Оба эти стремленія были парализованы господствующими понятіями вѣка о христіанскихъ обязанностяхъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и верховной власти. Остановить приливъ служилой земли во владѣніе церкви невозможно было потому, что государство не могло искоренить убѣжденія въ необходимости матеріальнаго обезпеченія душевнаго спасенія; уничтожить податныя привиллегіи церковныхъ земель нельзя было также потому, что покровительство церкви, охрана ея матеріальныхъ интересовъ была одною изъ главныхъ и наиболѣе отвѣтственныхъ обязанностей верховной свѣтской власти, напоминать о которыхъ представители церкви никогда не упускали случая. По-

[1]) Мельниковъ, Акты Истор. и Юридич. Казанской губ., № XII.

[2]) См. таблицу размѣровъ сохъ разныхъ разрядовъ и качествъ у Милюкова — Спорные вопросы, стр. 48—49 и замѣчанія его на стр. 79.

этому и въ уничтоженіи льготъ монастырямъ нѣтъ строгой послѣдовательности; дарованіе полныхъ льготъ безъ всякихъ оговорокъ продолжалось и во второй половинѣ XVI в. и не было остановлено соборнымъ приговоромъ 1584 г.

Теперь въ немногихъ словахъ мы можемъ очертить характеръ поземельной политики XVI в., ея отношеніе къ мобилизаціи служилаго вотчиннаго землевладѣнія. Эта мобилизація была вызвана и направлялась причинами, глубоко заложенными въ условіяхъ юридическаго и экономическаго быта общества XV и XVI вѣковъ и въ его религіозно-нравственныхъ понятіяхъ. Ходъ мобилизаціи естественно направлялся къ разрушенію военной организаціи государства въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, вотчина была военно-территоріальной единицей, доставлявшей государству извѣстное количество боевой силы; государство не въ состояніи было слѣдить за постояннымъ дробленіемъ этихъ единицъ и переходомъ ихъ по частямъ изъ рукъ въ руки и не могло установить правильной системы наблюденія и отчетности въ несеніи службы вотчинной землей. Необходимость контроля надъ переходомъ вотчинныхъ земель изъ рукъ въ руки живо сознавалась въ половинѣ XVI в. Предложеніе завести вотчинныя книги, сдѣланное на соборѣ 1551 г., мотивировано, между прочимъ, необходимостью слѣдить, «*за кѣмъ сколко (земли) прибудетъ и убудетъ, и по вотчинѣ и служба знать*» [1]). Во-вторыхъ, земля въ громадномъ количествѣ выходила временно или навсегда изъ службы, поступая въ собственность лицъ, неспособныхъ къ службѣ, или церковныхъ учрежденій. Вредные для государства результаты мобилизаціи вскрывались постепенно, и государство не могло выступить на борьбу противъ этихъ опасностей съ широкимъ, исчерпывающимъ планомъ. Законодательство ставило и разрѣшало лишь вопросы, выдвигаемые жизненной практикой, и при томъ только съ тѣхъ сторонъ, на которыя настойчиво указывалъ опытъ. Такъ какъ результаты мобилизаціи ощутительнѣе всего обнаруживались въ разложеніи верхняго, крупнаго слоя служилыхъ вотчинъ, княжескаго землевладѣнія, то изъ всѣхъ разрядовъ служилыхъ вотчинъ и вниманіе законодательства останавливалось прежде всего на княжескихъ вотчинахъ, на вопросѣ о сохраненіи ихъ цѣльности, какъ важнѣйшихъ военно-территоріальныхъ единицъ. Изъ всѣхъ же золъ, приносимыхъ мо-

[1]) Ждановъ, Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора, Журн. Мин. Нар. Просв., 1876 г., іюль, стр. 61.

билизаціей, законодательство особенно настойчиво боролось противъ поглощенія служилой земли церковными учрежденіями. Таковы были два главныхъ пункта, вокругъ которыхъ развивалось поземельное законодательство XVI в. По своимъ конечнымъ цѣлямъ это законодательство было глубоко консервативнымъ. Развивая спеціальную форму служилаго землевладѣнія, помѣстье, вводя новую организацію военныхъ силъ, регулярное войско, государство вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми мѣрами охраняло цѣльность и неподвижность служилой вотчины, какъ основы старой военной организаціи. Политическая борьба съ боярствомъ и княжатами, хотя до извѣстной степени и содѣйствовала разложенію крупнаго вотчиннаго землевладѣнія многими единичными случаями конфискацій, не отразилась ни въ законодательствѣ, ни въ административныхъ дѣйствіяхъ системою мѣръ *противъ* этого землевладѣнія. Этотъ выводъ подтверждаетъ мысль проф. Ключевскаго, что московскіе государи вели борьбу противъ лицъ, а не противъ порядка. Многочисленные случаи перевода вотчинниковъ всѣхъ классовъ общества, а не однихъ князей, изъ однѣхъ областей въ другія находятъ себѣ наиболѣе естественное объясненіе въ необходимости передвиженія военныхъ силъ съ цѣлями обороны страны. Законодательная иниціатива правительства XVI в. проявлялась очень робко. Несмотря на отчетливое сознаніе гибельности мобилизаціи служилаго землевладѣнія, законодательная мысль не выработала послѣдовательной системы коренныхъ реформъ поземельныхъ отношеній служилаго класса. Она робко разбиралась въ запутанной и разнообразной практикѣ обычнаго права, выбирая изъ нея и давая свою санкцію, значеніе общихъ нормъ, тѣмъ отношеніямъ, которыя наиболѣе соотвѣтствовали въ данный моментъ насущнымъ потребностямъ государства. Но при этомъ законодательство не могло удержаться исключительно на точкѣ зрѣнія государственныхъ интересовъ. Послѣдніе въ области поземельныхъ отношеній рѣзко сталкивались съ потребностями общества, извѣстными условіями его быта. Право женщины владѣть недвижимымъ имуществомъ, свобода распоряженія вотчиной, какъ мѣновой цѣнностью, обезпеченіе земельнымъ вкладомъ вѣчнаго душевнаго спасенія, — таковы, для примѣра, наиболѣе осязательныя явленія, хактеризующія юридическій, экономическій и религіозно-нравственный бытъ русскаго общества XVI в. Но потребности этого быта прямо сталкивались съ интересами государства, были коренными причинами земельной мобилизаціи, борьба съ которой была одной изъ первыхъ задачъ зако-

нодательства. Ему предстояло собственно два пути: или отдать въ жертву интересамъ государства извѣстные духовные и матеріальные интересы общества и перестроить этотъ бытъ на новыхъ основаніяхъ, или предоставить свободу естественному ходу вещей, дать возможность водвориться господству такихъ поземельныхъ отношеній, которыя въ корнѣ подрывали военную организацію. Конечно, государство не могло пойти исключительно по тому или другому пути. Для коренной перестройки общественнаго быта у него не хватало духовныхъ и матеріальныхъ силъ; предоставленіе полной свободы разрушительнымъ силамъ земельной мобилизаціи означало бы полное безсиліе государственной власти, полное разстройство государственнаго механизма. Поэтому все, что могло сдѣлать государство, это изыскать рядъ мѣръ, которыя представляли бы болѣе или менѣе удачные компромиссы интересовъ государства съ интересами общества. Какъ бы то ни было, законодательство XVI в. не могло остановить мобилизаціи вотчиннаго землевладѣнія, такъ какъ не въ силахъ было уничтожить въ корнѣ ея главныя причины. Публицистическая литература XVI в. замѣтила только нѣкоторыя внѣшнія проявленія результатовъ земельной мобилизаціи— конфискацію княжескихъ и боярскихъ вотчинъ, непомѣрный ростъ монастырскаго землевладѣнія — и, обобщивъ эти единичныя явленія, невѣрно объяснила ихъ смыслъ и значеніе.

*

ГЛАВА II.

Московская земельная аристократія XVI вѣка.

Процессъ разложенія удѣловъ сѣверо-восточной Руси привелъ къ образованію многочисленныхъ княжескихъ вотчинъ, которыя группами раскинулись въ предѣлахъ старыхъ княжествъ, владѣній племени Всеволода III. Другой рядъ княжескихъ вотчинъ протянулся на противоположномъ концѣ московскаго государства, на юго-западѣ, на рубежѣ съ Литвой, гдѣ осѣлись князья-вотчинники черниговскаго, смоленскаго, литовскаго племенъ. Всѣ эти княжескіе роды вмѣстѣ съ нетитулованнымъ московскимъ боярствомъ составили въ московскомъ обществѣ тотъ классъ, который можно назвать земельной аристократіей. Ея землевладѣльческая судьба была также непрочна и измѣнчива, какъ и судьба политическая. Тѣ условія земельной мобилизаціи, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ, въ связи съ интересами внѣшней обороны государства и внутренней военной организаціи повели къ рѣзкимъ и глубокимъ перемѣнамъ въ судьбѣ крупнаго вотчиннаго землевладѣнія. Общій обзоръ этихъ перемѣнъ мы начнемъ со старѣйшаго княжескаго рода изъ племени Всеволода III, рода князей собственно Ростовскихъ.

I.

Политическая самостоятельность Ростова рушилась, какъ извѣстно, въ два пріема. Неизвѣстно, какимъ способомъ пріобрѣлъ половину Ростова Василій Темный, вторично же и окончательно перешелъ Ростовъ подъ власть московскаго государя путемъ частной сдѣлки въ 1474 г. Въ какомъ же положеніи остался родъ Ростовскихъ князей послѣ 1474 г.? Василій Темный, отдавая пріобрѣтенную имъ половину Ростова своей женѣ «совсѣмъ, что къ

нему потягло, и съ селы своими», оговаривается: «и князья ростовскіе, что вѣдали при мнѣ, при вел. князѣ, ини потому держать и при моей княгини, а княгини моя у нихъ въ то не вступается». Эта оговорка одинаково можетъ относиться какъ къ другой половинѣ Ростова, еще остававшейся въ рукахъ другой линіи князей, такъ и къ частнымъ владѣніямъ всѣхъ вообще Ростовскихъ князей, къ ихъ селамъ и деревнямъ. Равнымъ образомъ и продажа въ 1474 г. второй половины Ростова «совсѣмъ» не повлекла за собой утрату Ростовскими князьями всѣхъ ихъ земельныхъ владѣній. Продавъ свои владѣтельныя права, они остались владѣльцами своихъ частныхъ селъ и деревень въ предѣлахъ своего бывшаго княжества. Но въ землевладѣльческомъ положеніи Ростовскихъ князей послѣ 1474 г. была одна характерная особенность, отличавшая ихъ отъ другихъ сѣверо-восточныхъ князей. Послѣ выдѣленія Бѣлозерскаго княжества ростовскія княжескія фамиліи, развѣтвляясь, не осаживались уже въ отдѣльныхъ мелкихъ удѣлахъ. Вслѣдствіе этого и фамильныя имена Ростовскихъ князей произошли не отъ именъ удѣловъ, а отъ личныхъ прозвищъ, къ которымъ присоединялось и общее родовое имя «Ростовскихъ», указывавшее на то, что память объ общемъ происхожденіи не порывалась удѣльною обособленностью. Исключеніе составилъ незначительный и рано сошедшій со сцены исторіи родъ князей Пужбальскихъ, получившій это имя, какъ справедливо предполагаютъ, отъ селенія Пужбалъ ростовской области [1]). Такимъ образомъ Ростовскіе князья не пережили стадіи мелкихъ удѣловъ, сразу перешли послѣ 1474 г. изъ положенія самостоятельныхъ владѣтельныхъ князей въ положеніе простыхъ вотчинниковъ, слугъ московскаго государя. Этимъ рѣзкимъ переломомъ въ политической и землевладѣльческой судьбѣ Ростовскихъ князей, рѣшительнымъ разрывомъ съ государственными, владѣльческими традиціями объясняется, можетъ быть, и молчаніе духовныхъ завѣщаній Іоанна III и его внука о владѣніяхъ Ростовскихъ князей, молчаніе, свидѣтельствующее, что ихъ положеніе уже не возбуждало никакихъ недоразумѣній. Вел. кн. Иванъ Васильевичъ лаконически упоминаетъ, что даетъ своему сыну Василію «городъ Ростовъ съ волостьми и съ путми и съ селы и со всѣми пошлинами и съ солью». И въ завѣщаніи Грознаго о Ростовѣ также коротко сказано, что

[1]) Экземплярскій, Велик. и удѣльн. князья сѣверн. Руси, II, 61. Въ межевой книгѣ Троицкихъ вотчинъ 7064—7065 гг. встрѣчаемъ въ Ростовскомъ уѣздѣ царя и вел. князя Пужбальскую волость. Арх. Мин. Юст., кн. 20, л. 324 и слѣд.

онъ отказанъ царицѣ Аннѣ со всѣми волостями, путями, селами и всѣми пошлинами.

Крайне скудныя извѣстія о владѣніяхъ Ростовскихъ князей въ предѣлахъ ихъ бывшаго княжества позволяютъ только установить фактъ существованія ихъ родовыхъ вотчинъ съ конца XV-го по XVII-й вѣкъ, но не даютъ представленія объ ихъ многочисленности или величинѣ и скорѣе намекаютъ на процессъ ихъ разрушенія, чѣмъ объясняютъ его. Отъ конца XV-го и первой половины XVI-го вѣковъ сохранились извѣстія о продажѣ и раздачѣ въ монастыри Ростовскими князьями ихъ вотчинъ. Такъ Андр. Мих. Плещеевъ въ духовномъ завѣщаніи 1490—91 г. даетъ своему сыну въ Ростовскомъ уѣздѣ село Пріимково, что по государеву жалованію онъ купилъ у кн. Дмитрія Пріимкова съ деревнями и пустошами [1]). Въ 1520—21 г. князья Пріимковы-Ростовскіе, Алекс. Данил., Алексѣй Васил., Вас. и Ѳедоръ Борисовичи, дали Георгіевскому монастырю въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ своей старинной вотчинѣ на р. Устьи, на пустоши мельничное мѣсто, а къ нему вотчинной земли 4 десятины. Здѣсь же упоминается мельница, принадлежавшая женѣ кн. Ив. Ѳед. Гвоздева-Ростовскаго и ея сыну Вас. Ивановичу [2]). Въ 1527—28 г. кн. Юрій Иван. Темкинъ-Ростовскій промѣнялъ Андрею Пильемову свою вотчину въ Ростовскомъ у., Сотенскомъ стану, деревню Чураково съ угодьями, а вымѣнялъ пустошь съ пожнями и 10 руб. денегъ [3]). Въ срединѣ XVI в. существованіе родовыхъ вотчинъ Ростовскихъ князей подтверждается извѣстными указами 1562 и 1573 гг. Отъ первой четверти XVII в. сохранилось очень любопытное судное дѣло о выкупѣ нѣкоторыми Ростовскими князьями ихъ родовыхъ вотчинъ. Въ 1619—20 г. били челомъ царю князья Алексѣй Даниловичъ, Алексѣй Васильевичъ, Иванъ Никитичъ съ сыномъ Иваномъ и племянники ихъ князья Василій и Ѳедоръ Борисовичи, Иванъ, Василій, Семенъ Богдановичи Пріимковы-Ростовскіе о старинной родовой вотчинѣ въ Ростовскомъ уѣздѣ, сельцѣ Гвоздевѣ съ деревнями и пустошами, и о вотчинѣ дяди своего кн. Михаила и брата кн. Василія Гвоздевыхъ, о сельцѣ Гвоздевѣ и деревнѣ Семибратовѣ съ другими деревнями въ Ростовскомъ уѣздѣ, которыми владѣетъ ихъ невѣстка Авдотья, жена кн. Петра Бахтеярова, о выкупѣ этой вотчины за 500 р. [4]). По бояр. книгѣ 1638—1639 гг.

[1]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, стр. 269—272.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Ростов. у., № 10587; Сборн. Рум. М. № 53, л. 112.

[3]) Сборн. Тр. Серг. Лавры, № 532, л. 722.

[4]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, стр. 280 и слѣд.

кн. Ив. Ив. Пріимковъ-Ростовскій владѣлъ въ это время вотчиной въ Ростовскомъ уѣздѣ [1]). И около первой четверти XVII в. князья Ростовскіе сидятъ еще и въ старыхъ родовыхъ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ. Въ писцовой книгѣ Ростовскаго уѣзда 1629—1631 гг. находимъ старинныя родовыя вотчины князей Александра Данил. и Василія Борис. Пріимковыхъ, старое помѣстье кн. Александра Даниловича Пріимкова и жалованную за осадное сидѣнье вотчину кн. Аѳан. Васильевича Лобанова [2]). Изъ докладной выписки о вотчинахъ и помѣстьяхъ 1613 г. видно, что кн. Петръ Владим. Бахтеяровъ-Ростовскій получилъ при царѣ Михаилѣ старую дѣда и прадѣда вотчину, «что было во дворцѣ» въ Ростовѣ, въ селахъ Пріимковѣ и Никольскомъ [3]). Такимъ образомъ традиція родового землевладѣнія князей Ростовскихъ не прерывалась въ теченіи XVI вѣка и сохранилась въ XVII-мъ. Но по нѣкоторымъ признакамъ можно предполагать, что въ XVII в. князья Ростовскіе были небогатыми родовыми вотчинниками. Въ своемъ челобитьи 7128 г. они просятъ раздѣлить выкупаемую вотчину только на четыре жеребья, чтобы она не измельчала и не запустѣла по малымъ жеребьямъ, что случилось, вѣроятно, съ другими ихъ вотчинами. Одинъ изъ князей Пріимковыхъ, отказываясь отъ участія въ выкупѣ по бѣдности, какъ на источникъ богатства своей братіи указываетъ не на ихъ земельныя владѣнія, а на то, что они «были во многихъ городахъ по воеводствамъ и по приказамъ». Косвеннымъ указаніемъ на оскудѣніе родовыхъ земельныхъ богатствъ князей Ростовскихъ могутъ служить и свидѣтельства объ ихъ далекихъ заволоцкихъ владѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ задолго до паденія политической самостоятельности Ростова [4]). Вотчины четырехъ Ростовскихъ князей, время жизни

[1]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, кн. № 8, листы ненумерованы.

[2]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 10572, лл. 66 об. и слѣд., 115 об., 143, 155. Одна изъ старинныхъ вотчинъ князей Пріимковыхъ была куплена кн. Юріемъ Андреевичемъ Сицкимъ, л. 148.

[3]) Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1895 г., I, стр. 7.

[4]) Въ выпискахъ изъ судныхъ дѣлъ о двинскихъ земляхъ означены въ Заволочьѣ вотчины четырехъ князей Ростовскихъ, Ивана Владиміровича, Ѳедора Андреевича, Ивана Александровича, Константина Владиміровича. Кн. Ивану Владиміровичу принадлежали «Емьская гора да Ледь рѣка съ верховіа до устіа по обѣ стороны; а отъ устія отъ Ледскаго по Вазѣ внизъ Шоговаръ, боярьской наволокъ до усть Сюмы, а по другой сторонѣ Ваги отъ устіа отъ Ледскаго, Кошкара, Молонда, Керчала съ наволокомъ; а отъ Сюмы по Вазѣ, внизъ по обѣ стороны Ваги до устіа, Сметанинъ наволокъ, Ондроніевъ наволокъ, Бѣлой песокъ, Тавнозеро да Сюмачь до Сенго со всѣми угодьи»;... «рѣка Колуй отъ устіа и до верховіа по обѣ стороны, да волокъ отъ

которыхъ можно ограничить первой четвертью XV в., были разбросаны на громадномъ пространствѣ бассейна р. Ваги и ея притоковъ Кокшенги, Кулы, Пежмы, Вели, Леди, Сюмы и нижняго теченія самой сѣв. Двины и ея лѣвыхъ притоковъ Мехренги, Емцы, Ваймуги. Съ запада, въ верховьяхъ притока Сухоны, р. Двиницы, Ваги, Пежмы и Вели, ростовскія вотчины подходили къ «ярославскому рубежу», т. е. къ владѣніямъ Ярославскихъ князей. Обстоятельства такой далекой и дѣятельной колонизаціи Ростовскихъ князей и отношенія послѣднихъ къ Новгороду остаются неизвѣстными. Проф. Ключевскій видитъ въ этомъ фактѣ одинъ изъ показателей тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлала съ конца XIV в. колонизація съ Низа на сѣверъ, въ Новгородское Заволочье: «колонизація, шедшая на сѣверъ изъ Ростовской и Ярославской земли, была причиной того, что владѣнія Ростовскихъ и Ярославскихъ князей такъ глубоко врѣзались клиномъ въ Новгородское Заволочье» [1]). Возможно, что этому стремленію Ростовскихъ князей изъ родовыхъ владѣній на далекій сѣверъ много содѣйствовалъ тяжелый политическій гнетъ Москвы, которому Ростовское княжество стало подвергаться еще при Іоаннѣ Калитѣ [2]). Неизвѣстно, какъ устраивали Ростовскіе князья свои отношенія къ Новгороду и почему они потеряли эти владѣнія. Во второй половинѣ XV в. ихъ обширныя вотчины были уже во власти Новгорода и въ спорѣ между владѣльцами-новгородцами. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія онѣ еще объединяются подъ общимъ именемъ «Ростовщины»: великій князь Иванъ Васильевичъ отказываетъ Ростовщину въ Заволочьѣ старшему сыну Василію.

Крайнимъ сѣвернымъ гнѣздомъ родовыхъ княжескихъ вотчинъ было Бѣлозерское княжество, отдѣлившееся отъ Ростова при правнукѣ Всеволода III, Глѣбѣ Васильевичѣ. Дробиться на мелкіе

Кокшенги». Кн. Ѳедору Андреевичу:.. «Заостровіе, Соколово да селцо по Козлову врагу да на Безатскую сосну да Кодима да Пучюга да Иксозеро да Плесо да Юмышъ отъ устіа и до верховіа по обѣ стороны». Кн. Ивану Александровичу:... «Веля да Пежма рѣки по обѣ стороны отъ устій и до верховей и до Ярославскаго рубежа, по рѣкѣ по Терменгѣ вверхъ и по Двиницѣ вверхъ, Жары, Линки, Шолаты»;... «Каменная гора по рѣкѣ по Вокшенгѣ, по обѣ стороны Вокшенги до устіа, Пукима, Савкино, Ракулка, Пустынка». Кн. Константину Владиміровичу:.. «Шастозеро, Моржова гора, Коскошино до устья до Емецкаго, городокъ Емецкой, Ваймуга рѣчка отъ устіа до верховіа по обѣ стороны, по Емцѣ вверхъ сельцо, Мехренга рѣка отъ устіа до верховіа по обѣ стороны, и за рѣкою за Двиною Ховры горы, Задвиніе, Пингишъ, Челмахта, рѣчка Сѣя». А. А. Э., I, № 94, II.

[1]) Боярск. Дума, стр. 515.

[2]) См. повѣсть о преподобн. Сергіи, Никон. лѣт., IV, стр. 204.

удѣлы и княжескія вотчины Бѣлозерская область начала уже послѣ присоединенія къ Москвѣ, въ концѣ XIV в. Въ противоположность Ростовскимъ князьямъ Бѣлозерскіе принимали фамильныя названія не отъ личныхъ прозвищъ своихъ родоначальниковъ, а отъ названій своихъ родовыхъ владѣній. Эти владѣнія расположились кольцомъ кругомъ Бѣлаозера, удаляясь отъ него на югъ въ бассейнѣ Шексны, гдѣ онѣ встрѣчались съ вотчинами Ярославскихъ князей. Въ XVI в. нѣкоторыя отрасли Бѣлозерскихъ князей сидѣли цѣлыми гнѣздами въ своихъ родовыхъ вотчинахъ. Таковы были князья Кемскіе, Ухтомскіе, Шелешпанскіе, Сугорскіе. Въ Актахъ Юридическихъ напечатанъ рядъ документовъ, рисующихъ взаимныя поземельныя отношенія князей Кемскихъ въ теченіе первой половины XVI в., грамоты купчія, мѣновныя, раздѣльныя [1]). Приведемъ еще нѣсколько извѣстій о вотчинахъ князей Кемскихъ изъ документовъ, остающихся еще, кажется, ненапечатанными. Въ сотной выписи изъ бѣлозерскихъ книгъ Ѳ. Ѳ. Хидырщикова съ товарищи 7052 г. находимъ описаніе вотчинъ князей Андрея и Семена Ивановичей Нащокиныхъ; за первымъ числилось сельцо Покровское; къ нему тянуло 26 деревень живущихъ, 2 пустыя, 2 починка, пашни всего $^2/_3$ сохи и полполполтрети сохи. Вотчины кн. Семена Ивановича, прежде бывшія за кн. Даніиломъ Юрьевичемъ, расположены были на р. Кеми, въ Порѣчьѣ, у Кѣгъ-озера и Максъ-озера, и въ Понизовьѣ на Снѣтной горѣ. Всего за нимъ было 33 деревни живущихъ, 1 пустая, 11 починковъ, пашни столько же, сколько и за кн. Андреемъ. Князю же Семену принадлежало въ Порѣчьѣ с. Титляково съ полполчетью сохи пашни [2]). Братья Нащокины также вступаютъ другъ съ другомъ въ поземельныя сдѣлки, мѣняютъ и покупаютъ вотчины. Такъ кн. Семенъ промѣнялъ было брату кн. Андрею съ сыномъ свою вотчину, отца благословеніе, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ на Кеми село Покровское съ 7 деревнями, а въ 1541—42 г. выкупилъ ее обратно за 400 руб. и бураго коня въ пополнку. Послухами этой сдѣлки являются близкіе родственники, князья Александръ и Михаилъ Ивановичи, Матвѣй и Андрей Григорьевичи Кемскіе, кн. Петръ Семеновичъ Фуниковъ, которые, конечно, также владѣли родовыми вотчинами въ Бѣлозерской области.

Разложеніе вотчинъ Кемскихъ князей и утрата ихъ шли обычными путями продажи, вкладовъ въ монастыри, наслѣдственныхъ

[1]) А. Ю., №№ 13, 105, 140, 259, 263, 264.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Бѣлоз. у. № 790.

раздѣловъ. Кн. Семенъ Ивановичъ Кемскій въ духовномъ завѣщаніи, написанномъ въ 1550—51 г. передъ отправленіемъ въ Казанскій походъ, отказываетъ Кириллову монастырю на поминокъ по себѣ и по родителямъ с. Покровское съ 20 деревнями по р. Гумьѣ и 11 деревень по р. Кеми, полученныя имъ по духовной отца и купленныя у брата Андрея. Тому же монастырю онъ даетъ по всемъ своемъ родѣ с. Титляково съ 41 деревней, починками, пустошами и пожнями; эта вотчина также пріобрѣтена имъ по духовной отца и по мѣновной брата. Всѣ свои «статки», всякій хлѣбъ, лошадей, коровъ и всякій домашній скарбъ отказалъ также монастырю [1]). Князь Семенъ вернулся изъ Казанскаго похода благополучно и потому чрезъ нѣсколько лѣтъ распорядился своими вотчинами болѣе выгодно, продавъ въ 1556—57 г. Кириллову монастырю въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ Заозерскомъ стану, въ Кеми свою вотчину село Покровское съ деревнями, починками и пустошами, расположенными въ Порѣчьѣ на Снѣтной горѣ, у Кѣгъ-озера, на Андомѣ, у Максъ-озера и Бабута-озера; за все это монастырь уплатилъ 300 рублей денегъ и бураго вола въ пополнку [2]). Въ духовной и купчей кн. Семена Кемскаго кромѣ его ближайшихъ родственниковъ участвуютъ представители другихъ родственныхъ княжескихъ фамилій, князья Вадбольскіе, Андомскіе, Ухтомскіе [3]).

Въ качествѣ служебныхъ князей Московскаго государя князья Кемскіе никогда не играли видной, тѣмъ болѣе политической роли. Іоаннъ III и Іоаннъ Грозный въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ ничего не говорятъ о князьяхъ Бѣлозерскихъ и ихъ владѣніяхъ. Остается неизвѣстнымъ, чѣмъ была вызвана конфискація вотчинъ кн. Александра Кемскаго. Изъ царской грамоты подъячему Якушу Мартьянову отъ 11 іюня 1564 г. узнаемъ, что ему по государеву наказу велѣно было на Бѣлѣ-озерѣ и на Кеми отписать на царя вотчину кн. Александра Кемскаго, села Успенское и Вознесенское съ деревнями, а про иныя села произвести сыскъ. По сыску оказалось, что село Никольское съ деревнями куплено съ доклада царю у кн. Александра игуменомъ Кириллова монастыря; подъячему предписано это село съ деревнями оставить во владѣніи монастыря [4]).

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Бѣлозер. у. № 800.

[2]) Ibidem, № 806.

[3]) См. еще данную кн. Кемскихъ Ѳерапонтову монастырю 1568 г., А. Ю. № 116.

[4]) Арх. Мин. Юст., грам. Пошехон. у. № 9694.

Другимъ старымъ и значительнымъ гнѣздомъ Бѣлозерскихъ князей была Ухтомская волость въ Пошехоньѣ, помѣщавшаяся въ XVI в. въ предѣлахъ Романовскаго уѣзда. Тамъ владѣли родовыми вотчинами многочисленные князья Ухтомскіе. Сохранившіеся акты о финансовыхъ и поземельныхъ отношеніяхъ этихъ князей и Кириллова монастыря представляютъ типичные примѣры того, какими способами и въ какихъ значительныхъ размѣрахъ монастырь разрушалъ и поглощалъ родовыя владѣнія сосѣдей князей, своихъ покровителей и благодѣтелей. Въ серединѣ XVI в. на Ухтомѣ сидѣлъ еще цѣлый рядъ семействъ Ухтомскихъ [1]). Родовыя вотчины этихъ князей, равно какъ и другихъ отраслей бѣлозерскаго княжескаго рода, въ значительномъ количествѣ перешли въ XVI в. въ собственность Кириллова монастыря, который былъ для Бѣлозерскихъ князей не только молитвенникомъ и посредникомъ въ дѣлѣ душевнаго спасенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и банкиромъ: въ монастырѣ князья хранятъ свои денежные капиталы, изъ монастыря берутъ въ займы крупныя суммы подъ залогъ вотчинъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ поглощенія Кирилловымъ монастыремъ ухтомскихъ княжескихъ вотчинъ. Въ 1556—57 г. кн. Дан. Дан. Ухтомскій съ тремя сыновьями продалъ монастырю село Карповское съ 17 деревнями и починками за 350 руб. и волъ пополнка [2]). Кромѣ купчей на проданную вотчину князь далъ монастырю еще обязательство указать монастырскимъ властямъ точныя межи этой вотчины, чтобы Кириллову манастырю съ прочими вотчичами, князьями и монастырями, спору не было. Изъ этой отводной записи видно, что проданная княземъ Даніиломъ Ухтомскимъ вотчина находилась въ межахъ съ владѣніями Корниліева монастырыя, кн. Петра Александровича Ухтомскаго (с. Никитинскимъ съ деревнями), кн. Василія Пронскаго-Рыбина (с. Ескинымъ съ деревнями), кн. Ив. Угримова (с. Новинки), кн. Захар. Ив. Лыскова-Сугорскаго [3]). Въ 1560—61 г. кн. Даніилъ продалъ монастырю еще 4 деревни за 100 р. и волъ пополнка [4]). Проданными монастырю вотчинами, разумѣется, не исчерпывались всѣ владѣнія кн. Дан. Дан. Ухтомскаго; по разъѣзжей грамотѣ 20 сент. 1558 г. спорнымъ землямъ Корниліева монастыря этому князю принадлежало на Ухтомѣ еще село

[1]) О поземельныхъ отношеніяхъ между этими фамиліями см. А. Ю. №№ 79, 240, 242, 244.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Пошехон. у. № 9685.

[3]) Арх. Мин. Юст., грам. Пошехон. у. № 9686.

[4]) Ibidem, № 9692.

Борисоглѣбское[1]). Въ 1558—59 г. монастырь купилъ большую вотчину кн. Петра Александровича Ухтомскаго, с. Никитино съ деревнями[2]). Въ 1563—64 г. тотъ же князь П. А. Ухтомскій занялъ у властей Кириллова монастыря 290 рублей монастырскаго серебра на годъ отъ сборнаго воскресенія, а заложилъ въ тѣхъ деньгахъ на Ухтомѣ с. Семеновское съ 13 деревнями и всѣми угодьями. За ростъ предоставляется монастырскимъ властямъ то село и деревни пахать, крестьянами владѣть и всякіе оброки и доходы хлѣбные и денежные съ нихъ брать. Князь обязуется въ той вотчинѣ отъ сборнаго воскресенья не знать и не вѣдать ничего, пашни вешней не пахать, оброковъ и доходовъ съ крестьянъ не брать; опорожнить вотчину и вывезтись изъ нея онъ долженъ на Николинъ день вешній того же 7072 г., а келарь посылаетъ въ тотъ же день въ село и деревни своего прикащика[3]). Въ 1565—66 г. по царской жалованной грамотѣ монастырь купилъ у кн. Петра Александровича с. Семеновское съ деревнями, 2 починками, 1 пустошью и всѣми угодьями за 500 руб.[4]). Не совсѣмъ ясной представляется судьба вотчины кн. Григ. Иван. Ухтомскаго и его дѣтей, села Ескина съ деревнями. Эта вотчина была заложена кн. Григоріемъ Ивановичемъ кн. Василію Ѳеодоровичу Пронскому-Рыбину по двумъ кабаламъ въ 300 руб., за которымъ она и числится въ одномъ актѣ 1556—57 г. Въ 1558—59 г. кн. Пронскій въ свою очередь заложилъ ее Кириллову монастырю также за 300 руб.; но въ томъ же самомъ году эта вотчина оказывается принадлежащей снова своему прежнему владѣльцу кн. Григорію Ухтомскому, который уже продаетъ ее вмѣстѣ съ половиной Кузмодемьянской земли, чѣмъ онъ владѣлъ «вопче» съ братомъ Ива-

[1]) Ibidem, № 9687.

[2]) По выписи, данной княземъ монастырю, къ сельцу тянуло 21 деревня съ 41 вытью безъ четверти; сѣялось въ сельцѣ и деревняхъ сѣмянъ ржаныхъ 402 четверти въ полѣ, а сѣна ставится 2340 копенъ. Оброку денежнаго князю шло въ годъ по 10 руб. 30 алт. безъ гривны, по 80 четвертей ржи, по 120 четвертей овса; приказнымъ людямъ съ тѣхъ деревень шло указнаго доходу въ годъ по 3 руб. 2 гривны, да по 20 четв. ржи, по 40 четв. овса. Князь обязуется тѣ деревни, которыя поименованы въ купчей, очистить къ сроку на Успеньевъ день 7067 г.; землю, займища, пустоши, луга, лѣсъ, болота и всякія угодья отвести вправду, безъ хитрости, и межи очистить; если же онъ того сельца и деревень къ сроку не отдастъ, межъ не отведетъ и обводной грамоты не дастъ, то игумену взять обратно свои деньги, 600 руб. Если же къ тому сельцу не окажется столько деревень, пашни, вытей, сѣна и всякихъ угодій, какъ писано въ купчей, то за недостающее князь долженъ доплатить по разсчету. Ibidem, №№ 9690, 9691.

[3]) Ibidem, №№ 9695, 9697.

[4]) Ibidem, №№ 9698, 9699, 9704.

номъ, Кириллову же монастырю за 300 руб., а кн. Василій Пронскій является въ купчей въ качествѣ послуха [1]). Наконецъ, вотчины Ухтомскихъ князей переходили къ монастырю и наиболѣе обычнымъ путемъ вкладовъ на поминовеніе. Такъ въ 1575—76 г. кн. Иванъ Юрьевичъ Ухтомскій далъ монастырю въ своей вотчинѣ часть берега р. Ухтомы [2]).

Всѣ приведенные случаи пріобрѣтенія Кириллобѣлозерскимъ монастыремъ родовыхъ вотчинъ Ухтомскихъ князей ясно показываютъ характеръ и быстроту одного изъ тѣхъ процессовъ, которые разрушали княжеское землевладѣніе сѣверо-восточной Руси. Параллельно религіознымъ и нравственнымъ побужденіямъ отдачи земель въ монастырь для молитвъ за здравіе и на поминъ души, успѣшно дѣйствовали и побужденія противоположнаго рода. Только разстройствомъ экономическаго положенія и необходимостью реализовать на деньги земельные капиталы можно объяснить тѣ крупныя продажи и заклады, примѣры которыхъ представляютъ изученные документы Ухтомскихъ князей. И любопытно, что большинство этихъ документовъ, купчихъ, закладныхъ, вкладныхъ, помѣчено тѣми годами, когда уже дѣйствовало законодательство, направленное къ ограниченію непомѣрнаго роста монастырскаго землевладѣнія насчетъ родовыхъ княжескихъ вотчинъ. Бѣлоозеро же, тѣмъ болѣе, принадлежало къ числу тѣхъ мѣстностей, гдѣ уже изстари, со временъ Іоанна III и его сына, началось стѣсненіе мобилизаціи вотчиннаго землевладѣнія.

Въ Пошехоньѣ же на Ухтомѣ сосѣдями кн. Ухтомскихъ находимъ во второй половинѣ XVI в. князей Шелешпальскихъ (Шелешпанскихъ) и Сугорскихъ [3]). Напримѣръ, владѣнія кн. Захарія Ивановича Лыскова-Сугорскаго находились въ межахъ съ вотчинами нѣкоторыхъ Ухтомскихъ князей и Корниліева монастыря [4]). Въ 1566—67 г. жена кн. Ив. Ив. Сугорскаго, Ульяна Петровна, урожденная Засѣкина, купила себѣ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ Пошехоньѣ у жены кн. Θедора Владиміровича Сугорскаго, княгини Аграфены и ея дѣтей, Семена, Ивана и Василія, ихъ вотчину, сельцо Яковлевское съ деревнями [5]). Князья Ухтомскіе, Сугорскіе,

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Пошехонск. у. №№ 9686, 9688, 9689; А. Ю. № 241.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Пошехон. у. № 9702.

[3]) А. Ю., №№ 106, 146, 147; Чт. Общ. Ист. и Дрвн. Рос., 1883, II, Смѣсь, стр. 13—14.

[4]) Арх. Мин. Юст., грам. Пошехон. у. № 9686.

[5]) Ibidem, № 9700.

Шелешпанскіе постоянно являются кромѣ того другъ у друга свидѣтелями въ разныхъ поземельныхъ сдѣлкахъ.

Слѣды родовыхъ владѣній князей Вадбольскихъ встрѣчаемъ еще въ первой четверти XVII в. По писцовой книгѣ Бѣлозерскаго уѣзда 1626—1627 гг. въ Судскомъ стану, Вадбольской волости, за княземъ Мих. Матв. Вадбольскимъ числилась старая его вотчина, сельцо Прокино съ 5 деревнями, 2 пустошами, 130 четями съ осминой земли. За кн. Борис. Иван. Вадбольскимъ въ вотчинѣ было сельцо Пожаръ, $1\frac{1}{2}$ деревни живущихъ, 1 пустошь, земли всего 55 четей съ полуосминой [1]). Въ первой же четверти XVII в. въ предѣлахъ стараго Бѣлозерскаго княжества встрѣчаются владѣнія и нѣкоторыхъ другихъ представителей бѣлозерскаго княжескаго рода; остается только неизвѣстнымъ, имѣютъ ли какую нибудь связь эти владѣнія съ старинными родовыми вотчинами. Такъ село Шилохвостово съ деревнями въ Вадбольской черной волости было въ помѣстьѣ по переписи 1626—1627 гг. за кн. Андреемъ Иванов. Шаховскимъ, а раньше принадлежало кн. Семену Ивановичу Андомскому [2]). За кн. Семеномъ Ивановичемъ Шелешпанскимъ въ 1625—1626 гг. было въ помѣстьѣ въ Бѣлозерскомъ у., Андожской волости, 7 пустошей и въ Судскомъ стану 3 жеребья деревни [3]). Такъ еще въ писцовой книгѣ Пошехонскаго уѣзда 1636 г. находимъ описанія вотчинъ кн. Даніила Ухтомскаго и кн. Василія Шелешпанскаго, а также помѣстій 4-хъ князей Ухтомскихъ и кн. Бориса Вадбольскаго [4]).

Какъ въ судьбѣ бѣлозерскихъ княжескихъ вотчинъ особенно рельефно обрисовывается роль монастыря, систематически поглощавшаго ихъ, такъ процессъ разрушенія родовыхъ вотчинъ многочисленныхъ Ярославскихъ и Стародубскихъ князей позволяетъ дать надлежащую оцѣнку участію въ этомъ процессѣ объединительной политики московскихъ государей и ихъ личныхъ счетовъ съ потомствомъ удѣльныхъ князей. Вотчины ярославскаго княжескаго рода перемѣшивались съ вотчинами Бѣлозерскихъ князей въ бассейнахъ Шексны, Мологи и Кубенскаго озера. Эти рѣки и озеро съ ихъ притоками были центральной областью, въ которой

[1]) Арх. Мин. Юст., писцов. книга Бѣлозерск. уѣзда 592, лл. 717—720, 721 — 722.

[2]) Ibidem, лл. 472 об.—475 об.

[3]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 591, лл. 222 об.—224; Д. А. И., II, 14.

[4]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 12576, лл. 402 об., 404, 405 и об., 408 об., 409 об., 410, 442 об., 565 об., 574, 480. Собственно эти данныя должны относиться къ переписи 137—139 гг. Юрія Редрикова и подъячаго Петра Наумова. Въ книгу 1636 г. внесены поправки къ этой болѣе ранней переписи. Поправки начинаются съ л. 371.

сгруппировались владѣнія Ярославскихъ князей, обломки ихъ бывшихъ удѣловъ. Списокъ двинскихъ земель помѣщаетъ «ярославскій рубежъ» въ верховьяхъ р. Ваги и ея лѣвыхъ верхнихъ притоковъ [1]). Подобно другимъ большимъ княжествамъ, и ярославское во время самостоятельнаго существованія не долго сохраняло свою цѣльность. Нѣкоторыя его части составили самостоятельные удѣлы, въ которыхъ, по притокамъ Мологи, Шексны и Кубенскаго озера, осѣлись отдѣльныя вѣтви Ярославскаго рода, получившія фамильныя имена отъ названій своихъ удѣловъ. Прочія же фамиліи, не владѣвшія самостоятельно удѣлами, сохраняли общее родовое названіе Ярославскихъ, а въ отдѣльности назвались, подобно Ростовскимъ князьямъ, по личнымъ прозвищамъ своихъ родоначальниковъ.

Отдѣльные куски Ярославскаго княжества стали отрываться отъ своего цѣлаго и присоединяться къ Москвѣ еще до паденія самого Ярославля. Источники, повѣствующіе объ этихъ присоединеніяхъ, ничего по обыкновенію не говорятъ о положеніи князей, владѣльцевъ присоединенныхъ областей. Но мы знаемъ, что политическое присоединеніе какого-нибудь княжества не нарушало частныхъ вотчинныхъ правъ князей. Первыми ярославскими волостями, присоединенными къ Москвѣ, были Заозерье и Кубена, составлявшія самостоятельное удѣльное княжество. Ядромъ его было собственно Заозерье, образовавшее особый удѣлъ въ XIV или началѣ XV в. при кн. Дмитріѣ Васильевичѣ, которому наслѣдовалъ его сынъ Андрей, умершій бездѣтнымъ и извѣстный впослѣдствіи, какъ преп. Іоасафъ Каменскій чудотворецъ [2]). Кубена же досталась второму сыну Дм. Васил., Семену, взявшему ее въ приданое за своей женой, дочерью кн. Ивана Дѣя, потомка кн. Романа Васильевича. Отъ Семена Дмитріевича Кубена перешла уже къ вел. кн. Московскому. Соединялись ли Заозерье и Кубена въ однѣхъ рукахъ до своего присоединенія къ Москвѣ, неизвѣстно. По договору 1447 г. вел. князя Василія Васильевича съ Михаиломъ Андреевичемъ Верейскимъ оказывается, что Заозерье и Кубена до этого договора уже не разъ были предметомъ дѣлежа между Московскимъ государемъ и Верейскимъ княземъ. Михаилу Андреевичу была пожалована «въ вотчину и въ удѣлъ половина Заозерья съ селами и со всѣмъ тѣмъ, какъ было за прежними вотчичами князьями», и по-

[1]) «А Веля да Пежма рѣки по обѣ стороны отъ устей и до верховей и до ярославскаго рубежа»... «А отъ усть Кулуя вверхъ по Вазѣ до ярославскаго рубежа по рѣкѣ по Терменгѣ вверхъ и по Двиницѣ вверхъ». А. А. Э., I, 73.

[2]) Экземплярскій, Op. cit., II, стр. 113 и слѣд.

ловина Кубены. Затѣмъ къ этой половинѣ Заозерья вел. кн. Василій прибавилъ Михаилу Андреевичу изъ своей половины Заозерья еще 100 деревень. По договору 1447 г. Мих. Андр. взамѣнъ его половины Кубены должна была отойти «по пригожу» еще часть Заозерья, что была за вел. княземъ, именно та сторона его, которая примыкала къ бѣлозерскимъ владѣніямъ Мих. Андреевича [1]). Замѣчательно, что половина Заозерско-Кубенской области, находясь во владѣніи Михаила Андреевича, не утрачивала окончательной связи съ своимъ бывшимъ вел. княжествомъ, Ярославлемъ, сохраняя одну изъ чертъ удѣльнаго подчиненія ему; татарскій выходъ шелъ въ Ярославль, а не въ Москву: «а коли, господине князь великій, пишетъ Михаилъ Андреевичъ въ своемъ договорѣ, придетъ посолъ татарской въ Ярославль; и мнѣ, господине, съ тое вотчины, съ Заозерья, давати Ярославскимъ княземъ въ выходъ и во всѣ пошлины ординьские протори по старинѣ, какъ давали Заозерьскіе князи Ярославскимъ княземъ» [2]). «Половина Заозерья Кубенскихъ князей» была пожалована вел. княземъ также Ивану Андреевичу Можайскому по договору, заключенному черезъ два мѣсяца послѣ договора съ Михаиломъ Андреевичемъ. Неизвѣстно въ точности, изъ чьихъ именно владѣній, вел. князя или Михаила Андреевича, была выдѣлена эта часть Заозерья; вѣроятнѣе, что изъ владѣній вел. князя, такъ какъ Иванъ Андреевичъ обязуется давать «царевъ выходъ» съ пожалованной ему половины Заозерья уже не Ярославскимъ князьямъ, а самому вел. князю [3]). По смерти вел. кн. Василія Васильевича Заозерье съ Кубеной окончательно сосредоточиваются въ рукахъ его сыновей. Потомковъ послѣдняго Кубенскаго князя, Семена Дмитріевича, мы уже не встрѣчаемъ въ предѣлахъ ихъ бывшаго княжества.

Слѣдующимъ по времени значительнымъ примысломъ Москвы въ Ярославскомъ княжествѣ были купли вел. княгини Маріи Ярославны, жены вел. князя Василія Васильевича. «А что еѣ купля, читаемъ въ завѣщаніи послѣдняго, городокъ Романовъ княжо Михайлово Дѣева и княжихъ Львовыхъ детей и княже Давыдово Засѣкина, у усть Шокъстны, что себѣ купила у князя Семена и у князя у Василія у Шохонскихъ, ино то еѣ и есть...» [4]). Князья Дѣевы, Львовы и Шехонскіе происходили отъ Романа Василье-

[1]) С. Г. Гр. и Д., I, № 64.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibid., № 66.
[4]) Ibid., I, стр. 204.

вича, родного брата кн. Дмитрія Заозерскаго и основателя г. Романова. Основываясь на томъ, что потомки Романа Васильевича, князья Шехонскіе, владѣли землями по Шекснѣ, г. Экземплярскій высказываетъ вполнѣ вѣроятное предположеніе, что удѣлъ самого Романа простирался вверхъ по Волгѣ отъ Романова и по Шекснѣ [1]). Владѣнія Романа Васильевича не обособились въ самостоятельное удѣльное княжество и разбились между его потомками; но, какъ видно изъ духовной вел. кн. Василія Васильевича, послѣдніе продолжали все таки сохранять между собой нѣкоторую солидарность и даже общность владѣній. Неизвѣстно только, какимъ образомъ въ число совладѣльцевъ городка Романова, потомковъ Романа Васильевича, попалъ кн. Давыдъ Засѣкинъ, происходившій совсѣмъ изъ другой линіи. Такимъ образомъ вел. княгиня Марія Ярославна пріобрѣла не разрозненныя вотчины, а цѣльную область. Родовыхъ вотчинъ князей Львовыхъ и Шехонскихъ послѣ продажи ими ихъ вотчинъ вел. княгинѣ мы уже не встрѣчаемъ въ ярославскихъ предѣлахъ [2]). О вотчинѣ одного изъ князей Дѣевыхъ въ Ярославскомъ уѣздѣ, Вокшерскомъ стану, встрѣчаемъ упоминаніе въ разъѣзжей грамотѣ 1558—59 г. между селами кн. Глинскаго и княгини Олабышевой [3]). Покупка княжескихъ ярославскихъ вотчинъ въ области нижней Шексны соединило въ рукахъ московскихъ государей все теченіе Шексны съ Кубеной и Заозерьемъ, такъ какъ верхней половиной Шексны владѣлъ кн. Ив. Андреевичъ Можайскій, тотъ самый, которому по договору 1448 г. была пожалована половина Заозерья [4]).

Въ 1463 г., по краткому и не совсѣмъ ясному лѣтописному извѣстію, Ярославскіе князья отдали свои вотчины вел. княю Ивану Васильевичу «печалованіемъ изъ старины Олексѣевымъ Полуехтовича, діака великаго князя». Объясненіе этому извѣстію находимъ въ духовномъ завѣщаніи Іоанна III. Послѣдній отказываетъ сыну Василію, кромѣ пріобрѣтенныхъ ранѣе ярославскихъ областей, самый Ярославль съ волостями, путями, селами и всѣми пошлинами, Ухру съ Петровскимъ селомъ и деревнями, Охлябининскую

[1]) Вел. и удѣльные князья, II, стр. 89, 120.

[2]) Неизвѣстно, имѣютъ ли отношеніе къ ихъ родовымъ владѣніямъ вотчины и помѣстья кн. Львовыхъ и Шехонскихъ въ Галичѣ, Костромѣ и Ярославлѣ въ бояр. книгѣ 1638—1639 гг. Арх. Мин. Ин. Д. № 8. Еще Арх. Мин. Юст., писц. кн. Ярослав. у. 544, лл. 413 об., 661, 726: владѣнія князей Львовыхъ.

[3]) Арх. Мин. Юст., грам. Ярослав. у. № 14764.

[4]) С. Г. Гр. и Д., I, 391—392. Догадка, что владѣвшій верхней Шексной князь Иванъ Андреевичъ есть именно Можайскій, принадлежитъ г. Экземплярскому.

слободку съ мытомъ и вотчину кн. Василія Щетинина, Касть, со всѣмъ, а младшему сыну Дмитрію — городъ Мологу съ вотчиною Глѣбовыхъ, съ ѣзами по Волгѣ и по Мологѣ и со всѣмъ тѣмъ, какъ было при немъ; что же касается торга въ Холопьемъ городкѣ, сведеннаго на Мологу, то кн. Дмитрію запрещается прибавлять лишнія пошлины, а Василію и другимъ дѣтямъ вел. князя— сводить тотъ торгъ на свои земли и чинить заповѣди проѣзжающимъ на торгъ [1]). Такимъ образомъ Іоаннъ III сдѣлалъ двоякаго рода пріобрѣтенія: во-первыхъ, онъ пріобрѣлъ верховныя права на все Ярославское княжество и, во-вторыхъ, еще нѣсколько частныхъ вотчинъ Ярославскихъ князей. Переходъ государственныхъ правъ на Ярославль въ руки Московскаго государя не нарушилъ частновладѣльческихъ правъ Ярославскихъ князей и другихъ представителей служилаго класса; «а боярамъ и дѣтемъ боярскимъ, читаемъ далѣе въ завѣщаніи Іоанна III, Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына отъ Василья не отъѣхати никому никуда; а кто отъѣдетъ, и земли сыну моему; а служатъ ему, и онъ у нихъ въ ихъ земли не въступается, ни у ихъ женъ ни у ихъ дѣтей» [2]). А сохраненіе Ярославскими князьями родовыхъ вотчинъ подтверждается указами о княжескихъ вотчинахъ и завѣщаніемъ Грознаго.

Государственныя права на стольный городъ княжества, Ярославль или Ростовъ, вполнѣ отчетливо отдѣлялись отъ частновладѣльческихъ правъ князей Ярославскихъ и Ростовскихъ, и потому присоединеніе къ Москвѣ этихъ городовъ, хотя бы и путемъ частной сдѣлки, ясно опредѣляло дальнѣйшее положеніе князей, низводя ихъ въ ряды простыхъ частныхъ вотчинниковъ, слугъ московскаго государя. Болѣе сложными и запутанными оказывались поземельныя отношенія, возникавшія послѣ присоединенія къ Москвѣ тѣхъ мелкихъ княжескихъ земельныхъ владѣній, которыя сохраняли еще смѣшанный характеръ удѣльнаго княжества и частной вотчины. Нѣкоторые факты пріобрѣтеній Москвою подобныхъ владѣній, не освѣщенные надлежащимъ образомъ, даютъ возможность совершенно невѣрныхъ заключеній о характерѣ и количественныхъ успѣхахъ поземельной политики московскихъ государей. Рядъ примѣровъ тому представляетъ дальнѣйшая землевладѣльческая судьба многочисленныхъ князей ярославскаго рода. Послѣ паденія политической самостоятельности Ярославля въ 1463 г. Іоаннъ III, отказывая

[1]) С. Г. Гр. и Д., I, стр. 396.

[2]) Ibid., 391.

сыну Дмитрію Моложскую область, говоритъ о вотчинѣ Глѣбовыхъ, объ ѣзахъ на Волгѣ и ярмаркѣ на устьѣ Мологи, и ни словомъ не упоминаетъ о старыхъ князьяхъ вотчичахъ. Отсюда слѣдуетъ, повидимому, прямой выводъ, что князья моложской отрасли утратили свои владѣнія. Между тѣмъ другіе источники открываютъ существованіе старыхъ родовыхъ вотчинъ этихъ князей и во второй половинѣ XVI в. Моложскій край выдѣлился въ особый удѣлъ въ первой половинѣ XIV в. при кн. Михаилѣ Давыдовичѣ, потомство котораго назвалось большею частью по именамъ своихъ мелкихъ удѣловъ и только въ трехъ линіяхъ сохранило родовое имя Моложскихъ. Родъ князей собственно Моложскихъ не прекратился, какъ утверждаетъ г. Экземплярскій [1]), со смертью дѣтей кн. Петра Дмитріевича, правнука Михаила Давыдовича. Князья Моложскіе и въ теченіе XVI в. продолжали владѣть вотчинами въ своемъ бывшемъ княжествѣ вмѣстѣ съ другими сородичами, князьями Прозоровскими, Судскими, Сицкими и прочими. Изъ одного акта 7052 г. узнаемъ, что между кн. Василіемъ Андреевичемъ Моложскимъ и кн. Юріемъ Өедоровичемъ Сицкимъ былъ судъ, окончившійся мировой, о земляхъ: селѣ Андреевскомъ, деревнѣ Бѣсовѣ Селищѣ, починкѣ Строевѣ, нивахъ Голочеловскихъ и Дуловскихъ. Въ томъ же актѣ упоминается рубежъ кн. Ивана Борисовича Моложскаго [2]). Вотчины кн. Моложскихъ упоминаются также въ Весьегонскихъ таможенныхъ грамотахъ [3]). Въ срединѣ XVI в. князьямъ Прозоровскимъ, Михаилу Өедоровичу и Александру Ивановичу, принадлежало село Старое Холопье съ деревнями у свв. Бориса и Глѣба на р. Мологѣ, недалеко отъ устья. Въ 1559 г. возгорѣлся споръ между этими князьями и Симоновымъ монастыремъ изъ-за того, что княжескіе прикащики перевели торгъ изъ монастырскаго села Веси Егонской въ вотчину государей своихъ, село Старое Холопье. Споръ продолжался до 1563 г. и окончился въ пользу монастыря. Въ таможенной Весьегонской грамотѣ 1563 г. упоминаются на Мологѣ вотчины слѣдующихъ князей Прозоровскихъ: кн. Ивана Андреевича и его дѣтей Василія, Александра и Никиты, кн. Михаила и Никиты Өедоровичей [4]). Въ сосѣдствѣ съ владѣніями князей Моложскихъ и Прозоровскихъ находились въ срединѣ XVI в. вотчины еще одной отрасли моложскаго рода, князей Судскихъ. Послѣдній

[1]) Op. cit., II, стр. 107.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Ярослав. у. № 14759.

[3]) А. А. Э., I, №№ 263, 269.

[4]) А. А. Э., I, №№ 262 и 263.

Судскій князь, Иванъ Ѳедоровичъ, въ духовномъ завѣщаніи 1545—1546 г. распредѣлилъ свои вотчины по рѣкамъ Мологѣ, Себлѣ и Судкѣ между женой и дочерями; нѣсколько же селъ и деревень отказалъ государю подъ условіемъ помянуть души его и родителей и заплатить долгъ [1]) и монастырямъ, Троице-Сергіеву и Кириллову [2]). Князья Сицкіе, удѣлъ которыхъ по р. Сити образовался, повидимому, въ концѣ XIV-го или началѣ XV-го вѣка, продолжали владѣть своими родовыми вотчинами и въ XVII-мъ в. Такъ по писцовой выписи 7128 г. письма и дозора Юр. Редрикова и подъячаго Мих. Невѣрова за бояриномъ княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ Сицкимъ въ Ярославскомъ уѣздѣ числилась старая отца и дѣда его вотчина: села Лацкое, Покровское, Воскресенское на рр. Чернавѣ и Корбахѣ съ деревнями. За нимъ же была вотчина дяди его, кн. Ив. Вас. Шуйскаго, жребій с. Покровскаго на р. Сити съ деревнями [3]). Наконецъ, имѣемъ еще нѣсколько свѣдѣній о вотчинахъ второстепенныхъ представителей моложской отрасли ярославскаго княжескаго рода. Внукъ родоначальника этой отрасли, Михаила Давыдовича, кн. Андрей Львовичъ, по прозванію Дуло, «вотчины отсталъ», потерялъ вотчину еще до присоединенія Мологи къ Москвѣ по той причинѣ, что поступилъ на службу къ вел. князю Тверскому Борису Александровичу [4]). Изъ князей Ушатыхъ Иванъ Ѳедоровичъ имѣлъ вотчину въ Ярославскомъ уѣздѣ, смежно съ владѣніями Юхотскихъ князей, въ началѣ XVI в., а въ половинѣ вѣка тамъ же, повидимому, былъ землевладѣльцемъ кн. Семенъ Юрьевичъ [5]). Въ 1544—45 г. князь Иванъ Васильевичъ Ушатый-Третьякъ отдалъ Троице-Сергіеву монастырю за 400 руб. въ волости Черемхѣ Ярославскаго уѣзда село Коприно на Волгѣ съ 46 деревнями, 11 починками, 3 займищами и 9 пустошами [6]). Въ эпоху Смуты, при боярахъ, кн. Юр. Петровичу Ушатому была возвращена изъ дворца Ярославская отца и дѣда вотчина [7]). Итакъ,

[1]) ...«и въ тѣх селех и деревнях пожалует государь княз велики велитъ села и деревни взяти на себя. И государь пожаловал, велѣл родителей моих и мою душу помянуть и долгъ заплатити».

[2]) Акты Н. П. Лихачева, в. I, № V.

[3]) Всего за княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ было въ вотчинѣ 4 села, 33 деревни, 114 пустошей; въ нихъ 2 двора вотчинниковыхъ, 11 людскихъ, 54 крестьянскихъ, 52 бобыльскихъ, 8 пустыхъ, земли всего 2086 четей въ полѣ. Арх. Мин. Юст., грам. Ярослав. у. № 14795.

[4]) Экземплярскій, II, стр. 107.

[5]) Акты Н. П. Лихачева, в. II, стр. 203, 204, 205.

[6]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, стр. 1. Сборн. Тр.-Серг. Лавры, № 532, л. 760; Арх. Мин. Юст., Дозорн. Троицк. вотчинъ 7124 г., л. 80—96 об.

[7]) Докладн. вып. 1613 г., Чтенія, 1895 г., I, стр. 15.

фактъ сохраненія многими князьями моложской отрасли ихъ родовыхъ вотчинъ въ XVI в. показываетъ, что присоединеніе Мологи, какъ и самого Ярославля, имѣло политическій характеръ, было по своему существу пріобрѣтеніемъ государственныхъ правъ на одинъ изъ крупнѣйшихъ удѣловъ Ярославскаго княжества. Но этотъ характеръ пріобрѣтенія Мологи не исключалъ, конечно, возможности для московскихъ государей пріобрѣтать тамъ вотчины путемъ частныхъ сдѣлокъ; такимъ частнымъ пріобрѣтеніемъ можно считать, напримѣръ, вотчину Глѣбовыхъ. Примѣръ Мологи побуждаетъ также осторожно отнестись и къ другимъ пріобрѣтеніямъ, упоминаемымъ въ завѣщаніи Іоанна III, области р. Ухры и Охлябининской слободкѣ, которыя можно считать владѣніями князей Ухорскихъ и Охлябининыхъ. Тѣ и другіе вмѣстѣ съ князьями Дѣевыми, Львовыми и Шехонскими происходили отъ кн. Романа Васильевича; а р. Ухра и Охлябининская слободка находятся именно въ области владѣній послѣдняго. Характеръ частнаго пріобрѣтенія съ большой вѣроятностью можно приписать Касти, которую вел. князь называетъ вотчиной князя Вас. Щетинина.

Въ духовномъ завѣщаніи Грознаго значеніе сдѣланныхъ имъ у Ярославскихъ князей пріобрѣтеній выступаетъ яснѣе, чѣмъ въ завѣщаніи его дѣда. Изъ отдѣльныхъ ярославскихъ княжескихъ фамилій, вотчины которыхъ царь отказываетъ дѣтямъ, названы князья Пенковы и Судскіе. Отдавая старшему сыну Ивану Заозерье съ Кубеной, Грозный прибавляетъ къ нимъ «и Пѣнковыхъ князей вотчину въ третяхъ Заозерскихъ». Обладаніе этой вотчиной царевичъ Иванъ долженъ былъ, впрочемъ, раздѣлить съ царицей Анной, которую Грозный также благословилъ «тремя третьми Заозерскихъ Пѣнковыхъ вотчиною со всѣми деревнями и угодьи» [1]). Царевичу же Ивану отошла и вотчина Пенковыхъ въ Переяславскомъ уѣздѣ. Князья Пенковы происходили отъ кн. Александра Өедоровича Брюхатаго и сына его Даніила Пенко, которые въ половинѣ XV вѣка еще пользовались широкими, хотя и не вполнѣ ясными, владѣльческими правами въ предѣлахъ Заозерско-Кубенской области. Отъ Александра Өедоровича сохранились 4 грамоты Спасо-Каменному монастырю; князь по духовной грамотѣ отца и по собственному желанію промѣниваетъ монастырю рядъ своихъ вотчинъ, отбираетъ у монастыря земли, данныя его людьми, а взамѣнъ даетъ монастырю другія, жалуетъ монастырю нѣсколько пустошей [2]). Сынъ

[1]) Д. А. И., I, 382, 389.
[2]) Ibid., №№ 14—15.

его Даніилъ также мѣняетъ съ монастыремъ земли, а въ жалованной грамотѣ 7005 г. подтверждаетъ жалованныя данныя грамоты дѣда и отца и отъ своего имени возобновляетъ потерянную жалованную грамоту на нѣкоторыя земли, прибавляя къ нимъ еще нѣсколько деревень и починковъ [1]). Во всѣхъ этихъ грамотахъ оба князя являются вполнѣ съ пріемами владѣтельныхъ князей: игуменъ и монастырская братія бьютъ имъ челомъ, они монастырь «жалуютъ», у нихъ свои бояре, тіуны, дьяки [2]). Между тѣмъ, въ дѣйствительности, только отецъ Александра Ѳедоровича, Ѳедоръ Васильевичъ, былъ самостоятельнымъ владѣтельнымъ княземъ въ Ярославлѣ, который именно при Александрѣ Ѳедоровичѣ былъ присоединенъ къ Москвѣ. Даніилъ Александровичъ былъ уже московскимъ бояриномъ. Его дѣти и внуки продолжали раздавать вотчины монастырямъ. Въ ихъ жалованныхъ и подтвердительныхъ грамотахъ они говорятъ еще традиціоннымъ тономъ удѣльныхъ князей. Кромѣ Спасо-Каменнаго монастыря, получившаго большія земельныя владѣнія отъ предковъ князей Пенковыхъ, когда они сидѣли еще на великомъ княженіи въ Ярославлѣ, рядъ вотчинъ Пенковыхъ пріобрѣлъ также Никольскій монастырь въ Заозерьѣ на Катромѣ, въ вотчинѣ кн. Ивана Даниловича Пенкова Хомяка. Этому монастырю кн. Иванъ Даниловичъ даетъ въ 1531—32 г. «жалованную» грамоту на 19 деревень изъ своихъ вотчинъ въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ Карачуновѣ, а въ духовной 1539—40 г. подтверждаетъ право собственности монастыря на всѣ его земли впрокъ, безъ выкупа. Вкладчиками этого же монастыря являются братъ Ивана Даниловича, Василій, жена послѣдняго и сынъ Иванъ, который въ духовной 1561—62 г. подтверждаетъ Никольскому Катромскому монастырю свои прежнія дачи, а Спасо-Каменному монастырю изстаринныя дачи въ Вологодскомъ уѣздѣ, села Марьино, Филисово, Вечеславль съ 62 деревнями, 739 четвертями съ осминой земли. Изъ жалованныхъ грамотъ царя Ивана Васильевича Спасо-Каменному монастырю 1562 г. и Никольскому Катромскому 1569 г. видно, что кн. Пенковы сохраняли еще нѣкоторыя земель-

[1]) Ibid., №№ 20—21.

[2]) Александръ Ѳедоровичъ говоритъ въ двухъ грамотахъ, что онъ пожаловалъ монастырь Александромъ Александровичемъ; послѣдній упомянутъ также въ числѣ бояръ князя, присутствовавшихъ при одной мѣнѣ землями. Это пожалованіе можно понимать въ томъ смыслѣ, что бояринъ Александръ Александровичъ былъ назначенъ исполнять извѣстныя судебныя обязанности введеннаго боярина по отношенію къ монастырю, какъ привиллегированному вотчиннику.

ныя владѣнія въ Заозерскомъ краю [1]). И въ Переяславлѣ кн. Пенковы успѣли раздать нѣсколько вотчинъ монастырямъ. Въ 1561—62 г. Спаскому Ярославскому монастырю дана была послушная грамота на вотчину кн. Ив. Пенкова въ Переяславскомъ уѣздѣ, село Сигоръ съ деревнями [2]). Въ 1563—64 г. княгиня Анна Іосифовна, жена кн. Василія Даниловича Пенкова, дала тому же монастырю вотчину свою с. Рохманово съ 48 деревнями, починками и 6 пустошами по душѣ мужа и всего рода, и царскую жалованную грамоту, чѣмъ ее царь пожаловалъ на то село, отдала въ монастырь; монастырскія власти должны дать съ той вотчины прикащикамъ княгини 100 руб. для раздачи. Такимъ образомъ заозерскія и переяславскія вотчины кн. Пенковыхъ постепенно разрушались и переходили въ руки монастырей задолго до того времени, какъ онѣ попали въ собственность московскаго государя. Но и послѣ завѣщанія Грознаго, въ концѣ XVI в., Пенковы продолжали еще владѣть землями въ Переяславскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ одной межевой книги вотчинъ Троице-Сергіева монастыря, по которой Троицкія вотчины находились въ межахъ съ владѣніями кн. Ивана Пенкова, селами Новымъ, Дубровищами и деревней Каменкой [3]).

Точно также и ярославская вотчина князей Судскихъ разрушилась, какъ мы видѣли, еще въ первой половины XVI в., когда она раздѣлилась между женой и дочерьми кн. Ивана Ѳедоровича Судскаго, монастырями и государемъ. Грозный отказываетъ царицѣ Аннѣ только часть вотчины Судскихъ, именно ту, которою владѣла княгиня Аграфена Судская.

Благословляя сына Ѳедора Ярославлемъ со всѣми волостями, царь упоминаетъ еще объ Ярославскихъ князьяхъ, не называя ихъ по имени, у которыхъ онъ отнялъ вотчины: «а которые есьми вотчины поималъ у князей Ярославскихъ, и тѣ вотчины сыну моему Ѳедору, а сынъ мой Ѳедоръ въ томъ воленъ, хощетъ тѣ вотчины за собою держать, хощетъ онъ отдать; а у которыхъ князей Ярославскихъ ихъ вотчинъ не прималъ, а сынъ мой Ѳедоръ тѣхъ вотчинъ не отнимаетъ у нихъ и у женъ ихъ и у дѣтей ихъ, а отъѣдутъ къ сыну моему Ивану или инуды куды нибудь, а тѣ вотчины сыну моему Ѳедору». По всей вѣроятности, здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ опальныхъ Ярославскихъ князьяхъ, судьбу которыхъ опла-

[1]) Сборн. грам. Румян. М., № 53, лл. 34—37; Д. А. И., I, № 115.
[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Переяслав. у. № 8922.
[3]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 254, лл. 49 об., 51 об., 53.

киваетъ ихъ сородичъ Курбскій: о князѣ Θедорѣ Львовѣ, кн. Θедорѣ, внукѣ Θедора Романовича, кн. Иванѣ Шаховскомъ, князьяхъ Василіи, Александрѣ, Михаилѣ Прозоровскихъ, князьяхъ Ушатыхъ. «Понеже имѣли вотчины великія, мню, негли изъ того ихъ погубилъ», такъ объясняетъ Курбскій причину ихъ гибели [1]). Это обвиненіе убѣдительно опровергается только что приведенными словами самого обвиняемаго. Предоставляя сыну на его усмотрѣніе возвратить опальнымъ князьямъ или удержать за собою конфискованныя вотчины, прямо запрещая ему нарушать права собственности князей, не виновныхъ въ измѣнѣ, Грозный тѣмъ самымъ выставляетъ ясно совершенно другую причину конфискаціи ярославскихъ княжескихъ вотчинъ. Эта конфискація была, очевидно, лишь естественнымъ слѣдствіемъ опалы и казни князей, виновныхъ въ дѣйствительной или мнимой крамолѣ. Конфискованными землями самими по себѣ Грозный не особенно и дорожитъ, равнодушно предоставляя ихъ судьбу на волю сына.

Сохранились свѣдѣнія о родовыхъ вотчинахъ еще нѣкоторыхъ отраслей Ярославскихъ князей, не упоминаемыхъ духовными грамотами Московскихъ государей. И въ землевладѣльческой судьбѣ этихъ князей выступаютъ тѣ же черты, которыя мы наблюдали выше. Ничтожный Юхотскій князь въ началѣ XVI в. является еще съ пріемами владѣтельнаго удѣльнаго князя, подобно своимъ старшимъ родичамъ, князьямъ Пенковымъ, предки которыхъ сидѣли на великомъ княженіи въ самомъ Ярославлѣ. Князья Юхотскіе происходили по прямой линіи отъ Семена Васильевича, удѣльнаго князя Новленскаго. Въ одномъ весьма интересномъ судномъ дѣлѣ половины XVI в. сохранилась жалованная грамота кн. Θедора Ивановича Юхотскаго 1510 г. Спаскому Ярославскому монастырю на нѣсколько деревень, починковъ и пустошей. Этотъ даръ обставленъ всѣми обычными условіями, встрѣчаемыми въ княжескихъ жалованныхъ грамотахъ, полнымъ перечнемъ финансовыхъ и судебныхъ льготъ. Чтò особенно характерно, князь предоставляетъ монастырскимъ властямъ право суда даже «въ душегубъствѣ и въ разбое и въ татбе с поличным и во всякых дѣлех» [2]). Внукъ Θедора Ивановича, Иванъ Дмитріевичъ, былъ послѣднимъ Юхотскимъ княземъ. При вел. князѣ Василіи Ивановичѣ Юхоть отошла къ Москвѣ и

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 96—97.

[2]) Эта грамота первоначально была напечатана въ книжкѣ А. П. Барсукова: «Свѣдѣнія объ Юхотской волости» и т. д., стр. 4—5, а все судное дѣло, въ которомъ она находится, издано Н. П. Лихачевымъ въ его Актахъ, в. II, № 10.

была пожалована въ вотчину кн. Θедору Михайловичу Мстиславскому до 7046 г.

Въ исторіи родовыхъ вотчинъ князей Засѣкиныхъ обращаетъ на себя вниманіе обмѣнъ ихъ на владѣнія въ центральныхъ, ближайшихъ къ Москвѣ, областяхъ. Первое извѣстіе о вотчинѣ князей Засѣкиныхъ находимъ въ духовной вел. князя Василія Васильевича, подтверждающаго женѣ право собственности на ея куплю у Ярославскихъ князей, городокъ Романовъ. Вмѣстѣ съ вотчичами послѣдняго, кн. Дѣевымъ и князьями Львовыми, предокъ которыхъ, кн. Романъ Васильевичъ, былъ основателемъ городка, названъ и кн. Давидъ Засѣкинъ. Какъ чужеродца, его надо считать только случайнымъ обладателемъ Романова городка совмѣстно съ его настоящими родовыми вотчичами, Дѣевыми и Львовыми. Собственными родовыми вотчинами въ уѣздахъ Ярославскомъ, Переяславскомъ и Бѣжецкомъ верхѣ князья Засѣкины владѣли до половины XVI в., когда нѣкоторыя изъ этихъ вотчинъ были взяты на государя, а взамѣнъ имъ даны новыя въ другихъ уѣздахъ. Порядокъ обмѣна точно указанъ въ одной грамотѣ вел. князя Симеона Бекбулатовича 1576 г.; тамъ сказано, что кн. Данилу Ивановичу Засѣкину пожалованы въ Илмехоцкомъ стану Владимірскаго уѣзда шесть деревень «противъ его Ярославскія вотчины, что у него взято съ городомъ съ Ярославлемъ вмѣстѣ»; взятая у кн. Даніила вотчина заключала въ себѣ 295 четей пашни, 202 копны сѣна, 10 десятинъ лѣсу пашеннаго и непашеннаго, а данная въ обмѣнъ — 178 четей пашни, сѣна 45 копенъ, лѣсу пашеннаго 50 десятинъ. Значительная разница въ количествѣ пашни была отчасти возмѣщена тѣмъ, что пашенный лѣсъ зачли «противъ пашни вдвое, противъ пашенные земли за пятьдесятъ четьи» (тогда какъ на дѣлѣ 50 дес. = 100 чет.), такъ что всего пашни получилось 228 четей съ осьминою; тѣмъ не менѣе разница противъ старой вотчины осталась значительная, не дошло 67 четей пашни, 150 копенъ сѣна, 10 десятинъ лѣсу пашеннаго и непашеннаго 10 десятинъ [1]). Самъ князь Даніилъ Ивановичъ говоритъ объ обмѣнѣ вотчинъ въ двухъ своихъ вкладныхъ. Такъ въ 1573—74 г. онъ далъ Троице-Сергіеву монастырю въ Ильмехоцкомъ стану Владимірскаго уѣзда 9 деревень, которыми государь пожаловалъ противъ его Переяславской вотчины, сельца Козлова съ деревнями, и Ярославской,

[1]) А. А. Э., I, № 290. Подлинникъ этой грамоты въ Арх. Мин. Юст., Владимір. у. № 1839.

сельца Медвѣдева съ деревнями [1]). Въ 1576—77 г. онъ далъ тому же монастырю въ Мглинскомъ стану Владимірскаго уѣзда деревню Елпатьево съ пустошами, данныя ему взамѣнъ ярославской и дмитровской вотчинъ [2]). Кромѣ князя Даніила долженъ былъ обмѣнять свою ярославскую вотчину кн. Иванъ Владиміровичъ Засѣкинъ; ему было дано противъ его ярославской вотчины, села Новленскаго съ деревнями, въ Коломенскомъ уѣздѣ, Мещерской волости, село Коряковское съ 14 деревнями, починкомъ и нѣсколькими пустошами [3]).

Кромѣ указаннаго обмѣна князья Засѣкины теряли свои родовыя вотчины и обычнымъ путемъ отдачи ихъ монастырямъ на поминовенье. Въ 1563—64 г. по царскому указу душеприкащики кн. Даніила Θедоровича Засѣкина по его духовной дали Спасо-Ярославскому монастырю въ Ярославскомъ уѣздѣ 5 деревень на р. Рогѣ [4]), а въ 1574—75 г. кн. Никита Даниловичъ Засѣкинъ далъ Троице-Сергію свое старинное сельцо Матвѣйцово съ 3-мя пустошами на р. Гордонѣ въ Бѣжецкомъ верхѣ, Каменскомъ стану [5]).

Всѣ приведенныя извѣстія о мѣнѣ вотчинъ князей Засѣкиныхъ такъ отрывочны и кратки, что не даютъ возможности рѣшить вопроса: чѣмъ была вызвана эта мѣна? Мы ничего не знаемъ о столкновеніи князей Засѣкиныхъ съ московскимъ правительствомъ или объ опалахъ. Какъ видно изъ грамоты Симеона Бекбулатовича при обмѣнѣ стремились соблюсти равенство обмѣниваемыхъ вотчинъ. Служебное положеніе кн. Засѣкиныхъ также не было поколеблено послѣ перемѣщенія ихъ на другія вотчины. Эта мѣна была вызвана, скорѣе всего, соображеніями служебно-стратегическими, побуждавшими московское правительство перемѣщать служилыхъ людей всѣхъ ранговъ изъ родовыхъ владѣній въ тѣ области, гдѣ ихъ присутствіе было нужнѣе. Вспомнимъ также переводъ вотчинниковъ и помѣщиковъ изъ областей, взятыхъ въ опричнину, въ другія [6]). Несмотря на обмѣнъ вотчинъ и вклады въ монастыри, встрѣчаемъ извѣстія о вотчинахъ Засѣкиныхъ въ Ярославской области и во второй четверти XVII в. [7]).

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Владимір. у. № 1836; Сборн. Тр. Серг. Л. № 530, л. 846.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Владим. у № 1843; Сборн. Тр. Серг. Лавры № 530, л. 849 об.

[3]) Писц. книги, изд. Геогр. Общ., т. I, стр. 546.

[4]) Арх. Мин. Юст., грам. Ярослав. у. № 14767.

[5]) Арх. Мин. Юст., грам. Бѣжецкаго у. № 1312; Сборн. Тр. Серг. Лавры № 532, л. 150 об.

[6]) Рус. Истор. Библ., III, ст. 256.

[7]) Арх. Мин. Иностр. Д., бояр. кн. 1638—39 г., листы ненумерованные, вотч. кн. Абрама Засѣкина. Также Арх. Мин. Юст., писц. кн. Ярославск. у. 1627—1629 г., кн. 544 лл. 77, 567 об.: земельныя владѣнія князей Жировыхъ-Засѣкиныхъ.

Князья Шаховскіе, Алабышевы, Аленкины, Сисеевы владѣли родовыми вотчинами еще во второй половинѣ XVI в. Родовую вотчину Шаховскихъ указываютъ въ нынѣшнемъ Даниловскомъ уѣздѣ, гдѣ находится село Шахово [1]). Во второй половинѣ XVI в. вотчины Шаховскихъ расположены были въ Шаховскомъ стану Романовскаго уѣзда. Въ 1561—62 г. кн. Василій Юрьевичъ Шаховской даетъ Спасо-Ярославскому монастырю, за свой долгъ и на поминъ души своей и родичей, село Новое съ деревнями на р. Селецкой, да на той же рѣкѣ старое сельцо съ двумя деревнями, починкомъ, пустошью и всѣми угодьями. По другой грамотѣ того же года онъ даетъ монастырю за долгъ въ 111 р. по р. Круцѣ 1 починокъ и 2 пустоши [2]). Вотчины и помѣстья нѣкоторыхъ кн. Шаховскихъ встрѣчаемъ во второй четверти XVII в. въ Ярославской области и сосѣднихъ [3]). Извѣстія о вотчинахъ Алабышевыхъ, Аленкиныхъ и Сисеевыхъ также встрѣчаемъ въ срединѣ XVI в., когда онѣ переходятъ въ руки монастырей. Такъ князю Семену Ѳедоровичу Алабышеву принадлежали въ Вокшерскомъ стану Ярославскаго уѣзда села Печелки и Прусово съ деревнями. Въ 1555—56 г. этой вотчинѣ, перешедшей уже къ женѣ кн. Семена, былъ произведенъ, по цареву наказу и по приказу оружейничаго и окольничаго Льва Андр. Салтыкова, разъѣздъ съ вотчинами кн. Мих. Вас. Глинскаго [4]). Указанія на бывшія вотчины князей Аленкиныхъ находимъ въ разныхъ писцовыхъ книгахъ троицкихъ вотчинъ. Такъ въ Ярославскомъ уѣздѣ Троице-Сергію принадлежали двѣ деревни, Лепенино и Козленцово, дача кн. Андрея Аленкина [5]). Въ Бесерменовской волости упоминаются деревни того же кн. Андрея Аленкина: Люшаковская, Сабанчина, Становщиково, Медвѣдково, Кертуново, Черленково [6]). Большая вотчина князей Сисеевыхъ въ Ярославскомъ уѣздѣ, на рѣчкахъ Княгининкѣ и Вокшенданкѣ, была отдана въ 1564—65 г. Спасо-Ярославскому монастырю. Эта вотчина, принадлежавшая кн. Ивану Сисееву, заключала въ себѣ, по

[1]) Экземплярскій, II, стр. 89.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Романов. у. №№ 10108, 10109.

[3]) Арх. Мин. Ин. Д., бояр. кн. № 8, 1638—1639 гг. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 544, л. 993 об.

[4]) Арх. Мин. Юст., грам. Ярослав. у. № 14764.

[5]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, стр. 7. Годъ дачи и отчество этого князя въ разныхъ актахъ указаны различно: въ грам. Арх. Юст. по Ярославлю № 14765 онъ названъ Ѳедоровичемъ, а годъ указанъ 7071; въ Сборн. Тр. Серг. Лавры № 530, л. 1381 об. — Александровичъ и 7063 г.

[6]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 254, л. 77 об.

отдѣльной грамотѣ дворцовыхъ селъ писца Никиты Даниловича Годунова, село Левашово, 42 деревни, 9 деревень пустыхъ и 12 пустошей съ 1000 чет. пашни и перелогу въ полѣ [1]).

Къ сожалѣнію намъ не удалось встрѣтить извѣстій о родовыхъ владѣніяхъ князей Курбскихъ въ XVI в. Любопытно, что и самъ князь Андрей Михайловичъ ничего не говоритъ о нихъ. Но конечно, онъ владѣлъ въ Московскомъ государствѣ вотчинами и помѣстьями, которыя были конфискованы послѣ его бѣгства. Сигизмундъ Августъ въ привилеѣ Курбскому на Ковель говоритъ, что онъ перешелъ на службу къ нему, Сигизмунду, «оставивши вси имѣнья и маетность свою, которую въ земли вел. князя Московскаго мѣлъ» [2]). Весьма вѣроятно, что онъ сохранялъ поземельныя владѣльческія связи съ ярославскою областью и что это обстоятельство давало поводъ Грозному приписывать Курбскому намѣреніе «измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскому владыцѣ» [3]). Въ началѣ XVII в. село Курба Ярославскаго уѣзда, въ которомъ можно видѣть бывшую родовую вотчину Курбскихъ, принадлежало къ дворцовымъ селамъ [4]).

Самой тѣсной группой многихъ княжескихъ вотчинъ, сконцентрированныхъ на небольшомъ пространствѣ, были владѣнія князей Стародубскихъ, потомковъ младшаго сына Всеволода III, Ивана Стародубскаго. Его потомство начало широко развѣтвляться лишь въ концѣ XIV в., въ то время, когда Стародубское княжество было уже, повидимому, въ зависимости отъ Москвы. Родоначальниками всѣхъ стародубскихъ княжескихъ фамилій были четыре сына Андрея Ѳедоровича (вторая половина XIV в.): Ѳедоръ Стародубскій, Василій Пожарскій, Иванъ Нагавица Ряполовскій и Давидъ Палица.

Въ непосредственное обладаніе московскихъ государей Стародубъ Ряполовскій перешелъ не раньше времени вел. кн. Василія Ивановича, такъ какъ о немъ ничего не говорится въ духовныхъ грамотахъ предыдущихъ государей, если не считать упоминанія о селахъ въ Вотскомъ Стародубѣ, которыя вел. князь Василій Васильевичъ отдалъ женѣ своей, самъ получивъ ихъ отъ нѣкоей Анны

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Ярослав. у., №№ 14769, 14770.

[2]) Сказанія, стр. 440—441.

[3]) Ibid., стр. 157.

[4]) Сборн. кн. Хилкова, № 15. Полученіе кн. А. М. Курбскимъ подмосковнаго помѣстья въ 1550 г., 200 четей по 1 статьѣ, дало поводъ проф. Жданову заключить, что Курбскій былъ очень бѣденъ. Но члены избранной тысячи, устроенные подмосковными помѣстьями, могли владѣть вотчинами въ другихъ областяхъ. Журн. Мин. Нар. Просв.; 1876 г., августъ, 184.

Васильевой жены Ивановича [1]). По мѣновной грамотѣ 1566 г. царя Ивана Васильевича съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ послѣднему уступлены были городище Стародубъ Ряполовскій и посадъ и село Ряполово съ приселками, деревнями и починками по отписнымъ книгамъ подъячаго Третьяка Шарапова 7072 г., да по отписнымъ книгамъ Гриши Леонтьева того же года вотчина кн. Дмитрія Хилкова, село Ивановское съ приселками, деревнями и починками, да по книгамъ письма Романа Образцова съ товарищи 7052 г. волость Пожаръ. Всѣ эти волости отданы кн. Владиміру Андреевичу съ вотчинными и монастырскими землями, приселками, деревнями и починками, кромѣ тѣхъ вотчинныхъ стародубскихъ земель, которыя въ этой мѣновной не поименованы и розданы въ помѣстья и вотчины, и кромѣ царскихъ дворцовыхъ селъ, деревень и всякихъ селъ, которыя здѣсь не поименованы. Служилымъ людямъ, владѣющимъ вотчинами и куплями въ Стародубѣ Ряполовскомъ, предоставляется служить, по желанію, царю или князю Владиміру Андреевичу [2]). Мѣновная грамота умалчиваетъ о владѣльческихъ правахъ Стародубскихъ князей. Но сохранились двѣ грамоты, межевая выпись съ книгъ стародубскаго писца Ѳед. Ив. Бутурлина и подъячаго Тукмачева и разъѣзжая между владѣніями царя и кн. Владиміра Андреевича, изъ которыхъ узнаемъ, что многіе Стародубскіе князья (Нагаевы, Ковровы, Ромодановскіе, Стригины, Пожарскіе, Гундоровы) сохранили свои старыя родовыя вотчины и послѣ упомянутаго раздѣла Стародуба между царемъ и его двоюроднымъ братомъ [3]).

Отъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ XVI в. сохранилось много документовъ о переходѣ стародубскихъ княжескихъ вотчинъ въ собственность монастырей. Необходимо познакомиться съ этими документами, чтобы представить себѣ процессъ разрушенія княжескаго землевладѣнія какъ разъ въ ту эпоху, когда правительство предпринимало радикальныя мѣры къ его сохраненію. Прежде всего мы имѣемъ нѣсколько извѣстій объ отдачѣ князьями, сохранившими коренную фамилію Стародубскихъ, ихъ родовыхъ вотчинъ монастырямъ, вопреки извѣстнымъ законамъ о родовыхъ княжескихъ вотчинахъ. Такъ кн. Андрей Ивановичъ Стародубскій въ своей духовной 1556—57 г. отказалъ Троице-Сергіеву монастырю въ

[1]) С. Г. Гр. и Дог., т. I, 207.
[2]) С. Г. Гр. и Дог., I, № 188.
[3]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. №№ 11831, 11832; Сборн. Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 1106.

Стародубѣ Ряполовскомъ на р. Клязьмѣ свою вотчину, половину села Пантелеева съ 4-мя деревнями и селищемъ, а другую половину того села съ 5-ю деревнями женѣ своей «до ея живота»; въ случаѣ выхода ея замужъ ея половина также отходитъ къ монастырю [1]). Въ 1569—70 г. княгиня Марья, вдова кн. Андрея Ивановича, въ исполненіе его воли, отдала Троице-Сергіеву монастырю с. Пантелеево съ 10 пустыми деревнями и пустошами [2]); впрочемъ, часть села Пантелеева, именно треть изъ своей половины, княгиня Марья продала родственнику своему, кн. Никитѣ Михайловичу Стародубскому. Послѣдній вмѣстѣ съ женой Аграфеной и сыномъ Иваномъ отдалъ въ 1570—71 г. Троицѣ купленную часть с. Пантелеева, пустое сельцо Хмелеватое, семь деревень и рядъ пустошей [3]). Въ 1569 г. Симонову монастырю была отдана большая вотчина кн. Семена Стародубскаго, село Кувезино съ 17 деревнями [4]).

Вмѣстѣ съ князьями собственно Стародубскими отъ кн. Ѳедора Андреевича Стародубскаго происходили кн. Ромодановскіе, Кривоборскіе, Льяловскіе, Ковровы, Осиповскіе, Неучкины, Гагарины, Небогатые [5]). Родовыя вотчины князей Ромодановскихъ и Нагаевыхъ-Ромодановскихъ при раздѣлѣ Стародуба-Ряполовскаго въ 1566 г. были подѣлены между царемъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ, причемъ князья вотчичи не потеряли своихъ правъ собственности. Въ промежуткахъ времени отъ мѣновной сдѣлки 1566 г. до духовнаго завѣщанія Грознаго 1572 г. они свободно распоряжаются своими вотчинами, продаютъ ихъ другъ другу, завѣщаютъ женамъ и дѣтямъ, отдаютъ въ монастыри. Такъ въ 1569—70 г. княгиня Настасья, жена кн. Петра Семеновича Ромодановскаго со своимъ сыномъ Богданомъ («а молитвенное ему имя Савва») дали Троице-Сергіеву монастырю свою старинную вотчину, половину села Шустова, да Озерка, да къ полуселу Никольскому 10 пустыхъ деревень, да къ полусельцу Шустову 10 пустошей [6]). Князь Аѳанасій Андреевичъ Нагаевъ-Ромодановскій, умершій до 1570—71 г., такъ

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. № 11811; Сборн. Тр. Серг. Лавры, № 530 л. 1125.

[2]) Въ завѣщаніи кн. Андрея Ивановича деревни, тянувшія къ селу Пантелееву, показаны живущими. Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. № 11836; Сб. Тр. Серг. Л., № 530, л. 1124.

[3]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. №№ 11837, 11840, 11841, 11846; Сборн. Тр., Серг. Л. № 530, лл. 1123, 1128 об.

[4]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. № 11835.

[5]) См. родословныя во Временникѣ Общ. Ист. и Др., X.

[6]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. № 11838. Сборн. Тр. Серг. Л., № 530, л. 1160.

распорядился своей большой вотчиной: сыну Ѳедору завѣщалъ село Татарово съ 16 деревнями, село Мамырово съ 2 деревнями, полсела Никольскаго съ половиною озерскихъ деревень (числомъ 11), женѣ Авдотьѣ — вотчину въ Шустовѣ, деревню въ Хомяковѣ, а къ ней еще 16 деревень; въ случаѣ выхода жены замужъ вотчичи могутъ выкупить данную ей вотчину за 230 р.; по смерти сына село Татарово отходитъ къ Троицѣ-Сергіеву монастырю впрокъ, безъ выкупа, село Мамырово — женѣ, а въ случаѣ выхода послѣдней замужъ прикащики должны его продать, а деньги дать по душѣ, половину с. Никольскаго онъ также завѣщаетъ продать для уплаты долга [1]). Въ 1570—71 г. жена кн. Аѳанасія Андреевича, въ это время уже старица Евфимія, отдала Троице-Сергіеву монастырю с. Татарово со всѣми деревнями, пустошью и половиной мельницы на р. Тарѣ [2]).

Князья Ковровы въ срединѣ XVI в. были еще богатыми землевладѣльцами, щедро раздававшими свои родовыя вотчины монастырямъ. Въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, по свидѣтельству изслѣдователя мѣстной старины К. Тихонравова, хранится книга копій съ грамотъ, большинство которыхъ составляютъ данныя на земли князей Ковровыхъ и Пожарскихъ отъ 1519 по 1590 г. [3]). Вотчины Ковровыхъ упоминаются въ разъѣзжей и межевой грамотахъ 1566 г., а въ книгахъ Максима Трифонова, отписывавшаго въ 1564—65 г. Стародубскихъ князей вотчину, написана въ Стародубѣ Ряполовскомъ, въ Завражьѣ, вотчина кн. Ив. Семен. Коврова, треть с. Васильевскаго съ 4-мя деревнями [4]). Въ 1566—67 г. князь Иванъ Семеновичъ далъ Спасо-Евфимьеву монастырю благословенье отца своего, село Рожественское (Коврово тожъ) съ деревнями и пустошами [5]), а въ 1567—68 г. онъ продалъ полсела Васильевскаго съ 4-мя деревнями за 180 руб. кн. Петру Ивановичу Ромодановскому. Къ тому же монастырю отошли вотчины кн. Андрея Ивановича, на Кривѣ Бору 3 деревни, въ Заводичахъ въ Завражьѣ 5 деревень и треть с. Васильевскаго съ 7 деревнями [6]). Спасо-Евфимьевъ монастырь получалъ вотчины кн. Ковровыхъ уже во время дѣйствія законовъ о княжескихъ вотчинахъ и послѣ духовнаго завѣщанія Грознаго. Въ 1571—72 г. къ нему перешли въ

[1]) Сборн. Тр. Серг. Лавры, № 530, л. 1097 об.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. № 11839; Сб. Тр. Серг. Л., № 530, л. 1094.

[3]) Владимір. Сборн., стр. 91.

[4]) Сборн. Румянц. Музея, № 59, л. 47.

[5]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. № 11833; Экземплярскій, II, 186—187.

[6]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. № 11808; Сборн. Румянц. М. № 59, л. 47.

Ковровѣ с. Андреевское съ двумя деревнями и 1 пустошью, въ 1573—74 г.—деревня Коверзино съ 4-мя пустыми деревнями, въ 1576—77 г.—рядъ пустошей на р. Клязьмѣ и озерко [1]).

Родъ князей Осиповскихъ пресѣкся въ третьемъ поколѣніи кн. Василіемъ Ивановичемъ. Часть его вотчинъ отошла Троице-Сергіеву монастырю, другая, вѣроятно, какъ выморочная, царю. Въ 1553—54 г. душеприкащики кн. Василія Ивановича отдали по его приказу Сергіеву монастырю въ Стародубѣ Ряполовскомъ с. Завражье съ деревнями, пустошами, лѣсами и угодьями [2]).

Потомство брата Ѳедора Андреевича, Василія или Даніила, составило одинъ родъ кн. Пожарскихъ. Главная ихъ родовая вотчина, волость Пожаръ, въ 1566 г. при раздѣлѣ Стародуба Ряполовскаго отошла къ кн. Владиміру Андреевичу. Но при этомъ раздѣлѣ кн. Пожарскіе, какъ и другіе Стародубскіе князья, не потеряли другихъ своихъ вотчинъ. Въ разъѣзжей грамотѣ 1566—67 г. въ Стародубѣ упоминаются вотчинники князья Иванъ Ивановичъ, Борисъ Семеновичъ, Семенъ и Михаилъ Борисовичи Пожарскіе [3]). Мобилизація вотчинъ кн. Пожарскихъ совершалась тѣми же путями, какъ и мобилизація вотчинъ другихъ князей. Въ книгѣ копій съ данныхъ и вкладныхъ грамотъ Спасо-Евфимьева монастыря 1519—1590 гг. вкладчиками являются также и кн. Пожарскіе. Въ 1527 г. кн. Даніилъ и Григорій Семеновичи Пожарскіе дали Спасо-Евфимьеву монастырю по душѣ брата Ивана его треть отцовской вотчины въ Мугреевѣ, 5 деревень [4]). Въ 1571 г. кн. Петръ Тимоѳеевичъ Пожарскій продалъ въ Стародубѣ Ряполовскомъ деревню Три Дворища кн. Михаилу Ѳедоровичу Третьяку Пожарскому. Эта вотчина, переходившая нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки въ родѣ Пожарскихъ, досталась наконецъ Спасо-Евфимьеву монастырю [5]).

Слѣдующій братъ Ѳедора Андреевича, Иванъ Нагавица Ряполовскій былъ родоначальникомъ князей Ряполовскихъ, Стригиныхъ, Хилковыхъ, Татевыхъ. Смѣлость и энергія, съ какой трое братьевъ Ряполовскихъ вели борьбу съ Шемякой, сплачивая вокругъ дѣтей ослѣпленнаго вел. кн. Василія Васильевича сильную партію, пока-

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., №№ 11847, 11853, 11856.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., № 11809; Сборн. Тр. Серг. Л., № 530, л. 1130 об. Въ 7074 г. кн. Владиміръ Андреевичъ, къ которому въ это время перешолъ Стародубъ Ряполовскій, далъ на это село монастырю льготную жалованную грамоту. Арх. Мин. Юст., грам. Дмитров. у., № 3821.

[3]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., № 11832.

[4]) Владимір. Сборникъ К. Тихонравова, стр. 128.

[5]) Ibidem., 130—131.

зываетъ, что въ эту эпоху родъ князей Ряполовскихъ былъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ и, слѣдовательно, богатыхъ среди московскихъ бояръ и служебныхъ князей. Кромѣ родовой вотчины Ряполова они владѣли еще землями въ области Юрьева-Польскаго; въ ихъ юрьевскую вотчину, село Боярово, бѣжали въ 1446 г. дѣти вел. кн. Василія послѣ того, какъ онъ былъ вѣроломно захваченъ и ослѣпленъ Шемякой [1]). Катастрофа 1499 г., вѣроятно, сильно подорвала и матеріальное положеніе князей Ряполовскихъ. Отъ XVI в. мы имѣемъ одно только извѣстіе объ ихъ родовой вотчинѣ: въ 1566 г. посадъ и село Ряполово были отданы вмѣстѣ съ Стародубомъ кн. Владиміру Андреевичу.

Князья Стригины, отрасль Ряполовскихъ, владѣли родовыми вотчинами въ срединѣ XVI в. Разъѣзжая грамота 1566—67 г. упоминаетъ въ Стародубѣ вотчины кн. Андрея Ивановича Стригина, село Волосынино и рядъ деревень. Дальнѣйшая судьба ихъ остается неизвѣстной. Кн. Андрей Ивановичъ и братъ его Михаилъ были послѣдними представителями рода Стригиныхъ. Отецъ ихъ, кн. Иванъ, владѣлъ еще помѣстьемъ въ Опольскомъ стану Суздальскаго уѣзда, селомъ Малымъ Городищемъ съ деревнями; въ 1561—62 г. это помѣстье было отдано въ обмѣнъ Спасо-Евфимьеву монастырю [2]).

Изъ двухъ младшихъ отраслей Ряполовскихъ, князей Татевыхъ и Хилковыхъ, первые сохранили свои родовыя вотчины при раздѣлѣ Стародубской области (въ межевой 1566—67 г. значится вотчина кн. Ѳедора Ивановича Татева) и продолжали владѣть ими, какъ увидимъ, и въ первой четверти XVII в. О родовыхъ владѣніяхъ кн. Хилковыхъ мы знаемъ только, что въ 1566 г., по отписнымъ книгамъ Гриши Леонтьева, вотчина боярина кн. Дмитрія Хилкова, село Ивановское съ приселками, деревнями и починками, отдана была кн. Владиміру Андреевичу. Кн. Дмитрій—единственный изъ Стародубскихъ князей, названный по имени въ мѣновной 1566 г. Вѣроятно, онъ уже не владѣлъ этой вотчиной.

Потомство младшаго брата Ѳедора Андреевича, Давида Палицы, дало три княжескихъ рода, князей Палицкихъ, Тулуповыхъ и Гундоровыхъ. Вотчины двухъ первыхъ родовъ упоминаются въ духовной Грознаго. Больше свѣдѣній сохранилось о вотчинахъ кн. Гундоровыхъ. Въ 60—80-хъ годахъ они многочисленной и плотной группой сидѣли въ своихъ стародубскихъ вотчинахъ, вступая другъ

[1]) Воскр. лѣт., П. С. Р. Л., VIII, 117; Ник. л., V, 206.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., № 11821; Сборн. Румянц. М., № 58, л. 5.

съ другомъ въ поземельныя сдѣлки, отдавая земли въ монастыри на поминокъ и въ уплату долговъ. Такъ въ 1558—59 г. кн. Ѳедоръ Андреевичъ и Романъ Ивановичъ подѣлили между собою вотчину кн. Михаила, с. Воскресенское съ деревнями. Кн. Ѳедору достались въ селѣ дворъ большой и къ нему нѣсколько крестьянскихъ дворовъ, половина пашни и поженъ, которыми договаривающіеся обязуются подѣлиться весной того же года. Храмъ Рождества Пречистой, поповъ дворъ и пашня, мельница и мельниковъ дворъ остаются въ общемъ владѣніи [1]). Въ 1563—64 г. кн. Юрій Ивановичъ отказалъ по духовной половину своей вотчины, Егорьевскую сторону с. Зименокъ, брату Семену «до живота», а послѣ Рождественскому Владимірскому монастырю, другую же половину своимъ племянникамъ, дѣтямъ кн. Василія. При жизни онъ далъ Рождественскому монастырю въ Суздальскомъ уѣздѣ, Тимошинѣ углу, село Никольское съ 12 деревнями и починками [2]). Въ 1572—73 г. кн. Иванъ Васильевичъ далъ Спасо-Евфимьеву монастырю въ Стародубѣ Ряполовскомъ полсела Воскресенскаго съ храмомъ Рождества Пречистой и большимъ дворомъ боярскимъ, съ 7 деревнями, починкомъ и селищемъ со всѣми угодьями. Дана эта вотчина по душамъ прадѣда, благовѣрнаго кн. Ѳедора, и другихъ родичей, а также въ уплату долга, что взялъ у монастырскихъ властей 74 руб. деньгами, 3 коня, 5 мериновъ, 4 доспѣха и спорокъ бархатный, все цѣной въ 54 рубля [3]). Сынъ Ивана Васильевича, Андрей, далъ Спасо-Евфимьеву монастырю въ 1579—80 г. обязательство за себя, жену и дѣтей не вступаться въ ту вотчину, полсела Воскресенскаго съ деревнями, которую его отецъ далъ монастырю. Въ случаѣ нарушенія обязательства монастырь долженъ получить съ него, жены и дѣтей 100 руб. [4]). Въ 1572—73 г. княгиня Ульяна, жена кн. Силы Григорьевича, по его приказу, дала Александровскому монастырю отъ села Мѣховскаго 4 деревни и 1 починокъ да въ Алексинѣ, въ Маншинѣ углу, 19 деревень и починковъ [5]). Та же княгиня дала Спасо-Евфимьеву монастырю по душамъ мужа, кн. Силы Григорьевича, и деверя, кн. Никиты Григорьевича, стародубскую вотчину с. Онтилохово за долгъ мужа въ 150 руб.; въ монастырѣ была кабала на кн. Силу въ 100 руб., да послѣ онъ взялъ

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., № 11815.
[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., № 11824.
[3]) Арх. Мин. Юст., грам. Владимір. у., № 1833.
[4]) Ibid., № 1855.
[5]) Ibid., № 1831.

у монастыря 4 коня въ 36 руб., 4 доспѣха и бархатъ въ 14 руб. Монастырскія власти выдали кабалу княгинѣ Ульянѣ безденежно, а за коней, доспѣхи и бархатъ взяли сельцо [1]). Въ 1565 г. Евфимьеву монастырю дана была царская подтвердительная грамота на 4 деревни въ Опольскомъ стану Суздальскаго уѣзда, данныя кн. Ѳедоромъ Андреевичемъ [2]).

Весьма важнымъ, хотя и нѣсколько загадочнымъ, моментомъ въ исторіи стародубскихъ княжескихъ вотчинъ было духовное завѣщаніе Іоанна Грознаго. Грозный отказываетъ сыну Ивану въ Стародубской области длинный рядъ вотчинъ Стародубскихъ князей: Гундоровыхъ, Пожарскихъ, Тулуповыхъ, Ромодановскихъ, Ковровыхъ, Кривозерскихъ (Кривоборскихъ), Стародубскихъ, Осиповскихъ, Палицкихъ [3]). На этотъ перечень принято смотрѣть, какъ на блестящее доказательство успѣховъ, достигнутыхъ поземельной политикой Грознаго. Однако, нѣкоторые факты подвергаютъ сомнѣнію значеніе, приписываемое этому перечню. Именно, часть вотчинъ, перечисляемыхъ Грознымъ, до его завѣщанія была уже отдана монастырямъ, а въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ снова является во владѣніи этихъ монастырей. Такъ изъ вотчинъ князей собственно Стародубскихъ села Пантелеево, Хмѣлево или Хмелеватое и Кувезино [4]) отданы были Троице-Сергіеву и Симонову монастырямъ до 1572 г. Въ XVII в. с. Кувезино съ деревнями и угодьями опять оказывается за Симоновымъ монастыремъ, а села Пантелеево и Хмелеватое за Троицкимъ [5]). Вотчины Ромодановскихъ, села Татарово и Никольское, отошедшія къ Троице-Сергіеву монастырю до 1572 г., принадлежатъ ему въ концѣ XVI-го и первой половинѣ XVII-го вѣковъ [6]). Тоже было съ вотчиной кн. Бориса Давидовича Тулупова, селомъ Воскресенскимъ, которое въ 1571—72 г. отдано было Троице-Сергіеву монастырю со всѣми деревнями, пустошами и зарослями впрокъ, безъ выкупа, и въ концѣ вѣка снова является во владѣніи того же монастыря [7]). Эти факты заставляютъ предпола-

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., № 11848.

[2]) А. И., I, № 177.

[3]) Д. А. И., I, стр. 380.

[4]) Въ духовной Грознаго, отличающейся частыми искаженіями собственныхъ именъ, онѣ названы «Кувено» и «Амелево».

[5]) А. И., III, стр. 183; Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 860, 861; Арх. Мин. Юст., Дозорн. Троицкихъ вотчинъ 7124 г., л. 273; Межев. кн. Суздал. у., № 11321, л. 569.

[6]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 858, 862; Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 11321. л. 568 об.

[7]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у., № 11843; Сборн. Тр. Серг. Л., № 530, л. 1093 об.; Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 870.

гать, что если не всѣ вотчины, поименованныя Грознымъ въ его духовной, то по крайней мѣрѣ часть ихъ отнята была имъ не непосредственно у князей вотчичей, а у монастырей, что такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной изъ неудавшихся секуляризаціонныхъ мѣръ XVI в. Возможно еще одно предположеніе, что отнятіе у монастырей стародубскихъ княжескихъ вотчинъ стоитъ въ связи съ опричниной; по крайней мѣрѣ это достовѣрно извѣстно относительно села Кувезина, которое по царскому указу 1569 г. владимірскимъ городовымъ прикащикамъ было взято въ опричнину вмѣстѣ съ другими вотчинами Симонова монастыря: «въ нынѣшнемъ 7077 году велѣли есми взять Симоновъ монастырь со всею вотчиною въ свою опричнину» [1]).

Князья Стародубскіе успѣли спасти нѣкоторыя вотчины не только за предѣлами эпохи Грознаго, но сохранили ихъ и въ XVII в. Такъ въ срединѣ XVII в. нѣсколько кн. Ромодановскихъ владѣли вотчинами въ Стародубо-Ряполовскомъ стану Суздальскаго уѣзда, а старинная вотчина, с. Ромоданово и слободка Богоявленская въ Суздалѣ, принадлежала имъ еще въ началѣ XVIII в. [2]) Кн. Ѳедоръ Кривоборскій по писцовой книгѣ 7101—7102 г. владѣлъ «вопче» съ Троице-Сергіевымъ монастыремъ рядомъ угодій и озеръ въ Стародубѣ-Ряполовскомъ, принадлежавшихъ къ вотчинамъ, отданнымъ Стародубскими князьями монастырю [3]). Кн. Пожарскіе, несмотря на то, что потеряли, судя по духовной Грознаго, особенно много вотчинъ, держались еще въ своихъ родовыхъ вотчинахъ въ концѣ XVI-го и первой половинѣ XVII-го вѣковъ. Въ 1571—72 г. кн. Петръ Тимоѳеевичъ Пожарскій продалъ по приказу снохи своей, жены кн. Петра Борисовича, въ Стародубѣ-Ряполовскомъ, въ Мугреевѣ на р. Лухѣ, вотчинную деревню Три Дворища и пятую выть поженъ кн. Михаилу Ѳедоровичу Третьякову Пожарскому за 15 руб. и шуба бѣличья пополнка. Въ 1587 г. кн. Дм. Мих. Пожарскій по приказу отца своего отдалъ названную деревню Спасо-Евфимьеву монастырю по душамъ родичей, а въ 1607—1608 г. онъ далъ тому же монастырю вотчину въ Мугреевѣ, деревню Елисеево, съ крестьянами и полдеревни Черепова [4]). Князю же Дмитрію Михайловичу принадлежало с. Холуй,

[1]) Рум. Музей, Бѣляевскій Сборн. № 1627, л. 5; см. также А. Викторова, Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева, стр. 115.

[2]) Владимір. Сб. Тихонравова, стр. 185—186; Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 11321, лл. 559 об., 560 об. — 561, 568 об., 571 об., 575 об.

[3]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 861—862.

[4]) А. И., I, № 220; Владимір. Сбор., стр. 130—131; Рум. Музей, Сборн. № 58, л. 9 об. — 12.

отданное потомъ Спасо-Евфимьеву монастырю, а отъ кн. Ивана Давидовича Гундорова досталась вотчина въ Суздальскомъ у., село Зименки, и въ Черномъ углу деревня Бережки на р. Шижехтѣ [1]). Въ писцовой книгѣ Суздальскаго уѣзда 1628—1630 гг. находимъ вотчины князей Пожарскихъ въ станахъ Ермолинѣ, Стародубо-Ряполовскомъ и Мыцкомъ [2]). Въ этой же книгѣ встрѣчаемъ указаніе на родовую вотчину кн. Татевыхъ, село Павловское въ Стародубо-Ряполовскомъ стану [3]). Въ 1629—30 г. княгиня Марья, жена кн. Бориса Петровича Татева, по изустному приказу сына своего кн. Ивана Борисовича (молитвенное имя Сергій) и жалованьемъ царя и патріарха, дала это село Троице-Сергіеву монастырю съ деревнями, пустошами и 2118 четями земли. Дана эта вотчина до государева указа и до выкупа [4]). Изъ князей Гундоровыхъ кн. Иванъ Давидовичъ является помѣщикомъ въ Стародубѣ Ряполовскомъ. Въ 1593—94 г. у него былъ споръ со Спасо-Евфимьевымъ монастыремъ изъ за земли между монастырскимъ седомъ Антилоховымъ и его помѣстьемъ, селомъ Мѣховицами [5]).

Княжество Суздальско-Нижегородское было пріобрѣтено Москвой не путемъ дипломатической сдѣлки или покупки, а послѣ продолжительной и упорной борьбы. Плѣнъ однихъ князей при взятіи Нижняго-Новгорода, бѣгство и безплодная борьба съ Москвой другихъ повели къ тому, что родовыя вотчины Суздальскихъ князей были частью разрушены и перешли въ чужія руки уже въ половинѣ XV в. Въ XVI в. нѣкоторыя отрасли суздальскаго рода, князья Шуйскіе, Горбатые, Ногтевы, поднимаются и занимаютъ мѣста въ первыхъ рядахъ московской служилой аристократіи. Сообразно ихъ личнымъ заслугамъ и положенію развивается и ихъ землевладѣльческое положеніе; нѣкоторые изъ нихъ въ XVI в. снова являются землевладѣльцами въ предѣлахъ своихъ бывшихъ княжествъ, но трудно сказать, дѣйствовала ли здѣсь послѣдовательная и непрерывная преемственность родоваго владѣнія, или личная выслуга и государево пожалованіе.

Въ источникахъ XVI в. не разъ встрѣчаемъ извѣстія о суздальскихъ вотчинахъ князей Горбатыхъ. Князь Борисъ Ивановичъ, отецъ знаменитаго воеводы, имѣлъ вотчины въ Суздальскомъ уѣздѣ.

[1]) Влад. Сборн., стр. 135.
[2]) Арх. Мин. Юст., писц., кн. № 11321, лл. 504, 530 об., 558 об., 586.
[3]) Ibid., л. 560 об. — 561.
[4]) Сборн. Тр. Серг. Лавры № 530, л. 885.
[5]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. № 11868.

Сохранился указъ о размежеваніи его владѣній съ землями селъ Омуцкаго и Сокольникова, принадлежавшихъ Спасо-Евфимьеву монастырю [1]). Кн. Александръ Борисовичъ былъ значительнымъ вотчинникомъ и помѣщикомъ въ Суздальскомъ, Ростовскомъ и Тверскомъ уѣздахъ, что не помѣшало ему, идучи на государеву службу, заложить все платье жены своей. Казнь Александра Борисовича съ сыномъ въ 1566 г. повлекла за собой и конфискацію его суздальскихъ вотчинъ. Грозный отказываетъ сыну Θедору въ Суздалѣ волость Каряковскую со всѣми деревнями, починками и рыбными ловлями, села Лопатниче, Борисово, полсела Горицъ и двѣ трети села Тернеева съ приселками, деревнями и починками [2]). Отъ кн. Михаила Васильевича Горбатаго сохранилось духовное завѣщаніе 1535 г. Изъ своей вотчины на Волгѣ онъ отказываетъ государю с. Бѣлгороды да за Волгою с. Коряково съ деревнями и всѣми угодьями. Село Дунилово съ деревнями и всѣми угодьями даетъ женѣ Аннѣ до смерти, «а послѣ ея живота въ томъ селѣ и деревняхъ вѣдаетъ Богъ да государь». Село Ярлыково также отказываетъ женѣ за ея «истерянное» приданое съ полными правами распоряженія; въ соборъ Пречистой въ Суздалѣ даетъ на поминовеніе с. Павловское «и съ тою половиною, что мнѣ далъ князь великій другую половину села Павловскаго противъ моей отчины, что мнѣ часть была въ Юрьевцѣ», къ Николѣ на Шатму — село Чернцы [3]). Въ 1558 г. была дана царская льготная грамота Покровскому Суздальскому монастырю на его вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ Шуѣ, село Ярлыково съ 33 деревнями и 7 починками, которые дала монастырю вдова кн. Михаила Васильевича Горбатаго [4]). Сохранились извѣстія о вотчинахъ еще нѣкоторыхъ князей Горбатыхъ. Одно судное дѣло 1541—42 г. упоминаетъ о пустошахъ и селищахъ кн. Ивана Васильевича Горбатаго, данныхъ въ приданое кн. Даніилу Васильевичу [5]). Изъ грамоты царя Ивана Шартомскому Николаевскому монастырю 1553 г. видно, что князьямъ Дмитрію и Василію

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздал. у. № 11791; А. И., I, № 107.

[2]) Д. А. И., I, 388. Кромѣ духовной Грознаго о Тверскихъ вотчин. кн. А. Горбатаго извѣстіе въ несудимой грамотѣ 1544 г. Троицкому Колязину монастырю на вотчину въ Кашинск. у. Сборн. Муханова, № 129; Также писц. кн., изд. Геогр. Об., II, 133—134. Купчая кн. Алекс. Горбатаго на деревню въ Ростов. у. Сборн. Тр. Серг. Лавры № 532, л. 745.

[3]) Данная на это село 1536 г. въ Сборн. кн. Хилкова, № 1. Владимір. Сборн. стр. 128—130.

[4]) Сборн. Рум. Музея, № 53, л. 30—31.

[5]) Акты Θедотова-Чеховскаго, I, ст. 87—88.

Горбатымъ въ Суздальскомъ уѣздѣ принадлежало село Горицы, перешедшее затѣмъ къ кн. Александру Иван. Шуйскому, попавшему въ ссылку въ 1587 г. [1]).

Князья Шуйскіе и Скопины раздавали вотчины по церквамъ и монастырямъ въ теченіе XVI в. и успѣли сохранить ихъ до половины XVII-го. Такъ вклады князей Шуйскихъ находимъ записанными въ синодикахъ и вкладныхъ книгахъ нѣкоторыхъ монастырей Суздальско-Владимірской области. Ан. Ѳедоровъ въ «Историческомъ Собраніи о градѣ Суздалѣ» упоминаетъ, что въ Дерской десятинѣ была вотчина кн. Шуйскихъ, село Кохма съ 9 деревнями, данное въ Суздальскій архіерейскій домъ по душѣ княгини Анисьи Петровны Шуйской [2]). Въ синодикахъ Рождественскаго и Покровскаго монастырей записаны вклады по кн. Мих. Вас. Суздальскомъ село Павловское, по кн. Ив. Ив. Шуйскомъ с. Ивановское-Шуйское [3]). Въ судномъ дѣлѣ 1541—42 г. сохранилась данная жены кн. Юрія Васильевича Шуйскаго Спасо-Евфимьеву монастырю на пустошь, слободку Чапиху съ иными пустошами, расположенныя на границѣ Владимірскаго и Суздальскаго уѣздовъ [4]), а въ судномъ дѣлѣ 1585—86 г. упоминаются вкладчики: князья Василій Ѳедоровичъ, Иванъ Петровичъ Шуйскіе, князья Василій, Андрей, Дмитрій, Александръ, Иванъ Ивановичи Шуйскіе [5]). Въ 1611—12 г. княгиня Елена, жена кн. Василія Ѳедоровича Скопина-Шуйскаго, и Александра, жена князя Михаила Васильевича, дали Троице-Сергіеву монастырю на поминокъ по своимъ мужьямъ впрокъ, безъ выкупа, двѣ свои старинныя родовыя вотчины въ Переяславлѣ Залѣскомъ, села Расловское и Микульское съ деревнями и всѣми угодьями [6]). Наконецъ, въ источникахъ находимъ отдѣльныя отрывочныя извѣстія о вотчинахъ князей Шуйскихъ и Скопиныхъ въ концѣ XVI-го и первой половинѣ XVII-го вѣковъ. Князю Ивану Петровичу Шуйскому въ концѣ XVI в. въ Суздальскомъ уѣздѣ принадлежало село Лопатничи [7]). Кохомская волость и села Рожествено и Иваново въ Шуйской области принадлежали въ 1619 г. Скопинымъ-Шуйскимъ [8]). Въ писцовыхъ книгахъ Суздальскаго и

[1]) Борисовъ, Описаніе г. Шуи, стр. 182—183.

[2]) Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн., кн. 22, стр. 103.

[3]) Владим. Сборн., стр. 89.

[4]) Акты Ѳедотова-Чеховкаго, I, ст. 87—88.

[5]) Ibid., ст. 237.

[6]) Сборн. Троице-Серг. Лавры № 530, л. 609.

[7]) Акты Ѳедотова Чеховскаго, I, ст. 236.

[8]) Борисовъ, Описаніе г. Шуи, стр. 178—179.

Владимірскаго уѣздовъ 1628—30 и 1636—1643 гг. находимъ вотчины князя Ивана Ивановича и княгини Анисьи Петровны Шуйскихъ [1]).

О вотчинахъ князей Ногтевыхъ узнаемъ изъ духовной грамоты кн. Андрея Васильевича Ногтева 1534 г. Вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ, Лежневскія деревни, что̀ достались ему послѣ брата кн. Василія Васильевича, онъ даетъ со всѣмъ Спасо-Евфимьеву монастырю; отца своего, кн. Василія Андреевича, благословенье, село Воскресенское съ деревнями, отказываетъ племянникамъ Ивану Семеновичу и Андрею Ивановичу съ обязательствомъ уплатить долги; а не захотятъ племянники платить долги, «ино та моя вотчина, с. Воскресенское съ деревнями, должникомъ моимъ за ихъ денги, которой долгъ въ сей моей духовной писанъ; волны они продать кому хотятъ». «Пашенку новую Петровское» и деревни Сыдюковскаго угла онъ также отказываетъ Евфимьеву монастырю, предоставляя племянникамъ право выкупить ихъ за 500 руб. Племянникъ Андрей Ивановичъ дѣйствительно эту вотчину выкупилъ [2]).

Судьба вотчинъ Тверскаго княжескаго рода не представляетъ оригинальныхъ чертъ сравнительно съ землевладѣльческой судьбой другихъ княжескихъ родовъ сѣверо-восточной Руси. Вотчины Тверскихъ князей также частью сохранились за ними до второй половины XVI в., частью отошли къ монастырямъ, частью поступили, какъ выморочныя, въ раздачу разнымъ служилымъ людямъ. Изъ трехъ сыновей послѣдняго удѣльнаго Микулинскаго князя Андрея Борисовича, перешедшаго на московскую службу незадолго до паденія Твери, въ тверскихъ писцовыхъ книгахъ землевладѣльцемъ является одинъ только Василій Андреевичъ. За нимъ въ половинѣ XVI в. оказывается только извѣстная часть Микулинскаго уѣзда, да и то далеко не вся; по книгѣ 7048 г. въ той части Микулинскаго уѣзда, что была вотчиной кн. Василія Андреевича, находились большія помѣстья князей Алекс. Борис. Горбатаго, Сем. Вас. Ростовскаго, Григор. Васил. Морозова; за женой же князя Василія Андреевича были два села, Палицыно и Васильевское, волости Савинская съ 94 деревнями, 4 починками и 1 пустошью. Кромѣ того тамъ находились «княже Васильевскіе жъ вотчины деревни, кото-

[1]) Арх. Мин. Ю., кн. № 11321, лл. 39 об., 158, 433; кн. № 608, лл. 436 об.—438; см. также Борисова, Описаніе г. Шуи, стр. 162 и прил. № 19; Владимір. Сб., стр. 140.

[2]) Сборн. кн. Хилкова, № 57. О заувотскихъ деревняхъ кн. Вас. Андр. Ногтева, примыкающихъ къ Шуйскому рубежу и промѣненныхъ въ концѣ XV или нач. XVI в. вотчиннику Ив. Посульщикову, см. Акты Н. П. Лихачова, стр. 5.

рые еще не отданы никому», всего 21 деревня и 1 починокъ [1]). По второй писцовой книгѣ Тверскаго уѣзда, составленной, по всей вѣроятности, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVI в., въ Микулинскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Василія Андреевича, находились вотчинныя села и деревни «дѣтей боярскихъ, тверичъ и микулинцевъ», изъ которыхъ нѣкоторые служили женѣ кн. Василія, другіе кн. Семену Ивановичу Микулинскому, третьи царю и вел. князю; въ этой вотчинѣ находились села и деревни монастырей Борисоглѣбскаго, Архангельскаго и Іосифовскаго [2]). За княземъ же Василіемъ Андреевичемъ были вотчины и въ другихъ тверскихъ волостяхъ, Суземьѣ, Воловичахъ [3]).

Писцовыя книги въ числѣ тверскихъ землевладѣльцевъ называютъ еще слѣдующихъ Микулинскихъ князей: Дмитрія Ивановича, Ивана Ивановича и Семена Ивановича Пунковыхъ Микулинскихъ, Ивана Андреевича Пункова [4]). Князья Пунковы Микулинскіе владѣли въ разныхъ волостяхъ и станахъ тверскихъ не только вотчинами, но и помѣстьями [5]).

Въ разныхъ волостяхъ писцовыя книги называютъ многихъ землевладѣльцевъ, состоящихъ на службѣ у кн. Микулинскихъ. Но всѣ эти служилые люди въ поземельномъ отношеніи были совершенно независимы отъ князей, которымъ служили. Документами на право владѣнія у нихъ были большею частью купчія грамоты, а также жалованныя грамоты тверскихъ великихъ и удѣльныхъ князей [6]).

О земельныхъ вкладахъ кн. Микулинскихъ узнаемъ изъ данныхъ грамотъ двухъ княгинь, вдовъ князей Семена и Дмитрія Ивановичей, отказавшихъ Троице-Сергіеву монастырю рядъ селъ и деревень въ Тверскомъ и Микулинскомъ уѣздахъ [7]).

[1]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 133—140. Кн. Василія Андреевича въ это время уже не было въ живыхъ.

[2]) Ibid., 194—198.

[3]) Ibid., 163, 204.

[4]) Неясно наименованіе этихъ князей Микулинскими. Родъ собственно Микулинскихъ князей окончился бездѣтными сыновьями Андрея Борисовича: Владиміромъ, Юрьемъ, Василіемъ и Иваномъ. Князья же Семенъ, Дмитрій и Иванъ, упоминаемые тверскими писцовыми книгами, были сыновьями Ивана Андреевича Пунка и происходили отъ Ѳедора Александровича Телятевскаго, брата Бориса Александровича Микулинскаго.

[5]) Ibidem., 113—115, 163, 181, 197, 214, 217, 233.

[6]) Ibidem., 147, 148, 190—192, 197, 209, 269—272.

[7]) Сборн. Тр. Серг. Лавры № 532, л. 266 об.; В. О. Ключевскій, Бояр. Дума, стр. 245.

Сыновья Андрея Борисовича Микулинскаго и Ивана Андреевича Пунка всѣ были бездѣтны, и такимъ образомъ роды князей Микулинскихъ и Пунковыхъ пресѣклись во второй половинѣ XVI в. Ихъ родовыя вотчины, оставшіяся за раздачей служилымъ людямъ москвичамъ и тверичамъ, поступили въ собственность московскаго государя. Грозный отказалъ царевичу Ивану «городъ Микулинъ съ волостьми и съ селы и со всѣми пошлинами и со княжь Семеновскою вотчиною Микулинскаго, которая не отдана» [1]).

Князю Осипу Андреевичу Дорогобужскому, перешедшему на московскую службу въ 1485 г. вмѣстѣ съ Андреемъ Микулинскимъ, послѣ покоренія Твери были, вѣроятно, возвращены его тверскія вотчины. За женой его, княгиней Ириной, въ волости Шесткѣ было 4 села съ деревнями и починками. Ко времени составленія второй писцовой книги княгини Ирины уже не было въ живыхъ; частью ея вотчины, селомъ Городищемъ съ деревнями, царь пожаловалъ княгиню Марью, жену кн. Ив. Ив. Дорогобужскаго, а прочія села и деревни перешли во владѣніе другихъ лицъ [2]). Бездѣтный кн. Иванъ Ивановичъ, закончившій вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ родъ князей Дорогобужскихъ, умеръ въ половинѣ вѣка, и его выморочныя вотчины, по второй писцовой книгѣ, частью были оставлены за его женой, частью розданы разнымъ служилымъ людямъ. Такъ за его женой Марьей въ волости Шесткѣ осталось село Ивановское съ 49 деревнями и починками, а въ Кушалинѣ и въ Узкомъ углу вотчины кн. Ивана Ивановича перешли во владѣніе кн. Ив. Ѳед. Мстиславскаго, царскихъ сытниковъ и служилыхъ людей князей Курлятева и Мстиславскаго [3]).

Наконецъ, земельныя владѣнія въ Тверской области имѣли князья Чернятинскіе, служебное положеніе которыхъ очень темно. Повидимому, ихъ тверскія владѣнія, о которыхъ сообщаетъ вторая писцовая книга, не были остатками ихъ удѣла. Вотчина кн. Василія Васильевича Чернятинскаго въ Суземьѣ, село Заборье съ деревнями, перешла къ князю Дмитрію Ивановичу Хованскому. Князь Никита Васильевичъ владѣлъ нѣсколькими сельцами и деревнями въ Воловичахъ, перешедшими къ нему отъ другихъ лицъ по мѣновнымъ грамотамъ и рядному списку. О немъ въ писцовой книгѣ отмѣчено, что онъ служитъ царю и великому князю. Женѣ третьяго князя Чернятинскаго, княгинѣ Авдотьѣ, была пожалована въ 7056

[1]) Д. А. И., I, стр. 383.

[2]) Писц. кн., II, 246—247.

[3]) Ibid., 246, 289—290.

году въ помѣстье часть выморочной вотчины кн. Осипа Андреевича Дорогобужскаго [1]).

Князья Холмскіе и Телятевскіе, занимавшіе видныя мѣста въ служебной іерархіи XVI в., уже не встрѣчаются въ эту эпоху въ числѣ землевладѣльцевъ Тверской области. Братъ Даніила Дмитріевича, перешедшаго на московскую службу въ половинѣ XV в., Михаилъ Дмитріевичъ Холмскій, до самаго паденія Твери занималъ первое мѣсто между тверскими удѣльными князьями, участвуя въ договорахъ вел. князя Тверскаго, какъ его младшій братъ, и въ 1486 г. во главѣ тверскихъ князей и бояръ отворилъ ворота Твери московскому государю [2]). Къ этому времени братъ его Даніилъ Дмитріевичъ успѣлъ уже не разъ отличиться въ званіи московскаго воеводы. Не сохранилось никакихъ извѣстій о томъ, чтобы князья Холмскіе чѣмъ-нибудь навлекли на себя опалу Іоанна III; поэтому переходъ ихъ родовыхъ вотчинъ въ собственность московскаго государя можно объяснить только предположеніемъ какой-нибудь частной сдѣлки, продажи или промѣна. Нельзя объяснить этого перехода и систематическимъ удаленіемъ тверскихъ удѣльныхъ князей изъ ихъ родовыхъ гнѣздъ, такъ какъ другіе князья, какъ мы видѣли, спокойно оставались въ нихъ и во второй половинѣ XVI в. Вел. князь Иванъ Васильевичъ отказалъ сыну Андрею вотчину Холмскихъ, Холмъ, Новый городокъ, волости Олешню и Синюю со всѣми волостями, путями, селами и пашнями, какъ писалъ ихъ Андрей Карамышевъ [3]). Утративъ родовыя вотчины, князья Холмскіе сдѣлались крупными вотчинниками въ центральныхъ областяхъ государства.

Сжатый обзоръ процесса разрушенія родовыхъ владѣній сѣверо-восточныхъ княжескихъ родовъ, племени Всеволода III, подтверждаетъ тѣ заключенія, которыя были представлены нами въ предыдущей главѣ о причинахъ и условіяхъ мобилизаціи вотчиннаго землевладѣнія. Политическое объединеніе сѣверо-восточной Руси въ общемъ не только не разрушало частныхъ земельныхъ владѣній князей, но позволяло даже послѣднимъ сохранять нѣкоторые внѣшніе пріемы и традиціи былой политической самостоятельности. На почвѣ этихъ традицій не могли не возникать время отъ времени недоразумѣнія и столкновенія съ московскимъ правительствомъ, которыя влекли за собой конфискацію княжескихъ вот-

[1]) Ibid., 164, 204—205, 247.

[2]) См. біографію его у Экземплярскаго, II, 549.

[3]) С. Г. Гр. и Дог., I, стр. 397.

чинъ. Княжескія вотчины, далѣе, переходили въ собственность государя на основаніи законовъ о выморочныхъ княжескихъ вотчинахъ, имѣвшихъ цѣлью сохранить ихъ для службы. Наконецъ, княжескія земли пріобрѣтались государями частнохозяйственными способами, куплей, мѣной. Но и тѣ и другія мѣры не были орудіями послѣдовательной системы, направленной къ разрушенію крупнаго вотчиннаго княжескаго землевладѣнія. Традиція родоваго землевладѣнія не только не умерла въ XVI в., но пережила даже наиболѣе критическую эпоху, время Грознаго, и перешла за предѣлы этого столѣтія. Основныя, глубокія причины мобилизаціи родоваго княжескаго землевладѣнія лежали внѣ политическихъ плановъ и хозяйственныхъ разсчетовъ московскихъ государей. Процессъ разрушенія родоваго княжескаго землевладѣнія сѣверо-восточной Руси является достаточно полной иллюстраціей положеній, развитыхъ въ предыдущей главѣ. Родовое княжеское землевладѣніе разрушалось силами, заложенными въ основахъ юридическаго и экономическаго быта московской Руси и въ ея религіозно-нравственномъ міросозерцаніи, тѣми именно силами, которыя управляли мобилизаціей вотчиннаго землевладѣнія вообще.

Вступая на службу московскаго государя, князья должны были волей-неволей разставаться съ своими родовыми гнѣздами и расходиться во всѣ концы государства, всюду, куда заносила ихъ служба. Центромъ, къ которому стягивалось наибольшее число служилыхъ князей, была конечно Москва, какъ мѣстопребываніе служилой аристократіи, какъ центральный лагерь военно-служилаго класса. Благодаря этому, въ XVI в. кругомъ Москвы и въ сосѣднихъ уѣздахъ должна была образоваться значительная площадь княжескаго землевладѣнія, вотчиннаго и помѣстнаго, такъ какъ по условіямъ служебной организаціи того времени служба въ извѣстномъ центрѣ влекла за собой и болѣе или менѣе долговременную осѣдлость въ его районѣ. Примѣръ сосредоточенія служилыхъ князей около Москвы и образованія изъ нихъ класса подмосковныхъ землевладѣльцевъ представляетъ испомѣщеніе выборной тысячи въ 1550 г. Въ «Тысячной книгѣ» насчитываемъ около сотни сѣверо-восточныхъ князей, которые въ это время были переведены изъ провинціи въ составъ столичнаго дворянства и получили подмосковныя помѣстья по тремъ статьямъ [1]). Много отрывочныхъ свѣдѣній

[1]) Алфавитъ къ Тысячной книгѣ, составленный г. Сторожевымъ, въ Описаніи документовъ и бумагъ Арх. Мин. Юст., кн. VIII, стр. 209 и слѣд.

о вотчинахъ и помѣстьяхъ князей въ центральной области государства даютъ писцовыя книги и разные поземельные документы. Но къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія, отрывочныя и неполныя, не позволяютъ рѣшить наиболѣе интереснаго вопроса, которая ихъ двухъ формъ служилаго землевладѣнія преобладала,—вотчина или помѣстье. И землевладѣніе сѣверо-восточныхъ князей въ центральной полосѣ носило печать такой же, если не большей, подвижности, какъ и землевладѣніе родовое. Здѣсь не было тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, которыя сдерживали до нѣкоторой степени мобилизацію землевладѣнія на сѣверо-востокѣ. Въ центральной области князья, владѣющіе старыми вотчинами и помѣстьями, перешедшими къ нимъ по наслѣдству, встрѣчаются какъ рѣдкія исключенія въ писцовыхъ книгахъ. Вотчины и помѣстья, пріобрѣтаемыя князьями въ окрестностяхъ Москвы пожалованіемъ, выслугой, куплей, постоянно дробились и мѣняли владѣльцевъ, переходя въ руки другихъ служилыхъ людей различныхъ ранговъ или въ собственность монастырей, или, наконецъ, лежали «впустѣ» болѣе или менѣе продолжительное время [1]). Быстрота мобилизаціи княжескаго землевладѣнія въ окрестностяхъ Москвы увеличивалась однимъ особымъ условіемъ, кромѣ тѣхъ, которыя мы разсматривали въ предыдущей главѣ. Кругомъ Москвы происходила постоянная смѣна служилыхъ людей. Лучшіе представители провинціальнаго дворянства, сосредоточиваясь въ Москвѣ, расходились отсюда по всѣмъ областямъ государства, занимая высшія должности въ мѣстной администраціи. Какъ зачисленіе дворянина въ московскій списокъ давало ему право на полученіе подмосковнаго помѣстья, такъ переводъ его въ провинцію на должность воеводы, осаднаго головы, стрѣлецкаго головы или сотника, давалъ ему землевладѣльческую осѣдлость на мѣстѣ новой службы. [2]). Такимъ образомъ постоянный приливъ и отливъ служилыхъ людей вокругъ Москвы долженъ былъ отражаться на быстротѣ мобилизаціи землевладѣнія въ этомъ районѣ.

Москва стягивала къ себѣ лучшихъ по породѣ и по службѣ представителей княжескаго сословія; лучшіе по породѣ наполняли ряды высшей служебной аристократіи, лучшіе по службѣ — ряды отборнаго московскаго войска. Въ провинцію, на высшія должности мѣстной военной и гражданской администраціи, князья переводились прежде всего изъ Москвы, изъ членовъ боярскаго сословія,

[1]) Свѣдѣнія о княжескомъ землевладѣніи въ центральной полосѣ можно найти въ писцовыхъ книгахъ Московскаго, Коломенскаго, Звенигородскаго и другихъ уѣздовъ въ I т. писц. книгъ, издан. Геогр. Общ. См. также указатель къ этимъ книгамъ.

[2]) См. ниже о службѣ изъ разныхъ городовъ.

или вообще изъ «московскаго списка». На должностяхъ намѣстниковъ, воеводъ, осадныхъ головъ и другихъ князья не успѣвали, конечно, пріобрѣсти особенно крѣпкихъ связей съ мѣстомъ своей службы, такъ какъ сроки занятія этихъ должностей были непродолжительны, но и въ этихъ случаяхъ, какъ увидимъ, они успѣвали пріобрѣтать земельныя владѣнія въ районѣ своей, хотя бы и кратковременной, службы. Но далеко не всѣ князья попадали въ Москву, хотя бы въ число московскихъ дворянъ. Масса ихъ разсѣивалась службой по всѣмъ концамъ государства. Обѣднѣвшіе, захудалые представители хорошихъ фамилій и представители фамилій не видныхъ, ничѣмъ никогда не выдвигавшихся, вырванные службой изъ ихъ родовыхъ гнѣздъ, не успѣвшіе попасть въ московскій списокъ, разбредались по разнымъ концамъ государства и часто пріобрѣтали въ провинціи служебную осѣдлость, дѣлались членами мѣстныхъ дворянскихъ военныхъ обществъ. Принадлежность къ мѣстному служилому обществу заставляла такихъ князей писаться въ оффиціальныхъ актахъ «рязанцами», «костромичами», «лучанами», «нижегородцами» не потому, что изъ этихъ областей вели они свое происхожденіе, а потому, что къ нимъ они принадлежали по службѣ. Вотъ примѣры. Въ окладной боярской книгѣ 1619 г. встрѣчаемъ: «рязанца» кн. П. К. Дулова, «деревскія пятины» кн. В. П. Кропоткина, «лучанина» кн. С. И. Андомскаго, «галичанина» кн. В. Р. Козловскаго, «рязанца» кн. О. И. Гагарина, «воцкой пятины» кн. С. А. Мещерскаго, «ярославца» кн. Б. Гр. Вяземскаго и т. п. [1]). Также кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг. называетъ «серпьянина» кн. Ив. Дм. Вяземскаго, «муромца» кн. А. И. Болховскаго, «вологжанина» кн. Ив. В. Дябринскаго, «нижегородца» кн. Ѳ. Ѳ. Болховскаго, «торопчанина» кн. А. Шаховскаго [2]). Какъ провинціальные служилые люди, князья заносились въ десятни. Такъ въ Коломенской десятнѣ 1577 г. въ числѣ дворовыхъ записаны князья Щетинины, въ Каширской 1599 г. въ числѣ окладчиковъ князья Засѣкинъ и Мещерскіе, въ числѣ дворовыхъ — Мещерскіе, Барятинскій [3]). Въ составѣ выборной тысячи въ 1550 г. князья были набраны не только изъ ихъ бывшихъ удѣловъ, но также изъ всѣхъ тѣхъ областей, по которымъ они были разсѣяны службой [4]).

[1]) М. Арх. Мин. Ин. Д., окладная боярская книга 7127 г., № 3, стр. 155, 211, 254, 317, 346, 375, 381, 429, 462, 483, 495.

[2]) Названная книга издана А. Н. Зерцаловымъ, стр. 118, 127, 134, 161, 160.

[3]) Десятни, изд. г. Сторожевымъ, стр. 31, 146, 147, 151, 152, 155, 156, 164.

[4]) Алфавитъ къ тысячной книгѣ у г. Сторожева, стр. 209 и слѣд.

Служебная осѣдлость князя въ какомъ-нибудь уѣздѣ влекла за собой и землевладѣльческую осѣдлость его тамъ же. Возьмемъ для примѣра нѣсколько окраинныхъ областей, гдѣ группировались болѣе многочисленныя земельныя владѣнія князей, мѣстныхъ служилыхъ людей. Начнемъ съ Новгородской области. Между землевладѣльцами новгородскихъ областей писцовыя книги и другіе акты XVI в. называютъ многихъ сѣверо-восточныхъ князей Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ, Ярославскихъ, принадлежащихъ къ мѣстному служилому сословію, мѣстныхъ служилыхъ людей и землевладѣльцевъ [1]). Всѣ эти князья сидятъ или разбросанно, въ одиночку, или группами, семейными, родовыми гнѣздами. Такъ, напримѣръ, въ оброчной книгѣ Деревской пятины 1495 г. описана волость Лопастицы, бывшая въ помѣстьѣ за князьями Андреемъ, Ѳедоромъ, Иваномъ, Василіемъ, Григоріемъ, Александромъ Шаховскими [2]). Въ другой писцовой книгѣ конца вѣка находимъ группу помѣстій, принадлежавшихъ нѣсколькимъ князьямъ Засѣкинымъ, Ивану Ѳедоровичу, Александру Ѳедоровичу, Ивану Гундору, Осипу Васильевичу [3]).

Нѣкоторые изъ всѣхъ этихъ сѣверо-восточныхъ князей, разсѣянныхъ по Новгородской, Псковской и сосѣдней областямъ, не принадлежали къ постоянному мѣстному контингенту служилыхъ людей, а были людьми пришлыми, занимавшими на извѣстный срокъ, обыкновенно очень короткій, высшія должности въ мѣстной военной и гражданской администраціи. Сообразно своимъ высокимъ чинамъ они имѣли и высокіе помѣстные оклады, слѣдовательно владѣли и болѣе крупными помѣстьями. Такъ помѣстья двухъ князей Шуйскихъ, Ивана Петровича и Василія Ѳедоровича Скопина, мы находимъ въ той области, съ которой родъ Шуйскихъ имѣлъ давнія служебныя связи, именно въ области Пскова, гдѣ оба на-

[1]) О земельныхъ владѣніяхъ князей Ростовскихъ упоминаютъ Новгор. писц. книги, изд. Арх. Комм., тт. I, 251, 358, 559; II, 61, 590; IV, 559. А. И., I, 364, 447. Д. А. И., I, 98, 113—114, 128, 180. Писц. кн. Деревской пятины 1581—1582 гг., Записки Русск. Геогр. Общ., кн. VIII, стр. 250, 251—252, 254. Писц. книги конца вѣка въ Арх. Мин. Юст., № 974, лл. 1—157, 159—323; № 959, лл. 6 об., 10 об., 38, 302, 46, 131 об., 24 об., 227, 280 об., 567 об.

О кн. Бѣлозерскихъ — Д. А. И., I, № 47, 1; Новгор. писц. книги, изд. Арх. Ком. т. IV, 106, 408—410, 419—421, 432.

О князьяхъ Ярославскихъ — Новг. писц. кн., изд. Арх. Комм., тт. I, 687; II, 458, 638, 784; III, 833; IV, 568—569. Арх. Мин. Юст., кн. 964, лл. 865, 867, 879, 881 об., 909 об., 938 об.

[2]) Новг. писц. кн., изд. Археогр. Комм., т. II, 784.

[3]) Арх. Мин. Юст., кн. 964, лл. 865, 867, 879, 881 об., 909 об., 938 об.

званные князя бывали намѣстниками. Къ концѣ XVI в. за княземъ Ив. Петр. Шуйскимъ въ Островскомъ уѣздѣ, Михайловской губѣ, было 14 деревень, 10 пустошей, 3 пустоши припускныхъ. Въ годъ переписи это помѣстье значилось уже отписаннымъ на государя. Тому же князю принадлежало помѣстье въ Псковскомъ уѣздѣ, Завелицкой засадѣ, Каменской губѣ, 4 деревни, въ Корельской губѣ—1 деревня, Пецкой губѣ — 1 село и 7 деревень. Помѣстье въ Каменской губѣ также было отписано на государя. Кн. Василій Өедоровичъ имѣлъ помѣстье въ Псковскомъ уѣздѣ, Прудской засадѣ, Усистовской губѣ [1]).

Изъ племени Стародубскихъ князей кн. Богданъ Васильевичъ Гагаринъ, бывавшій намѣстникомъ въ Орѣшкѣ и на Великихъ Лукахъ, владѣлъ помѣстьями въ концѣ вѣка въ двухъ станахъ, Влицкомъ и Боруцкомъ, Ржевскаго уѣзда и въ Невельскомъ уѣздѣ. Окладъ ему былъ написанъ въ 600 четей и не дошло въ окладъ 140 четей слишкомъ [2]).

Писцовыя книги Казанской области второй половины XVI в. раскрываютъ, какъ мобилизовалось служилое землевладѣніе на окраинахъ при очередныхъ смѣнахъ служилыхъ людей. Княжескій элементъ среди мѣстнаго служилаго сословія, повидимому, не долго засиживался на этой окраинѣ, удерживаемый только очередной службой. Такъ въ описи помѣстій, разверстанныхъ между служилыми людьми въ 7075 г., упоминается рядъ помѣстій сѣверовосточныхъ князей; большинство этихъ князей уже утратили въ 7075 г. свои помѣстья, которыя по отдѣлу этого года оказываются во владѣніи другихъ лицъ. Таковы были кн. Шемяка Гагаринъ съ братьею и племянниками, всего 12 человѣкъ, владѣвшіе сообща однимъ помѣстьемъ изъ дворцовыхъ земель; князья Дмитрій и Иванъ Юрьевичи Темкины-Ростовскіе, кн. Иванъ Дмитріевичъ Шестуновъ съ товарищами, кн. Даніилъ Юрьевичъ Сицкій, кн. Михаилъ и Иванъ Темкины-Ростовскіе, цѣлое гнѣздо князей Ушатыхъ, Иванъ и Даніилъ Васильевичи Чулковы, Өедоръ Ниловъ, Семенъ Юрьевичъ, также сообща владѣвшіе однимъ помѣстьемъ; кн. Ив. Щетининъ, князья Дмитрій Петровичъ и Иванъ Ивановичъ Засѣкины, князья Иванъ и Өедоръ Гагарины. Всѣ эти князья, какъ видно, очень недолго пробыли казанскими помѣщиками, если вспо-

[1]) Арх. Мин. Юст.. писц. кн. 827, лл. 947—950; кн. 830, лл. 726—728 об., 1108 об., 1112 об.

[2]) Древн. Рос. Вивл., XIV, 346, 362, 476; Арх. Мин. Юст., писц. кн. 8183, л. 310 и слѣд.

мнить, что между составленіемъ писцовой книги и покореніемъ Казани прошло съ небольшимъ 10 лѣтъ[1]). Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ служба создала только временную, а не постоянную землевладѣльческую осѣдлость.

Аналогичное явленіе наблюдаемъ въ писцовой книгѣ того же времени Свіяжскаго уѣзда. Тамъ въ 7075 г. всѣ помѣстныя земли были розданы въ помѣстья по новой разверсткѣ. Въ разверстку и отдѣлъ 75 года попали порозжія помѣстья, «что по прежнему отдѣлу 74 года были въ помѣстьяхъ за новыми (и) прежними свіяжскими жильцами, которыхъ государь велѣлъ отъ свіяжскаго житья отставити». Такимъ образомъ отставка служилаго человѣка отъ «житья», выходъ изъ мѣстнаго служилаго класса влекли утрату имъ помѣстья. Между отставными свіяжскими жильцами, потерявшими помѣстья, находимъ много сѣверо-восточныхъ князей: Андрея, Василія, Василія Меншого Ивановичей Кривоборскихъ, Ивана Вас. Темкина-Ростовскаго, Ивана и Петра Андр. Ковровыхъ, Ивана Семен. Коврова, Андрея Ив. Гундорова, Василія Вас. Львова, Никиту и Ѳедора Дмитр. Яновыхъ, Ивана Вас. Темкина, Романа Андр. Пріимкова съ сыномъ, Андрея Матв. Бычкова, Ивана Семен. и Ѳедора Михайл. Лобановыхъ-Ростовскихъ[2]). Вмѣстѣ съ помѣстными землями въ уѣздѣ отняты были въ 7075 г. у отставленныхъ жильцовъ дворы въ Жилецкой слободѣ, полученные ими «на пріѣзды» не далѣе, какъ въ предыдущемъ 7074 г. На смѣну отставленнымъ въ 7075 г. явилась новая группа князей того же сѣверо-восточнаго племени, которая и расположилась на помѣстныхъ земляхъ прежнихъ помѣщиковъ. Между прочими были помѣщены въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ 7075 году и представители высшей мѣстной администраціи: бояринъ и воевода кн. Андр. Ив. Ростовскій на 500 четей, кн. Мих. Ѳед. Бахтеяровъ-Ростовскій на 350, кн. Ник. Дмитр. Ростовскій на 300, кн. Ник. Мих. Стародубскій на 300, кн. Семенъ Пожарскій на 175 четей[3]). За этими высшими чинами слѣдовалъ рядъ другихъ князей, повидимому, низшихъ чиновъ: Мих. Андр. Пріимковъ съ сыномъ, Василій, Левъ и 2 Ивана Морткины, Ѳед. Ив. Меншой Пожарскій, Петръ, Ѳедоръ, Михаилъ Пожарскіе, Ив. Вас. и Ром. Ив. Гундоровы, Василій и Иванъ Дмитріе-

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 152, лл. 145 об., 147, 148, 151 об., 152, 182 об 187, 188.

[2]) Арх. Мин. Юст., кн. 432, лл. 180 об. — 181, 193 об., 201, 205, 212 об. — 213, 255 об.

[3]) Ibid., лл. 178—185, 185 об. — 189 об., 189 об. — 197 об., 197 об. — 204 об., 236 об.—239.

вичи и Вас. Ѳед. Жировые-Засѣкины, Андрей Лобановъ и Дмитр. Вас. Солнцевы [1]).

Можно указать еще на одну окраину, гдѣ разбросаны были вотчинныя и помѣстныя гнѣзда сѣверо-восточныхъ князей, мѣстныхъ служилыхъ людей постоянныхъ и временныхъ. Это — рязанская область. По писцовымъ книгамъ конца XVI в. встрѣчаемъ помѣстья князей Лобановыхъ-Ростовскихъ (Ѳед. и Семена Михайл.), Пріимкова (Алекс. Дан.) въ Перевицкомъ стану Зарайскаго уѣзда [2]), помѣстья князей Дуловыхъ (Дан. Ѳед., Кирил. Игнат., Григ. Ѳед., Дмитр. Иван.) въ Ряжскомъ, Зарайскомъ и Пронскомъ уѣздахъ [3]), тѣсную группу помѣстій князей Гагариныхъ (Аѳан. Ѳед., Петра Андр., Ив. Петр., дѣтей кн. Семена, Влад. Ѳед., Ник. Ѳед., Андр Ѳед.) въ двухъ станахъ Зарайскаго уѣзда [4]), помѣстья кн. Голыгиныхъ [5]) (Петра Иван., Ив. Иван., Вас. Петр.) и нѣкоторыхъ другихъ изъ фамилій Засѣкиныхъ, Гундоровыхъ, Хворостининыхъ въ тѣхъ же уѣздахъ [6]). Судя потому, что нѣкоторыя изъ помѣстій перечисленныхъ князей были старыми, наслѣдственными, а другими помѣстьями владѣли на правахъ прожитка вдовы и дѣти князей, надо предполагать, что въ рязанской области князья сѣверо-восточные пустили болѣе глубокіе владѣльческіе корни, чѣмъ на казанской окраинѣ. Очередная служба не дѣйствовала такъ сильно на мобилизацію служилой земли.

Итакъ, силой, управлявшей землевладѣльческой судьбой сѣверо-восточныхъ князей внѣ ихъ родовыхъ гнѣздъ, была служба. Она стягивала князей къ политическому и служебному центру, Москвѣ, разбрасывала по всѣмъ окраинамъ. Служба не только распредѣляла княжеское землевладѣніе по территоріи государства, но и опредѣляла собой бо́льшую или меньшую прочность землевладѣльческой осѣдлости. Служба краткосрочная, не создававшая прочныхъ связей между служилымъ человѣкомъ и мѣстомъ его службы, дѣлала такимъ же непрочнымъ, временнымъ и его землевладѣльческое положеніе. Наоборотъ, чѣмъ тѣснѣе сливался князь съ мѣстнымъ служилымъ обществомъ, чѣмъ глубже уходилъ онъ въ его ряды, тѣмъ прочнѣе осаживался онъ и въ качествѣ землевладѣльца въ данной мѣстности.

[1]) Ibid., лл. 217, 224, 227 об., 239 об., 240, 243 об.

[2]) Арх. Мин. Юст., кн. 396, л. 509 об., 614.

[3]) Ibid., лл. 388, 393, 663, 705, 724; кн. 354, лл. 137 об., 246.

[4]) Арх. Мин. Юст., кн. 396, лл. 585 об., 586, 588, 602 об., 614 об., 615, 617 об., 618 об., 619 об., 620.

[5]) Ibid., лл. 512, 518, 526 об., 615 об., 662.

[6]) Ibid., лл. 407 об., 613, 613 об., 659, 698.

II.

Тѣ-же причины и условія земельной мобилизаціи, которыя мы наблюдали въ сѣверо-восточной Руси, дѣйствовали и на юго-западѣ, во владѣніяхъ потомства Ростислава смоленскаго и св. Михаила черниговскаго, тѣхъ юго-западныхъ русскихъ князей, удѣлы которыхъ отошли отъ Литвы къ Москвѣ въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI вѣковъ. Но въ положеніи многочисленныхъ князей смоленскаго и черниговскаго родовъ, сравнительно съ ихъ сѣверо-восточными собратьями, были особенности, обусловленныя географическимъ положеніемъ ихъ удѣловъ. Благодаря, именно, ихъ срединному положенію между двумя государствами, создался оригинальный порядокъ двухсторонней службы многихъ черниговскихъ князей одновременно Литвѣ и Польшѣ [1]). И переходя на службу московскому государю, эти князья не становились подданными послѣдняго, его слугами въ обыкновенномъ значеніи этого слова; они оставались нѣкоторое время въ ряду тѣхъ слугъ московскаго государя, которые носили спеціальное имя «служилыхъ князей», т. е. князей, не носившихъ никакого московскаго чина, но сохранявшихъ владѣтельныя права на свои удѣлы. Но, разумѣется, ни отношенія Московскаго государства къ Литовскому, ни отношенія московскихъ государей къ ихъ слугамъ не могли благопріятствовать продолжительному сохраненію южно-русскими удѣльными «служилыми» князьями ихъ независимаго положенія. Служебная нивеллировка московскихъ слугъ низвела ихъ въ ряды общей массы московскихъ чиновъ. Вскорѣ послѣ присоединенія ихъ удѣловъ къ Москвѣ южно-русскіе князья смоленскаго и черниговскаго племени появляются на московской службѣ, украшенные чинами бояръ и другихъ высшихъ служебныхъ степеней. Только за однимъ изъ нихъ, кн. М. И. Воротынскимъ, сохраняется почетный титулъ «слуги», напоминавшій о его прежнемъ положеніи служилаго князя. Въ самомъ концѣ XV-го и въ XVI вѣкѣ, когда антагонизмъ между Москвой и Литвой поднялся до степени національной исторической вражды и когда стала замѣчаться нѣкоторая обостренность отношеній между московскимъ государемъ и его боярствомъ, пограничное положеніе владѣній черниговскихъ и смоленскихъ князей должно было обратить вниманіе московскаго правительства на возможность для нихъ измѣны

[1]) Леонтовичъ, Очерки исторіи литовско-русскаго права, I, 175—182.

*

и отъѣзда, даже съ вотчинами, снова въ Литву. Изъ клятвенныхъ и поручныхъ записей о вѣрной службѣ и неотъѣздѣ въ Литву, напечатанныхъ въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, большинство относится именно къ князьямъ, выходцамъ изъ Литвы, Мстиславскимъ, Воротынскимъ, Бѣльскимъ. Обзоръ извѣстій о земельныхъ владѣніяхъ князей смоленскаго, черниговскаго, литовскаго племени покажетъ, въ какой мѣрѣ дѣйствовали политическая предусмотрительность московскаго правительства и другіе, уже знакомые намъ, факторы.

Повидимому, раньше другихъ потеряли свои старинныя родовыя вотчины князья смоленскаго племени; въ XVI в. мы встрѣчаемъ крайне скудныя свѣдѣнія объ ихъ родовыхъ вотчинахъ. Князья же черниговскаго племени и литовскаго продолжали сохранять земельные владѣнія въ предѣлахъ своихъ прежнихъ княжествъ даже во второй половинѣ XVI в. Въ концѣ XV в., т. е. непосредственно за ихъ поступленіемъ на московскую службу, разныя отрасли черниговскихъ князей, Тарусскіе, Оболенскіе, Воротынскіе, Одоевскіе, еще пользовались, какъ сказано выше, всѣми правами владѣтельныхъ князей [1]). Неизвѣстно въ точности, какія перемѣны въ земельныхъ владѣніяхъ юго-западныхъ князей [2]) произошли за первый періодъ ихъ службы Москвѣ до смерти Іоанна III. Но духовное завѣщаніе послѣдняго свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя перемѣны несомнѣнно произошли, что часть владѣній юго-западныхъ князей была ими потеряна. Прежде всего Иванъ Васильевичъ отказываетъ своимъ сыновьямъ рядъ городовъ и волостей, вотчинъ князей смоленскаго рода и тѣхъ литовскихъ князей, которые имѣли владѣнія въ смоленской области, при чемъ нигдѣ не упоминаетъ, чтобы эти князья сохранили свои владѣнія, какъ это онъ дѣлаетъ по отношенію къ черниговскимъ князьямъ. Такъ старшему сыну Василію онъ отказываетъ Вязьму и Козловъ съ волостями, селами и всѣми пошлинами, «совсѣмъ тѣмъ, что къ Вязме и къ Козлову, и ко всѣмъ Вяземскимъ мѣстомъ потягло», Мстиславль, Дорогобужъ со всѣмъ волостями, Торопецъ съ волостями, погостами, селами и пошлинами, Острее съ волостями; второму сыну Юрію отдается вотчина кн. Александра Ивановича Гнѣздиловскаго, серпейскія волости Замотье, Тухачевъ, Дегна, Ѳоминичи, Погостище, Ковылна, Бли-

1) Ключевскій, Боярск. Дума, 243—244.

2) Будемъ называть этимъ общимъ именемъ князей не только смоленскихъ ростиславичей, черниговскихъ Михайловичей, но и литовскихъ Гедиминовичей, въ отличіе отъ сѣверо-восточныхъ Всеволодовичей.

жевичи, Любунь, Снопоть, Даниловичи, Шуя, Дѣмена, Ужеперетъ, Чернятицы, Городечна, Мощынъ да Гнѣздилово [1]). Князю Дмитрію Ивановичу отказывается городъ Хлепенъ съ Рогачевымъ, Нѣгомиремъ, съ волостями, путями, селами и всѣми пошлинами. Итакъ, въ началѣ XVI в. главные центры и волости бывшаго Смоленскаго княжества оказались въ собственности московскаго государя; изъ того, что онъ отдаетъ своимъ сыновьямъ смоленскіе города и волости со всѣми селами и пошлинами, нигдѣ не оговаривая владѣній князей смоленскаго или литовскаго рода, можно заключить, что послѣдніе въ это время уже потеряли свои старинныя родовыя владѣнія въ той части Смоленскаго княжества, которая была пріобрѣтена Іоанномъ III. Но послѣ взятія Смоленска въ 1514 г., въ жалованной грамотѣ Вас. Ив. того же года утверждаются, между прочимъ, права нерушимаго владѣнія вотчинами и за смоленскими князьями [2]).

Князья черниговскіе также потеряли много вотчинъ. Іоаннъ III завѣщаетъ Василію Тарусу съ Городцомъ, Исканью, Мышегою, Колодною и вотчиною княгини Авдотьи [3]), городъ Воротынскъ съ Лагинскимъ, Крайшинымъ и со всѣмъ тѣмъ, какъ было за Воротынскими. Князю Юрію Ивановичу достался Брянскъ со всѣми волостями, Дмитрію Ивановичу — городъ Мещовскъ (Мѣсческъ) съ волостями, погостами, селами, со всѣмъ, какъ было за князьями Мезецкими. Семенъ Ивановичъ получилъ Козельскъ со всѣми волостями, Андрей Ивановичъ — въ числѣ волостей города Алексина Волкону, вотчину Волконскихъ. Такимъ образомъ и князья Тарусскіе, Мышецкіе, Воротынскіе, Мезецкіе, Козельскіе, Волконскіе въ началѣ XVI в. утратили центры своихъ удѣловъ. Неизвѣстно, при какихъ условіяхъ совершились всѣ эти утраты; въ нѣкоторыхъ случаяхъ князья взамѣнъ утраченныхъ получили вотчины въ другихъ мѣстахъ государства: такъ кн. Михаилу Мезецкому вмѣсто его удѣльнаго города Мещовска (Мѣсческа) былъ промѣненъ Алексинъ въ Стародубѣ съ исключеніемъ правъ суда и дани, отданныхъ

[1]) Происхожденіе этого князя очень неясно; можно только предполагать, что онъ принадлежалъ къ князьямъ смоленскимъ или литовскимъ, имѣвшимъ удѣлы въ Смоленской области. Въ привиллеѣ 1502 г. князьямъ Броминскимъ упоминаются волости Гнѣздиловъ и Чернятичи, Леонтовичъ, op. cit., стр. 110. Многія волости, которыя завѣщаніе Іоанна III относитъ къ вотчинѣ кн. Гнѣздиловскаго, въ концѣ XV в. были за князьями Одоевскими и Воротынскими. Ib., 120.

[2]) С. Г. Гр. и Д., I, № 148.

[3]) Мышега была удѣломъ князей Мышецкихъ, отрасли Тарусскихъ. Р. Зотовъ. О черниговскихъ князьяхъ и т. д., стр. 294 и друг. по указателю.

сыну вел. князя Василію. За кн. Θедоромъ Ивановичемъ Бѣльскимъ Іоаннъ III подтверждаетъ право на вотчинное, потомственное владѣніе городомъ Лухомъ съ волостями Вичюгой, Кинешмой и Чихачевымъ подъ условіемъ вѣрной службы Василію Ивановичу. Интересно извѣстіе о владѣніяхъ кн. Одоевскихъ, исходящее отъ самого московскаго государя. Однажды на требованіе крымскаго хана собрать дань съ Одоевскихъ князей вел. кн. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ: «Одоевскихъ князей большихъ не стало, отчина ихъ пуста, а другіе князья Одоевскіе намъ служатъ, мы ихъ кормимъ и жалуемъ своимъ жалованьемъ, а иныхъ князей Одоевскихъ жребіи за нами. Что они тебѣ давали и твоему человѣку, тѣмъ я ихъ жаловалъ, и имъ нечего давать, отчина ихъ пуста, и теперь твоего человѣка я же жаловалъ, а имъ нечего давать» [1]). Въ этомъ изображеніи бѣдности князей Одоевскихъ и утраты ими ихъ родовыхъ вотчинъ можно подозрѣвать извѣстное преувеличеніе.

Списокъ вотчинъ черниговскихъ князей въ завѣщаніи Іоанна III обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что все это были центральныя части ихъ владѣній, главные города ихъ удѣловъ. Въ этомъ и сказывалась, можно думать, политическая предусмотрительность государя, лишавшая служилыхъ князей той независимости и свободы въ дѣйствіяхъ, съ которыми было соединено обладаніе удѣлами въ цѣльномъ ихъ объемѣ. Но утраченныя вотчины составляли только часть, хотя и неизвѣстно, насколько значительную, общей массы владѣній черниговскихъ князей. И послѣ завѣщанія Іоанна III они сохранили значительную часть своихъ вотчинъ: «а князи Новосильскіе, Одоевскіе и Белевскіе, сказано въ его завѣщаніи, и съ своими детми и съ своими вотчинами и что къ ихъ вотчинамъ потягло, сыну же моему Василью, къ нашему великому княжеству». О кн. Одоевскихъ отдѣльно замѣчено, что за ними былъ Вепринъ, волость г. Любутска, въ удѣлѣ Андрея Ивановича.

За 70 лѣтъ, протекшихъ между духовными завѣщаніями Іоанна III и Іоанна Грознаго, мы имѣемъ рядъ извѣстій, свидѣтельствующихъ о сохраненіи многими черниговскими и литовскими князьями ихъ старинныхъ родовыхъ вотчинъ. Такъ законъ о княжескихъ вотчинахъ 1562 г. перечисляетъ князей Оболенскихъ, Воротынскихъ, Масальскихъ, Трубецкихъ, Одоевскихъ. Отъ 1546—47 г. сохранилась жалованная грамота Перемышльскаго князя Александра Ивановича строителю Успенскаго за Жиздрою монастыря, Варлааму

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. V, изд. 5, стр. 102.

Медвѣдеву съ братіей. Князь даетъ въ домъ Пречистой деревню Башкатову на рѣчкѣ Столбнѣ, да за р. Жиздрой слободки: Гордикову, Ѳеденевскую, Кузыкову, Яковлевскую; съ своихъ писцовыхъ книгъ князь даетъ списокъ рубежа тѣхъ земель; населеніе пожалованныхъ земель освобождается отъ обычныхъ даней и повинностей, «оприч сошнаго городоваго дѣла»; для крестьянъ, желающихъ выйти изъ-за монастыря въ подклѣтныя села князя или его сына боярскаго, устанавливается одинъ срокъ въ году, Юрьевъ день осенній, «а кто у нихъ откажетъ силно, не по тому сроку, и тотъ отказъ не въ отказъ» [1]). Положеніе Перемышля въ XVI в. очень неясно. Къ составу Московскаго государства онъ принадлежалъ съ первой четверти XIV в.; Иванъ Калита отдаетъ его одному изъ своихъ сыновей; съ тѣхъ поръ Перемышль часто встрѣчается въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей московскаго дома. Въ концѣ XIV в. онъ переходитъ во владѣніе Владиміра Андреевича Серпуховскаго и его потомства; извѣстія о немъ обрываются въ половинѣ XV в., до 1494 г., когда по договору съ Литвой Перемышль со многими другими владѣніями признанъ собственностью Москвы. Князя Александра Ивановича мы не встрѣчаемъ въ родословныхъ. Не былъ ли онъ сыномъ того кн. Ивана Михайловича Перемышльскаго, который перешелъ на московскую службу въ 1490 г. вмѣстѣ съ кн. Дмитріемъ Ѳедоров. Воротынскимъ и Ив. Бѣлевскимъ?

Родовыя вотчины разныхъ отраслей кн. Оболенскихъ, повидимому, и въ XVI в. составляли такое же тѣсное гнѣздо, какъ это было въ концѣ XV в. Въ 70-хъ годахъ XVI в. Оболенскіе князья продолжали усердно раздавать монастырямъ свои вотчины, не стѣсняясь указами 1551, 1562, 1572 годовъ и не смотря на то, что еще изстари, по уложенію вел. князя Василія Ивановича, Оболенскъ принадлежалъ къ числу тѣхъ городовъ, въ которыхъ «иныхъ городовъ людемъ вотчинъ не продавали и по душамъ въ монастыри не давали», что было подтверждено соборнымъ приговоромъ 1551 г. [2]). Приведемъ рядъ извѣстій объ отдачѣ Троице-Сергіеву монастырю оболенскихъ вотчинъ. Въ 1554—55 г. княгиня Марѳа, жена кн. Никиты Дмитріевича, по его приказу, даетъ монастырю вотчину въ Оболенскѣ, село Торну или Дорну съ деревнями и всѣми угодьями. Вотчичамъ предоставляется право выкупить ее за 300 р. [3]). Въ 1559—60 г.

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Перемышльск. у. № 9550.

[2]) А. Э., I, стр. 219.

[3]) Отъ 7065 года сохранилась вторая данная на то же село; въ ней выкупная сумма поднята до 400 р.

княгиня Марья, жена кн. Ивана Васильевича, дала его вотчину с. Новое въ Запажьѣ, на р. Поротвѣ, да погостъ, а къ нимъ 52 деревни со всѣми угодьями. Выкупъ запрещается. Въ 1569—70 г. кн. Марья, жена кн. Ивана Ѳедоровича Овчинина, даетъ то же село Новое съ погостомъ, пустое сельцо Марьино, 45 пустошей и 2 деревни. Въ 1574—75 г. кн. Александръ Андреевичъ Репнинъ, по приказу отца, даетъ свою вотчину въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ Оболенскѣ у Ивана Св., 2 выти живущихъ съ двумя крестьянскими дворами, а къ нимъ 12 пустошей со всѣми угодьями. Сдачи съ монастыря беретъ 50 руб. Выкупъ роду запрещается. Въ Оболенскихъ книгахъ письма Ѳедора Крюкова 1571—72 г. за Новодѣвичьимъ монастыремъ была написана вотчина кн. Дмитрія Ивановича Курлятева, с. Горнее на рѣчкѣ Суходровнѣ, с. Вознесенское, с. Шишкино, с. Санино, а къ селамъ 58 деревень [1]).

Грозный въ своемъ завѣщаніи оставляетъ за князьями Одоевскими, Оболенскими, Воротынскими, Трубецкими, Масальскими ихъ вотчины, хотя, можетъ быть, здѣсь надо разумѣть и не однѣ родовыя вотчины названныхъ князей. Объ Одоевскомъ и Воротынскомъ Курбскій, какъ извѣстно, сообщаетъ: «бо еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ и велія отчины подъ собою имѣли; а колико тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ». Это не совсѣмъ вѣрно. Одоевъ былъ отданъ Воротынскому, а Воротынскъ взятъ у князей еще Іоанномъ III. Михаилъ Ивановичъ владѣлъ Воротынскомъ только по личному пожалованью, и то только третью. Въ срединѣ XVI в. князья Воротынскіе усердно благотворили монастырямъ, находившимся среди ихъ родовыхъ владѣній. Такъ изъ вкладныхъ книгъ Перемышльскаго Успенскаго монастыря, первымъ ктиторомъ котораго былъ князь Ив. Мих. Воротынскій, видно, что въ XVI в. онъ получалъ вклады изъ родовыхъ вотчинъ Воротынскихъ. Кн. Александръ Иван. въ 1547 г. далъ монастырю жалованную грамоту на нѣсколько деревень, въ 1552 г. въ Одоевѣ село Нерядищи съ 3-мя деревнями и слободкой да въ Воротынскомъ уѣздѣ 1 деревню съ пашней и лугами. Онъ же въ 1560 г. далъ въ Одоевѣ с. Рыхлѣево, въ Новосили на р. Зушѣ селище Глубки, Городилово болото и рыбныя ловли. Кн. Михаилъ Ивановичъ далъ въ 1558 г. деревни Добрую и Лобаново и слободку

[1]) Сборн. Тр. Серг. Л. № 530, лл. 283 об., 294, 295 об., 296 об.; Арх. Мин. Юст., грам. Московск. у. № 7173: Писцовая выпись на вотчины Новодѣвичьяго монастыря, л. 96. Также писц. кн. Оболенск. у. 1627—1629 гг., Арх. Мин. Юст., кн. 325, лл. 354. 366, 368.

Иванѣеву; онъ же въ Одоевѣ далъ с. Строминъ. Дѣти кн. Михаила Ивановича дали жалованную грамоту монастырю въ 1584 г. на деревню Казменки. Жертвователемъ является и послѣдній Воротынскій, кн. Иванъ Алексѣевичъ въ срединѣ XVII в. Кромѣ земель князья Воротынскіе жертвовали въ Успенскій монастырь коней съ сѣдлами и воинскимъ доспѣхомъ, хлѣбъ и разную рухлядь [1]). Въ кормовой книгѣ Лихвинскаго Анастасіева монастыря, писанной въ 1578 г., читаемъ: «лѣта 7066 ноября 1 приказали кн. Михайло да кн. Александръ Ивановичи въ своей вотчинѣ, въ Одоевѣ, у Рождества Пресвятыя Богородицы въ Анастасовѣ монастырѣ игумену Герману по родителяхъ своихъ кормить кормы, потому что тѣ монастыри въ своей вотчинѣ ставили и строили ихъ всякимъ строеніемъ и земли къ тому монастырю надавали, доколѣ и монастырь стоитъ» [2]). Затѣмъ князья Воротынскіе записаны, вѣроятно какъ вкладчики, въ синодикѣ Спасскаго Воротынскаго на Усть-Угры монастыря [3]). По завѣщанію Грознаго въ собственность московскихъ государей перешли еще два удѣльныхъ центра. Царевичу Ивану дается Бѣлевъ и треть Масальска «княжъ Володимерская Всеславля». Зато Воротынскъ, который Іоанномъ III былъ отданъ цѣликомъ сыну Василію, въ завѣщаніи Грознаго является раздѣленнымъ на трети: третью владѣетъ царевичъ Иванъ, другою кн. М. И. Воротынскій. Но землевладѣльческія права послѣдняго изложены Грознымъ крайне сбивчиво и противорѣчиво. Сначала онъ говоритъ, что «князь Михайло Воротынскій вѣдаетъ треть Воротынска, да городъ Перемышль, да городъ Одоевъ Старое, да городъ Новосиль, да Островъ, Черну, со всѣмъ потому, какъ было изстари, а Иванъ сынъ въ то у него не вступается». Въ концѣ же духовной царь замѣчаетъ, что эту вотчину (всю или часть—неизвѣстно, такъ какъ въ текстѣ пропускъ) онъ взялъ на себя, а Воротынскому взамѣнъ далъ Стародубъ Ряполовскій, муромскую волость Мошокъ, нижегородское село Княгинино съ деревнями, да на Волгѣ Фокино селище; «а вѣдаетъ ту вотчину князь Михайло по мѣновнымъ грамотамъ, потому жъ, какъ вѣдалъ свою вотчину». Въ другомъ мѣстѣ завѣщанія и эти всѣ вотчины царь отдаетъ сыну Ивану, прибавляя: «что было за Воротынскимъ». Эти противорѣчія можно объяснить развѣ только тѣмъ, что завѣщаніе Грознаго писалось въ нѣсколько пріе-

[1]) Іером. Леонидъ, Церковно-Историч. Описаніе упразднен. монастырей Калужской епархіи. Чт. Общ. Ист. и Древн., 1863, кн. I, стр. 3, 5, 31—33, 36—38.

[2]) Ibid., стр. 167. Ив. Сахаровъ, Исторія обществ. образованія Тульской губерніи, ч. I, стр. 205.

[3]) Іером. Леонидъ, op. cit., стр. 105—106.

мовъ съ большими промежутками. Отнятіе же и пожалованіе вотчинъ князю М. И. Воротынскому объясняется его извѣстной ссылкой на Бѣлоозеро въ шестидесятыхъ годахъ, изъ которой онъ былъ возвращенъ впослѣдствіи. Какъ бы то ни было, первый списокъ городовъ, данныхъ Воротынскому, показываетъ, что центры удѣльныхъ владѣній черниговскихъ князей перетасовывались въ рукахъ московскаго государя вполнѣ по его усмотрѣнію. Перемышль, Одоевъ, Новосиль Грозный отдаетъ не ихъ прирожденнымъ вотчинникамъ, а Воротынскому, какъ могъ отдать и всякому другому князю.

Въ эпоху казней погибло не мало князей черниговскаго рода. Курбскій называетъ М. Воротынскаго, Н. Одоевскаго, изъ Оболенскихъ Д. Овчинина, М. Репнина, Юрія и Ивана Кашиныхъ, Дмитрія Шовырева, Дмитрія Курлятева. Казни, вѣроятно, сопровождались и конфискаціями. Если предположеніе Курбскаго, что Грозный погубилъ Воротынскаго и Одоевскаго, «зазрѣчи» ихъ земельному богатству, и невѣрно, то все-таки конфискацію вотчинъ казненныхъ надо признать вполнѣ вѣроятной.

Вынесли ли юго-западные князья какіе-нибудь обломки своихъ удѣловъ изъ водоворота земельной мобилизаціи XVI в.? Совокупность данныхъ завѣщанія Грознаго, свидѣтельствъ Курбскаго и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ документовъ позволяетъ думать, что и во второй половинѣ XVI в. и даже въ XVII-мъ ихъ родовыя владѣнія были очень значительны. Обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ будетъ только послѣ изученія необозримой массы неизданнаго матеріала для исторіи частнаго землевладѣнія въ московскомъ государствѣ. Здѣсь мы приведемъ только нѣсколько случайно встрѣченныхъ нами указаній въ источникахъ, свидѣтельствующихъ о сохраненіи юго-западными князьями нѣкоторыхъ обломковъ ихъ бывшихъ удѣловъ. При царѣ Борисѣ встрѣчаемъ рѣдкій примѣръ возвращенія князю его родовой вотчины. За удачное выполненіе крымскаго посольства княземъ Григоріемъ Волконскимъ царь его «пожаловалъ великимъ жалованиемъ и повелѣ ему отдати старинную ево вотчину на рекѣ Волконѣ» [1]).

По докладной выписи о вотчинахъ и помѣстьяхъ 1613 г. за княземъ Дмитріемъ Тимоѳеев. Трубецкимъ была его старая вотчина въ Трубчевскѣ, кромѣ обширныхъ вотчинъ, разбросанныхъ въ другихъ областяхъ [2]). Извѣстія о сохраненіи юго-западными

[1]) Ник. л., VIII, 49.

[2]) Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1895, I, стр. 1.

князьями ихъ родовыхъ владѣній въ XVII в. находимъ, далѣе, въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ первой половины этого вѣка. Такъ писцовая книга Оболенскаго уѣзда 1627—1629 годовъ сообщаетъ слѣдующія данныя о владѣніяхъ разныхъ отраслей князей Оболенскихъ въ предѣлахъ ихъ бывшаго удѣла. Боярину кн. Бор. Мих. Лыкову принадлежала его родовая вотчина, с. Казариново съ деревнями, «пожаловалъ де его тою вотчиною царь Василій Ивановичъ по родству и за службы послѣ кн. Ив. Вас. Курлятева». За княземъ же Лыковымъ числилась старая прародительская вотчина, полсела Спаскаго, и закладная вотчина, что ему заложилъ полпустоши кн. Сем. Ив. Бѣлоглазовъ-Лыковъ, а другая половина той пустоши осталась за княземъ Григ. Бѣлоглазовымъ [1]). Далѣе, въ томъ же уѣздѣ находилась группа родовыхъ вотчинъ многочисленныхъ князей Долгоруковыхъ (Влад. Тим., Ив. Мих., Алекс. Григ. и Вас. Григ., Тим. Вас. и Ѳед. Вас., Мих. Бор., Григ. Дан., Алекс. Ѳед. и Ѳед. Ѳед., Алекс. Вас., Ѳед. Ив., Вас. Влад., Богд. Ѳед.), села въ Старомъ Оболенскѣ, Торсуки, Пречистенское, Никольское, Шебаново, Тимково, Никоново и другія [2]). Нѣкоторыя изъ вотчинъ кн. Долгоруковыхъ были уже выслужены изъ помѣстій, нѣкоторыя перешли во владѣніе другихъ лицъ [3]). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ вотчинъ кн. Щербатыхъ (Луки Осип., Вас. Петр., Ив. Иван., Осипа и Дмитр. Иван., Ѳед. Сав., Нефеда и Ѳед. Ив., Давид. Кондр., Тим. Иван.) [4]). Нѣкоторыя изъ ихъ вотчинъ также разошлись по рукамъ другихъ владѣльцевъ, между прочимъ, сѣверо-восточныхъ князей, Засѣкиныхъ, Дѣевыхъ, по приданнымъ и ряднымъ [5]). Наконецъ, та же писцовая книга перечисляетъ рядъ старинныхъ родовыхъ вотчинъ еще нѣкоторыхъ князей изъ племени Оболенскихъ: Ив. и Дмитр. Мих. Кашиныхъ, Вас. Ив. Туренина, Аѳан. Тростенскаго [6]), Вас. и Григ. Вас. Тюфякиныхъ [7]).

Результаты мобилизаціи княжескихъ вотчинъ въ Оболенской области выразились, между прочимъ, въ томъ, что нѣкоторые князья владѣли землями въ предѣлахъ ихъ бывшихъ родовыхъ владѣній на помѣстномъ правѣ. Такъ писцовая книга называетъ помѣстья кн.

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 325, лл. 6 и слѣд., 18 об. и слѣд., 29 и слѣд.

[2]) Ibid., лл. 54, 56, 60 об., 66 об., 71, 73, 78 об., 83, 86 об., 89 об., 92 об.

[3]) Ibidem, лл. 103 об., 104.

[4]) Ibidem, лл. 111 об., 129, 131, 147, 164, 173 об., 182.

[5]) Ibidem, лл. 186 об., 188 об.

[6]) Старинная родовая вотчина послѣдняго, с. Колыщово, по царской грамотѣ 136 года принадлежала его вдовѣ. Ibid., л. 96 и слѣд.

[7]) Ibidem, лл. 30 об. и слѣд., 36, 106, 111.

Тим. Иван. Щербатаго и вдовъ князей Бориса Бѣлоглазова-Лыкова и Тим. Долгорукова [1]).

Такимъ образомъ различныя отрасли князей Оболенскихъ и послѣ всѣхъ перипетій земельной мобилизаціи XVI в. продолжали составлять плотную группу старыхъ родовыхъ вотчичей въ первой четверти слѣдующаго столѣтія.

Подобную же группу старыхъ родовыхъ вотчинъ юго-западныхъ князей открываемъ въ первой половинѣ XVII в. въ Масальскомъ уѣздѣ. Въ XVI в. кн. Масальскіе утратили центръ своихъ родовыхъ владѣній, гор. Масальскъ. Онъ былъ возвращенъ имъ при Лжедимитріи. Князь Василій Масальскій просилъ Яна Сапѣгу ввести его съ братьею и племянниками во владѣніе старою вотчиною, «городкомъ Мосальскомъ съ посадомъ и съ уѣздомъ» [2]). Въ писцовой книгѣ этого уѣзда 1627—28 г., въ оглавленіи описанія вотчинъ Окологороднаго стана перечисляются, между прочими, слѣдующіе владѣльцы старыхъ родовыхъ вотчинъ: кн. Андрей Ѳед. Литвиновъ-Масальскій, кн. Петръ Владим. Клубковъ-Масальскій, вдова кн. Вас. Влад. Клубкова-Масальская, кн. Ив. Львов. Клубковъ-Масальскій, кн. Семенъ Вас. Клубковъ-Масальскій, кн. Семенъ Вас. Александровъ-Масальскій, кн. Мих. Андр. Кольцовъ-Масальскій, вдова кн. Ивана Данил. Клубкова-Масальская. Болѣе половины книги посвящено описанію вотчинъ этихъ князей [3]). Кромѣ вотчинъ въ уѣздѣ нѣкоторые изъ перечисленныхъ князей владѣли еще дворами на посадѣ въ бывшемъ стольномъ городѣ своего удѣла, Масальскѣ [4]). Нѣкоторыя вотчины, сохраненныя кн. Масальскими въ XVII в., были довольно крупныхъ размѣровъ. Такъ за кн. М. А. Кольцовымъ числилось въ вотчинѣ всего 2400 четей, за кн. А. Ѳ. Литвиновымъ-Масальскимъ—1604, за кн. П. В. Клубковымъ—851, за вдовой кн. В. В. Клубкова—789, за вдовой кн. Ив. Д. Клубкова — 500, за князьями Ив. Льв. и Сем. Вас. Клубковыми по 200 четей [5]). Всего князьямъ Масальскимъ по переписи 7136 г. принадлежало въ Окологородномъ стану $9^1/_2$ селъ, 1 сельцо, 40 деревень живущихъ и $7^1/_2$ селъ, 1 жеребій деревни и 130 пустошей, земли всего 8158 четей [6]).

[1]) Ibidem, лл. 209, 212 об., 217 об.

[2]) Сборн. кн. Хилкова, № 12, XI.

[3]) Арх. Мин. Юст., кн. 252, лл. 1—142 об.

[4]) Ibid., л. 33.

[5]) Ibid., лл. 36 об., 52, 66 об., 83, 89, 130, 142.

[6]) Ibidem, лл. 148 об.—150 об. Изъ этого числа надо впрочемъ исключить вотчину кн. Бор. Ив. Троекурова (300 чт.), которая раньше принадлежала роду князей М-а

Въ теченіе XVI в. извѣстная часть родовыхъ вотчинъ, конечно, была утрачена кн. Масальскими. Та же писцовая книга называетъ нѣсколько ихъ вотчинъ, перешедшихъ во владѣніе монастырей по душѣ и за долгъ, а также обращенныхъ въ помѣстья [1]).

Въ исторіи родовыхъ владѣній юго-западныхъ князей яснѣе выступаетъ та политика предусмотрительности, какой держалось по отношенію къ служилымъ князьямъ московское правительство. Оно оставляло за князьями обширныя вотчины, но систематически удаляло ихъ изъ центровъ ихъ удѣловъ. По духовнымъ Іоанна III и Іоанна Грознаго въ рукахъ московскаго государя сосредоточивались почти всѣ города, столицы юго-западныхъ удѣловъ. Мы уже говорили, что причину тому надо искать въ стремленіи московскаго правительства лишить князей ихъ удѣльной независимости, опасной при пограничномъ положеніи ихъ владѣній. Подобный же порядокъ создавался, хотя гораздо раньше и при другихъ условіяхъ, и въ сѣверо-восточной Руси; и тамъ процессъ превращенія служебнаго удѣльнаго князя въ московскаго боярина и родоваго вотчинника заключался въ томъ, что онъ уступалъ или продавалъ московскому государю свой удѣльный городъ съ государственными правами, а самъ оставался вотчинникомъ своихъ селъ и деревень. Удаленіе служилыхъ князей изъ ихъ удѣльныхъ столицъ замѣчено было Герберштейномъ, хотя, быть можетъ, онъ слишкомъ обобщаетъ этотъ фактъ. По его словамъ, Василій III «исполнилъ то, что началъ его отецъ, именно отнялъ у всѣхъ князей и у другихъ владѣтелей всѣ ихъ города и укрѣпленія. Даже своимъ роднымъ братьямъ онъ не ввѣряетъ крѣпостей и не позволяетъ имъ въ нихъ жить» [2]).

Въ своей служебной карьерѣ князья черниговскаго и литовскаго происхожденія были счастливѣе своихъ сѣверо-восточныхъ собратій. Въ XVI в. они количественно едвали не преобладаютъ въ рядахъ высшей служилой аристократіи. Служебная же карьера опредѣляла ихъ землевладѣльческое положеніе внѣ родовыхъ вотчинъ.

Изстари, въ XIV в. и первой половинѣ XV-го, московскіе государи награждали пріѣзжавшихъ къ нимъ на службу изъ чужихъ государствъ князей городами и волостями, давали ихъ не только

сальскихъ и досталась отцу кн. Бориса Ивановича отъ жены кн. Дм. Ив. Горбатаго Масальскаго, и вотчину одного нетитулованнаго лица (110 четей), лл. 68 об., 146 об. Срав. данныя докладн. выписки 1613 г., Чтенія, 1895 г., I, стр. 12.

[1]) Ibid., лл. 192 об., и слѣд., 199 об. и слѣд., 207.

[2]) Переводъ Анонимова, 26.

въ кормленіе, но и въ вотчину. Въ тѣ времена служилый князь въ большинствѣ случаевъ еще стоялъ внѣ іерархической лѣстницы московскихъ чиновъ, и государь долженъ былъ награждать его не какъ своего слугу боярина, а скорѣе какъ младшаго брата, уступалъ ему часть своихъ владѣтельныхъ правъ. Но къ началу XVI в. различіе между служилымъ княземъ и московскимъ бояриномъ настолько сгладилось, что поступленіе на службу Москвѣ влекло за собой принятіе извѣстнаго московскаго чина, зачисленіе въ послужной списокъ и разрядъ. И черниговскіе и литовскіе князья, вступившіе на московскую службу со своими удѣлами, вскорѣ являются въ званіи московскихъ бояръ. Но и слившись формально съ общею массой боярства, многіе служебные князья—бояре еще продолжаютъ сохранять въ своемъ положеніи нѣкоторыя черты, выдѣлявшія ихъ изъ массы ихъ сослуживцевъ и сближавшія съ ихъ предками. Это сказывается, между прочимъ, и въ тѣхъ владѣльческихъ правахъ, какими государи награждали виднѣйшихъ представителей черниговскихъ и литовскихъ родовъ. Ихъ надѣляли не только вотчинами и помѣстьями высшаго оклада, но и городами и волостями. Такъ мы уже видѣли, что Іоаннъ III далъ кн. Ѳедору Ивановичу Бѣльскому въ вотчину г. Лухъ съ волостями Вичюгой, Кинешмой, Чихачевымъ и другими [1]). Грозный промѣниваетъ кн. М. И. Воротынскому Стародубъ Ряполовскій, съ исключеніемъ многихъ вотчинъ стародубскихъ князей, волость Мошокъ въ Муромскомъ уѣздѣ, село Княгинино съ деревнями въ Нижегородскомъ уѣздѣ, на Волгѣ Фокино Селище. Хотя въ другомъ мѣстѣ своего завѣщанія Грозный замѣчаетъ, что эти вотчины Воротынскаго отданы царевичу Ивану, однако въ одной нижегородской дозорной книгѣ 7121 г. село Княгинино было во владѣніи сына знаменитаго воеводы, кн. Ивана Мих. Воротынскаго. По этому дозору въ селѣ Княгининѣ съ деревнями и пустошами было земли 3649 четей въ полѣ [2]). По этой же духовной Грознаго кн. Одоевскій владѣлъ Кашинымъ, бывшимъ тверскимъ удѣломъ.

Князья литовскаго происхожденія также быстро пріобрѣтали крупныя владѣнія на своей новой родинѣ. Такъ уже князья Патрикѣевы въ XV в. были весьма богатыми вотчинниками. Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ въ завѣщаніи 1498 г. раздаетъ своимъ сыновьямъ волости, слободы, села и деревни въ уѣздахъ Московскомъ, Коломенскомъ, Ростовскомъ, Костромскомъ, Муром-

[1]) С. Гр. и Дог., I, 392.

[2]) Ар. Мин. Юст., писц. кн. 291, л. 248—261.

скомъ, Переяславскомъ, Дмитровскомъ, Владимірскомъ, Суздальскомъ, Можайскомъ, Верейскомъ, въ Мещерѣ [1]). Князю Θедору Михайловичу Мстиславскому была пожалована въ первой четверти XVI в. въ Ярославскомъ уѣздѣ волость Юхоть, которая составляла особый удѣлъ Ярославскаго княжества [2]). Еще въ XVII в. князь Θедоръ Ивановичъ Мстиславскій былъ богатымъ ярославскимъ вотчинникомъ. Въ 1620—21 г. жалованьемъ царя Михаила Θедоровича и п. Филарета онъ далъ Симонову монастырю по душамъ всѣхъ своихъ предковъ въ Ярославлѣ 2 погоста съ большимъ количествомъ деревень и пустошей на рр. Черемхѣ и Кормицѣ [3]). Въ началѣ XVII в. за кн. Θед. Ив. Мстиславскимъ всего старыхъ вотчинъ съ Ярополческой волостью, данной при ц. Василіи, было 32606 четей съ осминой [4]). Его отецъ, кн. Иванъ Θедоровичъ, въ половинѣ XVI в. владѣлъ на правахъ вотчинника двумя украинскими городами, Веневомъ и Епифанью; въ 1569—70 г. эта его вотчина была раздана въ помѣстья дѣтямъ боярскимъ, Каширянамъ и Тулянамъ. Писцовыя книги не даютъ точныхъ данныхъ о размѣрахъ владѣній кн. Мстиславскаго. Можно только видѣть, что съ внѣшней стороны вотчина кн. Мстиславскаго напоминала владѣніе удѣльнаго князя. Въ самомъ Веневѣ и въ Епифанскомъ острогѣ и въ уѣздѣ жили многочисленные служилые люди князя, стрѣльцы, конные и пѣшіе, казаки и другіе, несшіе службу или съ земли или за денежное и хлѣбное жалованье [5]).

Рядъ этихъ примѣровъ показываетъ, съ какой быстротой виднѣйшіе представители черниговскихъ и литовскихъ княжескихъ фамилій, сохраняя свои родовыя вотчины, становились въ ряды богатѣйшихъ землевладѣльцевъ на своей новой родинѣ. За ними тянулись и многочисленные второстепенные роды. Куда же направлялась эта своего рода колонизація черниговскихъ, смоленскихъ и литовскихъ князей внѣ ихъ родовыхъ владѣній и внѣ центральнаго лагеря служилаго сословія, Москвы съ окрестностями? Въ XVI в. главная масса ихъ вотчинъ расположилась въ области между верхней Волгой и Клязьмой, въ предѣлахъ старыхъ княжествъ Ростовскаго, Ярославскаго, Стародубскаго, Владимірскаго и въ за-волжскихъ областяхъ, костромскихъ, бѣжецкихъ и даже

[1]) С. Г. Гр. и Д., I, № 130.

[2]) Акты Н. П. Лихачева, в. II, № 10.

[3]) Ар. Мин. Юст., грам. Ярослав. у., № 14797.

[4]) Докладная выписка о вотчинахъ и помѣстьяхъ 1613 г. Чтенія, 1895 г. I, стр. 1.

[5]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 1537 и слд., 1582 и слд. За нимъ же было въ Суздалѣ с. Быково, которое Грозный отдалъ сыну Θедору.

бѣлозерскихъ. Такъ кн. Владиміръ Ивановичъ Воротынскій былъ вотчинникомъ въ Бѣжецкомъ верхѣ, гдѣ его жена въ 7062—7065 г. дала нѣсколько селъ и деревень «съ царева и вел. князя докладу» въ Кирилловъ монастырь [1]). Князья Оболенскіе съ ихъ отраслями Нѣмыми, Курлятевыми и Овчиниными владѣютъ вотчинами въ Переяславскомъ, Рузскомъ уѣздахъ и Бѣжецкомъ верхѣ [2]). Князья распоряжаются здѣсь своими вотчинами самыми разнообразными способами: покупаютъ, продаютъ, даютъ въ приданое, въ закладъ и по душамъ въ монастыри. Вотчины кн. Мезецкихъ сосредоточились преимущественно въ Стародубѣ Ряполовскомъ и Бѣжецкомъ верхѣ. Въ Стародубѣ Ряполовскомъ они сидѣли цѣлымъ гнѣздомъ въ продолженіе почти всего XVI в. Въ 1522—23 г. кн. Иванъ Михайловичъ Меншой Мезецкій купилъ у братьевъ своихъ, князей Ивана Шапки, Петра и Семена, 3 жеребья с. Глумова, которымъ отецъ ихъ благословилъ сообща. Въ 1526—27 г. было произведено размежеваніе троицкихъ вотчинъ отъ с. Алексина на Смѣхрѣозерѣ кн. Ивана Михайловича. Въ межевой грамотѣ 1542—43 г. владѣльцами села Алексина называются князья Семенъ Михайловичъ, Юрій Ивановичъ Шапкинъ и княжна Авдотья Ивановна Мезецкіе. Въ 1538—39 г. былъ произведенъ раздѣлъ стародубской вотчины князей Ивана, Петра и Семена Михайловичей и племянницы ихъ Авдотьи Мезецкихъ, селъ Алексина, Васильевскаго, Лучкина съ деревнями. Отъ 50—70-хъ годовъ сохранились вкладныя князей Мезецкихъ на вотчины монастырямъ. Въ межевой грамотѣ владѣній царя и кн. Владиміра Андреевича въ Стародубѣ и въ духовной Грознаго Мезецкіе являются сосѣдями многочисленныхъ князей Стародубскихъ. Въ 70-хъ годахъ одинъ изъ князей Мезецкихъ владѣлъ въ Стародубѣ Ряполовскомъ помѣстьемъ [3]). Въ Бѣжецкѣ была вотчина какого-то неизвѣстнаго по мірскому имени (иноческое Серапіонъ) кн. Мезецкаго [4]). Изъ другихъ князей черниговскаго племени мы находимъ князей Щербатыхъ въ Переяславлѣ, Барятинскихъ во Владимірѣ, Волконскихъ въ Костромѣ

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Бѣжецк. у., №№ 1242—1244.

[2]) Напр., Арх. Мин. Юст., грам. Переяславль-Залѣск. у. №№ 8895, 8799, 8796, 8914, 8916; Бѣжецк. у. № 1273, Рузск. у. №№ 10281, 10314.

[3]) Акты Ѳед. Чеховскаго, I, № 50, 224—226. Арх. Мин. Юст., грам. Суздальск. у. №№ 11802, 11816, 11796, 11805, 11827, 11847, 11812; Сборн. Тр. Серг. Л. № 530, лл. 1065, 1070 об., 1091, 1092.

[4]) Арх. Мин. Юст., грам. Бѣжецк. у., № 1245; Сборн. Тр. Серг. Лавры № 532, л. 69 об.

и Городцѣ[1]). Точно также князья смоленскаго происхожденія, Вяземскіе, Козловскіе проникаютъ въ XVI в. въ среду вотчинниковъ сѣверовосточныхъ областей Переяславля и Суздаля[2]).

Мы уже видѣли, какъ счастливо устроили въ Московскомъ государствѣ свое землевладѣльческое положеніе виднѣйшіе изъ литовскихъ выходцевъ, князья Патрикѣевы и Мстиславскіе. И изъ владѣній другихъ литовскихъ князей, игравшихъ важную роль и занимавшихъ высокое служебное положеніе въ XVI в., значительная доля приходилась на сѣверо-восточныя области государства. Такъ кн. Ѳедоръ Ивановичъ Бѣльскій еще отъ Іоанна III получилъ въ вотчину сначала г. Демонъ, потомъ городъ Лухъ съ волостями. Въ XVI в. изъ разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ государства вотчинъ князей Бѣльскихъ большую часть находимъ во Владимірѣ, Городцѣ, Ростовѣ и Бѣжецкѣ. Всѣ эти вотчины принадлежали князю Ивану Дмитріевичу. Часть ихъ была отдана потомъ царемъ въ монастыри по душѣ этого князя[3]). Князья Глинскіе по своему родству съ царскимъ домомъ были, несомнѣнно, въ числѣ богатѣйшихъ вотчинниковъ Московскаго государства, хотя и не оправдались честолюбивые и матеріальные разсчеты кн. Михаила Львовича, когда онъ переходилъ на службу къ вел. князю Василію Ивановичу. Къ сожалѣнію о вотчинахъ Глинскихъ мы имѣемъ лишь отрывочныя данныя, которыя все-таки показываютъ, что эти вотчины были обширны и сосредоточивались, главнымъ образомъ, также въ сѣверо-восточныхъ областяхъ. Царь Иванъ Васильевичъ упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи, что онъ пожаловалъ кн. Михаила Васильевича съ потомствомъ вотчиной, но гдѣ была эта вотчина, неизвѣстно. Что кн. Михаилъ Васильевичъ, дядя царя, былъ очень богатъ, видно изъ ряда сохранившихся купчихъ его на села и деревни, которыя онъ пріобрѣталъ за крупныя суммы. Такъ, напримѣръ, въ 1536—37 г. онъ купилъ у братьевъ Головиныхъ въ Ростовскомъ уѣздѣ с. Оленино съ деревнями за 460 р., въ 1545—46 г. — у нихъ же села Нажирово и Раменье съ деревнями за «полтретьяста» руб., въ 1536—37 г. у Марьи Головиной с. Ильинское съ деревнями, починками и пустошами за 600 р.

[1]) Арх. Мин. Юст., грам. Переясл. Зал. у. № 8841, Костром. у. № 5144, Владимір. у. № 1892; Межевая троицкихъ вотчинъ въ Городецкомъ у. 7064—7065 гг. Арх. Мин. Юст., кн. 20, л. 45.

[2]) Акты Ѳедот.-Чеховск., I, ст. 237; Арх. Мин. Юст., грам. Суздальск. у. №11829; писц. кн. 254, лл. 23 об., 34.

[3]) Арх. Мин. Юст., грам. Бѣжецк. у. №№ 1293, 1294; Рум. Сб. № 53, л. 85; Межевая троицкихъ вотчинъ 7064—7065 гг. Арх. Мин. Юст., кн. 20. л. 154 об., 305 об.

Встрѣчаемъ еще рядъ извѣстій о сдѣланныхъ имъ покупкахъ въ 1533—34, 1543—44, 1553—54 гг. на неизвѣстныя суммы. Столь живая покупательная способность очень рѣдко встрѣчается у другихъ князей-землевладѣльцевъ того времени [1]). За княземъ же Михаиломъ Васильевичемъ были вотчины въ Ярославскомъ, Боровскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ [2]). Сынъ его, кн. Иванъ Михайловичъ, въ своей духовной 1585—86 г. перечисляетъ свои вотчины въ Суздальскомъ, Ростовскомъ, Московскомъ, Переяславскомъ уѣздахъ. Суздальской вотчиной государь его пожаловалъ взамѣнъ отцовской вотчины въ Юрьевскомъ уѣздѣ [3]). Въ этихъ же краяхъ находились владѣнія и другихъ князей Глинскихъ [4]). Наконецъ, вотчины князей Щенятевыхъ и ихъ сородичей, Булгаковыхъ и Куракиныхъ, находимъ въ Суздалѣ, Ростовѣ, Муромѣ, Костромѣ [5]). Гнѣздо князей Болховскихъ образовалось въ XVII в. въ Нижегородской области, гдѣ встрѣчаемъ ихъ вотчины и помѣстья [6]).

Изложенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какъ въ землевладѣніи сѣверо-восточной Руси, въ предѣлахъ старыхъ княжествъ племени Всеволода III, отразился тотъ фактъ, который наблюдается въ составѣ служилаго класса и боярской Думы XVI в. Сравнительно младшіе по времени слуги московскихъ государей, князья черниговскіе, смоленскіе и литовскіе въ теченіе этого столѣтія быстро проникаютъ въ составъ московской служебной іерархіи на всѣхъ ея ступеняхъ и въ служебной карьерѣ не разъ опережаютъ своихъ сѣверо-восточныхъ собратій. Вмѣстѣ съ тѣмъ они многочисленными гнѣздами разсаживаются въ сѣверо-восточныхъ княжествахъ, между ихъ прирожденными вотчинниками Всеволодовичами.

Въ центральномъ лагерѣ служилаго сословія, въ Московскомъ уѣздѣ и смежныхъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Рузскомъ, Звенигородскомъ, собралось во второй половинѣ XVI в. большинство представителей княжескихъ родовъ черниговскихъ, смоленскихъ и литовскихъ: Бабичевы, Барятинскіе, Булгаковы, Бѣльскіе, Волкон-

[1]) Сборн. Тр. Серг. Л. № 532, лл. 693, 713, 732 об., 733, 734, 734 об., 735.

[2]) Арх. Мин. Юст., грам. Ярослав. у. № 14764; Переяслав. у. № 8898.

[3]) Сборн. Тр. Серг. Л. № 532, л. 694.

[4]) Арх. Мин. Юст., грам. Переяслав. у. № 9033, 9009, Костром. у. № 5144; Сб. Тр. Серг. Л. № 530, л. 537 об., 83 об., 130, 772.

[5]) Арх. Мин. Юст., грам. Суздальск. у. № 11814, Костром. у. №№ 5076, 5079, 5125, Кашинск. у. № 6789; Сб. Тр. Серг. Л. 532, л. 839; Межевая троицкихъ вотчинъ. Арх. Мин. Юст., кн. 20, лл. 333—334.

[6]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 291, лл. 189 об.—190 об., 162 об.—163, 177 об.—179; Арх. Мин. Ин. Д., бояр. книга № 8, 1638—1639 гг.

скіе, Воротынскіе, Вяземскіе, Глинскіе, Голицыны, Звенигородскіе, Елецкіе, Кашины, Коркодиновы, Куракины, Лыковы, Масальскіе, Мезецкіе, Ноздреватые, Нѣмые, Оболенскіе, Овчинины, Репнины, Серебрянные, Токмаковы, Трубецкіе, Туренины, Тюфякины, Хованскіе, Чертенскіе, Щетинины, Щербатые. Отсутствіе общихъ и законченныхъ статистическихъ данныхъ не даетъ возможности опредѣлить въ точности соотношеніе между общими количествами вотчинъ и помѣстій въ княжескомъ землевладѣніи центральной области. Можно только предположительно сказать, что рѣзкаго различія не было. [1]). Несмотря, однако, на то, что центральная область государства была самой постоянной ареной служебной дѣятельности всѣхъ княжескихъ родовъ, что здѣсь именно находился узелъ всѣхъ ихъ служебныхъ отношеній, и здѣсь землевладѣніе княжеское отличалось также крайнею неустойчивостью, постоянной и быстрой мобилизаціей, составлявшей коренной недостатокъ всей вообще системы служилаго землевладѣнія. Какъ ни скудны факты, сообщаемые писцовыми книгами второй половины XVI в., они достаточно все-таки освѣщаютъ характеръ этой мобилизаціи. Такъ, что касается помѣстій, то мы встрѣчаемъ лишь нѣсколько случаевъ сохраненія сыновьями отцовскихъ помѣстій. Такими старыми помѣщиками были въ Коломнѣ князья Щетинины и Ноздреватые [2]). Большинство же князей помѣщиковъ получали свои помѣстья отъ другихъ служилыхъ людей и отъ своей же братіи князей. И обратно, княжескія помѣстья во множествѣ расходились по рукамъ другихъ служилыхъ людей разныхъ разрядовъ, и не только мѣняли владѣльцевъ, но и обращались въ вотчины. Такъ въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаемъ бывшія помѣстья князей Елецкихъ, Щербатыхъ, Вяземскихъ, Овчининыхъ, Воротынскихъ, Барятинскихъ, Волконскихъ, Репниныхъ, Глинскихъ, Булгаковыхъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ [3]). Не мало княжескихъ помѣстій въ извѣстное время не находило себѣ владѣльцевъ, оставалось мертвымъ капиталомъ или эксплуатировалось частно-хозяйственнымъ образомъ, путемъ отдачи на оброкъ [4]). Еще большей быстротой, можно думать, отличалась мобилизація вотчиннаго землевладѣнія. И въ центральной области мы находимъ на лицо всѣ тѣ факторы этой мобилизаціи, которые встрѣ-

[1]) О вотчинахъ и помѣстьяхъ князей въ центральныхъ областяхъ см. Писц. кн., изд. Геогр. Общ., т. т. I и II, по указателю.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 346, 595 и слѣд.

[3]) Ibidem, 20, 42, 46, 51, 208, 336, 474, 349, 364, 23, 22, 493, 25, 29, 349, 361.

[4]) Ibidem, 13, 31, 32, 229, 436, 4, 237, 158.

чали въ родовыхъ княжескихъ владѣніяхъ и дѣйствія которыхъ здѣсь уже не сдерживали ни законодательныя, ни бытовыя ограниченія, касавшіяся родовыхъ вотчинъ. Князья — старые вотчинники въ центральной области попадаются такъ же рѣдко, какъ и князья — старые помѣщики. Такими были, напримѣръ, князь Масальскій въ Москвѣ, Ноздреватые въ Коломнѣ [1]). Пріобрѣтались вотчины князьями жалованьемъ государевымъ, куплей, мѣной, закладомъ, и такими же путями уходили изъ княжескихъ рукъ во владѣніе другихъ служилыхъ классовъ [2]). Крупная доля княжескихъ земельныхъ богатствъ доставалась также и монастырямъ [3]).

Другимъ центромъ служилаго землевладѣнія, гдѣ группировались представители самыхъ разнообразныхъ служилыхъ классовъ и самыя различныя формы служилаго землевладѣнія, была Тверская область. Здѣсь находимъ также многихъ юго-западныхъ князей: Оболенскихъ, Золотыхъ, Щепиныхъ, Кашиныхъ, Хованскихъ, Елецкихъ, Булгаковыхъ, Мышецкихъ, Мстиславскихъ, Звенигородскихъ, Селеховскихъ, и князей темнаго происхожденія, Конинскихъ и Шерепенскихъ [4]).

Та подвижность, которою обыкновенно отличалась служебная карьера московскаго служилаго человѣка, заносила и князей черниговскихъ, смоленскихъ и литовскихъ на всѣ окраины государства. Служба же на окраинѣ, какъ и вездѣ, влекла за собой надѣленіе служилаго человѣка земельными участками большаго или меньшаго размѣра. Разумѣется, что высшіе земельные оклады получались и высшими чинами областной администраціи, воеводами и намѣстниками. Болѣе или менѣе крупныя помѣстья князей черниговскихъ, смоленскихъ и литовскихъ, бывавшихъ намѣстниками и воеводами, мы встрѣчаемъ на противоположныхъ концахъ государства. Такъ въ 7074—7075 гг. былъ испомѣщенъ въ Казани бояринъ и воевода казанскій кн. Петръ Андреевичъ Булгаковъ съ сыномъ; велѣно было за нимъ учинить въ половину его оклада помѣстья на 500 четей. Князю Григорію Андреевичу Булгакову въ томъ же году велѣно было учинить помѣстья въ половину оклада на 450 четей. Князь Борисъ Ивановичъ Мезецкій получилъ все

[1]) Ibidem, I, 209, 376, 375.

[2]) Ibidem, 177, 122, 377, 176, 379, 211, 150, 514.

[3]) Наприм., Арх. Мин. Юст., грам. Рузск. у. №№ 10276, 10281, 10314; Дмитров. у. №№ 3789, 3874; Волоколамск. у. № 7173, л. 66; Коломенск. у. № 6312; Сборн. Тр. Серг. Л. № 530, л. 81, 49 об.; № 532, л. 486; Рум. М., Бѣляевскіе Акты, №№ 32, 103.

[4]) См. Тверскія писцов. книги во II т. писц. книгъ, изд. Геогр. Общ. Также книгу И. И. Лаппо, Тверской уѣздъ въ XVI в.

также въ половину оклада помѣстье въ 300 четей [1]). Въ 60-хъ годахъ князья П. А. и Гр. А. Булгаковы и Б. И. Мезецкій были воеводами въ Казани и казанскихъ пригородахъ [2]). Кн. Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій, бывшій въ 1581 г. воеводой на нѣмецкой украинѣ, въ г. Рѣжицѣ, получилъ помѣстье въ Пусторжевскомъ уѣздѣ въ числѣ тѣхъ дѣтей боярскихъ «разныхъ нѣмецкихъ городовъ», которые были выведены изъ нѣмецкихъ городовъ и испомѣщены въ Пусторжевскомъ и Невельскомъ уѣздахъ. До его оклада, шестисотъ четей, не дошло въ двухъ станахъ 116 четей [3]). Князья Путятины часто намѣстничали во второй половинѣ вѣка въ городахъ нѣмецкой и ливонской украйны; и помѣстья нѣсколькихъ князей Путятиныхъ находимъ въ воцкой пятинѣ [4]). Чѣмъ выше стоялъ князь на чиновной лѣстницѣ, тѣмъ чаще мѣнялъ онъ мѣста своей службы, перемѣщался изъ Москвы на окраины и наоборотъ. Князья же захудалые, погружавшіеся въ массу мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, естественно, пріобрѣтали болѣе прочную осѣдлость и становились въ извѣстной области наслѣдственными служилыми людьми и наслѣдственными землевладѣльцами. Такъ объясняется появленіе на разныхъ окраинахъ цѣлыхъ гнѣздъ князей — дѣтей боярскихъ и помѣщиковъ. Большинство этихъ князей были или лично захудалыми людьми, не успѣвшими сдѣлать карьеры и выбиться изъ среды рядоваго дворянства, хотя и принадлежавшими къ виднымъ служилымъ родамъ, или вообще происходили изъ мелкихъ княжескихъ родовъ, никогда не игравшихъ значительной роли, каковы, напримѣръ, были князья Корецкіе, Мышецкіе, Селеховскіе, Болховскіе. Изъ такихъ мѣстныхъ, хотя и чужихъ по происхожденію, княжескихъ помѣщичьихъ гнѣздъ во второй половинѣ XVI в. въ Новгородской области одна новгородская дозорная книга порозжихъ помѣстій 1594—95 г. называетъ 9 человѣкъ кн. Оболенскихъ, троихъ Мышецкихъ, троихъ Селеховскихъ, четверыхъ Кропоткиныхъ, Корецкаго [5]); въ отрывкѣ писцовой книги воцкой пятины 1566 г. встрѣчаемъ троихъ князей Елецкихъ [6]). Много помѣстій князей Кропоткиныхъ, Елецкихъ,

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. по Казани № 152, лл. 135 об.—138, 138—140, 144—145 об.

[2]) Др. Рос. Вивліоѳ., XIII, 361, 363, 416, 421.

[3]) Арх. Мин. Юст., кн. 8183, л. 26 об.—29; Др. Рос. Вивл., XIV, стр. 404.

[4]) Кн. П. Долгоруковъ, Россійская родословная книга, ч. I, стр. 137; Арх. Мин. Ин. Д., отрывокъ писц. книги Воцкой пятины 1566 г. № 3, лл. 14, 63, 198.

[5]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 974, лл. 1—157.

[6]) Арх. Мин. Ин. Д., писц. кн. № 3, лл. 109 об., 123 об., 126.

Оболенскихъ, Селеховскихъ находимъ и въ другихъ писцовыхъ новгородскихъ книгахъ второй половины XVI в. [1]). На югѣ, на рязанской украйнѣ, въ концѣ XVI в. были помѣщиками князья Волконскіе (Мих. Петр., Андр. Дм., Сем. Мамоновъ, жена кн. Θеодора съ дѣтьми Иваномъ, Василіемъ, Θедоромъ, Семеномъ) [2]), кн. Кропоткины (Θед. Григ., Тим. Мих., Юрій Вас., Мих. Вас.) [3]), Бабичевы (Ник. Θед. и Бор. Степан.) [4]). Рядъ земельныхъ владѣній князей Волконскихъ находимъ еще въ Тульскомъ и Веневскомъ уѣздахъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ ихъ родовою вотчиною на р. Волконѣ, возвращенною имъ въ самомъ концѣ XVI в. Вотчины Волконскихъ находились въ Тульскомъ уѣздѣ, Колоденскомъ стану. Здѣсь, на р. Упѣ, за княгиней Афимьей, женой кн. Андрея Волконскаго, ея племянницей Марьей, женой кн. Θедора, и внукомъ кн. Александромъ Васильевичемъ числилось въ вотчинѣ, по переписи 7096—7097 гг., 2½ селца, 7 деревень съ полудеревней, 1 починокъ и 3 пустоши [5]). Въ томъ же уѣздѣ, въ Заупскомъ стану, были помѣстья за княгиней Марьей, женой кн. Юрія Волконскаго, и за ея дѣтьми, Андреемъ и Иваномъ, за кн. Θедоромъ Юрьевичемъ и кн. Иваномъ Петровичемъ. Изъ нихъ кн. Θедоръ Юрьевичъ владѣлъ помѣстьемъ, доставшимся ему отъ посторонняго лица [6]). Въ Нюховской волости находилось старое помѣстье кн. Михаила Осиповича Волконскаго [7]). Въ Веневскомъ уѣздѣ, по переписи 7080 г., въ вотчинѣ кн. Ив. Θедор. Мстиславскаго, въ Полосенскомъ стану, получили помѣстья князья Дмитрій Булгаковъ и Θедоръ Юрьевичъ Волконскіе, изъ которыхъ послѣдній, какъ мы видѣли, имѣлъ уже помѣстье въ Тульскомъ уѣздѣ [8]). На южной же окраинѣ, въ уѣздѣ Каширскомъ встрѣчаемъ помѣстья князей Горчаковыхъ, Барятинскихъ, Долгоруковыхъ [9]).

Такъ какъ земельныя владѣнія князей на окраинахъ обусловливались, главнымъ образомъ, службою, то понятно, что помѣстья численно значительно преобладали надъ вотчинами. Въ числѣ кня-

[1]) Наприм., Арх. Мин. Юст., кн. 959, лл. 124, 126, 155, 186 об., 325, 344, 354, 355, 441, 441 об., 447 об., 512 об.; кн. 957, лл. 267 об., 343; кн. 961, л. 48 об.; кн. 964, лл. 803, 838, 1090, 1312 об., 1419.

[2]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. Зарайска, кн. 396, лл. 651, 699, 701, 724.

[3]) Ibidem, лл. 514, 519 об., 700 об., 702 об.

[4]) Ibidem, лл. 653, 663.

[5]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 1200—1202.

[6]) Ibidem, II, 1118—1119.

[7]) Ibidem, 1146.

[8]) Ibidem, 1561.

[9]) Ibidem, 1307, 1363, 1405, 1484, 1489.

зей-вотчинниковъ на окраинахъ мы уже видѣли князей Волконскихъ, Масальскаго. Кромѣ того на южной окраинѣ находимъ еще вотчину боярина кн. Тимоѳея Романовича Трубецкаго въ Пехлецкомъ стану Ряжскаго уѣзда по платежной книгѣ 7105—7106 гг. [1]), мелкія вотчины князей Дашковыхъ въ уѣздахъ Пронскомъ и Переяславля-Рязанскаго [2]), въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ вотчину бояръ князей Ивана и Андрея Ивановичей Голицыныхъ [3]) по писцовой книгѣ 7096—7097 гг.

III.

На земельныхъ владѣніяхъ князей татарскаго и инородческаго происхожденія, составлявшихъ также значительный элементъ среди высшаго служилаго класса въ Московскомъ государствѣ, мы не будемъ подробно останавливаться и приведемъ только нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ землевладѣніе и этихъ князей опредѣлялось ихъ личной служебной карьерой. Члены татарскихъ царскихъ фамилій и въ XVI в. обыкновенно занимали положеніе, тождественное съ положеніемъ тѣхъ служилыхъ князей, которые еще не вошли въ ряды московской чиновной іерархіи. Но, тогда какъ всѣ прочіе служилые князья въ первой четверти XVI в. окончательно утратили свое особенное положеніе и слились съ московскими чинами, татарскіе царевичи продолжали сохранять это особенное положеніе въ теченіе всего XVI в. Службу свою они отправляли или при особѣ государя, состоя въ его свитѣ, или ходили въ походы во главѣ полковъ. По разряднымъ росписямъ татарскіе царевичи обыкновенно занимаютъ первыя мѣста. Но это первенство, также какъ и вообще командованіе полкомъ, было только почетомъ; при царевичахъ всегда стояли воеводы или пристава, облеченные фактическою властью. Высокое, а иногда и исключительное положеніе, какое татарскіе царевичи занимали среди служилой аристократіи, объясняется скорѣе всего ихъ высокою «породою», которая въ аристократической Москвѣ всегда указывала должное мѣсто ея слугамъ, а не видами объединительной политики, предпочитавшей чужихъ своимъ, новыхъ слугъ старымъ [4]). Земельныя пожалованія, которыми награждались служилые татарскіе ца-

[1]) Арх. Мин. Юст., кн. 396, л. 495.

[2]) Ibidem, лл. 123 об., 280.

[3]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 1271.

[4]) По этому вопросу см. мнѣнія Валуева и проф. Сергѣевича въ Рус. Юрид. Древн., т. II, в. I, стр. 318.

ревичи, также какъ и пожалованія знатнѣйшимъ служилымъ князьямъ, заключались въ городахъ и волостяхъ. Такъ извѣстный Симеонъ Бекбулатовичъ получилъ Тверь и Торжокъ, а раньше Звенигородъ, который по духовной Грознаго отданъ былъ царевичу Муртазалею Ахкибекову. Кромѣ цѣлыхъ волостей царевичи награждались также и отдѣльными земельными участками, вотчинами и помѣстьями. Напримѣръ, большимъ подмосковнымъ помѣстьемъ владѣлъ царевичъ Ибакъ Азюбаковичъ. По писцовой книгѣ 1584—1586 гг. оно было роздано по частямъ на оброкъ и въ помѣстья разнымъ лицамъ [1]).

Кромѣ татарскихъ и сибирскихъ царевичей на московскую службу поступало всегда много представителей разныхъ другихъ инородческихъ владѣтельныхъ родовъ. Но эти инородческіе князья, поступая на службу, обыкновенно принимали уже московскіе чины и смѣшивались съ массой служилаго класса. Землевладѣльческое же положеніе ихъ опредѣлялось служебной карьерой. Къ числу инородческихъ князей, занявшихъ высокое служебное положеніе въ XVI в. и сохранившихъ его и въ два слѣдующія столѣтія, принадлежали князья Черкаскіе. Въ XVI в. нѣсколько князей Черкаскихъ имѣли боярскій чинъ, бывали воеводами и намѣстниками. Въ Московскомъ уѣздѣ встрѣчаемъ вотчины и помѣстья слѣдующихъ князей Черкаскихъ: Семена Ардасовича, Бориса Кенбулатовича, Ѳедора Желигетовича, Ивана Шелютюковича. По писцовой книгѣ 1584—1586 гг. за кн. Семеномъ Ардасовичемъ въ двухъ станахъ Московскаго уѣзда было большое помѣстье, составившееся изъ вотчинъ и помѣстій кн. Ив. Келмамаева, заключавшее въ себѣ болѣе 2000 четей въ полѣ пашни и перелогу. Къ кн. Борису Кенбулатовичу перешла въ Горетовѣ стану въ помѣстье вотчина Вас. Бор. Кутузова. Помѣстья двухъ другихъ кн. Черкаскихъ перешли въ оброчное владѣніе и въ помѣстья другихъ лицъ [2]). Тамъ же находимъ порозжія помѣстья и другихъ инородческихъ князей, Келмамаевыхъ, Казанскихъ. Борисъ Кенбулатовичъ владѣлъ еще помѣстьями на южной и западной окраинахъ. Напримѣръ, въ Моржевскомъ стану Зарайскаго уѣзда за нимъ было село, двѣ деревни и починокъ. Въ Медынскомъ уѣздѣ ему принадлежало большое помѣстье, 2 села, 21 деревня, 3 починка, 3 пустоши. Князь Василій Кардануковичъ владѣлъ вотчиной въ Переяславлѣ Рязанскомъ, селомъ Большой Песочней и шестью деревнями [3]).

[1]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 114—118.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 96, 124—126, 155—156, 209.

[3]) Ibid., II, 836. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 396, лл. 110, 613.

Примѣромъ княжеской инородческой фамиліи средней руки, фамиліи, никогда не игравшей особенно выдающейся роли, могутъ служить многочисленные князья Мещерскіе и Мещерскіе-Кіасовы. Въ XVI и въ XVII вв. они проявляютъ оживленную служебную дѣятельность въ разныхъ краяхъ государства въ качествѣ чиновъ областной администраціи. Такъ же широко разбросаны были и ихъ земельныя владѣнія: въ центральной области — въ уѣздахъ Московскомъ и Коломенскомъ, за Волгой — въ Бѣжецкомъ верхѣ, на сѣверѣ — въ Новгородскихъ областяхъ, на западѣ — въ Вяземскомъ уѣздѣ, на югѣ — въ уѣздахъ Рязанскомъ, Пронскомъ, Каширскомъ [1]).

IV.

Характерной чертой исторіи высшаго служилаго класса въ XV и XVI вв. былъ наплывъ многихъ княжескихъ фамилій, не только давившихъ простое нетитулованное боярство своею численностью, но и оттѣснявшихъ его съ первыхъ ступеней чиновной лѣстницы. По изслѣдованіямъ проф. Ключевскаго, «съ 1505 года до 1593 включительно насчитываемъ до 70 фамилій, члены которыхъ перебывали въ московской государевой думѣ въ званіи бояръ. Изъ нихъ слишкомъ 40 носили княжескій титулъ; остальныя были простыя боярскія фамиліи. Пересчитывая бояръ того и другого разряда поголовно, находимъ, что изъ двухъ сотенъ бояръ, посидѣвшихъ въ думѣ вь этотъ періодъ времени, было почти 130 князей и только 70 лицъ съ чѣмъ нибудь не княжескаго происхожденія. Пользуясь наиболѣе обычнымъ способомъ обозначенія количественныхъ отношеній, можно сказать, что княжескихъ фамилій, члены которыхъ сидѣли въ думѣ боярами, было около 61,5%, а не княжескихъ около 38,5%. Считая лица, а не фамиліи, видимъ, что титулованная знать выслала въ думу въ званіи бояръ около 65%, а нетитулованная около 35%. Значитъ, княжье численно преобладало въ составѣ думы великаго князя Василія, его сына и внука». Въ XVII в. «титулованныя фамиліи выставили въ думу около 110 человѣкъ почти на 200 бояръ, отмѣченныхъ въ спискѣ членовъ думы, т. е. около 56% вмѣсто 65%, какъ приблизительно было въ продолженіе 88 лѣтъ до 1594 года. Слѣдовательно, нетитулованное

[1]) Наприм. Арх. Мин. Юст., грам. Бѣжецк. у. № 1247; писц. кн. № 585, лл. 1 об., 7, 12 об., 14 об., 16 об., 25; кн. 354, л. 265, кн. 396, лл. 698 об., 708 об., кн. 961, лл. 419, 427 об., 438, 441 об., 444 об. Арх. Мин. Ин. Д., писц. кн. № 3, лл. 44 об., 220; писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 256, 419—420; II, 746 и слд., 1307 и сл., 1354, 1441.

боярство въ думѣ выиграло у князей въ XVII в. до 9%». Что касается окольничихъ, то «съ 1505 по 1594 годъ насчитываемъ въ составѣ боярской думы до 140 окольничихъ; изъ нихъ князей было всего съ небольшимъ 30, менѣе 23%. Слѣдовательно нетитулованной знати въ этомъ чинѣ было гораздо больше, приблизительно на 12%, чѣмъ знати титулованной въ чинѣ бояръ» [1]). Но и обѣ эти большія группы служилой аристократіи, титулованная и нетитулованная, не были замкнутыми. Какъ въ титулованной группѣ старѣйшіе и знатнѣйшіе роды смѣнялись младшими неродовитыми отраслями, такъ и среди нетитулованной знати каждое новое царствованіе выдвигало на первый планъ извѣстное число новыхъ служилыхъ родовъ. Если служба, какъ мы видѣли, управляла землевладѣльческой судьбой княжескихъ родовъ, то еще съ большою интенсивностью ея дѣйствіе сказывалось въ судьбѣ нетитулованныхъ служилыхъ родовъ, которые были сильны только своею службою московскому государю и его милостью.

Познакомимся съ земельными владѣніями нѣкоторыхъ выдающихся служилыхъ нетитулованныхъ родовъ XVI в. Сохранились извѣстія, хотя очень неполныя и неравномѣрныя, о .земельныхъ владѣніяхъ слѣдующихъ древнихъ боярскихъ родовъ: Плещеевыхъ, Сабуровыхъ, Морозовыхъ, Воронцовыхъ, Кутузовыхъ, Челядниныхъ, Шеиныхъ. Сохранились духовныя завѣщанія Петра Михайловича Плещеева 1509—10 г. и Дмитрія Григорьевича 1558—59 г. Петръ Михайловичъ раздаетъ своимъ сыновьямъ села и деревни въ Московскомъ, Верейскомъ, Звенигородскомъ, Переяславскомъ уѣздахъ, всего 7 селъ съ деревнями, починками и пустошами; кромѣ нѣкоторыхъ селъ и деревень, благословенья своего отца и государева жалованья, большинство селъ и деревень онъ называетъ своими куплями [2]). Изъ духовной грамоты богатаго Дм. Григорьевича Плещеева видно, что вотчины его и братьевъ находились въ Московскомъ, Волоцкомъ, Рузскомъ и Можайскомъ уѣздахъ [3]). Въ первой половинѣ XVI в. Плещеевы служили также удѣльному князю Юрію Ивановичу. Такъ въ 1531—32 г. душеприкащики боярина Ивана Васильевича Плещеева дали по его духовной въ Троице-Сергіевъ монастырь въ Звенигородскомъ уѣздѣ село Тимоѳеевское съ 14 деревнями, пожалованное князёмъ Юріемъ Ивановичемъ [4]). О пожа-

[1]) Боярская Дума, 231—234.

[2]) Сборн. Тр. Серг. Л. № 530, лл. 9—14.

[3]) Акты Н. П. Лихачева, в. I, № 11.

[4]) Рум. М., Акты Бѣляева, № 50; Сборн. Тр. Серг. Л. № 530, л. 437 об.

лованныхъ княземъ Юріемъ земляхъ упоминаетъ и Петръ Михайловичъ Плещеевъ.

Изъ рода Сабуровыхъ большими помѣстьями владѣлъ въ концѣ XVI в. бояринъ Богданъ Юрьевичъ. За нимъ въ 3-хъ станахъ Вяземскаго уѣзда и въ Козельскомъ уѣздѣ числилось помѣстій на 995 четвертей слишкомъ; противъ его оклада, 1000 четей, не дошло всего 4 четей [1]).

Къ числу богатѣйшихъ землевладѣльцевъ XVI в., о которыхъ сохранились болѣе полныя данныя, принадлежали Яковли, Юрьевы-Романовы, Шереметевы и Годуновы. Укажемъ данныя, характеризующія землевладѣльческое положеніе этихъ выдающихся служилыхъ родовъ. Большія коломенскія вотчины и помѣстья Яковлей по писцовой книгѣ 1577—78 г. уже разошлись мелкими кусками по рукамъ разныхъ владѣльцевъ [2]).

Вотчины и помѣстья Юрьевыхъ-Романовыхъ во второй половинѣ XVI в. были разбросаны въ разныхъ уѣздахъ. Царь Иванъ Васильевичъ упоминаетъ въ своей духовной, что онъ пожаловалъ жену Романа Юрьевича и сына его Никиту волостями и селами въ удѣлахъ царевичей Ивана и Ѳедора, запретивъ послѣднимъ вступаться въ тѣ волости и села [3]). За Никитой Романовичемъ Юрьевымъ въ Московскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ было село Измайлово съ деревнями. Помѣстье его въ Васильцовѣ стану по писцовой книгѣ 7085—7086 г. числилось уже за другими помѣщиками. Въ станахъ Манатьинѣ, Быковѣ и Коровинѣ къ нему перешли большія вотчины князей Токмакова и Серебрянаго и другихъ вотчинниковъ, село Чальиново съ деревнями, починками и пустошами, всего земли 855 четвертей. Коломенская вотчина Никиты Романовича въ Большомъ Микулинскомъ стану, села Степаново и Лысцово, заключала въ себѣ 1089 четей всякой земли въ полѣ. На югѣ, въ Каширскомъ уѣздѣ онъ владѣлъ обширнымъ помѣстьемъ, с. Рожественнымъ съ деревнями и пустошами, съ 809 четями доброй земли [4]). Сыновьямъ его Александру и Василію Никитичамъ Романовымъ въ Ряжскомъ уѣздѣ принадлежали: городокъ Скопинъ, 1 село, 4 деревни, 2 починка, слободка. Сошнаго письма въ этой ихъ вотчинѣ числилось: въ живущемъ полсохи и полполчети сохи, въ пустѣ полсохи и полчети и пол-

[1]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 570.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 350—370, 482, 491.

[3]) Д. А. И., I, 389.

[4]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 2, 40, 176, 378; II, 1488.

полчети сохи [1]). За Иваномъ Никитичемъ Романовымъ въ 1613 г. всего вотчинъ числилось 4626 четей и помѣстій 448 чт. [2]).

Годуновы, появляющіеся на высшихъ ступеняхъ чиновной іерархіи лишь съ половины XVI в., несмотря на свою служебную молодость, къ концу столѣтія становятся едва ли не самыми богатыми землевладѣльцами въ государствѣ. Во главѣ ихъ стоитъ, конечно, Борисъ Ѳедоровичъ. Но къ сожалѣнію не сохранилось точныхъ и полныхъ свѣдѣній объ его земельныхъ владѣніяхъ. Флетчеръ, пересчитывая его доходы, называетъ его вотчины въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ, область Вагу, луга и пастбища по Москвѣ рѣкѣ на громадное разстояніе [3]). Въ писцовыхъ книгахъ находимъ только одно указаніе на вотчину Б. Ѳ. Годунова въ Московскомъ уѣздѣ, Горетовѣ стану, гдѣ по переписи 1584—86 гг. за нимъ числилось с. Кузмодемьянское и 2 пустоши [4]). Зато въ обиліи находимъ въ писцовыхъ книгахъ свѣдѣнія о земельныхъ владѣніяхъ другихъ представителей рода Годуновыхъ. Такъ Ивану Васильевичу принадлежало въ Московскомъ уѣздѣ большое помѣстье, заключавшее въ себѣ село, 12 живущихъ деревень, два села пустыхъ и 29 пустошей съ 815 четями земли, въ Ряжскомъ уѣздѣ, Пехлецкомъ стану, два села и три деревни, земли почти $1^1/_2$ сохи и въ Зарайскомъ уѣздѣ совмѣстно съ Степаномъ Васильевичемъ — 5 селъ [5]). Никита и Петръ Васильевичи совмѣстно владѣли подмосковной вотчиной, сельцомъ Поповкой, купленной ими у Ѳедора Ивановича Годунова. За ними же порознь были помѣстья въ Вяземскомъ и другихъ уѣздахъ. Никитѣ Васильевичу принадлежали помѣстья въ станахъ Красносельскомъ и Молоцкомъ Вяземскаго уѣзда и въ Старицкомъ уѣздѣ. Изъ нихъ извѣстенъ объемъ помѣстья только въ Красносельскомъ стану, обнимавшаго 10 деревень съ 250 четями земли. Нѣкоторыя помѣстныя земли Петра и Никиты Васильевичей перешли къ другимъ помѣщикамъ и монастырю. Кромѣ Вяземскаго уѣзда Петръ Васильевичъ владѣлъ помѣстьями во Ржевѣ и на Рязани; всего въ трехъ уѣздахъ за нимъ числилось помѣстій 733 чети, а окладъ ему былъ 800 четей. Ему же принадлежала небольшая вотчина въ Ряжскомъ уѣздѣ [6]). Помѣстья

[1]) Арх. Мин. Юст., кн. 396, л. 495.

[2]) Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1895 г., I, стр. 1.

[3]) Оцѣнку извѣстій Флетчера о доходахъ Бориса Годунова см. у г. Середонина, Op. cit., стр. 190.

[4]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 134.

[5]) Ibid., I, 122; Арх. Мин. Юст., писц. кн. 396, лл. 494 об., 753.

[6]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 129; II, 575, 578, 742, 745; Арх. Мин. Юст., писц. кн. 396, л. 495.

околничаго Якова Михайловича были расположены въ двухъ станахъ Вяземскаго уѣзда (751 четь) и въ Ржевскомъ (165 четей) [1]). Вяземское помѣстье Михаила Васильевича перешло къ другому помѣщику. Небольшія вотчины Дмитрія Ивановича находимъ въ уѣздахъ Московскомъ и Зарайскомъ, гдѣ за нимъ было 3 села и 5 деревень [2]). За Степаномъ Васильевичемъ въ Вязьмѣ, въ двухъ станахъ, числилось помѣстныхъ земель 967 четей, а въ Московскомъ уѣздѣ онъ держалъ на оброкѣ пустопорожнія помѣстныя земли [3]).

По нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ Шереметевы являются богатыми землевладѣльцами уже при Іоаннѣ III, участвуя въ новгородскомъ походѣ съ собственнымъ отрядомъ служилыхъ людей [4]). Въ половинѣ XVI в. Василій Андреевичъ Шереметевъ, отецъ шести бояръ, оставилъ своимъ сыновьямъ большія недвижимыя богатства: при раздѣлѣ на долю одного только младшаго сына, Ивана Васильевича Меньшаго, досталось 7 родовыхъ вотчинъ [5]). Въ это время вотчины Шереметевыхъ сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ Московскомъ, Коломенскомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ. Дѣти Василія Андреевича, счастливо дѣлая свою служебную карьеру, дѣятельно пріумножали и земельныя богатства, покупая и принимая въ закладъ земли, получая за свою службу крупныя вотчины въ разныхъ уѣздахъ. Много, конечно, земель уходило изъ ихъ рукъ вкладами въ монастыри, отдачей въ приданое, но все-таки земельныя владѣнія ихъ и въ XVI в. были чрезвычайно велики. Отсылая читателя за подробностями исторіи шереметевскихъ богатствъ къ труду г. Барсукова, ограничимся нѣсколькими крупными данными о земельныхъ владѣніяхъ Шереметевыхъ въ XVI в. Въ духовномъ завѣщаніи и челобитной Ѳедора Ивановича Шереметева 1645 г. находятся слѣдующія данныя о земельныхъ владѣніяхъ отца его Ивана Васильевича Меньшаго, убитаго подъ Колыванью въ 1578 г. Ивану Васильевичу принадлежали: 1) родовыя вотчины: въ Владимірскомъ уѣздѣ село Ѳилисово; въ Коломенскомъ — Мещериново, Городня; въ Рязанскомъ — Песочня; въ Московскомъ—Кусково, въ Бѣжецкомъ—Шаблыкино; 2) вотчины купленныя и вымѣненныя: въ Московскомъ уѣздѣ—села Вешня-

[1]) Писц. книги, II, 727—728.

[2]) Ibid., I, 133. Арх. Мин. Юст., кн. 396, л. 725 об.

[3]) Писц. книги, I, 224; II, 568—570.

[4]) А. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, I, 51—53.

[5]) Ibid., 80—85.

ково, Василево; въ Кашинскомъ—Брюхово; 3) вотчины жалованныя: въ Костромскомъ уѣздѣ — село Борисоглѣбское, въ Нижегородскомъ—Кадница [1]). Ко всѣмъ этимъ селамъ тянули многія деревни и пустоши. Кромѣ того нѣсколько вотчинъ было имъ роздано по монастырямъ. Эти свѣдѣнія можно пополнить еще нѣкоторыми данными писцовыхъ книгъ о земельныхъ владѣніяхъ другихъ Шереметевыхъ. Такъ Ѳедоръ Васильевичъ владѣлъ въ Москвѣ вотчиной, селцомъ Губинымъ, помѣстье же его въ Манатьинѣ перешло по частямъ къ другимъ помѣщикамъ. Въ Коломенскомъ уѣздѣ ему принадлежали: одна изъ старѣйшихъ Шереметевскихъ вотчинъ, с. Чиркино съ деревнями и 637 четями въ полѣ земли, с. Оксиньино съ деревнями и 1942 четями земли и въ Скулневскомъ стану двѣ деревни съ 531 четями [2]). Въ Коломенскомъ же уѣздѣ находились небольшія вотчины Семена Васильевича и Петра Никитича [3]). Значительная Коломенская вотчина, с. Прусъ съ деревнями и 584 четями земли, была продана Шереметевыми коломенскому владыкѣ [4]). Вотчины Ѳедора Ивановича Шереметева по докладной выпискѣ 1613 г. заключали въ себѣ 9214 четей [5]).

Своими земельными богатствами такіе служилые роды, какъ Шереметевы, Юрьевы, Годуновы, были обязаны многимъ исключительнымъ обстоятельствамъ, близости и родству съ царскимъ домомъ, выдающейся политической и военной дѣятельности своихъ представителей. Но большія земельныя богатства скоплялись не только подобными первостепенными родами, но и менѣе замѣтными, заурядными, какими, напримѣръ, были Сабуровы, Борисовы. Такъ околничій Семенъ Дмитріевичъ Пѣшковъ-Сабуровъ въ духовномъ завѣщаніи 1561—62 г. раздаетъ роду и монастырямъ свои вотчины въ Коломенскомъ, Костромскомъ, Суздальскомъ уѣздахъ, всего $6^1/_4$ селъ со многими деревнями и пустошами. Борисовы, принадлежавшіе къ тверскимъ боярскимъ родамъ, владѣли большими вотчинами въ Тверской области [6]). Наконецъ, въ писцовыхъ книгахъ находимъ описаніе отдѣльныхъ вотчинъ и помѣстій многихъ служилыхъ родовъ XVI в.: Бѣльскихъ, Тучковыхъ, Воронцовыхъ, Морозовыхъ, Клешниныхъ, Грязныхъ, Нагихъ, Челядниныхъ,

[1]) Ibid., гл. XXVIII.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 3, 33, 382, 442, 452.

[3]) Ibid., 382, 481, 491.

[4]) Ibid., I, 492.

[5]) Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1895 г., I, стр. 2. О коломенск. вотчинахъ Ѳед. Иван. см. писц. кн., I, 384, 481, 531.

[6]) Писц. книги, т. II, 232, 239, 284.

Головиныхъ, Өедоровыхъ, Салтыковыхъ, Шеиныхъ, Загряжскихъ. Крупные размѣры многихъ изъ этихъ вотчинъ и помѣстій позволяютъ предполагать, что ихъ обладатели были также богатыми землевладѣльцами [1]).

Нигдѣ, однако, личный служебный успѣхъ, какъ сила, создавшая землевладѣльческое положеніе служилаго человѣка, не дѣйствовалъ такъ могущественно и не проявлялся такъ ярко, какъ въ положеніи тѣхъ безродныхъ приказныхъ дѣльцовъ, которые въ XVI в. достигаютъ думнаго дьячества, а въ слѣдующемъ столѣтіи пробираются и на высшія государственныя должности. Если земельныя богатства боярскихъ родовъ, титулованныхъ и нетитулованныхъ, скапливались службой и трудами не одного поколѣнія, то дьяки XVI в. и службой и матеріальнымъ положеніемъ всегда бывали обязаны единственно самимъ себѣ. И несмотря на то, среди земельной аристократіи XVI в. дьяки занимаютъ не послѣднее мѣсто. Такъ очень богатыми землевладѣльцами являются знаменитые Щелкаловы, Василій и Андрей, особенно первый. Василій Яковлевичъ владѣлъ помѣстьями въ Коломенскомъ уѣздѣ, 7-ю деревнями и селищемъ съ 200 четями доброй земли, а въ Мещовскомъ уѣздѣ, Недоходовѣ стану, с. Дубровной Рожественнымъ съ 10 деревнями и починкомъ. Это помѣстье, полученное Щелкаловымъ за его безчестье отъ Ивана Михайловича Висковатова, содержало въ себѣ, по переписи 1556—57 г., 930 четей съ осминой въ полѣ доброю угожею землей [2]). Вотчины Василій Яковлевичъ покупалъ и получалъ въ жалованье отъ государя въ разныхъ уѣздахъ. Такъ онъ купилъ рядъ пустыхъ помѣстій подъ Москвой, въ Боховѣ стану. Въ томъ же стану ему принадлежала большая вотчина, бывшее помѣстье дьяковъ Щелепина и Өедорова, с. Болшево съ 5 деревнями и 5 пустошами, съ 505 четями земли. Въ станахъ Манатьинѣ, Быковѣ и Коровинѣ находились его вотчины, старыя, купленныя и жалованныя изъ помѣстій, села Марөино, Шолохово, Ларево, Осташково съ деревнями и пустошами, съ 611 четями земли въ полѣ [3]). Въ 1562 г. онъ купилъ въ Сѣтунскомъ стану Московскаго уѣзда треть села Мостовицъ Лукина и треть деревни Измайлова за 120 р. Въ 1594—95 г. царь Өедоръ пожаловалъ ему въ Московскомъ уѣздѣ село Котово, которое до того бывало въ вотчинѣ и въ помѣстьѣ за разными лицами, между прочими за окольничимъ

[1]) См. писц. кн., изд. Геогр. Общ., по указателю.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 494; А. И., I, № 180.

[3]) Писц. кн., изд. Георг. Общ., I, 21—22, 178, 210.

Мих. Глѣбов. Салтыковымъ [1]). Въ Переяславскомъ уѣздѣ Василій Яковлевичъ получилъ, совмѣстно съ кн. Вас. Ив. Темкинымъ-Ростовскимъ, за свое безчестье вотчину Ив. Мих. Висковатова. Въ этой вотчинѣ на долю Щелкалова приходился четвертый жребій, села Матвѣевское и Настасьино съ 10 деревнями [2]). Равнымъ образомъ въ 1571 г. къ Вас. Щелкалову перешла вотчина подъячаго Улана Айгустова въ счетъ присужденнаго съ него безчестья, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Повельскомъ стану, сельцо Михайловское съ деревнями, по оцѣнкѣ за 429 рублей слишкомъ [3]). Въ 1569 г. братья Щелкаловы дали Троице-Сергіеву монастырю свои переяславскія вотчины, села Настасьино и Силково съ деревнями [4]). Владимірская вотчина Василія Яковлевича, село Петраково съ деревнями, отъ его сына Ивана перешла къ кн. Дм. Мих. Пожарскому [5]). Очень мало сохранилось извѣстій о земельныхъ владѣніяхъ Андрея Щелкалова. Кромѣ Переяславскаго уѣзда находимъ его вотчину подъ Москвой, въ Горетовѣ стану, сельцо Денисьево. Московское его помѣстье по книгѣ 1573—1574 г. состояло на оброкѣ за дьякомъ Рахманиномъ Русановымъ [6]).

Въ писцовыхъ книгахъ находимъ также болѣе или менѣе крупныя вотчины и помѣстья и нѣкоторыхъ другихъ дьяковъ XVI в. Такъ дьяку Сапуну Абрамову принадлежали помѣстья въ трехъ станахъ Вяземскаго уѣзда (390 четей съ полутретникомъ), въ уѣздахъ Муромскомъ (162 чети съ осминой) и Ярославскомъ (335 четей), а всего за нимъ было въ трехъ городахъ 888 четей безъ третника [7]). Дьякъ конюшій Шеметъ Ивановъ скупилъ и держалъ на оброкѣ нѣсколько пустыхъ княжескихъ помѣстій подъ Москвой [8]). Дьякъ Андрей Шерефединовъ владѣлъ двумя большими вотчинами въ Коломенскомъ уѣздѣ; въ Б. Микулинѣ стану за нимъ было 925 четей въ полѣ и въ Комаревѣ 300 четей [9]).

Итакъ, положеніе крупныхъ нетитулованныхъ землевладѣльцевъ XVI в. характеризуется тѣми же чертами, которыя мы наблюдали

[1]) Сборн. Тр. Серг. Л. № 530, лл. 205 об., 213.
[2]) А. И., I, № 180.
[3]) А. А. Э., I, № 280.
[4]) Арх. Мин. Юст., грам. Переясл. у. № 8961; Сборн. Тр. Серг. Л. № 530, л. 598 об.
[5]) Арх. Мин. Юст., грам. Владимірск. у. № 1905.
[6]) Писц. книги, I, 17, 128.
[7]) Ibidem., II, 643.
[8]) Ibidem., I, 15, 258, 261, 265.
[9]) Ibidem., I, 383, 406. См. еще земельныя владѣнія дьяковъ Андреева, Блѣднаго, Витовтова, Мамырева, Чюрина, Ѳомина, Григорьева, Осорьина.—Ibidem, I, 107, 131, 509, 583, 584; II, 21, 754, 839 и друг.

уже въ исторіи землевладѣнія княжескаго. Земельныя богатства служилыхъ родовъ создаются не на основѣ устойчиваго родоваго землевладѣнія, а въ зависимости отъ личныхъ служебныхъ успѣховъ отдѣльныхъ лицъ. Прочная землевладѣльческая традиція извѣстнаго служилаго рода поддерживается, главнымъ образомъ, неизмѣнно счастливой служебной карьерой его членовъ. Земельныя богатства служилыхъ родовъ и лицъ составлялись какъ изъ вотчинъ, такъ и изъ помѣстій. Это было прямымъ слѣдствіемъ зависимости землевладѣнія отъ службы и причиной непрочности землевладѣльческаго положенія отдѣльныхъ служилыхъ родовъ. Другой причиной была уже извѣстная намъ общая мобилизація вотчиннаго землевладѣнія. Наконецъ, тою же зависимостью имущественнаго положенія служилаго человѣка отъ его служебной карьеры надо объяснить разбросанность вотчинъ и помѣстій каждаго отдѣльнаго рода и лица по всему пространству государства, всюду, гдѣ этотъ родъ или лицо заводили болѣе или менѣе прочныя служебныя связи.

Въ своихъ результатахъ мобилизація вотчиннаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ XVI в. была точнымъ отраженіемъ тѣхъ процессовъ и перемѣнъ, которые происходили въ служилой организаціи разныхъ слоевъ общества. Это еще не значитъ, однако, чтобы служебная мобилизація сословій была единственной причиной, создавшей и поддерживавшей мобилизацію земельную. Мы видѣли, что корни этой послѣдней были заложены совершенно независимо отъ политическихъ и служебныхъ отношеній служилыхъ классовъ. Оба процесса, службы и землевладѣнія, вышли изъ различныхъ, самостоятельныхъ источниковъ, но въ своемъ движеніи встрѣтились другъ съ другомъ и оказали сильное взаимное вліяніе.

Въ предыдущей главѣ мы старались показать несправедливость того взгляда на мобилизацію княжескаго землевладѣнія, по которому она является результатомъ централизаціонной политики московскихъ государей, и нашли, что она обусловливалась не какими нибудь спеціальными причинами, а общими, дѣйствовавшими одинаково на всѣ слои вотчиннаго землевладѣнія. Дѣйствуя независимо отъ политики московскаго правительства, мобилизація княжескаго землевладѣнія привела къ тождественному результату, къ которому пришла исторія отношеній верховной власти къ служилому классу. Княжеское сословіе не составило плотной, замкнутой, привиллегированной земельной аристократіи, какъ не составило замкнутой служилой аристократіи. Связь между обоими процессами, службой и землевладѣніемъ князей, разъясняетъ В. О. Ключевскій.

«Если представимъ себѣ, говоритъ онъ, московское боярство конца XV в., когда въ средѣ его многіе хорошо помнили, какъ они сидѣли на своихъ удѣлахъ, а многіе еще не успѣли забыть, какъ хозяйничали тамъ ихъ отцы, намъ станетъ ясно, какъ много удѣльнаго должно было тогда оставаться въ ежедневныхъ дѣлахъ и помыслахъ большей части бояръ»... «Съ минуты своего подчиненія Москвѣ бывшій удѣльный князь привыкалъ сознавать себя если не самостоятельнымъ владѣльцемъ извѣстной части Русской земли, какимъ онъ уже пересталъ быть на дѣлѣ, то частью многочисленнаго класса, который подъ руководствомъ московскаго государя правилъ всей Русской землей, ему повиновавшейся» [1]). Такъ, по мнѣнію проф. Ключевскаго, традиція родоваго владѣнія дѣйствовала на политическое настроеніе московскаго боярства. Мысль эта можетъ найти себѣ и дальнѣйшее подтвержденіе въ приведенныхъ нами фактахъ, свидѣтельствующихъ, что означенная традиція существовала не только въ первой половинѣ XVI в., но пережила и самую опасную эпоху, время Грознаго. Однако, существовали обстоятельства, которыя должны были въ значительной степени парализовать дѣйствіе традиціи родоваго владѣнія на политическое настроеніе князей. Мы видѣли, что вольная, подвижная служба князей смѣнялась еще болѣе подвижной невольной службой. Какъ только бывшій удѣльный князь становился слугой московскаго государя, такъ тотчасъ начиналось его служебное кочеваніе по всему пространству государства. Если вспомнить, что при этомъ онъ заводилъ, сообразно характеру своей службы, болѣе или менѣе прочныя земельныя связи на мѣстахъ службы, что эти новые земельные интересы были для него особенно важны, такъ какъ неразрывно соединялись съ его служебной карьерой, то является вопросъ, не парализовалось ли вліяніе традицій родоваго землевладѣнія новыми поземельными интересами, обусловленными службой? По этимъ соображеніямъ мы нѣсколько иначе представляемъ себѣ взаимодѣйствіе службы и землевладѣнія въ исторіи княжескаго сословія. Это взаимодѣйствіе иначе слагалось въ области родоваго княжескаго землевладѣнія, иначе — въ области землевладѣнія въ собственномъ смыслѣ служилаго, т. е. помѣстнаго и вотчиннаго—выслуженнаго. Въ первомъ случаѣ земельная мобилизація обусловливала собой службу, во второмъ — служба обусловливала земельную мобилизацію. Не только одинъ хозяйственный кризисъ, но вся земельная

[1]) Бояр. Дума, стр. 247, 253.

мобилизацiя во всей своей сложности дробила и уменьшала площадь княжескаго землевладѣнiя и этимъ самымъ отдавала князей во власть московскихъ служебныхъ интересовъ. Помимо всѣхъ другихъ обстоятельствъ, московская служба затягивала измельчавшихъ, обѣднѣвшихъ на своей родинѣ князей тѣмъ, что на этой службѣ, «на многихъ воеводствахъ и кормленiяхъ», захудалые князья богатѣли и поправлялись. Итакъ, повторяемъ еще разъ, въ области стараго родоваго землевладѣнiя мобилизацiя его не только не была создана политикой московскихъ государей по отношенiю къ потомству удѣльныхъ князей, но она подготовила и обезпечила успѣхъ этой политики. Попавъ однажды въ водоворотъ московской службы, князь, какъ и всякiй другой служилый человѣкъ, дѣлался землевладѣльцемъ тамъ, куда его заносила служба, и тѣмъ болѣе или менѣе богатымъ землевладѣльцемъ, чѣмъ выше или ниже онъ стоялъ на лѣстницѣ служебной iерархiи.

Если земельная мобилизацiя разбила такой плотный землевладѣльческiй классъ, какъ княжеское сословiе сѣверо-востока и юго-запада, классъ, обладавшiй, повидимому, задатками земельнаго могущества и независимости, то тѣмъ менѣе могъ образовать плотную и независимую земельную аристократiю другой какой-нибудь слой московскаго общества. Въ землевладѣльческой судьбѣ всѣхъ другихъ классовъ московскаго служилаго общества явный уже перевѣсъ получаетъ служба. Служба, какъ мы видѣли, дѣйствовала на земельную мобилизацiю въ трехъ направленiяхъ. Во-первыхъ, она распредѣляла площадь служилаго землевладѣнiя по территорiи государства исключительно по своимъ интересамъ, не принимая въ разсчетъ какихъ-либо сословныхъ различiй. Во-вторыхъ, она опредѣляла объемъ земельнаго владѣнiя каждаго служилаго человѣка. Мы видѣли, что личный служебный успѣхъ, независимо отъ сословнаго положенiя, часто даже независимо отъ принадлежности къ тому или другому служебному слою, создавалъ и поднималъ до высокой степени землевладѣльческое положенiе человѣка. Наконецъ, въ-третьихъ, служба создавала болѣе или менѣе прочную землевладѣльческую осѣдлость.

Первые два результата земельной мобилизацiи подъ дѣйствiемъ службы наглядно представлены въ одномъ весьма интересномъ документѣ половины XVII в. Это — роспись помѣстiй и вотчинъ бояръ, околничихъ, стольниковъ, думныхъ дьяковъ 1646—1647 гг.[1]).

[1]) М. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, боярск. книга № 12.

Количества земли въ каждой вотчинѣ и помѣстьѣ роспись не сообщаетъ; о сравнительной величинѣ всѣхъ этихъ земельныхъ владѣній можно судить по общему числу крестьянскихъ, бобыльскихъ и людскихъ дворовъ, приходящихся на вотчины и помѣстья каждаго землевладѣльца.

Такимъ образомъ нашъ документъ даетъ наглядное представленіе о землевладѣльческомъ положеніи служилой аристократіи въ первой половинѣ XVII в. Первый результатъ земельной мобилизаціи, который особенно рѣзко бросается въ глаза при чтеніи росписи вотчинъ и помѣстій 1646—1747 г.,—это ихъ сильная дробность и разбросанность по всей территоріи государства. Такъ вотчины и помѣстья богатѣйшаго землевладѣльца Н. И. Романова раскиданы были по восемнадцати уѣздамъ. Изъ прочихъ бояръ и думныхъ чиновъ одинъ владѣлъ землями въ четырнадцати уѣздахъ (В. И. Стрѣшневъ), одинъ — въ тринадцати уу. (кн. Черкаскій), одинъ—въ двѣнадцати уу. (М. М. Салтыковъ), трое — въ одиннадцати уу. (И. В. и Гл. И. Морозовы, кн. Ѳ. С. Куракинъ), двое—въ десяти уу. (Б. И. Морозовъ, кн. П. А. Репнинъ), одинъ—въ девяти уу. (кн. А. Ѳ. Литвиновъ-Масальскій), семеро—въ восьми уу. (Ѳ. И. Шереметевъ, кн. Н. И. Одоевскій, Ѳ. Ст. Стрѣшневъ, кн. Ю. П. Буйносовъ-Ростовскій, кн. С. В. Прозоровскій, Гр. Г. Пушкинъ, кн. В. Гр. Ромодановскій), девятеро—въ семи уу. (кн. А. И. Голицынъ, Л. Ст. Стрѣшневъ, кн. А. Н. Трубецкой, И. И. Салтыковъ, кн. П. Ѳ. Волконскій, Н. С. Собакинъ, Б. И. Пушкинъ, кн. С. Р. Пожарскій, Ж. И. Кондыревъ), шестеро—въ шести уу. (И. П. и В. П. Шереметевы, кн. М. М. Темкинъ-Ростовскій, кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій, М. М. Бутурлинъ, Ѳ. Ѳ. Лихачевъ), семеро—въ пяти уу. (кн. М. и Ѳ. Н. Одоевскіе, Б. П. Шереметевъ, С. М. Проестевъ, кн. Ѳ. Ю. Хилковъ, Ив. Гавреневъ, М. Даниловъ), пятеро—въ четырехъ уу. (кн. Д. П. Львовъ, Ѳ. Б. Далматовъ-Карповъ, П. Т. Траханіотовъ, Н. Чистой, И. Ѳ. Левонтьевъ), двое—въ трехъ уу. (Б. М. Дубровскій, М. А. Ртищевъ), пятеро—въ двухъ уу. (М. А. Львовъ, Л. Дм. Салтыковъ, кн. В. П. Ахамашуковъ-Черкаскій, И. М. Аничковъ, Ѳ. Елизаровъ) и одинъ—въ одномъ (М. Волошениновъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ перечисленные думные чины, за нѣкоторыми исключеніями, имѣли вотчины и помѣстья подъ Москвой. Мы видѣли, что сосредоточеніе лучшихъ служебныхъ элементовъ подъ Москвой и затѣмъ разсѣяніе ихъ по разнымъ областямъ были двумя послѣдовательными моментами въ распредѣленіи служилаго землевладѣнія по территоріи государства.

Такимъ образомъ документъ средины XVII в. точно рисуетъ первый результатъ земельной мобилизаціи предшествующаго столѣтія.

Другой результатъ земельной мобилизаціи XVI в., какъ мы видѣли, заключался въ томъ, что ни князья, потомки самостоятельныхъ владѣтелей, ни старое московское нетитулованное боярство, ни какой другой слой московскаго служилаго общества не могли образовать плотной, замкнутой землевладѣльческой аристократіи. Если этимъ именемъ обозначить вообще извѣстное число крупныхъ землевладѣльцевъ государства, то такая земельная аристократія, подъ дѣйствіемъ постоянной мобилизаціи ея владѣній, оказывалась безсословной. И этотъ результатъ также наглядно представленъ въ разбираемомъ нами памятникѣ. Богатѣйшимъ землевладѣльцемъ изъ среды правительственной аристократіи средины XVII в. оказывается бояринъ Н. И. Романовъ, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ котораго насчитывается 7012 дворовъ крестьянъ, бобылей и «людей», бѣднѣйшимъ—думный дворянинъ Ив. М. Аничковъ, владѣющій всего 37 дворами. Между этими крайними предѣлами всѣ остальные члены думнаго сословія по величинѣ своихъ владѣній расположатся въ такомъ нисходящемъ порядкѣ: Бор. Ив. Морозовъ, кн. Як. Куд. Черкаскій, Ѳ. И. Шереметевъ, кн. Н. И. Одоевскій съ сыновьями, И. В. Морозовъ, кн. А. Н. Трубецкой, М. М. Салтыковъ, Гл. И. Морозовъ, Лук. Ст. Стрѣшневъ, В. И. Стрѣшневъ, кн. Ѳ. С. Куракинъ, кн. А. И. Голицынъ, кн. С. И. Прозоровскій, дьякъ Ив. Гавреневъ, кн. Б. А. Репнинъ, Ѳ. Б. Далматовъ-Карповъ, Г. Г. Пушкинъ, Ѳ. С. Стрѣшневъ, Н. С. Собакинъ, кн. Д. П. Львовъ, кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій, дьякъ М. Даниловъ, кн. Ю. П. Буйносовъ-Ростовскій, М. М. Бутурлинъ, кн. А. Ѳ. Литвиновъ-Масальскій, кн. Ѳ. Ю. Хилковъ, П. Т. Траханіотовъ, кн. В. Г. Ромодановскій, И. П. Шереметевъ, И. И. Салтыковъ, дьякъ Ѳ. Елизаровъ, В. П. Шереметевъ, печатникъ Ѳ. Ѳ. Лихачевъ, казначей Б. М. Дубровскій, дьякъ Н. Чистой, кн. П. Ѳ. Волконскій, Б. И. Пушкинъ, кн. М. М. Темкинъ-Ростовскій, москов. ловчій И. Ѳ. Левонтьевъ, дьякъ М. Волошениновъ, кн. С. Р. Пожарскій, кн. В. П. Ахамашуковъ-Черкаскій, Л. Д. Салтыковъ, С. М. Проестевъ, ясельничій Жд. В. Кондыревъ, Б. П. Шереметевъ, кн. А. М. Львовъ, постелничій М. А. Ртищевъ. Разсматривая этотъ списокъ, мы видимъ, что въ землевладѣльческой судьбѣ правительственнаго класса точно отражались перемѣны, происходившія въ его служебномъ положеніи. Какъ на высшихъ ступеняхъ служебной іерархіи ряды князей не были сом-

кнутыми, но постоянно разрывались лицами нетитулованными, такъ и въ нашемъ спискѣ на первыхъ мѣстахъ нетитулованные бояре превосходятъ численностью князей. Точно также списокъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ государства отразилъ на себѣ и тѣ перемѣны, которыя происходили и въ каждой изъ двухъ отраслей боярства отдѣльно. Князья сѣверо-восточные, несмотря на большую свою близость къ московскому государству, на извѣстныя даже родственныя связи, не могли удержать служебнаго первенства и во многихъ случаяхъ уступали это первенство болѣе позднимъ слугамъ московскаго государя, князьямъ юго-западнымъ и даже князьямъ инородческаго происхожденія, выбивавшимся на верхъ единственно личной службой. Сообразно этому и въ нашемъ спискѣ выше другихъ по богатству владѣній стоятъ князья Черкаскій, Одоевскій, Трубецкой, Куракинъ; князья же сѣверо-восточные преимущественно занимаютъ мѣста уже во второй половинѣ списка. То же самое повторилось и среди нетитулованнаго боярства. Между старыми, исконными боярскими фамиліями появляются новыя, не родовитыя, выдвигающіяся на первыя мѣста или благодаря родственнымъ связямъ съ царскимъ домомъ, или благодаря выдающимся политическимъ заслугамъ. Сообразно ихъ служебной карьерѣ и придворнымъ связямъ выростаетъ и ихъ землевладѣльческое положеніе. И въ нашемъ спискѣ къ старымъ боярскимъ родамъ, Романовымъ, Морозовымъ, Шереметевымъ, приближаются по своимъ земельнымъ богатствамъ представители такой не родовитой фамиліи, какъ Стрѣшневы. Трое Стрѣшневыхъ занимаютъ мѣста въ первой половинѣ списка, тогда какъ нѣкоторые Шереметевы и Салтыковы стоятъ во второй половинѣ и даже въ концѣ. Такъ сказалось сословное безразличіе въ области служилаго землевладѣнія въ срединѣ XVII в., явленіе, подготовленное земельной мобилизаціей XVI в.

Обратимся теперь къ другой сторонѣ представленнаго нами списка землевладѣльцевъ, къ соотношенію между служебнымъ положеніемъ, чиномъ лица и его землевладѣніемъ. Размѣры земельныхъ богатствъ въ спискѣ понижаются въ общемъ сообразно пониженію ступеней служилой іерархіи. Въ началѣ списка преобладаютъ высшіе думные и придворные чины, въ концѣ—низшіе. Такова общая тенденція въ соотношеніи между службой и землевладѣніемъ; высшій чинъ обусловливалъ и высшее землевладѣльческое положеніе. Но еще болѣе важнымъ условіемъ была личная служебная энергія лица, поднимавшая его экономическое положеніе выше

его собратій не только по сословію или родословію, но и по служебному уровню. Въ нашемъ спискѣ такіе неродовитые и нечиновные люди, какъ Гр. Г. и Б. И. Пушкины, Н. С. Собакинъ, П. Т. Траханіотовъ, печатникъ Лихачевъ, московскій ловчій Левонтьевъ, казначей Дубровскій и нѣкоторые другіе, а также думные дьяки Гавреневъ, Даниловъ, Елизаровъ, Чистой, Волошениновъ не составили низшаго слоя землевладѣльцевъ, а расположились почти на всемъ протяженіи списка, ставъ между самыми родовитыми и чиновными фамиліями. Такъ Далматовъ-Карповъ, Пушкинъ, Собакинъ, дьяки Гавреневъ и Даниловъ занимаютъ мѣста въ первой половинѣ списка, непосредственно за представителями важнѣйшихъ княжескихъ и боярскихъ фамилій и выше многихъ другихъ представителей подобныхъ же фамилій. И это явленіе, параллелизмъ между личными служебными успѣхами лица и ростомъ его экономическаго положенія, не новое для XVII в. Подобные же примѣры мы не разъ встрѣчали и въ XVI в. [1]).

[1]) Срвн. приведенныя нами данныя съ данными подобнаго же документа, докладной выписки 1613 г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ, напечат. г. Барсуковымъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1895 г., № 1. Но этотъ послѣдній документъ не служитъ выразителемъ нормальнаго состоянія извѣстнаго слоя служилаго землевладѣнія, такъ какъ смѣнявшіяся въ эпоху Смуты на Москвѣ правительства сильно злоупотребляли раздачей земель служилымъ людямъ съ политическими цѣлями. И докладная выписка о вотчинахъ и помѣстьяхъ составлена была съ цѣлью выяснить законность земельныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ въ Смуту.

ГЛАВА III.

Основы помѣстной организаціи XVI вѣка.

I.

Разсматривая формы условнаго землевладѣнія въ древней Руси и первоначальные факты землевладѣнія помѣстнаго, мы видѣли, что всѣ эти формы удовлетворяли потребностямъ различныхъ слоевъ древне-русскаго общества. Сообразно тому и личный составъ помѣщиковъ XVI в. не замыкался однимъ какимъ-нибудь слоемъ общества. Служилое значеніе помѣстнаго землевладѣнія сдѣлало военно-служилый классъ основнымъ и самымъ крупнымъ элементомъ въ составѣ помѣстнаго класса московскаго государства. Другіе элементы этого класса не успѣли сплотиться въ такую жэ сплошную массу, какъ военно-служилый элементъ, но отдѣльными, иногда довольно многочисленными, единицами мелькаютъ среди помѣщиковъ на всемъ пространствѣ существованія помѣстнаго землевладѣнія.

Заботу о помѣстномъ устройствѣ военно-служилаго класса взяло на себя правительство, предпринявъ рядъ общихъ мѣръ и выработавъ опредѣленную систему испомѣщенія. Вся эта система мѣръ направлялась исключительно въ сторону интересовъ военнаго класса, предназначалась для устройства помѣстья, какъ средства обезпеченія военной службы. Интересы другихъ разрядовъ служилаго класса, приказнаго и дворцоваго, отошли далеко на задній планъ. Правительственной иниціативы общаго характера въ дѣлѣ помѣстнаго устройства этихъ разрядовъ незамѣтно; не находимъ ни особыхъ общихъ мѣръ, ни особой системы испомѣщенія, напримѣръ, дьяковъ, псарей, сокольниковъ и другихъ дворцовыхъ и приказныхъ чиновъ. Они испомѣщаются по готовой системѣ, выработанной для военнаго класса. Все это должно было привести къ огромному чис-

ленному перевѣсу въ составѣ помѣщиковъ XVI в. военнаго класса надъ всѣми другими. Но тѣмъ не менѣе помѣстное землевладѣніе не сдѣлалось монополіей московской арміи.

Ставъ средствомъ несенія службы военной, дворцовой, мѣстно-административной, помѣстное землевладѣніе расположилось по территоріи государства сообразно расположенію этихъ служилыхъ классовъ. Въ центрѣ государства, гдѣ сконцентрировались представители всѣхъ служилыхъ классовъ, и личный составъ помѣщиковъ былъ разнообразенъ, слагаясь изъ всѣхъ своихъ элементовъ. По мѣрѣ же того, какъ, направляясь къ окраинамъ, однообразился составъ служилаго населенія, и личный составъ помѣщиковъ рѣже переходилъ за предѣлы мѣстныхъ служилыхъ классовъ. Писцовыя книги, особенно неизданныя, могутъ доставить громадный матеріалъ для спеціальнаго изслѣдованія о соціальномъ составѣ помѣстнаго класса и его расположеніи по территоріи государства. Мы вынуждены ограничиться рядомъ примѣровъ для общей характеристики этого вопроса.

Центромъ самаго пестраго служилаго общества, — военнаго, дворцоваго, приказнаго, — была Москва съ ея окрестностями. Въ предыдущей главѣ мы познакомились съ земельными владѣніями высшихъ служилыхъ классовъ въ центральной области. Самой плотной и многочисленной группой помѣщиковъ въ этой области, какъ и вездѣ, былъ среднiй военно-служилый классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Но здѣсь, въ центрѣ, онъ отличался еще большой пестротой по своему чиновному составу, заключая въ себѣ такіе разряды служилыхъ людей, какихъ не было въ другихъ областяхъ, напримѣръ, дворянъ московскихъ. Сравнительно съ этой массой высшаго и средняго служилаго класса всѣ прочіе чины, дворцовые и приказные, встрѣчаются лишь немногими, отдѣльными единицами. Изъ низшихъ дворцовыхъ чиновъ и слугъ встрѣчаемъ въ центральной области помѣщиками сытниковъ, конюховъ, ястребниковъ, псарей, тенетчиковъ [1]). Изъ чиновъ центральной администраціи, высшей и низшей, кромѣ боярскихъ чиновъ, многочисленнѣе другихъ являются дьяки. Думные дьяки достигали, какъ мы видѣли, очень высокаго землевладѣльческаго положенія. Владѣніе помѣстьями предоставлялось не только обыкновеннымъ дьякамъ, но и подъячимъ [2]).

[1]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 206, 265, 352, 361, 399, 474, 591.

[2]) Ibid., I, 126, 187, 367, 494, 509, 545, 583. По кн. 1577—78 г. въ Коломенскомъ уѣздѣ былъ испомѣщенъ еще одинъ приказный человѣкъ неизвѣстнаго чина, которому были приказаны на Москвѣ скорострѣльные пушкари. Ibid., 604.

Въ Коломенскомъ уѣздѣ испомѣщены были нѣкоторые чины областной администраціи: губные старосты, городовые прикащики [1]). Источникомъ для изученія соціально-служилаго состава помѣстнаго общества центральной области государства могутъ служить еще тверскія писцовыя книги. Изъ всѣхъ княжескихъ центровъ сѣверо-восточной Руси Тверь, повидимому, полнѣе и сложнѣе выработала государственный и административный механизмъ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ Москвѣ, и несомнѣнно долѣе другихъ княжествъ сохраняла цѣлость этого механизма послѣ присоединенія къ Москвѣ. Въ Тверскомъ уѣздѣ въ срединѣ XVI в. мы находимъ такую же пестроту соціальнаго состава помѣщиковъ, какъ и въ Московскомъ, Коломенскомъ, Звенигородскомъ, даже еще бо́льшую, что объясняется лучшею сохранностью источниковъ. Въ Тверскомъ уѣздѣ владѣли помѣстьями разные дворцовые чины: ключники, посельскіе, сытники, охотники, конюхи, стрѣлки, псари. Изъ нихъ псари и сокольники поселены были также цѣлыми деревнями, принадлежавшими къ вѣдомству ловчаго пути [2]). Должности тверскихъ намѣстниковъ присваивалось владѣніе большими помѣстьями [3]). Изъ низшихъ областныхъ чиновниковъ встрѣчаемъ въ Тверскомъ уѣздѣ только разсылыщиковъ и недѣльщиковъ [4]).

Въ среду служилаго общества московскаго государства постоянно приливали иноземные элементы и размѣщались по всѣмъ безъ исключенія ступенямъ служебной лѣстницы. Вступленіе иноземцевъ въ ряды высшей служилой знати сообщало имъ и всѣ землевладѣльческія преимущества послѣдней. Иноземцы низшаго служилаго разбора встрѣчаются также въ значительномъ количествѣ среди помѣщиковъ центральныхъ уѣздовъ. Многочисленнѣе другихъ были татары, владѣвшіе помѣстьями или каждый въ отдѣльности или цѣлыми группами [5]). Другіе служилые иноземцы, литвины, поляки, греки, нѣмцы, обыкновенно владѣли въ одиночку отдѣльными помѣстьями [6]).

Если уже въ центральныхъ областяхъ, несмотря на большую пестроту соціальнаго состава помѣстнаго класса, военно-служилый элементъ рѣшительно преобладалъ надъ всѣми другими, то еще

[1]) Ibid., I, 544, 568, 591, 604.

[2]) Ibid., II, 177, 287, 288.

[3]) Ibid., II, 69, 109, 129.

[4]) См. таблицы въ книгѣ И. И. Лаппо, Тверской уѣздъ въ XVI в.

[5]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 242, 337, 339, 343, 361, 395—397, 400, 415, 433, 436, 445, 472, 482.

[6]) Ibid., I, 336, 348, 349, 354, 364, 367, 371, 399, 456, 489, 576.

большее значеніе онъ долженъ былъ получить на югѣ отъ Оки, въ польской украйнѣ, военная колонизація которой составляла одну изъ главныхъ заботъ московскаго правительства въ дѣлѣ военной организаціи государства въ XVI—XVII вв. Составъ самого служилаго населенія украйны также далеко не походилъ на составъ его въ центральной области. Сообразно мѣстнымъ бытовымъ и военнымъ особенностямъ, въ немъ получили особенное развитіе такіе элементы, какихъ было очень мало среди помѣстнаго класса центральной области; другіе элементы, наоборотъ, на югѣ сильно сократились. Прежде всего служилый классъ южной окраины совсѣмъ не былъ такимъ аристократическимъ, какимъ онъ былъ въ центрѣ. Мы видѣли, что на югѣ пріобрѣтали землевладѣльческую осѣдлость большею частью или вообще захудалые, не видные княжескіе роды или отдѣльные захудалые члены княжескихъ фамилій. Только очень немногіе представители боярской знати, титулованной и нетитулованной, владѣли вотчинами на южной окраинѣ, хотя и не имѣли прямыхъ служебныхъ связей съ нею. Неаристократическій характеръ служилаго класса на югѣ отразился и на составѣ помѣстнаго общества. Помѣстья служилой аристократіи за Окой попадаются очень рѣдко. Такъ въ Зарайскомъ уѣздѣ по писцовой книгѣ конца XVI в. находимъ помѣстья двухъ бояръ, князей Бор. Кенб. Черкаскаго и Ѳед. Ив. Хворостинина, околничаго Андр. Петр. Клешнина; въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ—помѣстья двухъ бояръ князей Голицыныхъ; въ Каширскомъ уѣздѣ—помѣстья бояръ Морозовыхъ и Ник. Ром. Юрьева [1]). Въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ южной окраины и совсѣмъ не встрѣчаемъ помѣщиковъ-бояръ, судя по писцовымъ книгамъ второй половины XVI в.

Въ однообразной служилой массѣ дѣтей боярскихъ, дѣлившихся на статьи и спеціальные служебные разряды полковыхъ, станичныхъ, самопальныхъ, осадныхъ, тѣ приказные и дворцовые чины, которыхъ мы встрѣчали въ центральной области, на окраинѣ за Окой встрѣчаются очень рѣдко и преимущественно въ рязанской области. Такъ въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ конца XVI в. въ Пронскомъ уѣздѣ находимъ среди помѣщиковъ губнаго старосту, толмача посольскаго приказа; въ уѣздахъ Переяславскомъ и Зарайскомъ—губнаго старосту, городоваго прикащика, дьяка, подъячаго, разсыльщиковъ, царицына сына боярскаго; въ Каширскомъ уѣздѣ—

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 396, лл. 613, 740. Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 1271, 1423—1424, 1488.

губнаго старосту, городоваго прикащика, дьяка; въ Тульскомъ у.— дѣдиловскаго городоваго прикащика [1]). Чаще попадаются на югѣ представители стрѣлецкаго войска. Помѣстьями владѣли только старшіе, начальные чины стрѣльцовъ, стрѣлецкіе сотники и головы. Нижніе же чины, въ качествѣ регулярнаго войска, поселены были, какъ извѣстно, въ городахъ особыми слободами. Немногочисленныя помѣстья стрѣлецкихъ сотниковъ и головъ въ заоцкихъ областяхъ разбросаны были въ одиночку и находились притомъ далеко не во всѣхъ уѣздахъ [2]). Мы находимъ ихъ въ рязанской области и въ Каширскомъ уѣздѣ, т. е. въ полосѣ ближайшей къ Окѣ; въ писцовыхъ же книгахъ болѣе дальнихъ уѣздовъ, Орловскаго, Тульскаго, Дѣдиловскаго, Веневскаго, Епифанскаго, и совсѣмъ не встрѣчаемъ стрѣлецкихъ помѣстій. Наконецъ, на южной окраинѣ расположены были помѣстныя земли такихъ служилыхъ разрядовъ, которыхъ создали мѣстныя своеобразныя условія быта и службы: казаковъ, засѣчныхъ головъ, сторожей, разсыльщиковъ, т. е. разныхъ мелкихъ чиновъ, служившихъ на пограничныхъ укрѣпленныхъ линіяхъ. Изъ казаковъ получали помѣстья также только начальные люди, донскіе и черкаскіе атаманы, сотники, головы [3]). Помѣстья рядовыхъ казаковъ находимъ въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ, гдѣ двумъ казацкимъ сотнямъ, Луговой и Дергилевской, даны были придаточныя деревни за «озовскую» и черкаскую службу [4]). Наконецъ, въ разныхъ пунктахъ южной окраины сидѣли группами служилые татары. Такія помѣстныя гнѣзда служилыхъ татаръ встрѣчаемъ въ уѣздахъ Пронскомъ, Зарайскомъ, Каширскомъ [5]).

Такой же составъ помѣстнаго класса мы видимъ и на западной окраинѣ: на первомъ мѣстѣ подавляющую массу средняго дворянства, дѣтей боярскихъ, и въ этой массѣ разбросанными отдѣльныхъ, немногочисленныхъ представителей служилой аристократіи, низшихъ приказныхъ и дворцовыхъ чиновъ, и лицъ нѣкоторыхъ

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 354, 396. Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 1534 и слѣд., 1108.

[2]) Писц. кн. Пронск. у., Арх. Мин. Юст., кн. 354, лл. 67 об., 90; Зарайск. у., кн. 396, лл. 540 об., 593 и об., 595, 640 об., 659 об., 680. Каширск. уѣзда, писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 1323, 1331, 1347, 1395.

[3]) Арх. Мин. Юст., кн. 354, л. 84; кн. 396, лл. 617, 640 об., 642, 701 об., 744 об. Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 894, 938, 980, 982, 1007.

[4]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 1268. Помѣстья засѣчныхъ сторожей, разсыльщиковъ, ibid., 1103, 1104, 1194, 1215, 1217, 1238, 1250, 1012, 1534; Арх. Мин. Юст., писц. кн. 354, л. 90; кн. 396, лл. 392 об., 648, 687 об.

[5]) Арх. Мин. Юст., кн. 354, л. 82 об.; кн. 396, л. 642. Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 1426, 1513 и слѣд.

спеціальныхъ служилыхъ разрядовъ. Такъ, напримѣръ, по писцовымъ книгамъ конца XVI в. въ области Пскова и его пригородовъ, составлявшихъ сѣверо-западную окраину Московскаго государства, изъ лицъ высшаго служилаго класса владѣли помѣстьями только псковскіе намѣстники, князья Шуйскіе, Иванъ Петровичъ и Василій Ѳедоровичъ [1]). Изъ низшихъ представителей областной администраціи владѣли помѣстьями въ псковской области нѣсколько псковскихъ дьяковъ, подъячихъ, губныхъ старостъ, городовыхъ прикащиковъ, «житничный ключникъ» [2]). Изъ спеціальныхъ военныхъ чиновъ встрѣчаемъ между помѣщиками псковской области стрѣлецкихъ сотниковъ и головъ [3]). Возьмемъ еще два уѣзда западной окраины, Великолуцкій и Пусторжевскій. Въ первомъ по писцовой книгѣ 1585 г. были испомѣщены дѣти боярскія слуги, головы и сотники стрѣлецкіе, городовые прикащики, губной староста. На общее количество помѣщиковъ, 230 человѣкъ, приходилось 5 головъ стрѣлецкихъ, 11 сотниковъ, 2 городовыхъ прикащика, 1 губной староста [4]). Изъ князей между дѣтьми боярскими находимъ кн. Александра Ивановича Лобанова-Ростовскаго, князей Андрея и Семена Ивановичей Андомскихъ съ «вопчимъ» окладомъ, князей Александра Андреевича и Тимоѳея Алексѣевича Шаховскихъ [5]). Въ Пусторжевскомъ уѣздѣ по книгѣ 1583 г. кромѣ дѣтей боярскихъ, стрѣлецкаго головы, стрѣлецкихъ сотниковъ, городоваго прикащика, группы волоцкихъ разсыльщиковъ, были еще испомѣщены два князя, Ив. Ѳед. Оболенскій и Богд. Вас. Гагаринъ, бывшіе намѣстниками и воеводами, первый въ Рѣжицѣ, второй въ Лукахъ Великихъ [6]).

По пестротѣ личнаго состава помѣщиковъ и по сравнительному обилію въ немъ представителей служилой аристократіи изъ украинныхъ уѣздовъ особенно выдѣляется Вяземскій. Свѣдѣнія объ его помѣстномъ классѣ даетъ писцовая книга 1594—1595 гг. Изъ бояръ и околничихъ въ Вяземскомъ уѣздѣ встрѣчаемъ помѣщиками нѣсколькихъ членовъ рода Годуновыхъ, Сабурова [7]). Далѣе тамъ

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 827, лл. 947—950; кн. 830, лл. 726, 728 об., 1108—1112 об.

[2]) Ibid., кн. 827, лл. 869 об., 923 об., 1077 об., 1102; кн. 830, лл. 19 об., 312, 504, 548, 654 об.

[3]) Ibid., кн. 830, лл. 310, 316 об., 497 об., 540, 702—709.

[4]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 244, л. 1202.

[5]) Ibidem, лл. 1089 об., 1151, 1178 об.

[6]) Ibidem, писц. кн. 8183, лл. 26 об.—29, 310 и слѣд. Древ. Рос. Вивл., XIV, 404, 439.

[7]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 567 и слѣд., 575 и слѣд., 598, 727, 745.

размѣстилось довольно много князей, представителей болѣе или менѣе видныхъ фамилій: Тростенскихъ, Лыковыхъ, Буйносовыхъ-Ростовскихъ, Гагариныхъ, Булгаковыхъ, Репниныхъ, Мещерскихъ, Дѣевыхъ, Волконскихъ, Шуйскихъ [1]). Крупными помѣщиками Вяземскаго уѣзда были трое дьяковъ и подъячій [2]). Наконецъ, кромѣ обычныхъ помѣстныхъ элементовъ на окраинахъ, военныхъ чиновъ — стрѣлецкихъ головъ и сотниковъ, административныхъ — губныхъ старостъ, городовыхъ прикащиковъ, разсыльщиковъ, находимъ еще въ Вяземскомъ уѣздѣ нѣсколько помѣщиковъ, которыхъ надо отнести къ дворцовымъ чинамъ: кречетника, охотника, серебряннаго мастера, коннаго псаря, царицыныхъ дѣтей боярскихъ [3]). По личному составу помѣщиковъ къ Вяземскому уѣзду приближался Медынскій, насколько съ нимъ знакомитъ платежная книга 1586—1587 гг. Здѣсь также между дѣтьми боярскими владѣли помѣстьями бояре (князья Д. И. Хворостининъ, Б. К. Черкаскій, А. В. Сицкій), околничій (Ѳед. Ив. Хворостининъ), нѣсколько мелкихъ князей русскаго и инородческаго происхожденія, дьякъ, стрѣлецкіе сотники, сытникъ, стремянной конюхъ, ястребники, царицыны дѣти боярскіе [4]).

Мы привели рядъ примѣровъ изъ писцовыхъ книгъ второй половины XVI вѣка, примѣровъ, иллюстрирующихъ распредѣленіе личнаго состава помѣстнаго класса въ центрѣ и по окраинамъ государства. Вездѣ ядро этого класса составляли дѣти боярскія, средній служилый слой. Полную коллекцію всѣхъ другихъ элементовъ помѣстнаго общества можно наблюдать только въ центральныхъ уѣздахъ, кругомъ настоящей или бывшей столицы удѣльнаго государства, Москвы или Твери. Тамъ продолжали жить традиціи первоначальной системы помѣстнаго землевладѣнія, въ основѣ которой лежали интересы дворцоваго хозяйства и службы, когда помѣстье не успѣло спеціализироваться въ одну изъ формъ военно-служилаго землевладѣнія. На окраинахъ составъ помѣщиковъ обусловливается мѣстными интересами службы, прежде всего военной, отчасти административной. Поэтому на окраинахъ помѣстный классъ складывается изъ дѣтей боярскихъ и мѣстныхъ спеціальныхъ разрядовъ служилыхъ людей. Въ составѣ послѣднихъ можно

1) Ibid., II, 567—575, 590—597, 604, 748, 705, 735 и слѣд., 746, 759, 750, 752, 753, 754, 823, 643 и слѣд.

2) Ibid., 643, 748, 754, 805.

3) Ibid., 592, 595, 715, 797, 825, 828.

4) Ibid., 832—852.

различить два элемента. Одинъ изъ нихъ составлялъ тотъ слой мѣстнаго служилаго населенія, который образовался подъ вліяніемъ соціально-экономическихъ условій быта окраинъ. Таковы были земцы въ новгородской и псковской областяхъ, казаки на южной окраинѣ [1]). Второй элементъ созданъ былъ особенными, спеціальными потребностями военной обороны окраинъ; то были пушкари, затинщики, засѣчные сторожа и т. д. Появленіе на окраинахъ чиновъ служилой аристократіи, чиновъ центральной администраціи и дворцоваго вѣдомства, объясняется уже случайными пожалованіями; ихъ помѣстья не были связаны съ мѣстной службой. Наконецъ, присутствіе мелкихъ дворцовыхъ чиновъ на западной окраинѣ, въ уѣздахъ Вяземскомъ и Медынскомъ, отчасти можно объяснить еще тѣмъ, что здѣсь расположены были удѣльные центры мелкихъ князей литовскихъ, смоленскихъ и другихъ.

II.

Законодательство XVI в. не успѣло создать твердой, опредѣленной границы скопленію земельныхъ имуществъ въ собственности отдѣльныхъ сословій или лицъ, хотя живо сознавало весь тотъ вредъ, какой наносила государственнымъ интересамъ чрезмѣрная мобилизація землевладѣнія и излишнее скопленіе земельныхъ богатствъ въ однѣхъ рукахъ, напримѣръ, монастырей. Сфера церковнаго землевладѣнія была единственной, обращавшей на себя вниманіе государства излишкомъ земельнаго богатства. Но и здѣсь законодательство ограничивалось палліативными мѣрами, обыкновенно недостигавшими цѣли. Такъ было въ области вотчиннаго землевладѣнія. Въ помѣстномъ же правѣ съ половины XVI в. мы встрѣчаемъ строго опредѣленныя рамки, въ которыхъ должно было заключаться количество помѣстной земли извѣстнаго чина или лица, находимъ помѣстные оклады. Чѣмъ была вызвана необходимость помѣстныхъ окладовъ и какими условіями опредѣлялась величина окладовъ разныхъ чиновъ и лицъ? Въ литературѣ, насколько намъ извѣстно, этотъ вопросъ не ставился отдѣльно. Его обыкновенно касались мимоходомъ, ограничиваясь краткими замѣчаніями, что оклады назначались сообразно чинамъ и отличались большимъ разнообразіемъ.

[1]) О земцахъ Н. Д. Чечулинъ, Города Москов. Госуд., стр. 42 и слѣд.; В. О. Ключевскій, Отчетъ о XXXIII присужденіи наградъ гр. Уварова, 1892 г., стр. 301—310 (Приложенія къ LXX т. Записокъ Импер. Академіи Наукъ, № 3); А. И. Никитскій, Ист. экономич. быта В. Новгорода, стр. 40—41.

Въ ту пору, когда помѣстное землевладѣніе близко сходилось съ различными формами аренды на княжескихъ, церковныхъ и частновладѣльческихъ вотчинахъ и еще не спеціализировалось въ спеціальную форму служилаго землевладѣнія, объемы отдѣльныхъ помѣстій опредѣлялись тѣми потребностями крупнаго вотчиннаго хозяйства, которыя создали и самое помѣстное землевладѣніе. Если отдачей земель въ помѣстье руководила невозможность соединить въ однѣхъ хозяйственныхъ рукахъ большое количество земли, необходимость устроить рядъ мелкихъ зависимыхъ хозяйствъ, то первоначальное помѣстье представляло типъ мелкаго землевладѣнія.

Съ превращеніемъ помѣстнаго землевладѣнія въ спеціально-служилое хозяйственныя соображенія при опредѣленіи размѣровъ помѣстныхъ дачъ должны были отойти далеко на задній планъ передъ другими соображеніями и условіями, связанными прежде всего съ служебными способностями тѣхъ служилыхъ классовъ и отдѣльныхъ лицъ, которыхъ требовалось устроить помѣстьями. Источники очень скупы на изложеніе мотивовъ, какими руководилось правительство какъ при массовыхъ, періодическихъ верстаніяхъ цѣлыхъ разрядовъ служилыхъ людей, такъ и при единичныхъ случаяхъ верстанія отдѣльныхъ лицъ. Несомнѣнно, однако, что существовало нѣсколько условій, которыя дѣйствовали не всегда одновременно и съ различною силой. Опредѣляющими условіями назначенія помѣстныхъ окладовъ были: наличность вотчины служилаго человѣка, качество его службы, исполненіе извѣстной должности, чинъ, отечество.

1. Первымъ условіемъ при назначеніи служилому человѣку помѣстнаго оклада надо признать наличность вотчины. Самое установленіе помѣстныхъ окладовъ вызвано было крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ службы съ вотчинъ. Вопросъ объ уравненіи службы съ земли поднимался еще на Стоглавомъ соборѣ. Въ 1556 г. онъ получилъ, какъ извѣстно, разрѣшеніе. Къ сожалѣнію, извѣстіе объ этомъ Никоновской лѣтописи слишкомъ кратко и неясно изложено, чтобы можно было отчетливо представить себѣ, какъ именно произошло уравненіе вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія. «По семъ же Государь сия разсмотри, которые вельможи и всякие воини многими землями завладѣли, службою оскудѣша, не противъ государева жалования и своихъ вотчинъ служба ихъ, Государь же имъ уравненіе творяше въ помѣстьяхъ землемериемъ учиниша, комуждо что достоино такъ устроиша, преизлишки жъ

разделиша неимущимъ» [1]). Изъ этого извѣстія можно вывести только то несомнѣнное заключеніе, что въ пятидесятыхъ годахъ была произведена какая-то общая разверстка помѣстнаго землевладѣнія и что она была произведена въ интересахъ той части служилаго класса, которая была бѣдна вотчинами или совсѣмъ ихъ не имѣла. Неясное изложеніе лѣтописью общегосударственной мѣры, направленной къ уравненію службы съ обоихъ видовъ служилаго землевладѣнія, побуждаетъ обратиться къ частнымъ примѣрамъ для изученія тѣхъ пріемовъ, какіе употребляло правительство въ этомъ вопросѣ. При назначеніи помѣстныхъ подмосковныхъ окладовъ выборной тысячѣ въ 1550 г. совсѣмъ не были приняты во вниманіе земельныя владѣнія, расположенныя внѣ Московскаго уѣзда и ближайшихъ частей нѣкоторыхъ смежныхъ уѣздовъ, вообще далѣе 60—70 верстъ отъ Москвы. Не имѣли права на полученіе подмосковныхъ помѣстій только тѣ бояре и дѣти боярскіе, которые владѣли вотчинами въ указанномъ районѣ [2]). Итакъ, первое по по времени опредѣленіе помѣстныхъ окладовъ также не знакомитъ съ тѣмъ соотношеніемъ, въ какомъ долженъ былъ находиться помѣстный окладъ къ наличному количеству вотчинной земли. Въ изданной кн. Оболенскимъ боярской книгѣ средины XVI в., рисующей приложеніе на практикѣ государева уложенія о службѣ 1556 г., находимъ очень много примѣровъ совмѣстнаго владѣнія помѣстьемъ и вотчиной. Но во всѣхъ этихъ примѣрахъ рѣшительно невозможно подмѣтить сколько-нибудь правильной симметріи между помѣстнымъ окладомъ и наличностью вотчинной земли. Прилагаемая таблица наглядно показываетъ, какъ различны были количества вотчинной земли, допускавшей полученіе того или другаго помѣстнаго оклада:

Помѣстный окладъ.	Количество вотчинной земли.
700 четей.	Полполчети и полполполтрети сохи.
600 четей.	Четь сохи безъ полполполтрети.
	Четь сохи и полполполчети сохи.
	Четь сохи и полполполтрети.
500 четей.	20 четей.
	Полполтрети сохи.
	Полполполчети сохи.
	Полтрети сохи.
	Соха.

[1]) Ник. л., VII, 261.

[2]) А. Э., I, № 225.

	44 чети.
	60 »
	63 »
	70 »
	80 »
	130 »
	660 »
400 четей.	Полполполтрети сохи.
	Полполтрети сохи.
	Полтрети сохи.
	Четь сохи.
	Четь сохи и полполполчети.
	Полсохи и полполчети.
	Полсохи безъ полполчети и полпол-полтрети.
350 четей.	Полполтрети и полполчети сохи.
	50 четей.
	Полполчети сохи.
300 четей.	Полтрети и полполполчети.
	Четь и полполполчети сохи.
	Треть сохи.
	5, 30, 40 четей.
250 четей.	Полполчети и полполполтрети сохи.
	Полчети сохи.
200 четей.	Четь сохи.
150 четей.	30, 100 четей.

Но въ той же книгѣ находимъ нѣсколько примѣровъ того, что служилые люди, владѣвшіе очень большими вотчинами, совсѣмъ не получили помѣстій. Таковы были: кн. Дан. Ѳед. Засѣкинъ-Сандыревскій, имѣвшій въ вотчинѣ соху безъ трети, кн. Даніилъ Юрьевичъ Сицкій Меньшой—2 сохи, кн. Семенъ Юрьевичъ Меньшой Ушатый—3 сохи съ третью и полполполтретью, кн. Ив. Ив. Козловскій-Ромодановскій—2 сохи безъ полполтрети и полполполчети [1]). Въ Муромской десятнѣ 1597 г. находимъ группу новиковъ, которые «съ отцовскихъ помѣстій и *съ вотчинъ* поверстаны помѣстнымъ окладомъ» [2]). Всѣ эти данныя показываютъ, во-первыхъ, что крупный вотчинникъ имѣлъ меньше шансовъ на полученіе помѣстья, чѣмъ вотчинникъ мелкій, пока его служебная способность вполнѣ обезпечивалась вотчиннымъ благосостояніемъ; во-вторыхъ, что наличность вотчины иногда принималась во вни-

[1]) Арх. Ист. Юр. Свѣдѣній, кн. 3, стр. 57, 59, 71, 77.

[2]) В. Н. Сторожевъ, Десятни XVI в., стр. 74.

маніе при верстаніи. Но тѣ же десятни и записи о верстаніяхъ, содержащія инструкціи окладчикамъ, совсѣмъ умалчиваютъ о томъ опредѣляющемъ значеніи, какое имѣлъ размѣръ вотчины на размѣръ помѣстнаго оклада. Къ чему же должно быть сведено участіе вотчины въ пріобрѣтеніи служилымъ человѣкомъ помѣстья? Отрицать вполнѣ это участіе невозможно въ виду того несомнѣннаго факта, что самая важная общая мѣра по устройству помѣстнаго землевладѣнія, уложеніе о службѣ 1556 г., вызвана была неравномѣрнымъ распредѣленіемъ вотчиннаго землевладѣнія и несоотвѣтствіемъ его со службою. Ключъ же къ разъясненію темнаго вопроса объ отношеніи помѣстнаго оклада къ размѣру вотчины можетъ дать только указъ 1550 г. объ испомѣщеніи выборной тысячи. Онъ объясняетъ, что препятствіемъ къ полученію помѣстья служило владѣніе вотчиной въ томъ случаѣ, когда эта вотчина находилась въ районѣ постоянной службы служилаго человѣка и при томъ условіи, если она вполнѣ обезпечивала его служебную годность. При верстаніи въ 1606 г. дворянъ и дѣтей боярскихъ торопчанъ и холмичей въ Новгородѣ помѣстными окладами также принято было во вниманіе, что «вотчинъ за дворяны и за дѣтьми боярскими въ Новгородѣ нѣтъ» [1]. Но въ XVI-мъ столѣтіи, во времена частыхъ войнъ, происходила постоянная мобилизація военныхъ силъ государства; служилые люди переводились массами изъ центральныхъ областей на окраины и обратно; являлась необходимость устраивать ихъ на новыхъ мѣстахъ службы помѣстьями. Въ этихъ-то случаяхъ, какъ показываетъ указъ 1550 г., вотчины, находившіяся далеко отъ новаго района службы испомѣщаемыхъ служилыхъ людей, и не вліяли на размѣры получаемыхъ помѣстій. Такимъ образомъ владѣніе вотчиной создавало лишь нѣкоторыя условія при полученіи помѣстья, не сведенныя въ извѣстную систему правоваго характера.

2. Первостепенное значеніе, далѣе, имѣло «отечество» служилаго человѣка. Оно было однимъ изъ главныхъ условій при назначеніи помѣстнаго оклада уже по одному тому, что верстались на службу, по общему правилу, только служилыхъ отцовъ дѣти. Служба отца давала первое общее основаніе для опредѣленія землевладѣльческаго положенія новика, указывала тѣ общія рамки, въ предѣлахъ которыхъ окладъ новика опредѣлялся уже болѣе точно другими условіями: его личной боевой годностью, чиномъ и т. д. Опредѣленіе «кто кому отечествомъ въ версту» было поэтому пер-

[1]) А. М. Г., I, стр. 78.

вой задачей при производствѣ помѣстнаго верстанія. Служилый человѣкъ рѣдко сохранялъ за собой отцовское помѣстье въ полномъ его объемѣ въ качествѣ прожитка; но въ случаѣ, если онъ по своей боевой готовности стоялъ не ниже отца, то разумѣется, что не могло быть препятствій къ назначенію ему и того помѣстнаго оклада, какимъ владѣлъ его отецъ. Въ появленіи «отечества», какъ опредѣляющаго начала при полученіи помѣстья, отражались также и понятія служилой среды о чести и личномъ достоинствѣ. Въ такихъ случаяхъ «отечество» понималось въ широкомъ, мѣстническомъ смыслѣ родовой чести. Чашникъ князь Аѳанасій Васильевичъ Лобановъ-Ростовскій, прося въ 1614 г. о прибавкѣ за службныя отличія помѣстнаго и денежнаго оклада, мотивировалъ свою просьбу не только службою, но и отечествомъ, чтобы онъ «передъ своею братьею позоренъ не былъ» [1]).

3. Самымъ существеннымъ элементомъ, опредѣлявшимъ уже въ точности размѣръ оклада, была «служба», извѣстная степень боевой годности служилаго человѣка. Въ отношеніи службы къ окладу можно различить два момента, оригинально соединявшихся въ практикѣ помѣстнаго верстанія. Въ уложеніи о службѣ 1556 г., какъ и вообще въ вотчинномъ законодательствѣ XVI в., основнымъ принципомъ было правило, по которому земля не должна выходить изъ службы, должна обезпечивать службу. Слѣдовательно, служебная способность человѣка опредѣлялась его земельной обезпеченностью. И, дѣйствительно, уложеніе 1556 г. нормировало служебныя обязанности служилаго человѣка соотвѣтственно его земельному благосостоянію. Когда же развилось помѣстное землевладѣніе, когда явилась необходимость организовать особый порядокъ для испомѣщенія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ отрядовъ, и возникъ вопросъ о критеріѣ для опредѣленія помѣстнаго оклада, то наличность вотчины не могла быть, какъ мы только что видѣли, такимъ критеріемъ, потому что иные служилые люди совсѣмъ не имѣли вотчинъ, вотчины же другихъ, заброшенныхъ изъ центра государства на окраину или съ окраины взятыхъ въ московскій списокъ, по удаленности своей не могли уже служить прежнимъ обезпеченіемъ. Не могло быть надежнымъ критеріемъ и «отечество» человѣка вслѣдствіе крайней шаткости и неустойчивости имущественнаго благосостоянія служилаго класса. При тѣхъ условіяхъ его экономическаго положенія, которыя мы разсмотрѣли въ предыдущей главѣ, сыновья рѣдко могли удержаться на уровнѣ

[1]) А. М. Г., I, № 74.

имущественнаго благосостоянія своихъ отцовъ. Тогда правительство прибѣгло, не смущаясь логическимъ противорѣчіемъ, къ опредѣленію помѣстнаго оклада тѣмъ, что само должно было имъ опредѣляться, т. е. службой; стали опредѣлять служебную годность человѣка посредствомъ личнаго его осмотра и показаній довѣренныхъ людей, окладчиковъ. Опредѣливъ, насколько извѣстные служилые люди «собою и службою и головою своею добры», назначали имъ помѣстный окладъ, который соотвѣтствовалъ бы найденной степени боевой готовности и въ свою очередь становился бы ей залогомъ. Самая же норма оклада, соотвѣтствующая найденной степени служебной готовности, подыскивалась посредствомъ прецедентовъ, сравненія лица, не имѣющаго оклада, съ тѣми его товарищами, уже имѣющими окладъ, которые были ему «въ версту».

Подъ «службою», опредѣлявшей высоту оклада, подразумѣвалась извѣстная степень боевой готовности человѣка въ самый моментъ верстанія. Но подлежавшіе верстанію новики дѣлились на служилыхъ и неслужилыхъ; слѣдовательно, боевая годность однихъ уже была провѣрена болѣе или менѣе продолжительнымъ опытомъ, готовность другихъ должна была опредѣляться только личнымъ осмотромъ. Получали-ли какое-нибудь первенство новики служилые передъ неслужилыми? Новики неслужилые, представлявшіе, повидимому, наименѣе гарантій въ исправномъ исполненіи своего долга, верстались тѣмъ не менѣе въ XVI в. такъ же щедро, какъ и прочіе разряды новиковъ. Такъ въ Коломнѣ новики неслужилые дворовые были поверстаны окладами по 300, 250 четей, городовые— по 250 и 100 четей [1]). Въ Муромѣ неслужилымъ новикамъ оклады были отъ 100 до 300 четей [2]). Насколько можно судить по десятнямъ, служилымъ новикамъ, дожидавшимся верстанія иногда лѣтъ по 10, не оказывалось почти никакого предпочтенія. Въ Коломнѣ служилые новики имѣли тѣ же оклады по 300 и 250 четей, что и неслужилые; городовые получали также по 250 и 100 четей [3]). Въ Звенигородѣ при верстаніи служилыхъ людей ц. Симеона Бекбулатовича новичныя статьи были опредѣлены въ 70, 60 и 50 четей; эти оклады равнялись окладамъ трехъ низшихъ статей городовыхъ дѣтей боярскихъ [4]). Такимъ образомъ продолжительность службы сама по себѣ не имѣла вліянія при верстаніи, и преиму-

[1]) Г. Сторожевъ, Десятни, 33—41.

[2]) Ibid., 76—79. См. еще стр. 240, 302, 343, 403, 405.

[3]) Ibid., 28—42. Срав. 72, 74, 80, 273, 276.

[4]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 729.

щества при верстанiи старослужилыхъ передъ неслужилыми новиками не были строго проведены. Высота окладовъ опредѣлялась совокупностью условiй, дѣйствовавшихъ въ самый моментъ верстанiя. Такъ въ 1606 г. при верстанiи торопчанъ и холмичей сдѣлано было распоряженiе: «а которые дѣти боярскiе отечествомъ молоды, а собою и службою и головою своею добры, и тѣхъ верстали къ тѣмъ же въ статьи, которые отечествомъ добры, выпрашивая окладчиковъ, кто въ которую статью пригодится. А новиковъ служилыхъ и неслужилыхъ верстали первую статью по 300 четьи и нижъ того на 5 статей, а пятую статью по 100 четьи» [1]).

4. Принципы службы и отечества, соединяясь, создали еще одно опредѣляющее условiе при назначенiи помѣстныхъ окладовъ, условiе формальнаго характера, чинъ. Оклады стали прiурочиваться къ чинамъ. Однако, условiе чина дѣйствовало преимущественно въ тѣсныхъ и замкнутыхъ разрядахъ служилыхъ людей, напримѣръ, среди боярства. Въ служилыхъ же классахъ, обширныхъ по объему и разнообразныхъ по составу, напримѣръ, въ классѣ дѣтей боярскихъ, оно не могло примѣняться помимо другихъ условiй, такъ какъ здѣсь подъ знаменемъ одного чина собирались элементы очень различные какъ по служебной годности, такъ и по отечеству.

5. Существовало еще одно опредѣляющее условiе, производное изъ всѣхъ предыдущихъ, но не успѣвшее получить такого постояннаго и правильнаго примѣненiя, какъ всѣ предыдущiя. Можно привести только нѣсколько частныхъ примѣровъ того влiянiя, какое оказывало на полученiе помѣстья, на опредѣленiе цифры помѣстнаго оклада, исправленiе какой-нибудь должности. Мы видѣли рядъ примѣровъ, когда воеводы и намѣстники получали помѣстья какъ разъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ они отправляли свою должность, т. е. именно за отправленiе этой должности. Но есть нѣсколько указанiй еще и на то, что иногда въ подобныхъ случаяхъ извѣстное помѣстье принадлежало не лично тому или другому воеводѣ или намѣстнику, а самой должности. Такъ въ разныхъ станахъ и волостяхъ Тверскаго уѣзда находились помѣстья «за тверскими намѣстники, кто во Твери намѣстникъ ни будетъ» [2]). Въ писцовой книгѣ Псковскаго уѣзда конца XVI в. описано помѣстье сотника стрѣлецкаго Василiя Чирикова: «дано ему помѣстье для стрѣлец-

[1]) А. М. Г., I, № 43. Срав. новичные оклады XVII вѣка въ трудѣ г. Загоскина— Очерки организацiи и происхожденiя служилаго сословiя, Ученыя Записки Казанскаго Университета, 1876 г., № 5, стр. 709—710.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 69, 109, 129.

каго дѣла къ бѣжецкому его помѣстью къ 250 четямъ въ окладъ въ триста четей» [1]). Въ одной писцовой книгѣ Торопецкаго уѣзда подъ городомъ, въ Уклеиницѣ, находимъ помѣстье, что было за городничимъ Яковомъ Кушелевымъ, а послѣ того за городничимъ Ив. Гавр. Чмутовымъ-Рябининымъ. Въ писцовой книгѣ объ этомъ помѣстьѣ сказано: «а доходу емлютъ съ того помѣстья городничіе, кои живетъ (sic) на городовомъ приказѣ» [2]). Въ царской грамотѣ 1555 г. въ Новгородъ читаемъ, что тамошнему старостѣ Ивану Борзунову жалованья шло изъ царской казны по 50 рублей въ годъ, «да ему жъ дано наше жалованье, помѣстье, для старощенья». Грамота предписываетъ отставить Ивана Борзунова отъ должности старосты; «а помѣстье бы есте его велѣли отписати и вѣдати велѣли на меня царя и великаго князя и доходъ съ того помѣстья всякой имали въ нашу казну до нашего указу, до тѣхъ мѣстъ, кого въ старосты на его мѣсто выберемъ и учинити велимъ» [3]). Съ другой стороны, назначеніе или выборъ въ извѣстную должность влекли иногда за собой уменьшеніе помѣстья. Напримѣръ, одинъ новгородскій сынъ боярскій служилъ сотникомъ и владѣлъ помѣстьемъ въ полъ-одинадцати обжи ($10^1/_2$); въ 1551 г. ему велѣно было службу служить съ новгородскими помѣщиками, и помѣстья ему было оставлено на полсемы ($6^1/_2$) обжи, а 4 обжи отписаны на государя [4]). Изъ царской грамоты въ Новгородъ 1556 г. узнаемъ, что у новгородскихъ дьяковъ хранился царскій указъ: «которымъ дѣтемъ боярскимъ велѣно быти въ городовыхъ приказѣхъ, а дѣтей у нихъ нѣтъ, а за тѣми помѣстей учинити изъ ихъ помѣстей по пяти вытей, а лишки затѣмъ у нихъ велѣно отписывати на меня царя и великаго князя, и въ раздачу раздати»... На этомъ основаніи нѣкто Невѣжа Нечаевъ сынъ Лопатинъ потерялъ изъ 12 вытей своего отцовскаго помѣстья 7 вытей, когда «выбрали его всею торопецкою землею въ Торопецъ на городовой приказъ силно, а онъ деи о томъ намъ (государю) не билъ челомъ» [5]). Равнымъ образомъ у Кушника Петрова Курцова, съ честью прослужившаго 40 лѣтъ и выслужившаго помѣстья въ 32 обжи, а затѣмъ попавшаго въ рѣшоточные прикащики, новгородскіе дьяки хотѣли «для

[1]) Арх. Мин. Юст., писцовая книга 830, л. 715.

[2]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Переписн. книга г. Торопца съ уѣздомъ. Листы не нумерованы. Описаніе помѣстій начинается съ 128 листа.

[3]) Д. А. И., I, № 86.

[4]) Ibid., № 52, III.

[5]) Ibid., № 52, XXVII.

рѣшоточнаго приказу изъ его помѣстья оставити пять обежъ». Только заступничество м. Макарія передъ царемъ сохранило Кушнику все его помѣстье цѣликомъ. Въ отношеніяхъ между помѣстнымъ окладомъ и должностью возможны были также и обратные случаи, когда исправленіе той или другой должности опредѣлялось цифрой оклада. На подобномъ основаніи были распредѣлены, напримѣръ, обязанности станичной службы на южной границѣ въ 1580 г., когда къ исполненію обязанностей станичныхъ головъ и ихъ товарищей и вообще къ участію въ станицахъ были допущены только дѣти боярскіе съ опредѣленными помѣстными окладами [1]).

Всѣ эти опредѣляющія условія: наличность вотчины, служба, отечество, чинъ, должность, не всегда дѣйствовали одновременно, не всѣ сразу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но трудно представить себѣ въ практикѣ помѣстной организаціи такіе случаи, когда бы цифры оклада отыскивались съ помощью одного котораго нибудь критерія. Вопросъ о назначеніи извѣстнаго помѣстнаго оклада потому долженъ былъ разрѣшаться при посредствѣ нѣсколькихъ опредѣляющихъ условій, что каждое изъ нихъ опредѣляло только одну извѣстную сторону этого сложнаго вопроса. Вотчина, ея наличность или отсутствіе, устанавливала необходимость или возможность полученія служилымъ человѣкомъ помѣстья. Чинъ вообще опредѣлялъ максимумъ или минимумъ помѣстнаго оклада, приличный служилому человѣку извѣстнаго класса. Служба же и отечество выполняли главную задачу, устанавливали уже самый размѣръ помѣстнаго оклада, такъ какъ размѣры окладовъ сильно колебались въ предѣлахъ одного чина.

Разберемъ теперь іерархію помѣстныхъ окладовъ, соотвѣтственно іерархіи чиновъ и служилыхъ классовъ московскаго государства. При этомъ надо помнить, что для многихъ чиновъ существовало два разряда окладовъ, общихъ и спеціально подмосковныхъ. Къ сожалѣнію, отъ XVI в. не сохранилось главнаго источника изученія поземельнаго устройства высшаго служилаго класса, боярскихъ книгъ. Опредѣлять общіе помѣстные оклады высшихъ думныхъ и придворныхъ чиновъ XVI столѣтія приходится по отдѣльнымъ отрывочнымъ свидѣтельствамъ источниковъ. Нормальный помѣстный окладъ боярина колебался между 800 — 1000 четями. Такъ съ окладомъ въ 800 четей является одинъ бояринъ царя Симеона Бекбулатовича, князь Бор. Петровичъ Хованскій [2]); съ

[1]) А. М. Г., № 29.

[2]) А. М. Г., I, стр. 53.

окладомъ въ 1000 четей — бояринъ Богданъ Юрьевичъ Сабуровъ [1]). Значеніе средней величины этихъ цифръ подтверждается сравненіемъ съ XVII в., когда нормальнымъ боярскимъ окладомъ также были 1000 четей [2]). Сохранившіяся данныя въ писцовыхъ книгахъ объ отдѣльныхъ боярскихъ помѣстьяхъ въ уѣздахъ Звенигородскомъ, Вяземскомъ, Дѣдиловскомъ, Каширскомъ, показываютъ, что и цифры помѣстныхъ дачъ бояръ въ XVI в. колебались около тѣхъ же предѣловъ. Высшій окладъ, какого могъ достигнуть бояринъ въ концѣ XVI в., въ исключительныхъ обстоятельствахъ, доходилъ до двухъ тысячъ четей. Такіе помѣстные оклады щедро раздавалъ московскимъ боярамъ Сигизмундъ въ 1610 г. [3]). Судя по указу 1550 г. о подмосковныхъ окладахъ и по нѣкоторымъ частнымъ примѣрамъ оклады окольничихъ были одинаковы съ боярскими [4]). По нѣкоторымъ же частнымъ примѣрамъ можно думать, что и оклады думныхъ дворянъ равнялись низшимъ боярскимъ окладамъ. По указамъ XVII в. объ окладахъ для дикихъ полей думные дворяне сравнены были съ окольничими [5]). Думные дворяне князья Василій и Петръ Ивановичи Буйносовы-Ростовскіе и Гр. Ив. Микулинъ, еще до своего назначенія въ это званіе въ 1597 и 1606 гг., уже имѣли оклады въ 700 и 600 четей [6]). Точно также и думные дьяки могли достигать боярскихъ окладовъ. Мы уже видѣли, что Василій Щелкаловъ владѣлъ помѣстьемъ свыше 1000, а Сапунъ Абрамовъ 800 четей. Если принять во вниманіе, что наличность помѣстья была большею частью ниже оклада, рѣдко достигала его и еще рѣже превышала, то можно заключить изъ этихъ двухъ примѣровъ, что и думные дьяки могли владѣть боярскими окладами. По Уложенію 1649 г. (гл. XVI) у думныхъ дьяковъ оклады одинаковы съ окольничьими. Окладъ же послѣднихъ понизился съ 200 на 150 четей. Такимъ образомъ оклады думныхъ чиновъ не были строго разграничены, сообразно іерархической послѣдовательности самихъ чиновъ. Въ то время, какъ чины располагались одинъ за другимъ въ нисходящемъ порядкѣ, соотвѣтствующіе имъ оклады шли скорѣе параллельно; оклады низшаго чина бывали часто тождественны съ

[1]) Писцов. книги, изд. Геогр. Общ., I, 570.

[2]) Ивановъ, Обозрѣніе помѣстн. правъ, стр. 11, Котошихинъ, изд. 3, стр. 108.

[3]) С. Г. Г. и Д., II, № 218.

[4]) Сигизмундъ и окольничихъ награждалъ двухтысячными окладами. См. пред. цитату. Окольничій Як. Мих. Годуновъ владѣлъ помѣстьями, превышавшими 900 четей. Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 727.

[5]) Ивановъ, стр. 11.

[6]) Др. Рос. Вивліоѳ., XX, 67, 78. Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 608, 651.

низшими и средними окладами высшаго чина. Съ окладами думныхъ чиновъ совпадали и оклады высшихъ придворныхъ, что вполнѣ понятно, такъ какъ оба эти разряда чиновъ обыкновенно совмѣщались одинъ съ другимъ. По указу 1550 г. оружейничему и казначеямъ назначены оклады, одинаковые съ боярскими. Для чина дворецкаго имѣемъ одинъ примѣръ оклада въ 900 четей [1]).

Параллелизмъ, который на основаніи частныхъ примѣровъ наблюдается въ общихъ окладахъ думныхъ чиновъ, несоотвѣтствіе ихъ съ іерархической градаціей самихъ чиновъ, въ подмосковныхъ окладахъ по указамъ 1550-го и 1587 годовъ выразились полнымъ тождествомъ окладовъ (200 четей) бояръ, окольничихъ, оружейничихъ, казначеевъ. Не беремся рѣшать, почему оба указа не упоминаютъ ни думныхъ дворянъ, ни думныхъ дьяковъ.

Чрезвычайнымъ разнообразіемъ отличались общіе оклады среднихъ придворныхъ чиновъ: стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ. Первые два чина были сравнены въ отношеніи подмосковныхъ окладовъ по указу 1587 г. [2]). Съ разнообразіемъ же ихъ общихъ окладовъ знакомитъ списокъ служилыхъ людей вел. кн. Симеона Бекбулатовича 1585 г. и служилыхъ людей, бывшихъ на земской службѣ съ кн. Д. Т. Трубецкимъ 1611 г. [3]). По второму списку трое стольниковъ имѣли оклады по 750 четей и двое по 900 и 800. Изъ стряпчихъ владѣли окладами: одинъ въ 1500, одинъ въ 1200, одинъ въ 900, одинъ въ 850 четей, четверо имѣли по 800 четей, трое по 600. Возможно, что такія исключительно высокія цифры, какъ 1500 и 1200 четей, были пріобрѣтены какими-нибудь злоупотребленіями въ смутное время. Значительно ниже были оклады стольниковъ и стряпчихъ Симеона Бекбулатовича; первые имѣли по 550, вторые по 400 четей. Въ разрядной выписи 1609 г. низшіе оклады стольниковъ равняются 700 и 800 четямъ, съ прибавками же 900 и 1148 четямъ. Въ той же выписи находимъ окладъ чашника, нормальный 700 и съ прибавкой 1200 четей [4]). Оклады жильцамъ по списку 1611 г. равнялись 600, 550, 500, 450, 400, 300 четямъ, по списку же Симеона Бекбулатовича 250 и 200 четямъ. Въ цифрахъ обоихъ списковъ, 1611 и 1585 гг., можно видѣть maximum и minimum общихъ окладовъ среднихъ придворныхъ чиновъ. Окладъ подмосковный стольникамъ и стряпчимъ по

[1]) А. М. Г., I, 53.

[2]) Сторожевъ, Указ. кн. Помѣстнаго Приказа, III, I.

[3]) А. М. Г., I, №№ 30 и 45.

[4]) А. М. Г., I, № 74.

указу 1587 г. былъ назначенъ вполовину противъ боярскаго, въ 100 четей. Изъ низшихъ придворныхъ чиновъ встрѣчаемъ отдѣльные примѣры окладовъ охотнику 350 четей, кречетнику и конному псарю 150 [1]). По списку 1611 г. московскіе стремянные конюхи имѣли оклады по 600 четей, сытники по 250 и 200 четей.

Естественно, что наибольшее разнообразіе окладовъ должно было развиться въ такомъ обширномъ и пестромъ по составу классѣ, какимъ было среднее служилое дворянство, верхи котораго служили переходными ступенями въ думные и боярскіе чины, а низшіе слои правительство должно было ограждать отъ смѣшенія «съ поповыми и мужичьими дѣтьми, и холопами боярскими, и слугами монастырскими». Въ виду этого правительство и вынуждено было ввести для урегулированія окладовъ дѣленіе на статьи даже въ предѣлахъ тѣхъ частныхъ группъ, на которыя разбилось помѣстное дворянство, т. е. дворянъ московскихъ, выборныхъ, дворовыхъ и городовыхъ.

Ядромъ московскихъ дворянъ была та избранная тысяча лучшихъ дѣтей боярскихъ, какъ изъ Москвы, такъ и изъ другихъ городовъ, которые были испомѣщены подъ Москвой въ 1550 г. по тремъ статьямъ, въ 200, 150 и 100 четей. Несомнѣнно, что при назначеніи окладовъ выборной тысячѣ были приняты во вниманіе тѣ же условія, которыя соблюдались и при испомѣщеніи провинціальныхъ дѣтей боярскихъ на мѣстѣ, за исключеніемъ условія владѣнія вотчиной, такъ какъ вотчина внѣ московскаго уѣзда не вліяла на полученіе подмосковнаго помѣстья. Условіями же этими всегда были служба и отечество, но не въ генеалогическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ соотвѣтствія оклада новика съ отцовскимъ окладомъ. Нѣтъ причинъ думать, чтобы въ 1550 г. при выборѣ провинціальныхъ дѣтей боярскихъ въ московскую тысячу были приняты другія основанія. Дѣленіе на три статьи недолго, однако, продолжалось. Когда дѣти боярскіе московскіе и выбранные изъ другихъ городовъ слились въ одно цѣлое, въ классъ московскихъ дворянъ, исчезло дѣленіе его на статьи, и по закону 1587 г. всѣмъ вообще дворянамъ московскимъ назначенъ подмосковный окладъ въ 100 четей. Указъ 1550 г. не ставилъ препятствіемъ къ полученію подмосковнаго помѣстья обладаніе землею внѣ опредѣленныхъ окрестностей Москвы. Пополнялся же классъ московскихъ дворянъ лучшими провинціальными дѣтьми боярскими. Поэтому

[1]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 595, 685—686, 715; Арх. Мин. Юст., грам. Переясл.-Зал. у. № 9014.

московскіе дворяне не порывали землевладѣльческихъ связей съ провинціей и имѣли параллельно съ московскими окладами и общіе помѣстные оклады. По списку 1611 г. эти оклады равнялись 900, 800, 750, 700 четямъ. Эти цифры нельзя считать исключительными, такъ какъ и высшіе слои провинціальныхъ дѣтей боярскихъ достигали, какъ увидимъ, окладовъ въ 700 и 800 четей.

Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи среди провинціальнаго дворянства разрядовъ выборныхъ, дворовыхъ и городовыхъ дѣтей боярскихъ. Намъ важно только опредѣлить соотвѣтствіе этихъ дѣленій съ помѣстными окладами. «Выборъ», какъ опредѣленный высшій слой мѣстнаго дворянскаго общества существовалъ не во всѣхъ уѣздахъ. По десятнямъ XVI в. находимъ «выборъ» въ Муромѣ и Каширѣ. Въ Муромѣ оклады «выбора» были: 300, 400 и 500 четей [1]), въ Каширѣ — 300, 350, 400, 450, 500, 600, 700 [2]). Служебная выслуга, конечно, увеличивала оклады выбора и свыше 700 до размѣра боярскихъ. По указу 1587 г. выборнымъ дѣтямъ боярскимъ назначенъ былъ подмосковный помѣстный окладъ въ 50 четей. По списку 1577 г. выборные изъ городовъ имѣли оклады въ 600—250 четей [3]), а по списку 1611 г. 900—300 [4]).

Чаще встрѣчаются въ десятняхъ «дворовые» дѣти боярскіе. Въ Коломнѣ оклады имъ были: 400, 350, 300, 250, 200 четей [5]). Въ одномъ мѣстѣ неслужилые дворовые новики коломничи раздѣлены на 2 статьи: 1) съ окладомъ въ 300, 2) съ окладомъ въ 250 четей [6]). Въ десятнѣ Переяславля-Залѣсскаго дворовые имѣютъ оклады въ 450, 395 (?), 300 четей. Сынъ боярскій, имѣвшій окладъ въ 300 четей, подведенъ подъ первую статью [7]). Въ Муромѣ дворовые оклады равнялись 500, 400, 350, 300, 250 четямъ [8]). Въ десятнѣ 1591 г. сысканъ былъ дворовый съ окладомъ въ 150 четей [9]). Высшіе оклады дворовыхъ, какъ и выборныхъ, встрѣчаются въ Каширѣ. Здѣсь находимъ слѣдующіе дворовые оклады: 500, 450, 400, 350, 300, 250, 200 четей [10]). Въ Звенигородѣ по писц. книгѣ

[1]) Сторожевъ, Десятни, стр. 65.
[2]) Ibid., 147—150.
[3]) А. М. Г., I, № 26.
[4]) Ibid., № 45
[5]) Сторожевъ, Десятни, стр. 2—10, 28—29, 31.
[6]) Ibid., 33.
[7]) Ibid., 59—60, 62.
[8]) Ibid., 65—67, 72.
[9]) Ibid., 82.
[10]) Ibid., 48, 151 и слѣд.

7101 г. дворовые были испомѣщены по 4 статьямъ, по 200, 150, 100, 70 четей [1]). Среди дворовыхъ уже находимъ дѣленіе на статьи. Но оно вполнѣ условно, такъ какъ соотвѣтствующей въ одномъ случаѣ первой статьѣ окладъ (300) на самомъ дѣлѣ есть далеко не высшій.

Третій, низшій разрядъ, дѣти боярскіе городовые, отличался наибольшимъ разнообразіемъ окладовъ изъ всѣхъ чиновъ московскаго государства. Данныя десятенъ XVI в. объ окладахъ дѣтей боярскихъ городовыхъ можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

Коломна.	Переясл.-Залѣс.	Муромъ.	Кашира.
100—400 четей.	50—70 четей.	100—450 четей.	250—500 четей.

Въ Звенигородѣ было пять статей городовыхъ дѣтей боярскихъ съ окладами въ 150, 100, 70, 60, 50 четей [2]).

Въ десятняхъ епифанской и ряжскихъ нѣтъ дѣленія на выборъ, дворовыхъ и городовыхъ. Въ этихъ уѣздахъ дѣти боярскіе дѣлятся по спеціальнымъ родамъ службы на полковыхъ, пищальныхъ, осадныхъ. Минимумъ оклада здѣсь равняется 20 четямъ, максимумъ 400 и 300.

Каждая цифра оклада соединяла лицъ, обладавшихъ ею, въ одну «статью». Такимъ образомъ въ общемъ было столько же статей, сколько цифръ окладовъ. Но обѣ эти линіи цифръ, линія окладовъ и линія статей, не были строго соотвѣтственны и неподвижны; другими словами, извѣстная статья не предполагала непремѣнно всегда одинъ неизмѣнный окладъ. На практикѣ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, число окладовъ опредѣляло и соотвѣтствующее число статей и обратно. Въ распредѣленіи извѣстной группы служилыхъ людей по статьямъ и окладамъ и заключалась сущность помѣстнаго верстанія.

Итакъ, въ іерархіи окладовъ средняго служилаго сословія также наблюдаются тѣ характеристическія черты, какъ и въ окладахъ думныхъ и придворныхъ чиновъ, то же разнообразіе въ окладахъ одного чина и параллелизмъ между окладами разныхъ чиновъ. Изъ приведенныхъ данныхъ объ окладахъ провинціальнаго дворянства мы видимъ, что оклады удваиваются и утраиваются въ предѣлахъ болѣе тѣсныхъ, въ небольшихъ сравнительно группахъ выборныхъ и дворовыхъ дѣтей боярскихъ, въ самой же многочисленной, низшей группѣ оклады увеличиваются въ 10—20 разъ,

[1]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 728.

[2]) Писц. кн., I, 728—729.

съ 20 до 400 четей. Съ другой стороны, извѣстные оклады служатъ посредствующими звеньями между отдѣльными чинами. Такъ оклады въ 300—500 четей одинаково присваиваются всѣмъ тремъ группамъ или чинамъ провинціальнаго дворянства, выбору, дворовымъ и городовымъ; оклады въ 250—150 одинаково часто встрѣчаются какъ среди дворовыхъ, такъ и городовыхъ. Въ Звенигородѣ же встрѣчаемъ двѣ статьи дворовыхъ даже съ 100 и 70 четями.

Разсмотримъ теперь оклады, назначавшіеся представителямъ разныхъ спеціальныхъ родовъ службы военной и гражданской. Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ южныхъ уѣздахъ взамѣнъ стараго дѣленія на выборныхъ, дворовыхъ и городовыхъ, дѣленія, возникшаго на основѣ соціальныхъ отношеній и придворной службы удѣльнаго времени, появляется новое, основанное на признакахъ военно-техническаго характера. Въ десятняхъ епифанской и ряжскихъ второй половины XVI в. встрѣчаемъ дѣтей боярскихъ полковыхъ, пищальныхъ, осадныхъ. Два обстоятельства кореннымъ образомъ мѣняли на югѣ старый, удѣльный порядокъ службы: мѣстныя, своеобразныя условія наступательной и оборонительной борьбы съ южными кочевниками и приливъ въ составъ мѣстнаго провинціальнаго дворянства новыхъ элементовъ. Эти условія привели къ необходимости выдѣлить и организовать нѣкоторыя особыя группы служилыхъ людей для исполненія разныхъ спеціальныхъ службъ. Такъ какъ на тѣ военные отряды, которые обыкновенно ходили въ походъ, съ ихъ обычной организаціей не могли быть возложены обязанности постояннаго наблюденія за врагами и охраны границъ, то явилась необходимость создать особую организацію сторожевой службы; значеніе южныхъ окраинныхъ городовъ, какъ пограничныхъ крѣпостей, вызвало образованіе особыхъ осадныхъ и пищальныхъ отрядовъ дѣтей боярскихъ. Несмотря на желаніе правительства оградить классъ служилаго дворянства отъ вторженія постороннихъ элементовъ, во второй половинѣ XVI в. въ составъ дѣтей боярскихъ южныхъ уѣздовъ начинаютъ проникать казаки, а затѣмъ и разные неслужилые элементы, напр., холопы [1]). Съ другой стороны и безпомѣстные дѣти боярскіе обращались въ казаковъ [2]). Въ чемъ же выразились особенности помѣстныхъ окладовъ всѣхъ этихъ спеціальныхъ военно-служилыхъ группъ?

[1]) Сторожевъ, Десятни, 89—91; епифанская десятня 1585 г., стр. 93 и слѣд.
[2]) Ibid., стр. 248.

Естественно, что большаго и лучшаго обезпеченія требовала та часть служилаго дворянства, которая несла дальнюю полковую службу, участвовала въ дальнихъ походахъ. Дѣйствительно, по десятнямъ южныхъ городовъ съ высшими преимущественно окладами являются дѣти боярскіе полковой службы. По десятнямъ ряжскимъ 1594 и 1597 гг. полковую службу несли дѣти боярскіе съ окладами въ 400, 300, 250, 200, 150 четей [1]). Въ полковую службу перечислялись также лучшіе дѣти боярскіе изъ низшихъ разрядовъ, осадныхъ или городовыхъ. По десятнѣ ряжской 1591 г. изъ городовыхъ въ полковые были перечислены дѣти боярскіе съ окладами въ 100, 80 четей [2]). По десятнѣ 1606 г. изъ осадныхъ въ полковые попали тѣ дѣти боярскіе епифанцы, которые по десятнѣ 1591 г. имѣли оклады въ 30 четей [3]). Возможно, что въ промежутокъ между 1590 и 1606 годами, ко времени поверстанія ихъ въ полковые, ихъ оклады значительно увеличились. Напр., по десятнѣ ряжской 1579 г. изъ осадныхъ въ полковые взяты съ окладами въ 30, 40, 50, 100, 120, 125, 150 [4]); въ десятнѣ 1591 г. эти же дѣти боярскіе являются уже съ значительно увеличенными окладами: вмѣсто 30—50, 100, 120, 150, вмѣсто 40—80, 100, 150, 200, вмѣсто 50—100, 150, вмѣсто 100—200, вмѣсто 120—150, и у одного вмѣсто 20—150 четей [5]). Такъ какъ обычнымъ театромъ дѣйствія была «украйна», то полковая служба ряжскихъ дѣтей боярскихъ называлась также еще украинской [6]). Когда же дѣтямъ боярскимъ южныхъ городовъ приходилось участвовать въ дальнихъ походахъ внѣ южной окраины, напримѣръ, на западной границѣ, тогда производился наборъ лучшихъ изъ нихъ не изъ одного только разряда полковыхъ, а также и изъ другихъ. Такъ въ 1579 г. для участія съ государемъ въ нѣмецкомъ походѣ были выбраны 100 дѣтей боярскихъ, часть которыхъ «служили на городѣ безъ денегъ» [7]); взяты были также новики служилые и не служилые. Точно также и помѣстные оклады при этомъ наборѣ лучшей сотни дѣтей боярскихъ не имѣли большого значенія въ опредѣленіи годности слу-

[1]) Ibid., 331—332, 365—369.

[2]) Ibid., 296 и слѣд.

[3]) Ibid., стр. 133 и соотвѣтствующія имена епифанской десятины 1591 г. стр. 112 и слѣд.

[4]) Ibid., 236—240,

[5]) Ibid., стр. 236 и слд. и соотвѣтствующія имена въ десятнѣ 1591 г.

[6]) Объ употребленіи терминовъ «полковая» и «украинская» служба см. поясненія г. Сторожева къ Десятнямъ.

[7]) Ibid., 230

жилаго человѣка къ дальнему нѣмецкому походу: во-первыхъ, оклады выбранныхъ дѣтей боярскихъ были крайне разнообразны: 300, 250, 150, 200, 170, 130, 100, 90, 70, 50, 40, 30 четей; во вторыхъ, статьи, на которыя были расписаны выбранные дѣти боярскіе, опредѣлялись денежнымъ жалованьемъ, а не окладами; въ одну статью соединялись оклады и крупные и мелкіе. Такъ въ четвертой статьѣ числились дѣти боярскіе съ окладами отъ 250 до 40 четей, въ пятой отъ 150 до 30, въ шестой отъ 100 до 30. Вмѣстѣ съ тѣмъ и боевое снаряженіе избранной сотни не стояло въ соотвѣтствіи съ помѣстными окладами; такъ на конѣ, въ саадакѣ, въ саблѣ, съ человѣкомъ на меринѣ съ юкомъ должны были одинаково явиться дѣти боярскіе, владѣвшіе окладами въ 250, 150, 100, 130, 90, 70, 50, 40, 30 четей; на конѣ въ панцырѣ, въ саадакѣ, въ саблѣ, въ шапкѣ желѣзной, да меринъ съ юкомъ, служили съ окладовъ въ 50 и 250 четей [1]).

Близко подходилъ по помѣстнымъ окладамъ къ дѣтямъ боярскимъ полковымъ разрядъ пищальниковъ, перечисляемыхъ въ двухъ ряжскихъ десятняхъ. Въ десятняхъ 1594 и 1597 гг. дѣти боярскіе пищальники раздѣляются на сотни; оклады имъ были отъ 250 до 50 четей; многимъ изъ нихъ оклады прибавлены и у многихъ убавлены. Во главѣ ихъ стояли сотники съ окладами въ 300, 250, 200 четей [2]).

Несомнѣнно низшимъ разрядомъ, сравнительно съ полковыми и пищальными, были дѣти боярскіе осадные, служившіе въ городѣ съ земли. Въ десятнѣ ряжской 1579 г. дѣти боярскіе послѣдняго разряда, взятые въ нѣмецкій походъ, имѣли оклады по 50, 40, 30 четей, а оставшіеся въ городѣ служить пѣшую службу — по 150, 50, 40, 30 [3]). Въ 1591 г. въ Ряжскѣ нѣсколько человѣкъ дѣтей боярскихъ, служившихъ «изъ осады» безъ помѣстнаго оклада, были поверстаны окладами по 150 и 100 четей [4]). Въ десятнѣ 1594 г. осадные дѣти боярскіе раздѣлены на слѣдующія любопытныя рубрики, которыя характеризуютъ этотъ разрядъ служилыхъ людей сравнительно съ другими:

1. «Ряшаня жъ служили государеву цареву и великаго князя Федора Ивановича всеа Русіи *полковую* службу, а по смотру боярина князя Никиты Романовича Трубецково да дьяка Сапуна Абра-

1) Сторожевъ, Десятни, ряжская 1579 г.

2) Ibid., 333 и слд., 369 и слд., 394 и слд.

3) Ibid., 230—231, 241—243.

4) Ibid., 299.

мова *стары и худы, и за худобу велѣно имъ служити осадная служба* въ Ряскомъ съ осадными головами, а помѣстей за ними учинено по 20 чети, а что у нихъ будетъ сверхъ 20 чети лишку, и то у нихъ отписати на государя и въ раздачу раздати».

2. «Ряшаня прежъ сево государеву цареву и великаго князя Федора Ивановича всеа Русіи служили въ Рязскомъ осадную службу съ осадными головами, а по смотру боярина князя Никиты Романовича Трубецково да дьяка Сапуна Абрамова быти имъ въ осадныхъ же, а помѣстей за ними велѣно учинити по 20 чети».

3. «Новики съ прожиточныхъ помѣстей, а по смотру боярина князя Никиты Романовича Трубецково да дьяка Сапуна Абрамова *худы, съ дальнюю службу не будетъ, и имъ быти въ осадныхъ же*, а помѣстей за ними учинити по 20-жъ чети» [1]). Эту характеристику осадныхъ дѣтей боярскихъ, какъ разряда «худаго», неспособнаго къ болѣе трудной и отвѣтственной службѣ, дополняютъ данныя десятни 1597 г. Въ этомъ году былъ поверстанъ въ осадную службу рядъ дѣтей боярскихъ, о которыхъ окладчики давали такія «сказки»: «старъ, худъ, не служитъ и впередъ служити не мочно»; «не служитъ и на дальнихъ службахъ не живетъ и отъ службы отбылъ»; «впередъ служити нечѣмъ, помѣстьишко пусто»; «на службу ходитъ пѣшъ»; «не служитъ воровствомъ за лѣнью, а помѣстье и вотчина за нимъ есть»; «старъ и худъ, и служба худа, да и впередъ служити немочно»; «худъ и поруки по немъ не держатъ»; «мужикъ, а жилъ въ крестьянѣхъ». Въ моментъ смотра всѣ эти служаки имѣли оклады отъ 100 до 50 четей. При поверстаніи же въ осадные ихъ оклады были понижены до 50—20 четей [2]).

Существовалъ еще спеціально украинскій родъ службы—служба сторожевая. Обезпеченіемъ ея служили, однако, не однѣ помѣстья. Изъ одного боярскаго приговора о сторожевой службѣ 1571 г. узнаемъ, что, напримѣръ, путивльскіе «севрюки», которыхъ въ этомъ году приговорили отставить отъ службы за то, что они оказались плохими, «неусторожливыми» сторожами, служили по найму изъ государевой казны. Дѣти же боярскіе путивльцы и рыляне, которыми замѣнили севрюковъ, должны были служить съ помѣстій, посадскихъ земель и денежнаго жалованья. Послѣднее отличалось отъ наемныхъ денегъ. Въ томъ же боярскомъ приговорѣ встрѣчаемъ и помѣстный окладъ рязанскимъ сторожамъ, 50 четей [3]). По при-

[1]) Ibid., стр. 348, 350.
[2]) Ibid., стр. 418 и сл.
[3]) А. М. Г., I, № 3.

говору 1576 г. дѣти боярскіе путивльцы и рыляне, станичники и донецкіе сторожа, были поверстаны окладами на 5 статей, отъ 300 до 100 четей, а новики на 3 статьи, отъ 160 и 150 до 100 [1]). Слѣдовательно, и здѣсь также замѣчается невыдержанность въ размѣрахъ помѣстныхъ окладовъ въ предѣлахъ однородной служилой группы. Приблизительно среднюю величину помѣстнаго оклада, необходимаго для несенія сторожевой службы, можно уловить въ извѣстіи о реформѣ, произведенной въ 70-хъ годахъ въ сторожевой службѣ на рязанской окраинѣ. Дѣти боярскіе рязанцы, служившіе въ сторожахъ «съ малыхъ статей съ 50 четьи» и съ денежнаго жалованья, по какимъ-то соображеніямъ были отставлены и назначены въ рядовую службу съ городомъ по половинамъ, а взамѣнъ ихъ были прибраны казаки изъ Данкова, Епифани, Дѣдилова, которымъ велѣли нести сторожевую службу съ земель, съ 20 четей, данныхъ каждому. Но опытъ показалъ невозможность служить съ 20 четей безъ денежнаго жалованья, и сторожевымъ казакамъ сдѣлана была прибавка къ помѣстьямъ по 30 четей и назначено денежное жалованье по 3 рубля въ третій годъ [2]). Такимъ образомъ минимумомъ помѣстнаго оклада, необходимаго для сторожевой службы, оказался окладъ въ 50 четей. Въ 1580 г. опредѣлены были точно помѣстные оклады для дѣтей боярскихъ, назначаемыхъ для ѣзды въ станицахъ. Въ станичныхъ головахъ предписано ѣздить дѣтямъ боярскимъ съ окладами въ 400—500 четей, «которымъ бы людемъ въ такомъ великомъ дѣлѣ, въ станичныхъ доѣздахъ, вѣрити», въ товарищахъ съ ними ѣздить, имѣющимъ оклады 100—300 четей; а всѣмъ вообще станичникамъ опредѣлены были оклады не ниже 100 и не выше 400. Съ высшими окладами велѣно служить «въ полку рядовую службу съ городомъ» [3]).

Мелкопомѣстными служилыми людьми были тѣ казаки, которые несли службу, одинаковую со службою дѣтей боярскихъ. Мы только что видѣли, что казаки, назначенные въ сторожевую службу на рязанской окраинѣ вмѣсто дѣтей боярскихъ, получили оклады сначала по 20, потомъ по 50 четей. Въ Епифани дѣти боярскіе, поверстанные въ 1585 г. изъ казаковъ, имѣли оклады по 40 и 30 четей [4]). Начальные люди надъ казаками ставились обыкновенно изъ дѣтей боярскихъ съ значительно высшими окладами. Казачьи

[1]) Ibid., № 16.

[2]) Ibid., № 23.

[3]) Ibid., № 29.

[4]) Сторожевъ, Десятни, № 4.

атаманы по десятнямъ имѣли оклады въ 50, 100, 120, 150, 200, 250, 300 четей [1]). Разнообразіе окладовъ при одновременномъ верстаніи заставляло дѣлить ихъ на статьи [2]). Сотникамъ казачьимъ назначались оклады въ 300, 250, 200, 50 четей [3]). Въ Полоцкомъ повѣтѣ по писцовой книгѣ 1570 г. были испомѣщены сотники съ окладами по 100 четей и одинъ съ окладомъ въ 150 четей [4]). Въ Полоцкомъ повѣтѣ были еще испомѣщены низшіе чины, пятидесятники, съ окладами въ 40 четей [5]). Окладъ казачьяго головы, командовавшаго «приборомъ» или полкомъ, равнялся 200 четямъ [6]).

Оклады стрѣлецкихъ головъ и сотниковъ встрѣчаемъ въ 250, 200 и 100 четей, и только въ Вяземскомъ уѣздѣ находимъ стрѣлецкаго голову съ 750 и стрѣлецкаго сотника съ 500 четями [7]). По указу 1587 г. начальники московскихъ стрѣльцовъ значительно различались своими подмосковными окладами: головамъ былъ установленъ окладъ въ 100 четей, сотникамъ 60 четей.

Остается познакомиться съ окладами приказныхъ чиновъ. Для разнаго рода приказныхъ чиновъ не было создано особой системы испомѣщенія, какъ для военно-служилаго класса. Помѣстья приказныхъ людей были разбросаны по разнымъ областямъ спорадически. Въ порядкѣ ихъ испомѣщенія дѣйствовали, конечно, тѣ же опредѣляющія условія, но трудно рѣшить, какъ дѣйствовало условіе службы. Въ источникахъ мы не находимъ никакихъ указаній на существованіе точнаго опредѣленія соотношеній между службою приказной и владѣніемъ землей. И о помѣстныхъ окладахъ гражданскихъ чиновъ не сохранилось такихъ систематическихъ и точныхъ данныхъ, какъ объ окладахъ военныхъ. Поэтому мы должны ограничиться для XVI в. лишь нѣкоторыми случайными примѣрами. Такъ, напримѣръ, имѣли оклады:

Дьяки по 400, 300, 200 четей [8]).

Подъячіе по 300, 60, 30 четей [9]).

Губные старосты по 500, 300, 250, 150 четей [10]).

1) Ibid., стр. 307, 346, 357, 409, 428.

2) Ibid., 346.

3) Ibid., 162, 305, 345.

4) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 466, 483, 490, 492, 565.

5) Ibid., 462—484.

6) Ibid., 487. Сторожевъ, 308.

7) Сторожевъ, 307, 308, 351; Писц. кн., II, 477, 695, 721, 1331, 1347.

8) Писц. кн., II, 498, 500; Арх. Мин. Юст., кн. 830, лл. 19 об., 802.

9) Писц. кн., II, 805; Арх. Мин. Юст., кн. 830, лл. 504, 548.

10) Сторожевъ, стр. 307; Писц. кн., II, 724; Арх. Мин. Юст., кн. 827, лл. 923 об., 1077 об.

Городовые прикащики по 200, 120, 100 четей [1]).
Ключники по 100, 95 четей [2]).
Осадные головы по 300 четей [3]).
Засѣчные прикащики по 50 четей [4]).
Толмачи по 1000, 300, 200, 150 четей [5]).

Окладъ толмачу въ 1000 четей надо признать, конечно, исключительнымъ. Этимъ окладомъ владѣлъ переводчикъ турецкаго и «фарсовскаго» языковъ Кучукъ Устакасимовъ. Изъ его челобитной видно, что за нимъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ было помѣстья въ Вязьмѣ 600 и въ Можайскѣ 400 четей, а денежнаго жалованья шло ему изъ чети по 130 рублей въ годъ. По смерти царя можайское помѣстье было у него отнято и роздано въ раздачу, а денежнаго жалованья убавлено на 60 р.

Какъ ни отрывочны и бѣдны извѣстія о помѣстныхъ окладахъ XVI в., онѣ могутъ, все-таки, уяснить характеръ этой системы и то значеніе, какое она имѣла въ дѣлѣ урегулированія служилаго землевладѣнія. Двѣ характерныя черты бросаются прежде всего въ глаза при разборѣ окладовъ каждаго отдѣльнаго чина и при сравненіи окладовъ смежныхъ чиновъ въ нисходящемъ порядкѣ: крайнее разнообразіе окладовъ въ предѣлахъ одного чина и параллелизмъ между окладами двухъ или даже нѣсколькихъ смежныхъ чиновъ. Такимъ образомъ въ XVI в. не было строго послѣдовательной іерархіи помѣстныхъ окладовъ. Въ какомъ же отношеніи нормировалъ помѣстный окладъ служилое землевладѣніе? Прежде всего онъ не создалъ никакой привиллегіи для одного какого-нибудь класса, не служилъ показателемъ сословнаго неравенства высшихъ и низшихъ слоевъ общества. Худородный дьякъ, провинціальный служилый человѣкъ, сынъ боярскій, командиръ стрѣлецкаго полка могли достигать окладовъ, одинаковыхъ съ окладами высшей служилой аристократіи, членовъ боярской Думы. Благодаря, однако, дѣйствію «отечества», какъ опредѣляющаго условія, высшіе оклады были преимущественнымъ, но не исключительнымъ, достояніемъ высшихъ слоевъ служилаго класса. Членъ правительственной аристократіи сразу «по отечеству» и по чину получалъ

[1]) Сторожевъ, 247, 307. Писц. кн., II, 566; Арх. Мин. Юст., кн. 827, л. 1102.
[2]) Писц. кн., II, 491, 526.
[3]) Сторожевъ, 429.
[4]) Ibidem, 247.
[5]) Арх. Мин. Ин. Д., Прик. дѣла ст. л., св. 2, № 6, 10, 25.

такой окладъ, какого провинціальный дворянинъ могъ добиться только службой. Во-вторыхъ, какъ мы видѣли, оклады безконечно измѣнялись въ предѣлахъ одного чина и одной профессіи и были тѣмъ разнообразнѣе, чѣмъ шире по объему и разнообразнѣе по своему соціальному составу былъ какой-нибудь чинъ. Поэтому наибольшее неравенство помѣстныхъ окладовъ встрѣчаемъ въ классѣ провинціальнаго дворянства. Остается одинъ принципъ, съ которымъ разнообразіе окладовъ находится въ наибольшемъ соотвѣтствіи, принципъ личнаго служебнаго успѣха отдѣльнаго лица. Повышеніе оклада всегда шло въ уровень со служебной карьерой помѣщика. Служба или, правильнѣе, служебный успѣхъ устанавливали максимумъ оклада, тогда какъ «отечество» и чинъ его минимумъ. Такимъ образомъ въ результатѣ окладъ является показателемъ различія не въ чинахъ, ни въ сословіяхъ, ни въ спеціальныхъ родахъ службы или профессіи, а въ личной служебной карьерѣ каждаго отдѣльнаго служилаго человѣка.

Опредѣленный окладъ, назначавшійся отдѣльному лицу или цѣлой группѣ служилыхъ людей, не оставался разъ навсегда неизмѣннымъ, но весьма часто колебался, увеличивался или уменьшался. Обычными условіями и причинами этихъ колебаній были: 1) повышеніе или пониженіе служебной годности и способности помѣщика и 2) служебная ревность или нерадивость. Мы уже указывали на то положеніе взаимнаго опредѣленія, въ какомъ очутились относительно другъ друга служба и окладъ. Служба опредѣляла окладъ, окладъ выражалъ идеальную служебную годность помѣщика. Слѣдствіемъ такого тѣснаго взаимнаго вліянія явилась необходимость повышать или понижать окладъ, соотвѣтственно повышенію или пониженію степени служебной способности человѣка. Эта операція обыкновенно производилась во время тѣхъ смотровъ, когда происходило верстаніе и раздача помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ. Пропорція увеличенія или уменьшенія оклада опредѣлялась особо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Нѣсколько примѣровъ подобной операціи представляютъ десятни XVI в. Такъ въ 1594 г. по государеву указу и боярскому приговору бояринъ кн. Н. Ром. Трубецкой и дьякъ Сапунъ Абрамовъ «смотрѣли дѣтей боярскихъ ряшанъ, которые собою и службою добры, а помѣстнымъ окладомъ поверстаны были мало, и тѣмъ, разспрашивая про службу окладчиковъ, окладовъ прибавливали, а которые собою и службою худы, а верстаны помѣстными оклады большими, и у тѣхъ оклады убавливали». Результатомъ этой про-

вѣрки были слѣдующія измѣненія въ окладахъ: получили прибавку къ окладамъ:

Полковые . . .	1	чел. къ прежн. окладу въ	300	четей получ.	100
» . . .	7	» » » »	» 250	» »	50
» . . .	2	» » » »	» 200	» »	100
» . . .	11	» » » »	» 200	» »	50
» . . .	1	» » » »	» 160	» »	40
» . . .	1	» » » »	» 150	» »	100
» . . .	5	» » » »	» 150	» »	50
Пищальн. сотники	1	» » » »	» 200	» »	100
» »	4	» » » »	» 150	» »	100
» »	1	» » » »	» 60	» »	140
Пищ. дѣти боярскіе	1	» » » »	» 200	» »	50
» » »	3	» » » »	» 150	» »	100
» » »	22	» » » »	» 150	» »	50
» » »	1	» » » »	» 120	» »	30
» » »	1	» » » »	» 100	» »	100
» » »	59	» » » »	» 100	» »	50
» » »	11	» » » »	» 100	» »	20
» » »	1	» » » »	» 80	» »	120
» » »	1	» » » »	» 80	» »	85
» » »	83	» » » »	» 80	» »	20
» » »	1	» » » »	» 70	» »	10
» » »	1	» » » »	» 65	» »	35
» » »	1	» » » »	» 50	» »	50
» » »	3	» » » »	» 40	» »	60
» » »	1	» » » »	» 30	» »	70
» » »	3	» » » »	» 25	» »	75
» » »	1	» » » »	» 25	» »	55

Съ другой стороны произошли слѣдующія убавки: съ 200 четей убавляли по 50, 100, съ 150 по 50, съ 100 — по 20, 50, 60, съ 80 по 20 и 30[1]). Въ десятнѣ 1597 г. дѣти боярскіе съ окладами въ 150 и 100 четей, признанные по осмотру неспособными къ полковой службѣ, были поверстаны въ осадную службу, а оклады имъ были назначены въ 50, 30 и 20 четей[2]). Изъ этихъ примѣровъ видно, что процентъ увеличенія или уменьшенія помѣстнаго оклада опредѣлялся по отношенію къ каждому служилому чело-

[1]) Сторожевъ, Десятни, № 9, стр. 330 и слѣд.

[2]) Ibidem, стр. 418 и слѣд.

вѣку отдѣльно, сообразно повышенію или пониженію его индивидуальной служебной способности. Для XVI в. примѣры равномѣрнаго и одновременнаго повышенія оклада цѣлой группы служилыхъ людей очень рѣдки. Во второй половинѣ XVI в. (годъ въ точности неизвѣстенъ) дѣти боярскіе коширяне первой статьи съ окладами по 250 четей были поверстаны окладами въ 500 четей по первой же статьѣ [1]).

Измѣряя степень необходимости повысить или уменьшить окладъ служилаго человѣка повышеніемъ или пониженіемъ его служебной годности, правительство, въ сущности, нарушило ту точку зрѣнія, которая была выставлена въ уложеніи 1556 г. Тамъ обращено было вниманіе на необходимость не только привести въ правильное соотношеніе землевладѣніе и службу, но и поднять служебную способность «неимущихъ», безземельныхъ, надѣленіемъ ихъ земельными «преизлишками», т. е. другими словами, въ уложеніи 1556 г. высказана была мысль о возможности и необходимости пополнять и исправлять служебное «оскудѣніе» земельными надѣлами. Въ 1555 г. одному новгородскому помѣщику были прибавлены двѣ обжи къ его 10 обжамъ, ибо ему «съ тѣхъ 10 обежъ нашіе службы служити немочно». Кромѣ того этотъ помѣщикъ обращалъ вниманіе на то, что за его двоюроднымъ братомъ 17 обежъ, а онъ съ нимъ службою ровенъ. Просьба была удовлетворена, когда воевода новгородскій призналъ соотвѣтствующимъ его боевое снаряженіе [2]). Въ той же системѣ повышенія и пониженія окладовъ, примѣры которой были сейчасъ приведены, правительство отказалось отъ такого взгляда и стало на совершенно противоположную точку зрѣнія. Оскудѣвалъ человѣкъ службою, должно было понижаться и земельное обезпеченіе его службы; бѣдность, вопреки пословицѣ, стала считаться порокомъ, за который помѣстье иногда совсѣмъ отбиралось: «помѣстье деи у него взято и отдано въ раздачу за то, что онъ за бѣдностью не служилъ» [3]).

Отъ службной годности и способности помѣщика надо отличать его служебную ревность и нерадивость, отличіе и проступокъ по службѣ. Это былъ второй рядъ условій, вліявшихъ на колебанія помѣстнаго оклада каждаго помѣщика. Простое формальное исполненіе служебнаго долга, съ нашей точки зрѣнія, не заслу-

[1]) Арх. Мин. Ин. Д., Прик. дѣла стар. лѣтъ, св. № 2, № 9; Сторожевъ, Десятни, стр. 298.

[2]) Д. А. И., I, № 52, 1.

[3]) Сторожевъ, Десятни, 85.

живаетъ награды. Но въ XVI в. нарушенія служебнаго долга были такъ часты, напримѣръ, неявка на службу или своевольное отлученіе съ нея, что считалось возможнымъ награждать и за формальное исполненіе долга. Такъ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда служилымъ людямъ давалась прибавка къ помѣстному окладу «за службу и за неотъѣздъ» [1]). Обыкновенно служебная ревность и отличіе, достойныя наградъ, измѣрялись отдѣльными «службами», т. е. участіемъ въ походахъ, осадныхъ сидѣніяхъ и т. п. Такъ считались службы нѣмецкія, литовскія, украинская, каширская, луцкая, торопецкая, псковская и т. д.; осадныя сидѣнія: псковское, московское и т. д. Помѣстная придача давалась или отдѣльно за каждую службу или за двѣ [2]). Можно привести одинъ характерный примѣръ накопленія помѣстнаго оклада ревностною службою. Жилецъ Ив. Ив. Голенищевъ-Кутузовъ разсказываетъ въ челобитной 1614 г. исторію своей служебной карьеры. Послѣ осады Москвы Ивашкой Болотниковымъ онъ за осадное сидѣнье былъ поверстанъ помѣстнымъ окладомъ въ 400 четей и денежнымъ въ 6 рублей. Далѣе, во время похода кн. Б. П. Татева подъ Пчелну былъ убитъ его отецъ, и по его челобитью «объ отца своего крови и смерти» было ему прибавлено помѣстнаго оклада 50 четей и денегъ 3 руб. Послѣ отца онъ самъ «у царя Василья напросился на службу» и за участіе въ походѣ подъ Каширу съ воеводой кн. Ив. Вас. Голицынымъ получилъ за службу прибавки: 2 рубля денегъ и 50 четей помѣстнаго оклада. За походъ подъ Тулу онъ получилъ еще 50 четей оклада и 2 рубля денегъ. Наконецъ, послѣ взятія Тулы, когда бояре на Москвѣ «сидѣли о службѣхъ», ему прибавлено было 50 четей и 3 рубля. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ къ первоначальному окладу, помѣстному въ 400 четей и денежному въ 6 рублей, онъ выслужилъ придачи 200 четей и 100 рублей [3]). Въ челобитныхъ о помѣстномъ жалованьѣ въ качествѣ основанія выставляется иногда выслуга извѣстнаго числа лѣтъ. Но правильнаго соотношенія между количествомъ извѣстной прибавки и числомъ выслуженныхъ лѣтъ, повидимому, не было. Напримѣръ, въ 1579 г. «апсельскій» помѣщикъ кн. Андрей Ив. Андомскій за 12-ти лѣтнюю службу получилъ къ 200 четямъ прежняго оклада прибавки 150 четей. Въ томъ же году нѣкто Иванъ Дмитріевъ Уваровъ «за службу и за явной бой» въ теченіи 6 лѣтъ получилъ помѣстной

1) Сторожевъ, стр. 9, прим. 4 и 5.

2) Сторожевъ, стр. 5, 9.

3) А. М. Г., 1, № 60.

придачи 150 четей. Точно также за шестилѣтнюю службу греческому толмачу Своитину Каменеву придано было 150 четей къ окладу въ 200 четей [1]). Наконецъ, помѣстныя придачи назначались за разныя исключительныя отличія и лишенія по службѣ, напримѣръ, «за полонное терпѣніе» [2]).

Самымъ обычнымъ явленіемъ въ нарушеніи служебнаго долга въ XVI в. была неявка на службу и бѣгство съ нея, «нѣтство», влекшее за собой умаленіе или даже полную потерю помѣстья. Впрочемъ принимались во вниманіе обстоятельства, смягчавшія или даже совсѣмъ отклонявшія кару отъ нѣтчика. Главное изъ нихъ заключалось въ *пустотѣ* помѣстья, отсутствіи крестьянъ, безъ которыхъ невозможна была культура помѣстья и извлеченіе доходовъ, необходимыхъ для несенія службы. Подлежали наказанію тѣ, которые не служили «воровствомъ и лѣнью». Наказанію подвергались неявлявшіеся не только на службу, но и на смотры къ верстанію и самовольно съѣзжавшіе, недождавшись смотра [3]). Изъ немногихъ извѣстій XVI в. о нѣтчикахъ видно, что обычнымъ наказаніемъ для нихъ служило отписаніе ихъ имуществъ на государя [4]). Но происходило ли въ этихъ случаяхъ какое-либо измѣненіе въ помѣстномъ окладѣ нѣтчика, потерявшаго имѣвшееся у него въ наличности количество помѣстной земли? Опираясь на полное молчаніе источниковъ по этому вопросу, надо думать, что принципіально опальный нѣтчикъ не терпѣлъ никакого ущерба въ своемъ окладѣ. Онъ только лишался возможности осуществить свой окладъ на время опалы. Дѣйствительно, очень часто отнятіе помѣстья было временнымъ, и оно возвращалось служилому человѣку, когда тотъ снова являлся на службу и представлялъ достаточныя гарантіи добросовѣстнаго исполненія ея въ будущемъ. Понятно, что для правительства, постоянно нуждавшагося въ служилыхъ людяхъ, было бы совершенно невыгодно примѣнять слишкомъ послѣдовательно и строго кару за неявку на службу и лишать человѣка возможности исправиться и снова сдѣлаться хорошимъ служакой [5]). Но не всегда исправившійся нѣтчикъ, возстановленный въ своихъ правахъ, получалъ обратно старое помѣстье, такъ какъ обыкновенно въ XVI в. отписанныя на государя земли раздавались въ помѣстья другимъ

[1]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Прик. дѣла ст. л., св. 1, №№ 2, 4; св. 2, № 10.

[2]) Ibid., св. 2, № 9, 11.

[3]) Д. А. И., I, № 100; Сторожевъ, Десятни, стр. 352.

[4]) Д. А. И., I. № 52, XIX, XXV; № 100.

[5]) Д. А. И., I, № 52, XXV, XXIX.

лицамъ. Въ такихъ случаяхъ невозможности отдать нѣтчикамъ старыя помѣстья, новыя давались изъ порозжихъ земель, изъ лишковъ, оставшихся сверхъ окладовъ другихъ помѣщиковъ, изъ дикихъ полей. Но, не говоря уже о дикихъ поляхъ, полученіе помѣстья изъ порозжихъ чужихъ земель, требовавшее заведенія новаго хозяйства, было во всѣхъ отношеніяхъ невыгоднѣе полученія стараго, насиженнаго помѣстья. Поэтому-то въ одной царской грамотѣ новгородскимъ дьякамъ въ 1556 г. о возвращеніи дѣтямъ боярскимъ нѣтчикамъ старыхъ помѣстій и о дачѣ имъ порозжихъ земель говорится, что «тѣ дѣти боярскіе, нѣтчики, просятъ у васъ старыхъ помѣстій, а въ то мѣсто индѣ доимати, пошлинъ для розни, не хотятъ; и вамъ въ томъ отъ нихъ великая докука, а тѣмъ дѣтямъ боярскимъ волокита» [1]). И въ извѣстіяхъ о возвращеніи помѣстій, какъ и объ ихъ отобраніи, ничего не говорится объ окладахъ. Но изъ того, что помилованные нѣтчики получали прежніе денежные оклады, можно заключить, что за ними признавались и прежніе помѣстные оклады. Итакъ, по скольку можно судить по даннымъ XVI в., наказаніе за нарушеніе служебнаго долга заключалось не въ уменьшеніи объема помѣстнаго оклада наказуемаго, а во временномъ лишеніи права осуществить этотъ окладъ. Такое одностороннее примѣненіе наказанія имѣло свои значительныя неудобства. Во-первыхъ, оно не принимало во вниманіе разныхъ степеней виновности, во-вторыхъ, при возстановленіи нѣтчиковъ въ ихъ помѣстныхъ правахъ приводило къ большой докукѣ и волокитѣ. Въ первой четверти XVII в., послѣ Смуты, когда зло приняло безъ сомнѣнія болѣе значительные размѣры, правительство отнеслось къ этому вопросу внимательнѣе. Въ 1614 г. царь «о нѣтчикахъ на соборѣ со властьми и съ бояры говорили, что нѣтчикомъ за непослушанье учинить наказанье»; приговорили: у тѣхъ служилыхъ людей, которые не явились въ этомъ году подъ Новгородъ, взять половину помѣстья, а за которыми есть вотчины, и тѣмъ служить съ вотчинъ, а помѣстья у нихъ отобрать всѣ; у тѣхъ же, которые явились на службу да сбѣжали, взять треть помѣстья и раздать въ раздачу [2]). Очевидно, что и въ данномъ случаѣ конфискаціи подлежали только помѣстныя дачи, а оклады оставались безъ измѣненія. Въ 1625 г. состоялся боярскій приговоръ о нѣтчикахъ: которые служилые люди совсѣмъ не явились на службу, у тѣхъ убавить помѣстнаго оклада на 100 четей, а которые были да сбѣ-

[1]) Сторожевъ, Десятни, стр. 391, 401, 423; Д. А. И., I, № 52, XIX.

[2]) А. М. Г., I, № 89.

жали, — на 50 четей [1]). Но этотъ способъ наказанія заключалъ въ себѣ также неудобство, не сразу попадая въ цѣль, не дѣйствуя непосредственно, такъ какъ всегда у большинства служилыхъ людей помѣстная дача равнялась только части оклада, и, слѣдовательно, уменьшеніе помѣстнаго оклада далеко не всегда вело за собою необходимость отобранія соотвѣтствующей части помѣстной наличности. Поэтому и въ послѣдующее время мы встрѣчаемъ старую систему наказанія, отобраніе части помѣстныхъ дачъ [2]).

III.

Когда помѣстье окончательно специализировалось въ форму служилаго землевладѣнія, явилась необходимость въ особомъ фондѣ служилой земли для раздачи ея въ помѣстья въ такомъ значительномъ количествѣ, которое бы удовлетворяло потребностямъ многочисленнаго служилаго класса. Первоначальный запасъ, изъ котораго выдѣлялись помѣстныя дачи, личныя владѣнія и дворцовыя земли государей, конечно не могъ послужить единственнымъ источникомъ образованія такого фонда. Тѣмъ не менѣе помѣстья продолжали раздаваться изъ личныхъ земель государя и дворцовыхъ въ продолженіе всего XVI в. Въ личное распоряженіе государя, въ сферу дворцоваго хозяйства, переходила масса земель внутри государства въ силу непрерывной мобилизаціи землевладѣнія, а на окраинахъ благодаря расширенію государственной территоріи войнами и колонизаціей. Для испомѣщенія избранной тысячи въ 1550 г. государь пожертвовалъ земли, составлявшія исконную родовую собственность его дома. Избранной тысячѣ розданы были земли «въ Числякѣхъ и въ Ордынцѣхъ и въ Перевѣсныхъ деревняхъ и въ Тетеревичѣхъ и въ оброчныхъ деревняхъ» [3]). Кромѣ окрестностей Москвы помѣстья изъ дворцовыхъ земель находимъ еще въ Коломенскомъ и Тверскомъ уѣздахъ [4]). Въ громадномъ количествѣ розданы были дворцовыя земли въ помѣстья въ Тверскомъ уѣздѣ. На окраинахъ государства отходили въ вѣдѣніе дворца большія площади конфискованныхъ и завоеванныхъ земель. Часть

1) Ibidem, I, № 185.

2) Ibidem., № 560.

3) Числяки и Ордынцы въ духовныхъ завѣщаніяхъ московскихъ великихъ князей всегда отходили къ старшему сыну. См. духовныя Василія III, Іоанна III и самого Грознаго. Также С. Г. Г. и Д., I, стр. 352, 356, 376, 378, 382.

4) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, 434, 503, 509—511.

ихъ оставлялась дѣйствительно для нуждъ дворцоваго хозяйства, другая раздавалась въ помѣстья. Такъ массу помѣщиковъ мы находимъ на дворцовыхъ земляхъ въ Новгородской области. На западной границѣ также встрѣчаемъ дворцовыя земли розданными въ помѣстья, напримѣръ, въ Великолуцкомъ уѣздѣ [1]). Точно также въ Казанскомъ уѣздѣ въ 7075 г. по письму и отдѣлу окольничаго Никиты Васильевича Борисова и Дм. Кикина были розданы въ помѣстья государевы села, деревни, пустоши и селища, которыя по письму Семена Норманскаго 7071 г. написаны были въ дворцовыхъ селахъ, «а доходъ съ тѣхъ дворцовыхъ селъ опричь пашни по его письму не помѣченъ никоторый, а пахали на государя крестьяне живущихъ вытей, съ выти по десятинѣ ржи и по десятинѣ яри» [2]).

Другимъ источникомъ образованія помѣстнаго фонда, отчасти сливавшимся съ первымъ, были вотчинныя земли. Вотчины переходили въ помѣстья разными способами. Во-первыхъ, это были вотчины конфискованныя или поступившія какимъ-нибудь другимъ образомъ въ личное распоряженіе государя, сливавшіяся такимъ образомъ съ его личной собственностью и дворцовыми землями. Первый примѣръ такой массовой раздачи въ помѣстья частновладѣльческихъ вотчинъ находимъ въ концѣ XV в. въ Новгородѣ. Во-вторыхъ, благодаря условіямъ земельной мобилизаціи XVI в., въ каждой области, гдѣ только было развито вотчинное землевладѣніе, всегда находился запасъ порозжихъ вотчинъ, которыя не присоединялись къ какому-нибудь опредѣленному разряду земель, а продолжали числиться подъ особой рубрикой; полнымъ распорядителемъ ихъ являлся, конечно, государь, имѣвшій возможность безпрепятственно раздавать ихъ въ помѣстья. Въ-третьихъ, въ случаѣ надобности отдать въ помѣстье опредѣленный кусокъ земли въ извѣстной мѣстности, онъ отчуждался посредствомъ мѣны. Сохранился рядъ документовъ объ отобраніи на государя частновладѣльческихъ вотчинъ и о раздачѣ ихъ въ помѣстья. Въ этихъ грамотахъ прямо указана необходимость отчужденія извѣстнаго участка для служилыхъ цѣлей. Напримѣръ, въ 1591 г. у архіепископа рязанскаго и муромскаго Митрофана была взята для рязанскихъ казаковъ его рязанская борисоглѣбская земля въ количествѣ 750 четей пашни, а ему взамѣнъ дано въ Коломенскомъ уѣздѣ, Маков-

[1]) Арх. Мин. Юст., писцовая книга, 244, л. 1079 об.

[2]) Ibidem, писцовая книга по Казани № 152.

скомъ стану село, деревня и пустошь съ 728 четями въ полѣ пашни, перелогу и кустарю [1]).

Наконецъ, третьимъ разрядомъ земель, изъ которыхъ выдѣлялись помѣстья, были черныя земли. Источники XVI в. не разъясняютъ тѣхъ соображеній, которыми руководилось правительство при раздачѣ черныхъ земель въ помѣстья. Но можно предполагать, что съ этимъ источникомъ оно обходилось бережливѣе, чѣмъ съ другими, такъ какъ черная тяглая земля рѣзко отличалась отъ служебной по самому существу своихъ отношеній къ государству, тогда какъ дворцовая земля была связана съ помѣстной органически, вотчинная — тождествомъ своего служебнаго значенія. Служба же и тягло вполнѣ ясно различались въ сознаніи общества и правительства XVI в. Отдача черной земли въ помѣстья нарушала фискальные интересы [2]). Съ другой стороны, сближеніе черныхъ волостей съ дворцовыми, ихъ «окняженіе», приводило къ тому, что князья также свободно распоряжались черными волостями, какъ и дворцовыми. Вслѣдствіе этого и черныя земли становятся законнымъ источникомъ помѣстнаго земельнаго фонда [3]). Скудныя данныя объ испомѣщеніяхъ въ черныхъ волостяхъ даютъ основаніе думать, что онѣ производились главнымъ образомъ, если не исключительно, по иниціативѣ правительства; частной же иниціативѣ предоставлялось отыскивать помѣстья среди порозжихъ помѣстій и вотчинъ. Въ черныхъ волостяхъ служилые люди испомѣщались, вѣроятно, только въ случаѣ настоятельной нужды и недостатка другихъ свободныхъ земель. Напримѣръ, въ Пусторжевскомъ уѣздѣ, въ черныхъ волостяхъ, Боруцкой, Столбушинской, Кудеверской, а также въ нѣкоторыхъ четвертинахъ и волостяхъ Великолуцкаго уѣзда были испомѣщены юрьевскіе и иныхъ разныхъ нѣмецкихъ городовъ помѣщики, которые выведены были изъ нѣмецкихъ городовъ послѣ извѣстныхъ неудачъ Ливонской войны [4]).

[1]) Бѣляевскіе акты Рум. Музея, № 192. Въ 7075 г. с. Зарѣчье съ деревнями въ Костромскомъ уѣздѣ, вотчина братьевъ Зубатыхъ, была взята на государя и въ раздачу раздана. Черезъ 10 лѣтъ это село съ деревнями было снова возвращено старымъ владѣльцамъ. Арх. Мин. Юст., грам. Костромск. у. № 5102. Изъ грамоты царя Ѳедора 7104 г. узнаемъ, что въ Переяславскомъ уѣздѣ полсела Богородицкаго съ деревнями были въ вотчинѣ за вдовой Варварой Собакиной, въ 7084 г. эта вотчина отдана въ помѣстье И. И. Олферьеву. Арх. Мин. Юст., грам. Переяслав. у. № 9026.

[2]) А. Э., III, № 91.

[3]) Объ «окняженіи» черныхъ волостей данныя собраны П. Н. Милюковымъ, Спорные вопросы финанс. исторіи Моск. гос., стр. 34.

[4]) Арх. Мин. Юст., кн. 8183, л. 14 и слѣд.; писц. кн. Великолуцкаго уѣзда, кн. 244, л. 1019 об. и слѣд.

Такимъ образомъ въ теченіе XVI в. совокупность помѣстныхъ земель не успѣла замкнуться въ особое цѣлое, въ особый земельный фондъ, который служилъ бы единственнымъ источникомъ удовлетворенія потребностей помѣстной системы. Несмотря на то, что вездѣ и всегда много бывало пустопорожнихъ помѣстій, которыя правительство принуждено было даже выводить для эксплуатаціи изъ сферы служилаго землевладѣнія, впродолженіе всего XVI в. помѣстный земельный фондъ продолжалъ пополняться дворцовыми и черными землями. Въ смутное время раздачей ихъ сильно злоупотребляли. Извѣстный дѣятель смутной эпохи, Михаилъ Салтыковъ, оправдывался въ письмѣ къ канцлеру Сапѣгѣ: «а дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей никакъ никому не давывалъ» [1]). Извѣстіе Флетчера, что помѣстныя земли остаются однѣ и тѣ же, не уменьшаясь и не увеличиваясь, совершенно не вѣрно. Помѣстный земельный фондъ, съ одной стороны, постоянно пополнялся землями дворцовыми, черными, вотчинными, а съ другой, какъ увидимъ впослѣдствіи, также постоянно убывалъ: помѣстья часто отписывались на государя, переходили во дворецъ, раздавались въ вотчины частнымъ лицамъ и монастырямъ [2]). Постоянный переходъ дворцовыхъ и черныхъ земель въ помѣстныя обусловливался не столько недостаткомъ въ порозжихъ помѣстьяхъ, сколько нежеланіемъ самихъ служилыхъ людей брать въ помѣстья порозжія помѣстныя земли, которыя большею частью были и пустыми. Въ писцовыхъ книгахъ XVI в. встрѣчаемъ извѣстія, что безпомѣстные новики отказывались брать себѣ въ оклады предлагаемыя имъ пустопорожнія помѣстья «за пустомъ», т. е. по причинѣ ихъ запустошенности. А такихъ земель всегда было много. Въ каждой почти писцовой книгѣ помѣстныхъ земель встрѣчается особая рубрика лежащихъ впустѣ порозжихъ помѣстій.

Нежеланіемъ служилыхъ людей испомѣщаться на пустыхъ земляхъ, которыя не только не давали средствъ для отправленія службы, но еще требовали большой хозяйственной работы для приведенія ихъ въ культурное состояніе, разрѣшается вопросъ о недостаткѣ во второй половинѣ XVI в. свободныхъ земель для испомѣщенія служилаго люда. Указаніе Флетчера на недостаточность помѣстныхъ земель въ царствованіе Ѳеодора Ивановича вполнѣ

[1]) А. И., II, № 306, IV. Извѣстія источниковъ о дачѣ дворцовыхъ и черныхъ земель въ помѣстья собраны Неволинымъ, П. С. С., IV, стр. 229.

[2]) С. М. Середонинъ исправляетъ ошибку Флетчера указаніемъ на испомѣщеніе служилыхъ людей въ новозавоеванныхъ областяхъ. Сочиненіе Дж. Флетчера, стр. 352.

справедливо и подтверждается тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что служилые люди очень рѣдко получали помѣстья въ размѣрѣ полнаго оклада [1]). Но, если мы сопоставимъ оба одинаково несомнѣнныхъ и, повидимому, вполнѣ другъ другу противорѣчивыхъ факта, недостатокъ земель для испомѣщеній въ размѣрѣ полныхъ окладовъ и, съ другой стороны, повсемѣстное и постоянное существованіе большаго количества пустопорожнихъ помѣстныхъ земель, то будетъ ясно, что извѣстія Флетчера нельзя понимать въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ. Затрудненія для правительства при испомѣщеніяхъ сообразно окладамъ вытекали не изъ прямого недостатка земли, не изъ того, что огромныя пространства свободныхъ земель были расположены неудобно, не годились для цѣлей помѣстной системы [2]). Причина этихъ затрудненій коренилась въ качествахъ подлежащей раздачѣ земли, въ ея культурномъ состояніи. Помѣстная земля была служилой землей, должна была давать средства для службы, а выполнять это назначеніе могла только культурная, населенная земля. Между тѣмъ такой именно земли и недоставало по причинѣ бродячести населенія, недостатка рабочихъ рукъ, постояннаго передвиженія самихъ служилыхъ людей по требованію служебныхъ обстоятельствъ [3]). Итакъ, вопросъ о недостаткѣ помѣстныхъ земель въ XVI в. приводитъ насъ къ другому вопросу, о качественной сторонѣ помѣстнаго земельнаго фонда.

Мы видѣли, что раздачей земель въ помѣстья руководили первоначально двѣ одинаково настоятельныя потребности: хозяйственная и служебная. Превращеніе помѣстнаго землевладѣнія въ систему землевладѣнія служилаго по преимуществу не вытѣснило окончательно частно-хозяйственнаго взгляда на помѣстье, какъ на одно изъ средствъ возстановленія культуры на запустѣвшихъ земляхъ. Въ области позднѣйшей помѣстной системы второй половины XVI в. этотъ взглядъ съ особенной рѣзкостью выразился въ отношеніи правительства къ качествамъ помѣстныхъ земель. Онъ сказался прежде всего въ томъ, что въ помѣстья одинаково давалась какъ земля культурная, такъ и пустая. Изъ писцовыхъ книгъ можно было бы привести безконечное число примѣровъ, свидѣтельствующихъ, какъ разнообразно и безразлично сочеталась въ

[1]) С. М. Середонинъ, Сочин. Дж. Флетчера, стр. 352.

[2]) Такъ объясняетъ извѣстіе Флетчера г. Середонинъ, op. cit., стр. 352.

[3]) На связь пустоты земли съ неиспомѣщеніемъ безпомѣстныхъ новиковъ обращаетъ вниманіе г. Сторожевъ, Десятни XVI в., стр. 46—47, примѣчаніе.

окладахъ отдѣльныхъ служилыхъ людей земля культурная и пустая. Одинаково исполненнымъ считался какъ тотъ окладъ, который весь былъ составленъ изъ культурной земли, такъ и тотъ, въ составѣ котораго не было ни одной четверти культурной. Но окладъ былъ выразителемъ извѣстной степени боевой готовности служилаго человѣка; слѣдовательно, одинаковое служебное напряженіе требовалось какъ съ культурной, такъ и съ пустой земли. Безразличіе, съ какимъ клалась въ окладъ земля совершенно различная по культурности, приводило къ тому, что въ случаѣ необходимости правительство смѣло прибѣгало къ пополненію окладовъ лѣсомъ и дикими полями. Для наглядности приведемъ нѣсколько цифръ, показывающихъ сочетаніе культурной и пустой земли въ тѣхъ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ, когда оклады были исполнены въ полномъ объемѣ:

Въ Московскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ:

Окладъ.	Культ. земля.	Пустая.
150	—	Вся пустая.
200	—	—
400	8 чт.	442
200	7	218
125	5	120
400	—	Вся пустая.
250	—	—
100	3	122
100	—	Вся пустая.
200	12	190
150	9	153
200	33	210 [1])

Въ Полоцкомъ повѣтѣ:

Окладъ.	Культурная.	Пустая.
40	13	26
100	65	40
100	48	53
40	38	7
40	—	Вся пустая.
200	167	34
100	61	47
100	88	12 [2])

Въ Каширскомъ уѣздѣ:

Окладъ.	Культурная.	Пустая.
150	55	116
300	105	203
250	100	150
100	50	53
250	66	208
200	83	117
100	27	88 [3])

[1]) Писц. книги, I, 11, 12, 13, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 28, 33, 34, 35, 36.

[2]) Ibidem, II, 466, 464, 469, 471, 474, 478, 490, 492.

[3]) Ibidem, II, 1309, 1311, 1314, 1323, 1325, 1331, 1451.

Очень мало поправляла дѣло система наддачи и одобриванія. Въ существенныхъ своихъ чертахъ эта система изучена въ трудахъ А. С. Лаппо-Данилевскаго и П. Н. Милюкова. Происхожденіе системы одобриванія, общій смыслъ которой заключается въ выраженіи извѣстнаго количества разнокачественныхъ земель въ цифрахъ земли высшаго качества, А. С. Лаппо-Данилевскій связываетъ съ потребностями помѣстнаго землевладѣнія, опираясь, главнымъ образомъ, на то, что эта система сравнительно очень рѣдко примѣнялась на другихъ земляхъ, дворцовыхъ, монастырскихъ, вотчинныхъ. Но уже самъ г. Лаппо-Данилевскій, считая общимъ правиломъ существованіе одобриванія только на помѣстныхъ земляхъ, приводитъ рядъ исключеній, которыя можно пополнить еще нѣкоторыми данными начала XVII и даже XVI вѣковъ, когда одобривались вотчинныя земли [1]). П. Н. Милюковъ привелъ случай одобриванія и наддачи въ 1542 г. при обмѣнѣ черной земли на монастырскую [2]). Онъ же указалъ, что самое различеніе размѣровъ сохъ разныхъ качествъ земли уже было однимъ изъ примѣненій одобриванія [3]); а это процентное отношеніе между разнокачественными сохами одного разряда земель (помѣстныхъ), какъ разъ служило средствомъ для перевода средней и худой земли на добрую. Лишнимъ доказательствомъ того, что одобриваніе не связано такъ тѣсно съ помѣстной системой, какъ думаетъ А. С. Лаппо-Данилевскій, служитъ значительное количество случаевъ раздачи земель въ помѣстья безъ всякаго одобриванія. Такъ не было произведено одобриванія въ Полоцкомъ повѣтѣ при испомѣщеніи тамъ московскихъ служилыхъ людей въ 1570 г. [4]), въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ Великолуцкаго уѣзда при испомѣщеніи дѣтей боярскихъ разныхъ нѣмецкихъ городовъ и другихъ [5]); въ черныхъ волостяхъ Пусторжевскаго уѣзда [6]). Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ нельзя, дѣйствительно, не согласиться съ П. Н. Милюковымъ, что система одобриванія имѣла независимое отъ помѣстнаго землевладѣнія происхожденіе, корень котораго надо искать въ тѣхъ финансовыхъ реформахъ средины XVI в., которыя установили опредѣленные размѣры сохъ въ земляхъ разныхъ разрядовъ и ка-

[1]) Организація прям. обл., 236—237. Указная кн. помѣстн. прик., VI, 60; Писц. кн., I, 231, 233, 251, 263, 274.

[2]) Спорные вопросы, 45—46.

[3]) Ibid., 109.

[4]) Писц. кн., II, 421—566.

[5]) Арх. Мин. Юст., кн. 244.

[6]) Ibid., кн. 8183.

чествъ. Слѣдуетъ предполагать, что система одобриванія для финансовыхъ цѣлей послужила образцомъ и для урегулированія военно-служилаго землевладѣнія, была примѣнена къ служилому землевладѣнію не ранѣе второй половины XVI в. съ появленіемъ системы помѣстныхъ окладовъ.

А. С. Лаппо-Данилевскій такъ изображаетъ процессъ одобриванія и его цѣлесообразность: «меньшая доходность оклада плохой земли, по количеству четвертей, однако, равнаго другому окладу, превышавшему первый достоинствомъ и доходностью земли, пополнялась прибавленіемъ къ первому извѣстнаго количества четвертей, которое опредѣлялось количественнымъ соотношеніемъ между достоинствомъ земли перваго и втораго оклада; затѣмъ, вся совокупность четвертей такого оклада, количественно превышавшаго, но качественно равнаго окладу лучшей земли, считалась наддачей для того, чтобы формально установить и количественное равенство между тѣмъ и другимъ окладомъ» [1]). Прибавку извѣстнаго процента земли, наддачу, а слѣдовательно и весь процессъ одобриванія г. Лаппо-Данилевскій ставитъ въ зависимость отъ существованія лишнихъ, «примѣрныхъ», земель; при отсутствіи послѣднихъ наддача производиться не могла. П. Н. Милюковъ считаетъ такое изображеніе процесса одобриванія слишкомъ узкимъ и одностороннимъ, такъ какъ онъ сводится къ одному только случаю реальной прирѣзки земли. Со своей стороны онъ различаетъ два способа: 1) посредствомъ простаго приравненія наличнаго участка меньшему количеству земли лучшаго сорта и 2) посредствомъ реальной прирѣзки недостающаго процента земли. Первому онъ усваиваетъ техническій терминъ «одобриваніе», второму «наддача». Но это различіе проведено у него очень неясно; онъ самъ признаетъ, что наддачу можно всегда выразить въ терминахъ одобриванія, а одобриваніе въ терминахъ наддачи, и что различіе между ними только относительное [2]). По нашему мнѣнію, тѣ два способа, которые различаетъ г. Милюковъ, по существу представляютъ совершенно одинъ и тотъ же способъ, но только въ двухъ различныхъ случаяхъ его примѣненія. Первый случай сводился къ одобриванію уже послѣ испомѣщенія той наличности, которая уже находилась въ помѣстной дачѣ служилаго человѣка. Второй случай — къ одобриванію, одновременному

[1]) Орган. прям. обл., 234—235. Въ существенныхъ чертахъ такое же объясненіе системѣ одобриванія даетъ и проф. Загоскинъ, Учен. Записки Казанскаго Университета, 1876, № 5, стр. 712—713.

[2]) Спорные вопросы, 45—46, 109—110.

съ испомѣщеніемъ. Дѣйствительно, представимъ себѣ служилаго человѣка съ окладомъ въ 100 четей доброй земли, котораго надо испомѣстить на средней землѣ. Если позволяло количество свободной земли, онъ сразу получалъ 125 четей средней земли, равныхъ 100 четямъ доброй; 25 четей считались наддачей для выраженія разницы между фиктивнымъ количествомъ доброй и дѣйствительнымъ средней земли. Совершенно также производилось одобриваніе и въ обратномъ случаѣ, когда надо было одобрить помѣстье служилаго человѣка, уже имѣвшаго 125 четей средней земли; это количество выражалось 100 четями, а разница опять считалась наддачей. Такимъ образомъ наддача всегда отмѣчается и тогда, когда никакой реальной прирѣзки не было. Ясно, что въ обоихъ этихъ случаяхъ одобриваніе производилось совершенно по однимъ и тѣмъ же пріемамъ, что ихъ нельзя различить какъ два различныхъ техническихъ пріема, наддачи и одобриванія, прирѣзки и вычета.

Описанный сейчасъ способъ былъ общераспространеннымъ и, насколько намъ извѣстно, единственнымъ въ XVI в. способомъ одобриванія помѣстныхъ земель. Но изъ двухъ возможныхъ случаевъ одобриванія, при самомъ испомѣщеніи и послѣ испомѣщенія, преобладающимъ является второй, обстоятельство, еще разъ указывающее на сравнительно позднее приложеніе къ помѣстному землевладѣнію системы одобриванія. Одобриваніе помѣстій послѣ испомѣщенія приводило къ двоякаго рода результатамъ. Во-первыхъ, оно уравнивало помѣстную дачу съ окладомъ. Напримѣръ, служилый человѣкъ владѣлъ 250 четями средней земли при окладѣ въ 200 четей; одобриваніе уравнивало фиктивно дачу съ окладомъ [1]). Такой результатъ былъ весьма важенъ для служилаго человѣка, такъ какъ правительство очень строго слѣдило за каждой лишней четвертью сверхъ оклада и обыкновенно такъ или иначе отбирало ее у помѣщика. Одобриваніе же, какъ показываетъ приведенный примѣръ, вводило лишекъ въ рамки оклада. Другой результатъ одобриванія послѣ испомѣщенія заключался въ томъ, что фиктивное уменьшеніе помѣстной дачи увеличивало количество додачи до предѣловъ оклада, исполненія котораго могъ добиваться служилый человѣкъ; слѣдовательно, одобриваніе въ этомъ случаѣ, не улучшая непосредственно его положенія, расширяло его права [2]).

[1]) Писц. кн., I, 18 и слѣд.

[2]) Любое количество примѣровъ въ писцовыхъ книгахъ Вяземскаго и Каширскаго уѣздовъ. Писц. кн., изд. Геогр. Общ., т. II.

*

Примѣръ одобриванія, одновременнаго съ испомѣщеніемъ, встрѣчаемъ въ звенигородской писцовой книгѣ 1592—1593 гг. Здѣсь предположено было испомѣстить служилыхъ людей ц. Симеона Касаевича, 2 бояръ и 172 человѣка дѣтей боярскихъ, дворовыхъ, городовыхъ и новиковъ. Дворовые были росписаны на 4 статьи, по 200, 150, 100, 70 четей, городовые—на 5 статей, по 150, 100, 70, 60, 50, новики на 3 статьи по 70, 60, 50 четей. Всѣ эти оклады, равно какъ и недодача до окладовъ, выражались цифрами доброй земли. Общее количество земли для раздачи, которое оказалось въ распоряженіи писцовъ, заключало въ себѣ 397 четей съ осминой доброй земли, 8265 четей съ полуосминой средней, 806 четей съ осминой худой. Эту землю не было признано возможнымъ раздать всему наличному числу служилыхъ людей. Отъ полученія помѣстій были устранены 1 бояринъ и 50 дѣтей боярскихъ. Другіе были испомѣщены частью сполна, частью несполна. Земля въ ихъ оклады, сполна или несполна, давалась одного какого-нибудь качества или въ перемежку разнокачественная. Въ томъ и въ другомъ случаѣ средняя и худая земля одобривалась по описанному выше способу. Въ случаѣ испомѣщенія несполна недодача записывалась цифрами доброй земли [1]).

Итакъ, во второй половинѣ XVI в., въ первый періодъ приложенія системы одобриванія къ помѣстному землевладѣнію, находимъ лишь два основныхъ случая этого приложенія, при самомъ испомѣщеніи и послѣ испомѣщенія. Способъ же одобриванія въ обоихъ случаяхъ былъ совершенно одинаковъ и заключался въ томъ, что средняя и худая земля выражалась въ цифрахъ доброй съ наддачей, которою называлась разница между фиктивнымъ количествомъ доброй и дѣйствительнымъ средней и худой. Одобриваніе и наддача были не двумя различными способами, хотя бы различными только относительно и способными выражаться одинъ въ терминахъ другаго, а двумя послѣдовательными техническими пріемами въ одномъ и томъ же способѣ. Другъ безъ друга они не мыслимы. Особый оригинальный способъ одобриванія встрѣчаемъ въ Казанской области въ срединѣ XVI в. Тамъ одобривалась земли не средняя и не худая, а добрая же, но находящаяся въ перелогѣ, подъ зарослью или дубровой. Напримѣръ, помѣстье заключаетъ въ себѣ пашни доброй земли 115 четей, перелогу 120 четей, заросли и дубровы пашенныхъ 30 десятинъ въ полѣ: «и

[1]) Писц. кн., I, 727—730.

переложная земля и заросли и дубровы учинены съ наддачею за добрую землю, перелогу въ полтора, а заросли и дубровы вдвое и того 110 четей. И всего пашни доброй и съ тѣмъ, что перелогу и заросли и дубровы, учинено съ наддачею 225 четей» [1]). Еще примѣръ: въ помѣстьѣ числится пашни доброй 20 четей, перелогу 4 чети, зарослей и дубровъ пашенныхъ 20 десятинъ; перелогъ, заросли и дуброва учинены доброй землей съ наддачей, перелогъ въ полтора раза, заросли и дуброва вдвое, итого 23 чети, всего пашни, перелогу, заросли и дубровы 43 чети [2]).

Процентныя отношенія средней и худой земли къ доброй въ XVI в. существовали такія же, какія для слѣдующаго вѣка были установлены писцовымъ наказомъ 1626 г. и Уложеніемъ [3]), т. е. 25% для средней и 50% для худой. Само собой разумѣется, что въ писцовыхъ книгахъ XVI в. можно найти массу случаевъ незначительныхъ уклоненій отъ указанныхъ нормъ. Равнымъ образомъ и способы исчисленія земель при одобриваніи вырабатывались писцами, производившими одобриваніе, каждый разъ особые. Такъ въ одномъ случаѣ сначала сосчитывались итоги средней и худой земли и потомъ одобривались, въ другомъ случаѣ отдѣльно одобривалась пашня, отдѣльно—перелогъ, наѣзжая пашня, лѣсная поросль, въ третьемъ — одобривалась земля въ каждомъ отдѣльномъ селеніи и т. д.

Способъ одобриванія, описанный А. С. Лаппо-Данилевскимъ, относится къ позднѣйшему и спеціальному случаю, когда одобриваніе было поставлено въ зависимость отъ наличности примѣрныхъ земель. Установленіе этого способа и надо относить къ тому времени, когда въ законодательствѣ поднятъ былъ вопросъ о примѣрныхъ земляхъ. Поднятъ же онъ былъ въ 20-хъ годахъ XVII в. Конечно, и въ XVI в. такія земли существовали, но онѣ не привлекали на себя вниманія законодательства. Повидимому, съ ними поступали также, какъ и съ землями лишними противъ оклада, т. е. ихъ отписывали на государя. Такъ извѣстенъ одинъ случай отписанія примѣрной земли въ 1555 г. [4]). О существованіи такого правила свидѣтельствуютъ указы и боярскіе приговоры 128 и 131 годовъ, по которымъ у вотчинниковъ и помѣщиковъ запрещено отнимать лишнія земли, «будетъ ихъ припахали изъ старыхъ

[1]) Арх. Мин. Юст., кн. 152, л. 104 об.
[2]) Ibid., л. 114.
[3]) Сторожевъ, Указн. кн., 98.
[4]) Д. А. И., I, № 52, XI.

своихъ угодій, изъ лѣсовъ и изъ луговъ и изъ старыхъ своихъ дачъ, а не изъ новыхъ». Въ помѣстьяхъ велѣно было писать такія земли по окладамъ [1]). Несмотря на положительное и ясное разрѣшеніе этого вопроса, послѣ переписи Московскаго уѣзда въ 131—132 годахъ, обнаружившей большія количества примѣрныхъ земель, онъ снова былъ возбужденъ: «и о примѣрныхъ и лишнихъ земляхъ бьютъ челомъ государю старые помѣщики, за которыми оклады ихъ несполна, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, тѣхъ земель бы имати у нихъ не велѣлъ, а иные бьютъ челомъ въ дальніе оклады, а иные челобитчики о тѣхъ земляхъ бьютъ челомъ вновь въ подмосковныя помѣстья въ подмосковные оклады, за которыми подмосковныхъ помѣстій нѣтъ» [2]). По указу 7138 г. примѣрныя земли велѣно было употреблять на одобриваніе помѣстныхъ земель; тѣ же помѣстья, въ которыхъ примѣрныхъ земель не оказывалось, велѣно было оставить и совсѣмъ безъ одобриванія [3]): «а изъ дачъ земли не убавить». Такимъ образомъ второй случай одобриванія, послѣ испомѣщенія, указомъ 138 г. былъ специализированъ зависимостью отъ наличности примѣрной земли. Мало того, указъ 138 г., ставя условіемъ, чтобы помѣстная дача послѣ одобриванія не уменьшалась, дѣлалъ невозможнымъ одобриваніе тогда, когда примѣрной земли было меньше, чѣмъ требовалось для достиженія фиктивнаго количественнаго равенства земли до и послѣ одобриванія. А. С. Лаппо-Данилевскій приводитъ примѣръ бѣлозерскаго помѣщика, помѣстье котораго въ 133 четверти средней земли было одобрено наддачей 34 четвертей, въ результатѣ чего получились тѣже 133 съ дробью четверти доброй земли. По прямому смыслу указа 138 г. это помѣстье должно было бы остаться безъ одобриванія, если бы примѣрной земли для наддачи нашлось не 34 четверти, а 15 или 20, потому что въ такомъ случаѣ въ результатѣ одобриванія получилось бы доброй земли менѣе 133 четвертей, т. е. дача убавилась бы, а этого указъ 138 г. не допускалъ. Фиктивное уменьшеніе дачи, какъ результатъ одобриванія безъ прирѣзки соотвѣтствующаго количества земли, было, очевидно, невыгодно для правительства, такъ какъ увеличивалось разстояніе между дачей и окладомъ.

Зависимость системы одобриванія отъ наличности примѣрныхъ земель совершенно измѣнило и смыслъ «наддачи», сравнительно съ

[1]) Сторожевъ, Указн. кн., стр. 34.

[2]) Ibid., 79.

[3]) Ibid., 98—99.

тѣмъ, какой она имѣла въ XVI в. Тамъ «наддача» выражала только разницу между цифрами земли одобренной и неодобренной, даже и тогда, когда не прибавлялось ни одной четверти земли. Теперь она стала означать дѣйствительно реальную прирѣзку того процента земли, какой необходимъ былъ для приравненія даннаго участка средней или худой земли участку доброй, равному фиктивно качественно и количественно.

Новая система одобриванія, введенная указомъ 138 г. и принятая въ Уложеніи, просуществовала до 80-хъ годовъ XVII в., когда возстановлена была старая система XVI [1]).

Подъ вліяніемъ того-же частно-хозяйственнаго взгляда на помѣстье, какъ на средство возстановленія культуры на запустѣвшихъ земляхъ, опредѣлялись и права помѣщика на имѣющіяся въ его помѣстьѣ угодья и разныя доходныя статьи. Въ ту первоначальную эпоху образованія помѣстнаго землевладѣнія, когда разработка запустѣвшихъ, бездоходныхъ земель была такой же спеціальной задачей помѣщика, какъ и служба, отдача въ помѣстья земель съ доходными статьями и угодьями не имѣла смысла, такъ какъ ихъ выгоднѣе было эксплуатировать другимъ хозяйственнымъ способомъ, отдачей на оброкъ. Этимъ хозяйственнымъ разсчетомъ и объясняется ограниченіе правъ помѣщика на доходныя статьи. Отдѣльными доходными статьями не считались луга и лѣсъ, составлявшія необходимую принадлежность каждаго хозяйства. Количество сѣна и лѣса, всегда отмѣчавшееся въ писцовыхъ книгахъ при каждомъ помѣстьѣ, всегда считалось отдѣльно отъ той земли, которая входила въ составъ помѣстнаго оклада. Исчисленіе въ писцовыхъ книгахъ количествъ сѣна и лѣса показываетъ, что и для нихъ существовали извѣстныя нормы, но онѣ не были такими постоянными и опредѣленными, какъ для самой помѣстной земли, входившей въ окладъ, и безконечно измѣнялись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ испомѣщенія, сообразно мѣстнымъ хозяйственнымъ и бытовымъ условіямъ. Такъ по указу 1550 г. о подмосковныхъ окладахъ велѣно было «сѣна давати по толку жъ копенъ, на колко кому дано четвертныя пашни, опричь крестьянскаго сѣна; а крестьянамъ давати сѣна на выть по тридцати копенъ». Безконечно разнообразны были нормы распредѣленія лѣса по помѣстнымъ окладамъ; лѣсъ пашенный и непашенный, роща, кустарь, дубрава, въ бревешко и въ жердь, въ колъ и въ жердь измѣрялся, какъ

[1]) Милюковъ, Спорные вопросы, 110—111.

извѣстно, десятинами, четвертями, верстами вдоль и поперекъ. Статистическая разработка безконечнаго разнообразія нормъ распредѣленія въ помѣстьяхъ сѣна и лѣса возможна только по отдѣльнымъ областямъ съ точки зрѣнія мѣстныхъ хозяйственно-бытовыхъ условій.

Къ правамъ пользованія тѣми доходными статьями, которыя случайно оказывались на помѣстной землѣ служилаго человѣка, правительство XVI в. относилось различно. Но черезъ всѣ мѣропріятія въ этомъ отношеніи красной нитью проходитъ тенденція такъ или иначе ограничить пользованіе угодьями и доходными статьями. Такъ весьма часто онѣ бывали совершенно изъяты изъ непосредственнаго пользованія помѣщика. Напримѣръ, въ Полоцкой области всѣ угодья, бортныя ухожья и рыбныя ловли послѣ испомѣщенія московскихъ служилыхъ людей въ 1570 г. были розданы на оброкъ мѣстнымъ крестьянамъ. Въ писцовыхъ книгахъ не сохранилось никакихъ данныхъ для предположенія, что этими угодьями пользовались и сами помѣщики [1]). Въ Псковской области на землѣ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, на берегу Чудского озера были разбросаны рыбные исады, и жили рыбные ловцы, которые платили оброкъ въ государеву казну вмѣстѣ съ крестьянами натурой (напр., пятую рыбу) или деньгами съ суммы, вырученной отъ продажи рыбы (пятую деньгу). Съ этихъ рыбныхъ исадовъ помѣщикъ или совсѣмъ ничѣмъ не пользовался или получалъ «за поземъ съ двора на годъ по алтыну да по кошелю рыбы». Въ другомъ случаѣ къ ловецкому двору была приписана осмина пашни въ полѣ, «а въ дву потому жъ»; съ этой пашни помѣщику шла изъ всякаго хлѣба четверть. Иногда рыбные ловцы кромѣ уплаты помѣщику за поземъ извѣстнаго количества рыбы (по кошелю рыбы, по 200 ряпухъ съ двора) работали на него по два дня, жали рожь и ярь [2]). Точно также въ Казанскомъ уѣздѣ во время помѣстной раздачи 7075 г. бортныя ухожья и бобровые гоны, принадлежавшіе татарамъ и чувашамъ, не попали въ раздачу, такъ какъ съ нихъ платился ясакъ въ государеву казну по старымъ книгамъ [3]). Иногда угодья и доходныя статьи отдавались на оброкъ самимъ же помѣщикамъ. Такъ было, напримѣръ, въ Каширскомъ уѣздѣ. Здѣсь государство извлекало изъ оброчныхъ статей, состоявшихъ «на медвяномъ оброкѣ», двоякую пользу: раздавало ихъ въ помѣстья въ счетъ окладовъ и

[1]) Писц. кн., II, 464, 468, 469, 480, 493, 515 и слѣд.

[2]) Арх. Мин. Юст., кн. 827, лл. 70, 95, 311, 419, 420.

[3]) Арх. Мин. Юст., кн. 152, лл. 134 об.—136 об.

взимало оброкъ натуральный и денежный. Напримѣръ, въ помѣстьѣ по письму числилось въ оброчной деревнѣ и пустоши «сошнаго письма въ живущемъ полполчети и полполполчети сохи, а въ пустѣ полполтрети сохи, а давати ему съ живущаго оброку на дворецъ по 2 пуда съ четью меду да къ меду въ доимку денгами, по колку въ которомъ году государь велитъ взяти съ сохи да пошлинъ съ пуда по 5 денегъ» [1]). Весьма часто все помѣстье цѣликомъ состояло изъ одной оброчной земли [2]). На пустыя оброчныя земли давалась льгота до приведенія ихъ въ живущее [3]). Отдача угодья на оброкъ помѣщику съ зачисленіемъ земли, на которой находилось угодье, въ составъ оклада породила возможность и такихъ случаевъ, о которыхъ, правда, сохранилось немного извѣстій, когда самая земля отдавалась сразу въ помѣстье и на оброкъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что многія порозжія помѣстныя земли, выходя изъ службы, эксплуатировались путемъ отдачи ихъ на оброкъ. По прошествіи извѣстнаго времени такія оброчныя земли часто снова возвращались на службу, раздавались въ помѣстья. Вотъ въ подобныхъ то случаяхъ правительство, отдавая оброчную землю въ помѣстье, не желало разставаться съ прежнимъ доходомъ и удерживало за помѣщикомъ обязательство платить по прежнему оброкъ [4]). Таково же, вѣроятно, было происхожденіе наѣзжей пашни «изъ четвертнаго оброку», входившей въ составъ помѣстнаго оклада, которую встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ Пусторжевскаго уѣзда [5]).

Наконецъ, введеніе оброчныхъ статей въ составъ оклада привело къ тому, что сами оброчныя статьи и угодья стали отдаваться въ помѣстное владѣніе посредствомъ переложенія ихъ цѣнности на четверти земли. Такъ въ Каширскомъ уѣздѣ у одного помѣщика, князя Ивана Васильевича Долгорукова, находилось въ помѣстьѣ озерко въ длину 4 десятины, а поперекъ 2, а рыбы въ немъ — щуки и лещи и плотицы, «дано ему въ угодье служить изъ иныхъ городовъ» [6]). Въ Орловскомъ уѣздѣ за помѣщикомъ Владиміромъ Жилинымъ была «въ помѣстьѣ на дикомъ полѣ, выше Орла города, рѣка Ока, отъ усть Итцки рѣки и до верховья, да рѣка Крома

[1]) Писц. кн., II, 1317; также, 1312, 1316, 1326, 1328—1330, 1338, 1342, 1343, 1346, 1348, 1360, 1363, 1368, 1374, 1376, 1419, 1490.

[2]) Ibid., 1342—1343, 1346, 1368, 1419, 1424.

[3]) Ibid., 1400, 1408.

[4]) А. о. до юр. б., стр. 139, 693.

[5]) Арх. Мин. Юст., кн. 8183, лл. 201 об., 206 об.

[6]) Писц. кн., II, 1307.

отъ усть Крома до усть Кремичи, что было за нимъ же на оброкѣ, а даны ему тѣ рѣки въ помѣстье за 30 чети, да Володимеру жъ Жилину по государевѣ грамотѣ велѣно съ тѣхъ рѣкъ оброкъ платити въ государеву казну на Болшой дворецъ» [1]). Въ Казани по писцовымъ книгамъ 7074 и 7075 годовъ раздавались въ помѣстья оброчныя мельницы и рыбныя ловли. Такъ воеводѣ кн. П. А. Булгакову дана была въ помѣстье за 60 четей пашенной земли оброчная мельница, съ которой шло государю оброку 6 р. 10 денегъ. При отдачѣ мельницы князю Булгакову оброкъ съ нея былъ сложенъ, но князь долженъ уплатить протопопу Аѳанасію, за которымъ она была на оброкѣ, ея стоимость—18 рублей. Другому воеводѣ, князю Гр. Андр. Булгакову, за 50 четей пашенной земли даны были рыбныя ловли на озерѣ Шаблы, бывшія на оброкѣ за холопомъ князя Засѣкина, платившимъ въ государеву казну по 5 рублей въ годъ и пошлинъ по 10 денегъ съ рубля; «а помѣчено кн. Григорью въ пашенные земли мѣсто оброку деньгами за 10 четей по рублю». Всего князь Григорій получилъ рыбнаго оброку за 52 чети. Точно также кн. Ѳед. Ив. Троекурову было дано оброчное озеро за 25 четей пашни, по рублю съ каждыхъ 10 четей [2]). Всѣ описанные способы эксплуатаціи угодій и оброчныхъ статей на помѣстныхъ земляхъ не исключали возможности и такихъ случаевъ, когда помѣщики безпрепятственно и безвозмездно пользовались угодьями и разными доходными статьями на своихъ земляхъ. Иногда писцовыя книги описываютъ въ помѣстьяхъ озера, рѣки, пруды, яблонные сады, не упоминая объ отдачѣ ихъ кому бы то ни было на оброкъ [3]).

Итакъ, изученіе качественной стороны помѣстнаго земельнаго фонда приводитъ къ заключенію, что эта сторона или совсѣмъ игнорировалась правительствомъ или эксплуатировалась совсѣмъ не въ пользу помѣщика. Хотя служилый человѣкъ могъ существовать и нести службу только доходами со своего помѣстья, несмотря на это, именно на доходность земли правительство обращало меньше всего вниманія, безразлично наполняя окладъ помѣщика культурной и пустой землей, отдѣляя пользованіе доходными статьями отъ владѣнія той помѣстной землей, на которой онѣ находились. Одобриваніе земли, какъ мы видѣли, не улучшало непосредственно

[1]) Ibid., II, 931—932.

[2]) Арх. Мин. Юст., кн. 152, лл. 135 об.—138, 139 и об., 140—142; Сравн. А. А. Э., I, № 236.

[3]) Напр., писц. кн., I, 341, 363, 397; II, 1308—1311, 1328.

положенія помѣщика, а только расширяло до извѣстной степени его права на достиженіе извѣстнаго оклада и уравнивало качественныя различія окладовъ, одинаковыхъ количественно. Это пренебреженіе качественной стороной помѣстной земли не было случайнымъ. Оно было обусловлено, какъ уже сказано, первоначальнымъ значеніемъ помѣстья, какъ средства возстановленія культуры на запустѣвшихъ земляхъ. Раздавая служилымъ людямъ въ помѣстья безразлично культурныя и пустыя земли, государство налагало на нихъ разомъ двѣ задачи, несовмѣстимость которыхъ и парализовала, главнымъ образомъ, военно-служилое значеніе помѣстнаго землевладѣнія. Помѣщикъ XVI в. раздваивался въ своихъ интересахъ и обязанностяхъ, былъ одновременно и воиномъ и сельскимъ хозяиномъ — колонизаторомъ при тѣхъ особенно тяжелыхъ условіяхъ, какія постоянно тяготѣли надъ сельскимъ хозяйствомъ на Руси въ теченіе XVI в. Онъ обязанъ былъ нести личную военную службу доходами со своего помѣстья, а эти доходы онъ долженъ былъ извлекать также личнымъ хозяйственнымъ трудомъ, поддерживая старое, насиженное хозяйство, охраняя его отъ запустѣнія, и заводя новое на пустыхъ земляхъ. Нерѣшительно помогая со своей стороны колонизаторской, хозяйственной дѣятельности помѣщика, правительство, однако, строго слѣдило за тѣмъ, чтобы помѣщики не «запустошали своихъ земель». Въ помѣстныхъ грамотахъ и выписяхъ второй половины XVI в. еще встрѣчаются требованія «того помѣстья не опустошити и дворовъ не развозити и пашни не переложити» [1]). Помѣщикъ отвѣчалъ за запустѣніе своего помѣстья. Если возникало недоразумѣніе по службѣ, если помѣщикъ просилъ себѣ податныхъ льготъ или билъ челомъ объ обмѣнѣ помѣстья и ссылался при этомъ на его пустоту, то производился сыскъ: отъ чего то помѣстье запустѣло, отъ голода, отъ лихаго повѣтрія, отъ тягла или отъ самого помѣщика и его людей? Если помѣщикъ запустошилъ помѣстье по своей винѣ и небрежности, то его челобитья о льготахъ, оправданія въ неявкѣ на службу оставлялись безъ послѣдствій [2]). Иногда помѣстье прямо отбиралось, если помѣщикъ «то свое помѣстье, живучи, своимъ бездѣлнымъ житьемъ запустошилъ и крестьянъ своихъ всѣхъ своимъ насильствомъ разогналъ отъ себя вонъ изъ помѣстья» [3]).

[1]) Акты Н. П. Лихачева, II, стр. 245.

[2]) Д. А. И., I, № 52, VIII, XIV.

[3]) А. И., II, № 281; А. Д. Градовскій, непринимающій во вниманіе громаднаго количества пустыхъ земель въ помѣстьяхъ, понимающій подъ помѣстьемъ только болѣе

Несовмѣстимость этихъ двухъ взаимно исключающихъ задачъ и обязанностей становилась особенно очевидною въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство предлагало служилымъ людямъ въ помѣстья пустопорожнія земли. Въ такихъ случаяхъ служилые люди рѣшительно отказывались отъ предлагаемыхъ земель, несмотря на разныя льготы, не брали ихъ «за пустомъ». Такъ въ 7087 г. дѣти боярскіе коломничи и каширяне, безпомѣстные новики, отказались взять по причинѣ пустоты пустопорожнія земли, оставшіяся сверхъ окладовъ у другихъ помѣщиковъ [1]). Со своей стороны правительство XVI в. находило возможнымъ ограничиваться только одною общею мѣрой для улучшенія участи помѣщиковъ, владѣвшихъ пустыми землями, дарованіемъ болѣе или менѣе широкихъ финансовыхъ льготъ. Тѣмъ служилымъ людямъ, которые согласились бы взять въ помѣстья пустопорожнія земли, кромѣ льготъ въ государевыхъ податяхъ, дани и посохѣ, «опричь городового дѣла» на 8 лѣтъ, а въ земляхъ худыхъ и безугодныхъ на 10 лѣтъ, велѣно было давать «на хоромную ставку» по 2 рубля на каждыя 100 четей, а пошлинъ съ переложной земли не брать. Но подобныя льготы были исключительными. Обычный срокъ освобожденія отъ податей и повинностей колебался между 4 и 7 годами; такіе сроки находимъ для запустѣвшихъ помѣстій въ уѣздахъ Орловскомъ, Звенигородскомъ, Полоцкомъ повѣтѣ, Псковской и Рязанской областяхъ [2]). Иногда при самомъ дарованіи льготы правительство заранѣе опредѣляло то количество живущаго, съ котораго служилый человѣкъ обязанъ былъ платить подати по истеченіи льготныхъ лѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ Ряжскомъ уѣздѣ за засѣчнымъ сторожемъ было 20 четей дикаго поля. Льготы ему дано на 5 лѣтъ, послѣ чего онъ обязанъ платить съ живущаго съ 2 четей. Или, 4-мъ безпомѣстнымъ новикамъ дано на 6-ти-лѣтнюю льготу дикаго поля полполтрети безъ полполполчети сохи да въ переходѣ 2 чети безъ третника. Послѣ льготныхъ лѣтъ они должны платить съ живущаго съ 4 четей. Необходимость подобнаго апріорнаго опредѣленія количества живущей земли, подлежащей обложенію, вызывалась невозможностью производить переписи, устанавливавшія эти количества, въ такіе короткіе сроки, какіе давались для финансовыхъ льготъ. Если бы льготная земля

или менѣе доходное хозяйство, отрицаетъ возможность и необходимость личной хозяйственной дѣятельности помѣщиковъ. Исторія мѣстн. управл., стр. 59—60.

[1]) Писц. кн., I, 607; II, 1525, 1527.

[2]) Писц. кн., I, 703; II, 541 и слд., 880, 1011; Арх. Мин. Юст., кн. 827, л. 381, 507—509 об., 639, 686—690, 699 об.; кн. 396, лл. 392 об., 490 об., 491 и слд.

для своего обложенія должна была дожидадься первой переписи, которая положила бы ее въ сошное письмо, то легко могло бы случиться, что льготные годы вышли бы далеко за предѣлы назначеннаго срока.

Понятно, что всѣ эти финансовыя льготы не устраняли невозможности нести службу съ пустой земли. Онѣ заставляли служилаго человѣка усиленно хозяйничать въ недолгіе льготные годы на пустыхъ или запустѣвшихъ участкахъ, называть крестьянъ, распахивать пашню, ставить дворы и тѣмъ отвлекали его отъ служебныхъ обязанностей, на которыя льготъ не давалось. Недостаточность средствъ, доставляемыхъ помѣстьемъ, его запустѣніе отъ разныхъ причинъ, хлѣбнаго недорода, лихаго повѣтрія, бѣгства крестьянъ, государевыхъ податей, были обычными оправдательными мотивами въ невозможности нести службу, въ «нѣтствѣ» [1]).

Существовало еще одно обстоятельство, тормозившее развитіе хозяйственнаго благосостоянія служилаго класса, отношеніе правительства къ примѣрнымъ землямъ. Примѣрной землей называлось то количество пашни, которое вотчинникъ или помѣщикъ припахивалъ изъ угодій своего владѣнія, луговъ или лѣса (но не изъ перелога или лѣсной заросли, всегда считавшихся въ общемъ итогѣ съ пашней) въ промежутокъ между двумя переписями. Въ источникахъ находимъ прямое и косвенное указанія на то, что въ XVI в. примѣрная земля отписывалась у помѣщиковъ. Какъ осторожно долженъ былъ служилый человѣкъ поднимать культуру своего помѣстья, показываютъ слѣдующіе примѣры. Въ половинѣ вѣка у князя Михаила Константиновича Засѣкина было помѣстье въ Новгородской области, Шелонской и Деревской пятинахъ, пяти погостахъ, $35^1/_2$ обежъ, да въ Илеменскомъ погостѣ деревня Стряполово, отошедшая отъ помѣстья верстъ на 30. Послѣ письма Григорія Собакина съ товарищи князь Засѣкинъ поставилъ у своего усадища, на старой роспаши 3 починка. Эти то 3 починка во время слѣдующей переписи земель въ Шелонской пятинѣ въ 1550—51 г. были отписаны на государя. Князь Засѣкинъ черезъ своего человѣка Истомку билъ челомъ государю: «тѣхъ бы трехъ починковъ, которые у него прибыли послѣ писцовъ, по Алексѣевымъ книгамъ Жеребцова, отписывати у него не велѣти для того, что государь его князь Михайло тѣ починки поставилъ у своего усадища, на своихъ на старыхъ роспашѣхъ, и тѣ починки стали

[1]) Д. А. И., I, 52, VIII, XIV; А. И., I, № 195; А. М. Г., I, № 126.

промежъ его старыхъ деревень». Царь приказалъ новгородскимъ дьякамъ удовлетворить челобитье князя, убѣдившись въ его правдивости «писцовыми и отдѣлными и приправочными книгами и всякими сыски» [1]). Въ 1538—39 г. происходилъ судъ между Изосиминымъ монастыремъ и вдовой помѣщика Ариной Курбатовой изъ-за трехъ починковъ. Монастырскія власти ссылались, между прочимъ, на то, что въ помѣстной грамотѣ мужу Арины, Курбату, данной еще въ 7015 г., означено всего 4 починка, тогда какъ Арина въ дѣйствительности владѣетъ семью. Отвѣтчикъ со стороны Арины, человѣкъ ея Сидорикъ, доказывалъ, что лишніе три починка явились плодомъ хозяйственной дѣятельности Курбата, который лѣсъ сѣкъ и пашню чинилъ. Споръ былъ рѣшенъ въ пользу монастыря, и въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ противъ Арины выставлено, именно, несоотвѣтствіе наличнаго числа починковъ, числящихся за нею, съ тѣмъ, которое указано въ помѣстной грамотѣ, выданной тридцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Возможность появленія спорныхъ починковъ, какъ результата колонизаторской дѣятельности служилаго человѣка на его помѣстныхъ пустошахъ, не была принята судьями во вниманіе [2]). Что отписаніе примѣрныхъ земель на государя въ XVI в. было обычнымъ правиломъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ указы 7128 и 7131 годовъ, запрещающіе отнимать такія земли и предписывающіе зачислять ихъ въ оклады [3]). Такимъ образомъ правительство XVI в. въ своемъ ревнивомъ обереганіи каждой четверти служилой земли доходило до того, что готово было замкнуть культурное состояніе каждаго земельнаго владѣнія въ неподвижныя рамки, налагаемыя переписью. Помѣщикъ могъ культивировать, распахивать и заселять, только тѣ разряды земель, которыя входили въ окладъ, т. е. пустоши, перелогъ и лѣсную заросль. Если же онъ распахивалъ луга и лѣсъ, числившіеся внѣ земельнаго оклада, то въ результатѣ наличное количество помѣстной земли могло бы превысить окладъ, а этого правительство XVI в. ни въ какомъ случаѣ не допускало; съ примѣрными землями стали поступать также, какъ вообще съ «лишками» противъ оклада; ихъ конфисковали. Указы 7128 и 7131 годовъ установили болѣе разумное и цѣлесообразное употребленіе примѣрныхъ земель. Такъ какъ помѣщикъ рѣдко владѣлъ полнымъ окладомъ, то примѣрными землями разрѣшено было пополнять

[1]) Д. А. И., I, стр. 95.

[2]) Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 49.

[3]) Указн. кн. Помѣстн. прик., стр. 34.

окладъ. Конфискаціи подлежало, разумѣется, то количество примѣрной земли, которое уже выходило за размѣры оклада.

Если помѣщикъ не могъ или не желалъ эксплуатировать своего помѣстья личнымъ трудомъ, ему оставалось только одно средство извлеченія доходовъ изъ помѣстной земли, исключавшее личную хозяйственную дѣятельность, отдачу земель на оброкъ. Неизвѣстно, насколько распространено было это средство на помѣстныхъ земляхъ XVI в. Намъ удалось встрѣтить рядъ случаевъ отдачи помѣстныхъ пустошей подъ сѣнокосъ на оброкъ только въ одной изъ дозорныхъ новгородскихъ книгъ конца вѣка, сохранившей и нѣсколько образцовъ оброчныхъ записей. Приведемъ для примѣра двѣ изъ нихъ: 1) «Се язъ Алексѣй Скобельцынъ отдалъ есми государева жалованья свою помѣстную пустошь Дятково Леонтью Щеголеву во 103 году сѣно косить, а оброкъ съ тое пустоши взятъ сполна». 2) «Память Ивану Мягкому. Отдалъ есми государева жалованья, а своего помѣстья, въ Дубровенскомъ погостѣ пустошь Особщенье сѣно косить во 103 году Ивану Головлеву, а оброку взято за сѣнокосъ 5 алтынъ 4 денги». Дозорщики, встрѣчая эти факты, повидимому, вполнѣ признавали законность указанныхъ сдѣлокъ, потому что не отписывали земель на государя, а вносили эти оброчныя записи въ свои дозорныя книги, предварительно убѣдившись въ правахъ помѣщика на отдаваемую имъ на оброкъ землю посредствомъ писцовыхъ выписей и ввозныхъ грамотъ [1]).

IV.

Административная техника верстанія и испомѣщенія въ XVI столѣтіи, въ эпоху коренныхъ реформъ во всѣхъ частяхъ неустановившагося аппарата государственной администраціи, поддается систематизаціи съ большимъ трудомъ.

Верстаніе и испомѣщеніе сливались первоначально въ одинъ актъ, когда окладъ и дача не различались между собою, и окладъ представлялъ собою лишь размѣръ дачи. Правительственная мѣра, предписанная указомъ 1550 г. объ избранной тысячѣ, была одновременно верстаніемъ и испомѣщеніемъ, — верстаніемъ, потому что избранная тысяча была расписана на статьи и каждой статьѣ назначено опредѣленное количество четвертей земли, — испомѣщеніемъ, потому что избранной тысячѣ были дѣйствительно роз-

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. по Новгороду № 705, лл. 248 и об., 249 и слѣд.

даны назначенные оклады. Но около половины XVI в. оба акта обособляются.

1.

Уже новгородскія помѣстныя грамоты упоминаютъ о помѣстномъ верстаніи въ 7046—7047 гг. Въ этомъ же году многимъ служилымъ новгородцамъ послѣ осмотра были пожалованы придачи къ старымъ помѣстьямъ, сообразно ихъ службѣ. Одни помѣщики, дѣйствительно, вскорѣ получили назначенныя имъ придачи, другимъ эти придачи отдѣлялись не сразу, по частямъ, третьи, наконецъ, еще въ 7064 г. ничего не успѣли получить [1]). Такимъ образомъ на смотру 7047 г. происходило одно только верстаніе, надѣленіе служилыхъ людей окладами, хотя помѣстныя грамоты этого термина и не употребляютъ, говорятъ только о придачахъ. Забота и всѣ хлопоты о полученіи вновь пожалованныхъ придачъ предоставлены были уже личной энергіи помѣщиковъ. Верстаніемъ опредѣлялся, слѣдовательно, объемъ права отдѣльнаго служилаго человѣка или цѣлаго разряда лицъ на полученіе помѣстной земли, испомѣщеніемъ это право осуществлялось. Логически верстаніе предшествовало испомѣщенію, фактически же преемственность между ними мѣнялась, смотря по обстоятельствамъ. Принципіально безпомѣстный человѣкъ, дѣйствительно, не могъ получить ни одной четверти помѣстной земли, не будучи поверстанъ предварительно тѣмъ или другимъ окладомъ, но большая часть служилыхъ людей начинала службу съ прожиточныхъ помѣстій, отцовскихъ, братнихъ и т. д. и часто должна была очень долго дожидаться верстанія, благодаря чему владѣніе помѣстьемъ возможно было и и безъ оклада, и даже самый окладъ долженъ былъ сообразоваться съ наличностью помѣстной земли у новика и соотвѣтствіемъ этой наличности со службою. Тѣ же новгородскія помѣстныя грамоты сообщаютъ рядъ случаевъ, когда служилые новики получали помѣстья до помѣстнаго верстанья, потому что не успѣли получить помѣстья въ отводъ или въ припускъ къ отцу. Такіе люди начинали службу, живя на средства братьевъ, дядей и другихъ близкихъ родственниковъ [2]). Дьякамъ предписывалось только разслѣдовать справедливость тѣхъ обстоятельствъ, на которыя ссылался служилый человѣкъ въ своемъ челобитьѣ и удостовѣрить по слу-

[1]) Д. А. И., I, № 52, IV, VII, X, XVI, XVII, XVIII, XX.

[2]) Ibid., № 52, стр. 87, 89, 91, 112.

жебнымъ книгамъ и спискамъ, что онъ «никоторые службы не обхаживалъ и въ нѣтяхъ не бывалъ». Иногда это удостовѣреніе представлялось на Москвѣ лично государю тѣми воеводами, подъ начальствомъ которыхъ служилъ челобитчикъ [1]). Итакъ, при испомѣщеніи до помѣстнаго верстанія принимался во вниманіе только самый фактъ службы, качество же ея опредѣлялось уже при верстаніи.

Иниціатива верстанія исходила отъ правительства, отъ того или другаго общества служилыхъ людей, отъ отдѣльныхъ лицъ.

Въ порядкѣ верстаній, производившихся въ XVI в. по иниціативѣ правительства, незамѣтно ни правильной періодичности, ни всеобщности. Общее верстаніе земельными надѣлами всего служилаго сословія въ государствѣ происходило всего только одинъ разъ, если принять въ точномъ, буквальномъ смыслѣ разсказъ лѣтописи объ уложеніи 1556 г. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ въ XVI в. верстанія происходили каждый разъ съ особою спеціальною цѣлью, въ виду предстоящей войны или похода, или необходимости организовать въ извѣстной мѣстности отрядъ служилыхъ людей для несенія какой нибудь опредѣленной службы. Такъ въ 1550 г. поверстана была въ Москвѣ избранная тысяча, предназначенная для постоянной мѣстной службы. Точно также и въ другихъ пунктахъ государства производились верстанія при наборѣ служилыхъ людей для надобностей мѣстной службы. Напримѣръ, въ 1585 г. помѣстными окладами поверстано было 300 человѣкъ дѣтей боярскихъ епифанцевъ, набранныхъ изъ казаковъ; они должны были нести сторожевую и станичную службу [2]). Въ 1577 г. для сторожевой службы на южной окраинѣ прибрано было въ Шацкѣ, Ряжскѣ, Данковѣ, Епифани, Дѣдиловѣ, Крапивнѣ, Новосили и Орлѣ 577 человѣкъ казаковъ, которыхъ требовалось пересмотрѣть и вновь поверстать помѣстными окладами [3]). Далѣе, по десятнямъ XVI в. видно, что помѣстныя верстанія происходили обыкновенно въ виду ожидающейся войны или предполагаемаго похода. Такъ Ливонскому походу Грознаго лѣтомъ 1577 г. предшествовало верстанье дѣтей боярскихъ коломничей въ февралѣ того же года. Передъ походомъ 1590 г. противъ Шведовъ собранные для этого похода дѣти боярскіе Переяславля Залѣсскаго верстаны были въ Новгородѣ. Дѣти боярскіе каширяне

[1]) Ibid., № 52, XXXVII.

[2]) Сторожевъ, Десятни XVI в., стр. 92 и слѣд.

[3]) А. М. Г., I, № 23.

верстаны были въ Серпуховѣ передъ походомъ царя Бориса въ 1598 г. противъ Крымскаго хана [1]). Итакъ, во второй половинѣ XVI в. правительство предпринимало по собственной иниціативѣ верстаніе различныхъ территоріальныхъ разрядовъ служилыхъ людей лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было организовать мѣстную службу или опредѣлить готовность того или другаго служилаго общества для дальняго похода.

Отсутствіе періодичности верстаній, предпринимаемыхъ правительствомъ, продолжительность промежутковъ между ними, заставляли мѣстныя служилыя общества обращаться съ просьбой къ правительству о верстаніи въ тѣхъ случаяхъ, когда старые оклады приходили въ несоотвѣтствіе съ новыми потребностями службы. Въ 1577 г. били челомъ царю данковскіе, епифанскіе, дѣдиловскіе, кропивенскіе и другихъ украинныхъ городовъ казаки о томъ, что имъ слишкомъ тяжело нести сторожевую службу съ малыхъ помѣстій въ 20 четей; казаки просили поверстать ихъ такими же помѣстными окладами въ 50 четей, съ какихъ несли службу ихъ предшественники, дѣти боярскіе рязанцы. Челобитье было удовлетворено и казакамъ назначено новое верстаніе [2]). Въ томъ же году такое челобитье подали дѣти боярскіе рязанцы, отставленные отъ сторожевой службы и назначенные нести службу мѣсячную рядовую. Дѣти боярскіе жаловались, что служатъ они «безъ отпуску и безъ перемѣны съ большими и меньшими статьями въ рядъ; а помѣстья де за ними старыя, по 50 четьи за человѣкомъ, а денежнаго жалованья не имывали 10 лѣтъ, и съ тѣхъ деи имъ съ малыхъ статей, съ 50 четьи, впередъ съ большими и съ середними статьями рядовые службы служити не мочно; и государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ поверстати» [3]).

Наконецъ, тоже обстоятельство, отсутствіе правильной періодичности въ верстаніяхъ, заставляло и отдѣльныхъ служилыхъ людей обращаться къ правительству съ просьбой о верстаніи. О порядкѣ верстаній отдѣльныхъ служилыхъ людей въ XVI в. сохранилось очень мало извѣстій. О немъ можно говорить только предположительно и по аналогіи съ подобными же верстаніями первой половины XVII в. Новгородскія помѣстныя грамоты свидѣтельствуютъ, какъ мы видѣли, что служилые люди получали по своимъ чело-

[1]) Сторожевъ, Десятни. №№ 1, 2, 6.

[2]) А. М. Г., I, № 23.

[3]) Ibid., № 24.

битьямъ помѣстья и до помѣстнаго верстанья. Слѣдовательно, правительство не брало на себя труда верстать служилыхъ людей по одиночкѣ, но давая имъ приблизительно соотвѣтствующія ихъ службѣ помѣстья, заставляло дожидаться общаго верстанія, т. е. совмѣстно съ тѣмъ обществомъ, къ которому принадлежалъ служилый человѣкъ. Одинъ новгородскій помѣщикъ Матвѣй Палицынъ получилъ обратно отписанное у него за нѣтство помѣстье послѣ того, какъ былъ осмотрѣнъ на Москвѣ окольничимъ и дьякомъ, но получилъ помѣстье все-таки до помѣстнаго верстанія; отсюда слѣдуетъ, что осмотръ, удостовѣрявшій возможность дать человѣку помѣстье, еще не былъ верстаніемъ [1]). Нѣтъ, однако, достаточныхъ основаній отвергать существованіе во второй половинѣ XVI в. единичныхъ верстаній отдѣльныхъ лицъ по ихъ частнымъ челобитнымъ. Въ XVII в. былъ уже выработанъ извѣстный порядокъ такихъ единичныхъ верстаній и для московскихъ служилыхъ людей и для выѣзжихъ иноземцевъ [2]). Порядокъ верстанія по частной иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ отмѣченъ Флетчеромъ. Его извѣстія нельзя, поэтому, считать невѣрнымъ на основаніи сопоставленія съ оффиціальными свидѣтельствами о групповыхъ верстаніяхъ по иниціативѣ самого правительства [3]). Итакъ, затрудненія, вытекавшія изъ отсутствія правильной періодичности и всеобщности верстаній, устранялись иниціативой самихъ служилыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ. Верстаніе одинаково отвѣчало интересамъ какъ правительства, такъ и самихъ служилыхъ людей. Потребности той и другой стороны, встрѣчаясь, восполняли недостатокъ правильной организаціи общихъ верстаній, какъ средства контролировать взаимныя отношенія оклада и службы.

Такъ какъ общія верстанія въ XVI в. происходили обыкновенно по требованію особыхъ обстоятельствъ, то и мѣстомъ групповыхъ верстаній провинціальныхъ служилыхъ людей бывалъ обыкновенно не тотъ городъ, по которому они числились на службѣ. Обыкновенно верстаніе происходило въ сборныхъ пунктахъ для военныхъ отрядовъ, предназначенныхъ или для дальняго похода или для мѣстной сторожевой службы. Такъ въ XVI в. были верстаны: дѣти боярскіе переяславцы въ 1590 г. въ В. Новгородѣ передъ походомъ противъ Швеціи, каширяне въ 1599 г. въ Тулѣ, а

[1]) Д. А. И., I, № 52, VIII.

[2]) А. М. Г., I, №№ 74, 285, 467; Рус. Ист. Библ., VIII, № 10; Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1895 г., IV, о помѣстн. верстаніи новиковъ въ 136 г., стр. 1.

[3]) С. М. Середонинъ, соч. Дж. Флетчера, 350—351.

раньше въ Серпуховѣ, ряшане въ 1591 г. въ Переяславлѣ Рязанскомъ, а въ 1594 и 1597 годахъ на Москвѣ, епифанцы въ 1606 г. въ Тулѣ, новгородцы всѣхъ пятинъ, торопчане, лучане, пусторжевцы въ Серпуховѣ [1]). Равнымъ образомъ и производили верстаніе не всегда мѣстныя власти тѣхъ областей, гдѣ находился постоянный районъ службы и помѣстья подлежащихъ верстанію служилыхъ людей, но также временные командиры полевыхъ войскъ, назначенные въ тотъ или иной походъ, или лица спеціально командированныя правительствомъ, бояре и дьяки [2]).

Случайность назначенія чиновниковъ, не стоявшихъ ни въ какой постоянной связи съ верстаемыми и потому незнакомыхъ съ ихъ служебною годностью, вызвало появленіе окладчиковъ. Во второй половинѣ XVI в., вѣроятно, были выработаны уже извѣстныя правила исполненія окладчиками ихъ обязанностей. Подробности объ этихъ обязанностяхъ сообщаютъ документы начала XVII в. Въ 1606 г. бояре и дьяки верстали дворянъ и дѣтей боярскихъ, торопчанъ и холмичей, «выбравъ окладчиковъ изъ торопчанъ и холмичъ, старыхъ, которые напередъ сего въ окладѣ были, а въ выбылыхъ мѣсто выбрали новыхъ, которыхъ излюбили всѣмъ городомъ и привели ихъ къ крестному цѣлованію». Въ записи того же года о верстаніи дѣтей боярскихъ епифанцевъ подробно разъяснены обязанности окладчиковъ: «сказывали бъ у верстанья про епифанцовъ, про всѣхъ дѣтей боярскихъ, которые служатъ старо, и про новиковъ, по государеву цареву и великаго князя Дмитрія Ивановича всея Русіи крестному цѣлованью, въ правду, кто каковъ отечествомъ и службою и кому кто въ версту и въ которую статью кто съ кѣмъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ пригодится и кому мочно впередъ государева служба служити и на государевы службы пріѣзжаютъ на срокъ ли и съ государевы службы до отпуску не съѣзжаютъ ли и которые къ службамъ лѣнивы за бѣдностью и которые лѣнивы не за бѣдностью. А роду своему окладчикомъ по родству и племени своему и другомъ своимъ по дружбамъ не дружити, а не другомъ по недружбамъ ни по какимъ не мстити и посуловъ и поминковъ ни у кого ничего не имати никоторыми дѣлы и всякихъ неслужилыхъ отцовъ дѣтей и братью и племянниковъ и посадскихъ людей и пашен-

[1]) Сторожевъ, Десятни, стр. 59, 144—145, 252, 331, 352—354, 362, 418 и слѣд. А. М. Г., I, № 44. Н. П. Лихачевъ, Разрядн. дьяки, 499.

[2]) См. предисловія къ десятнямъ въ изданіи г. Сторожева; Н. П. Лихачевъ, Разр. дьяки, стр. 451: свидѣтельство о производствѣ верстанія мѣстнымъ воеводой.

ныхъ крестьянъ и холопей боярскихъ служилыхъ отцовъ дѣтьми и братьями и племянники никого не называти, государева служба во всемъ полнити, сказывати про всѣхъ по государеву, цареву и великаго князя Дмитрія Ивановича всеа Русіи крестному цѣлованью безъ всякія хитрости, въ правду». Съ помощью этихъ окладчиковъ бояре и дьяки служилыхъ людей «смотрили и въ статьи ставили и про ихъ отечество и про службу окладчиковъ, ихъ же товарищей, распрашивали, кто каковъ отечествомъ и службою и прожитки и кто въ которую статью пригодится и государева служба ему впередъ служити мочно-ль».

Процессъ верстанія можетъ быть возстановленъ для XVI в. лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Бояре и дьяки, откомандированные для производства верстанія въ самой Москвѣ или къ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ, получали въ Разрядѣ именные списки подлежавшихъ верстанію служилыхъ людей, старыя десятни, служебные списки, вообще всѣ тѣ документы, которые возстановляли служебную карьеру извѣстнаго служилаго общества, опредѣляли его служебную ревность и готовность [1]). Съ другой стороны, въ царскомъ указѣ и грамотѣ о производствѣ верстанія опредѣлялись maximum и minimum окладовъ и число статей, на которыя должны быть распредѣлены эти оклады, напримѣръ: «со шти сотъ четьи и нижъ того на одинадцать статей, меньшія статьи на 100 четьи», или «... первую статью по триста четьи и нижъ того на пять статей, а пятую статью по сту четьи». Сущность процесса верстанія и заключалась въ распредѣленіи по этимъ рубрикамъ наличнаго количества явившихся къ верстанію служилыхъ людей, сообразно даннымъ старыхъ десятенъ и служебныхъ списковъ и экспертизѣ окладчиковъ.

На смотръ, къ верстанію, обыкновенно являлись служилые люди съ служебной годностью самыхъ различныхъ качествъ: являлись старики, которыхъ надо было уволить отъ службы, а взамѣнъ ихъ устроить помѣстьями ихъ дѣтей; являлись люди, уже прослужившіе болѣе или менѣе продолжительное время; требовалось провѣрить ихъ служебную годность и въ случаѣ измѣненія этой годности сдѣлать соотвѣтствующее измѣненіе въ ихъ окладахъ; являлись, наконецъ, служилые и неслужилые новики, владѣвшіе прожиточными помѣстьями или совершенно безпомѣстные; ихъ надо было или по-

[1]) См. предисловія къ десятнямъ у г. Сторожева, особенно къ №№ 6 и 8; А. М. Г., I, № 41.

верстать съ прожиточныхъ помѣстій или «припустить» къ отцовскимъ помѣстьямъ или, наконецъ, надѣлить самостоятельными помѣстьями «въ отводъ».

Отставка отъ службы людей старыхъ или увѣчныхъ обыкновенно производилась во время смотровъ и верстаній. Служилый человѣкъ могъ самъ бить челомъ объ отставкѣ, явившись къ смотру; такой случай сообщаетъ одна изъ новгородскихъ помѣстныхъ грамотъ [1]). По десятнямъ второй половины XVI в. отставка извѣстной группы лицъ изъ числа явившихся къ смотру являлась результатомъ осмотра ихъ лицами, производящими верстаніе, и согласно съ показаніями окладчиковъ. Обычными мотивами отставки были: старость, болѣзнь, худоба, т. е. крайнее обнищаніе, воровство или преступная нерадивость по службѣ. Но всѣ эти вольные и невольные недостатки только тогда служили причинами формальной отставки служилаго человѣка, когда, благодаря имъ, онъ переставалъ служить фактически, когда окладчики про него сказывали, что онъ «не служитъ, отъ службы отбылъ и впередъ служити нечѣмъ и въ посылкахъ не живетъ». Сохранившихъ же кое-какія способности къ службѣ перечисляли въ низшіе разряды служилыхъ людей, напримѣръ, осадныхъ. Осмотръ во время верстанія производился, видимо, очень строго: оставлялись на службѣ даже такіе плохіе служаки, старые и больные, за которыхъ никто не хотѣлъ ручаться, про которыхъ окладчики сказывали, что «впередъ служити имъ немочно» [2]). Этотъ осмотръ не всегда былъ возможенъ. Обыкновенно служилое общество какого-нибудь города являлось къ смотру и верстанію далеко не въ полномъ составѣ, въ какомъ оно числилось по старымъ десятнямъ и служилымъ спискамъ: одни получали формальную отставку по своимъ частнымъ челобитьямъ въ промежутокъ между двумя общими верстаніями, другіе не могли явиться по старости и болѣзни, третьи успѣли бросить службу «воровствомъ», разбрестись и совсѣмъ пропасть безъ вѣсти. Дальнѣйшее положеніе всѣхъ этихъ, не явившихся къ смотру, лицъ должно было опредѣляться уже исключительно «по окладчиковымъ сказкамъ». Но давать отставку неявившимся къ смотру на основаніи только показаній объ нихъ окладчиковъ правительство не рѣшалось. По крайней мѣрѣ въ десятняхъ XVI в. мы не встрѣтили этому примѣровъ. Въ десятняхъ, вновь составляемыхъ, содер-

[1]) Д. А. И., № 52, VII.

[2]) Сторожевъ, Десятни, стр. 78 и слд., 123—125, 316—317, 335, 418 и слѣд.

жащихъ въ себѣ результаты смотра и верстанія, при именахъ «нѣтчиковъ» только отмѣчались показанія окладчиковъ. Иногда въ десятнѣ составлялась особая рубрика, въ которую вносились всѣ тѣ, которые «по окладчиковѣ сказкѣ изъ государевы службы выбыли»; но выбыть изъ службы еще не значило получить формальную отставку [1]). Такъ какъ смотры при верстаніяхъ были единственными вѣрными средствами контролировать служебную годность человѣка, то правительство очень строго относилось къ нѣтству на смотрахъ; неявка къ смотру и верстанію разсматривалась какъ неявка къ службѣ, потому что, дѣйствительно, какъ мы видѣли, смотръ и верстаніе предшествовали непосредственно назначенію извѣстнаго отряда въ дальній походъ или къ исполненію мѣстной службы; не пріѣхать къ смотру значило не начать въ срокъ службы. Поэтому правительство строго карало такихъ нѣтчиковъ. Напримѣръ, дѣти боярскіе ряшане, которые «у смотру и у верстанья у боярина у князя Никиты Романовича Трубецкого да у дьяка у Сапуна Аврамова 102 году не были, а иные пріѣхавъ, не дождався верстанья, съ Москвы збѣжали, и за то выкинуты были изъ службы вонъ...» [2]), но временно; черезъ два года они снова были испомѣщены изъ порозжихъ земель и изъ лишковъ и изъ дикаго поля. Такимъ образомъ первая задача процесса верстанія заключалась въ томъ, чтобы освободить извѣстное служилое общество, явившееся къ смотру, отъ элементовъ совершенно негодныхъ.

Далѣе, предстояло провѣрить служебную годность старослужилыхъ и сообразно происшедшимъ измѣненіямъ повысить или понизить ихъ помѣстные оклады. Эта вторая задача рѣшалась различно, сообразно потребностямъ мѣста и времени. Иногда помѣстный окладъ просто повышался или понижался, сообразно измѣненію индивидуальной служебной годности человѣка; иногда это измѣненіе оклада связывалось съ переводомъ въ другой родъ службы. Во время смотра и верстанья въ Москвѣ въ 1594 г. дѣти боярскіе ряшане были раздѣлены на нѣсколько отрядовъ по роду службы. Такъ какъ для несенія полковой службы выбраны были лучшіе служаки, то въ этомъ отрядѣ встрѣчаемъ нѣсколько случаевъ прибавки оклада и ни одного случая убавки. Во второмъ, низшемъ отрядѣ, предназначенномъ для службы «съ пищальми», оклады убавлены уже у многихъ дѣтей боярскихъ; можетъ быть, они были

1) См. предыд. цитаты.

2) Сторожевъ, Десятни, 352, 391, 401, 423.

переведены въ пищальную службу изъ полковой. Наконецъ, самый низшій разрядъ составили дѣти боярскіе, назначенные въ осадную службу; сюда были перечислены старые и худые дѣти боярскіе изъ полковыхъ; оклады у нихъ были обрѣзаны до 20 четей. Во всѣхъ этихъ случахъ прибавки и убавки окладовъ производились на основаніи показаній окладчиковъ: прибавлялись оклады тѣмъ, кого окладчики аттестовали, какъ «службою добрыхъ» или «добрѣ добрыхъ», убавлялись оклады у старыхъ и службою худыхъ [1]). На смотру тѣхъ же дѣтей боярскихъ ряшанъ въ 1597 г. на Москвѣ рѣшающее значеніе при убавкѣ окладовъ имѣлъ личный осмотръ служилыхъ людей боярами, а не показанія окладчиковъ. Очень многіе старые, худые и больные, о которыхъ окладчики говорили, что они не служатъ и впредь имъ служить нечѣмъ, послѣ осмотра боярами назначены были въ осадную и пищальную службу съ мелкими окладами въ 50—20 четей [2]). Такъ прибавкой или убавкой помѣстныхъ окладовъ устанавливалось равновѣсіе между службой и землевладѣльческими правами извѣстнаго служилаго общества впредь до слѣдующаго смотра и верстанія.

Наконецъ, третьей, самой важной и сложной задачей помѣстнаго верстанія было опредѣленіе на службу и обезпеченіе окладами новаго, молодаго контингента служилыхъ людей, новиковъ. По отношенію къ различнымъ разрядамъ новиковъ и пріемы верстанія были различны. Наименѣе затрудненій встрѣчало, конечно, надѣленіе окладами новиковъ, уже служившихъ съ прожиточныхъ помѣстій. Такъ какъ новики служили неверстанными иногда лѣтъ по 10, то этотъ болѣе или менѣе продолжительный служебный опытъ достаточно выяснялъ степень ихъ боевой подготовки и давалъ твердое основаніе для поверстанія ихъ окладами. На болѣе шаткихъ основаніяхъ должно было производиться верстаніе неслужилыхъ новиковъ съ прожиточныхъ помѣстій. Тогда какъ служебная карьера служилыхъ новиковъ могла быть провѣрена по старымъ десятнямъ и служебнымъ спискамъ, единственнымъ пріемомъ при верстаніи новиковъ неслужилыхъ оставался личный осмотръ и показанія окладчиковъ, «кто каковъ отечествомъ и службою и прожитки, и кто въ которую статью пригодится и государева служба ему впередъ служити мочно ль», или короче, «кто кому отечествомъ и службою въ версту» [3]). Вѣроятно, въ боль-

[1]) Сторожевъ, Десятни, № 9.

[2]) Ibid., стр. 418 и слѣд.

[3]) Предисловія къ десятнямъ XVI в. у Сторожева; А. М. Г., I, №№ 40, 41. 43, 44.

шинствѣ случаевъ минимумъ оклада для новика былъ размѣръ его прожиточнаго помѣстья, только выраженный ближайшей круглой цифрой, какими обыкновенно выражались помѣстные оклады. Новикъ, естественно, прежде всего долженъ былъ оправдать службой владѣніе прожиточнымъ помѣстьемъ и затѣмъ уже мало по малу добиваться повышенія окладовъ. Неясенъ одинъ случай верстанія прожиточныхъ новиковъ. Въ 1601 г. верстали новиковъ, дѣтей боярскихъ новгородцевъ, псковичей, торопчанъ, холмичей, пусторжевцевъ, лучанъ и невлянъ, на пять статей, съ 300 до 100 четей; при этомъ «за которыми новики помѣстья больши 150 четей, и тѣхъ новиковъ помѣстьи не верстали» [1]). Можетъ быть, въ данномъ случаѣ правительство, не довѣряя личному осмотру новиковъ, желало провѣрить ихъ службу на опытѣ и потомъ уже поверстать въ качествѣ служилыхъ новиковъ.

Болѣе сложной операціей было верстаніе «въ припускъ» и «въ отводъ» новиковъ при жизни отцовъ. «Припускъ» въ отцовское помѣстье и верстанье «въ отводъ» вмѣстѣ съ дачей части помѣстья «на прожитокъ» послужили основой, на которой развилось наслѣдственное право въ области помѣстнаго землевладѣнія. Эти операціи тѣсно связаны съ естественнымъ стремленіемъ каждаго помѣщика передать свое помѣстье по наслѣдству. Точка зрѣнія правительства на участіе сыновей въ помѣстномъ владѣніи отца была высказана впервые коротко и ясно въ указѣ 1550 г. объ избранной тысячѣ: «а который по грѣхамъ изъ тое тысячи вымретъ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится, ино въ того мѣсто прибрать иного». Такимъ образомъ указъ 1550 г. предусмотрѣлъ только одинъ случай полученія человѣкомъ, способнымъ къ службѣ, отцовскаго помѣстья, именно смерть отца. Но практика уже ставила и разрѣшала и другіе возможные случаи: напримѣръ, участіе сыновей въ помѣстномъ владѣніи при жизни отца, совмѣстное владѣніе нѣсколькихъ братьевъ однимъ помѣстьемъ. Такіе, именно, случаи встрѣчаются въ одномъ изъ отрывковъ писцовыхъ книгъ 20-хъ годовъ XVI в. [2]). Первую же правительственную регламентацію помѣстныхъ отношеній сыновей при жизни и по смерти отцовъ находимъ въ извѣстномъ драгоцѣнномъ собраніи новгородскихъ грамотъ 50-хъ годовъ XVI в. Положеніе сына помѣщика, достигшаго необходимаго для службы пятнадцати-

[1]) А. М. Г., I, № 40.

[2]) Рум. М., Сборникъ Бѣляева № 1620, Записная книга актамъ московской митрополіи, л. 3 об. и слд.

лѣтняго возраста, ставшаго новикомъ, опредѣлялось двоякимъ образомъ: онъ или «припускался» въ помѣстье къ отцу или верстался «въ отводъ», т. е. получалъ часть отцовскаго помѣстья или совершенно особое помѣстье изъ порозжихъ земель. Примѣненіе того или другаго способа обусловливалось, главнымъ образомъ, числомъ сыновей у помѣщика. Единственный сынъ, достигнувъ служебнаго возраста, становился сначала совладѣльцемъ отца въ его помѣстьѣ, а потомъ наслѣдникомъ. При многочисленной семьѣ сыновья одинъ за другимъ, подростая, припускались въ помѣстье къ отцу, и когда обнаруживалась невозможность обезпечить службу всѣхъ сыновей помѣстьемъ отца, тогда старшій сынъ верстался въ отводъ, получалъ отдѣльное помѣстье. Такова была общая схема наслѣдованія помѣстій, насколько представляютъ ее новгородскія грамоты. Разумѣется, что благодаря неустойчивости правовыхъ нормъ помѣстнаго владѣнія, благодаря массѣ случайностей, какимъ подвергалось въ XVI в. служебное и владѣльческое положеніе каждаго служилаго человѣка, эта схема при своемъ практическомъ примѣненіи терпѣла частыя и сильныя нарушенія. Приведемъ изъ тѣхъ же новгородскихъ грамотъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ измѣненій во владѣльческомъ положеніи служилаго человѣка, которыя создавались указанными выше принципами наслѣдованія отцовскихъ помѣстій. Припускомъ совершеннолѣтняго сына въ помѣстье къ отцу установлялась не только общность фактическаго пользованія, но и раздѣльность юридическаго владѣнія. Отецъ и припущенные къ нему сыновья становились равноправными владѣльцами каждый въ своей части, выти. Припускъ былъ формальнымъ актомъ, совершавшимся во время верстанія, которому могла часто предшествовать нерегламентированная правительствомъ служба съ отцовскаго помѣстья, обезпеченная единственно фактическимъ пользованіемъ доходами съ отцовскаго помѣстья. Припускомъ же въ сущности производился раздѣлъ помѣстья и, что особенно любопытно, раздѣлъ равный: отецъ не имѣлъ никакого преимущества передъ сыновьями, получалъ одинаковую съ ними долю. Новгородскія грамоты сохранили нѣсколько примѣровъ совмѣстнаго верстанія отца и сыновей:

Отецъ и 2 сына; всего за ними $22^1/_2$ обжи; каждому—$7^1/_2$ обжей.
Отецъ и 2 сына; всего за ними 39 обежъ: каждому—13 обжей.
Отецъ и 3 сына; всего за ними 25 обежъ; каждому—$6^1/_4$ обжи.
Отецъ и сынъ; всего за ними $21^1/_2$ обжи; каждому $10^3/_4$ обжи [1].

[1]) Д. А. И., стр. 88, 94, 99, 103.

Послѣ раздѣла помѣстья между отцомъ и дѣтьми, между братьями, каждый изъ нихъ становился юридически самостоятельнымъ владѣльцемъ своей выти. По смерти одного изъ совладѣльцевъ его выть отписывалась на государя и поступала въ раздачу совершенно постороннимъ помѣщикамъ, отдѣлялась цѣликомъ или частью на прожитокъ вдовѣ и дѣтямъ; если же возвращалась во владѣніе братьевъ, владѣльцевъ другихъ вытей того же помѣстья, то лишь по особому съ ихъ стороны челобитью [1]).

Опредѣленнаго порядка для отвода, т. е. для полученія самостоятельнаго помѣстья, въ XVI в., судя по новгородскимъ грамотамъ, еще не было выработано. Подобно припуску и отводъ совершался каждый разъ по особому челобитью служилаго человѣка, стремившагося пріобрѣсти независимое владѣльческое положеніе. По общимъ условіямъ полученія помѣстья въ XVI в. хлопотать объ отводѣ могли только тѣ изъ сыновей помѣщика, которые уже доказали свою служебную годность, т. е. старшіе сыновья, а не младшіе, только что достигшіе служебнаго возраста. Правильнаго соотвѣтствія между отведеннымъ помѣстьемъ и той частью отцовскаго помѣстья, какая приходилась на долю отводимаго сына совмѣстно съ его братьями, быть не могло, такъ какъ отводъ именно и вызывался невозможностью дробить отцовское помѣстье на такіе мелкіе куски, которые не были уже въ состояніи обезпечивать службу [2]).

Хотя въ раздѣленномъ помѣстьѣ умершаго помѣщика его сыновья наслѣдники и являются каждый самостоятельнымъ владѣльцемъ, однако они всячески стараются сохранить его цѣлость въ своемъ совмѣстномъ владѣніи, перенося на помѣстье традиціи родоваго владѣнія. Выморочную долю умершаго брата, прожиточный участокъ матери или сестры братья помѣщики всегда стараются сохранить въ своемъ родовомъ владѣніи, хлопоча о дачѣ этихъ свободныхъ участковъ или имъ самимъ въ придачу, или ихъ младшимъ братьямъ, поспѣвшимъ въ службу. Придача большею частью дѣлилась поровну между братьями [3]).

Итакъ, когда же служилый человѣкъ фактически могъ получить помѣстье дѣйствительно «по отечеству»? Изъ изложеннаго порядка наслѣдованія видно, что возможность фактическаго полученія отцовскаго помѣстья въ полномъ его объемѣ открывалась въ тѣхъ только

[1]) Ibidem.
[2]) Д. А. И., I, стр. 85—86, 99, 103, 111, 114, 116—117.
[3]) Ibid., стр. 86, 87, 89, 90, 94, 100, 102.

сравнительно немногочисленныхъ случаяхъ, когда у служилаго человѣка по смерти отца не оставалось ни братьевъ, которыхъ онъ долженъ былъ припустить къ себѣ въ помѣстье для службы, ни матери или сестеръ, которымъ онъ обязанъ былъ выдѣлить извѣстные участки на прожитокъ. Опредѣленный порядокъ «припуска» и «отвода» сложился окончательно во второй половинѣ XVI в. или въ началѣ XVII-го. Отчетливо его разъясняетъ инструкція о верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ въ 7136 г. По этой инструкціи верстанье въ отводъ опредѣлялось объемомъ помѣстья и числомъ сыновей помѣщика. При помѣстьѣ въ 600 — 350 четей двое сыновей остаются при отцѣ, остальные верстаются отдѣльно. Если только одинъ сынъ взрослый и годится въ службу, а младшіе еще недоросли, то старшій верстается въ отводъ, «а меньшимъ дѣтемъ ждать отцова помѣстья». При помѣстьяхъ въ 350 — 100 четей только одинъ остается при отцѣ, остальные верстаются отдѣльно. Совершенно такой же порядокъ былъ принятъ и при верстаніи новиковъ съ прожиточныхъ помѣстій: на большихъ помѣстьяхъ оставались по два брата, на малыхъ по одному, остальные верстались въ отводъ, «чево стоятъ». Если 2 — 3 брата сразу всѣ били челомъ о верстаньѣ съ прожиточныхъ помѣстій четей въ 300—100, ихъ также разрѣшено было верстать всѣхъ сразу, «чево стоятъ» [1]).

Больше всего хлопотъ доставляло верстаніе новиковъ безпомѣстныхъ и безвотчинныхъ. Правительство строго слѣдило и въ инструкціяхъ предписывало, чтобы среди верстаемыхъ «не было худыхъ, которыхъ впередъ въ службу не будетъ, и поповыхъ, и мужичьихъ дѣтей, и холопей боярскихъ, и слугъ монастырскихъ». При этомъ требованіи верстать на службу только служилыхъ отцовъ дѣтей наличность помѣстья или вотчины была лучшимъ средствомъ прослѣдить служебное родословіе человѣка, его отечество и давало прочное основаніе для опредѣленія его служебной годности. Для оцѣнки же новиковъ безпомѣстныхъ и безвотчинныхъ надо было провѣрять ихъ личный осмотръ болѣе окольными путями, «сыскивати окладчики дѣтьми боярскими городы, какіе они люди, и изъ которыхъ городовъ отцы ихъ служили, и гдѣ отцовъ ихъ помѣстья, да по сыску тѣхъ новиковъ поверстати жъ, чево стоятъ» [2]).

Наконецъ, послѣдней группой лицъ, землевладѣльческое поло-

[1]) Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1895 г., кн. 4, стр. 3—4.

[2]) Ibid., стр. 4; А. М. Г., I, № 40.

женіе которыхъ опредѣлялось на общихъ смотрахъ и верстаніяхъ, были недоросли. Свѣдѣнія о нихъ, объ ихъ возрастѣ и прожиточныхъ помѣстьяхъ, собирались, конечно, черезъ окладчиковъ и вносились въ десятни подъ особой рубрикой, напр.: «недоросли съ отцовскихъ помѣстей, а какъ будутъ въ 15 лѣтъ, и имъ съ тѣхъ отцовскихъ помѣстей служить» [1]). Эти свѣдѣнія давали извѣстныя основанія для верстанія новиковъ при послѣдующихъ смотрахъ.

Итакъ, «верстаніе» уже во второй половинѣ XVI в. получило очень широкое и опредѣленное значеніе, сдѣлалось средствомъ контролировать правильное взаимоотношеніе землевладѣнія и службы. Верстаніе не только устраивало эти отношенія вновь, для поколѣній, впервые вступавшихъ на службу, но оно провѣряло и измѣняло установившіяся раньше отношенія съ точки зрѣнія измѣнившихся потребностей службы. Создавъ довольно стройную организацію верстанія, правительство XVI в. не успѣло, однако, превратить его въ постоянную и повсемѣстную систему контроля надъ правильнымъ соотношеніемъ помѣстнаго землевладѣнія и службы. Главнымъ недостаткомъ помѣстнаго верстанія въ XVI в. было отсутствіе періодичности и повсемѣстности. Этотъ недостатокъ только отчасти исправлялся иниціативой самого служилаго общества и отдѣльныхъ лицъ, которыя со своей стороны указывали правительству назрѣвшую потребность верстанія въ тѣхъ случаяхъ, когда само правительство еще не сознавало этой потребности. Такъ какъ верстанье вызывалось потребностями службы, такъ какъ землевладѣльческія нормы устанавливались исключительно тѣми же потребностями службы, то и организація верстаній всецѣло входила въ сферу военной администраціи, въ вѣдѣніе Рязряда: тамъ составлялись инструкціи для производства верстаній, хранились старыя десятни, верстальные и служебные списки и книги; разрядные дьяки отряжались на помощь боярамъ, производившимъ верстанья.

2.

Верстаніе устанавливало лишь идеальное отношеніе службы къ помѣстному владѣнію. Обязанность произвести въ поземельномъ положеніи служилаго человѣка тѣ измѣненія, которыя требовались установленнымъ отношеніемъ, была отнесена на долю другаго акта, принадлежавшаго къ другой сферѣ государственной администраціи.

[1]) Сторожевъ, Десятни, стр. 81, 122, 351.

Не сохранилось такихъ писцовыхъ книгъ и другихъ источниковъ, которые бы рисовали порядокъ испомѣщенія параллельно десятнямъ и верстальнымъ записямъ; очень трудно поэтому опредѣлить, въ какихъ случаяхъ испомѣщеніе слѣдовало непосредственно за верстаніемъ, когда оно отлагалось на болѣе или менѣе продолжительное время. Опредѣленнаго порядка въ этомъ отношеніи, надо думать, и не существовало, и необходимость испомѣщенія, какъ и верстанія, опредѣлялась каждый разъ особо извѣстными потребностями времени, извѣстнаго служилаго общества или отдѣльнаго лица. Хорошо извѣстна та общая характерная черта положенія помѣстнаго класса, что служилый человѣкъ рѣдко владѣлъ помѣстьемъ въ размѣрѣ полнаго оклада, что помѣстные оклады исполнялись постепенно. Слѣдовательно, между обоими актами, верстаніемъ и испомѣщеніемъ, какъ исполненіемъ оклада, долженъ былъ протекать болѣе или менѣе значительный и неопредѣленный промежутокъ времени.

Въ порядкѣ испомѣщенія, какъ и верстанія, также надо различать двѣ инициативы: правительственную и частную. Первая обусловливалась необходимостью массоваго испомѣщенія безпомѣстныхъ служилыхъ людей на мѣстахъ ихъ постоянной службы или уже имѣвшихъ помѣстья на мѣстахъ новой службы въ дополненіе къ ихъ старымъ дачамъ. Частная инициатива отдѣльныхъ лицъ возбуждалась обыкновенно несоотвѣтствіемъ помѣстной дачи съ окладомъ и возможностью «исполнить окладъ» изъ пріисканныхъ гдѣ-нибудь служилымъ человѣкомъ порозжихъ земель. Разсмотримъ порядокъ испомѣщенія отдѣльно въ каждомъ изъ указанныхъ двухъ случаевъ.

При одновременныхъ групповыхъ испомѣщеніяхъ въ XVI в. очень рѣдко случалось, чтобы испомѣщаемые сразу получили дачи въ полномъ размѣрѣ своихъ окладовъ. Но и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ полнаго одновременнаго испомѣщенія оклады наполнялись безразлично такими землями, которыя иногда само правительство не рѣшалось считать настоящими помѣстными, напримѣръ, дикимъ полемъ. Такимъ способомъ испомѣщены были дѣти боярскіе въ Епифанскомъ уѣздѣ въ 1571—72 г. въ вотчинѣ князя Мстиславскаго. По государеву наказу, имъ велѣно было учинить помѣстья въ половину окладовъ культурной землей, а въ другую дикимъ полемъ. Многіе дѣти боярскіе дѣйствительно получили помѣстья сполна по своимъ окладамъ, но предписанная разница не была строго соблюдена. И та половина оклада, которую надо

было дать культурной землей, была перемѣшана съ дикимъ полемъ [1]).

Когда же въ распоряженіи правительства не оказывалось достаточнаго количества земли для предположеннаго полнаго испомѣщенія извѣстной группы служилыхъ людей, и оно не принимало при этомъ какого-нибудь особаго порядка испомѣщенія, рѣшительно невозможно установить тѣхъ общихъ правилъ, по какимъ производилась разверстка наличнаго количества земли по окладамъ испомѣщаемыхъ. Такъ, напр., въ концѣ XVI в. предположено было испомѣстить служилыхъ людей царя Симеона Касаевича въ Звенигородскомъ уѣздѣ, всего 2 бояръ и 172 дѣтей боярскихъ. Изъ нихъ совсѣмъ были устранены отъ испомѣщенія 1 бояринъ и 50 человѣкъ дѣтей боярскихъ по недостатку слѣдуемыхъ въ ихъ оклады 4440 четей доброю землей. Изъ прочихъ сполна были испомѣщены 1 бояринъ и 32 человѣка дѣтей боярскихъ. Правильнаго распредѣленія лицъ, сполна испомѣщенныхъ, по разрядамъ дворовыхъ, городовыхъ и новиковъ и по статьямъ въ каждомъ разрядѣ совершенно незамѣтно. Точно также не видно правильной и равномѣрной разверстки помѣстной земли и между тѣми, которые были испомѣщены не сполна [2]).

Болѣе обычнымъ, повидимому, способомъ одновременнаго и массоваго испомѣщенія при недостаткѣ земли была раздача помѣстій въ половину окладовъ. Такой способъ находимъ на югѣ, въ Веневѣ, на востокѣ, въ Казани. Но и въ этомъ случаѣ приходилось иногда прибѣгать къ суррогатамъ помѣстной земли, замѣнять ее въ извѣстной мѣрѣ дикимъ полемъ, пашеннымъ лѣсомъ, разными угодьями и доходными статьями. Въ Веневскомъ уѣздѣ въ 1571—72 г. были испомѣщены въ половину окладовъ служилые люди по письму князя Ив. Вас. Масальскаго съ товарищи, хотя по смыслу государева наказа ихъ велѣно было испомѣстить сполна по половинамъ, «половину пашенные земли, а другую половину дикаго поля». Подобно тому, какъ было сдѣлано въ Епифани, половина окладовъ исполнялась и культурной землей и дикимъ по-

[1]) Писц. кн., II, 1584 и слѣд. Подобнымъ же образомъ при испомѣщеніи новгородцевъ въ Полоцкомъ повѣтѣ въ 1571 г. недостающее до полнаго размѣра оклада количество пашенной земли замѣнялось соотвѣтствующимъ числомъ десятинъ непашеннаго лѣса. Напр.: «и не дойдетъ въ его окладъ пашенные земли 329 четьи, и дано ему противъ пашенные земли мѣсто лѣсу пашеннаго 164 десятины съ полудес., а четвертей 329, и окладъ его на 500 четьи учиненъ сполна. Ibid., стр. 540 и слѣд.

[2]) Писц. кн., I, 728–730.

лемъ, а лишекъ дикаго поля сверхъ половины оклада зачислялся въ другую половину и выкладывался изъ сошнаго письма [1]).

Своеобразный порядокъ испомѣщенія въ половину окладовъ принятъ былъ въ Казанской области. Здѣсь въ 1566—67 г. разнымъ служилымъ людямъ раздавали помѣстья въ половину окладовъ окольничій Ник. Вас. Борисовъ и Дм. Кикинъ, «разверставъ всѣхъ равно, а по скольку четей тѣ ихъ половины окладовъ поверстались во 100 четей пашенные земли и перелогу и зарослей и дубровы пашенныхъ, и то писано въ ихъ книгахъ». Этой разверсткой стремились достигнуть болѣе или менѣе равномѣрнаго распредѣленія между помѣщиками пашенной и разныхъ рязрядовъ непашенной земли. Въ чемъ именно состоялъ процессъ разверстки, показываютъ слѣдующіе примѣры. Первый казанскій воевода бояринъ князь П. А. Булгаковъ долженъ былъ получить по разверсткѣ помѣстье въ 500 четей, т. е. въ половину своего оклада. Всего ему было отрѣзано земли: пашни доброй 301 четь, перелогу 60 четей, заросли и дубровы 115 десятинъ, и кромѣ того къ его помѣстью по государеву указу была приписана оброчная мельница «за пашенную землю за 60 четей»; итого князю Булгакову отведено было 651 четь всякой земли. Посредствомъ разверстки и одобриванія это количество приравнено было пятистамъ четямъ доброй земли. Разверстка была произведена слѣдующимъ образомъ: «во всякое 100 четей» оклада отдѣлено было 58 четей доброй пашни, всего 290 четей; слѣдовательно, вмѣстѣ съ оброчной мельницей у князя Булгакова оказалось лишка 71 четь; это количество дано было ему въ дополненіе къ пашенной землѣ. Далѣе перелогъ въ 60 четей, заросли и дуброва пашенная въ 99 десятинъ помѣчены были за пашенную землю, перелогъ въ полтора раза, заросли и дуброва вдвое. Итакъ, въ результатѣ получилось: 290 четей пашни доброй по разверсткѣ + 11 чт. лишка + 60 чт. мельничнаго оброка + 40 чт. перелогу + 99 чт. заросли и дубровы = 500 чт. [2]). Приведемъ еще примѣръ испомѣщенія втораго казанскаго воеводы, князя Гр. Андр. Булгакова, которому по государевой грамотѣ и верстальному списку велѣно было дать помѣстье въ половину оклада, въ 450 четей. Всего ему было отдѣлено: пашни доброй 226 чт., средней 50, а за добрую 40, перелогу 33 чети, заросли и дубровы 110 десятинъ, да рыбное озеро, помѣченное за добрую пашню,

[1]) Ibidem, II, 1537 и слд.

[2]) Арх. Мин. Юст., кн. 152, лл. 137 и слѣд.

за 52 чети. На каждыя 100 четей оклада положено было по разверсткѣ 58 четей доброй пашни, всего 261 четь. Вмѣстѣ съ рыбнымъ оброкомъ, что данъ за пашню, перешло всего сверхъ оклада 57 четей, которыя были даны въ дополнокъ къ пашнѣ. 33 чети перелогу и 110 десятинъ заросли и дубровы учинены по извѣстной уже намъ системѣ одобриванія за добрую землю, 132 чети. Въ результатѣ получился назначенный окладъ, 450 четей доброю землею [1]). Не всегда, впрочемъ, при разверсткѣ на каждыя 100 четей оклада клалось по 58 четей доброй пашни; встрѣчаемъ иногда цифры 55, 56, 57. Подобный же способъ испомѣщенія въ половину окладовъ съ разверсткой доброй пашенной земли примѣненъ былъ и въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ 1566—67 г., гдѣ испомѣщеніе и разверстку производили тѣ же лица, окольничій Ник. Вас. Борисовъ и Дм. Андр. Кикинъ. Точно также на каждыя 100 четей оклада отдѣлялось извѣстное количество доброй пашни, но невсегда одинаковое, отъ 53 до 48 четей; недостающее же количество пашни пополнялось перелогомъ, дикимъ полемъ, зарослью и дубровой, перечисляемой по системѣ одобриванія съ наддачей. Излишекъ оставлялся за помѣщикомъ до государева указа [2]). Но и при этомъ способѣ испомѣщенія съ разверсткой доброй пашенной земли главная цѣль, равномѣрное распредѣленіе разнокачественныхъ земель, не всегда достигалась: въ однихъ случаяхъ, мы видѣли, излишекъ доброй пашенной земли не только оставлялся за помѣщикомъ до государева указа, но даже зачислялся въ его окладъ, въ другихъ недостающее количество этой земли замѣнялось дикой, некультурной землей, хотя и въ увеличенномъ размѣрѣ. Но даже сокращая вдвое количество земли, требуемое для одновременнаго испомѣщенія извѣстной группы служилыхъ людей, правительство не всегда находило его. На югѣ выручало еще изобиліе дикаго поля. Поэтому въ Веневскомъ уѣздѣ въ 1572 г. дѣтямъ боярскимъ не только половина оклада учинена была сполна пашней и дикимъ полемъ, но «за мѣрою перешло у нихъ дикаго поля у тѣхъ же селъ и деревень 2770 чети, и то дикое поле дано имъ же въ другую половину ихъ окладовъ» [3]). Въ другихъ же областяхъ, гдѣ не было подъ руками такого неисчерпаемаго рессурса, какъ дикое поле, правительство не всегда имѣло возможность удовлетворить сразу помѣщиковъ даже въ половину окладовъ. Такъ въ Казани по от-

[1]) Ibid., лл. 138—140.
[2]) Арх. Мин. Юст., кн. 432, лл. 178—270 об.
[3]) Писц. кн., II, 1579.

дѣлу 7075 г. по верстальному списку и по грамотамъ велѣно было учинить служилымъ людямъ въ половину ихъ окладовъ 8300 четей, и не хватило 604 четей съ осминой [1]). Недостатокъ свободныхъ земель при испомѣщеніи извѣстнаго отряда служилыхъ людей заставлялъ не только сокращать помѣстныя дачи вдвое, втрое или вчетверо противъ окладовъ, но и ограничиваться выдѣломъ небольшихъ участковъ «на усадища», а нѣкоторымъ служилымъ людямъ и совсѣмъ отказывать въ испомѣщеніи до пріисканія свободныхъ земель. Напримѣръ, въ 1577 г. оказалось, что изъ 168 дѣтей боярскихъ путивльцевъ и рылянъ совсѣмъ не получили помѣстій 99 человѣкъ; остальные были «испомѣщены по окладамъ не сполна, иные вполы, а иные въ третей и въ четвертой жеребей, а инымъ дано на усадища не помногу» [2]).

Получивъ совмѣстно со своими товарищами помѣстье въ размѣрѣ части, рѣдко половины, оклада, помѣщикъ могъ постепенно наполнять свой окладъ различными путями. Онъ могъ лично розыскивать пососѣдству порозжія помѣстья и хлопотать о выдачѣ ему изъ нихъ извѣстнаго участка [3]). Иногда во время переписи какого-нибудь уѣзда писцы, согласно инструкціи, порозжія земли отдавали въ помѣстья недостаточнымъ помѣщикамъ сосѣдняго уѣзда. Такъ, напримѣръ, въ 1571—72 г. по письму князя Масальскаго дѣти боярскіе каширяне и туляне пополнили свои оклады изъ порозжихъ земель и дикаго поля Веневскаго и Епифановскаго уѣздовъ. Наконецъ, достиженіе полнаго оклада зависѣло и отъ служилой карьеры помѣщика. Попавъ на продолжительную или постоянную службу въ другую мѣстность, служилый человѣкъ часто получалъ тамъ помѣстье въ дополненіе къ тому, которое онъ имѣлъ на мѣстѣ прежней службы. Вслѣдствіе частыхъ войнъ въ XVI в. происходило и постоянное передвиженіе военныхъ силъ государства изъ центра къ окраинамъ и обратно. Разумѣется, что не всякое передвиженіе служилыхъ людей изъ одной области въ другую вело за собой и придачу имъ новыхъ помѣстій. Испомѣщеніе на мѣстѣ новой службы производилось только тогда, когда имѣлось въ виду удержать переведенныхъ на болѣе продолжительное время и даже навсегда, особенно съ цѣлями политическо-колонизаторскими. Такъ въ концѣ XV в. служилые люди московскаго государя поселены были въ Новгородской области на зем-

[1]) Арх. Мин. Юст., кн. 152, л. 190 об.

[2]) А. М. Г., I, № 21. Объ отдѣлѣ земель на усадища, Сторожевъ, Десятни, стр. 344.

[3]) Рус. Ист. Библ., V, № 2.

ляхъ сведенныхъ новгородцевъ, въ половинѣ XVI в. лучшіе служаки, составившіе ядро центральнаго военнаго корпуса, были разсажены вокругъ Москвы, не потерявъ своихъ провинціальныхъ вотчинъ и помѣстій. Типическій примѣръ раздачи московскимъ военнымъ людямъ помѣстій въ новозавоеванной области, въ дополненіе къ ихъ помѣстнымъ дачамъ на мѣстахъ прежней службы, представляютъ писцовыя книги Полоцкаго повѣта семидесятыхъ годовъ, тотчасъ послѣ завоеванія Полоцкой области. Большинство испомѣщенныхъ здѣсь служилыхъ людей владѣли уже помѣстьями въ Новгородской области и въ сосѣднемъ съ Полоцкою областью Невельскомъ уѣздѣ. Въ какой же мѣрѣ пополнили эти новыя дачи ихъ помѣстные оклады? По письму 1570 г. розданы были помѣстья въ Полоцкой области дѣтямъ боярскимъ невельскимъ помѣщикамъ. Всѣ они съ окладами отъ ста до четырехсотъ четей владѣли въ Невельскомъ уѣздѣ лишь небольшими помѣстьями отъ 16 до 83 четей. Но и послѣ испомѣщенія въ Полоцкой области исполненіе ихъ окладовъ подвинулось не особенно далеко. Ни у одного изъ нихъ помѣстная дача совмѣстно въ Полоцкѣ и Невелѣ не достигла и половины оклада [1]). Счастливѣе оказались испомѣщенные въ Нещердѣ, Усвятѣ и Озерищахъ новгородскіе дѣти боярскіе трехъ статей изъ Бѣжецкой и Обонежской пятинъ съ большими окладами въ 400—500 четей. Помѣстій за ними въ Новгородской области, на ихъ родинѣ, въ писцовыхъ книгахъ не показано. Ихъ первоначальныя помѣстныя усадища, въ додачу къ которымъ давались помѣстья въ названныхъ волостяхъ Полоцкой области, указываются уже въ Себежскомъ уѣздѣ, гдѣ за каждымъ изъ нихъ были помѣстья въ среднемъ около 100 четей. Дачей помѣстій въ Полоцкѣ оклады новгородскихъ дѣтей боярскихъ были устроены сполна, но только потому, что недостающія значительныя количества культурной земли были замѣнены соотвѣтствующимъ количествомъ пашеннаго лѣса, какъ на югѣ онѣ замѣнялись дикимъ полемъ [2]).

Несмотря, однако, на всю медленность и затруднительность, съ какими пополнялись оклады, въ писцовыхъ книгахъ и другихъ документахъ можно набрать значительное число отдѣльныхъ случаевъ, когда служилые люди не только доводили свою помѣстную дачу до полнаго размѣра оклада, но даже получали лишнія четверти сверхъ оклада. Нельзя обойти молчаніемъ судьбу этихъ, большей частью, ничтожныхъ лишковъ, когда ихъ открывала перепись,

[1]) Писц. кн., II, 462—540.

[2]) Ibidem, II, 540 и слѣд., 550 и слѣд.

такъ какъ въ этой мелочи сказывается ревность, съ какой правительство слѣдило за каждой четвертью служилой земли. Если правительство считало нужнымъ и возможнымъ отписывать у помѣщика примѣрную землю, припаханную имъ изъ собственныхъ же угодій, то тѣмъ болѣе не могло оно позволить владѣть ему лишней землей сверхъ оклада. Дѣйствительно, по общему правилу, лишняя земля отписывалась отъ помѣщика, но способы эксплуатаціи ея были различны; если лишней сверхъ оклада земли набиралось достаточное количество, то она раздавалась безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ помѣщикамъ въ ихъ оклады; небольшіе лишніе участки отдавались на оброкъ тѣмъ же помѣщикамъ, у которыхъ они были отписаны; иногда лишекъ оставался за помѣщикомъ «для пуста»; въ нѣкоторыхъ, наконецъ, случаяхъ писцовыя книги не дѣлаютъ никакихъ оговорокъ объ употребленіи лишка [1]).

Постепенное наполненіе оклада отдѣльными участками, черезполосными въ одной области, или разбросанными въ разныхъ областяхъ и уѣздахъ, имѣло очень большое значеніе, какъ для характера самаго помѣстнаго землевладѣнія, такъ и его отношенія къ службѣ. Оно послужило, прежде всего, одной изъ главныхъ причинъ созданія службы «изъ разныхъ городовъ». Благодаря постепенному наполненію оклада дачами въ разныхъ уѣздахъ и неразрывной связи помѣстья со службой, едва ли въ Московскомъ государствѣ былъ одинъ уѣздъ, гдѣ бы составъ помѣщиковъ былъ совершенно однороденъ въ томъ отношеніи, что всѣ помѣщики, служившіе съ даннаго города, и помѣстьями владѣли въ его уѣздѣ. При данной системѣ исполненія помѣстныхъ окладовъ въ каждомъ уѣздѣ было возможно совмѣстное существованіе трехъ разрядовъ помѣщиковъ: во-первыхъ, помѣщиковъ, служившихъ съ даннаго города и владѣвшихъ помѣстьями лишь въ предѣлахъ его уѣзда, во-вторыхъ, помѣщиковъ, владѣвшихъ помѣстьями въ данномъ уѣздѣ, но служившихъ съ другихъ городовъ и имѣвшихъ также и тамъ помѣстья, и въ-третьихъ, помѣщиковъ, перешедшихъ изъ другихъ городовъ на службу въ данный городъ и получившихъ здѣсь помѣстья. Благодаря такой повсемѣстной перетасовкѣ службы съ помѣстнымъ владѣніемъ и дробности послѣдняго, въ каждомъ уѣздѣ, гдѣ смѣшивались различенные сейчасъ разряды помѣщиковъ, число отдѣльныхъ помѣстій, записанныхъ въ писцовой книгѣ, не

[1]) Много примѣровъ отписанія и разныхъ способовъ эксплуатаціи «лишковъ» можно найти и въ изданныхъ писцовыхъ книгахъ. См. Писц. кн., II, 586, 589, 689 703, 721, 996, 1330, 1363, 1438, 1551.

могло совпадать съ наличнымъ числомъ помѣщиковъ, служащихъ съ этого города; въ общей же суммѣ, если бы можно было подсчитать все число помѣщиковъ въ государствѣ и общее количество отдѣльныхъ помѣстій, первыхъ необходимо оказалось бы вдвое или втрое меньше, чѣмъ вторыхъ. Недостаточность и односторонность нашихъ источниковъ не позволяютъ намъ съ точностью опредѣлить въ каждомъ уѣздѣ, изъ какихъ разрядовъ сложился составъ его помѣщиковъ. Но можно, однако, привести изъ разныхъ источниковъ рядъ примѣровъ, въ достаточной мѣрѣ иллюстрирующихъ высказанныя нами положенія. Наибольшей пестротой по своему провинціальному происхожденію отличался, конечно, помѣстный классъ центральной области, Москвы съ окрестностями. По указу 1550 г. здѣсь были сосредоточены служилые люди изъ 46 городовъ, изъ которыхъ весьма многіе должны были остаться владѣльцами помѣстій и на мѣстахъ своей прежней службы, такъ какъ препятствіемъ къ полученію подмосковныхъ помѣстій, по прямому смыслу указа, могло служить только обладаніе помѣстьемъ или вотчиной въ семидесятиверстной чертѣ отъ Москвы. Съ другой стороны, въ Коломенскомъ уѣздѣ по писцовой книгѣ 1571—72 г. изъ общаго числа помѣщиковъ — 459 человѣкъ, 40 отмѣчены служащими «изъ разныхъ городовъ» [1]); т. е. они перешли на службу изъ Коломны въ другіе города, сохранивъ за собою коломенскія помѣстья. Въ центральной области, въ окрестностяхъ Москвы, происходило въ XVI в. постоянное передвиженіе служилыхъ людей. Корпусъ московскихъ дворянъ и другихъ придворныхъ чиновъ постоянно пополнялся «выборомъ» изъ провинціи, а затѣмъ числившіеся по московскому списку и испомѣщенные подъ Москвой постоянно получали назначенія въ разныя, болѣе или менѣе отдаленныя, области государства, сохраняя за собой подмосковныя помѣстья. Списокъ разныхъ чиновъ людей, служившихъ «изъ выбору» въ 1577 г., съ отмѣтками о разныхъ ихъ назначеніяхъ показываетъ, какъ лучшія служилыя силы, сосредоточиваясь изъ провинціи подъ Москвой, разсѣевались потомъ по всему государству [2]). Изъ южныхъ, заоцкихъ городовъ всѣ три разряда помѣщиковъ можно различить въ Каширскомъ уѣздѣ. Здѣсь изъ старыхъ и новыхъ помѣщиковъ, служившихъ съ Каширы, часть владѣла помѣстьями въ другихъ городахъ, а два боярина, 12 дворянъ,

[1]) Писц.. кн, I, 605.

[2]) А. М. Г., I, № 26.

2 дьяка, трое дѣтей боярскихъ, 5 стрѣлецкихъ сотниковъ, 3 охотника, владѣвшіе помѣстьями въ Каширѣ, служили изъ иныхъ городовъ [1]). Въ 1572 г. дѣти боярскіе каширяне и туляне были испомѣщены, какъ мы уже знаемъ, въ Веневскомъ и Епифанскомъ уѣздахъ. На западной окраинѣ, гдѣ поступательное движеніе Московскаго государства не было такъ послѣдовательно и неуклонно, какъ на югѣ, правительству приходилось то переводить на службу въ новозавоеванныя области служилыхъ людей изъ центральныхъ областей и испомѣщать ихъ тамъ, то въ случаяхъ потери своихъ завоеваній, выводить помѣщиковъ обратно и сажать ихъ въ пограничныхъ областяхъ. Примѣръ перемѣщенія служилыхъ людей въ новозавоеванную область мы уже видѣли въ Полоцкомъ повѣтѣ, гдѣ были посажены въ 1570 году дѣти боярскіе новгородцы и невельцы. Обратный примѣръ перевода помѣщиковъ изъ утраченной мѣстности на пограничную территорію находимъ въ Пусторжевскомъ и Великолуцкомъ уѣздахъ. Здѣсь были разсажены служилые люди, имѣвшіе помѣстья въ тѣхъ ливонскихъ областяхъ, которыя были потеряны Грознымъ по Ямзапольскому миру, дѣти боярскіе разныхъ нѣмецкихъ городовъ, помѣщики юрьевскіе и другіе. По недостатку порозжихъ помѣстныхъ земель нововыведенные дѣти боярскіе получили помѣстья также въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ [2]). Также и на востокѣ, въ Поволжьѣ, происходила перетасовка помѣщиковъ. Не говоря уже о Казани, гдѣ помѣстный классъ, большею частью, набирался изъ служилыхъ людей центральныхъ уѣздовъ, укажемъ на Нижній-Новгородъ, въ уѣздѣ котораго по писцовой книгѣ 1613 г. владѣли помѣстьями «жильцы» казанскіе, свіяжскіе, чебоксарскіе, курмышскіе, самарскіе, кузмодемьянскіе, муромскіе [3]).

Этотъ порядокъ одновременнаго владѣнія помѣстными участками въ разныхъ областяхъ долженъ былъ очень вредно отражаться на интересахъ службы; онъ затруднялъ контроль надъ службою съ земли, такъ какъ, благодаря неразрывной связи помѣстнаго владѣнія со службой, онъ приводилъ къ неестественному и невозможному явленію, одновременной службѣ изъ разныхъ городовъ. Дѣйствительно, помѣщикъ, числившійся на службѣ въ одномъ городѣ, могъ получить помѣстье въ уѣздѣ другаго и перечислиться на службу въ этотъ уѣздъ. Но пока онъ сохранялъ помѣстье въ рай-

[1]) Писц. кн., II, 1534—1535.

[2]) Арх. Мин. Юст., кн. 8183, л. 14 и слд., кн. 244, л. 1022 и слѣд.

[3]) Арх. Мин. Юст., кн. 291.

онѣ своей старой службы, онъ не порывалъ окончательно связи со своими старыми сослуживцами. Не мало злоупотребленій и затрудненій для военной администраціи во время смотровъ и верстаній должна была доставлять эта возможность владѣть помѣстьями въ нѣсколькихъ уѣздахъ, а служить только съ одного города. Въ семидесятыхъ годахъ XVI в. на это ненормальное явленіе было уже обращено вниманіе правительства. Изъ послушной грамоты царя Симеона Бекбулатовича 1576 г. крестьянамъ одного жеребья деревни Просѣкъ Мезецкаго уѣзда узнаемъ, что этотъ жеребій отнятъ былъ у помѣщика Ѳед. Ахтимина и отданъ Степану Меркулову по его челобитью. Мотивомъ отнятія у Ахтимина жеребья деревни выставлено то, что «Ѳедоръ де Ахтиминъ служитъ изъ Новосили и верстанъ де онъ въ Новосиль, *и по нашему де указу дѣтей боярскихъ испомѣщивать въ однѣхъ городѣхъ, кто откуда служитъ*» [1]). Этотъ указъ остался, однако, безъ результата и былъ скоро позабытъ. Краткое формальное запрещеніе испомѣщать служилыхъ людей въ разныхъ областяхъ не могло достигнуть своей цѣли, потому что этотъ порядокъ коренился въ нѣкоторыхъ общихъ, трудно измѣнимыхъ условіяхъ помѣстной организаціи: недостаткѣ удобныхъ помѣстныхъ земель, необходимости передвиженія военныхъ силъ и испомѣщенія служилыхъ людей на мѣстахъ новой службы и т. п. Въ десятняхъ послѣднихъ десятилѣтій XVI в. помѣщики, перешедшіе на службу въ другой городъ, продолжали вноситься въ десятни по мѣсту своей прежней службы съ соотвѣтствующими отмѣтками. Иногда служившіе изъ иныхъ городовъ вносились въ особую рубрику выбывшихъ изъ службы вмѣстѣ съ умершими, негодными и безвѣстными [2]).

Въ порядкѣ испомѣщенія съ формальной его стороны слѣдуетъ различать два случая: одновременное массовое испомѣщеніе слу-

[1]) Н. Полевой, Рус. Вивліоѳика, ч. I, стр. 199—201, 201—203.

[2]) Напр.: «Веневцы жъ по окладчиковѣ скаскѣ изъ государевы службы выбыли, служатъ изъ иныхъ городовъ, а иные померли». Сторожевъ, стр. 125. Въ коломенской десятнѣ имя одного служилаго человѣка, Матвѣя Проестева, перечеркнуто, а надъ нимъ написано: «служитъ съ Каширы по помѣсью». Ibid., стр. 42. Градовскій, не пользовавшійся писцовыми книгами, утверждалъ, «что весьма рано правительство разграничиваетъ лица по мѣстности, въ которой они служили и были испомѣщены. Смѣшенія между этими помѣстьями не допускались. Такъ еще при Иванѣ Грозномъ лицо, получившее помѣстье въ Московскомъ уѣздѣ и слѣдовательно несшее службу по московскому списку, не могло владѣть помѣстьями въ другихъ мѣстахъ»... Исторія мѣстн. управленія, 64. Градовскій ссылается на одинъ частный случай отобранія новгородскаго помѣстья у помѣщика, переведеннаго на службу въ Москву и здѣсь испомѣщеннаго.

жилыхъ людей извѣстнаго города по иниціативѣ правительства и испомѣщеніе отдѣльныхъ лицъ по ихъ частной иниціативѣ. Первый случай не вызывалъ особенно сложнаго дѣлопроизводста. Вопросъ о необходимости испомѣщенія служилыхъ людей извѣстнаго города, возбуждаемый иногда ихъ коллективнымъ челобитьемъ, обсуждался въ Москвѣ боярами по государеву наказу въ боярской Думѣ, и боярскій приговоръ сообщался памятью, съ приложеніемъ окладнаго списка подлежащихъ испомѣщенію, дьякамъ Помѣстнаго приказа. На обязанности послѣднихъ лежало снабженіе означенныхъ писцовъ необходимыми инструкціями и матеріалами. Инструкція заключалось въ «наказѣ», составляемомъ помѣстными дьяками за ихъ приписью на основаніи боярскаго приговора и отъ имени государя. Необходимымъ матеріаломъ для производства испомѣщенія должны были служить писцовыя книги предшествующаго времени или выписи изъ нихъ, дающія свѣдѣнія о количествѣ тѣхъ земель, которыя предназначались къ помѣстной раздачѣ. Комиссія, отряжавшаяся для пройзводства испомѣщенія, состояла обыкновенно изъ 2—4 лицъ, одного или двухъ писцовъ, одного или двухъ подьячихъ. При этой случайности, съ какой обыкновенно производился выборъ лицъ для разнаго рода административныхъ порученій въ XVI в., и писцы, назначавшіеся для письма и раздачи помѣстій, выбирались, повидимому, изъ разныхъ чиновъ такъ же, какъ и писцы, производившіе переписи съ финансовыми цѣлями, т. е. изъ придворныхъ чиновъ, московскихъ дворянъ и даже членовъ боярской Думы. Такъ въ Казани въ 1566—67 г. помѣстную раздачу производилъ окольничій Ник. Вас. Борисовъ. Кромѣ своей прямой и специальной обязанности писцы обыкновенно исполняли также и функціи чисто финансоваго свойства, которыя естественнымъ образомъ связывались съ помѣстной раздачей: отдавали на оброкъ лишнія и порозжія помѣстныя земли, давали податную льготу на пустыя земли, входившія въ составъ помѣстій, и, наконецъ, клали розданныя земли въ сошное письмо. Возможность и естественность подобнаго совмѣщенія обоего рода функцій въ дѣятельности писцовъ приводила къ тому, что раздача помѣстій происходила часто и во время переписи извѣстнаго уѣзда съ финансовыми цѣлями. Въ этихъ случаяхъ писцамъ или давалась особая память или въ общемъ наказѣ помѣщалась особая на этотъ счетъ инструкція. Такъ во время общей переписи 1577—78 г. Коломенскаго уѣзда, помѣстныхъ, вотчинныхъ и церковныхъ земель, писцамъ по государеву наказу и по памяти за приписью

дьяка Игнатія Зубова велѣно было, согласно боярскому приговору, давать безпомѣстнымъ коломенскимъ новикамъ пустопорожнія помѣстныя земли, оставшіяся сверхъ помѣстныхъ окладовъ другихъ помѣщиковъ. Такая же инструкція дана была кн. Ив. Дан. Гагарину съ товарищи, производившимъ въ томъ же году общую финансовую перепись Каширскаго уѣзда. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ обычный порядокъ одновременныхъ массовыхъ испомѣщеній, исполняемыхъ по иниціативѣ правительства [1]).

Отсутствіе періодичности въ испомѣщеніяхъ, предпринимаемыхъ правительствомъ, незначительность получаемыхъ при этомъ дачъ и, вслѣдствіе того, медленность въ исполненіи оклада побуждали служилыхъ людей прибѣгать къ личнымъ хлопотамъ о дачѣ помѣстій изъ разнаго рода порозжихъ земель въ счетъ оклада Но въ этомъ случаѣ порядокъ испомѣщенія былъ гораздо сложнѣе и утомительнѣе. Отъ XVI в. не сохранилось образцовъ полнаго дѣлопроизводства о полученіи помѣстій отдѣльными лицами по ихъ частному челобитью. По разнымъ отрывочнымъ даннымъ можно возстановить порядокъ этихъ дѣлъ въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ. Челобитная служилаго человѣка о дачѣ ему помѣстья, содержавшая свѣдѣнія объ его помѣстномъ окладѣ, о наличной дачѣ, о состояніи того участка, который онъ желалъ получить, подавалась на имя государя и отъ него поступала въ приказы Разрядный и Помѣстный, гдѣ наводились различныя справки о помѣстныхъ правахъ челобитчика и о землѣ, которую онъ желалъ получить. Иногда предписывалось земскимъ властямъ той мѣстности, гдѣ находился просимый участокъ, губнымъ старостамъ или городовымъ прикащикамъ, произвести сыскъ о состояніи земли, о томъ, дѣйствительно ли она была порозжая. Когда всѣ справки оканчивались въ пользу челобитчика, изъ Помѣстнаго приказа посылалась отъ имени государя за приписью дьяка грамота или память мѣстнымъ властямъ съ предписаніемъ отдѣлить челобитчику просимый имъ участокъ. Отводили помѣстье или тѣ мѣстныя власти, на имя которыхъ адресовались грамоты, мѣстные дьяки, губные старосты, городовые прикащики, или разныя лица, спеціально командированные мѣстными властями, какіе-нибудь *неслужилые* дѣти боярскіе, ямскіе прикащики и другіе. Наконецъ, отдѣлъ помѣстья челобитчику могъ быть возложенъ на писцовъ, производившихъ

[1]) Писц. кн., I, 607; II, 462, 549, 550, 1525, 1537, 1550; А. М. Г., I, № 24; Арх. Мин. Юст., кн. 152, л. 134 об. и слѣд.

въ данный моментъ перепись той мѣстности, гдѣ находился просимый участокъ [1]).

При требованіи документовъ во время провѣрки помѣстныхъ правъ во второй половинѣ XVI в. предъявлялись разнообразные документы: государевы грамоты за приписьми дьяковъ Помѣстнаго приказа, писцовыя выписи изъ книгъ писцовъ, производившихъ испомѣщеніе, грамоты этихъ писцовъ, ввозныя и отдѣльныя грамоты мѣстныхъ чиновниковъ, выписи изъ отдѣльныхъ книгъ [2]). Но уже въ XVI в. значеніе безспорной крѣпости на помѣстное владѣніе имѣли только помѣстныя и ввозныя грамоты, данныя отъ имени великаго князя или царя за приписью дьяка [3]). Другіе документы не считались достаточно убѣдительными и безспорными. Въ 1570 г. рязанскіе писцы Гр. С. Плещеевъ и К. И. Дедевшинъ дали Дмитрію и Данилѣ Шиловскимъ отдѣльную выпись на помѣстье. Въ этой выписи кромѣ обычныхъ свѣдѣній о землѣ и крестьянахъ опредѣлены были также и права помѣщиковъ, какъ въ грамотахъ собственно помѣстныхъ и ввозныхъ: «и Дмитрію да Данилу тѣмъ помѣстьемъ владѣти и доходъ съ крестьянъ имати и пашню на себя пахати велѣти, а того помѣстья не опустошити и дворовъ не развозити и пашни не переложити» [4])... Но эта отдѣльная выпись, оказывается, не имѣла полной безспорности; писцы

[1]) О справкахъ въ московскихъ приказахъ по челобитьямъ о службахъ, о сыскахъ на мѣстѣ, о дѣятельности мѣстныхъ дьяковъ по отдѣлу помѣстій А. М. Г., I, №№ 16, 21, 60, 74. Д. А. И., I, № 52, passim. Писц. книги Изборск. уѣзда, Арх. Мин. Юст., кн. 827, лл. 726 об.—728 об.: «а въ дачахъ за приписью дьяковъ псковскихъ Сулменя Булгакова да Ив. Андреева написано: по государевой грамотѣ за приписью дьяка Елизарья Вылузгина 92 году того у нихъ (вдовы Анны Кокошкиной) помѣстья по прежнимъ государевымъ грамотамъ отписывати не велѣно до ихъ живота». Объ отводѣ помѣстій земскими властями, губными старостами и другими Бѣляевскіе акты Румянцев. Музея, №№ 191, 199; Арх. Мин. Юст., писц. кн. 974, лл. 1—157; государевы грамоты и памяти о дачѣ помѣстій, Писц. кн., II, 161, 163, 178, 179, 767, 1278, 1294, 1353, 1498, 1506. Образецъ писцовой выписи на помѣстье у Н. П. Лихачева, Акты, вып. II, стр. 244—245. Акты объ отдѣлѣ помѣстій по государевымъ грамотамъ записывались мѣстными дьяками въ отдѣльныя или даточныя книги и присылались въ Москву. Д. А. И., I, № 52, passim.

[2]) Длинный перечень крѣпостей на помѣстья даетъ одна писцовая книга по Новгороду, Арх. Мин. Юст., кн. № 974, лл. 1—284 об. Въ этой же книгѣ сообщается одинъ случай, когда помѣщикъ представилъ въ качествѣ крѣпости на отцовское помѣстье выпись «за поповской рукой», а въ книгахъ то помѣстье написано въ порозжихъ земляхъ; поэтому оно было у него отписано до государева указа, л. 271 об.

[3]) Одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ такой крѣпости — помѣстная грамота вел. кн. Василія Иван. 1507 г. его сытнику Курбатку Третьякову. Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1876 г., кн. IV, Смѣсь, стр. 5. Акты Ѳедот.-Чеховскаго, I, стр. 59.

[4]) Акты Н. П. Лихачева, в. II, стр. 244—245.

заканчиваютъ ее напоминаніемъ: «а о грамотѣ имъ (помѣщикамъ) о жалованной и о помѣстной бити челомъ царю и вел. князю». Въ 1600—1601 г. нѣкто Андрей Кожинъ билъ челомъ царю, что ему въ 1592 году отдѣлено было 80 четей въ его помѣстный окладъ, въ 450 четей, «а отдѣлилъ де ему губной староста Дм. Колзаковъ, а ввозныя де ему грамоты на то помѣстье не дано, и ему де тѣмъ помѣстьемъ владѣти не почему». Согласно челобитью Кожину выдана была ввозная грамота по отдѣльнымъ книгамъ [1]).

3.

Основныя черты помѣстной организаціи въ своихъ исходныхъ моментахъ опредѣлялись и направлялись потребностями службы. Неразрывная связь между частнымъ землевладѣніемъ и службой, особенно скрѣпившаяся съ половины XVI в., не могла не отразиться и на устройствѣ центральнаго управленія служилымъ землевладѣніемъ. Первоначальнымъ вѣдомствомъ, управлявшимъ служилымъ землевладѣніемъ, можно считать вѣдомство дворецкаго. Завѣдуя «дворомъ» князя, служилыми людьми, владѣвшими княжеской землей подъ условіемъ службы, онъ, естественно, распоряжался и этой землей, ея раздачей и отобраніемъ [2]). Дворцовая земля была первоначальнымъ фондомъ, изъ котораго раздавались помѣстья; «слуги подъ дворскимъ» владѣли княжескими землями подъ непремѣннымъ условіемъ службы, т. е. на помѣстномъ правѣ. И вообще, первоначальныя помѣстныя земельныя отношенія, какъ зародившіяся въ области дворцоваго хозяйства, всецѣло должны были входить въ кругъ вѣдомства дворецкаго. Но это вѣдомство соприкасалось также и съ другой, повидимому, совершенно независимой отъ него сферой служилаго землевладѣнія. Проф. Ключевскій различилъ въ строѣ областнаго управленія удѣльнаго времени три ряда учрежденій, соотвѣтственно тремъ разрядамъ, на которые дѣлились земли въ удѣльномъ княжествѣ по своему отношенію къ владѣльцу удѣла: первый рядъ вѣдалъ земли дворцовыя, второй черныя, третій земли служилыя [3]). Эти послѣднія земли, вотчины бояръ и другихъ служилыхъ людей, благодаря судебнымъ и финансовымъ при-

[1]) Н. Полевой, Рус. Вивліоѳ., т. I, стр. 210—212.

[2]) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 393—394; Рус. Юрид. Древн., т. I, 395—396. Загоскинъ, Очерки организаціи и происхожд. служ. сословія, Учен. Зап. Казан. Универс., 1875 г., № 5, стр. 707.

[3]) Бояр. Дума, стр. 105 и слѣд.

виллегіямъ своихъ владѣльцевъ, составляли самостоятельную, независимую область мѣстнаго управленія. Но привиллегированное вотчинное землевладѣніе соприкасалось съ вѣдомствомъ Дворца ближе, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ центральнымъ вѣдомствомъ. Во-первыхъ, въ дворцовомъ вѣдомствѣ скоплялся запасъ земель, которыя жаловались и продавались отъ имени правительства частнымъ лицамъ: всѣ тѣ земли, которыя пріобрѣтались путемъ расширенія государственной территоріи, конфискаціи частныхъ имуществъ и поземельными сдѣлками, поступали обыкновенно во Дворецъ, пока не получали болѣе опредѣленнаго назначенія. Изъ двухъ основныхъ запасовъ земель, которыми правительство свободно распоряжалось, земель дворцовыхъ и черныхъ, дворцовыя земли естественно были наиболѣе удобнымъ источникомъ для раздачи въ вотчины и въ помѣстья для цѣлей военной организаціи, тогда какъ земли черныя, тяглыя отправляли въ пользу государства свою особую спеціальную повинность; государство точно разграничивало службу и тягло, и поступаться интересами послѣдняго въ пользу первой для него не было выгодно. Такимъ образомъ значительная часть, если не большинство, вотчинъ, пріобрѣтаемыхъ отъ правительства въ формѣ безвозмезднаго жалованья или купли, выходили изъ запаса дворцовыхъ земель. Слѣдовательно, въ вѣдомствѣ Дворца, главнымъ образомъ, сосредоточивалось дѣлопроизводство, связанное съ происхожденіемъ выслуженныхъ вотчинъ [1]). Эта генетическая связь служилыхъ вотчинъ съ дворцовыми землями объясняетъ, почему Дворецъ сдѣлался судебной инстанціей для привиллегированныхъ вотчинниковъ [2]). Поэтому въ кругъ дворцоваго вѣдомства должно было входить до извѣстной степени и дѣлопроизводство о мобилизаціи вотчиннаго землевладѣнія. Итакъ, уже въ вѣдомствѣ Дворца ясно опредѣлился тотъ кругъ дѣлъ, относящихся къ военной службѣ и служилому землевладѣнію, который впослѣдствіи разбился между двумя спеціальными приказами, Разрядомъ и Помѣстнымъ. Дальнѣйшее развитіе центральнаго управленія служилымъ землевладѣніемъ направлялось по той же общей схемѣ, по которой шло образованіе всѣхъ московскихъ приказовъ.

Управленіе «дворомъ» московскаго государя составило первое

[1]) О пожалованіи и продажѣ вотчинъ великими князьями московскими изъ ихъ частныхъ земель въ договорн. и духовн. грамотахъ вел. кн. Василія Васильев. С. Г. Гр. и Дог., I, №№ 78—79, 86—87.

[2]) О судебной юрисдикціи Дворца по отношенію къ привиллегированному вотчинному землевладѣнію см. у В. О. Ключевскаго, Боярск. Дума, стр. 120, 129—130.

центральное военно-административное вѣдомство. Параллельно съ нимъ существовали подобныя же мѣстныя учрежденія, слѣды удѣльной независимости присоединенныхъ къ Москвѣ княжествъ. Хорошо извѣстно, что въ Москвѣ въ XVI в. дѣйствовали областные дворцовые приказы, въ вѣдѣніи которыхъ должны были состоять первоначально мѣстные «дворы» [1]). Военное управленіе нѣкоторыхъ областей извѣстное время не сливалось съ центральнымъ московскимъ военнымъ вѣдомствомъ. Такъ въ началѣ XVI в. въ Рязани, при великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ, велись особые «рязанскіе разряды» [2]). Въ разрядахъ первой половины XVI в. ясно выступаетъ также военно-административная обособленность Тверской области. Такъ въ разрядѣ 7003 г. тверскіе князья Дорогобужскій, Телятевскій, Микулинскій отмѣчены особо отъ всѣхъ другихъ князей и дѣтей боярскихъ, ходившихъ съ государемъ въ Новгородъ; въ разрядѣ 7009 г. у великаго князя Василія Ивановича, посаженнаго отцомъ въ Твери, перечисляется самостоятельный военный штабъ: пять воеводъ, всѣ изъ Тверскихъ князей, окольничіе, дворецкій [3]). Наконецъ, разные служилые князья, Воротынскіе, Одоевскіе, Бѣлевскіе, Мезецкіе, Стародубскій, Шемячичъ, являвшіеся на службу изъ удѣловъ со своими собственными полками, также пользовались полной военно-административной самостоятельностью; даже въ походахъ имъ предоставлялось занимать мѣста со своими полками по собственному выбору [4]). Необходимость централизаціи военнаго дѣла постепенно приводила къ поглощенію мѣстныхъ военно-административныхъ учрежденій центральнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ московскій «дворъ», къ уничтоженію областной самостоятельности. Эта централизація военнаго управленія не требовала, однако, полнаго уничтоженія областныхъ «дворцовъ»; она отнимала у нихъ только военныя функціи, оставляя нетронутыми функціи хозяйственно-административ-

[1]) Ibid., стр. 248. Н. П. Лихачевъ, Разрядн. дьяки, стр. 35—38. Въ разрядныхъ книгахъ 6984—7064 гг., издаваемыхъ П. Н. Милюковымъ, мы встрѣчаемъ упоминанія о дворецкихъ тверскомъ, рязанскомъ, дмитровскомъ, углецкомъ, новгородскомъ, стр. 20, 71, 112, 126, 128, 136. Приносимъ искреннюю благодарность П. Н. Милюкову, предоставившему намъ отдѣльный оттискъ текста, еще не выпущеннаго въ свѣтъ.

[2]) Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр. 314—315.

[3]) Разр. книги, издав. П. Н. Милюковымъ, стр. 21, 28. Тамъ же о тверскихъ и рязанскихъ воеводахъ, стоящихъ отдѣльно отъ московскихъ, стр. 16, 18, 29.

[4]) «А князю Семену и братеничу его князю Ивану Перемышскому быти подлѣ передовой полкъ, на правой или на лѣвой сторонѣ, гдѣ похотятъ. А Одоевскимъ княземъ и Бѣлевскимъ и Мезецкому, гдѣ будетъ пригоже со княземъ быти въ полку, и имъ тутъ быти, или гдѣ похотятъ». Ibidem, стр. 17.

ныя, финансовыя, судебныя. Число князей, богатыхъ вотчинниковъ, выводившихъ изъ своихъ владѣній цѣлые полки, также постепенно сокращалось; «служилые князи» превращались въ московскихъ бояръ, московскихъ воеводъ, и быстро теряли связь со своими вотчинами. Какъ въ военныхъ предпріятіяхъ московскихъ государей ихъ «дворъ» составлялъ ядро, около котораго группировались союзные и служилые князья, такъ и централизація военнаго управленія должна была совершаться кругомъ того учрежденія, которое управляло этимъ «дворомъ», т. е. личной военной силой московскаго государя. Когда это первоначальное центральное управленіе личной военной силой государя осложнилось и получило общегосударственное значеніе, оно должно было выдѣлиться изъ дворца и образовать самостоятельное вѣдомство. Такъ представляется намъ происхожденіе Разряда, какъ вѣдомства военно-административнаго. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что именно въ вѣдомствѣ дворецкаго образовался тотъ кругъ военной администраціи, который легъ въ основу компетенціи Разряда. Управленіе служилымъ землевладѣніемъ, вѣроятно, и въ Разрядѣ сливалось также съ другими отраслями военной администраціи, какъ и во Дворцѣ. Аналогію этому первоначальному соединенію военной администраціи и управленія служилымъ землевладѣніемъ въ одномъ учрежденіи находимъ во второй половинѣ XVII в., когда вновь образовавшійся районъ Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ вѣдался и службой и землями въ Разрядѣ [1]). Образованіе Помѣстнаго приказа можно разсматривать, какъ результатъ дальнѣйшаго осложненія и расчлененія военной администраціи. Именно, около половины XVI в. въ организаціи служилаго землевладѣнія начинаютъ различаться двѣ стороны, теоретическая и практическая, верстаніе и испомѣщеніе, окладъ и дача. Выработка нормъ служилаго землевладѣнія и осуществленіе этихъ нормъ на практикѣ — таковы были двѣ основныхъ задачи центральной военной администраціи съ половины XVI в. Сообразно тому и управленіе служилымъ землевладѣніемъ распредѣлилось между Помѣстнымъ приказомъ и Разрядомъ съ замѣтнымъ первенствомъ послѣдняго. Если организація служилаго землевладѣнія опредѣлялась потребностями службы, то и большее значеніе пріобрѣтало изъ двухъ вѣдомствъ то, которое управляло службой. Въ самомъ дѣлѣ, изъ двухъ сторонъ организаціи помѣстнаго земле-

[1]) Н. Ардашевъ, Вопросъ о помѣстномъ столѣ въ связи съ поземельной дѣятельностью Разряда, Журн. Мин. Нар. Пр., 1895 г., августъ.

владѣнія, верстанія и испомѣщенія, первое являлось выраженіемъ потребностей службы, обусловливало второе.

Въ Разрядѣ вырабатывались нормы служилаго землевладѣнія и тѣ измѣненія въ нихъ, которыя требовались обстоятельствами. Помѣстный же приказъ по самому существу дѣла былъ исполнительной инстанціей, онъ только примѣнялъ на практикѣ нормы помѣстнаго землевладѣнія, вырабатываемыя въ Разрядѣ. Такимъ образомъ Разрядъ и Помѣстный приказъ не были двумя равноправными, независимыми вѣдомствами. Разрядъ стоялъ между Думой и Помѣстнымъ приказомъ. Въ Разрядѣ собственно сосредоточивалось управленіе служилымъ землевладѣніемъ, а Помѣстный приказъ, не обладая иниціативой, служилъ канцеляріей, вѣдавшей текущее дѣлопроизводство по этому управленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ двухъ наиболѣе раннихъ извѣстіяхъ о Помѣстномъ приказѣ онъ является учрежденіемъ, вѣдающимъ мобилизацію вотчиннаго землевладѣнія. Въ соборномъ приговорѣ 1580 г. компетенція Приказа въ этомъ отношеніи выступаетъ вполнѣ опредѣленно [1]). Это соединеніе двухъ различнаго рода дѣлопроизводствъ, можно предполагать, не было случайнымъ и позднѣйшимъ. Завѣдываніе поземельными отношеніями въ государствѣ перешло въ руки Помѣстнаго приказа въ томъ соединеніи, въ какомъ оно является уже въ вѣдомствѣ Дворца, гдѣ помѣстныя и вотчинныя отношенія связаны были органически.

Тѣсная связь Помѣстнаго приказа съ Разрядомъ и зависимое положеніе отъ послѣдняго ясно рисуются въ немногихъ, но очень опредѣленныхъ извѣстіяхъ второй половины XVI в., сохранившихся въ дѣлахъ Разряда. Въ 1576 г. по челобитной дѣтей боярскихъ путивльцевъ и рылянъ бояринъ Ник. Ром. Юрьевъ и дьякъ Вас. Щелкаловъ приговорили дать имъ денежное жалованье по окладамъ сполна, «а впередь приговорили: справливаясь съ діаки Помѣстнаго приказу и ссылаясь съ ними памятьми, и будетъ которые дѣти боярскіе путивльцы и рыляне съ большихъ и середнихъ статей по окладамъ испомѣщены сполна, и тѣмъ приговорили давати государево денежное жалованье въ четвертой годъ» [2])

[1]) «Лѣта 7089 Генваря въ 15 день Государь Царь и Великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, съ сыномъ своимъ съ царевичемъ Иваномъ Ивановичемъ и съ отцомъ своимъ Онтоніемъ митрополитомъ всеа Русіи и со всѣмъ священнымъ соборомъ и со всѣми бояры приговорили о земляхъ, которые за монастыри вотчины куп. лены и вклады даваны, и грамота по тому приговору написана и по той грамотѣ и по Уложенью въ Помѣстной Избѣ дьякомъ и дѣлати», Акты Ѳедотова Чеховскаго, т. I., стр. 204; А. А. Э., I, №№ 246, 308; Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр. 262 и слѣд.

[2]) А. М. Г., I, № 16.

Въ 1577 г. тѣмъ же путивльцамъ и рылянамъ Дума отказала въ денежномъ жалованьѣ, а безпомѣстнымъ велѣно было дать жалованье по государеву указу прошлаго 84 года, «а велѣли послати память къ діакомъ въ Помѣстный приказъ и выписати: хто испомѣщенъ и хто неиспомѣщенъ, да та выпись прислати въ Разрядную Избу къ діану къ Василью Щелкалову. И по приговору въ Помѣстную избу къ діакамъ къ Андрею Мясному да къ Богдану Ксенофонтьеву память послана марта въ 2 день, велѣно имъ выписати дѣтей боярскихъ путивльцовъ и рылянъ, хто испомѣщенъ и хто неиспомѣщенъ для государева денежнаго жалованья. И марта въ 14 день прислана изъ Помѣстнаго приказа въ Разрядъ къ діакомъ къ Василью Щелкалову да къ Андрею къ Арцыбашеву память и выпись за приписью дьяка Андрея Мясново» [1]. Въ томъ же году по приговору боярской Думы украинскимъ казакамъ увеличены были помѣстные оклады и выдано денежное жалованье. Все это дѣло велось въ Разрядѣ по сношенію съ другими приказами, Стрѣлецкимъ и Помѣстнымъ. Послѣднему поручено было привести въ исполненіе опредѣленную помѣстную придачу: «а о помѣстьяхъ приговорили: послати память въ Помѣстный приказъ къ діакамъ, а велѣти послати въ тѣ городы писцовъ дѣтей боярскихъ и подъячихъ добрыхъ, и тѣхъ казаковъ мѣсячныхъ сторожей во всѣхъ городѣхъ всѣхъ пересмотрѣти на лицо съ коньми и со всею ихъ съ польскою сторожевою службою, да которые казаки собою худы или безконны и съ сторожевую ихъ службу не будетъ, и тѣхъ худыхъ и безконныхъ казаковъ отъ сторожевые службы отставити и имъ служити казачья рядовая служба, и помѣстной имъ придачи не придавати, а въ тѣхъ худыхъ мѣсто прибрати въ сторожевую службу изъ рядовыхъ казаковъ добрыхъ и конныхъ, которымъ бы мочно сторожевая служба служити, тѣмъ и помѣстная придача и денежное жалованье давати» [2]. Итакъ, въ данномъ случаѣ на агентовъ Помѣстнаго приказа возлагается и обязанность верстанія служилыхъ людей, достойныхъ прибавки оклада, и ихъ испомѣщенія. Но это — случай, повидимому, исключительный. Обязанности верстанія и испомѣщенія, какъ мы видѣли, обыкновенно раздѣлялись очень точно между Разрядомъ и Помѣстнымъ приказомъ. Въ томъ же году дѣтямъ боярскимъ рязанцамъ по боярскому приговору повышены были помѣстные оклады,

[1]) Ibid., № 21.
[2]) Ibid., № 23.

«а о помѣстьяхъ приговорили послати память и списокъ помѣстному ихъ окладу къ діакомъ въ Помѣстную избу, а велѣти ихъ испомѣстити по государеву указу въ ихъ оклады сполна» [1]). Отъ 1578 г. сохранился образецъ «памяти», которымъ Помѣстному приказу предписывалось осуществить на практикѣ установленную норму. Сохранившаяся память адресована дьякамъ Андрею Мясному и Богдану Ксенофонтьеву. Въ ней излагается сначала челобитье Богдана Дмитріева Уварова о прибавкѣ къ его помѣстному окладу въ 300 четей «за службу и за явной бой», за то, что онъ «на всѣхъ дѣлахъ государю служилъ явственно». «И по государеву указу бояре князь Иванъ Ѳедоров. Мстиславскій съ товарищи да дьякъ Василей Щелкаловъ приговорили Богдану Уварову за службу и за явной бой придати помѣстья къ старому его помѣстью къ 300 четвертямъ и всего со старымъ учинить за нимъ на 100 на пятдесять четвертей дьякомъ Андрею Мясному да Богдану Ксенофонтьеву за службу и за явной бой». Подписана память дьякомъ Сапуномъ Абрамовымъ [2]). Такимъ образомъ въ этихъ немногихъ, краткихъ, но вполнѣ опредѣленныхъ извѣстіяхъ о взаимныхъ отношеніяхъ Разряда и Помѣстнаго приказа во второй повинѣ XVI в. ясно открывается распредѣленіе между этими двумя учрежденіями двухъ основныхъ отраслей управленія служилымъ землевладѣніемъ, сообразно двумъ сторонамъ помѣстной организаціи, теоретической и практической. Благодаря такому именно разграниченію компетенціи, Помѣстный приказъ долженъ былъ стать ступенью ниже Разряда, сдѣлаться вѣдомствомъ мало самостоятельнымъ, лишенной инициативы канцеляріей [3]).

Во второй половинѣ XVI в. появляются признаки нѣкоторой децентрализаціи управленія служилымъ землевладѣніемъ. Извѣстный дѣятель Смутнаго времени Михаилъ Салтыковъ, въ письмѣ къ канцлеру Сапѣгѣ оправдываясь въ разныхъ злоупотребленіяхъ, писалъ: «а дѣлалъ я, государь, государскія дѣла, говоря со всѣми бояры, со князь Ѳедоромъ Мстиславскимъ съ товарищи, помѣстья выморочныя сыскивая и лишки, коимъ было дано; для шишимор-

[1]) Ibid., № 24.

[2]) Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1886 г., I, стр. 5—6. О памятяхъ изъ Разряда на помѣстья см. еще Н. Полевой, Рус. Вивліоѳика, т. I, стр. 201—203, Лихачевъ, Разрядные дьяки, 533.

[3]) Надо принять еще во вниманіе, что Разрядъ вообще былъ средоточіемъ царскихъ распоряженій, посредникомъ между высшимъ правительствомъ и прочими приказами. В. О. Ключевскій, Боярская Дума, стр. 407; Лихачевъ, Разрядные дьяки, стр. 74.

ства при Шуйскомъ сверхъ окладовъ безпомѣстнымъ давали, потому что прежъ сего, при прежнихъ Государѣхъ Великихъ Царѣхъ, коли они въ отъѣздѣ бывали, безъ нихъ государей на Москвѣ бояре помѣстья давали; да не только на Москвѣ, и въ Новѣ городѣ Великомъ и въ Казани бояре и воеводы помѣстья даютъ и для того, чтобъ тѣмъ на Москвѣ людей удержать и безъ помѣщиковъ помѣстныхъ земель не запустошить» [1]). Новгородъ и Казань названы Салтыковымъ не случайно и не въ видѣ примѣра. Во второй половинѣ XVI в., когда самостоятельность и обособленность военной администраціи старыхъ удѣловъ мало-по-малу исчезла, начинаютъ складываться новыя территоріальныя единицы съ самостоятельной военной и финансовой администраціей, сосредоточивавшейся въ Москвѣ въ особыхъ территоріальныхъ приказахъ. Обособленность администраціи, особенно финансовой, Новгородской области представлена была въ Москвѣ особыми приказами: новгородскимъ приказомъ, новгородской четью; въ самомъ Новгородѣ въ XVI в. дѣйствуетъ мѣстное дворцовое вѣдомство [2]). Но всѣ эти учрежденія, дѣйствовавшія какъ въ Москвѣ, такъ и въ самомъ Новгородѣ, были по преимуществу финансовыми вѣдомствами. Первое извѣстіе объ отдѣльности военной администраціи Новгородской области встрѣчаемъ не ранѣе первыхъ годовъ XVII в.: въ 1606 г. упоминается особый новгородскій Разрядъ. Въ этомъ году «по государеву указу и по наказу, каковъ присланъ изъ Новгородскаго разряду за приписью дьяка Василья Янова», происходило верстаніе помѣстными и денежными окладами дворянъ и дѣтей боярскихъ торопчанъ и холмичей [3]). Былъ ли этотъ новгородскій Разрядъ учрежденіемъ независимымъ отъ большаго Разряда или онъ отождествлялся съ новгородскимъ столомъ Разряда, во всякомъ случаѣ начало обособленія военной администраціи Новгородской области надо отодвинуть вглубь XVI в., можетъ быть къ тому времени, когда Новгородъ получилъ отдѣльныя учрежденія и по другимъ частямъ администраціи. Древнѣйшимъ документомъ, вынесеннымъ изъ новгородскаго стола въ пожаръ 1626 г. была десятня 64-го года [4]). Выдѣленіе военной администраціи области Вел. Новгорода въ особое вѣдомство, въ видѣ ли отдѣльнаго территоріальнаго стола Разряда или совершенно особаго и

[1]) А. И., II, № 306, IV; Неволинъ, П. С. С., т. IV, 197.

[2]) О новгородскомъ Приказѣ, Дворцѣ, Четверти см. у П. Н. Милюкова, Государ. хозяйство, стр. 31 и слѣд.; Н. П. Лихачева, Разр. дьяки, стр. 36.

[3]) А. М. Г., I, № 43.

[4]) Н. П. Лихачевъ, Разр. дьяки, прил. 32.

независимаго Разряда новгородскаго, не было еще началомъ децентрализаціи управленія служилымъ землевладѣніемъ, потому что новое вѣдомство не перешло въ область, а осталось въ Москвѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣйствіяхъ мѣстной новгородской администраціи обнаруживается нѣкоторая, правда очень малая, доля самостоятельности въ управленіи служилымъ землевладѣніемъ. Это управленіе, какъ извѣстно, сосредоточивалось въ срединѣ XVI в. въ рукахъ новгородскихъ дьяковъ, которые, по словамъ Н. П. Лихачева, «представляются ядромъ Новгородскаго правительства». Новгородскія помѣстныя грамоты, писцовыя книги и нѣкоторые отдѣльные документы довольно точно очерчиваютъ полный кругъ дѣятельности новгородскихъ дьяковъ по управленію помѣстнымъ землевладѣніемъ: они отдѣляютъ новыя помѣстья, отписываютъ ихъ на государя, выдѣляютъ прожитки женамъ и дѣтямъ помѣщиковъ, отдаютъ пустыя помѣстья на оброкъ, руководятъ переписью помѣстныхъ земель. Наконецъ, въ ихъ вѣдѣніи находится и разрядное дѣлопроизводство: черезъ ихъ руки проходятъ дѣла объ отставкахъ и опредѣленіи на службу новгородскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; они ведутъ списки мѣстныхъ служилыхъ людей, десятни [1]). Всѣ эти многосложныя обязанности новгородскіе дьяки исполняли подъ непосредственнымъ руководствомъ центральныхъ учрежденій, по грамотамъ изъ московскихъ приказовъ. Н. П. Лихачевъ сдѣлалъ попытку распредѣлить по московскимъ приказамъ дьяковъ, упоминаемыхъ новгородской записной книгой государевыхъ грамотъ 1554—1556 гг. Опираясь на то, что всѣ семьдесятъ грамотъ, касающихся помѣстій и землевладѣнія, подписаны одними и тѣми же дьяками, Василіемъ Степановымъ и Путиломъ Михайловымъ, г. Лихачевъ высказалъ убѣжденіе, что грамоты по помѣстнымъ дѣламъ посылались въ Новгородъ изъ Помѣстнаго приказа [2]). Такимъ образомъ, если и существовалъ въ срединѣ XVI в. отдѣльный новгородскій Разрядъ или новгородскій столъ большаго Разряда, то онъ долженъ былъ вѣдать только формальную сторону организаціи служилаго землевладѣнія, верстаніе; тотъ же кругъ управленія, который можно опредѣлить однимъ терминомъ «испомѣщеніе», остался въ вѣдѣніи общаго центральнаго учрежденія, Помѣстнаго приказа. Въ чемъ же могла проявляться при этихъ условіяхъ самостоятельность новгородскихъ дьяковъ по управленію помѣстнымъ землевладѣніемъ? Новгородскія помѣстныя

[1]) Д. А. И., I, №№ 47, 52, passim. Н. П. Лихачевъ. Разр. дьяки, стр. 247—251.
[2]) Op. Cit., стр. 262—265.

*

грамоты сохранили нѣсколько извѣстій о томъ, что дьяки раздавали и отписывали помѣстья, выдѣляли прожитки и безъ сношеній съ центральнымъ вѣдомствомъ. Такъ у Смирного Кудрявцева, перешедшаго въ 7059 г. изъ сытниковъ въ полковую службу съ новгородскими помѣщиками, отписаны были 4 обжи, а затѣмъ возвращены ему по челобитью. Онъ не успѣлъ взять въ Москвѣ грамоту на эти обжи, а новгородскіе дьяки въ это время успѣли уже отдѣлить ихъ Образцу Харламову [1]). По смерти кн. Ив. Богд. Корецкаго дьяки отписали помѣстье его на государя, а затѣмъ выдѣлили часть его въ помѣстье Вас. Сназину, матери же князя на прожитокъ не дали ничего; только спустя нѣкоторое время княгиня получила прожитокъ по царской грамотѣ [2]). Въ 7062 г. дьяки хотѣли отписать у Богдана Курцова помѣстье его отца и дѣда на томъ основаніи, «что въ писцовыхъ книгахъ то дѣда его и отца его помѣстье написано за бабкою его за Оленою, а не за нимъ за Богданцомъ». По челобитью Богдана дьякамъ предписано было оставить за нимъ это помѣстье [3]). По смерти помѣщика Игнатія Сукина осталась бездѣтная жена: «и то дѣи мужа еѣ помѣстье вы, діаки наши, хотите отписать на меня царя и вел. князя, а ей деи изъ мужа еѣ помѣстья обежъ на прожитокъ не дадите»; велѣно было дать ей прожитокъ [4]). Нѣкоторую самостоятельность новгородскіе дьяки проявляли и въ тѣхъ случаяхъ, когда устраивали помѣстныя отношенія по грамотамъ изъ московскихъ приказовъ; предписывая дать служилому человѣку извѣстное число обежъ въ помѣстье, грамоты обыкновенно предоставляютъ дьякамъ выбрать ихъ по собственному усмотрѣнію, «гдѣ будетъ пригоже». Такъ какъ, наконецъ, дьяки вели дѣлопроизводство по назначеніямъ и отставкамъ отъ службы [5]), то имъ поручалось иногда осматривать служилаго человѣка и въ зависимости отъ его боевой исправности отдѣлять ему помѣстье [6]). Такимъ образомъ, судя по новгородскимъ помѣстнымъ грамотамъ, въ серединѣ XVI в. само-

[1]) Д. А. И., I, № 52, III.

[2]) Ibid., XIII.

[3]) Ibid., XXIII.

[4]) Ibid., XXIV; еще случаи самовольныхъ дѣйствій дьяковъ, ib. XXVI, XXXIII.

[5]) Ibid., № 47.

[6]) ...«И вы бъ велѣли Ѳедку сына своего Иванка передъ собою поставити, да его бы естя посмотрили, въ колко онъ лѣтъ и пригодится ль въ нашу службу. И будетъ Ѳедковъ сынъ Иванко пятинадцати лѣтъ и въ нашу службу будетъ пригодитца, и вы бъ послали кого пригоже... восмь обежъ велѣли бъ естя отдѣлити Ѳедкову сыну Иванку, и наши службы съ того помѣстья велѣли бъ естя ему служити»... ib., стр. 101

стоятельность новгородской областной администраціи въ управленіи помѣстнымъ землевладѣніемъ не была точно опредѣлена, не была возведена въ общее правило; она выражалась въ единичныхъ случаяхъ, хотя, съ другой стороны, эти случаи не были злоупотребленіями дьяковъ, превышеніемъ власти, не вызывали прямого осужденія со стороны правительства. Хорошо зная общія начала управленія помѣстнымъ землевладѣніемъ, новгородскіе дьяки обладали и всѣми средствами для того, чтобы осуществлять эти начала на практикѣ самостоятельно, безъ постояннаго и мелочнаго руководительства центральныхъ учрежденій. Они вѣдали дѣлопроизводство по служебнымъ назначеніямъ и отставкамъ, у нихъ хранились десятни; переписи новгородскихъ земель производились по книгамъ и росписямъ, которыя писцы должны брать у новгородскихъ дьяковъ [1]); наконецъ, въ ихъ рукахъ сосредоточивалось дѣлопроизводство по самымъ разнообразнымъ поземельнымъ отношеніямъ. Изъ этого широкаго круга вѣдомства новгородскихъ дьяковъ само собой являлось для нихъ искушеніе дѣйствовать независимо отъ центральнаго правительства. Эта независимость не опредѣлялась и не утверждалась закономъ, но и не осуждалась, какъ незаконная, пока не нарушала извѣстныхъ нормъ помѣстнаго права. По нѣкоторымъ даннымъ писцовыхъ книгъ двухъ послѣднихъ десятилѣтій XVI в. управленіе помѣстнымъ землевладѣніемъ въ Новгородской области продолжало оставаться въ зависимости отъ центральныхъ учрежденій. Помѣстья въ Новгородѣ раздаются по государевымъ грамотамъ изъ Помѣстнаго приказа, по приговорамъ боярской Думы [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ же книгахъ часто упоминаются грамоты и самихъ новгородскихъ дьяковъ, но во всѣхъ этихъ случаяхъ они могли дѣйствовать и какъ агенты центральныхъ вѣдомствъ [3]). Въ XVII в. самостоятельность новгородской администраціи въ управленіи служилымъ землевладѣніемъ получила болѣе точное опредѣленіе. Указами 10 Мая 1627 г. и 8 Августа 1628 г. новгородскому воеводѣ и дьякамъ запрещено было раздавать безъ государева указа и безъ грамотъ «выгган-

[1]) Записки Геогр. Общ., кн. VIII, стр. 319; Времен. Общ. Ист. и Древн., т. VI, стр. 58; Н. П. Лихачевъ, Разр. дьяки, 251.

[2]) Зап. Геогр. Общ., т. VIII, стр. 105, 289, 314: помѣстныя грамоты съ приписями дьяковъ Помѣстнаго приказа Як. Витовтова, Юрія Нелединскаго. Писц. книга по Новгороду 1582 г., Арх. Мин. Юст., № 959, лл. 155, 179—180: помѣстныя дачи по приговорамъ боярской Думы; л. 599: помѣстная грамота дьяка Як. Витовтова.

[3]) Новгор. писц. книга 1582 г., Арх. Мин. Юст., кн. 959, лл. 233, 248; кн. 957, л. 1175; кн. 961, л. 46.

ныя» вотчины, выморочныя, утаенныя помѣстья и примѣрныя земли; «а которыя порозжія земли лежатъ порозжи не отданы, а будутъ о тѣхъ порозжихъ земляхъ челобитчики: и тѣ порозжія земли государь указалъ раздавать въ раздачу, что за кѣмъ по писцовымъ книгамъ и по дачамъ было, въ помѣстье все, а не выборомъ, а выборомъ тѣхъ порозжихъ земель не раздавать» [1]). Такъ предоставляя мѣстной власти вѣдать раздачу помѣстій въ нормальномъ порядкѣ, правительство запрещало распоряжаться самостоятельно тѣми разрядами земель, вылганными вотчинами, утаенными помѣстьями, примѣрными землями, самое положеніе которыхъ было нетвердо опредѣлено законодательствомъ. 20 Ноября 1652 г. оба указа были подтверждены съ требованіемъ немедленной высылки въ Москву, въ Помѣстный приказъ, даточныхъ книгъ для разрѣшенія споровъ и челобитій о земляхъ выморочныхъ, отдаточныхъ, мѣновныхъ, утаенныхъ. Такое разграниченіе центральной и мѣстной администраціи въ управленіи служилымъ землевладѣніемъ подтверждено было указами 1675 и 1676 годовъ. Въ 1666 г. управленіе служилымъ землевладѣніемъ Псковской области передано было областной администраціи по примѣру Великаго Новгорода [2]).

Подобное же разграниченіе управленія служилымъ землевладѣніемъ между центральнымъ вѣдомствомъ и мѣстной администраціей наблюдается также въ Казанской области. Послѣдняя тотчасъ послѣ покоренія вмѣстѣ съ сосѣдними областями образовала громадный военно-административный округъ, представленный въ центральной администраціи особымъ приказомъ, казанскимъ Дворцомъ [3]). Въ первой половинѣ XVII в. казанскій Дворецъ вѣдаетъ значительную часть Поволжья, низовые города, по всѣмъ отрас-

[1]) Оба указа цитированы въ указѣ 20 Ноября 1652 г. П. С. З., № 89.

[2]) «По челобитью псковичъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и вдовъ и дѣвокъ и недорослей велѣно псковскія ихъ помѣстья и вотчины по ихъ челобитью давати имъ во Псковѣ противъ Вел. Новгорода. П. С. З. № 394. Неволинъ, П. С. С., IV, 197.

[3]) Въ 1553 г. одинъ изъ бояръ Юрьевыхъ носитъ титулъ казанскаго дворецкаго, Н. П. Лихачевъ, Разр. дьяки, 38. Въ грамотѣ 7069 г. упоминается «бояринъ нижегородскій и мещерскій и казанскій дворецкій Мих. Иван. Волынскій». Арх. Мин. Юст., грам. Владим. у. № 1814. Другія свѣдѣнія о казанской избѣ см. у Лихачева, op. cit., стр. 44—45, 76. Н. П. Лихачевъ считаетъ казанскихъ дьяковъ Кузьму Ѳедорова и Омелю Васильева, упоминаемыхъ въ писцовой кн. 7074—7076 гг. и сбиравшихъ оброки съ мельницъ, дьяками казанскаго Дворца, т. е. центральнаго вѣдомства, тогда какъ ихъ надо считать скорѣе дьяками мѣстными, жившими и дѣйствовавшими въ Казани или Свіяжскѣ, потому что, какъ увидимъ ниже, оброкъ сбирался въ царскую казну и въ мѣстныхъ центрахъ, напр. въ Свіяжскѣ.

лямъ управленія, въ отношеніяхъ финансовомъ, военно-административномъ и судебномъ [1]). Кругъ же финансовой и военной компетенціи сложился несомнѣнно уже во второй половинѣ XVI в. Въ росписи «польскихъ» сторожей 1577 г. упоминается, что «Олаторскіе сторожи въ приказѣ у діака у Андрея у Щелкалова въ Казанскомъ Дворцѣ» [2]). Обособленіе военнаго управленія Низовыми областями въ спеціальномъ территоріальномъ приказѣ повело, какъ и въ Новгородѣ, къ большей самостоятельности мѣстной администраціи въ завѣдываніи служилымъ землевладѣніемъ. Мѣстное управленіе въ Казани сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ, которые управляли по царскимъ наказамъ и грамотамъ черезъ посредство Дворца или избы [3]). По нѣкоторымъ даннымъ второй половины XVI в. казанскіе воеводы съ товарищами и дьяками вѣдали обѣ стороны организаціи помѣстнаго землевладѣнія: и верстаніе и испомѣщеніе. Въ писцовой книгѣ Казанскаго уѣзда 7076 г. читаемъ, напримѣръ, такія записи: «по верстальному списку боярина и воеводы кн. П. Андр. Булгакова и всѣхъ воеводъ и дьяковъ Кузьмы Ѳедорова и Омели Васильева велѣно за ними (казанскими жильцами) учинить помѣстья...» [4]). Воеводы могли также и раздавать помѣстья; сохранилась одна послушная грамота 1582 г. на помѣстье въ Тетюшскомъ уѣздѣ, начинающаяся словами: «по государеву цареву и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси слову отъ воеводы отъ князя Григорія Андреевича Булгакова съ товарищи да отъ царева и великаго князя дьяка отъ Михайлы отъ Битяговскаго въ Тетюшскій уѣздъ...» Въ писцовой книгѣ Казанскаго уѣзда 1602—1603 г. описанъ жребій села Ишеръ за новокрещеномъ Обросимкомъ Алцовымъ, числившійся за нимъ «по

[1]) Указъ 12 іюля 1672 г. свидѣтельствуетъ, что уже при царѣ Михаилѣ всякіе служилые люди понизовыхъ городовъ «судомъ вѣдомы и ищутъ и отвѣчаютъ въ одномъ приказѣ Казанскаго Дворца, а въ иныхъ приказѣхъ ихъ судомъ вѣдать невѣлено».

[2]) А. М. Г., I, стр. 21, 36. Не можемъ ничего сказать о Мещерскомъ приказѣ, который вѣдалъ татаръ и мордву, служившихъ на кадомскихъ и темниковскихъ сторожахъ, ibid., 37. О казанскомъ Дворцѣ, какъ финансовой чети, см. у П. Н. Милюкова, Госуд. хозяйство, стр. 30—31, С. М. Середонина, Сочиненіе Дж. Флетчера, стр. 245 и слѣд.

[3]) А. А. Э., I, № 289, ящикъ 153.

[4]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 152, лл. 117 об., 119 об. — 120, 133. Въ писцовой книгѣ Свіяжскаго уѣзда 1565—1567 гг. также упоминаются: случаи верстанія свіяжскаго боярина и воеводы князя Андрея Иван. Ростовскаго и всѣхъ воеводъ да дьяка Ив. Безсонова, верстальный списокъ боярина кн. А. Ростовскаго и всѣхъ воеводъ. Арх. Мин. Юст., кн. 432, лл. 272 об., 281, 309 об.

дачѣ казанскаго намѣстника и воеводы князя А. Нохтева 85 г.» [1]). Въ этой же писцовой книгѣ находимъ помѣстныя дачи по грамотѣ за приписью дьяка Ѳед. Лихачева 121 года и по приговору дьяковъ Ник. Шульгина и Степана Дичкова 120 года. О Ѳедорѣ Лихачевѣ извѣстно, что въ 1620 г. онъ былъ съ воеводами въ Казани. Вѣдѣнію воеводъ подлежали и другія категоріи земель. Такъ грамоты монастырямъ на земли давались по государеву слову отъ имени воеводъ и дьяковъ. Грамота Тетюшскому монастырю 1588—89 г. дана отъ имени воеводъ, боярина кн. Ѳед. Дм. Шестунова, думнаго дворянина Игн. Петр. Татищева и дьяковъ Втораго Ѳедорова и Василья Нелюбова. Въ Свіяжскомъ уѣздѣ земли монастырямъ отдѣлялись въ 1555—56 г. «по государеву и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси слову и по приказу слуги и воеводы кн. Мих. Иван. Воротынскаго и всѣхъ свіяжскихъ воеводъ». Власти Преображенскаго монастыря при переписи его земель положили передъ писцами грамоту воеводъ, боярина кн. П. А. Булгакова и всѣхъ воеводъ [2]). Наконецъ, «въ Свіяжскомъ уѣздѣ разныя земли давали на оброкъ свіяжскіе воеводы и дьяки, а оброкъ имали дьяки въ Свіяжскѣ въ Государеву казну». Этотъ оброкъ шелъ въ государеву казну въ Свіяжскѣ дьякамъ «по воеводскимъ грамотамъ и по книгамъ» [3]). Всѣ эти данныя изображаютъ казанскихъ воеводъ самостоятельными администраторами, управляющими своей областью отъ имени верховной власти, чрезъ посредство спеціальнаго приказа, независимо отъ общихъ центральныхъ учрежденій. Но параллельно встрѣчаемъ и такія извѣстія, которыя свидѣтельствуютъ, что центральныя учрежденія вмѣшивались все-таки въ область воеводскаго управленія понизовыми областями. Мы привели нѣсколько данныхъ изъ писцовыхъ книгъ, что помѣстья раздавались мѣстными воеводами и дьяками. Но въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ Казанскаго и Свіяжскаго уѣздовъ 1565—1568 гг. не разъ встрѣчаемъ имя Василія Степанова, дьяка Помѣстнаго приказа, съ «приписью» котораго выдавались помѣстныя грамоты казанскимъ служилымъ людямъ [4]). Возможность предполо-

[1]) Ст. Мельниковъ, Акты историческіе и юридическіе и древнія царскія грамоты Казанской и другихъ сосѣдственныхъ губерній, № 1, сравн. № 3. Арх. Мин. Юст., кн. 642, лл. 63, 68, 70.

[2]) Ст. Мельниковъ, Акты истор. и юридич., № 2; Арх. Мин. Юст., кн. 432, лл. 344 об.—345; кн. 152, л. 215.

[3]) Арх. Мин. Юст., кн. 432, лл. 174 об., 286 об.

[4]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 432, лл. 207—220, 284, 321: упомянуто, что Василій Степановъ вѣдаетъ поступленіе оброчныхъ денегъ съ монастырскихъ мельницъ; кн. 152, л. 147.

женія, что дьякъ Василій Степановъ, несомнѣнно сидѣвшій въ 50-хъ годахъ въ Помѣстномъ приказѣ, могъ перейти въ слѣдующемъ десятилѣтіи въ приказъ казанскаго Дворца, устраняется прямымъ свидѣтельствомъ, что и въ 1567 г. Василій Степановъ продолжалъ управлять Помѣстнымъ приказомъ вмѣстѣ съ старымъ своимъ товарищемъ Путиломъ Михайловымъ [1]). Наконецъ, и въ XVII в. Помѣстный приказъ и казанскій Дворецъ совмѣстно вѣдали служилое землевладѣніе въ низовыхъ городахъ [2]).

Итакъ, извѣстіе Салтыкова о децентрализаціи управленія служилымъ землевладѣніемъ можно принять только съ весьма значительными оговорками. Прежде всего онъ вѣрно отмѣтилъ, откуда вытекало стремленіе къ этой децентрализаціи. Сосредоточеніе дѣлопроизводства по служилому землевладѣнію въ Москвѣ страшно замедляло поземельное устройство служилаго класса, приводило къ запустѣнію помѣстныхъ земель. Казань и Новгородъ названы Салтыковымъ потому, что они были центрами областей, управленіе которыми рано выдѣлилось изъ общей, центральной администраціи. Образъ дѣйствія мѣстныхъ властей въ Казани и Новгородѣ дѣйствительно отличался сравнительно большей независимостью и самостоятельностью. Но до централизаціи было еще далеко. Выдѣленіе областнаго управленія Новгородомъ и Казанью въ вѣдѣніе особыхъ территоріальныхъ приказовъ, новгородскаго Разряда и казанскаго Дворца было неполное. Какъ разъ въ области служилаго землевладѣнія мы отмѣтили ясные признаки участія и общаго учрежденія, Помѣстнаго приказа. Затѣмъ, выдѣленіе управленія какой-нибудь области въ особый приказъ все же не переносило этого управленія въ область, оставляло его въ Москвѣ. Территоріальный приказъ оставался центральнымъ учрежденіемъ и мѣшалъ развиться настоящей децентрализаціи. Самостоятельность мѣстной администраціи въ управленіи служилымъ землевладѣніемъ во второй половинѣ XVI в. оставалась, поэтому, неопредѣленной, случайной [3]).

[1]) Рус. Ист. Библ., II, стр. 42.

[2]) Загоскинъ, Матеріалы истор. и юридич. района Казанскаго Дворца, т. I. Этотъ фактъ отмѣченъ П. Н. Милюковымъ, Госуд. хозяйство Россіи, стр. 295.

[3]) По мнѣнію Градовскаго, въ первыя времена существованія помѣстій значеніе намѣстниковъ и воеводъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Казани, Тобольскѣ было весьма обширно; въ XVII в. встрѣчаются нѣкоторыя ограниченія въ пользу центральныхъ учрежденій. Исторія мѣстн. управленія, стр. 86.

V.

Реформа служилаго землевладѣнія въ срединѣ XVI в., организація помѣстной системы, направлена была къ тому, чтобы поставить въ точное соотвѣтствіе тягости службы и владѣніе землей. Формально эта цѣль достигалась установленіемъ системы помѣстныхъ окладовъ. Окладъ служилъ съ одной стороны показателемъ служебной годности человѣка, а съ другой—нормой его землевладѣльческихъ правъ, обезпечивавшихъ эту годность. Таково было идеальное соотношеніе между службой и землевладѣніемъ. Былъ-ли осуществленъ этотъ идеалъ на практикѣ? Медленность исполненія окладовъ, дробность помѣстныхъ дачъ позволяютъ сдѣлать заключеніе, что въ общей суммѣ между идеаломъ и практикой, окладомъ и дачей должна была существовать большая разница. Обозрѣвая способы испомѣщенія, мы видѣли, что практика далеко расходилась съ идеаломъ въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, значительная количественная разница между окладомъ и дачей была общимъ и постояннымъ явленіемъ, совпаденіе оклада и дачи исключеніемъ. Съ этой стороны ненормальность положенія служилаго человѣка особенно рѣзко бросалась въ глаза правительству, и оно предпринимало различныя мѣры, чтобы сгладить ее, давало въ счетъ недостающаго количества пашенной земли лѣсъ, дикое поле, различныя оброчныя статьи, переводя ихъ на четвертной счетъ. Второй коренной недостатокъ помѣстной системы XVI в. заключался въ ненормальности общаго экономическаго положенія страны, крайней подвижности земледѣльческой культуры, и выражался въ перевѣсѣ пустой земли надъ живущей, способной нести службу. Насколько ясно сознавало правительство первый недостатокъ и стремилось устранить его, настолько же безсознательно и пассивно относилось оно ко второму. Мы знаемъ, что, исполняя окладъ служилаго человѣка, оно не дѣлало никакого различія между пустой и живущей землей и, когда служилые люди отказывались брать землю въ помѣстья «за пустомъ», оно прибѣгало къ одному средству, податной льготѣ, чѣмъ, въ сущности, ставило ихъ еще въ болѣе тяжелое положеніе; взявъ пустое льготное помѣстье, служилый человѣкъ принималъ на себя, кромѣ своихъ прямыхъ военныхъ обязанностей, еще и обязанности хозяина-колонизатора. Это пассивное отношеніе правительства къ качественной сторонѣ помѣстной земли не должно казаться страннымъ. Оно находитъ себѣ есте-

ственное объясненіе въ неумѣніи правительства XVI в. отчетливо разграничить разныя области государственныхъ интересовъ, военныхъ и хозяйственныхъ. Рожденное въ сферѣ крупнаго вотчиннаго хозяйства, помѣстье, и сдѣлавшись формой служилаго землевладѣнія, не утратило того интереса, которому оно служило въ частномъ хозяйствѣ. Какъ тамъ земля отдавалась въ помѣстье, между прочимъ, для того, чтобы обратить ее изъ мертваго въ дѣйствительный капиталъ, такъ и во второй половинѣ XVI в. помѣстье остается орудіемъ государственной колонизаціи. Отсюда и вытекало то смѣшеніе военныхъ и хозяйственныхъ цѣлей, которое было вторымъ существеннымъ недостаткомъ помѣстной системы, не позволявшимъ ей въ точности выполнять ея назначеніе.

Итакъ, слабое развитіе земледѣльческой культуры и ея подвижность, смѣшеніе руководящихъ точекъ зрѣнія въ организаціи помѣстнаго землевладѣнія приводили къ тому, что практика помѣстной системы далеко не достигала высоты своего идеала, выражавшагося въ окладѣ. Чтобы закончить обзоръ помѣстной организаціи XVI в., намъ остается разсмотрѣть тотъ порядокъ, въ которомъ на практикѣ устанавливалось соотношеніе между владѣніемъ землей и службой. Въ уложеніи 1556 г. сказано: «а съ вотчинъ и помѣстій уложенную службу учиниша, со ста четвертей добрые угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ, а въ дальней походъ о дву конь; и кто послужитъ по земли, и государь ихъ жалуетъ своимъ жалованьемъ, кормлениемъ, и на уложеные люди даетъ денежное жалование; а хто землю держитъ, а службы съ неѣ не платитъ, и на тѣхъ же самѣхъ имати денги за люди; а хто даетъ въ службу люди лишние передъ землею черезъ уложенные люди, и тѣмъ отъ государя болшое жалованье самимъ, а людемъ передъ уложенными въ полтретя давати денгами». Такъ какъ помѣстный окладъ назначался соотвѣтственно боевой готовности человѣка, то, естественно, что и обратно помѣстный окладъ служилъ показателемъ этой боевой готовности, и, слѣдовательно, цифра оклада должна была опредѣлять число «уложенныхъ» людей. Но этому порядку противорѣчило существованіе въ большинствѣ случаевъ значительной разницы между окладомъ и дачей. И въ боярской или, правильнѣе, кормленной книгѣ, относимой къ 1556 г., мы находимъ два критерія, опредѣлявшихъ сумму служебныхъ обязанностей каждаго землевладѣльца, окладъ и дачу. Окладъ опредѣлялъ высшую степень боевой готовности человѣка, дача — его фактическую способность. Например, объ

одномъ служиломъ человѣкѣ сказано: «а по Уложенью взяти съ него съ стараго помѣстья и съ вотчины 3 человѣка въ доспѣсехъ, а коли исполнятъ помѣстье, и тогды взяти съ него 6 человѣкъ въ доспѣсехъ да человѣкъ въ тегиляѣ».[1]). Такъ въ данномъ случаѣ дѣйствительная боевая готовность человѣка была вдвое ниже той, которая обозначалась окладомъ, потому что изъ 600 четей оклада дано было всего 230 чт. [2]). Эта двойственность критерія, опредѣляющаго степень служебной годности человѣка, не могла не отразиться самымъ вреднымъ образомъ на военной организаціи помѣстнаго дворянства. Если окладъ и представлялъ самый удобный критерій для опредѣленія службы, какъ величина строго опредѣленная, постоянная и мало измѣнчивая, то съ другой стороны, онъ не могъ исполнять этого своего назначенія потому, что былъ слишкомъ идеаленъ, обыкновенно далеко расходился съ дѣйствительностью. Но еще менѣе могла служить опредѣляюшимъ критеріемъ помѣстная дача, ибо это была величина слишкомъ измѣнчивая, колеблющаяся; провѣрка ея требовала сложной работы и выходила изъ компетенціи собственно военнаго начальства. Такимъ образомъ первый уже опытъ приложенія на практикѣ новаго уложенія о службѣ съ земли, имѣвшаго цѣлью урегулировать службу и землевладѣніе, оказался неудачнымъ въ томъ отношеніи, что обнаружилъ шаткость и непрактичность тѣхъ опредѣляющихъ началъ, которыя должны были лечь въ основу этого урегулированія. Замѣчательно еще и то, что правительство, отступая передъ явною несообразностью оклада и дачи, понижая свои требованія отъ человѣка, не владѣвшаго полнымъ окладомъ, совершенно игнорировало, какъ и при самомъ испомѣщеніи, качественную сторону служилой земли, различіе между пустой и культурной. Въ уложеніи 1556 г. сказано, что вотчинникъ или помѣщикъ долженъ былъ выставлять вооруженнаго человѣка съ каждыхъ 100 четвертей *доброй угожей* земли. Неизвѣстно, насколько точно передаетъ лѣтопись подлинную редакцію уложенія, но нѣтъ сомнѣнія, что выраженіе «100 четей доброй угожей земли» здѣсь надо понимать не въ смыслѣ опредѣленнаго участка хорошей доходной земли, а въ смыслѣ той фиктивной мѣры, которою исчислялась всякая помѣстная земля, всевозможнаго качества и доходности; въ цифрахъ доброй угожей земли могло быть выражено всякое помѣстье, хотя

[1]) Арх. Ист. и Юрид. Свѣд. Калачова, кн. III, стр. 38—39, Немятой Тишковъ.

[2]) См. еще примѣры значенія разницы между окладомъ и дачей, ibidem, стр. 31: Василій Колединскій; стр. 45: Иванъ Хлоповъ, стр. 61—62: кн. Иванъ Вяземскій.

бы состоявшее изъ однѣхъ пустошей и самаго низшаго качества земли. Поэтому и упоминаніе въ уложеніи 1556 г. о доброй угожей землѣ не можетъ служить доказательствомъ того, чтобы его составители обратили должное вниманіе на доходность служилой земли и сообразно съ нею распредѣлили служебныя тягости. Правда, система одобриванія, фиктивно уменьшая участокъ худой земли сравнительно съ равнымъ количественно участкомъ доброй, тѣмъ самымъ понижала служебную тяготу перваго. Но физическое качество самой земли имѣло ничтожное вліяніе на ея служебную способность сравнительно съ ея культурнымъ состояніемъ. Участокъ дикаго поля доброй земли гдѣ-нибудь на окраинѣ по системѣ одобриванія стоялъ выше равнаго по количеству участка худой или средней земли въ центральной полосѣ, но хорошо заселеннаго и приведеннаго въ высокое культурное состояніе; между тѣмъ, естественно, съ дикаго поля помѣщикъ не могъ поставить на службу ни одного человѣка, а съ худой, но культурной и заселенной земли могъ выставить и нѣсколько человѣкъ. Это именно значеніе культурнаго состоянія земли для несенія службы съ нея совершенно игнорируютъ составители книги 1556 г. Послѣдняя сообщаетъ рядъ примѣровъ недодачи «уложенныхъ» людей и передачи ихъ сверхъ нормы. Это зависѣло, конечно, отъ культурнаго состоянія помѣстья или вотчины, ихъ заселенности, но въ книгѣ эти отклоненія отъ нормы измѣряются единственно только количествомъ служилой земли.

Служба земли по уложенію 1556 г. выражалась въ томъ, что съ каждыхъ 100 четвертей доброй угожей земли долженъ былъ являться на службу человѣкъ въ полномъ доспѣхѣ. Самъ помѣщикъ или вотчинникъ также включался въ число людей, требуемыхъ по разсчету съ земли. Поэтому о помѣстьяхъ и вотчинахъ, не превышавшихъ 100 четей, отмѣчалось, что «съ земли людей взяти не съ чего», и на службу долженъ былъ являться самъ землевладѣлецъ лично [1]). Съ большихъ помѣстій и вотчинъ люди брались по указанному выше разсчету: съ 400 четей 3 человѣка, съ 500—4, 600 — 5 и т. д. Съ неполныхъ 100 четей шелъ человѣкъ въ тегиляѣ, а не въ доспѣхѣ, т. е. въ легкомъ вооруженіи. Необходимость извѣстнаго вооруженія при отправленіи службы имѣла громадное значеніе въ томъ отношеніи, что вызвала появленіе новаго рессурса для содержанія военныхъ силъ государства, денеж-

[1]) Ibidem, стр. 45, 65.

наго жалованья. Въ нашу задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе вопроса о денежномъ содержаніи московской арміи; намъ необходимо только отмѣтить главныя черты соотношенія между владѣніемъ служилой землей и денежнымъ жалованьемъ. Появленіе денежнаго вознагражденія за военную службу можно отнести къ началу XVI в. на основаніи прямаго свидѣтельства Герберштейна о періодической раздачѣ вел. княземъ Василіемъ Ивановичемъ денежнаго жалованья (stipendia) дѣтямъ боярскимъ[1]). По смыслу уложенія 1556 г. денежное жалованье является подспорьемъ къ доходамъ съ земли и наградой за исправное исполненіе службы съ земли. По разсказу лѣтописи государь уложилъ самихъ помѣщиковъ за службу награждать кормленіями, а за уложенныхъ людей платить деньги; за доставленіе сверхурочнаго числа людей сами землевладѣльцы должны были получать «большое жалованье», а за лишнихъ людей деньги въ полтретья ($2^1/_2$) раза. Боярская книга 1556 г. подробно разъясняетъ это постановленіе. Сами служилые люди взамѣнъ кормленій получаютъ денежное жалованье «по новому окладу». Но денежные оклады, раздѣленные приблизительно на 25 статей, не находятся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ помѣстными окладами или дачами. Отнесеніе служилаго человѣка къ той или другой статьѣ денежнаго оклада основывалось на его личной боевой готовности, главнымъ образомъ, на состояніи того вооруженія, съ какимъ онъ являлся на смотръ къ верстанію. За уложенныхъ людей жалованье было установлено въ 2 рубля за человѣка въ доспѣхѣ и въ 1 рубль за человѣка въ тегилѣ. Неимѣніе соотвѣтственнаго вооруженія или отдѣльныхъ его принадлежностей вызывало вычетъ изъ жалованья. Добавочное жалованіе за лишнихъ людей производилось не всегда въ той пропорціи, которая указана въ лѣтописи. Въ общемъ боярская книга 1556 г. проводитъ очень ясное различіе въ значеніи земли и денежнаго жалованья, какъ двухъ основныхъ рессурсовъ содержанія

[1]) Перев. Анонимова, стр. 26, 76; Лихачевъ, Разрядные дьяки, 451; Сторожевъ, Десятни, предисловіе, I; свидѣтельство о денежномъ жалованьѣ при вел. князѣ Василіи Ивановичѣ находимъ еще въ дѣлѣ 7032 г. по доносу Ѳедора Крыжина на муромскихъ дѣтей боярскихъ о намѣреніи ихъ бѣжать въ Литву. Обвиняемые, оправдываясь, между прочимъ, говорили: «давали намъ, государь, дьяки жалованье вел. князя Ушакъ и Переяславецъ, и мы, государь, сказывали всѣ на того Ѳедку то, что онъ емлетъ жалованье, а на службу не ѣздитъ и служебъ бѣгаетъ. И дьяки, государь, посылали къ Елизару Цыплятеву о томъ пытати. И Елизаръ, государь, обыскавъ того, да тому Ѳедку жалованья не велѣлъ давати». Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Прик. дѣла стар. лѣтъ, св. I, № 1.

военнаго класса. Земля даетъ средства къ жизни самому служилому человѣку и его людямъ, и возможность содержать необходимое число лошадей, такъ какъ главную силу московской арміи составляла конница. Но для несенія службы нужно было вооруженіе. При господствѣ натуральнаго хозяйства и отсутствіи денежныхъ капиталовъ, служилымъ людямъ трудно было пріобрѣтать сложное и дорого стоющее вооруженіе на доходы со своихъ хозяйствъ. Выше мы видѣли, что сильное развитіе долговыхъ отношеній между служилыми людьми и богатыми капиталистами, преимущественно монастырями, обусловливалось часто необходимостью пріобрѣтать разное боевое снаряженіе подъ залогъ земель. Поэтому денежное жалованье явилось необходимымъ средствомъ обезпеченія исправнаго вооруженія служилыхъ людей. Наблюдая раздачу денегъ по книгѣ 1556 г., въ особенности случаи недодачи и вычетовъ изъ положенныхъ окладовъ, можно видѣть, что денежное жалованье, полная или неполная его выдача, тѣсно связано съ извѣстнымъ состояніемъ вооруженія служилаго человѣка. Такимъ образомъ въ срединѣ XVI в., въ моментъ введенія правильной системы служилаго землевладѣнія, денежное жалованье является не въ видѣ только награды за службу, не просто подспорьемъ къ средствамъ, доставляемымъ служилой землей, но такимъ же важнымъ и самостоятельнымъ источникомъ, какъ и служилая земля, имѣющимъ свое особое назначеніе. Земля обезпечивала извѣстную норму численнаго состава военныхъ силъ государства, денежное жалованье — извѣстную степень его боевой готовности. Такимъ образомъ уже въ срединѣ XVI в. ясно обнаружилось, что одна земля по условіямъ общаго экономическаго быта страны, по несовершенству правительственной организаціи, не можетъ служить единственнымъ источникомъ содержанія арміи. Введеніе системы денежнаго жалованья, какъ рисуетъ ее книга 1556 г., было уже первымъ шагомъ къ переустройству военной организаціи государства на новыхъ основаніяхъ. Но старая система просуществовала еще болѣе столѣтія.

Подобныя же свѣдѣнія, какъ и книга 1556 г., сообщаютъ нѣкоторыя десятни второй половины XVI в., напримѣръ коломенская 1577-го и ряжская 1579 годовъ. По этимъ десятнямъ также нельзя установить никакого соотвѣтствія между денежными и помѣстными окладами. Напримѣръ, по коломенской десятнѣ помѣстные и денежные оклады сочетаются между собой такимъ образомъ:

14	руб.	получаютъ	помѣщики	съ	окладами	400—150	четей.
13	»	»	»	»	»	300—100	»
12	»	»	»	»	»	300—100	»
11	»	»	»	»	»	250—100	»
10	»	»	»	»	»	300—150	»
9	»	»	»	»	»	300—100	»
8	»	»	»	»	»	300—150	»
7	»	»	»	»	»	250—100	»
6	»	»	»	»	»	250—100	»
5	»	»	»	»	»	150—100	» [1].

Такое же несоотвѣтствіе обоего рода окладовъ наблюдается и въ ряжской десятнѣ; въ ней, напримѣръ, 4-я статья денежнаго оклада въ 9 рублей заключаетъ въ себѣ помѣстные оклады отъ 250 до 40 четей, а пятая статья, 8 рублей, оклады въ 150—30 четей [2]. Но, отмѣчая разнообразіе сочетаній помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, нельзя не замѣтить, что въ общемъ замѣчается нѣкоторый параллелизмъ въ пониженіи и повышеніи тѣхъ и другихъ; объясняется онъ тѣмъ, что при назначеніи и помѣстнаго и денежнаго оклада критеріемъ была служебная годность человѣка, хотя и въ разныхъ ея проявленіяхъ.

Итакъ, кореннымъ недостаткомъ всей помѣстной системы, не позволявшимъ построить на ней прочной и цѣлесообразной военной организаціи, была ея двойственность. Твердо усвоивъ принципъ служилаго землевладѣнія — земля не должна выходить изъ службы, — правительство быстро и довольно удачно справилось съ формальной стороной созданія такого землевладѣнія, но практическое осуществленіе помѣстной системы потерпѣло неудачу. Причины ея только отчасти зависѣли отъ правительства, именно въ томъ отношеніи, что оно не сумѣло отказаться отъ стараго хозяйственнаго взгляда на помѣстье, какъ на средство эксплуатаціи пустопорожнихъ земель. Другой, болѣе общей и независящей отъ правительства, причиной неудачи практическаго осуществленія помѣстной системы было общее экономическое положеніе страны, недостатокъ населенныхъ доходныхъ земель и подвижность земледѣльческой культуры. Отсюда вытекали всѣ недостатки въ практикѣ помѣстной организаціи.

[1]) Сторожевъ, Десятни, 2—41.

[2]) Ibid., 221—225.

ГЛАВА IV.

Типы помѣстнаго землевладѣнія XVI вѣка.

Первоначальнымъ типомъ помѣстья было обычное округленное хозяйство частнаго собственника, деревня или нѣсколько деревень, иногда съ селомъ въ центрѣ, съ пашенной землей, перелогомъ, лугами и лѣсомъ. Но подъ вліяніемъ различныхъ условій, того или другаго способа испомѣщенія и обращенія помѣстій между служилыми людьми, этотъ первоначальный типъ помѣстья подвергался сильнымъ измѣненіямъ. Писцовыя книги доставляютъ богатый матеріалъ для детальнаго изученія особенностей помѣстнаго землевладѣнія въ различныхъ областяхъ Московскаго государства. Въ нашу задачу подобное изслѣдованіе не входитъ, такъ какъ обработка матеріала для каждаго уѣзда или области въ отдѣльности можетъ составить значительную монографію [1]). Въ настоящемъ очеркѣ мы желаемъ только выяснить общія черты процесса измѣненія первоначальнаго типа помѣстья второй половины XVI в. и иллюстрировать результаты этого процесса рядомъ характерныхъ примѣровъ. Различные способы испомѣщенія намъ извѣстны. Познакомимся съ тѣми факторами измѣненія основнаго типа помѣстья, которые вытекали изъ порядка обращенія помѣстій между служилыми людьми. Выше мы разбирали порядокъ, въ какомъ сыновья помѣщика становились совладѣльцами отца, и видѣли, что, какъ при жизни отца, такъ и послѣ его смерти, отецъ съ сыновьями и братья между собою дѣлались юридически равноправными владѣльцами каждый своей выти. Но при тѣсномъ кровномъ родствѣ

[1]) Только путемъ такой монографической разработки писцовыхъ книгъ по областямъ можетъ быть исчерпанъ необозримый матеріалъ этой группы источниковъ. Примѣрами такихъ монографій могутъ служить труды И. И. Лаппо—Тверской уѣздъ XVI в., И. Н. Миклашевскаго — Къ исторіи хозяйственнаго быта моск. госуд., ч. I, г-жи Щепкиной,—Тульскій уѣздъ въ XVII в.

совладѣльцевъ раздѣленное на жеребьи помѣстье могло оставаться однимъ хозяйственнымъ цѣлымъ. Близкіе родственники, братья напримѣръ, обладавшіе отдѣльными окладами, получая совмѣстно помѣстье, представлявшее ранѣе одно хозяйственное цѣлое, оставляли его нераздѣленнымъ или же дѣлили его, сообразно своимъ окладамъ, тѣми способами, какіе существовали и въ области вотчиннаго землевладѣнія. Напримѣръ, за князьями Василіемъ и Петромъ Буйносовыми-Ростовскими, имѣвшими оклады по 700 четей каждый, въ Вяземскомъ уѣздѣ было нѣсколько помѣстій, всего 1216 четей. Всѣ хозяйственныя единицы, села, починки, деревни пустоши, угодья, составляющія эти помѣстья, записаны совмѣстно за обоими братьями, безъ всякихъ признаковъ раздѣленія между ними. Между тѣмъ каждый изъ совладѣльцевъ имѣлъ право на опредѣленный жеребій или выть въ этомъ помѣстьѣ, такъ какъ каждый владѣлъ отдѣльнымъ окладомъ. Слѣдовательно, въ силу близкаго родства совладѣльцевъ раздѣльность ихъ правъ не была до времени выражена реально и не нарушала хозяйственнаго единства ихъ общаго помѣстья [1]). Въ той же писцовой книгѣ Вяземскаго уѣзда мы находимъ и обратные примѣры дѣлежа помѣстій между братьями «полюбовно», въ результатѣ котораго выти совладѣльцевъ представляли обособленныя, самостоятельныя хозяйства. Дѣлились помѣстья такими же двумя способами, какъ и вотчины: села, деревни и пустоши или входили въ цѣльномъ видѣ въ каждую выть, и такимъ образомъ эта выть теряла всякую связь съ другими, или же каждое село, деревня, пустошь дѣлились на нѣсколько жеребьевъ, и въ результатѣ помѣстье каждаго совладѣльца составлялось изъ извѣстнаго числа жеребьевъ въ нѣсколькихъ селахъ, деревняхъ и пустошахъ; получался, слѣдовательно, особый, мозаическій, если можно такъ выразиться, типъ помѣстья. Но помѣстье могло составиться изъ отдѣльныхъ жеребьевъ въ разныхъ селеніяхъ не только въ результатѣ извѣстнаго способа полюбовнаго дѣлежа между родичами. Смерть или какая нибудь другая причина могла сдѣлать участокъ одного изъ совладѣльцевъ-родичей свободнымъ, порозжимъ. Мы видѣли, что въ этихъ случаяхъ ближайшими конкуррентами на него являлись совладѣльцы, братья напримѣръ. Ихъ хлопоты могли, однако, остаться безъ успѣха, свободный участокъ могъ быть отписанъ на государя и отданъ другому помѣщику, чужеродцу. Въ этомъ случаѣ, конечно, должно

[1]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, стр. 603—608.

было произойти дробленіе помѣстья, выдѣленіе участка не только юридическое, но и фактическое, обособленіе его въ самостоятельную хозяйственную единицу. Отчужденіе участка одного изъ совладѣльцевъ, связанныхъ узами тѣснаго родства, въ пользу чужеродца могло произойти не только по причинамъ невольнымъ, смерти, отнятія помѣстья за нѣтство и другимъ. Будучи самостоятельнымъ владѣльцемъ своего участка, каждый помѣщикъ могъ отчуждать его по собственному желанію однимъ изъ тѣхъ способовъ, какіе допускались въ XVI в. Такими способами были мѣна и сдача. Основанія мѣны ясно изложены въ двухъ царскихъ грамотахъ новгородскимъ дьякамъ 1555—56 г. Двѣ причины могли служить побужденіемъ къ мѣнѣ: желаніе обмѣнять худшее на лучшее и неудобства, проистекавшія отъ разбросанности на дальнихъ разстояніяхъ отдѣльныхъ помѣстныхъ участковъ, стремленіе привести ихъ въ одну межу. Законность первой причины отрицалась безусловно. Дьякамъ въ упомянутыхъ грамотахъ предписывалось беречь накрѣпко, «чтобъ однолично живущими на пустые обжы и худыми па лутчіе обжы, наддачи для, не мѣняли». Мѣна допускалась только въ тѣхъ случаяхъ, когда вымѣниваемыя земли приходились смежными съ другими землями мѣняющихся помѣщиковъ, такъ что помѣстныя владѣнія черезъ эту мѣну сосредоточивались въ однихъ мѣстахъ; при этомъ «требовалось равенство мѣняемыхъ земель не только по количеству, но и по добротѣ ихъ». Дьяки должны были допускать мѣну лишь въ тѣхъ случаяхъ, если «мѣновные обжи пашня пашнѣ землею и всякими угодьи и доходомъ будутъ ровны и непусты, а нашей будетъ службѣ и нашемъ податемъ въ той ихъ мѣнѣ убытка не будетъ» [1]). Точно также не регламентированной еще законодательствомъ, но допущенной въ практикѣ частными распоряженіями правительства, является сдача помѣстій. Сдача помѣстій, о которой законодательство начинаетъ говорить только со времени царя Михаила Ѳедоровича, по мнѣнію Неволина, «прежде всего была дозволена, кажется, лицамъ женскаго пола или въ ихъ пользу». «Изъ мущинъ право сдачи помѣстій получили прежде всѣхъ другихъ престарѣлые, уволенные отъ службы съ назначеніемъ имъ при томъ помѣстій на прожитокъ. Это право принадлежало имъ, можетъ быть, уже по законамъ царя Михаила Ѳедоровича; но прямо оно было предоставлено имъ только Уложеніемъ» [2]). Но и здѣсь, какъ во многомъ другомъ, практика далеко опередила законодательную

[1]) Д. А. И., I, № 52, V, XXII; Неволинъ. П. С. С., IV, стр.. 213—214.
[2]) Неволинъ, IV, стр. 214, 216.

*

норму. Случаи сдачи помѣстій, правда очень рѣдкіе, мы встрѣчаемъ уже въ писцовыхъ книгахъ второй половины XVI в., и при томъ сдачи мущинами и въ пользу чужеродцевъ [1]).

Съ точки зрѣнія условій, опредѣлявшихъ типъ помѣстья, т. е. того или другаго способа испомѣщенія, порядка наслѣдованія и совладѣнія, обращенія между разными владѣльцами, сдѣлаемъ общій обзоръ типовъ помѣстнаго землевладѣнія, выработавшихся въ XVI в.

Древнѣйшія свѣдѣнія о помѣстьяхъ въ центральной полосѣ государства, въ окрестностяхъ Москвы, сохранились въ отрывкахъ писцовыхъ книгъ 20-хъ годовъ XVI в., находящихся въ извѣстномъ рукописномъ сборникѣ актовъ московской митрополіи. Здѣсь мы находимъ помѣстья, состоящія, большею частью, изъ одного селенія, села или деревни; помѣщиками являются или отдѣльныя лица, или нѣсколько братьевъ, или отецъ съ сыновьями [2]). Во второй половинѣ XVI в., въ эпоху появленія помѣстныхъ окладовъ и опредѣленной системы урегулированія помѣстнаго землевладѣнія, обычнымъ типомъ помѣстья средней полосы, въ уѣздахъ Московскомъ, Звенигородскомъ, Коломенскомъ, является группа селеній, деревень съ селомъ въ центрѣ или безъ него. Указы 1550 и 1587 годовъ о подмосковныхъ помѣстныхъ окладахъ должны были дать преобладаніе сравнительно мелкому помѣстному землевладѣнію, такъ какъ установленные ими оклады содержали въ себѣ отъ 50 до 200 четей. Дѣйствительно, по писцовымъ книгамъ второй половины вѣка въ названныхъ уѣздахъ преобладаютъ помѣстья, величина которыхъ колеблется въ предѣлахъ указанныхъ окладовъ. Рѣже встрѣчаются помѣстья величиной отъ 200 до 400 четей. Большія же помѣстья, какъ напримѣръ, кн. Сем. Ард. Черкасскаго, владѣвшаго въ Московскомъ уѣздѣ по писцовой книгѣ 1584—1586 годовъ болѣе чѣмъ двумя тысячами четей, или кн. Даніила Засѣкина, за которымъ въ Звенигородѣ было болѣе 800 четей, составляютъ уже исключеніе [3]). Преобладаніе среднихъ и мелкихъ окладовъ вело къ тому, что дробность и разбросанность помѣстій не могла сильно развиться, такъ какъ небольшой окладъ легче исполнялся въ одной межѣ, въ одномъ кускѣ, чѣмъ окладъ крупный. Поэтому въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ преобладали оклады отъ 100

[1]) Напр. писц. книги Псковскаго уѣзда, Арх. Юст., кн. 830, л. 26 об.; кн. 827, л. 410 об.

[2]) Рум. Музей, Бѣляевскій Сборникъ № 1620, лл. 31 об. и слѣд.

[3]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ, I, 96—98, 711.

до 200 четей, почти всѣ помѣстья отдѣляются въ одномъ какомъ-нибудь стану или волости; дробность же участковъ очень рѣдка [1]). Въ Коломенскомъ же уѣздѣ, гдѣ помѣстья были нѣсколько крупнѣе, и величина ихъ чаще колебалась между 200 и 400 четями, соединеніе въ рукахъ одного помѣщика помѣстныхъ участковъ въ двухъ и даже трехъ станахъ или волостяхъ составляло уже обычное явленіе [2]).

Дѣйствіе условій, измѣнявшихъ первоначальный типъ помѣстья, какъ группы селеній, связанныхъ въ одно цѣльное, округленное хозяйство, сказывалось уже въ Московскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ. Въ результатѣ этихъ условій цѣльныя, хозяйственныя единицы, села, деревни, пустоши дробились между нѣсколькими владѣльцами, родичами или чужеродцами; село или деревня раздѣлялись на нѣсколько жеребьевъ или вытей, находившихся въ самостоятельномъ юридическомъ и хозяйственномъ обладаніи отдѣльныхъ помѣщиковъ, и такимъ образомъ помѣстье составлялось мозаически изъ мелкихъ кусковъ, частей отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ. Такой типъ помѣстья создавался или при одновременномъ испомѣщеніи въ одномъ селеніи нѣсколькихъ помѣщиковъ или путемъ дробленія отцовскаго помѣстья между сыновьями на отдѣльныя выти, представлявшія самостоятельныя помѣстья, а затѣмъ путемъ перехода этихъ вытей въ руки чужеродцевъ. Въ Московскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько случаевъ раздѣла «живущихъ» селеній между нѣсколькими помѣщиками, произведеннаго при самой раздачѣ помѣстій. Такъ одна деревня раздѣлена была на три части между тремя помѣщиками, и къ каждой трети въ исполненіе оклада придано было по нѣсколько пустошей. Въ другомъ случаѣ село раздѣлено было между двумя помѣщиками чужеродцами, при чемъ помѣщичій дворъ, храмъ съ дворами причта записаны были «обѣма имъ вопче», а крестьянскіе дворы съ землей раздѣлены были на двѣ выти [3]). Это дробленіе живущихъ селеній между нѣсколькими помѣщиками можно объяснить тѣмъ, что помѣстья, описанныя въ писцовыхъ книгахъ 1573—1574 и 1576—1578 годовъ, были розданы изъ порозжихъ земель и представляли почти сплошь однѣ пустоши. Тѣ рѣдкія села и деревни, которыя

[1]) См. писцовыя книги Московск. уѣзда въ Писц. кн., т. I, passim, особенно первую и вторую, стр. 1 и слѣд., 39 и слѣд. Участки въ двухъ станахъ, стр. 48—49, 98.

[2]) Писц. кн., I, 336, 341, 345, 346, 347, 350, 354, 357, 361, 362, 364, 397, 401, 414, 432 и мн. др.

[3]) Ibidem, I, 21, 35—36, 44—45.

оказывались живущими, и раздавались, вѣроятно, для нѣкоторой равномѣрности по частямъ.

«Вопчее» владѣніе или совладѣніе [1]) и мозаичность состава помѣстныхъ участковъ, рѣдкія въ Московскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ, были сильно развиты въ Коломенскомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ многочисленные случаи совладѣнія, какъ братьевъ и другихъ близкихъ родственниковъ, такъ и чужеродцевъ [2]). Это дробленіе отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ въ рукахъ нѣсколькихъ помѣщиковъ, въ связи съ разбросанностью помѣстныхъ участковъ въ разныхъ станахъ, вело, какъ сказано, къ большой мозаичности состава помѣстій. Вотъ рядъ примѣровъ:

1 деревня въ Микул. ст., 1/2 сельца въ Каневск., 1 деревня въ Оглоблинѣ.

1/4 пуст. въ Микул., 1 село въ Похрянск. стану.

1 сельцо, 1 пуст. въ Микул., 2/3 сельца въ Левичинѣ.

1 пуст. въ Микул., 1/2 сельца въ Мезынской волости.

1 деревня, 1 жребій деревни въ Микул., 1 жребій сельца, 1/4 пуст. въ Каневскомъ, 3 деревни въ Усмерскомъ.

1/2 села, 1/2 деревни, 1/2 пуст. въ Микул., 1 жребій села и деревни въ Похрянскомъ стану.

1 сельцо въ Микул. и 2/3 деревни въ Скулневѣ.

1 жребій сельца, 1 пуст. въ Микул., 1 1/2 пуст. въ Оглоблинской волости.

1/2 пуст. въ Микул., 1/3 сельца въ Каменскомъ [3]).

Но не мало было также помѣщиковъ, владѣвшихъ цѣльными помѣстными участками въ одномъ или нѣсколькихъ станахъ.

Въ областяхъ В. Новгорода помѣстное землевладѣніе развилось на широкой основѣ крупнаго вотчиннаго землевладѣнія. Послѣ покоренія Новгорода земельныя латифундіи новгородскихъ бояръ и монастырей разошлись мелкими кусками по рукамъ новаго, пришлаго помѣстнаго класса; спеціальная разработка статистическаго матеріала, доставляемаго новгородскими писцовыми книгами конца XV и XVI вв., могла бы дать чрезвычайно любопытную картину землевладѣльческаго переворота, происшедшаго послѣ паденія полити-

[1]) Этими выраженіями мы повторяемъ терминологію источниковъ, называющихъ село или деревню, раздѣленныя между нѣсколькими помѣщиками, «вопчими». См. предыд. примѣч. и еще тамъ же стр. 696—697.

[2]) Совладѣніе родичей тамъ же, стр. 335, 350, 352, 483—484, 486, 487, 517, 595, 596 и мн. др. Совладѣніе чужеродцевъ, стр. 336, 337, 343, 344, 345, 356, 358, 360, 361, 363—364, 408, 414—415.

[3]) Ibid., стр. 341, 345, 347, 354, 362, 363—364, 397, 414, 432.

ческой самостоятельности Новгорода; въ нашу задачу подобное изслѣдованіе не входитъ. Особенности той основы, на которой построено было помѣстное землевладѣніе въ новгородскихъ земляхъ, исключительныя обстоятельства, въ которыхъ совершалось тамъ испомѣщеніе московскихъ служилыхъ людей, не создали особеннаго типа помѣстья, сравнительно съ тѣмъ, какой мы наблюдали въ центральныхъ областяхъ и съ какимъ познакомимся на другихъ окраинахъ. Обычнымъ типомъ новгородскаго помѣстья въ началѣ XVI в. была группа деревень, связанныхъ въ одно хозяйственное цѣлое, иногда сконцентрированныхъ кругомъ села. Очень часто въ рукахъ одного помѣщика соединялось нѣсколько такихъ группъ, взятыхъ изъ большихъ вотчинъ новгородскихъ бояръ, «боярщинъ» по терминологіи писцовыхъ книгъ. Въ большинствѣ случаевъ помѣстья составлялись изъ 2—3 боярщинъ, рѣдко изъ четырехъ или пяти [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Новгородской области сильно развито было и «вопчее» владѣніе. За большинствомъ помѣщиковъ записаны въ писцовыхъ книгахъ кромѣ цѣльныхъ селеній, селъ и деревень, также и участки въ «вопчихъ» деревняхъ. «Вопчими» владѣльцами являются родичи, чужеродцы и самъ государь, московскій великій князь, въ дворцовыхъ земляхъ. Изъ родичей совладѣльцами обыкновенно являются отцы съ дѣтьми и братья. Въ большинствѣ случаевъ помѣстья записываются совмѣстно за всѣми совладѣльцами, которые, хотя и живутъ иногда въ разныхъ селахъ и деревняхъ, но владѣютъ помѣстьемъ сообща [2]). Крайне рѣдко помѣстье является раздѣленнымъ между родичами. Напримѣръ, въ Вотской пятинѣ, Ястребинскомъ погостѣ, селомъ Теребушкой владѣли Ивашка и Кондратка Василевы; у Ивашки было шесть сыновей, «и въ томъ селѣ Ивашку съ дѣтьми дано полъ обжы, а Кондратику полъ-шесты обжы; а доходъ имъ себѣ имати съ тѣхъ обежъ по разсчету, по обжамъ» [3]). По писцовой книгѣ Шелонской пятины 1530 г. погостъ Должинскій находился въ совмѣстномъ владѣніи Микулы, Григорья и Степана Квашниныхъ, причемъ «Микулѣ заставѣ (?) стараго помѣстья и съ придачею 20 обежъ, а Григорью стараго и съ придачею 20 обежъ, а Степану стараго и съ придачею 15 обежъ, а подѣ-

[1]) Любое количество примѣровъ въ новгородск. писц. книгахъ, издан. Археограф. Коммиссіей, въ частности т. I, ст. 18—22, 32, 35, 55, 59, 86, 117, 144, 266, 435; т. II, 12, 18, 593, 668 и passim.

[2]) См. любую писцовую книгу, напр. т. I, ст. 18, 27, 33, 78, 131, 267, 273, 291.

[3]) Писц. кн., т. III, ст. 790—791.

лити имъ то помѣстье старое и съ придачею межъ себя самимъ» [1]). Раздѣлъ селъ и деревень на участки или жеребьи происходитъ, естественно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вопчими владѣльцами являются чужеродцы [2]). Своеобразной особенностью новгородскаго помѣстнаго быта является «вопчее» владѣніе съ великимъ княземъ въ дворцовыхъ земляхъ [3]).

Лучшія военныя силы государства, служилые люди съ высшими помѣстными окладами, сосредоточены были на западной окраинѣ, въ областяхъ Пскова и его пригородовъ, Великихъ Лукъ, Полоцка, Вязьмы. Однообразнаго типа помѣстій не встрѣчаемъ здѣсь также, какъ и въ центральной полосѣ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ онѣ представляютъ чрезвычайно мелкую мозаику, въ другихъ, наоборотъ, встрѣчаемъ крупныя и цѣльныя хозяйства. Наибольшей дробности, черезполосности и мозаичности достигаетъ помѣстное землевладѣніе въ Псковскихъ областяхъ. По свидѣтельству писцовыхъ книгъ конца XVI в., здѣсь оклады были гораздо выше, чѣмъ въ центральной области; такъ въ уѣздахъ самого Пскова и его пригородовъ, Гдова, Кобылья, Изборска, Острова, Воронача, Дубкова, Выбора, громадное большинство помѣщиковъ владѣли окладами отъ 200 до 600 четей; оклады менѣе 150 четей попадаются уже какъ исключенія [4]). Въ этихъ областяхъ къ концу XVI в. чувствовался, видимо, сильный недостатокъ въ земляхъ; помѣстныя дачи далеко не совпадаютъ съ окладами и составляются изъ мелкихъ и дробныхъ участковъ. Почти совсѣмъ не встрѣчаемъ помѣщиковъ, владѣнія которыхъ не были бы разбросаны въ нѣсколькихъ губахъ одного стана, или въ нѣсколькихъ станахъ и уѣздахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ за псковскими помѣщиками не показаны помѣстныя дачи за предѣлами псковскихъ областей [5]). Также какъ и въ центрѣ государства, во Псковѣ «вопчее» владѣніе однимъ помѣстьемъ одинаково часто встрѣчается между чужеродцами, какъ и между родичами, отцомъ и сыновьями, братьями, дядями и племянниками [6]). Какъ на характерную особенность помѣстнаго землевладѣнія въ

[1]) Т. IV, ст. 435—439.

[2]) См., напр., т. III, ст. 537—538, 823 и слѣд., т. IV, 93.

[3]) Случаи «вопчаго» владѣнія въ дворцовыхъ селахъ см. напр., т. III, 733 и слѣд., 742, 748, 800; т. IV, 37 и слѣд., 167.

[4]) Арх. Мин. Юст., кн. 827, 830, passim.

[5]) Примѣры наибольшей дробности: ibid., кн. 827, лл. 91—92, 418 и об. 624 об., 700 и об., 789, 800 об., 854 и об., 983, 1084, 1307, 1332, 1373.

[6]) Ibidem, кн. 827, лл. 91—92, 94 об., 183 об., 418 об., 367 и слѣд., 484, 513 об., 515, 725, 1168 об., 1258, 1302—1305 об., 1372; кн. 830, л. 19 об. и слѣд., 75 и слѣд., 165 об. и слѣд., 229.

Псковскихъ областяхъ можно указать на то, что совладѣльцами помѣщиковъ въ селахъ, деревняхъ и пустошахъ являются монастыри и церкви [1]).

Подобный же характеръ носитъ помѣстное землевладѣніе Великолуцкаго и Пусторжевскаго уѣздовъ. Оклады помѣстные здѣсь нѣсколько выше, чѣмъ въ псковскихъ областяхъ. Въ Великолуцкомъ уѣздѣ они колеблются преимущественно отъ 150 до 500 четей, въ Пусторжевскомъ отъ 200 до 600 [2]). Дачи помѣстныя большинства помѣщиковъ также разбросаны въ нѣсколькихъ станахъ и волостяхъ (отъ 2 до 5). Но встрѣчаемъ также нѣсколько случаевъ, когда полный окладъ заключенъ былъ въ одномъ участкѣ; понятно, что эти оклады принадлежали къ числу болѣе мелкихъ, четей въ 100—250 [3]). Общность владѣнія и дробленіе селеній между нѣсколькими помѣщиками развиты были менѣе, чѣмъ въ центрѣ государства и въ псковскихъ областяхъ. Когда «вопчими» владѣльцами являются близкіе родичи, отцы съ сыновьями, братья, дядья съ племянниками, то помѣстья ихъ записываются въ писцовыя книги безъ указанія на отдѣльность правъ каждаго помѣщика [4]). Когда же совладѣльцами являются люди другъ другу чужіе, то и помѣстье записывается раздѣльно [5]). Дѣйствительная общность пользованія устанавливалась въ помѣстныхъ угодьяхъ. Такъ, напримѣръ, испомѣщенные въ Боруцкой черной волости Пусторжевскаго уѣзда служилые люди били челомъ, что у нихъ нѣтъ лѣсу хоромнаго и дровянаго, и получили разрѣшеніе въѣзжать въ лѣсъ другихъ помѣщиковъ [6]).

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ. За братьями Иваномъ и Степаномъ Тимашовыми въ Гдовскомъ уѣздѣ «вопче» съ церковью была 1 деревня съ тремя крестьянскими дворами; на долю помѣщиковъ приходилось 7 жеребьевъ, на долю церкви восьмой. Въ Кобыльскомъ уѣздѣ помѣщикъ Ив. Перетрутовъ владѣлъ совмѣстно съ шестью монастырями и церквами двѣнадцатью деревнями и двадцатью пустошами. Другой помѣщикъ въ томъ же уѣздѣ владѣлъ половиной деревни, а изъ другой половины четь была за Троицкой церковью, что во Псковѣ, и четь за Никольскою церковью въ Ремдѣ. Въ Псковскомъ уѣздѣ за Алекс. Харламовымъ были 2 деревни въ общемъ владѣніи по половинамъ съ церковью. Ibid., кн. 827, лл. 253 об., 315 об., 391 и слѣд., 411 и об., 484; кн. 830, лл. 31 и 34 и слѣд., 469, 474.

[2]) Арх. Мин. Юст., кн. 244 и 8183, passim.

[3]) Ibid., кн. 244, лл. 980, 1041, 1050 и слѣд., кн. 8183, лл. 200, 201 об.

[4]) Ibid., кн. 244, лл. 972 об. и слѣд., 1041, 1047, 1079 и слѣд., 1151, 1178 об.; кн. 8183, лл. 196 об., 202, 210 об., 223 об.

[5]) Напримѣръ, одной деревней владѣютъ два помѣщика; за каждымъ изъ нихъ отдѣльно записано по полудеревнѣ съ однимъ крестьянскимъ дворомъ и однимъ человѣкомъ, пашни худой земли приходится первому 4, второму 6 четей. Писц. кн. 244, л. 1164—1165.

[6]) Ibid., кн. 8183, л. 56 об.

Наивысшіе помѣстные оклады встрѣчаемъ въ средней части западной окраины, въ Вяземскомъ уѣздѣ. Здѣсь они колебались въ предѣлахъ отъ 100 до 800 четей, причемъ наиболѣе распространены были оклады въ 250—700 четей. Обозрѣвая распредѣленіе помѣстнаго класса по окраинамъ, мы видѣли, что кругомъ Вязьмы расположилось много представителей центральной администраціи, принадлежавшихъ къ высшимъ слоямъ служилаго класса. Эти служилые люди болѣе высокихъ ранговъ съ высокими окладами не принадлежали исключительно къ мѣстному служилому обществу и владѣли помѣстьями кромѣ Вязьмы также и въ другихъ городахъ, иногда очень далекихъ: Козельскѣ, Старицѣ, Кашинѣ, Муромѣ, Ярославлѣ, Алексинѣ, Суздалѣ, Ржевѣ, Рязани, Медыни, Зубцовѣ, Ростовѣ, Калугѣ, Мещовскѣ, Костромѣ [1]). Какъ эти помѣщики, такъ и тѣ, которые имѣли помѣстья исключительно въ предѣлахъ Вяземскаго уѣзда, въ большинствѣ случаевъ владѣли помѣстными дачами, разбросанными въ разныхъ станахъ и волостяхъ, двухъ или трехъ, рѣдко въ четырехъ и пяти [2]). Если принять во вниманіе высоту окладовъ, болѣе значительную, чѣмъ въ другихъ областяхъ, съ которыми мы познакомились, то можно видѣть, что исполненіе ихъ въ области Вязьмы шло успѣшнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ и вело къ меньшей дробности помѣстныхъ дачъ. Эта возможность наполнять оклады крупными сравнительно дачами очень мало нарушала первоначальный типъ помѣстья. Тотъ характеръ «вопчаго» помѣстнаго владѣнія, который мы наблюдали раньше, развитъ былъ въ Вяземской области очень слабо. «Вопчими» владѣльцами были, конечно, прежде всего сродичи, преимущественно родные братья въ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ. Дѣйствительная общность владѣнія устанавливалась тогда, когда изъ нѣсколькихъ братьевъ только одинъ былъ совершеннолѣтнимъ и несъ службу, другіе же были недорослями, слѣдовательно владѣли помѣстьемъ, какъ прожиточнымъ [3]). Когда же братья совладѣльцы всѣ были совершеннолѣтними, верстались въ службу съ самостоятельными окладами, то зависѣло отъ ихъ доброй воли, оставить ли помѣстье по прежнему въ вопчемъ владѣніи или подѣлить его между собою полюбовно [4]). «Вопчее» владѣніе чу-

[1]) Писц. кн. Геогр. Общ., II, 571. 577, 595, 623, 645, 646, 658, 695, 746, 762, 776, 778, 806, 818, 820.

[2]) Напр., ibidem, 593, 594, 608. Встрѣчаются случаи и цѣльныхъ помѣстій: ibid., 578, 582, 585, 603, 620, 660, 675, 680.

[3]) Ibid., 671—672, 717—721, 796—797.

[4]) См. напр. ibid., 603—608, 660. Братья Василій и Осипъ Плещеевы подѣлили

жеродцевъ въ Вяземской области въ большинствѣ случаевъ устанавливалось на пустошахъ и въ угодьяхъ, напримѣръ, лугахъ, такъ что цѣльность крупныхъ помѣстій, какими были большинство вяземскихъ помѣстій, очень мало страдала отъ подобнаго владѣнія. Но встрѣчаемъ также нѣсколько случаевъ «вопчаго» владѣнія въ селахъ и деревняхъ, причемъ въ писцовой книгѣ иногда отмѣчено, что селеніе подѣлено на жеребьи, иногда нѣтъ [1]). Съ подобнымъ же характеромъ является «вопчее» владѣніе и дальше на югъ, въ Медынскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ платежной книги 1587 г. [2]).

Тѣ измѣненія первоначальнаго типа помѣстья, съ которыми мы познакомились въ центральныхъ областяхъ и на западной окраинѣ, достигли крайняго развитія на югѣ, въ заоцкихъ областяхъ. Тогда какъ въ центральныхъ и западныхъ областяхъ помѣстное землевладѣніе имѣло уже подъ собою готовую почву частнаго, вотчиннаго землевладѣнія, на южной окраинѣ оно должно было развиваться почти совершенно на дѣвственной почвѣ, сообразоваться съ мѣстными условіями хозяйственнаго и военнаго быта. Частыя татарскія нашествія, обыкновенно встрѣчавшія первое серьезное сопротивленіе на Окѣ, должны были сметать заоцкія колоніи [3]).

между собой полюбовно данное имъ совмѣстно помѣстье Мих. Новосильцова такимъ образомъ, что на долю Василія досталось сельцо, 9 деревень, починокъ, деревня припускная, двѣ пустоши, т. е. помѣстье, представляющее вполнѣ обособленное и цѣльное хозяйство, ibid., 656—657. Но чаще встрѣчается другой способъ раздѣла, когда каждое селеніе, каждое отдѣльное хозяйство дробилось между братьями. Напримѣръ, четыре брата, Третьякъ Меншой, Иванъ, Семенъ и Онофрій Губастые совершили такой раздѣлъ своего наслѣдственнаго помѣстья, села Боровскаго съ деревнями и пустошами: сельская церковь Георгія Страстотерпца съ дворами причта и церковной землей осталась въ вопчемъ владѣніи трехъ старшихъ братьевъ; старшему брату Третьяку досталось $^1/_4$ села, 3 деревни безъ трети, 2 починка живущихъ, 5 пустошей, въ двухъ пустошахъ по полупустоши, да четверть пустоши, да въ двухъ селищахъ по четверти селища, второму брату Ивану — $^1/_2$ села, 2 деревни, 5 жеребьевъ въ деревнѣ, починокъ, 5 пустошей, пустошь припускная, въ двухъ пустошахъ по полупустоши, $^1/_4$ пустоши, въ двухъ селищахъ по четверти селища, третьему брату Семену — $^1/_4$ села, 4 деревни съ третью, въ двухъ пустошахъ по полупустоши, въ двухъ пустошахъ по $^1/_4$ пустоши, въ двухъ селищахъ по $^1/_4$ селища, четвертому брату Онофрію — сельцо Мосеевское, 2 деревни, шестой жеребій деревни, пустошь, въ двухъ пустошахъ по полупустоши, четверть пустоши, въ двухъ селищахъ по $^1/_4$ селища, ibid. 608—616. Такимъ образомъ помѣстье каждаго изъ братьевъ сложилось мозаически изъ мелкихъ жеребьевъ отдѣльныхъ селеній. Практиковался также и третій способъ раздѣла, когда дробилось на жеребьи только центральное селеніе, главное хозяйство, село, а деревни и пустоши дѣлились въ цѣльномъ видѣ, ibid., 668—669 и слѣд. См. еще случаи вопчаго владѣнія родичей — 580, 607, 660.

[1]) Ibid., 634, 643—645, 737, 778, 781, 815.

[2]) Ibid., 832—852.

[3]) Бѣляевъ—О сторож. службѣ, Чтенія Общ. Ист. и Древн., 1846, № 4, стр. 1—10 П. Милюковъ, Гос. Хоз., стр. 300—302; Ключевскій, Бояр. Дума, стр. 514.

Половину XVI в. можно считать поворотнымъ пунктомъ къ болѣе быстрому наступательному движенію военной колонизаціи южной окраины. Въ 50—70-хъ годахъ возникаетъ рядъ новыхъ городовъ по линіи водораздѣла между Окой и Дономъ, а въ концѣ вѣка выдвигается далеко на югъ линія степныхъ городовъ, оставляющая за собою прежнюю передовую линію украинныхъ [1]). Исторія городовъ южной окраины точно отмѣчаетъ послѣдовательность движенія военной колонизаціи.

Первый изъ украинныхъ заоцкихъ городовъ, одинъ изъ центровъ обороны «отъ поля», Кашира, уже потерялъ во второй половинѣ вѣка свое значеніе и къ семидесятымъ годамъ, ко времени реформы сторожевой и станичной службы, стоялъ уже во внутренней линіи. Писцовая книга 1578—1579 годовъ показываетъ, что окрестности Каширы въ это время были уже значительно населены; по этой писцовой книгѣ на 500 слишкомъ помѣщичьихъ приходилось около 100 дворовъ людскихъ и около 3000 крестьянскихъ и бобыльскихъ [2]). По типу поселеній, селъ, деревень, починковъ, и распредѣленію ихъ по разнымъ станамъ Каширскій уѣздъ не отличался уже отъ сосѣдняго Коломенскаго, принадлежавшаго къ центральной полосѣ государства. Не встрѣчаемъ въ Каширскомъ уѣздѣ и упоминаній о дикомъ полѣ, какъ въ уѣздахъ болѣе южныхъ. Такимъ образомъ во второй половинѣ XVI в. р. Ока перестала быть границей «поля»; значительная область этого поля уже сливалась въ культурномъ отношеніи съ центральною областью. Естественно ожидать послѣ этого, что и помѣстное землевладѣніе здѣсь не должно сильно отличаться по своему характеру отъ того, которое господствовало на лѣвомъ берегу Оки. Дѣйствительно, сравнивая типы помѣстій Каширскаго и Коломенскаго уѣздовъ, находимъ въ нихъ много тождественныхъ чертъ. Такъ въ Каширѣ довольно много было такихъ помѣстій, которыя мы подводимъ подъ первоначальный типъ, т. е. представлявшихъ извѣстный комплексъ селеній, связанныхъ въ одно хозяйственное цѣлое, типъ, присущій, главнымъ образомъ, центральнымъ областямъ государства [3]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Каширѣ, такъ же какъ и въ Коломнѣ, сильно развито было «вопчее» владѣніе, складывавшее помѣстья мозаически изъ отдѣльныхъ жеребьевъ селъ, деревень и пустошей. Обыкновенно количество жеребьевъ каждаго отдѣльнаго

[1]) Бѣляевъ, op. cit., стр. 35—39.

[2]) Писц. кн., Геогр. Общ., II, 1534 и слѣд.

[3]) Ibid., напр., стр. 1320, 1323, 1324, 1325, 1334, 1340, 1348, 1443, 1489, 1502, 1505.

селенія не превышало трехъ или четырехъ; большее количество жеребьевъ встрѣчается очень рѣдко [1]). Но число жеребьевъ въ селѣ, деревнѣ или пустоши не всегда равняется числу помѣщиковъ; въ рукахъ одного помѣщика могли соединяться два-три жеребья, и одинъ жеребій могъ съ теченіемъ времени раздѣлиться. Напримѣръ, с. Терново раздѣлено было между четырьмя помѣщиками такимъ образомъ: за первымъ и за вторымъ по трети, за третьимъ и за четвертымъ по полутрети; очевидно, что ранѣе оно было раздѣлено между тремя помѣщиками, и сохраненіе этого дѣленія на трети при четырехъ помѣщикахъ является уже анахронизмомъ [2]). Совладѣльцами «въ вопчихъ» селахъ и деревняхъ являются одинаково, какъ родичи, такъ и чужеродцы. «Вопчія» владѣнія сородичей или были раздѣлены и расписаны отдѣльно за каждымъ владѣльцемъ или фактически оставались въ совмѣстномъ владѣніи и хозяйственномъ пользованіи [3]). Тѣ помѣщики, владѣнія которыхъ описаны въ писцовой книгѣ 1578—1579 гг., не были первымъ поколѣніемъ землевладѣльцевъ Каширскаго уѣзда; въ этомъ убѣждаетъ существованіе извѣстнаго количества наслѣдственныхъ помѣстій [4]) и порозжихъ земель, «а преже того были за помѣщики», которыхъ безпомѣстные новики не хотѣли брать «за пустомъ» [5]). Но въ эпоху переписи Каширы съ уѣздомъ княземъ Ив. Дан. Гагаринымъ, въ семидесятыхъ годахъ, помѣстное землевладѣніе на правомъ берегу Оки, въ окрестностяхъ Каширы, развивалось не исключительно на готовой землевладѣльческой основѣ. Въ писцовой книгѣ находимъ одинъ признакъ, показывающій, что многія помѣстья въ концѣ семидесятыхъ годовъ были еще новыми частновладѣльческими колоніями, возникли на дѣвственной почвѣ. Въ писцовой книгѣ находимъ много указаній на то, что помѣстья называются по именамъ помѣщиковъ, явленіе сильно распространенное во всѣхъ вновь колонизуемыхъ областяхъ и совсѣмъ почти не встрѣчающееся въ земляхъ старой культуры. Если вспомнить при этомъ извѣстный фактъ замѣчательной устойчивости первоначальной земельной номенклатуры, ея независимости отъ перемѣнъ, происходящихъ въ судьбахъ землевладѣнія, то надо придти къ заключенію, что въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, когда помѣстье на-

1) Ibid., 1452—1453, 1454, 1461.

2) Ibid., 1307—1308, 1327—1328.

3) Вопчее владѣніе родичей, ibid., 1310, 1314, 1315, 1321, 1324, 1329, 1335, 1404, 1436, 1441.

4) Напр., ibid., стр. 1321, 1323, 1329, 1335, 1337, 1338, 1341, 1343—1344, 1442.

5) Ibid., стр. 1525.

зывается по фамиліи помѣщика, мы имѣемъ дѣло со вновь возникшею колоніей, получившей свои названія по имени своего устроителя-помѣщика. Писцовая книга называетъ нѣсколькихъ помѣщиковъ, владѣльцевъ цѣльныхъ селеній, называющихся по фамиліи владѣльца, и при этомъ не дѣлаетъ обычныхъ отмѣтокъ, отъ кого и какимъ путемъ помѣстье попало въ руки его настоящаго владѣльца. Такія-то помѣстья и можно считать новыми колоніями, созданными тѣми помѣщиками, которые дали имъ свои фамильныя названія и во владѣніи которыхъ ихъ застала перепись [1]. Новая колонія въ своей послѣдующей судьбѣ, переходя по наслѣдству или выходя за предѣлы рода, подвергалась обычному дробленію и измѣненіямъ въ своемъ первоначальномъ типѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она долго не порывала связей съ родомъ своего основателя. Уже ближайшіе наслѣдники, сыновья, дѣлили между собой по жеребьямъ поставленную ихъ отцомъ деревню или починокъ; дѣленіе продолжалось и въ дальнѣйшемъ потомствѣ [2]. Далѣе, отдѣльные жеребьи посредствомъ мѣны, сдачи или въ качествѣ выморочныхъ, начинаютъ постепенно выходить изъ рукъ членовъ одного рода во владѣніе чужеродцевъ. Иногда потомство перваго колонизатора сохраняетъ владѣніе большимъ количествомъ жеребьевъ, иногда преобладающее значеніе получаютъ чужеродцы [3]. Начало родоваго владѣнія, обладавшее еще извѣстною живучестью во второй половинѣ XVI в., побуждало иногда помѣщиковъ стремиться къ возвращенію утраченныхъ жеребьевъ въ своемъ родовомъ помѣстьѣ. Въ писцовой книгѣ находимъ нѣсколько примѣровъ того, что помѣщики пріобрѣтали у чужеродцевъ мѣной или сдачей участки селъ и деревень, носящихъ ихъ фамильное прозваніе [4]. Колонизаторы-помѣщики, ставившіе новыя поселенія, не всегда были людьми пришлыми и новыми для той мѣстности, гдѣ они начинали свою хозяйственную дѣятельность. Село и деревня иногда послѣ непродолжительнаго существованія, еще не успѣвъ выйти изъ владѣнія потомства своего основателя, въ свою очередь становилось метрополіей для новыхъ колоній-поселковъ. Такъ, напримѣръ, въ Безпуцкомъ стану деревня Пахомова, раздѣленная на 7 жеребьевъ, находилась во владѣніи рода Пахомовыхъ, имѣвшихъ помѣстные оклады въ 100—150 четей; изъ этой деревни «вынесена» была

[1]) Ibid., 1323, 1324, 1345, 1418.
[2]) Ibid., 1360, 1364, 1450—1451, 1464—1465, 1497.
[3]) Ibid., 1412—1413, 1444, 1450, 1452—1453, 1455, 1458—1459.
[4]) Ibid., 1321—1322, 1343.

деревня Новая Пахомова, въ которой поселилась вдова одного изъ Пахомовыхъ съ двумя малолѣтними сыновьями [1]).

Рядъ городовъ къ югу отъ Каширы, Тула, Дѣдиловъ, Веневъ и Епифань, во время реформы сторожевой и станичной службы кн. М. И. Воротынскимъ въ полной мѣрѣ сохранялъ свое стратегическое значеніе. Тула въ указахъ семидесятыхъ годовъ вмѣстѣ съ Путивлемъ, Рязанью и Мещерой является однимъ изъ центральныхъ пунктовъ пограничной службы [2]). Дѣдиловъ, Веневъ, Епифань, возникшіе только во второй половинѣ вѣка, уже прямо носятъ характеръ военныхъ поселеній, пограничныхъ крѣпостей [3]). Несмотря, однако, на молодость названныхъ городовъ, постоянную опасность вторженій степняковъ [4]), ихъ окрестности также были значительно заселены. По количеству поселеній и численности населенія Тульскій уѣздъ мало отличался отъ Каширскаго. Цифры итоговъ писцовыхъ книгъ обоихъ городовъ, раздѣленныхъ 10 лѣтнимъ промежуткомъ времени, несмотря на несомнѣнныя неточности, могутъ дать наглядное представленіе о соотвѣтствіи въ культурномъ состояніи помѣстныхъ земель обоихъ уѣздовъ [5]). Такимъ образомъ и окрестности второй линіи городовъ, удалившихся уже отъ берега, были значительно заселены, представляли извѣстную культурную почву для размѣщавшагося въ этомъ краю помѣстнаго класса, и основныя черты помѣстнаго землевла-

[1]) Ibid., 1464—1466; см. въ томъ же стану помѣстье Васки Петрова Болотова, деревню Болотову Новую, вынесенную изъ Болотовой Старой, стр. 1467.

[2]) А. М. Г., I, ст. 1, 18, 31.

[3]) Н. Чечулинъ, Города Моск. госуд., стр. 255 и слѣд., Акты М. Г., I, №№ 4, 8, 13, 15 и слѣд.

[4]) «А въ сошное письмо тѣ деревни и починки и слободка не положены для того, что стоятъ на полѣ съ приходу отъ крымскихъ людей и крѣпостей у нихъ пѣтъ никакихъ и затѣмъ ихъ дѣти боярскія въ помѣстія не имали, а садилися тѣ люди и крестьяне при князѣ Ив. Ѳед. Мстиславскомъ на льготѣ на дикомъ полѣ». Писц. кн. Геогр. Общ., II, 1581, 1588.

[5])

Кашира	всяк. рода сел. 469	пом. дв. 546	люд. дв. 972	крест. дв. 2589	боб. дв. 239	
Тула	» » » 425	» » 521	» » 972	» » 1258	» » 919	

Ibid., 1534, 1259. Насколько быстро шла колонизація Тульскаго уѣзда, можно судить по тому, что въ 3—4 года между переписью Наумова 93 г. и Ив. Алекс. Жеребцова 86—97 г. въ общемъ итогѣ прибавилось изъ пустаго въ живущее 9775 четей безъ полуосмины, а сохъ 12 съ полусохою и пол-пол-пол-сохою, стр. 1260. Въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ на 80 слишкомъ помѣщичьихъ дворовъ приходилось селеній 60, дворовъ людскихъ 152, крестьянскихъ 158, бобыльскихъ 97, исключая помѣстныхъ казачьихъ земель, стр. 1295. Въ Веневскомъ уѣздѣ во время переписи 7080 г. оказалось возможнымъ раздать въ помѣстья дѣтямъ боярскимъ каширянамъ и тулянамъ въ половину ихъ окладовъ въ четырехъ станахъ 78 селеній съ 1356 дворами пашенныхъ крестьянъ, исключая дворовъ людей кн. Мстиславскаго и безпашенныхъ, Ibid., 1549.

дѣнія въ Тульскомъ уѣздѣ тѣ же, что и въ Каширскомъ. Здѣсь также наблюдается признакъ свѣжей колонизаціи, связь помѣстья съ потомствомъ перваго помѣщика-колонизатора [1]). Дробность помѣстій и мозаичность ихъ состава, хотя и преобладали, но не исключали значительнаго числа цѣльныхъ округленныхъ помѣстій, составленныхъ изъ цѣльныхъ селеній [2]). Дробленіе помѣстій совершалось обычными способами раздѣла по наслѣдству [3]), мѣны и сдачи отдѣльныхъ жеребьевъ [4]). Дробленіе селъ и деревень между нѣсколькими помѣщиками въ связи съ отсутствіемъ у многихъ помѣщиковъ крестьянъ и бобылей превращало ихъ въ однодворческія поселенія [5]). Писцовая книга Дѣдиловскаго уѣзда, составленная одновременно съ тульской и тѣми же писцами, рисуетъ тѣ же типы помѣстнаго землевладѣнія, что въ Каширскомъ и Тульскомъ. Обиліе «старыхъ» помѣстій показываетъ, что къ концу восьмидесятыхъ годовъ, когда была составлена книга, смѣнилось въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ не одно поколѣніе землевладѣльцевъ [6]). Писцовыя книги Веневскаго и Епифанскаго уѣздовъ 1571—1572 гг., какъ мы говорили выше, составлены были при раздачѣ вотчинныхъ земель кн. Ив. Ѳед. Мстиславскаго въ помѣстья. Можетъ быть, благодаря особенно колонизаціонной дѣятельности кн. Мстиславскаго, нѣкоторыя части названныхъ уѣздовъ были настолько густо заселены, что на этихъ земляхъ стало возможнымъ произвести массовое испомѣщеніе служилыхъ людей тулянъ и каширянъ въ половину ихъ окладовъ. Всего въ вотчинѣ кн. Мстиславскаго на Веневѣ испомѣщено было въ половину окладовъ 141 человѣкъ съ окладами въ 100—400 четей, а въ Епифани 19 человѣкъ, изъ нихъ 5, получившихъ помѣстья въ Веневѣ. Возможно, что кромѣ этихъ помѣщиковъ въ Веневѣ и Епифани были также и другіе, о которыхъ умалчиваетъ писцовая книга кн. Масальскаго, посвященная спеціально описанію вотчины кн. Мстиславскаго. Неизвѣстно, впрочемъ, поселились ли каширяне и туляне въ своихъ новыхъ веневскихъ и епифанскихъ помѣстьяхъ:

[1]) Ibid., 1131, 1157, 1176, 1213, 1229.

[2]) См., напр., стр. 1097—1098, 1102, 1105, 1109—1113, 1141, 1147, 1167, 1180—1181, 1189, 1215, 1221, 1246.

[3]) «Вопчее» владѣніе родичей, стр. 1140, 1143, 1157, 1158, 1160, 1169.

[4]) Ibid., 1104, 1117, 1163, 1164—1165, 1212, 1219.

[5]) Примѣры отсутствія крестьянъ, стр. 1103, 1104, 1155, 1159, 1160, 1165, 1228; примѣры большой дробности, стр. 1155—1156, 1165, 1168, 1170.

[6]) Писц. книга помѣстныхъ земель Дѣдиловскаго у. Писц. кн. Геогр. Общ. II, 1271 и слѣд.

въ итогѣ веневской книги показано всего 3 помѣщичьихъ двора, а у епифанскихъ помѣщиковъ насчитывается 5 дворовъ. Порядокъ испомѣщенія, описанный въ книгахъ 1572 г., представляетъ образецъ того, какъ вообще производилось массовое испомѣщеніе служилыхъ людей на степной окраинѣ и какой характеръ принимало при этомъ помѣстное землевладѣніе подъ вліяніемъ непосредственно самаго способа испомѣщенія и независимо отъ порядка наслѣдованія, мѣны, сдачи и т. д. Большинство служилыхъ людей, получившихъ помѣстья въ веневской и епифанской вотчинахъ кн. Мстиславскаго, были помѣщены «вопче», т. е. каждое село и деревня дробились между нѣсколькими помѣщиками. «Вопчими» владѣльцами являются братья или вообще родичи, числомъ 2—3 [1]), чужеродцы по 2, 3, 4, 5 человѣкъ. Многіе помѣщики владѣли и цѣльными селеніями, селами и деревнями, которыя иногда давались имъ въ додачу къ ихъ помѣстьямъ въ «вопчихъ» деревняхъ въ другихъ станахъ [2]). Такимъ образомъ «вопчее» владѣніе, дробность помѣстій и мозаичность ихъ состава, была слѣдствіемъ не только извѣстныхъ процессовъ въ мобилизаціи помѣстнаго землевладѣнія, но и самаго способа испомѣщенія. Аналогичное явленіе мы указали въ одной изъ писцовыхъ книгъ Московскаго уѣзда, гдѣ нѣсколько живущихъ деревень раздроблены были между нѣсколькими помѣщиками. Можно думать, что подобный способъ испомѣщенія въ обоихъ случаяхъ, въ Москвѣ и въ Веневѣ съ Епифанью, вызванъ былъ одинаковыми причинами, необходимостью нѣкоторой равномѣрности въ надѣленіи служилыхъ людей культурной землей.

Писцовая книга Орловскаго уѣзда 1594—95 г. знакомитъ съ типомъ помѣстнаго землевладѣнія наиболѣе выдвинувшихся въ степь уѣздовъ. До построенія новыхъ городовъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ Орелъ вмѣстѣ съ Путивлемъ, Рыльскомъ и Ряжскомъ занималъ передовую линію украинскихъ укрѣпленій. Въ тридцатилѣтіе отъ построенія Орла до переписи 1594—95 г. колонизація этого края должна была уже сдѣлать значительные успѣхи. Хотя перепись Д. Яковлева застала въ Орловскомъ уѣздѣ уже не первое поколѣніе помѣщиковъ и крестьянское населеніе, она все таки яснѣе другихъ писцовыхъ книгъ XVI в. рисуетъ процессъ первоначальнаго устройства помѣстнаго землевладѣнія на «дикомъ полѣ».

[1]) Ibid., II, 1550, 1552, 1554, 1551, 1553, 1558, 1561, 1574, 1577, 1586, 1589. Въ одномъ случаѣ вопчими владѣльцами являются 7 членовъ одного рода, 1568.

[2]) Ibid., 1553, 1555—1558, 1562, 1563, 1565, 1575, 1582—1586.

Перепись застала еще весьма многихъ помѣщиковъ, которые брали себѣ въ помѣстья «займища» въ дикомъ полѣ. Эти займища выбирались, естественно, изъ земель наиболѣе пригодныхъ для земледѣльческой культуры, по берегамъ рѣкъ, у колодцей, подъ защитою лѣсовъ [1]). Во время переписи на вновь занятыя подъ помѣстья займища давалась податная льгота. Въ 1594—95 г. на займища изъ дикаго поля дана была льгота отъ всякихъ податей на 7 лѣтъ [2]). Пока займище представляло только извѣстное количество пашни и покоса, оно не имѣло собственнаго имени и обозначалось въ писцовой книгѣ описательно; напр., «за Аѳонею за Игнатьевымъ сыномъ Рѣткинскаго, что было займище Гриши Козлова да Васки Митусова...» [3]). Построеніе на займищѣ помѣщичьяго двора превращало его въ починокъ, который обыкновенно получалъ названіе отъ личнаго имени помѣщика [4]). Масса займищъ и вновь возникшихъ починковъ, попавшихъ въ перепись 1594—95 г., показываетъ, что помѣстная колонизація Орловскаго края въ послѣднее десятилѣтіе XVI в. находилась еще въ полномъ разгарѣ и совершалась силами отдѣльныхъ помѣщиковъ, создававшихъ на дикомъ полѣ ряды мелкихъ поселковъ, починковъ. Какъ результатъ подобной личной колонизаторской дѣятельности отдѣльныхъ помѣщиковъ, въ Орловскомъ уѣздѣ встрѣчаемъ много цѣльныхъ селеній, изъ которыхъ каждое находится во владѣніи одного помѣщика [5]). Но дробность помѣстій и мозаичность ихъ состава все таки преобладаютъ и развиты сильнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Количество жеребьевъ, на которыя дробились помѣстныя селенія Орловскаго уѣзда, колеблется между 2 и 19. Съ причинами этого явленія, постепеннаго дробленія помѣстныхъ участковъ, мы уже знакомы. Совмѣстное испомѣщеніе нѣсколькихъ помѣщиковъ въ одномъ селеніи, раздѣлъ наслѣдственнаго помѣстья, мѣна и сдача участковъ дѣйствовали въ Орловскомъ краѣ, можно думать, съ большею силою, чѣмъ гдѣ бы то ни было, если судить по тѣмъ результатамъ, къ которымъ приводили эти знакомые намъ процессы, измѣнявшіе первоначальный типъ помѣстья. Отсутствіе крестьянъ во многихъ помѣстьяхъ, дро-

[1]) См., напр., Писц. кн. Геогр. Общ., II, 879—880, 935, 936, 945, 979, 1008.

[2]) Ibid., 880—881, 1011—1012.

[3]) Ibid., 879.

[4]) Ibid., 875—877, 879, 881, 884, 889, 893, 930, 938, 941, 943, 1003, 1005. Срв. одинъ примѣръ: «за Семеномъ за Максимовымъ сыномъ Григорьева поч. Семеновъ, выставленъ изъ дерев. Городища, стр. 903.

[5]) Ibid., 854, 876, 904, 909—910, 922, 924, 929, 931, 940, 987, 1022, 1025, 1045.

бившихся на нѣсколько жеребьевъ, прямо превращало ихъ въ однодворческія поселенія [1]).

Съ подобнымъ же характеромъ, какъ въ заоцкихъ городахъ, отъ Каширы до Орла, является помѣстное землевладѣніе и на рязанской украйнѣ. Обычное направленіе татарскихъ набѣговъ въ XVI в., расположеніе линіи украинскихъ крѣпостей указываютъ на то, что рязанскія области, обращенныя фронтомъ въ нагайскія степи находились въ большей безопасности, чѣмъ области сосѣднія, открытыя нападеніямъ съ крымской стороны [2]). Возстановленіе земледѣльческой культуры въ запустѣвшихъ областяхъ и колонизація дикой степи шли на рязанской окраинѣ быстрѣе, чѣмъ въ тѣхъ заоцкихъ областяхъ, съ которыми мы уже познакомились. Доказательствомъ тому служитъ значительное развитіе вотчиннаго землевладѣнія. Во второй половинѣ XVI в. помѣстное землевладѣніе распространялось въ рязанской области отчасти уже на той же основѣ, какъ и въ центральной полосѣ государства, на почвѣ землевладѣнія вотчиннаго. Такъ въ Пронскомъ уѣздѣ по писцовой книгѣ 1596—98 гг. рядъ помѣстій возникъ на вотчинныхъ земляхъ [3]). Тамъ же встрѣчаемъ рядъ селъ и деревень, раздѣленныхъ на жеребьи, изъ которыхъ часть находится въ помѣстьяхъ, другая въ вотчинахъ [4]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ служилымъ людямъ, испомѣщаемымъ въ Рязанской области, приходилось проявлять такую же колонизаторскую дѣятельность, какъ и въ украинныхъ городахъ. Одинъ изъ признаковъ колонизаторской дѣятельности самихъ помѣщиковъ, названіе помѣстья по личному или родовому прозвищу помѣщика, часто встрѣчается также и въ рязанскихъ писцовыхъ книгахъ и не только среди помѣстныхъ, но также и вотчинныхъ земель. Такъ же какъ въ Каширѣ, Тулѣ, Орлѣ, и въ Рязанской области села и деревни или находятся цѣликомъ во владѣніи одного рода, потомства своего основателя, или дѣлятся по жеребьямъ между родовыми владѣльцами и чужеродцами [5]). Дѣйствіе одинаковыхъ

1) Ibid., 853, 857—858, 859—860, 863, 868, 876, 877, 878, 906, 1044, 1053—1054, 1056, 1060—1061, 1063—1064.

2) Е. Е. Замысловскій указываетъ на защищенность украйны съ ногайской стороны лѣсами, тянувшимися по р. Цнѣ, Объясненія къ учебному Атласу Рус. Ист., 63—64. П. Н. Милюковъ подтверждаетъ, что фланги центральной группы украинскихъ городовъ съ Тулой во главѣ были защищены болѣе густымъ населеніемъ Рязанской и Калужской губерній, менѣе пострадавшихъ отъ переворотовъ, чѣмъ срединная Тульская, Госуд. хоз., 301.

3) Арх. Мин. Юст., кн. 354, лл. 27 об., 143 об., 358 об., 378.

4) Ibid., 36 об., 47, 70, 158 и слд.

5) Арх. Мин. Юст., писц. книга Пронска съ уѣздомъ, кн. 354, лл. 48, 52, 98, 100 об., 195 об., 242, 244 об. Тоже явленіе наблюдается и на вотчинныхъ земляхъ.

условій привело и къ одинаковымъ результатамъ, къ созданію все того же типа дробнаго, мозаическаго помѣстья. Дробленіе помѣстныхъ селеній увеличивается по направленію къ югу. Такъ въ Пронскомъ уѣздѣ количество жеребьевъ въ селахъ и деревняхъ колеблется отъ 2 до 10, Переяславскомъ—отъ 2 до 6; максимума своего дробность помѣстій достигаетъ въ уѣздѣ Ряжска, который съ нагайской стороны степной украйны былъ такимъ же передовымъ пунктомъ, какъ Орелъ съ крымской; здѣсь встрѣчаемъ села и деревни, раздѣленныя на 2—18 жеребьевъ [1]). Количество жеребьевъ въ селеніи не оставалось всегда одинаковымъ, но увеличивалось или уменьшалось, сообразно увеличенію или уменьшенію числа помѣщиковъ. Результатомъ этой дробности была и болѣе мелкая мозаика состава помѣстій, складывавшихся не изъ цѣльныхъ селеній, округленныхъ хозяйствъ, а изъ мелкихъ жеребьевъ разныхъ селъ и деревень, часто разбросанныхъ въ разныхъ станахъ и волостяхъ. Нерѣдко встрѣчаются селенія, въ цѣльномъ видѣ входящія въ составъ одного помѣстья, но очень рѣдко помѣстья, сплошь составленныя изъ цѣльныхъ селеній [2]).

Въ области средняго Поволжья, въ окрестностяхъ Казани, мы находимъ два типа помѣстнаго землевладѣнія, сообразно двумъ группамъ мѣстнаго служилаго класса, пришлымъ московскимъ служилымъ людямъ и туземнымъ служилымъ инородцамъ. Съ характеромъ владѣній пришлаго московскаго служилаго люда знакомитъ писцовая книга 1567—68 г., сообщающая свѣдѣнія и о болѣе раннихъ испомѣщеніяхъ. Земельный фондъ, необходимый для раздачи въ помѣстья, образовался въ Казанской области также, какъ и въ Новгородѣ, путемъ конфискаціи мѣстныхъ земельныхъ богатствъ послѣ завоеванія; въ помѣстья поступали земли частновладѣльческія, дворцовыя, принадлежавшія туземному сельскому населенію: «и въ октябрѣ 75 года Борисовъ и Кикинъ по государевой грамотѣ и верстальному списку писали и мѣряли земли своего прежняго письма 73 и 74 годовъ, земли старыхъ отставленныхъ жильцовъ и выморки и татарскія и чувашскія и мордовскія и дворцо-

[1]) Писцовыя книги названныхъ уѣздовъ, Арх. Мин. Юст., кн. 354 и 396.

[2]) Ibid., кн. 354, лл. 35, 91 об., 137 об., 152 об., 153, 155, 176, 199; кн. 396, лл. 77 об., 90 об., 98 об., 108 об., 407 об., 509 об., 613. Помѣстья, составленныя изъ цѣльныхъ селеній, принадлежатъ преимущественно представителямъ высшихъ служилыхъ чиновъ. Среди помѣщиковъ Пронскаго уѣзда писцовая книга 7105—7106 г. не разъ упоминаетъ знаменитыхъ впослѣдствіи Прокопія и Захара Ляпуновыхъ, ibid., кн. 354, лл. 84, 112 об., 417 об. Захару Петровичу окладъ помѣстный былъ 500 четей.

выя, и въ помѣстья раздавали князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, которые посланы на службу въ государеву отчину въ Казань» [1]). Значительный недостатокъ въ земляхъ, не позволявшій помѣстнымъ дачамъ въ большинствѣ случаевъ достигать даже половины окладовъ, отразился также и въ извѣстной дробности помѣстій. Мы уже знаемъ, что недостатокъ культурныхъ земель вообще велъ къ интенсивному, такъ сказать, размѣщенію наличнаго числа помѣщиковъ. По отдѣлу 1566—67 г. многія помѣстныя села, деревни и пустоши оказались въ совмѣстномъ владѣніи нѣсколькихъ человѣкъ, отъ 2 до 5 [2]). Дробленіе помѣстныхъ участковъ въ Казани, какъ и въ другихъ областяхъ, обусловлено было не только извѣстнымъ способомъ испомѣщенія, вызваннымъ недостаткомъ свободныхъ культурныхъ земель, но также и другой извѣстной намъ причиной, порядкомъ наслѣдованія помѣстій; между «вопчими» владѣльцами встрѣчаемъ много родственниковъ [3]). Сочетаніе жеребьевъ помѣстныхъ селъ и деревень въ рукахъ отдѣльныхъ помѣщиковъ, ихъ дробленіе и соединеніе, какъ всегда, были очень разнообразны [4]). Какъ и на степной окраинѣ, въ Казанской области много было помѣстій, лишенныхъ крестьянскаго населенія; не во всѣхъ помѣстьяхъ находимъ также и «людей» помѣщичьихъ; слѣдовательно и здѣсь существовалъ рядъ помѣстій, приближавшихся по своему типу къ однодворческимъ поселеніямъ [5]).

Изъ туземнаго населенія Казанской области въ составъ служилаго класса Московскаго государства вошли представители господствовавшей народности, татары; финскія же племена, чуваши, мордва и другія, входившія въ составъ Казанскаго царства, послѣ его покоренія сдѣлались тяглымъ, ясачнымъ классомъ [6]). По казанскимъ писцовымъ книгамъ конца XVI в. показателемъ служеб-

[1]) Арх. Мин. Юст., кн. 152, л. 134 об. О раздачѣ московскимъ служилымъ людямъ казанскихъ земель Никон. Лѣт., VII, стр. 286; Перетятковичъ, Поволжье въ XV—XVI вв., стр. 246.

[2]) Арх. Мин. Юст., кн. 152, л. 135 об.—190.

[3]) Напр., въ помѣстьяхъ старыхъ казанскихъ жильцовъ, въ той же книгѣ лл. 103—133.

[4]) Напримѣръ, за вдовой Агаѳьей Бѣдаревой съ сыномъ находился восьмой жеребій деревни и пустоши, а остальные 7 жеребьевъ той же деревни и пустоши писаны за 4-мя дѣтьми боярскими; слѣдовательно фактически было 5 жеребьевъ, а дѣленіе на 8 было уже анахронизмомъ, ibid., л. 121. За двумя братьями Чемодуровыми писано отца ихъ помѣстье, жребій $^2/_3$ пятаго жеребья деревни и 2 жеребья пятаго жеребья пустоши, л. 122.

[5]) Ibid., лл. 154—172.

[6]) Никон. лѣт., VI, стр. 184—186; Перетятковичъ, стр. 130, 245.

наго положенія служилыхъ татаръ былъ не земельный, помѣстный окладъ, а окладъ денежнаго жалованья. По писцовой книгѣ Казанскаго уѣзда 1602—1603 г. письма и мѣры Ивана Болтина денежные оклады служилыхъ татаръ равнялись 4—20 рублямъ [1]). Та же книга отчетливо рисуетъ и характеръ помѣстнаго землевладѣнія служилыхъ татаръ. Всѣ ихъ помѣстья можно раздѣлить на два разряда: первый состоялъ изъ селеній, цѣликомъ находившихся въ исключительномъ помѣстномъ владѣніи служилыхъ туземцевъ, другой — изъ такихъ земель, въ которыхъ служилымъ людямъ принадлежали отдѣльные незначительные жеребьи, а все остальное находилось во владѣніи тяглаго, ясачнаго населенія. Второй разрядъ значительно преобладалъ надъ первымъ. Такъ по Нагайской дорогѣ было отдѣльныхъ 3 деревни и «вопчихъ» съ ясачными чувашами 15, по Зюрейской — 3 деревни, 2 пустоши отдѣльныхъ и 1 село, 20 деревень «вопчихъ», по Арской — 1 сельцо, 8 деревень безъ жеребья, 1 пустошь отдѣльныхъ и 15 деревень съ 1 волостью «вопчихъ», по Алауцкой — 4 деревни, 1 пустошь отдѣльныхъ и 24 деревни «вопчихъ» [2]). Отдѣльными помѣстьями владѣли преимущественно князья и служилые люди съ высшими денежными окладами. Селенія, находившіяся исключительно въ помѣстномъ владѣніи, принадлежали или цѣликомъ одному помѣщику или дробились по жеребьямъ между нѣсколькими. Къ другому типу относятся помѣстья, состоявшія изъ одного или нѣсколькихъ жеребьевъ въ деревняхъ ясачныхъ. Созданъ ли былъ этотъ порядокъ землевладѣнія искусственно московскимъ правительствомъ послѣ покоренія Казани или онъ сложился еще раньше на основѣ мѣстнаго быта и отношеній господствующаго татарскаго племени къ подчиненнымъ финнскимъ? Мы думаемъ, что слѣдуетъ признать болѣе правильнымъ второе предположеніе на томъ основаніи, что нѣкоторыя свидѣтельства книги относятъ указанный порядокъ ко времени до покоренія Казани, вслѣдствіе чего перепись обнаружила, что многіе служилые татары владѣли своими жеребьями «безъ дачъ», по праву давности и по наслѣдству [3]). Въ большинствѣ «вопчихъ» деревень насчитывается по нѣ-

[1]) Арх. Мин. Юст., кн. 642 passim.

[2]) Ibid., лл. 52, 101, 167—168, 237.

[3]) «По Нагайской дорогѣ за служилыми татары въ помѣстьяхъ вопче съ ясачною чувашею, а владѣютъ отцовскими жеребьи и дядьевыхъ и братіи (на полѣ: «помѣстными»), а государевыхъ грамотъ и выписи съ писцовыхъ книгъ и казанскихъ дачь на тѣ помѣстные жеребьи (на полѣ: «не клали, а сказали, что владѣли тѣми жеребьи) отцы и дядья и братья до казанскаго и послѣ казанскаго взятья, послѣ ихъ

сколько жеребьевъ, находящихся въ помѣстномъ владѣніи служилыхъ татаръ, иногда болѣе 10. Эти жеребьи обращались между помѣщиками, дробились и соединялись въ однѣхъ рукахъ тѣми же самыми способами, съ которыми мы встрѣчались вездѣ, гдѣ существовали «вопчія» помѣстныя земли. Жеребьи между родичами обращались иногда безъ вѣдома правительства, иногда по особымъ челобитьямъ. Жеребьи пустые и выморочные получались во владѣніе также по особому ходатайству [1]). Рѣзкимъ различіемъ между помѣстьями, состоявшими изъ отдѣльныхъ селеній, и помѣстьями, составленными изъ жеребьевъ въ деревняхъ «вопчихъ» съ ясачнымъ населеніемъ, было то, что въ помѣстьяхъ втораго разряда рѣдко встрѣчается крестьянское населеніе, тогда какъ первый разрядъ помѣстій по присутствію крестьянскаго населенія болѣе приближается къ нормальному общему типу помѣстій [2]). Правительственное вмѣшательство въ тѣ поземельныя отношенія, которыя еще въ эпоху независимости Казани сложились между господствующей татарской народностью и подчиненными туземными финнскими племенами, приспособило ихъ къ потребностямъ государства такимъ образомъ, что татаръ съ ихъ земельными владѣніями обратило въ служилыхъ помѣщиковъ, туземное финнское населеніе въ тяглый классъ. Правительство строго разграничивало въ «вопчихъ» деревняхъ помѣстные участки служилыхъ татаръ отъ ясачныхъ земель. Когда возбуждалось челобитье объ участкѣ пустой земли, то предписывалось производить строгій сыскъ накрѣпко, къ которой изъ двухъ категорій земель относится просимый участокъ, къ служилой или къ ясачной, и, если къ послѣдней, то сколько оброку шло съ него въ царскую казну [3]). Во время переписи служилая

тѣми помѣстными жеребьи владѣютъ по старинѣ жъ безъ дачъ». л. 35. По итогамъ книги отношеніе помѣстныхъ жеребьевъ къ жеребьямъ ясачнаго населенія представляется въ такихъ цифрахъ: по Нагайской дорогѣ на 42 помѣстныхъ жеребьяхъ числилось 42 двора съ 45 челов., 2 двора людскихъ, 17 чувашскихъ и латышскихъ, а ясачныхъ чувашей въ тѣхъ же деревняхъ 174 двора; по Зюрейской дорогѣ всего помѣстныхъ жеребьевъ было $69^1/_2$, въ нихъ 66 дворовъ съ 67 челов., 3 дв. людскихъ, 11 крестьянскмхъ, 1 литвиновъ, за ясачными новокрещенами и за чувашей въ тѣхъ же вопчихъ деревняхъ 158 дворовъ; по Арской дорогѣ помѣстныхъ жеребьевъ было 48, дворовъ помѣщичьихъ 53, людскихъ 2, крестьянскихъ 17, чувашскихъ и латышскихъ 25, ясачныхъ чувашей 145; по Алауцкой насчитывалось помѣстныхъ жеребьевъ 81, въ нихъ 58 помѣщ. дворовъ, 5 людскихъ, 3 чувашскихъ, 324 двора ясачныхъ. Ibidem, лл. 52 об.—53, 101 и слѣд., 167—168, 237 и слѣд.

[1]) Ibid., л. 8 об.—12 об., 13 об.—15 об., 19 об.—23, 132, 133, 169—172.

[2]) О составѣ крестьянскаго населенія въ помѣстьяхъ служилыхъ татаръ и объ повинностяхъ: ibidem, лл. 1—5, 105—105 об., 108—114, 115 об.

[3]) Ibid., л. 195 об.—196.

земля отмежовывалась отъ ясачной въ присутствіи многихъ свидѣтелей. Несмотря, однако, на это строгое различіе, вызываемое самымъ существомъ повинностей, лежащихъ на обоихъ разрядахъ земель, служилой и тяглой, переходъ отдѣльныхъ участковъ изъ одного разряда въ другой совершался довольно часто и притомъ съ вѣдома правительства. Поводы и причины подобныхъ переходовъ были очень разнообразны. Такъ участокъ ясачной земли могъ превратиться въ служилый вмѣстѣ съ переходомъ его владѣльца изъ тяглаго класса въ служилый. Напримѣръ, про одного помѣщика татарина отмѣчено въ писцовой книгѣ, что послѣ казанскаго взятія его отецъ платилъ съ своего жеребья земли въ государеву казну денежный оброкъ, а по казанской грамотѣ 1573—1574 г. тотъ денежный оброкъ съ него сложенъ и велѣно отцу его съ того жеребья служить государеву службу [1]). Возможны были обмѣнъ и продажа участковъ обоихъ разрядовъ [2]). Выморочные помѣстные жеребьи отдавались иногда ясачнымъ людямъ, вѣроятно, на время, подобно тому, какъ въ центральныхъ уѣздахъ пустыя помѣстья отдавались на оброкъ до помѣстной раздачи [3]). Наконецъ, отмѣченъ одинъ, вѣроятно, исключительный случай, когда служилый татаринъ пахалъ ясачную землю [4]). По отношенію собственно

[1]) Ibid., л. 27.

[2]) Ibid., л. 133—135, 140 об.—142 об.

[3]) Ibid., л. 21 об., 217—220.

[4]) Ibid., л. 237 и слѣд. Для характеристики обращенія помѣстныхъ и ясачныхъ жеребьевъ интересенъ слѣдующій случай поземельной тяжбы. Деревня Большая Бимеръ была за служилымъ татариномъ Байгилдой Тянтиковымъ и за 17 дворами ясачныхъ чувашей. Байгилдѣ окладъ былъ 4 р., а жеребій его принадлежалъ раньше ясачному Янбулату Елмаметьеву. Ясачные чуваши били челомъ царю, что въ ихъ деревнѣ изстари служилыхъ не бывало, что тотъ Байгилда живетъ 20 лѣтъ на ясачномъ жеребьѣ Янбулата, сынъ котораго нынѣ въ ясакъ поспѣлъ, а жребія ясачнаго дать ему нельзя, ибо тотъ жеребій за Байгилдой. Послѣдній оправдывался, что онъ живетъ на жеребьѣ болѣе 20 лѣтъ, а есть у нихъ въ деревнѣ жребій служилаго Енбахтея, который чуваши пашутъ «розно по себѣ». Въ сыскѣ сторонніе люди другихъ деревень сказали, что тѣмъ жеребьемъ раньше Енбахтея владѣлъ Мансуръ, а послѣ него съ того жеребья лѣтъ 10 служилъ Енбахтей. А кто послѣ него владѣлъ, «или розняли тотъ жеребій чуваши по себѣ», они не знаютъ. Затѣмъ староста деревни Б. Бимеръ съ товарищи сказалъ, что у Мансура были 2 сына, Чюрейко и Енбахтей, владѣвшіе отцовскимъ жеребьемъ. Первый платилъ ясакъ, а второй служилъ безъ пашни. Чюрейко перешолъ въ деревню м. Бимеръ на пашню, а Енбахтей остался служить съ отцова жеребья. По смерти Енбахтея его жеребій пахалъ Чюрейко изъ другой деревни наѣздомъ, а потомъ покинулъ. И на ту пашню пришелъ изъ митрополичьей деревни Кабанъ тотъ Байгилда и служитъ онъ лѣтъ съ 20. На основаніи этихъ показаній тотъ жеребій (Енбахтея?) отмежеванъ былъ служилому Байгилдѣ. Ibid., лл 228—231. Трудно объяснимы нѣсколько случаевъ взятія помѣстій къ дворцовымъ селамъ съ платой оброка по челобитьямъ самихъ помѣщиковъ, лл. 32, 38.

къ помѣстнымъ жеребьямъ вмѣшательство правительственной власти выражалось въ равномѣрномъ распредѣленіи ихъ между служилыми людьми; такой равномѣрности не могли создать чисто бытовыя условія. Эта равномѣрность распредѣленія помѣстныхъ жеребьевъ заключалась въ томъ, что на каждый жеребій клалось опредѣленное количество земли и соотвѣтствующихъ угодій, такъ что соединеніе въ однѣхъ рукахъ двухъ или трехъ жеребьевъ обусловливало собой и владѣніе двойнымъ или тройнымъ количествомъ земли и угодій. Нарушалась эта равномѣрность только въ числахъ копенъ сѣна. Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Шуманъ помѣстные жеребьи были распредѣлены между 5 помѣщиками слѣдующимъ образомъ[1]):

	Число жеребьевъ.	Пашни четей.	Лѣсомъ порос.	Сѣно.	Лѣсъ.
1)	3	36	6	500 коп.	3 дес.
2)	1	12	2	160 »	1 »
3)	1	12	2	160 »	1 »
4)	2	24	4	334 »	2 »
5)	1	12	2	167 »	1 »

Обычнымъ слѣдствіемъ дробленія помѣстныхъ участковъ и ихъ обращенія былъ мозаичный составъ помѣстій, складывавшихся изъ отдѣльныхъ жеребьевъ въ разныхъ селеніяхъ[2]).

Общій обзоръ типовъ помѣстнаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ приводитъ къ заключенію, что вездѣ дѣйствовали одни и тѣ же неизмѣнные факторы, создававшіе въ результатѣ очень однообразные типы помѣстій. Способъ испомѣщенія по нѣсколько человѣкъ сразу въ одномъ селеніи, практиковавшійся преимущественно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ ощущался большой недостатокъ въ культурныхъ земляхъ, дѣлежъ наслѣдственныхъ помѣстій, обращеніе помѣстныхъ участковъ путемъ мѣны и сдачи, вездѣ вели къ одному слѣдствію, — дробленію отдѣльныхъ селеній на извѣстное количество помѣстныхъ жеребьевъ и мозаическому сложенію помѣстій изъ ряда жеребьевъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ. Это былъ единственный путь, которымъ измѣнялся первоначальный типъ помѣстья, не отличавшійся по существу своего хозяйственнаго строя отъ нормальнаго типа вотчины, представлявшій комплексъ селеній, связанныхъ въ одно хозяйственное цѣлое. Какъ

[1]) Ibid., лл. 169—172. Еще лл. 74 об.—75, 89—90, 117 об.—120 об., 126—129, 140 об.—142, 144—146, 152, 155 и слѣд., 173 и слѣд., 176 и слѣд. и т. д.

[2]) Лл. 78 об.—80, 92 об., 94 об., 117 об., 148, 193 об.

образецъ помѣстья, стоящаго на противоположномъ концѣ лѣстницы измѣненій первоначальнаго типа, можно поставить селеніе, разбитое на извѣстное число жеребьевъ, находящихся каждый въ самостоятельномъ владѣніи особаго помѣщика. При мелкихъ окладахъ каждый подобный жеребій могъ составить самостоятельное, отдѣльное помѣстье, при окладахъ высокихъ онъ составлялъ извѣстную часть помѣстья, другія части котораго заключались въ подобныхъ же жеребьяхъ другихъ селеній. Всѣ владѣльцы отдѣльныхъ жеребьевъ въ селѣ или деревнѣ, имѣвшіе самостоятельные помѣстные оклады, и въ юридическомъ отношеніи были вполнѣ самостоятельными владѣльцами, обладали всею полнотою правъ, какими облекало помѣщика юридическое сознаніе XVI в. Не такъ ясно, какъ юридическое владѣніе, разграничивалось хозяйственное пользованіе «вопчими» землями. Въ этомъ отношеніи опредѣляющимъ условіемъ являлись, кажется, личныя отношенія помѣщиковъ. Помѣщики, связанные узами тѣснаго родства, напримѣръ, братья въ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ, пользовались своимъ помѣстьемъ сообща, пока находили это болѣе удобнымъ и производили раздѣлъ помѣстья по полюбовному соглашенію. Наоборотъ, раздѣленіе на жеребьи встрѣчаемъ въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, когда владѣльцами «вопчихъ» помѣстій являются чужеродцы. Во многихъ областяхъ, особенно на южной окраинѣ, установлено было общее пользованіе помѣщиковъ лѣсами, сѣнокосами и другими угодьями. Всѣ селенія и земли, которыя разбиты были на отдѣльные жеребьи между многими помѣщиками, часто называются «вопчими» селами, деревнями и пустошами даже въ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣленіе на жеребьи проведено не только въ отношеніи юридическаго владѣнія, но и хозяйственнаго пользованія. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ терминъ «вопчій» означаетъ единственно только ту бытовую основу, первоначально цѣльную, на которой постепенно развилось дробное помѣстное владѣніе. Тотъ процессъ, который путемъ дробленія измѣнялъ первоначальный типъ помѣстья, не былъ исключительной особенностью помѣстнаго землевладѣнія. Создавшія этотъ процессъ условія дѣйствовали также и въ области вотчиннаго землевладѣнія [1]).

[1]) Матеріалъ для сопоставленія типовъ вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія въ этомъ отношеніи даютъ писцовыя книги Рязанской окраины. Арх. Мин. Юст., писц. книга 354, лл. 70 и слѣд., кн. 396, лл. 110 об., 117 и слѣд., 122 об., 123 об., 125, 270 и слѣд., 499 об., 561 и слѣд., 606 об. и слѣд. Вотчины, носящія фамильныя названія своихъ владѣльцевъ путемъ наслѣдственнаго дѣлежа дробятся на жеребьи, которые различными сдѣлками отчуждаются въ руки чужеродцевъ.

Процессъ измѣненія первоначальнаго типа помѣстья и образованія «вопчаго» помѣстнаго владѣнія можетъ послужить твердой точкой опоры при объясненіи происхожденія и сущности двухъ спеціальныхъ типовъ служилаго землевладѣнія, развившихся, по преимуществу, на южной окраинѣ: однодворческаго и приборнаго.

Происхожденіе однодворцевъ обыкновенно связываютъ съ военной колонизаціей южной окраины, съ образованіемъ военныхъ поселеній служилыхъ людей низшихъ разрядовъ на дикомъ полѣ, въ мѣстностяхъ, лишенныхъ крестьянскаго населенія [1]. Но разсмотрѣнный выше процессъ видоизмѣненій первоначальнаго типа помѣстья даетъ возможность свести образованіе однодворческаго землевладѣнія и къ болѣе общему основанію. Дѣйствительно, однодворческія поселенія, также какъ и помѣстья приборнаго класса, являются крайними результатами того процесса, который совершался во всѣхъ слояхъ помѣстнаго землевладѣнія. Какъ форма общаго владѣнія нѣсколькихъ юридически самостоятельныхъ землевладѣльцевъ извѣстнымъ количествомъ земли, представляющимъ нѣкоторую бытовую или административную единицу (село, деревня), однодворческое поселеніе ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ «вопчихъ» селъ и деревень, которыя не были исключительной принадлежностью извѣстной мѣстности и извѣстнаго служилаго класса, а были разбросаны по всей территоріи государства, гдѣ только существовало помѣстное землевладѣніе. Специфической особенностью однодворческаго землевладѣнія является отсутствіе крестьянскаго населенія и, какъ его результатъ, превращеніе служилыхъ землевладѣльцевъ въ земледѣльцевъ, а съ теченіемъ времени и прямо въ пашенныхъ крестьянъ. Но эта черта еще менѣе, чѣмъ общее владѣніе землей въ одной межѣ, можетъ разсматриваться, какъ слѣдствіе исключительно извѣстной правительственной системы военной колонизаціи. Отсутствіе крестьянскаго населенія, превращавшее «вопчія» помѣстныя села и деревни въ однодворческія поселенія, было соціально-экономическимъ явленіемъ, также отнюдь не составлявшимъ исключительной особенности южной окраины. И въ центральныхъ областяхъ и на западной окраинѣ можно встрѣтить помѣстья

[1]) Я. Соловьевъ, Объ однодворцахъ, Отечественныя Записки, 1850 г., т. 69, отд. 2, стр. 81—100. Происхожденіе термина «однодворецъ» Соловьевъ объясняетъ введеніемъ подворнаго обложенія. Взгляды Соловьева раздѣляетъ Германовъ, Зап. Геогр. Общ., т. XII, стр. 208 и слд. Краткія свѣдѣнія объ однодворцахъ у Чичерина, Опыты, стр. 48—52, К. П. Побѣдоносцева, Курсъ Гражд. Права, ч. I, изд. 3, стр. 556—562; А. С. Лаппо-Данилевскаго, Организація прям. облож., стр. 52—53, 96—98.

безъ крестьянъ и бобылей. Но если въ центральныхъ областяхъ отсутствіе на помѣстныхъ земляхъ крестьянъ и бобылей объясняется бродячестью населенія, то на южной окраинѣ оно было прямо слѣдствіемъ пустынности, крайней рѣдкости населенія. Поэтому въ центральной полосѣ государства появленіе однодворческихъ поселеній было случайнымъ, временнымъ, а на южной окраинѣ онѣ сдѣлались явленіемъ постояннымъ, создали особую форму землевладѣнія и особый оригинальный классъ землевладѣльцевъ. Итакъ, однодворчество можно разсматривать съ одной стороны, какъ военную и фискальную мѣру, вызванную не только потребностью защищать южную окраину отъ татарскихъ набѣговъ, но и бѣдностью казны, желаніемъ утилизировать почти никому неизвѣстныя и никакого дохода не приносящія дикія поля [1]), а съ другой, какъ одинъ изъ крайнихъ результатовъ дробленія помѣстій, образованія типа вопчаго владѣнія, осложненный отсутствіемъ крестьянскаго населенія [2]).

Вопросъ объ организаціи землевладѣнія низшаго служилаго класса Московскаго государства, такъ называемаго приборнаго, будетъ окончательно рѣшенъ послѣ монографической разработки массы сыраго матеріала, заключеннаго въ дѣлахъ Разряда и Помѣстнаго приказа XVII в. Источники предшествующаго столѣтія, рисующія различныя видоизмѣненія основнаго типа помѣстья, даютъ только возможность поколебать то мнѣніе, что землевладѣніе приборнаго класса построено было на общинномъ правѣ. Неволинъ отличилъ владѣніе низшаго служилаго класса отъ владѣнія помѣстнаго и призналъ его общиннымъ. Та же мысль высказана была И. Д. Бѣляевымъ и поддержана въ новѣйшей литературѣ Н. Д. Чечулинымъ и проф. Владимірскимъ-Будановымъ [3]). Тѣ особенности, которыми характеризуется землевладѣніе приборныхъ служилыхъ людей не могутъ быть признаны специфическими признаками общиннаго владѣнія. Совмѣстное испомѣщеніе по нѣсколько человѣкъ

[1]) Лаппо-Данилевскій, Op. cit., стр. 96.

[2]) Сравн. И. Н. Миклашевскій, Къ исторіи хозяйствен. быта Москов. Госуд., ч. I, стр. 200, 207.

[3]) Неволинъ, П. С. С., т. IV, стр. 266, прим. 688; Бѣляевъ, Лекціи, стр. 488; Чечулинъ, Города Моск. Гос., стр. 219—222, 289; Владим. Будановъ, Обзоръ ист. рус. права, изд. 2, стр. 193. Противъ общинной теоріи высказались проф. Багалѣй, Очерки изъ исторіи колонизаціи, стр. 114 и слѣд., И. Н. Миклашевскій, Къ исторіи хозяйственнаго быта Моск. Гос., ч. I, стр. 188—192, проф. Ключевскій, Отчетъ о XXXIII присужденіи наградъ гр. Уварова, 1892 г., Прилож. къ LXX т. Запис. Имп. Академіи Наукъ, № 3, стр. 289—291.

въ одной межѣ, въ одномъ селеніи, практиковалось не только по отношенію къ приборнымъ; такъ испомѣщались и представители средняго, дворянскаго служилаго класса и начальники приборныхъ, казацкіе и стрѣлецкіе атаманы, головы, сотники, получавшіе чаще отдѣльныя помѣстья [1]). Не находимъ существенной разницы съ общими помѣстными порядками въ способахъ разверстки между отдѣльными членами группы служилыхъ людей данной имъ сообща земли и въ способахъ описанія такихъ земель. Наконецъ, прямые наслѣдники приборныхъ служилыхъ людей, однодворцы XVII в., владѣютъ своими землями на правѣ частной собственности. И. Н. Миклашевскій указалъ для XVII в. и опредѣленный юридическій терминъ, которымъ сами приборные обозначали свои владѣльческія права: они называли себя сябрами [2]). Землевладѣніе приборнаго класса можно отнести къ тому же типу «вопчаго» помѣстнаго владѣнія, который мы встрѣчали не на одной южной окраинѣ и который не былъ спеціальной принадлежностью земельнаго устройства одного какого-нибудь разряда служилаго класса. Но въ то время, какъ совмѣстное владѣніе какой-нибудь группы служилыхъ людей помѣстной землей въ одной межѣ создавалось въ другихъ областяхъ, среди другихъ разрядовъ служилыхъ людей извѣстнымъ способомъ раздѣла наслѣдственнаго помѣстья и обращеніемъ помѣстныхъ жеребьевъ мѣной и сдачей, — на южной окраинѣ, по отношенію къ приборному классу, главнымъ опредѣляющимъ факторомъ явилось правительственное вмѣшательство, извѣстный способъ испомѣщенія. Если представители высшихъ и среднихъ слоевъ служилаго класса испомѣщались группами въ одной межѣ только по разнымъ случайнымъ причинамъ, для приборнаго класса этотъ способъ испомѣщенія сдѣлался общимъ правиломъ, былъ наиболѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его служебной организаціи.

Итакъ, всѣ различные типы помѣстій являются по существу продуктами одного процесса. Создавался же этотъ процессъ различными силами. Интересы государевой службы, служебная организація извѣстнаго класса, мѣстныя условія хозяйственнаго быта, юридическое сознаніе самого служилаго общества, таковы были условія, дававшія преобладаніе той или другой формѣ помѣстья. Какъ служилое по самой своей идеѣ, помѣстное землевладѣніе

[1]) Казацкіе атаманы въ Веневскомъ и Епифановскомъ уѣздахъ. Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 1578, 1582.

[2]) Op. cit., стр. 188—192.

подчинялось, конечно, прежде всего военнымъ интересамъ государства. Но осуществленіе послѣднихъ стояло въ зависимости отъ той бытовой основы, на которой оно устраивалось. Это вліяніе мѣстнаго экономическаго быта на образованіе особаго типа помѣстья особенно ясно обнаруживается на южной окраинѣ, проявляется въ крайнемъ развитіи «вопчаго» владѣнія, въ образованіи однодворчества. Не менѣе сильнымъ и повсемѣстнымъ было вліяніе юридическаго сознанія самого общества, сознанія, иногда прямо противорѣчившаго интересамъ государевой службы. Мы видѣли, какъ порядокъ наслѣдованія помѣстій и способы ихъ обращенія создавали такія формы землевладѣнія, какія, напримѣръ, на южной окраинѣ появлялись подъ дѣйствіемъ потребностей службы и мѣстныхъ экономическихъ условій.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Выходъ помѣстной земли изъ службы.

Руководящій принципъ поземельной политики XVI в. — земля не должна выходить изъ службы — ни въ законодательствѣ, ни въ жизни не былъ проведенъ съ строгою послѣдовательностью, и служилая земля, вотчинная и помѣстная, разными способами продолжала выходить изъ службы. Съ мобилизаціей вотчиннаго землевладѣнія мы уже знакомы. Обращаемся къ разсмотрѣнію тѣхъ способовъ, какими выходила изъ службы земля помѣстная.

Первой силой, выводившей извѣстную часть помѣстнаго земельнаго фонда изъ службы, была необходимость образованія, такъ сказать, пенсіоннаго капитала для содержанія вдовъ и малолѣтнихъ дѣтей помѣщиковъ, устройства «прожиточныхъ» помѣстій. Въ половинѣ XVI в. переходъ помѣстій отъ отца къ сыновьямъ сдѣлался уже обычнымъ явленіемъ, какъ свидѣтельствуютъ извѣстныя новгородскія грамоты. Хотя вопросъ о наслѣдованіи помѣстій не былъ разработанъ законодательствомъ XVI в., въ обществѣ уже ясно обозначается стремленіе обратить помѣстье въ наслѣдственное владѣніе. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 7055 г. братья Леонтій и Зиновій Калитины дѣлили между собою отцовскую вотчину; каждому досталось по сельцу, а Леонтью сверхъ того по дѣлежу досталось «государева жалованья царя и вел. князя помѣстье, сельцо Григорьевское съ деревнями въ Можайскомъ уѣздѣ» [1]). Илья Борщовъ въ духовномъ завѣщаніи 1610 г. благословляетъ жену и дѣтей вотчиной и помѣстьемъ, а старшему сыну Василью отказываетъ сверхъ того помѣстье Лучинское, а «тѣмъ помѣстьемъ Лучинскимъ благословила бабушка его Ульяна Василья» [2]). Въ одной духовной грамотѣ 7040 г. завѣщатель поручаетъ своимъ

[1]) Сборн. Тр. Серг. Лавры № 530, л. 57 об.

[2]) Н. П. Лихачевъ, Сборн. Актовъ, стр. 71.

душеприкащикамъ печаловаться передъ вел. княземъ объ его помѣстьѣ: «чтобы государь пожаловалъ, того поместейца у жены моей и у сынишка не велѣлъ взять» [1]). На основѣ этого стремленія къ наслѣдственной передачѣ помѣстнаго владѣнія по аналогіи съ вотчиною и развился особый видъ «прожиточныхъ» помѣстій для обезпеченія малолѣтнихъ дѣтей и вдовъ помѣщиковъ.

Хотя извѣстія о прожиточныхъ помѣстьяхъ малолѣтнихъ сыновей начинаютъ встрѣчаться болѣе или менѣе часто въ источникахъ второй половины XVI в., но не можетъ быть сомнѣнія, что оставленіе за несовершеннолѣтними, еще неспособными къ службѣ, дѣтьми помѣщика нѣкоторой доли его помѣстья вошло въ обычай уже въ первой половинѣ этого вѣка. Рядъ примѣровъ прожиточныхъ помѣстій даютъ новгородскія писцовыя книги. Новгородскія же помѣстныя грамоты 1555—1556 гг., сообщая рядъ извѣстій о прожиточныхъ помѣстьяхъ бездѣтныхъ вдовъ и малолѣтнихъ дочерей, убѣждаютъ тѣмъ самымъ въ существованіи прожиточныхъ помѣстій и для малолѣтнихъ сыновей. Но общаго законодательнаго порядка выдѣла прожиточныхъ помѣстій въ XVI в. не существовало, и право недоросля на прожитокъ каждый разъ утверждалось особымъ правительственнымъ распоряженіемъ. Въ противномъ случаѣ писцы, встрѣчая помѣстья умершихъ служилыхъ людей за ихъ вдовами и малолѣтними дѣтьми, владѣвшими «безъ дачи», или отписывали ихъ на государя или группировали въ особую рубрику всѣ подобныя помѣстья, о которыхъ долженъ послѣдовать общій государевъ указъ. Такъ въ казанской писцовой книгѣ 7076 г. отдѣльно отмѣчены, «помѣстья за вдовами и за недорослыми неверстанными, за женами и за дѣтьми дѣтей боярскихъ старыхъ жильцовъ, а въ государевомъ наказѣ и въ окладномъ спискѣ съ дѣтьми боярскими старыми жильцы обо вдовахъ и объ недоросляхъ указъ имянно не написанъ, и тѣхъ казанскія помѣстья писаны и мѣряны за ними, а у нихъ не взяты и въ раздачу не помѣчены до государева указу» [2]). Въ одной писцовой книгѣ Псковской области XVI в. встрѣчаемъ помѣстье вдовы Анны Кокошкиной и ея сына, «а въ дачахъ за приписью псковскихъ дьяковъ Сулменя Булгакова да Ивана Андреева написано: по государевой грамотѣ за приписью дьяка Елизарья Вылузгина 92 году того у нихъ помѣстья по прежнимъ государевымъ грамотамъ отнимать не велѣно до ихъ живота» [3]).

[1]) Сборн. Тр. Серг. Лавры № 530, л. 1040 об.

[2]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 152, л. 120 и об.

[3]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 827, лл. 726 об.—728 об.

Скудныя данныя писцовыхъ книгъ позволяютъ, тѣмъ не менѣе, отмѣтить нѣкоторыя общія черты въ положеніи прожиточныхъ помѣстій недорослей XVI в. Несмотря на стремленіе сохранить помѣстье умершаго служилаго человѣка въ рукахъ его сына только подъ условіемъ способности послѣдняго къ службѣ, право недоросля на прожиточный участокъ изъ помѣстья отца можно считать прочно утвердившимся на практикѣ. Недоросль, какъ бы малъ онъ ни былъ, представлялъ уже самостоятельную юридическую личность. Конечно, какой-нибудь 5—10-лѣтній недоросль не могъ самостоятельно жить и владѣть помѣстьемъ; фактически помѣстьемъ владѣла его мать-вдова или другой ближайшій родственникъ, на попеченіи которыхъ жилъ и воспитывался недоросль. Московскіе писцы, смѣшивая фактъ съ правомъ, записывали часто такія прожиточныя помѣстья совмѣстно за вдовами и ихъ сыновьями. Но во многихъ случаяхъ право недоросля, какъ дѣйствительнаго владѣльца помѣстья, выступаетъ вполнѣ опредѣленно. Такъ въ писцовой книгѣ Пусторжевскаго уѣзда находимъ рядъ прожиточныхъ помѣстій, владѣльцами которыхъ отмѣчены сами недоросли, находящіеся въ возрастѣ 7—10 лѣтъ [1]). Сынъ, родившійся по смерти отца, также получалъ право на прожиточное помѣстье. Это, такъ называемое, право postumus'а впервые было формулировано законодательствомъ въ половинѣ XVII в. [2]); на практикѣ же оно несомнѣнно существовало и въ XVI-мъ. Такъ при царѣ Борисѣ по государевой грамотѣ галицкій губной староста Мих. Цыгоровъ отказалъ вдовѣ Тим. Верховскаго, Антонидѣ, съ сыномъ Ѳедоромъ *«и съ тѣмъ, что она родитъ»* мужа ея помѣстье въ Галицкомъ уѣздѣ, $^1/_2$ деревни живущей и 5 пустошей [3]). Въ духовной Ильи Борщова 1610 г. читаемъ: «а жена моя Ѳедора пойдетъ замужъ, и ту четверть помѣстья і вотчины поделить Василью зъ братьею по третямъ, и будетъ во чревѣ у жены моей Ѳедоры сынъ, и та четверть помѣстья и вотчины тому сыну, и будетъ дочь—и Василью зъ братьею сестра своя поить и кормить и замужъ выдать съ приданымъ» [4]). Самостоятельное право недоросля на владѣніе прожиточнымъ помѣстьемъ, самостоятельность его юридической личности укрѣплялись, несомнѣнно, тѣмъ разсчетомъ, что недоросль современемъ будетъ служилымъ человѣкомъ.

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 8183, лл. 191 и слд., 287 об., 597 и слд.

[2]) Въ боярск. приговорѣ 6 іюня 1649 г. Загоскинъ, Очерки организ. и происхожд. служ. сословія, Учен. Записки Казанск. Универс., 1876 г., № 5, стр. 719—720.

[3]) Рум. Музей, Акты Бѣляева, № 212.

[4]) Н. П. Лихачевъ, Сборн. Актовъ, стр. 71.

Прожиточное помѣстье было не только пенсіей за службу отца, но также капиталомъ, на который недоросль долженъ быть воспитанъ и съ котораго, достигнувъ положеннаго возраста, обязанъ начать свою службу. Съ совершеннолѣтіемъ недоросля прожиточное помѣстье пріобрѣтало снова значеніе дѣйствительно служилой земли и оставалось прожиткомъ только для матери вдовы и сестеръ новика. Помѣщикъ новикъ, начавъ службу, обязанъ былъ кормить съ своего помѣстья мать до живота, а сестеръ, вскормивъ, выдать замужъ [1]).

Порядокъ выдѣла недорослю прожитка и размѣры послѣдняго опредѣлялись различно. Если у недоросля были старшіе братья, еще при жизни отца начавшіе службу и получившіе самостоятельныя помѣстья посредствомъ припуска или отвода, то недоросль съ матерью вдовой владѣлъ своимъ прожиткомъ совершенно отдѣльно отъ братьевъ. Такъ, напримѣръ, въ писцовой коломенской книгѣ помѣстье Ив. Базарова, село Бунково съ пустошами, раздѣляется на два самостоятельныхъ помѣстья: треть села записана за вдовой Богданой Базаровой съ тремя дѣтьми, а двѣ трети за старшимъ сыномъ Иваномъ [2]). Иногда въ помѣстьѣ, записанномъ совмѣстно за нѣсколькими братьями, прожиточная часть младшихъ отдѣляется отъ той, которая идетъ въ окладъ старшаго, служащаго. Напримѣръ, за Иваномъ и Ѳедоромъ Кобылятиными и за ихъ сестрой дѣвкой Марѳой въ двухъ станахъ Вяземскаго уѣзда было помѣстье въ количествѣ 858 четей слишкомъ. Изъ этого помѣстья 500 четей шло старшему сыну Ивану въ его окладъ, въ 500 четей, а за Ѳедоромъ и за его сестрой по государевой грамотѣ учинено было помѣстья 350 четей [3]). Такіе же случаи находимъ въ Пусторжевскомъ уѣздѣ при испомѣщеніи недорослей. Братья Андрей и Алешка Сумароковы владѣли старымъ отцовскимъ помѣстьемъ; старшему Андрею окладъ опредѣленъ въ 250 четей, а 7 лѣтнему Алешкѣ велѣно дать изъ отцовскаго помѣстья 50 четей. Между Осипомъ Юрловымъ и его братьями Микифоромъ 10 лѣтъ и Гаврилкой 7 лѣтъ помѣстье распредѣлено такимъ образомъ, что Осипъ получилъ окладъ въ 100 четей, а Микифору и Гав-

[1]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, стр. 571, 590, 593, 626, 643, 757. Интересенъ случай: помѣстье дано на прожитокъ вдовѣ, ея сыну, снохѣ и внуку. Послѣдній по достиженіи совершеннолѣтія обязанъ съ того помѣстья служить, бабку, отца и мать кормить, стр. 676—678. Срв. 796—797.

[2]) Ibid., т. I, стр. 401—402.

[3]) Ibid., т. II, стр. 717—721.

рилкѣ дано вмѣстѣ 80 четей [1])· Наконецъ, встрѣчаемъ случаи и совмѣстнаго владѣнія совершеннолѣтняго, несущаго службу, брата съ младшими недорослями. По мѣрѣ достиженія 15 лѣтняго возраста каждый изъ братьевъ получалъ самостоятельный помѣстный окладъ, и тогда уже раздѣлъ помѣстья совершался по полюбовному соглашенію [2]). Ревнивое отношеніе правительства къ каждой четверти помѣстной земли побуждало выдѣлять недорослю только извѣстную часть изъ помѣстья его отца. Данныя писцовыхъ книгъ слишкомъ скудны, чтобы по нимъ можно было составить понятіе о принципахъ, опредѣлявшихъ прожиточные оклады недорослей. По всей вѣроятности для испомѣщенія недорослей и не существовало такихъ общихъ мѣрокъ, какими опредѣлялись оклады взрослыхъ служилыхъ людей. Можно предполагать, что опредѣляющими обстоятельствами при назначеніи прожиточнаго помѣстья недорослю въ каждомъ данномъ случаѣ были величина отцовскаго помѣстья и семейное положеніе недоросля. Изъ большаго помѣстья, конечно, выдѣлялся и большій прожитокъ; отсутствіе или наличность братьевъ и сестеръ у недоросля также должно было опредѣлять величину прожитка. Наконецъ, возможны были и такіе случаи, когда необходимость сохранить извѣстное помѣстье на службѣ побуждала правительство вовсе лишать недоросля права на прожитокъ. Напримѣръ, изъ одной послушной грамоты 1571 г. узнаемъ, что въ Мценскомъ уѣздѣ, Чернскомъ стану, жеребій деревни Просѣкъ былъ въ помѣстьѣ за Степаномъ Котосоповымъ. Степанъ умеръ, оставивъ сына Гордѣйку $1^1/_2$ лѣтъ. Послѣднему велѣно жить у двоюроднаго брата Ташлыка Орѣхова, а выморочный жеребій деревни отданъ постороннему человѣку, Степану Меркулову [3]).

Прожиточное помѣстье недоросля, говорили мы, не было чистой формой прожитка въ исключительномъ смыслѣ пенсіи за службу отца. Земля, отводимая недорослю, оставалась служилой землей, только временно выводилась изъ активной службы; она была, повторяемъ, не только пенсіей за службу, но и средствомъ къ воспитанію новаго поколѣнія служилыхъ людей. Такимъ образомъ земельный фондъ, назначаемый на обезпеченіе недорослей, косвенно продолжалъ нести службу государству. Чистый характеръ прожитка пенсіи, не имѣвшаго другаго назначенія, какъ только

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 8183. лл. 196 об., 202.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., т. II, стр. 595, 608, 626, 643, 662, 672, 691; Новг. писц. книги, т. IV, стр. 581, 584.

[3]) Н. Полевой, Рус. Вивліоѳ., т. I, стр. 199—201.

*

обезпечивать существованіе тѣхъ лицъ, кому онѣ даны, были земли, выдѣляемыя на прожитокъ женщинамъ, вдовамъ и дочерямъ помѣщиковъ. Въ наслѣдованіи женщинами помѣстій мужей и отцовъ можно уловить тѣ же послѣдовательные моменты, какіе мы наблюдали въ развитіи наслѣдственныхъ правъ женщины въ области вотчиннаго землевладѣнія. Новгородскія помѣстныя грамоты и писцовыя книги XVI в. различныхъ областей, свидѣтельствуя съ одной стороны о томъ, что практика выдѣла прожиточныхъ помѣстій женщинамъ была уже повсемѣстно распространена, что въ ней были выработаны нѣкоторые постоянные пріемы, съ другой стороны указываютъ и на нѣкоторую шаткость самаго права женщинъ получать прожитки. Такъ изъ нѣкоторыхъ грамотъ новгородскимъ дьякамъ узнаемъ, что они отписывали на государя помѣстья умершихъ служилыхъ людей, оставившихъ женъ и дѣтей, отписывали потому, конечно, что вопросъ объ обезпеченіи вдовъ и дочерей умершихъ помѣщиковъ въ XVI в. не былъ еще поставленъ въ законодательствѣ и разрѣшался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ спеціальнымъ распоряженіемъ правительства [1]). Какъ въ вотчинѣ, такъ и въ помѣстьѣ первое средство обезпеченія вдовы, оставшейся съ малолѣтними дѣтьми, обусловливалось ея положеніемъ, какъ опекунши дѣтей, какъ главы семейства послѣ смерти мужа. Вдова-мать оставалась фактической владѣлицей и распорядительницей имущества своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Пока дѣти малы, пока самостоятельность ихъ юридической личности не получила реальнаго выраженія, не могъ возникать вопросъ объ отдѣльныхъ средствахъ обезпеченія матери-вдовы; она жила и кормилась съ того помѣстнаго прожитка, владѣльцемъ котораго юридически былъ ея сынъ недоросль. Въ любой писцовой книгѣ помѣстныхъ земель можно набрать достаточное количество примѣровъ этого обычая выдѣлять прожитокъ совмѣстно и матери и дѣтямъ и совмѣстно же за ними записывать его въ книги. Необходимость разграниченія правъ дѣтей и матери возникала тогда, когда недоросль, достигнувъ совершеннолѣтія, вступалъ въ службу и становился полнымъ и самостоятельнымъ владѣльцемъ своего прожитка, который въ свою очередь превращался въ служилое помѣстье. Въ вотчинномъ землевладѣніи необходимость обезпечить участь жены отдѣльно отъ дѣтей разрѣшалась тѣмъ, что вотчинникъ, пользуясь полнотой своихъ правъ распоряженія, выдѣлялъ женѣ особую часть или въ полную ея собственность или въ пожизненное владѣніе.

[1]) Наприм., Д. А. И., I, № 52, XXIV, XXVI.

Въ помѣстномъ землевладѣніи вопросъ не могъ быть разрѣшенъ такъ просто. Надъ помѣстьемъ всегда тяготѣла роковая обязанность службы, интересамъ которой должно было удовлетворять всякое новое перераспредѣленіе помѣстной земли. Между тѣмъ выдѣлъ извѣстнаго участка женѣ и дочерямъ прямо нарушалъ эти интересы. Необходимо было, слѣдовательно, изыскать другіе способы обезпеченія участи вдовы, которые не требовали бы дальнѣйшаго дробленія помѣстья для выдѣла прожитка вдовѣ. Съ этой цѣлью то положеніе вдовы-матери, въ которомъ она находилась при малолѣтствѣ дѣтей, правительство стало закрѣплять за ней и послѣ достиженія недорослями совершеннолѣтія и вступленія ихъ въ полное обладаніе своими владѣльческими правами. Правительственное участіе въ устроеніи судьбы вдовъ и дочерей умершихъ служилыхъ людей и выразилось прежде всего въ томъ, что, отводя недорослю прожитокъ, обязуя его нести съ этого помѣстья службу съ извѣстнаго возраста, правительство формально опредѣляло и его сыновнія обязанности, требуя отъ достигшаго совершеннолѣтія недоросля, чтобы онъ со своего помѣстья мать свою кормилъ до живота, а сестеръ, вскормивъ, замужъ выдалъ [1]). Такимъ образомъ правительство воспользовалось естественнымъ складомъ семейныхъ отношеній, нравственными обязанностями старшаго, взрослаго сына и, формально подтвердивъ эти обязанности, обезпечивало положеніе вдовъ и дочерей помѣщиковъ, не затрачивая на это ни одной четверти помѣстной земли. Этотъ способъ обезпеченія вдовъ и сиротъ былъ такъ выгоденъ для правительства, что оно сдѣлало послѣдовательный рядъ попытокъ примѣненія его и въ болѣе широкой сферѣ, за предѣлами семьи. Выморочное помѣстье стали отдавать ближайшимъ родичамъ помѣщика, братьямъ, племянникамъ, и на нихъ такъ же, какъ и на сыновей, возлагали обязанность содержать до смерти, постриженія или замужества вдову и дочерей стараго помѣщика. Этой заботѣ правительства объ устройствѣ участи вдовъ и дочерей умершихъ помѣщиковъ безъ затраты на это самой служилой земли вполнѣ отвѣчало стремленіе самихъ помѣщиковъ сохранять землю въ предѣлахъ рода. Мы указывали выше примѣры того, какъ братья помѣщики, владѣя раздѣленнымъ отцовскимъ помѣстьемъ, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, хлопочатъ о присоединеніи

[1]) Д. А. И., I, № 52, XX; Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, стр. 571, 590, 593, 626, 643, 757, 797. Такимъ же путемъ обезпечивались и старые, отставные помѣщики.

къ своимъ помѣстьямъ его участка [1]). Стремленіе отсрочить до послѣдней степени возможности выходъ земли изъ службы побуждало сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ, отдавать выморочное помѣстье совершенно постороннему лицу, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ за этимъ участкомъ значеніе вдовьяго прожитка. Отсюда возникла особая форма помѣстнаго владѣнія «въ пожить» или «поджить». Сущность ея вѣрно формулирована г. Сторожевымъ: «прожиточное помѣстье вдовы, дѣвки или отставленнаго отъ службы стараго служилаго человѣка, еще при жизни временно владѣющаго имъ лица уже предназначенное кому-либо въ додачу и поставленное такимъ образомъ внѣ челобитнаго конкурса по смерти лица, обладавшаго имъ, называлось помѣстьемъ въ поджить» [2]). Случай дачи помѣстья въ пожить, упоминаемый въ дѣлѣ о раздачѣ помѣстій Делагарди и Горномъ въ 1615 г., раскрываетъ тѣсную связь между этой формой владѣнія и описаннымъ выше способомъ обезпеченія вдовъ и сиротъ. Прожиточное помѣстье дѣвокъ Ульяны и Аксиньи Назимовыхъ дважды было отдаваемо въ пожить, въ первый разъ ихъ дядьямъ, Дмитрію и Ивану Безстужимъ, которые обязаны были съ того помѣстья племянницъ кормить, поить, замужъ выдать, во второй разъ совершенно постороннимъ лицамъ, Юсупову и Едевлетеву въ ихъ оклады, «а Микитинымъ дочерямъ Назимова двѣмя дѣвкамъ тѣмъ своимъ прожиточнымъ помѣстьемъ, что имъ дано на прожитокъ изъ отца ихъ помѣстья, девяностомъ дву четьями съ полутретникомъ, владѣти до тѣхъ мѣстъ, пока онѣ замужъ пойдутъ, или постригутца, или ихъ не станетъ» [3]). Понятна логическая связь между обоими случаями. Въ первомъ обезпеченіе сиротъ прямо основывается на родственныхъ отношеніяхъ, которымъ правительство формально придаетъ принудительный характеръ; помѣстье сиротъ просто отдается ихъ дядьямъ, на которыхъ возлагается обязанность держать племянницъ, какъ членовъ своей семьи. Дальше этого правительство уже не считало возможнымъ опредѣлять права племянницъ, вторгаться въ недоступную для его регламентаціи область семейныхъ отношеній. Передача во второмъ случаѣ прожиточнаго помѣстья въ поджить постороннимъ лицамъ потребовала уже болѣе полнаго и юридически строгаго обоснованія правъ сиротъ

[1]) Братья получаютъ выть умершаго и кормятъ его вдову, свою сноху. Д. А. И., I, № 52, XVII; Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 897. Племянники получаютъ дядино помѣстье и кормятъ свою тетку. Ibid., 783, 1448.

[2]) Указн. книга Помѣстн. прик., стр. 180.

[3]) Д. А. И., II, № 40.

на прожитокъ. Отдавая выморочное помѣстье постороннему лицу, нельзя возложить на него обязанность кормить и покоить вдову и сиротъ стараго помѣщика. За отсутствіемъ нравственной, родственной связи между помѣщикомъ, получившимъ землю въ поджить, и сиротами, требующими себѣ съ нея прожитка, понадобилось создать между ними формальное обязательное отношеніе. За сиротами признаны были самостоятельныя владѣльческія права, которыя разграничивались съ правами новаго помѣщика такимъ же точно способомъ, какимъ часто вотчинникъ, отдавая землю монастырю, отграничивалъ себѣ и своей семьѣ право пожизненнаго владѣнія ею; помѣстье, полученное въ поджить, зачислялось помѣщику въ его окладъ, а фактическое владѣніе и пользованіе имъ отсрочивалось до замужества, постриженія, смерти вдовы или дѣвки. Дача помѣстій въ поджить практиковалась, конечно, гораздо ранѣе первой четверти XVII в. Самый терминъ попадается, хотя и очень рѣдко, въ писцовыхъ книгахъ второй половины XVI в., а въ одной изъ помѣстныхъ новгородскихъ грамотъ 1555—1556 гг. встрѣчаемъ случай, совершенно подходящій по существу подъ понятіе помѣстья, даннаго въ пожить. Помѣстье служилаго новгородца Чмута Ачкасова послѣ его смерти распредѣлено было новгородскими дьяками слѣдующимъ образомъ: 16 обежъ съ четвертью они отдѣлили Ивашку Малѣеву, 5 обежъ дали на прожитокъ вдовѣ, а обжа съ четвертью осталась никому не отданной. Сынъ Чмута, Бориска, не успѣвшій своевременно выхлопотать себѣ части изъ отцовскаго помѣстья, обратился къ царю съ запоздалымъ челобитьемъ отдать ему все это помѣстье. Царь приказалъ отвести ему только ту обжу съ четвертью, которыя осталось никому не отданной, «а какъ мачеха (жена Чмута) замужъ пойдетъ или пострижетца или ее не станетъ, и вы бы тѣ пять обежъ велѣли тогды отдѣлити Бориску жъ Чмутову» [1]). Такимъ образомъ Бориска получилъ помѣстье подъ своею мачихою въ поджить. Въ нѣкоторыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ второй половины XVI в. находимъ такія отмѣтки о помѣстьяхъ, данныхъ въ поджить: «за Иваномъ Микифоровымъ сыномъ Лихарева, дано ему въ пожить прожиточное помѣстье Данилово Михайлова сына Левшина до Данилова живота, докуда его не станетъ или постирижетца»; также: за Казариномъ Мякининымъ была въ помѣстьѣ деревня, принадлежавшая раньше его теткѣ Евфросиньѣ Филипповой женѣ Мякинина съ двумя дочерями, «а дано ему то помѣстье подъ нею

[1]) Д. А. И., I, № 52, VII.

въ пожить до тѣхъ мѣстъ, какъ вфросинья дочерей замужъ выдастъ, а сама умретъ или пострижется, и Никольскаго погоста Шереховскаго сказали дѣти боярскіе, что Евфросинья дочери свои замужъ выдала, а сама съѣхала на Кострому, въ томъ помѣстьѣ не живетъ другой годъ» [1]). Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, помѣстье, данное въ поджить, записывалось за помѣщикомъ въ писцовыя книги еще до поступленія въ его полное, фактическое владѣніе. Приведенные же выше примѣры дачи помѣстья Борискѣ Чмутову и прожиточнаго помѣстья дѣвокъ Назимовыхъ свидѣтельствуютъ объ обратномъ: помѣстье, данное въ поджить, должно быть еще справлено послѣ смерти или замужества вдовы или дѣвки.

Если въ появленіи особаго вида помѣстнаго владѣнія «въ поджить» сказывалось съ одной стороны упорное сопротивленіе правительства выходу земли изъ службы, то съ другой стороны очевидной становилась необходимость уступить естественному ходу вещей и пожертвовать нѣкоторое количество служилой земли на содержаніе вдовъ и дочерей умершихъ помѣщиковъ. Какъ въ вотчинѣ, такъ и въ помѣстьяхъ прожитокъ вдовы и дочери необходимо долженъ былъ превратиться въ самостоятельную долю въ наслѣдствѣ мужа и отца. Уже съ половины XVI в. наряду съ описанными выше способами обезпеченія вдовъ и сиротъ, такъ или иначе, прямо или косвенно, привязывавшими землю къ службѣ, встрѣчаемъ выморочныя помѣстья въ исключительномъ обладаніи женщинъ до замужества, постриженія или смерти. Необходимость выдѣла самостоятельной части вдовѣ обнаруживалась даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у нея были дѣти, на которыхъ могла быть возложена обязанность кормить и покоить мать до смерти. Новгородскія помѣстныя грамоты говорятъ о прожиткахъ, выдѣляемыхъ вдовамъ и дочерямъ отдѣльно отъ сыновей и братьевъ [2]). Въ одномъ случаѣ вдова получила самостоятельный прожитокъ на томъ основаніи, что дѣти ее «не кормятъ и изъ двора деи ее выбили вонъ» [3]). Тѣмъ естественнѣе было выдѣлять самостоятельные прожитки бездѣтнымъ вдовамъ [4]). Выдѣленный вдовѣ прожитокъ по общему правилу оставался въ ея владѣніи до замужества, постриженія или смерти, послѣ чего онъ снова поступалъ въ общій земельный фондъ для раздачи служилымъ людямъ. Исключительный, по всей

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. 957, л. 75; кн. 961, л. 98. Еще примѣры помѣстій въ поджить, Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, стр. 1453, 1493.

[2]) Д. А. И., I, № 52, II, IV, XXXVI.

[3]) Ibid., XXVIII.

[4]) Ibid., IX, XV, XVII, XXIII, XXIV, XXVI.

вѣроятности, случай, объясняемый какими-нибудь особыми обстоятельствами, сообщаетъ одна новгородская грамота, повѣствующая, что новгородскіе дьяки отдѣлили вдовѣ, совмѣстно съ ея племянниками, прожитокъ только на три года, съ 7049 по 7052-й, и записали объ этомъ въ писцовыя книги [1]). Само собой разумѣется, что никакихъ правъ распоряженія прожиткомъ законъ не признавалъ за вдовой; но въ частныхъ актахъ находимъ одинъ случай отказа вдовой ея прожиточнаго помѣстья внуку, какъ отраженіе начавшагося уже съ XVI в. стремленія перенести на помѣстье съ вотчины систему наслѣдственныхъ правъ [2]).

Права наслѣдованія дочерей, естественно, развивались въ тѣсной связи съ правами матери вдовы и проходили тѣ же фазисы: дочери также кормились съ прожитка своего брата-недоросля, который по достиженіи совершеннолѣтія принималъ на себя обязанности опекуна, поступали подъ опеку ближнихъ или дальнихъ родичей [3]), владѣли прожитками, назначенными въ подживить постороннимъ лицамъ, и, наконецъ, получали прожитки въ свое исключительное владѣніе до замужества, постриженія или смерти. Мы отмѣтимъ только тѣ двѣ черты въ характерѣ ихъ владѣльческихъ правъ, изъ которыхъ одна подчеркиваетъ желаніе правительства какъ можно скорѣе возвратить землю изъ пенсіоннаго фонда въ дѣйствующій, а другая показываетъ, что право дочери на прожитокъ изъ помѣстья отца также стремилось превратиться въ право на самостоятельную долю въ наслѣдствѣ. Выдѣляя вдовѣ съ дочерями отдѣльный прожитокъ, правительство ограничивало для дочерей право владѣнія имъ 15-лѣтнимъ возрастомъ, «а болши пятинадцати лѣтъ за дѣвками помѣстей держати не велѣно», какъ сообщаютъ двѣ новгородскія помѣстныя грамоты [4]). Въ этихъ же грамотахъ находимъ и другую интересующую насъ черту, зародившуюся самостоятельность и отдѣльность владѣльческихъ правъ дочери отъ правъ матери и брата. Послѣ смерти кн. Ив. Дм. Оболенскаго дано было его женѣ и тремъ дочерямъ на прожитокъ, женѣ 6 обежъ, дочерямъ по три, отдѣльно отъ матери. Затѣмъ мать ихъ пошла за-

[1]) Ibid., XII.

[2]) Сборн. Актовъ Лихачева, духовная Ильи Борщова 1610 г.: «тѣмъ помѣстьемъ Лучинскимъ благословила бабушка его Ульяна Василья»..., стр. 71.

[3]) Такъ въ одной новгор. писц. книгѣ конца XVI в. описано помѣстье стрѣлецкаго сотника Алексѣя Назимова. Ранѣе оно принадлежало Ивану Назимову, по смерти котораго осталась дочь 5 лѣтъ, Алексѣю племянница. Онъ обязанъ ее вскормить и выдать замужъ. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 957, л. 349.

[4]) Д. А. И., I, № 52, XXXV, XXXVI.

мужъ, одна изъ дочерей умерла, а отъ имени оставшихся двухъ возбуждено было ходатайство объ отдѣленіи имъ по прежней грамотѣ слѣдуемаго прожитка, такъ какъ въ дѣйствительности имъ владѣлъ ихъ дядя Володя Печатниковъ. По государевой грамотѣ велѣно было отвести княжнамъ Оболенскимъ на прожитокъ по 3 обжи, а самимъ имъ указано жить до замужества у дѣда ихъ, кн. Ив. Горенскаго; помѣстье ихъ беречь и доходъ съ нихъ сбирать Дм. Резанову, который долженъ отдавать его владѣлицамъ [1]).

Краткій обзоръ послѣдовательнаго развитія въ XVI в. правъ наслѣдованія помѣстныхъ земель показалъ, что такъ рѣзко и опредѣленно поставленный принципъ, что земля не должна выходить изъ службы, долженъ былъ испытать значительныя ограниченія. Государство вынуждено было уступить необходимости обезпечивать участь вдовъ и сиротъ своихъ слугъ, и въ общемъ оборотѣ служилаго земельнаго фонда необходимо долженъ былъ образоваться особый пенсіонный капиталъ. Эта необходимость затрачивать служилую землю на пенсіи семействамъ помѣщиковъ была не единственной причиной выхода помѣстной земли изъ службы. Другая причина заключалась въ невозможности привести въ должное соотвѣтствіе наличный контингентъ служилыхъ людей съ имѣвшимся въ распоряженіи правительства количествомъ служилой земли: то не хватало земли для дачи служилымъ людямъ ихъ полныхъ окладовъ, то не хватало людей для занятія извѣстной территоріи служилой земли, и послѣдняя должна была болѣе или менѣе долгое время пустовать. Разбирая вопросъ о недостаткѣ въ XVI в. помѣстной земли, мы видѣли, что накопленіе значительныхъ количествъ пустопорожней помѣстной земли объясняется нежеланіемъ самихъ служилыхъ людей брать себѣ въ оклады такую землю, которая требовала усиленной хозяйственной дѣятельности, несовмѣстимой съ военной службой. Не помогали дѣлу и податныя льготы и прямая денежная подмога. Отказъ служилыхъ людей брать въ помѣстья пустопорожнюю, некультурную землю выяснялъ необходимость предварительныхъ мѣръ для приведенія пустой земли въ культурную, «живущую», прежде чѣмъ раздавать ее въ помѣстья. Къ этому долженъ былъ присоединяться и собственно фискальный интересъ, побуждавшій извлекать хотя какую нибудь пользу изъ пропадавшаго втунѣ мертваго земельнаго капитала. Трудно рѣшить, которая изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія преобладала въ

[1]) Еще случаи дачи дочерямъ прожитковъ, отдѣльныхъ отъ прожитковъ матерей, въ Писц. кн., изд. Геогр. Общ., II, 897, 1366.

системѣ мѣръ, направленныхъ къ эксплуатаціи пустопорожнихъ помѣстныхъ земель, необходимость ли приведенія пустой земли въ культурное состояніе передъ раздачей ея въ помѣстье, или непосредственный интересъ казны. Съ одной стороны, и отдавая землю на оброкъ и продавая ее въ вотчину, правительство не упускало изъ виду неизмѣнныхъ интересовъ службы и всегда ставило извѣстныя условія, открывавшія возможность возвращенія оброчной или проданной въ вотчину земли снова въ помѣстный фондъ; съ другой стороны не видно, чтобы оно проникалось убѣжденіемъ въ необходимости давать въ помѣстья только культурную землю.

Пожалованіе земли въ помѣстье первоначально было однимъ изъ способовъ эксплуатаціи пустопорожнихъ земель. Неуспѣхъ по извѣстнымъ причинамъ этого способа заставлялъ обратиться къ другому, также сильно развитому въ частномъ и дворцовомъ хозяйствѣ, къ отдачѣ пустой земли на оброкъ. Отдача земли въ оброчное владѣніе, сравнительно съ пожалованіемъ въ помѣстье, была способомъ эксплуатаціи пустыхъ земель болѣе гибкимъ, легче приспособляющимся къ неблагопріятнымъ хозяйственнымъ условіямъ, въ какихъ находилась пустая помѣстная земля. Оброчное держаніе не требовало образованія цѣльнаго, округленнаго хозяйства, допускало эксплуатацію каждой хозяйственной статьи отдѣльно; легче было найти охотниковъ взять землю въ оброчное держаніе, потому что оно влекло за собой только финансовыя повинности, которыя не отрывали, подобно военнымъ, хозяина отъ работы; оброчными держателями являлись служилые и приказные люди, крестьяне черные и частновладѣльческіе.

Отдавая пустую помѣстную землю на оброкъ, правительство еще не увольняло ее въ отставку. Отдача на оброкъ была всегда временной мѣрой, и при первой возможности отданная на оброкъ помѣстная земля возвращалась снова на службу; поэтому въ документахъ, устанавливающихъ оброчное владѣніе пустопорожней помѣстной землей, всегда дѣлалась оговорка, что такое то количество земли или угодій отдано на оброкъ до помѣстной отдачи [1]). При быстрой мобилизаціи частновладѣльческихъ земель въ XVI в., постоянномъ переходѣ изъ рукъ въ руки, изъ пуста въ живущее и обратно, часто случалось, что запустѣвшая земля теряла память своего происхожденія; государевы писцы часто наѣзжали такія непомнящія родства пустыя земли, которыхъ «сыскать имяны было

[1]) Напр., Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, стр. 496.

некѣмъ». Эксплуатируя и эти земли оброчнымъ способомъ, правительство также дѣлало оговорку «до помѣстной отдачи», хотя въ точности неизвѣстно было, какого собственно происхожденія была сдаваемая на оброкъ земля [1]).

Свѣдѣнія о пустопорожнихъ помѣстныхъ земляхъ собирались государевыми писцами и мѣрщиками и сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ Большомъ Приходѣ, куда стекался писцовый матеріалъ. Это обстоятельство и послужило основаніемъ тому, что пустопорожнія помѣстья стали даваться на оброкъ изъ Большаго Прихода: «въ Сурожскомъ стану порозжія помѣстныя и вотчинныя земли..., а имали ихъ на оброкъ на Москвѣ изъ Большаго Приходу у дьяковъ и у денежныхъ сборщиковъ» [2]). Но, если въ данномъ случаѣ раздача пустопорожней земли входила въ функціи Большаго Прихода потому, что въ немъ прежде всего сосредоточивались свѣдѣнія о такихъ земляхъ, и сборъ оброка входилъ въ его финансовую компетенцію, то въ другихъ случаяхъ оброкъ съ пустыхъ помѣстій сбирался Большимъ Дворцомъ и мѣстными финансовыми учрежденіями, напр. тверскимъ Дворцомъ [3]). Не совсѣмъ понятенъ случай, когда объ одномъ сельцѣ Коломенскаго уѣзда въ писцовой книгѣ отмѣчено, что оно «отдано на Большой Дворецъ съ оброчными, а въ платежницѣ въ Большой Приходъ не отдано» [4]).

Неохота, съ какой правительство выпускало землю изъ службы на оброкъ, сказывалась отчасти и въ томъ, что оно не возводило отдачу земли на оброкъ въ общую мѣру, не искало желающихъ взять землю, а ограничивалось удовлетвореніемъ челобитій отдѣльныхъ лицъ. Самая процедура полученія пустопорожней земли въ оброчное владѣніе была очень сложна и продолжительна. Челобитье о дачѣ земли на оброкъ подавалось на имя царя; въ соотвѣтствующемъ приказѣ наводились справки о количествѣ и качествѣ просимой земли; мѣстнымъ властямъ царской грамотой предписывалось собрать точныя свѣдѣнія о землѣ, о томъ, что она не приписана ни къ помѣстнымъ, ни къ вотчиннымъ, ни къ дворцовымъ, ни къ чернымъ землямъ, и затѣмъ уже челобитчикъ вводился во владѣніе; кромѣ того онъ долженъ былъ представить за себя на Москвѣ поручителей [5]). Съ мелкими подробностями по-

[1]) Рум. Музей, Акты Бѣляева, № 208. См. Описаніе Лебедева.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, стр. 114, 155.

[3]) Ibid., I, 340, 581, 710. Въ двухъ случаяхъ въ Звенигород. уѣздѣ оброкъ платился царю Симеону, ibid., 702, 710.

[4]) Ibid., 340.

[5]) Арх. Мин. Юст., грам. Владимір. у. № 1854.

рядка отдачи пустопорожнихъ помѣстныхъ земель на оброкъ знакомитъ одна дозорная новгородская книга конца XVI в., содержащая результаты ревизіи оброчныхъ земель и правъ на владѣніе ими [1]). По этой книгѣ арендаторами пустыхъ земель были, большею частью, монастырскіе крестьяне и слуги служилыхъ людей. Отдавались на оброкъ пустоши мелкими участками и для опредѣленной культуры: подъ посѣвъ ржи, овса, ячменя. На каждый отдѣльный участокъ, отданный для воздѣлыванія того или другаго хлѣба, выдавалась и отдѣльная оброчная грамота [2]). Въ большинствѣ случаевъ раздачей пустошей на оброкъ распоряжались губные старосты; рѣже оброчныя грамоты являются за приписями писцовъ и новгородскихъ дьяковъ [3]). Общее же управленіе оброчными помѣстными землями сосредоточивалось, надо думать, въ Новгородѣ, въ рукахъ воеводы, по наказу котораго совершался дозоръ оброчныхъ земель и который разбиралъ всѣ возникавшія недоразумѣнія. Въ Новгородъ, въ государевы житницы, свозился конфискуемый за неправильное владѣніе хлѣбъ, и въ мѣстныя финансовыя учрежденія, безъ сомнѣнія, поступали денежныя суммы, собираемыя губными старостами по ихъ оброчнымъ книгамъ [4]). Условія оброчнаго владѣнія записывались губными старостами въ особыя оброчныя книги, а самимъ оброчникамъ выдавались оброчныя грамоты, тождественныя съ записями въ оброчныхъ книгахъ. Вотъ нѣсколько образцовъ подобныхъ записей: 1) «дано Семенову человѣку Львова въ Турскомъ погостѣ, въ задней Удрогощѣ, четь обжи ко 103-му году рожь сѣяти. Оброку взято два алтына»; 2) «102 году Семенъ Горяиновъ отдалъ въ Колецкомъ погостѣ пустошь въ Мышковѣ ярь сѣяти Герасимку, и что вспашетъ и чѣмъ насѣетъ, и изъ того хлѣба взяти на государя пятой снопъ»; 3) «въ пустоши въ Дубкѣ лѣшіе земли отдано Иванку Петрову четь обжи ко 102 году рожь сѣяти, оброку взято два алтына» [5]). Арендная плата взималась въ видѣ оброка и еще какого-то «поклоннаго», которое вездѣ неизмѣнно равнялось 2 деньгамъ. При опредѣленіи высоты оброка губные старосты должны были руководиться, какъ мѣстными хозяйственными условіями, такъ и правительственной инструкціей, государевымъ наказомъ. Дозорщики при переписи оброчныхъ зе-

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. по Новгороду № 973.

[2]) Ib., лл. 6 и об., 22, 44 об., 454.

[3]) Ib., лл. 473, 482, 491.

[4]) Ib., лл. 18, 20 и об., 24—26, 491.

[5]) Ib., лл. 6, 22, 44 об.

мель имѣли право увеличивать оброкъ, смотря по измѣнившимся обстоятельствамъ. Такъ въ одномъ случаѣ при дозорѣ на пустоши «оброку прибавлено по пашни и косидбы противо государеву указу 6 алтынъ 4 денги, потому что губной староста взялъ дешево, не противъ государева указа». Въ другомъ случаѣ дозорщикъ «по наказу сверхъ стараго оброка прибавилъ, смѣтя по засѣву на прошлый 102 годъ, 2 алтына» [1]).

Соціальный составъ оброчныхъ владѣльцевъ былъ очень разнообразенъ. Въ Сурожскомъ стану Московскаго уѣзда пустыя земли числились на оброкѣ «за князми и дѣтми боярскими и за ихъ приказщики и за крестьяны» [2]). Подробныя свѣдѣнія о составѣ оброчниковъ и о количествѣ арендуемой ими пустой служилой земли встрѣчаются только въ писцовой книгѣ Московскаго уѣзда 7093—7094 г. [3]). Данныя этой книги открываютъ очень любопытное явленіе, что среди оброчныхъ владѣльцевъ первое мѣсто и по числу и по количеству арендуемой земли занимаютъ крестьяне. Въ одиночку и товариществами крестьяне черные и частновладѣльческіе проявляютъ энергическую хозяйственную дѣятельность на пусторожнихъ помѣстныхъ земляхъ какъ разъ въ критическую эпоху паденія ихъ гражданской и хозяйственной свободы.

Большинство крестьянъ оброчниковъ были частновладѣльческими и только очень немногіе черными или дворцовыми. Крестьяне брали землю на оброкъ или по одиночкѣ или соединяясь въ товарищества. Самымъ крупнымъ участкомъ оброчной земли въ Сурожскомъ стану владѣли крестяне Вериги Бѣльскаго, Истомка Васильевъ, Куземка Слинаевъ, Иванко Камка; имъ принадлежали земли, бывшія въ помѣстьѣ за царевичемъ Ибакомъ Азюбаковичемъ, за Тенишомъ Бакшеевымъ и двѣ пустоши Саввина монастыря, всего $10^1/_2$ пустошей въ количествѣ 447 четей въ полѣ [4]). За ними самымъ крупнымъ оброчнымъ владѣльцемъ былъ троицкій крестьянинъ села Петровскаго, Данилка Григорьевъ, державшій за собой 9 пустошей изъ помѣстья того же царевича Ибака, всего 437 четей въ полѣ [5]). Въ Горетовѣ стану одиночнымъ крестьянамъ принадлежали сравнительно небольшіе участки оброчной земли, четей въ 150, 69, участки, равнявшіеся, однако, добрымъ помѣстнымъ

[1]) Ib., 52 об., 125.

[2]) Писц. кн., изд. Геогр. Общ., I, стр. 114.

[3]) Ib., стр. 96.

[4]) Ibid., 114.

[5]) Ibid., 115.

окладамъ[1]). Первое мѣсто среди оброчныхъ владѣльцевъ занимаютъ крестьяне въ Шеренскомъ и Объѣзжемъ станахъ. Здѣсь также наиболѣе крупныя количества оброчной земли принадлежали товариществамъ крестьянъ. Трое крестьянъ Андрея Быкасова держали 705 четей въ полѣ. Въ Объѣзжемъ стану трое крестьянъ того же А. Быкасова взяли на оброкъ изъ пустопорожнихъ помѣстныхъ земель 23 пустоши въ количествѣ 583 четей въ полѣ[2]). Крестьяне Демида Ив. Черемисинова въ складчину и въ одиночку владѣли 21 пустошью съ 867 четями въ полѣ[3]). Болѣе мелкіе участки въ томъ же стану, четей въ 200, 155, 122, 75, принадлежали товариществамъ крестьянъ дворцовыхъ селъ и волости Черноголовской[4]). Изъ одиночныхъ владѣльцевъ выдавался крестьянинъ кн. Ив. Вас. Сицкаго, Ермолка, державшій 12 пустошей съ 449 четями[5]).

Крестьянство проявляло наибольшую энергію въ веденіи оброчнаго хозяйства на пустыхъ помѣстныхъ земляхъ. Незамѣтно, чтобы оброчное землевладѣніе удовлетворяло интересамъ другихъ классовъ такъ, какъ оно удовлетворяло интересамъ крестьянства. Надо предполагать, что та же основная причина, невозможность совмѣстить военно-служебныя обязанности съ дѣятельностью хозяина-колонизатора, которая отталкивала служилаго человѣка отъ взятія въ помѣстье пустопорожнихъ земель, препятствовала ему брать эти земли и въ оброчное владѣніе. Та же писцовая книга упоминаетъ объ оброчныхъ владѣніяхъ бояръ, князя, дьяковъ, разныхъ чиновъ дворцоваго вѣдомства; но все это были отдѣльныя лица, не составлявшія такихъ значительныхъ группъ, какъ крестьяне; и взятые ими на оброкъ участки иногда значительно уступали оброчнымъ владѣніямъ крестьянъ.

Эксплуатація пустопорожнихъ помѣстныхъ земель посредствомъ отдачи на оброкъ, хотя и не порывала ихъ связи съ общимъ фондомъ служилой помѣстной земли, но въ сущности выводила уже эти земли изъ области службы въ область частнаго хозяйства. Необходимость эксплуатировать пустыя помѣстныя земли частно-хозяйственными способами приводила прямо къ обращенію ихъ въ дворцовыя земли. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ находимъ много примѣровъ перехода помѣстныхъ земель въ дворцовыя и

[1]) Ibid., 156, 158, 160.
[2]) Ibid., 259, 268.
[3]) Ibid., 269—270.
[4]) Ibid., 270—271.
[5]) Ibid., 260.

обратно. Тѣсная связь помѣстныхъ и дворцовыхъ земель въ Новгородской области объясняется, конечно, тѣмъ, что обширныя пространства частновладѣльческихъ и церковныхъ земель при конфискаціи ихъ московскимъ правительствомъ обращались сначала цѣлой массой въ дворцовыя имущества, а потомъ уже постепенно раздавались въ помѣстья. Но была и болѣе общая причина этой связи, именно та, что дворцовыя земли составляли вообще источникъ образованія помѣстнаго земельнаго фонда. Пустое помѣстье, приписанное къ дворцовымъ землямъ, съ теченіемъ времени могло снова вступить въ службу. Такъ, напримѣръ, въ спискѣ съ устройныхъ книгъ троицкаго села Паозерья 7081 г. значится, что это село ранѣе, по книгамъ 7009 и 7059 гг., было дворцовымъ, затѣмъ было въ помѣстьѣ за Вас. Тим. Плещеевымъ, а по новой переписи снова оказалось дворцовымъ [1]). Отдача на оброкъ была не единственнымъ способомъ эксплуатаціи пустыхъ помѣстій, обращавшихся въ дворцовыя имущества. Эти земли входили иногда прямо въ оборотъ частнаго государева хозяйства. Того же села Паозерья два поля числились въ государевѣ пашнѣ въ яровомъ, а третье въ паренинѣ. Въ тѣхъ же книгахъ описаны деревни, бывшія въ помѣстьяхъ за Вас. Ив. Умнымъ Колычовымъ и другими помѣщиками, а затѣмъ перечисленныя во дворецъ. О земляхъ этихъ деревень отмѣчено, что или всѣ три поля находятся въ государевой пашнѣ, въ яровомъ, или два поля въ яровомъ, а третье въ паренинѣ, или всѣ три поля въ паренинѣ; у одной деревни взято въ государеву пашню въ третьемъ полѣ 60 четей, изъ нихъ половина въ яровое, другая въ паренину [2]).

Пожалованіе за службу и продажа помѣстій въ вотчину служилымъ людямъ были слѣдующими шагами, открывавшими косвенно помѣстью возможность выйти изъ службы; непосредственно же переходъ помѣстья въ полную собственность служилаго человѣка нисколько, конечно, не понижалъ и не измѣнялъ служилаго значенія земли. Первоначально пожалованіе помѣстной земли въ вотчину не отличалось отъ аналогичныхъ пожалованій земель дворцовыхъ и черныхъ. Пока вотчинныя права не подверглись стѣсненію, ихъ объемъ выражался краткими формулами «въ вотчину», «впрокъ ему и его дѣтемъ», охватывавшими всю совокупность вотчинныхъ правъ распоряженія. Если и перечислялись въ такихъ раннихъ грамотахъ отдѣльныя права («воленъ... то село и деревни

[1]) Арх. Мин. Юст., писц. кн. по Новгороду № 706, л. 56.
[2]) Ibid., лл. 57—61 об.

кому дати и продати и промѣнити и въ закупъ дати и по душѣ дати»), то за этимъ перечисленіемъ не предполагалось исключенія какихъ-нибудь другихъ правъ, не обозначенныхъ въ грамотѣ; оно выражало такую же полноту правъ, какъ и краткая формула «впрокъ, въ вотчину». Съ теченіемъ времени пожалованіе помѣстій въ вотчину стало спеціализироваться и количественно и качественно. Въ вотчину стали поступать участки изъ чужихъ помѣстій и изъ собственныхъ помѣстій пожалованныхъ лицъ. Послѣ Смуты устанавливается опредѣленная норма: въ выслуженную вотчину обращается пятая часть помѣстнаго оклада. Съ половины XVI в. сильно измѣняется и характеръ правъ на жалованныя вотчины изъ помѣстныхъ и другихъ земель. Въ первомъ общемъ законодательномъ постановленіи о жалованныхъ вотчинахъ, соборномъ приговорѣ 1573 г., сказано: «а та вотчина по царской грамотѣ пожалована, и кому какова грамота будетъ дана, ему и его женѣ и его дѣтемъ и его роду, по тому и быти; а у котораго въ грамотѣ будетъ ему одному вотчина написана, и послѣ его та вотчина на государя». Сохранившіяся жалованныя грамоты XVI в. вполнѣ подтверждаютъ это разнообразіе жалуемыхъ вотчинныхъ правъ. «Иногда лицу пожалованному давалось полное право распоряженія вотчиною; иногда предоставлялись только права извѣстнаго рода и даже не предоставлялось никакого права распоряженія; иногда совсѣмъ оставлялось безъ опредѣленія, въ какой мѣрѣ вотчинникъ можетъ распоряжаться пожалованною ему вотчиною. Жалованная грамота выдавалась иногда въ пользу самого лица пожалованнаго, его жены, дѣтей и рода, иногда — съ исключеніемъ рода или жены, иногда, наконецъ, — въ пользу одного только лица пожалованнаго» [1]). Однако, это разнообразіе правъ на жалованныя вотчины не случайно, объясняется не капризами власти, обстоятельствами лица и минуты. Въ ограниченіяхъ, стѣснявшихъ первоначальный широкій кругъ вотчинныхъ правъ, отражались измѣненія въ общемъ ходѣ вотчиннаго законодательства. Такъ изъ всѣхъ разрядовъ московскаго служилаго класса болѣе другихъ стѣснены были въ своихъ вотчинныхъ правахъ служилые

[1]) Неволинъ, П. С. С., IV, 166—167 и примѣчанія, гдѣ собраны указанія на различные виды жалованныхъ грамотъ XVI в. О выслуженныхъ вотчинахъ XVI—XVII вв. имѣется спеціальное изслѣдованіе А. С. Лаппо-Данилевскаго въ III т. Историч. Обозрѣнія. См. также работы Горбунова въ Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній Калачева, т. I, Мейчика въ IV т. Описанія документовъ и бумагъ Арх. Мин. Юст., и примѣчанія Сторожева къ изданной имъ Указной книгѣ Помѣстн. Приказа.

князья. Это обстоятельство отразилось и въ жалованныхъ грамотахъ князьямъ на вотчины изъ помѣстій. Такъ въ 1580 г. кн. Борису Палецкому пожалованы были вотчины его отца и братьевъ, бывшія раньше въ помѣстьяхъ, только до живота: «а жити кн. Борису въ тѣхъ селѣхъ и владѣти ему тѣми селы до своего живота, а умретъ или пострижется, ино по немъ дати за тѣ села въ монастыри по нашему Уложенью денги, а тѣ села взяти на меня, Царя и вел. князя» [1]). Несомнѣнно далѣе, что въ жалованныхъ грамотахъ второй половины XVI в. на вотчины изъ помѣстій вводились оговорки или даже прямыя запрещенія отчужденія такихъ вотчинъ въ монастыри; это надо предполагать по аналогіи съ позднѣйшими жалованными грамотами, по которымъ вотчины или выкупались изъ монастыря или отбирались на государя; вотчины, купленныя изъ помѣстій, прямо запрещено было отдавать монастырямъ. Подъ вліяніемъ постепеннаго стѣсненія вотчинныхъ правъ на родовыя и жалованныя вотчины къ концу XVI в. первоначальныя краткія формулы, выражавшія полноту этихъ правъ, утратили ясность и опредѣленность. При царѣ Михаилѣ правительство обратило вниманіе, что въ грамотахъ, данныхъ по уложенью ц. Василія Шуйскаго, про тѣ вотчины «написано не крѣпко...; написано только, что тотъ, кому вотчина за службу дана, и дѣти и внучата его волны, а въ какой мѣрѣ та воля написана и волноль имъ тѣ вотчины продать и заложить и въ приданые и въ монастырь по душѣ до выкупу дать, и о томъ ни о чемъ въ царя Васильевыхъ грамотахъ имянно не написано». Эта неопредѣленность и побудила выработать однообразный типъ жалованныхъ грамотъ съ подробнымъ исчисленіемъ правъ [2]). Итакъ, въ XVI в. вотчины, жалуемыя изъ помѣстій, ни по способу пожалованія, ни по объему правъ не выдѣлялись изъ вотчинъ, даваемыхъ изъ дворцовыхъ и черныхъ земель, и почти сливались съ родовыми вотчинами. Тѣ ограниченія, которыми обставлялись права распоряженія жалованными вотчинами, вытекали не изъ вліянія помѣстнаго права, а изъ общаго движенія вотчиннаго законодательства, стремившагося къ стѣсненію правъ распоряженія родовыми вотчинами.

Другимъ способомъ перехода помѣстья въ вотчину была продажа пустопорожнихъ помѣстныхъ земель въ частную собственность. Выше мы видѣли, что отказъ служилыхъ людей брать въ помѣстья пустую, некультурную землю былъ причиной накопленія

[1]) А. А. Э., I, № 304.
[2]) Ibid., III, № 190.

такихъ пустопорожнихъ земель, которыя правительство вынуждено было, выводя изъ службы, эксплуатировать частно-хозяйственными способами и даже пускать въ продажу. Интересы государевой службы не только не терпѣли никакого ущерба, но прямо выигрывали въ тѣхъ случаяхъ, когда заброшенная впустѣ помѣстная земля продавалась въ вотчину служилымъ людямъ. Но та же причина, трудность совмѣщать военно-служебныя обязанности съ хозяйственно-колонизаторской дѣятельностью, мѣшала служилымъ людямъ покупать пустыя земли въ вотчину, такъ же какъ мѣшала брать ихъ въ помѣстья, хотя бы съ значительными льготами. Указомъ 1573 г. кругъ лицъ, имѣвшихъ право пріобрѣтать вотчины изъ подмосковныхъ помѣстій, уже не былъ ограниченъ однимъ военно-служилымъ классомъ; покупка разрѣшена была «бояромъ и приказнымъ людямъ и служилымъ и не служилымъ людемъ, мочнымъ гостемъ»; помѣстья позволено было «продавать въ вотчину имъ и ихъ дѣтемъ и въ приданые дати; только въ монастыри тѣхъ вотчинъ не отдавати, а умретъ хто бездѣтенъ, а та будетъ вотчина у кого распахана и устроена, и та вотчина взяти на государя, по душе его раздати или племяни его дати тѣ прямые денги изъ государевы казны, что отдалъ на ней»...[1]). Такимъ образомъ и купленныя изъ пустыхъ помѣстій вотчины сливались съ родовыми въ отношеніи правъ распоряженія, ограниченныхъ интересами государевой службы.

Послѣднимъ шагомъ, наиболѣе рѣзко противорѣчившимъ извѣстному принципу о невыходѣ земли изъ службы, было пожалованіе помѣстныхъ земель церковнымъ учрежденіямъ. Дѣйствительно, прожиточное помѣстье недоросля, жены или дочери помѣщика должно было рано или поздно возвратиться на службу; пустое помѣстье, состоявшее на оброкѣ или во дворцѣ, оставалось тамъ до помѣстной отдачи; помѣстье, выслуженное въ вотчину, прямо не теряло своего служилаго значенія; но помѣстье, отданное церкви или монастырю, надо было считать безвозвратно потеряннымъ для службы; отнятіе земли у церкви было во всякомъ случаѣ мѣрой исключительной. Помѣстныя пустыя земли отходили прежде всего въ собственность церквей и монастырей въ вознагражденіе за тѣ земли, которыя правительство отбирало для собственныхъ нуждъ. Конечно, если вымѣненная на помѣстье у монастыря земля обра-

[1]) Сторожевъ, Указн. книга Помѣстн. приказа, стр. 80. Образецъ грамоты на вотчину, купленную изъ порозж. подмосковныхъ помѣстій въ 1574 г. у Н. Полеваго, Рус. Вивл., т. I, стр. 362.

щалась въ свою очередь въ помѣстную, то служба не терпѣла отъ этого обмѣна ущерба. Но вымѣненная на пустыя помѣстья земля обращалась иногда не въ помѣстную, а, напримѣръ, въ дворцовую. Такой обмѣнъ нарушалъ уже равновѣсіе во вредъ службѣ [1]). Далѣе, монастыри, потерявшіе свои вотчины въ утраченныхъ Москвою областяхъ послѣ несчастныхъ войнъ за Ливонію, щедро вознаграждались изъ пустыхъ помѣстныхъ земель. Такъ Псковскій Печерскій монастырь взамѣнъ зарубежной волости получилъ въ 7093 г. изъ пустыхъ порозжихъ помѣстій 1223 чети. Тотъ же монастырь въ 7095 г. за свои вотчины, отошедшія къ Юрьеву-Ливонскому, получилъ въ Псковской области болѣе 60 пустошей [2]). Наконецъ, монастыри прямо получали въ вотчину по своимъ челобитьямъ пустыя помѣстныя земли. Надо предполагать, что въ этихъ случаяхъ правительство руководилось мѣстными обстоятельствами, именно положеніемъ разныхъ категорій земель въ томъ районѣ, въ которомъ слѣдовало надѣлить монастырь землей. Если въ извѣстной области не было свободныхъ вотчинныхъ и дворцовыхъ земель и было много пустой помѣстной земли, то правительство и поступалось послѣдней, не смущаясь явнымъ противорѣчіемъ принципу о службѣ съ земли. Мотивы къ пожалованію помѣстныхъ, какъ и другихъ, земель были различны. Пустопорожнія помѣстья жаловались государемъ на поминовеніе; напримѣръ, въ 7063 г. Грозный далъ Троице-Сторожевскому монастырю по душѣ кн. Юрія Ивановича въ Звенигородскомъ у. село Кипріяново съ деревнями, починками и пустошами, что были въ помѣстьѣ за разными лицами, всего 612 четей пашни. Въ 7094 г. царь Ѳедоръ по челобитью царицы Ирины пожалованъ Костромскому Ипатскому монастырю въ разныхъ уѣздахъ свои дворцовыя посопныя села и помѣстныя деревни [3]). Монастыри, далѣе, били челомъ о дачѣ имъ пустопорожнихъ помѣстій, ссылаясь на бѣдность и тѣсноту. Въ 7100 г. царю били челомъ Троицкія власти, что въ Гороховскомъ уѣздѣ, на р. Клязьмѣ запустѣла поставленная преп. Сергіемъ, когда онъ посланъ былъ Дмитріемъ Донскимъ въ Н.-Новгородъ мирить тамошнихъ князей, пустынь. Царь пожаловалъ этой пустыни въ Закудемскомъ стану 1076 четей пустопорожней помѣстной

[1]) Примѣры обмѣна пустыхъ помѣстій на монастырскія земли, отбираемыя во дворецъ, находимъ среди неизданныхъ актовъ. Арх. Мин. Юст., грам. Москов. у. № 7164, Верейск. у. № 2343; Сборн. Рум. Музея, № 54, л. 44; Сборн. Серг. Л № 530, л. 42 об.

[2]) Сборн. Рум. Муз., № 54, лл. 3, 47.

[3]) Арх. Мин. Юст., грам. Руз. у. № 10292, Костром. у. № 5124.

земли, а въ слѣдующемъ году прибавилъ еще 1024 чети[1]). Одна жалованная тарханная грамота 1584 г. упоминаетъ, что псковскіе дьяки дали Псково-Печерскому монастырю изъ пустыхъ помѣстій Изборскаго уѣзда одно село и 14 деревень на оброкъ; черезъ нѣсколько времени эти земли, согласно челобитью, поступили въ собственность монастыря безданно и безпошлинно[2]).

Такъ еще до Смуты, въ первую эпоху практическаго осуществленія системы служилаго землевладѣнія, московское правительство принуждено было отступать передъ непреодолимою силой нѣкоторыхъ условій экономическаго и соціальнаго быта даже въ той области поземельныхъ отношеній, въ которой оно чувствовало себя полнымъ хозяиномъ. Эти условія не только не позволяли довести практику помѣстной системы до высоты ея теоретическихъ нормъ, но заставляли также сознательно нарушать основной принципъ поземельной политики XVI в. и выводить землю изъ службы.

[1]) Ibid., грам. Нижегор. у. №№ 7982—4.

[2]) Сборн. Рум. Муз., № 56, л. 7 и слѣд. Еще примѣры дачъ монастырямъ пустыхъ помѣстій въ вотчину въ Арх. Мин. Юст., грам. Нижег. у. № 7952, Переясл.-Залѣс. у. №№ 8962, 8892, 9025, Костром. № 5144; Сборн. Рум. М. № 53, лл. 3—7, 54.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Абрамовъ Сапунъ, дьякъ, 224, 249, 256, 257, 261, 295, 321.
Адашевъ, 133, 134.
Айгустовъ Уланъ, подъячiй, 135, 224.
Аксентьевъ, Ник., 135.
Алабышевы, князья (Сем. Өед.). 161, 171.
Александровъ-Масальскiй Сем. Вас. кн., 204.
Алексѣевы, вотчинники, 92.
Алексѣй, митр., 19, 23.
Алексѣй Полуехтовичъ, дьякъ, 161.
Аленкины князья (Андр. Өед.), 79, 171.
Алцовъ Обросимъ, служ. чел., 327.
Андомскiе князья (Андр. Ив., Сем. Ив.), 154, 158, 190, 237, 264.
Андреевъ Ив, дьякъ, 224, 314, 368.
Андрей Ив., уд. кн., 197, 198.
Андрей Ольгерд., кн., 56.
Аничковъ, И. М., думн. двор., 228, 229.
Анна, царица, 150, 165, 167.
Антонiй, игуменъ, 141.
Антонiй, митр., 319.
Ардашевъ Н., изслѣдов., 318.
Арцыбашевъ Андрей, дьякъ, 320.
Ахамашуковъ-Черкаскiй В. П., князь, 228, 229.
Ахтиминъ Өед., помѣщ., 311.
Ачкасовы, помѣщ., 375.

Бабичевы князья (Бор. Ст., Ник. Өед.), 210, 214.
Бабичъ Михаилъ князь, 81.
Багалѣй, проф., 364.
Базаровы, помѣщ., 370.
Бакшеевъ Тен., пом., 382.
Барбашинъ, Ив. Ив., кн., 81.
Барсуковъ А. П., изслѣдов., 168, 221, 231.
Барятинскiе князья, 118, 190, 208, 210, 211, 214.
Басмановы, служ. родъ, 79, 80, 96.
Бахтеяровы-Ростовскiе князья (Мих. Өед., П. Вл.), 150, 151, 193.
Башинъ, Вас., писецъ, 35.
Безсоновъ Ив., дьякъ, 327.
Безстужiе, помѣщ., 374.
Безубцева княг., 86.
Березниковъ, Ив. Өед., 109.
Бестужевъ-Рюминъ К. Н., проф., 130, 131.
Битяговскiй Мих., дьякъ, 327.
Блюменфельдъ, изслѣдователь, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 115, 122.
Блѣдный, дьякъ, 224.
Болотниковъ, Ив., 264.
Болотовъ Вас. П., пом., 351.
Болотовъ, Исакъ, помѣщ., 22.
Болтинъ Ив., писецъ, 358.
Болховскiе князья (А. И., Ө. Ө.), 190, 210. 213.
Борзуновъ Ив., староста, 247.
Борисовъ, издатель, 183, 184.
Борисовъ Ник. Вас., окольн., 268, 304, 305, 312, 356.
Борисъ Александровичъ, Тверской вел. князь, 164.
Борисъ Васильевичъ, Волоцкiй удѣл. кн., 50.
Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, царь, 118, 133, 202, 220, 290, 369.
Борщовъ И., помѣщ., 367, 369, 377.
Ботовъ Ив. Як., 80.
Брюхатый Ал. Өед. кн., 165, 166.
Буйносовы-Ростовскiе князья (Вас. Өед., П. Ив., Юр. П.), 228, 229, 238, 249, 338.
Букинъ Ив., 143.
Булгаковы князья (Гр. Андр., П. Андр.). 70, 210—213, 238, 282, 304, 327, 328.
Булгаковъ Сулменъ, дьякъ, 314, 368.
Булгаковъ Угримъ, 135.
Бурухинъ А. Ив., 80.
Бутурлинъ М. М., 228, 229.
Бутурлинъ Ө. Ив., писецъ, 173.
Бѣдарева Агаөья, 357.
Бѣ(е)левскiе князья, 198, 199, 317.
Бѣлоглазовъ Гр. кн., 203.
Бѣлоглазовы-Лыковы князья (Бор., С. Ив.), 203, 204.
Бѣлозерскiе князья, 125, 153, 154, 155, 158, 191.
Бѣляевъ И. Д., проф., 25, 39, 65, 73, 98, 118, 131, 132, 139, 180, 212, 218, 269, 297, 314, 340, 347, 348, 364, 369, 380.
Бѣльскiе, 222.
Бѣльскiй Верига, 382.
Бѣльскiе князья (Ив. Дм., Ө. Ив., княг. Марөа), 56, 58, 115, 116, 198, 206, 209, 210.
Быкасовъ А., 383.
Бычковъ А. Матв. кн., 193.

Вадбольскіе князья (Бор. Ив., М. М.), 154, 158.
Вакоринъ Третьякъ, 88.
Валуевъ, издатель, 215.
Варлаамъ игум., 198.
Варлаамъ, митрополитъ, 20, 21.
Варлаамъ суздальскій епископъ, 116.
Василій II Васил. Темный, вел. князь, 63, 148, 159, 160, 161, 169, 172, 176, 177, 316.
Василій I Дмитріевичъ, вел. князь, 30, 56, 63.
Василій III Ивановичъ, вел. князь, 23, 29, 30, 111, 113, 121, 122, 125, 133, 149, 152, 161, 162, 168, 172, 196—199, 205, 209, 217, 267, 314, 317, 334.
Василій Ивановичъ Шуйскій, царь, 137, 141, 203, 207, 264, 322, 386.
Васильевы, помѣщ., 343.
Васильевъ Истомка, крестьян., 382.
Васильевъ Омеля, дьякъ, 326, 327.
Васюкъ, крестьянинъ, 39.
Вельяминовъ Ив. Вас., 12.
Верховскій Тим., пом., 369.
Викторовъ А., 180.
Висковатовъ Ив. Мих., 223, 224.
Вислый Мих. Вас. кн., 81.
Вислый Мясоѣдъ, 88.
Витовтовъ Як., дьякъ, 224, 325.
Вишневецкій Дм. Ив., кн., 56.
Владимірскій-Будановъ, М. Ф., проф., 5, 6, 8, 53, 55, 63, 69, 77, 91, 96, 100, 102, 122, 125, 127, 128, 364.
Владиміръ Св., вел. князь, 134.
Владиміръ Андр., уд. кн., двоюр. братъ Грознаго, 49, 173, 174, 176, 177, 208.
Владиміръ Андреевичъ, уд. князь, 30, 32, 63, 199.
Волконскіе князья (Ал. Вас., Андрей, Ан. Дм., Ан. Юр., Вас. Өед., Григ. Дм. Булгаковъ, Ив. Петр., Ив. Юр., Ив. Өед., Мих. Ос., Мих. Петр., Петръ Өед., Сем. Мамоновъ, Сем. Өед., Өед. Өед., Өед. Юр., Юрій, княг. Афимья, Марья), 141, 202, 214, 228, 229.
Волошениновъ М., дьякъ, 228, 229, 231.
Волынскій Меншикъ, пом., 137.
Волынскій Мих. Ив., бояр., 326.
Ворковъ Борисъ, 7.
Воронова Анна, 106.
Воронцовы, бояр. родъ, 218, 222.
Воротынскіе князья (Ал. Ив., Алексѣй Ив., Вл. Ив., Дм. Өед., Ив. Ал., Ив. Мих., Мих. Ив.), 81, 125, 195—202, 206, 208, 211, 317, 328, 351.
Всеволодъ III, вел. князь, 148, 152, 172, 187, 210.
Вылузгинъ Елизаръ, дьякъ, 142, 314, 368.
Выndомскій М., софійскій сынъ боярскій, 20, 21.
Вяземскіе князья (Б. Гр., Ив. Дм.), 190, 209, 211, 332.

Гавреневъ Ив., дьякъ, 228, 229, 231.
Гагарины князья (Андр. Өед., Аө. Өед., Богд. Вас., Вл. Өед., Ив. Дан., Ив. Петр., Ник Өед., О. И., П. Андр., Сем. Шемяка), 174, 190, 192, 194, 237, 313, 349.
Гвоздевы-Ростовскіе князья (Вас. Ив., Ив. Өед., Мих.), 150.
Герберштейнъ Сиг., 205, 334.
Гермаnовъ, изслѣдов., 363.
Германъ, игум., 201.
Гладковъ, изслѣдователь, 91, 98.
Глинскіе князья (Ив. Мих., Мих. Вас., Мих. Льв., княг. Анна), 117, 161, 171, 209—211.
Глѣбовы, князья, 162, 163, 165.
Глѣбъ Васильевичъ, Бѣлозер. князь, 152.
Гнѣздиловскій А. Ив. кн., 196, 197.
Годуновы бояре (Дм. Ив., Ив. Вас., Мих. Вас., Ник. Вас., Ник. Дан., П. Вас., Ст. Вас., Өед. Ив., Як. Мих.), 135, 219—222, 249.
Годуновъ Ник. Дан., писецъ, 172.
Голенищевъ Сем., 81.
Голенищевъ-Кутузовъ Ив. Ив., жилецъ, 264.
Голицыны князья (Ан. И., Ив. Вас., Ив. Ив.), 111, 211, 215, 228, 229, 235, 264.
Головина Марья, 209.
Головины, служ. родъ, 209, 223.
Головка, ключникъ, 33.
Головкина Ефросинья, старица, 109.
Головлевъ Ив., 287.
Голыгины князья (Ив. Ив., Вас. П., П. Ив.), 194.
Горбатые князья (Ал. Бор., Бор. Ив., Василій, Дмитрій, Ив. Вас., Мих. Вас., княг. Анна, Мар. Петр.), 67, 82, 83, 85, 86, 181—184.
Горбатый-Масальскій Дм. Ив. кн., 205.
Горбуновъ, изслѣд., 385.
Горенскій кн. Ив., 378.
Горнъ, швед. полков., 374.
Горчаковы князья, 214.
Горчаковъ М. И., проф., 4, 5, 13, 17, 18, 21, 25, 108.
Градовскій А. Д., проф., 3, 4, 6, 17, 45, 46, 47, 52, 53, 54, 55, 283, 311, 329.
Григорьевъ, дьякъ, 224.
Григорьевъ Дан., крест., 382.
Григорьевъ Сем. Макс., помѣщ., 354.
Гриневъ Жданъ Андреевичъ, 12.
Грязные, 222.
Губастые, помѣщики, 347.
Гундоровы князья (Ан. Ив., Вас. Ив., Ив. Вас., Ив. Дав., Михаилъ, Ник. Гр., Сем. Ив., Сила Гр., Юр. Ив., Романъ, княг. Ирина, Ульяна), 82, 89, 92, 110, 173, 178, 179, 181, 193, 194.

Далматовы, Степанъ и Поліектъ, 66.
Далматовъ-Карповъ Ө. Б., 228, 229, 231.
Даниловъ М., дьякъ, 228, 229, 231.
Дашковы князья, 215.
Дедевшинъ К. И., писецъ, 314.
Делагарди, швед. полков., 374.
Діонисій, архимандритъ, 66.
Дичковъ Ст., дьякъ, 328.

Дмитрій Иван. Донской, вел. князь, 30, 56, 63, 292, 293, 388.
Дмитрій Иванов., царевичъ, 133.
Дмитрій Ивановичъ, уд. князь, 197.
Дмитрій Ольгердовичъ, Трубчевскій князь, 56.
Долгорукая Соломонида княгиня, 10.
Долгоруковы князья (Ал. Вас., Ал. Гр., Ал. Ѳед., Богд. Ѳед., Вас Влад., Вас. Григ., Влад. Тим., Гр. Дан., Ив. Вас., Ив.Мих., Мих. Бор., Тим. Вас., Ѳед. Вас., Ѳед. Ив., Ѳед Ѳед.), 203, 204, 214.
Долгоруковъ П. кн., изслѣдователь, 213.
Дорнинъ, прикащикъ, 119.
Дорогобужскіе князья (Ив. Ив., Ос. Ан., княг. Марія), 56, 186, 187, 317.
Досиѳей, архимандритъ, 23, 140, 142.
Дубровинъ Третьякъ Мих., писецъ, 27.
Дубровскій Б. М., казначей, 228, 229, 231.
Дуло Анд. Льв. кн., 164.
Дуловы князья (Гр. Ѳед., Дан. Ѳед., Дм. Ив., Кир. Игн., П. К.), 190, 194.
Дуровъ Вас., вотчин., 64, 92, 94.
Дюрбеневъ Меньшой, дьякъ, 118.
Дѣй Иванъ князь, 159.
Дѣевы князья, 160, 161, 165, 169, 203, 238.
Дябринскій Ив. В. князь, 190.

Едевлетевъ, пом., 374.
Елена, вел. княгиня, 136.
Елецкіе князья, 211, 212, 213.
Елизаровъ Ѳ., дьякъ, 228, 229, 231.
Елмаметьевъ Янбулатъ, служ. татар., 360.
Еропкинъ Мих. Вас., 110.
Еропкина Марфа, 110.

Ждановъ И. Н., проф., 83, 90, 134, 145, 172.
Жеребцовъ Ал., писецъ, 285
Жеребцовъ Ив. Ал., писецъ, 351.
Жилинъ Влад., пом., 281, 282.
Житова Настасья, 106.
Житовъ Лука, вотчин., 136.
Жулебина Ѳедосья, 70.

Загоскинъ Н. П., проф., 5, 6, 46, 47, 54, 55, 246, 274, 315, 329, 369.
Загряжскіе, 223.
Замысловскій Е. Е., проф., 355.
Замыцкая Устинья Ив., 67.
Замыцкій Иванъ Конст., вотчин., 67.
Заозерскіе князья (Ан. Дм., Дм. Вас.), 159—161.
Заруцкій Иванъ, 118.
Засѣкины князья (Абрамъ, Ал. Ѳед., Давидъ, Дан. Ив., Дан. Ѳед., Дм. П., Ив. Вл., Ив. Гундоръ, Ив. Ив., Ив. Ѳев., Мих. Кон., Ник. Дан., Ос. Вас.), 160, 161, 169, 170, 191, 192, 194, 203, 340.
Засѣкины-Жировые князья (Вас. Дм., Вас. Ѳед., Ив. Дм.), 170, 193, 194.
Засѣкинъ-Сандыревскій Дан. Ѳед. кн., 242.
Захаровъ Василій, 80.
Захарьинъ Романъ Юрьевичъ, бояринъ, 219.
Зварыкины Юрій и Ѳедоръ, 71, 72.
Звенигородскіе князья, 211, 212.
Звенигородскій Спячій Мих. Ив. князь, 110.
Зерцаловъ А. Н., издатель, 190.
Золотые князья, 212.
Зотовъ Р., изслѣд., 197.
Зубатые, служ. родъ, 136, 269.
Зубовъ Игнатій, дьякъ, 313.

Ибакъ Азюбаковичъ, царевичъ, 216, 382.
Иванковъ Безпута, ключникъ, 33.
Ивановъ, изслѣдов., 249.
Ивановъ Шеметъ, дьякъ, 224.
Иванъ Андреевичъ, князь Можайскій, 160, 161.
Иванъ Владиміровичъ, уд. князь, 32.
Игнатій, игуменъ, 135.
Иловайскій Д. И., истор., 129.
Ильинъ Смирной, 109.
Ирина, царица, 116, 388.
Исидоръ, митрополитъ, 22.

Іоаннъ III Васил., вел. князь, 3, 4, 5, 8, 29, 35, 56, 111, 133, 134, 136, 149, 152, 154, 157, 161, 162, 165, 187, 196, 197, 198, 200, 201, 205, 206, 209, 221, 267.
Іоаннъ IV Васил. Грозный, царь, 5, 29, 45, 49, 82, 90, 100, 115, 116, 117, 118, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 137, 149, 154, 162, 165, 166, 167, 168, 172, 173, 174, 175, 177, 179, 180, 182, 186, 188, 198, 200—202, 205—208, 209, 216, 219, 226, 260, 267, 289, 310, 311, 319, 327, 328, 388.
Іоаннъ Даниловичъ Калита, великій князь, 6, 51, 63, 64, 152, 199.
Іоаннъ Іоанновичъ, великій князь, 63, 317.
Іоаннъ Іоанновичъ, царевичъ, 165, 167, 179, 186, 206, 219, 319.
Іоасафъ, Каменскій чудотворецъ, 159.
Іона, митрополитъ, 19, 23, 25.
Іона, архіеписк. вологодскій, 118.

Калачовъ Н. В., изслѣд., 332, 385.
Калитины, помѣщ., 367.
Каменевъ Своитинъ, толмачъ, 265.
Камка Ив., крест., 382.
Карамышевъ Андрей, писецъ, 187.
Кашины князья (Дм. Мих., Иванъ, Юрій), 202—203.
Квашнины, помѣщики, 343.
Квашнинъ Ан. Алекс., окольничій, 92.
Келмамаевы князья, 216.
Кемскіе князья (Ал. Ив., Ан. Григ., Константинъ, Матв. Гр., Мих. Ив., Сем. Ив., Ѳедоръ), 70, 74, 81, 85, 88, 135, 153, 154.
Кикинъ Дм. Андр., 268, 304, 305, 356.
Киселевъ Семенъ, 87.
Клепиковъ Ан. Ив., 80, 81.
Клешнины, 222.
Клешнинъ Ан. Петр., околничій, 235.
Клубковы-Масальскіе князья (Ив. Дан., Ив. Льв., П. Вл., Сем. Вас.), 204.
Клушинъ Семенъ, 79.
Ключевскій В. О., проф., 1, 8, 13, 14, 16,

31, 44, 48, 83, 89, 121, 146, 152, 185, 196, 217, 225, 226, 239, 315, 316, 321, 347, 364.
Кобылятины, помѣщ., 370.
Ковровы князья (Ан. Ив., Ив. Ан., Ив. Сем., П. Ан.), 173—176, 193.
Кожинъ Андрей, 315.
Козельскіе князья, 197.
Козловскіе князья, 190, 209.
Козловскій-Ромодановскій кн. Ив. Ив., 242.
Козловъ Гр., пом., 354.
Кокошкина Анна, 314, 368.
Кокошкинъ-Глѣбовъ, 72.
Колединскій Вас., служ. чел., 332.
Колзаковъ Дм., губной староста, 315.
Кольцовъ Масальскій Мих. Андр. кн., 204.
Кондыревъ Жд. В., ясельничій, 228, 229.
Конинскіе князья, 212.
Корецкіе князья, 213, 324.
Коркодиновы князья, 211.
Коробкинъ Гр. Кузм., 85.
Котосоповъ Ст., пом., 371.
Котошихинъ Гр. К., 249.
Красновъ Гр. Аѳ., 106.
Красновъ Ѳедоръ, 106.
Кривоборскіе (Кривозерскіе) князья (Ан. Ив., Вас. Ив., Вас. Ив. Меншой, Иванъ, Ив. Ал., Петръ, Ѳедоръ), 81, 109, 174, 179, 193.
Кроминскіе князья, 197.
Кропоткины князья (Ан. Ив., В. П., Мих. Вас., Тим. Мих., Ѳед. Гр., Юр. Вас.), 81, 190, 213, 214.
Крыжинъ Ѳед., служ. чел., 334.
Крюковъ Ѳед., писецъ, 200.
Ксенофонтьевъ Богданъ, дьякъ, 320.
Кубенскіе князья (Ив. Мих., Сем. Дм.), 81 159, 160.
Кудрявцевъ Смирной, сытникъ, 324.
Кузминскій панъ, 135.
Куракины князья (Гр. Ан., Мих. Ан., Ѳ. С.), 65, 78, 110, 111, 210, 211, 228—230.
Курбскіе князья (Ан. Мих.), 131—134, 163, 172, 200, 202.
Курлятевы князья (Дм. Ив., Ив. Вас.), 186, 200, 202, 203, 208.
Курцовъ Богд., пом., 324.
Курцовъ Кушникъ Петровъ, 247, 248.
Кутузовы, служ. родъ (Вас. Бор., Вас. Петр.), 65, 66, 80, 86, 216, 218.
Кутузовъ Суббота, 81.
Кушелевъ Як., городничій, 247.

Лакіеръ, изслѣдов., 3, 8, 45, 48, 115.
Лаппо И. И., изслѣдов., 34, 65, 70, 212, 234, 337.
Лаппо-Данилевскій А. С., проф., 31, 273, 274, 277, 278, 363, 364, 385.
Ларивонова Соломонида, 80.
Ларивоновъ Пятой, 80.
Ларіоновъ Василій Беззубъ Иван., 65, 86, 136.
Лжедимитрій, царь, 204.
Левонтьевъ И. Ѳ., московъ. ловчій, 228, 229, 231.
Левшинъ Дан. Мих. пом., 375.
Лелѣчинъ Яковъ Григ., 105.
Леонидъ, іеромонахъ, 88, 201.
Леонтовичъ Ѳ. И., проф., 195, 197.
Леонтьевъ Гриша, писецъ, 173, 177.
Литвиновъ-Масальскій Ан. Ѳед. кн., 204, 228, 229.
Литовскіе князья, 57, 196, 197, 198, 205, 206, 207, 210, 239.
Лихаревъ Замятня Васильевичъ, 11, 12.
Лихаревъ Ив. Мих., пом., 375.
Лихачевъ Н. П., изслѣдов., 20, 22, 65, 66, 67, 68, 70, 80, 81, 86, 87, 117, 136, 164, 168, 184, 207, 218, 283, 292, 314, 317, 319, 321—326, 369, 377.
Лихачевъ Ѳ., дьякъ, 328.
Лихачевъ Ѳ. Ѳ., печатникъ, 228, 229, 231.
Лобановы-Ростовскіе князья (Ал. Ив., Аѳ. Вас., Ив. Сем., Сем. Мих., Ѳед. Мих.), 151, 193, 194, 237, 244.
Лопата Ѳед. Вас. кн., 81.
Лопатинъ Вас. Ѳед. кн., 80.
Лопатинъ Невѣжа Нечаевъ, 247.
Лопухинъ Аѳанасій, 110.
Львовы князья (А. М., Вас. Вас., Д. П., М. А., Ѳедоръ), 160, 161, 165, 168, 169, 193, 228, 229.
Льяловскіе князья, 174.
Лыковы князья (Бор. Мих.), 203, 211, 238.
Лысковъ-Сугорскій Захар. Ив. князь, 155, 157.
Ляпуновы Захаръ и Прокопій Петр., 356.

Макарій, епископъ, 88.
Макарій, митр., 248.
Максимовичъ, издатель, 100.
Малечкинъ Петръ, 68.
Малѣевъ Ив., пом., 375.
Мамыревъ, дьякъ, 224.
Марія Ярославна, великая княгиня, 26, 160, 161.
Мартьяновъ Якушъ, подъячій, 154.
Масальскіе князья (Василій, Ив. Вас.), 125, 126, 198, 200, 204, 205, 211, 212, 215, 303, 306, 352.
Мезецкіе князья (Бор. Ив., Ив. Мих., Ив. Мих. Меншой, Михаилъ, П. Мих., Сем. Мих., Ѳед. Сем., княг. Авд. Мих.), 27, 81, 83, 92, 197, 208, 211—213, 317.
Мезецкій-Шапкинъ Юр. Ив. кн., 208.
Мейчикъ Д. М., изслѣдователь, 91, 95, 111, 385.
Мелневъ Митя Ивановъ, 35.
Мельниковъ Ст., издатель, 144, 328.
Меркуловъ Степанъ, помѣщ., 311, 371.
Мерлинъ Познякъ, псарь, 33.
Мещерскіе князья (С. А., Ю. Гр.), 80, 190, 217, 237.
Мещерскіе-Кіасовы князья, 216.
Микиткинъ Осташъ, 35.
Микифоровъ Вас. Аксаковъ, 85.
Миклашевскій И. Н., изслѣдователь, 337, 364, 365.
Микулинскіе князья (Ан. Бор., Бор. Ал., Вас. Ан., Вл. Ан., Ив. Ан., Юр. Ан.,

Сем. Ив., княг. Авдотья), 56, 106, 184—186, 317.
Микулинъ Гр. Ив., думн. дворян., 249.
Милюковъ П. Н., проф., 9, 39, 139, 144, 269, 273, 274, 279, 317, 322, 327, 329, 347, 355.
Мирославичева Марія, 87.
Митрофанъ, архіеписк. рязанскій, 132, 268.
Митусовъ Вас., пом., 354.
Михаилъ Андреевичъ, верейскій князь, 159, 160.
Михаилъ Борисовичъ, вел. кн. тверской, 32.
Михаилъ Θедоровичъ, царь и великій князь, 97, 151, 207, 327, 339, 386.
Михаилъ Св., черниговскій князь, 195.
Михайловъ Путило, дьякъ, 323, 329.
Моложскіе князья (Вас. Ан., Дм. Ив., Ив Бор., Мих. Дав., П. Дм.), 162—164.
Морозовы, бояр. родъ (Б. Ив., Гл. И., Гр. Вас., И. Вас.), 184, 218, 222, 228—230, 235.
Морткины князья (Василій, Иванъ, Левъ), 193.
Мстиславскіе князья (Ив. Θед., Θед. Ив., Θед. М.), 20, 83, 98, 169, 186, 196, 207, 209, 212, 214, 302, 321, 351—353.
Муртазалей Ахкибековъ, царевичъ, 216.
Мухановъ, издатель, 182.
Мышецкіе князья, 197, 212, 213.
Мягкой Ив., 287.
Мякининъ Казар., пом., 375.
Мясной Ан., дьякъ, 320, 321.

Нагаевы-Ромодановскіе князья (Аθ. Ан., Θед. Ан.), 76, 86, 173—175.
Нагіе, 222.
Нагово Григор. Ив., 70.
Нагово Ив. Гр., 76.
Нагой Θедоръ Михайловичъ, 81.
Назимовы, служ. родъ, 374, 376, 377.
Наумовъ Петръ, подъячій, 158.
Наумовъ, писецъ, 351.
Нащокины князья (Ан. Ив., Дан. Юр., Сем. Ив.), 153.
Небогатые князья, 174.
Неволинъ К. А., проф., 3, 6, 8, 26, 41, 48, 49, 52, 77, 91, 95, 128, 130, 270, 322, 326, 339, 364.
Невѣжинъ Василій, 79.
Невѣровъ Мих., подъячій, 164.
Неждановъ Фофановъ Θедоръ, 76.
Нелединскій Дмитрій, 135.
Нелединскій Юр., дьякъ, 325.
Нелюбовъ Вас., дьякъ, 328.
Неучкины князья, 174.
Никитскій А. И., проф., 34, 239.
Ниловы-Ушатые князья (Сем. Юр., Θедоръ), 192.
Новленскій Семенъ Васильевичъ, кн., 168.
Новосильскіе князья, 198.
Ногтевы князья (Ан. Вас., Ан. Ив., Вас. Ан., Вас. Вас., Ив. Сем.), 86, 184.
Ноздреватые князья, 211, 212.
Норманскій Семенъ, писецъ, 268.
Нѣмые князья (Дм. Ив.), 108, 109, 211.

Оболенскіе князья (Ив. Вас., Ив. Дм., Ив. Θед., Ник. Дм., княг. Марья, Марθа), 125, 126, 196, 199, 200, 202—204, 208, 211—214, 237, 277.
Оболенскій М. А. кн., издатель, 241.
Образцовъ Романъ, писецъ, 173.
Овиновъ Захаръ, пом., 41.
Овчинины князья (Дмитрій, Ив. Θед., княг. Марья), 200, 202, 208, 211.
Одоевскіе князья (М. Н., Н. Ив., Θ. Н.), 202, 206, 228—230.
Олферьевъ И. И., помѣщ., 269.
Опочинины, вотчин., 11.
Орѣховъ Ташлыкъ, пом., 371.
Осиповскіе князья (Вас. Ив.), 174, 176, 179.
Осорьинъ дьякъ, 224.
Охлябинины князья, 165.

Павловъ А. С., проф., 90, 113, 114, 115, 116, 120, 130.
Палица Давидъ, князь, 172, 177.
Палицкіе князья, 177, 179.
Палицынъ Андрей, вотчинн., 109.
Палицынъ, пом., 291.
Пановъ Гридя, ключникъ, 33.
Патрикѣевы князья (Ив. Юр.), 33, 206, 209.
Пахомовы, служ. люди, 350—351.
Пенко Даніилъ князь, 165, 166.
Пенковы князья (Вас. Дан., Ив. Вас., Ив. Дан., княг. Анна Осип.), 81, 165—168.
Перемышльскіе князья (А. Ив., Ив. Мих., Семенъ), 198, 199, 317.
Пересвѣтовы, вотчинн., 71, 92.
Перетрутовъ Ив., помѣщ., 345.
Перетятковичъ проф., 357.
Переяславецъ дьякъ, 334.
Петровъ Тимоθей, дьякъ, 12.
Петръ, митроп., 19, 23.
Печатниковъ Вл., 378.
Пильемовы, вотчинн., 74, 150.
Писемскій Θед. Андр., 80.
Пискаревъ А. И., издатель, 20, 24, 27.
Плещеевы, вотчинники (Василій, Ан. Мих., В. Т., Гр. Дм., Дм. Гр., Дм. Мих., Ив. Вас., Ив. Θед., Ник. Гр., Осипъ, П. Мих., Θаддей, Θ. Гр. Овчина, Θ. Мих.), 65, 66, 79, 80, 85, 86, 92, 96, 150, 218, 219, 346, 384.
Плещеевъ Гр. С., писецъ, 314.
Побѣдоносцевъ К. П., изслѣдователь, 131, 363.
Пожарскіе князья (Бор. Сем., Василій, Гр. Сем., Даніилъ, Дан. Сем., Дм. Мих., Ив. Ив., Ив. Сем., Ив. Вас. Черный, Мих. Бор., П. Вас., П. Бор., Мих. Θед. Третьякъ, П. Тим., Сем. Бор., С. Р., Θ. Ан., Θ. Ив. Меншой), 81, 172, 173, 175, 176, 179, 180, 193, 224, 228, 229.
Полевой Н., издатель, 311, 315, 321, 371, 387.
Поповъ Васьянъ Романовъ, 81.
Посульщиковъ Ив., вотчинн., 184.
Прасиловъ Аθоня, ключникъ, 34.

Пріимковы-Ростовскіе князья (Ал. Дан., Ал. Вас., Ал. Дан., Вас. Бор., Вас. Богд., Ив. Богд., Дмитрій, Ив. Ив., Ив. Ник., Мих. Ант., Р. Ан., Сем. Богд., Өед. Бор.). 98, 141, 150, 151, 193, 194.
Проестевъ С. М., 228, 229.
Проестевъ Матвѣй, 311.
Прозоровскіе князья (Ал. Ив., Вас. Ив., Ив. Ан., Мих. Өед., Ник. Ив., Ник. Өед., С. В.). 163, 168, 228, 229.
Пронскій - Рыбинъ Василій Өеодоровичъ князь, 155, 156, 157.
Протопопова Марфа. 83.
Протопоповъ Вас. Куз., 81, 83.
Пужбальскіе князья, 149.
Пунко Ив. Ан. князь, 185, 186.
Пунковы - Микулинскіе князья (Дм. Ив., Ив. Ан., Ив. Ив., Сем. Ив.) 185–186.
Путятины князья, 213.
Пушкины Б. Ив., Гр. Гр., 228, 229, 231.
Пѣшковы и П.-Сабуровы (П. Мих., Сем. Дм.), 70, 76, 80, 86, 88, 222.

Ракитинъ Ө. Гр., 68, 110.
Раковы, соф. дѣти бояр., 22.
Рахманиновъ Андрей, 80.
Редриковъ Юрій, писецъ, 158, 164.
Резановъ Дм., 378.
Репнины князья (Ал. Ан., Б. А., Михаилъ, П. А.), 200, 202, 211, 228, 229, 238.
Родіонъ Несторовичъ, бояринъ, 49.
Романовы бояре (Ал. Ник., Вас. Ник., Ив. Ник., И. Ив.), 219, 220, 228, 229, 230.
Романъ Васильевичъ, удѣл. князь, 159, 160, 161, 165, 169.
Ромейковъ Иванъ, вотчин., 71.
Ромодановскіе князья (Богд. П., В. Гр., П. Ив., П. Сем., княгиня Авдотья), 79, 173–175, 179, 180, 228, 229.
Ростиславъ, князь смоленскій, 195.
Ростовскіе князья (Ан. Ив., Ив. Ал., Ив. Вл., Кон. Вл., Сем. Вас., Ник. Дм.), 125, 126, 148–153, 159, 162, 184, 191, 193, 327.
Ртищевъ М. А., постельничій, 228, 229.
Русановъ Рахманинъ, дьякъ, 224.
Рязанскіе князья, 126.
Ряполовскіе князья, 176, 177.
Ряполовскій Нагавица Иванъ князь, 172, 176.
Рѣткинскій Аф. Игн., пом. 354.

Сабуровы, бояр. родъ, 218, 222.
Сабуровъ Богданъ Юрьев., бояринъ, 219, 237, 249.
Савинъ Тютюнъ, 85.
Салтыковы, бояр. родъ, (И. И., Л. Дм., Л. Ан., М. Гл., М. М.), 137, 171, 223, 228–230, 270, 321, 322, 329.
Сапѣга Янъ, 204, 270, 321.
Сарыхозинъ Гор Сем., помѣщ., 41.
Сахаровъ Ив., изслѣдов., 201.
Свидригайло Ольгердовичъ, литовскій князь, 56, 58.
Селеховскіе князья, 212, 213, 214.
Семенъ Ивановичъ, вел. князь, 64.
Семенъ Ив., уд. кн., 197.
Сергій преп., 152, 388.
Сергѣевичъ В. И., проф., 1, 2, 5, 6, 7, 30, 31, 33, 37, 47, 48, 49, 52, 54, 55, 57, 58, 63, 122, 215, 315.
Серебрянные князья, 211, 219.
Середонинъ С. М., изслѣдов., 131, 132, 133, 220, 270, 271, 291, 327.
Симонъ, митрополитъ, 19, 22, 23.
Синій Дмитрій Тимофеевъ, 85.
Сипягинъ Иванъ, 84.
Сигизмундъ Августъ, король, 172.
Сигизмундъ III король, 249.
Сильвестръ, священ., 133, 134.
Симеонъ Бекбулатовичъ, царь, 169, 170, 216, 245, 248, 250, 276, 311, 380.
Симеонъ Касаевичъ царь, 303.
Сисеевы князья (Иванъ), 137, 171.
Сицкіе князья (А. В., Ал. Юр., Дан. Юр., И. В., Юр. Ан., Юр. Өед), 151, 163, 164, 192, 238, 242, 383.
Скобельцынъ Ал., 287.
Скопины-Шуйскіе князья. (Вас. Өед., Мих. Вас., княг. Александра, Елена), 183, 191, 192.
Слинаевъ Куземка, крест., 382.
Смоленскіе князья, 196, 207, 210, 239.
Сназинъ Вас., пом., 324.
Собакина Варвара, 269.
Собакинъ Григ., писецъ, 285.
Собакинъ Н. С., 228, 229, 231.
Солнцевъ-Лобановъ Андрей князь, 194.
Солнцевъ Дмитрій Вас. князь, 194.
Соловьевъ С. М., историкъ, 76, 129.
Соловьевъ Я., изслѣдователь, 363.
Софія Витовтовна, великая княгиня, 63.
Спиридоній игуменъ, 26.
Стародубскіе князья (Ан. Ив., Ан. Өед., Дмитрій, Иванъ, Ив. Ник., Ник. Мих., Семенъ, Сем. Ив., Өед. Ан.), 62, 73, 81, 118, 121, 125, 158, 172–177, 179, 180, 192, 193, 208, 317.
Степановъ Вас., 323, 328, 329.
Стефанъ, Вознесенскій протопопъ, 81.
Сторожевъ В. Н., изслѣдователь, 93, 94, 114, 115, 122, 125, 188, 190, 242, 245, 250, 252, 254—256, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 265, 266, 271, 277, 278, 289, 290, 292, 293, 294, 295, 296, 301, 306, 311, 334, 336, 374, 385.
Страховъ Андр., ключникъ, 33.
Страховъ Гридя, ключникъ, 33.
Стригины князья (Ан. Ив., Иванъ, Мих. Ив.), 173, 176, 177.
Стрѣшневы бояре (В. И., Л. Ст., Ө. Ст.), 228, 229.
Сугорскіе князья (Вас. Өед., Ив. Из., Сем. Өед., Өед. Вл., княг. Аграфена, Ульяна), 153, 157.
Судскіе князья (Ив. Өед., княг. Аграфена), 66–68, 81, 84, 163–165, 167.
Суздальскіе князья (Мих. Вас.), 121, 125, 181, 183.
Сукинъ Бор. Ив., 11.

Сукинъ Игн., пом., 324.
Сулешовъ Василій князь, 96.
Сумароковы, помѣщ., 370.

Тарусскіе князья, 196, 197.
Татевы князья (Бор. Петр., Ив. Бор., Ѳед. Ив., княг. Марья), 176, 177, 181, 264.
Татищевъ В. Н., историкъ, 100.
Татищевъ Игн. П., 328.
Тверскіе князья, 125, 126, 184.
Телятевскіе князья (П. Ив., Ѳед. Ал., княг. Степанида), 69, 185, 187, 317.
Темкины-Ростовскіе князья (Вас. Ив., Дм. Юр., Ив. Вас., Ив. Юр., Михаилъ, М. М., Юр. Ив.), 135, 150, 192, 193, 224, 228, 229.
Тимашовы, помѣщ., 345.
Титовъ Михаилъ, 35.
Тихановъ Михалка Микитинъ, 79.
Тихонравовъ К., изслѣдователь, 175, 176, 180.
Тишковъ Немятой, служ. чел., 332.
Товарковъ Андрей Ивановичъ, 76.
Токмаковы князья (Юр. Ив.), 143, 211, 219.
Толочановъ И., сынъ боярскій, 20.
Траханіотовъ П. Т., 228, 229, 231.
Третьяковъ Курбатъ, сытникъ, 23, 286, 314.
Трифоновъ Максимъ, писецъ, 175.
Троекуровы князья (Бор. Ив., Ѳед. Ив.), 204, 282.
Тростенскіе князья (Аѳанасій, Ив. Тим., княг. Елена), 105, 106, 203, 238.
Трубецкіе князья (А. Н., Дм. Тим., Ник. Ром., Тим. Ром., Ѳед. Мих.), 118, 125, 198, 200, 202, 211, 214, 228–230, 250, 256, 257, 261, 295.
Тукмачевъ, подъячій, 173.
Тулуповы князья (Бор. Дав.), 177, 179.
Туренины князья (Вас. Ив.), 203, 211.
Тушинъ Андрей, вотчинникъ, 69.
Тучковы, бояр. родъ, 222.
Тюменевъ Матвѣй Ивановичъ, вотчин., 11.
Тюфякины князья (Вас. Вас., Гр. Вас.), 203, 211.
Тянтиковъ Байгилда, служ. татар., 360.

Уваровъ Богд. Дм., служ. челов., 321.
Уваровъ Ив. Дм., служ. чел., 264.
Угольскіе Ѳедоръ и Іосифъ, князья, 71.
Угримовъ Иванъ князь, 155.
Улыбышевъ Суета, вотчин., 106.
Умной-Колычовъ В. И., 384.
Устакасимовъ Кучукъ, переводчикъ, 260.
Ушаковъ Андрей, 17.
Ушакъ, дьякъ, 334.
Ушатые князья (Ив. Вас. Третьякъ, Ив. Ѳед., Сем. Юр., Юр. П.), 164, 168, 192, 242.
Ухорскіе князья, 165.
Ухтомскіе князья (Гр. Ив., Дан. Дан., Ив. Ив., Ив. Юр., П. Ал.), 153—158.

Филаретъ Ник., патр., 207.
Флетчеръ Дж., 130, 131, 132, 133, 134, 220, 270, 271, 291.
Фуниковъ П. Сем. князь, 153.

Хабаровъ Ѳеод. Ив., 82.
Харламовъ Алекс., пом., 345.
Харламовъ Образецъ, помѣщ., 324.
Хворостинины князья (Д. И., Ѳед. Ив.), 235, 238.
Хидырщиковъ Ѳ. Ѳ., помѣщ., 153.
Хилковы князья (Дмитрій, Ѳед. Юр.), 172, 173, 176, 177, 182, 184, 204, 228, 229.
Хирина Настасья, 79.
Хиринъ Иванъ Бакакинъ, 79.
Хлоповъ Ив., служ. чел., 332.
Хованскіе князья (Бор. П., Дм. Ив.), 186, 211, 212, 248.
Холмскіе князья (Дан. Дм., Мих. Дм.), 187.
Хѣровъ Казаринъ, 10.

Цыгаровъ Мих., губн. стар., 369.
Цыплятевъ Елиз., дьякъ, 334.

Часовникова Арина, 66.
Челяднины, служ. родъ, 218, 222.
Чемодуровы, пом., 357.
Черемисиновъ Д. И., 383.
Черкаскіе князья (Б. Кен., Вас. Кард., Ив. Шел., Сем. Ард., Ѳед. Жел., Як. Куд.), 216, 228–230, 235, 238, 340.
Черниговскіе князья, 195, 196, 197, 198, 202, 205, 206, 207, 210.
Чернятинскіе князья, (Вас. Вас., Ник. Вас., княг. Авдотья), 186.
Чертенскіе князья, 211.
Чечулинъ Н. Д., изслѣд., 13, 14, 239, 351, 364.
Чириковъ Вас., сотн. стрѣл., 246.
Чистой Н., дьякъ, 228, 229, 231.
Чичеринъ Б. Н., проф., 363.
Чмутовъ-Рябининъ Ив. Гавр., городничій, 247.
Чулковы-Ушатые князья (Дан. Вас., Ив. Вас.), 192.
Чюринъ дьякъ, 224.

Шапкинъ Григорій, 81.
Шараповъ Третьякъ, подъячій, 173.
Шаховскіе князья (Ал. Ан., Ан. Ив., Вас. Юр., Григорій, Иванъ, Т. Ал., Ѳедоръ), 88, 158, 168, 171, 190, 191, 237.
Шеины, бояр. родъ, 218, 223.
Шелешпанскіе (Шелешпальскіе) князья (Василій, Сем. Ив., Ѳедоръ), 135, 153, 157, 158.
Шемяка Дмитрій, удѣльный князь, 176, 177.
Шемякина Пронская Авдотья, княгиня, 76, 117.
Шемячичъ кн. Вас. Ив., 317.
Шенурины, служ. родъ, 35, 36.
Шереметевы бояре (Б. П., Вас. Ан., В. П., Ив. Вас. Меншой, П. Н., И. П., Сем. Вас., Ѳед. Вас., Ѳед. Ив.), 219, 221, 222, 228—230.

Шерепенскiе князья, 212.
Шерефединовъ Андрей, дьякъ, 224.
Шестуновы князья (Дм. Сем., Ив. Дм., Кон. Сем., Ѳ. Дм.), 79, 80, 192, 328.
Шехонскiе князья (Василiй, Семенъ), 160, 161, 165.
Шиловскiе, помѣщики, 23, 24, 314.
Шовыревъ Дм. кн., 202.
Шуба, трубникъ, 33.
Шуйскiе князья (Ал. Ив., Ан. Ив., Вас. Вас., Дм. Ив., Вас. Ив., Вас. Ѳед., Ив. Вас., Ив. П., Ив. Ив., Юр. Вас.), 116, 164, 181, 183, 184, 191, 192, 237, 238.
Шульгинъ Ник., дьякъ, 328.
Шумаковъ С., изслѣдоват., 10, 106.

Щеголевъ Леон., 287.
Щелепинъ дьякъ, 223.
Щелкаловы, думн. дьяки, 135, 141, 142, 223, 224, 249, 319—321, 327.
Щенятевы князья, 210.
Щепины князья, 212.
Щепкина, изслѣдовательница, 337.
Щербатые князья (Вас. П., Дм. Ив., Дав. Кон., Ив. Ив., Л. Ос., Неф. Ив., Ос. Ив., Т. Ив., Ѳед. Ив., Ѳед. Сав.), 203, 204, 208, 211.
Щетинины князья (Иванъ, Василiй), 162, 165, 190, 192, 211.

Экземплярскiй, изслѣдователь, 149, 159, 161, 163, 164, 171, 175, 187.

Юрiй Ивановичъ, удѣльный князь, 14, 29, 196, 197, 218, 219, 388.
Юрiй Святославичъ, смоленскiй князь, 56.
Юрловы, помѣщ., 370.
Юрьевы, дѣти боярскiе, 19, 22, 23.
Юрьевъ Ник. Ром., бояринъ, 219, 235, 319.
Юрьевы-Романовы, 219, 326.
Юсуповъ, помѣщ., 374.
Юхотскiе князья (Ив. Дм., Ѳед. Ив.), 164, 168.

Яковлевъ Дм., писецъ, 353.
Яковли, бояре, 219.
Яновъ Вас., дьякъ, 322
Яновы князья (Ник. Дм., Ѳед. Дм.), 193.
Ярославскiе князья, 121, 125, 126, 152, 153, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 167, 168, 169, 191.

Ѳедоровы, бояр. родъ, 223.
Ѳедоровъ, дьякъ, 223, 326, 327.
Ѳедоровъ Второй, дьякъ, 328.
Ѳедоровъ Ан., авторъ, 183.
Ѳедоръ Борисовичъ князь, сынъ Б. В. Волоцкаго, 50.
Ѳедоръ Борисовичъ Годуновъ, царевичъ, 118, 219.
Ѳедоръ Васильевичъ, Рязан. князь, 24.
Ѳедоръ Васильевичъ, Ярославскiй кн., 166.
Ѳедоръ Iоанновичъ, царь, 116, 118, 137, 167, 182, 207, 223, 256, 257, 269, 270, 353, 388.
Ѳедотовъ-Чеховской, проф., 68, 92, 95, 97, 98, 150, 182, 183, 208, 314, 319.
Ѳеонины, помѣщики, 20, 23, 26.
Ѳеодосiй, архимандритъ, 106.
Ѳоминъ, дьякъ, 224.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ.

Алексино с., 208.
Алексинъ г., 178, 197, 346.
Андожская волость, 158.
Андома, 154.
Андреевское с., 14, 163, 176.
Анофрiевское сельцо, 76.

Бабутъ-озеро, 154.
Башкатова деревня, 199.
Безпуцкiй станъ, 350.
Бережки деревня, 181.
Бесерменовская волость, 171.
Бимеръ деревня, 360.
Богородицкое с., 269.
Богоявленская слободка, 180.
Болотова деревня, 351.
Болшево с., 223.
Бораново деревня, 10.
Борисово с., 182.
Борисоглѣбское с., 156, 222.
Боровскiй у., 210.
Боровское с., 347.
Бороздино деревня, 73.
Боруцкiй станъ, волость, 192, 269, 345.
Боярово с., 177.
Брашня деревня, 71.
Брюхово с., 222.
Брянскъ г., 197.
Буженинино село, 71.
Бунково с., 370.
Быково с., 207.
Быковъ станъ, 219, 223.
Бѣжецкая пятина, 307.
Бѣжецкiй верхъ, 10, 116, 169, 170, 208, 209, 217, 221.
Бѣлгородскiй полкъ, 318.
Бѣлгороды с., 182.
Бѣлевъ г., 57, 201.

Бѣли с., 65.
Бѣлой песокъ, 151.
Бѣлоозеро (Бѣлозерское княжество, уѣздъ), 121, 122, 149, 152, 153, 154, 157, 158, 202, 208.
Бѣльскій уѣздъ, 76.
Бѣсово селище деревня, 163.

Вага р., 151, 152, 159, 220.
Вадбольская волость, 158.
Ваймуга р., 152.
Васильевское село, 175, 184, 208.
Васильцово сто, 29.
Васильцовъ станъ, 219.
Великія Луки (Великолуцкій уѣздъ), 192, 237, 268, 269, 273, 310, 344, 345.
Веля р., 152, 159.
Веневъ г. (Веневскій у.), 207, 214, 236, 303, 305, 306, 310, 351—353, 365.
Вепринъ, 198.
Верея г. (Верейскій у.), 207, 218.
Весь Егонская, 163.
Вечеславль с., 166.
Вешняково с., 222.
Вичюга, 198, 206
Владиміръ г. (Владимірскій уѣздъ), 11, 12, 25, 56, 116, 169, 183, 184, 207, 208, 209.
Влицкій станъ, 192.
Вознесенское с., 154, 200.
Вокшенга р., 152.
Вокшенданка р., 171.
Вокшерскій станъ, 161, 171.
Волга р., 13, 161, 162, 163, 164, 182, 201, 206, 207, 217.
Волково с., 105.
Волкона р. и область, 197, 202, 214.
Воловичи, 185, 186.
Вологда г. (Вологодскій уѣздъ, край), 166.
Волокъ-Ламскій (Волоколамскій уѣздъ), 49, 56, 118, 218.
Волосынино с., 177.
Вороначъ г., 344.
Воротынскъ г. (Воротын. княжество), 122, 197, 200, 201.
Воскресенское с., 86, 110, 164, 178, 179, 184.
Воцкая пятина, 190, 213, 343.
Выборъ г., 344.
Вяземскій станъ, 69.
Вязьма г. (Вяземскій у.), 196, 217, 219, 221, 224, 237, 238, 239, 249, 259, 260, 275, 338, 341, 346, 347, 370.

Галичъ г. (Галицкій уѣздъ), 35, 161, 369.
Гвоздево с., 98.
Гдовъ г. (Гдовскій у.), 344, 345.
Глубки селище, 200.
Глумово с., 83, 92, 208.
Голочеловскія нивы, 153.
Гордикова слоб., 199.
Гордона р., 170.
Горетовъ станъ, 216, 220, 224, 382.
Горицы с., 182, 183.
Горнее с., 200.
Городецъ, 197, 209.
Городилово болото, 200.
Городище с., 186.
Городище деревня, 354.
Городня с., 221.
Городской станъ, 14.
Гороховскій у., 388.
Григорьевское с., 367.
Губино с., 222.
Гузеево село, 15.
Гумья р., 154.
Гусельниково деревня, 73.

Даниловскій у., 171.
Данковъ г., 258, 289.
Двина р. (Двинская область, земля), 151, 152, 159.
Двиница р., 152, 159.
Дегожская дворц. волость, 34.
Денисово с., 224.
Деревская пятина, 41, 191, 285.
Дерская пятина, 183.
Дмитровъ г. (Дмитровскій уѣздъ), 12, 29, 56, 72, 73, 76, 207, 210, 224.
Добрая деревня, 200.
Добрятинское с., 29.
Добрынское с., 116.
Должинскій погостъ, 343.
Донъ р., 348.
Дорогобужъ г., 196, 220.
Дубковъ г., 344.
Дубровенскій погостъ, 287.
Дубровицы село, 167.
Дубровна с., 223.
Дуловскія нивы, 163.
Дунилово с., 182.
Дыбино деревня, 10.
Дѣдиловъ г. (Дѣдиловскій у.), 215, 235, 236, 249, 258, 289, 351, 352.
Дѣмонъ г., 56, 209.
Дятково пуст., 287.

Егорій Святой селцо, 26.
Едосскій станъ, 35.
Елисеево деревня, 180.
Елпатьево деревня, 170.
Емь, Емца, Емецкій городокъ, Емская гора, 151.
Епифань г. (Епифанскій у.), 207, 236, 258, 289, 302, 303, 306, 310, 351—353, 365.
Ермолинъ станъ, 181.
Ескино с., 155, 156.

Жары, 152.
Жиздра р., 199.

Заборье с., 186.
Завелицкая засада, 192.
Заводичи, 175.
Заволочье, 151, 152.
Завражье, 175, 176.
Задвинье, 152.
Закудемскій станъ, 388.
Залѣсье с., 116.
Заозерье (Заозерское княжество, область), 159, 160, 161, 167.

Заостровіе, 152.
Запажье, 200.
Зарайскій уѣздъ, 194, 216, 220, 221, 235, 236.
Зарѣчье с., 135, 269.
Заупскій станъ, 214.
Захожье волость, 32.
Звенигородъ г. (Звенигородскій уѣздъ). 14, 29, 116, 189, 210, 216, 218, 234, 245, 249, 252, 253, 254, 284, 303, 340, 342, 380, 388.
Здвиженское с., 135.
Зименки с., 178, 181.
Зубцовъ г., 346.
Зуша р., 200.

Иваново с., 183.
Ивановское с., 69, 173, 177, 186.
Ивановское-Шуйское с., 183.
Иванѣева слободка, 201.
Изборскій уѣздъ, 314, 344, 389.
Измайлово с., 219.
Иксозеро, 152.
Илеменскій погостъ, 285.
Илмехоцкій станъ, 169.
Ильинское с., 209.
Искань волость, 197.
Итцка р., 281.
Ишеры с., 327.

Кадница с., 222.
Казань г. (Казанское царство, область, уѣздъ), 143, 192, 193, 212, 268, 276, 280, 282, 303, 304, 305, 312, 322, 326—329, 356—359.
Казариново с., 203.
Казменки деревня, 201.
Калуга г., 346, 355.
Каменка деревня, 167.
Каменская губа, 192.
Каменская слобода, 32.
Каменскій станъ, 31, 170, 342.
Каневскій станъ, 342.
Карачуново, 166.
Карповское с., 155.
Касть, 162, 165.
Кашинъ г. (Кашинскій уѣздъ), 29, 182, 206, 222, 346.
Кашира г. (Каширскій уѣздъ), 28, 143, 214, 217, 235, 236, 249, 252, 253, 264, 272, 275, 280, 281, 309—311, 313, 348, 349, 351, 352, 355.
Каянскіе нѣмцы, 141.
Кельиче с., 118.
Кемскій острогъ, 141, 143.
Кемь р., Кемская волость, 142—143, 153, 154.
Кертуново деревня, 171.
Керчала, 151.
Кинешма, 198, 206.
Кипріяново с., 388.
Клинъ г. (Клинскій уѣздъ), 109.
Клязьма р., 174, 176, 207, 388.
Кляпиково село, 15.
Кляпово с., 116.
Княгининка р., 171.
Княгинино с., 201, 206.
Кобылье (Кобыльскій у.), 344, 345.
Ковель, 172.
Коверзино деревня, 176.
Коврово с., 175, 176.
Кодима, 152.
Козельскъ г., 197, 219, 346.
Козино с., 116.
Козленцово деревня, 171.
Козлово сельцо, 169.
Козловъ г., 196.
Кокшенга р., 152.
Колецкій погостъ, 381.
Колоденскій станъ, 214.
Колодна, 197.
Коломна г. (Коломенскій уѣздъ), 56, 116, 132, 170, 189, 206, 210, 212, 217, 221, 222—224, 233, 234, 245, 252, 253, 267, 268, 272, 309, 312, 340—342, 348, 380.
Колуй р., 151, 152, 159.
Колывань г., 221.
Колыщово с., 203.
Кольская волость, 142.
Комаревъ станъ, 224.
Кондратово с., 66.
Коприно с., 164.
Корбаха р., 164.
Кореляне, 141.
Корельская губа, 192.
Кореневское, 50.
Кормица р., 207.
Коровинъ станъ, 219, 223.
Коряковская волость, 182.
Коряковское с., 170, 182.
Коскошино, 152.
Кострома г. (Костромской уѣздъ), 11, 19, 76, 110, 135, 161, 206, 207, 208, 210, 222, 269, 346.
Котово с., 223.
Кошкара, 151.
Кохма с., Кохомская волость, 183.
Крайшинъ, 197.
Крапивна г., 289.
Красносельскій станъ, 220.
Крома р., 281.
Круца р., 171.
Кубена (Кубенское княжество, область), 159, 160, 161.
Кубенское озеро, 159.
Кувезино село, 119, 179, 180.
Кудеверская волость, 269.
Кузмодемьянская земля, 156.
Кузмодемьянское с., 220.
Кузыкова слоб., 199.
Курба с., 172.
Кусково с., 221.
Кусуновское с., 25.
Кушалинъ станъ, 186.
Кѣгъ-озеро, 153, 154.

Лагинское, 197.
Лазарево с., 110.
Ларево с., 223.
Ларіоново с., 72.

Лацкое с., 164.
Левашово с., 172.
Левичинъ станъ, 342.
Ледь р., 151, 152.
Лежневскія деревни, 184.
Лепенино деревня, 171.
Ливонія, 388.
Липки, 152.
Литва, 141, 148, 195, 196, 199.
Литвиново с., 69.
Лихоревское с., 26.
Лобаново деревня, 200.
Лопастицы волость, 191.
Лопатниче с., 182, 183.
Луковская пустошь, 12.
Лучинское с., 367, 377.
Лучкино с., 208.
Лухъ г., 198, 206, 209.
Лухъ р., 180.
Лысцово с., 219.
Любутскъ г., 198.
Люшаковская деревня, 171.

Маковецъ, 33.
Маковскій станъ, 268.
Максозеро, 153, 154.
Малое Городище с., 177.
Манатьинъ станъ, 219, 222, 223.
Маншинъ уголъ, 178.
Марѳино с., 223.
Марьино с., 166, 200.
Ма(о)сальскъ г. (Масальское княжество), 122, 201, 204.
Маслоозеро, 142.
Матвѣевское с., 224.
Матвѣйцово с., 170.
Мглинскій станъ, 170.
Медвѣдево с., 170.
Медвѣдково с., 110.
Медвѣдково деревня, 171.
Медынскій у., 216, 238, 239, 346.
Мезецкій уѣздъ, 311.
Мезынская волость, 342.
Мелехово деревня, 71, 76.
Мехренга р., 152.
Мещера, 207, 351.
Мещериново с., 221.
Мещерская волость, 170.
Мещовскъ, 197, 223, 346.
Микулинскій станъ, 219, 224, 342.
Микулинъ (Микулин. удѣлъ, уѣздъ), 106, 121, 122, 126, 184—186.
Микульское с., 183.
Михалево пустошь, 12.
Михайлова гора с., 116.
Михайловская губа, 192.
Моденово, 33.
Можайскъ г. (Можайскій у.), 207, 218, 260, 367.
Молога р., 158, 159, 162—166.
Моложское княжество, область, 163 - 165.
Молонда, 151.
Молоцкій станъ, 220.

Монастыри:

Александровскій, 80, 81, 178.
Анастасіевъ-Лихвинскій, 120, 201.
Антоніевъ-Сійскій, 88.
Архангельскій, 184.
Богословскій, 27.
Борисоглѣбскій, 184.
Бѣлопесоцкій, 143.
Изосиминъ, 286.
Ипатьевскій, 116, 388.
Іосифовскій, 184.
Іосифовъ Волоколамскій, 80, 110, 119, 120.
Киржацкій, 12.
Кирилловъ-Бѣлозерскій, 88, 115, 135, 136, 154, 155, 156, 157, 164, 208.
Корниліевъ, 155, 157.
Лужецкій, 66.
Никольскій въ Заозерьѣ, на Катромѣ, 166, 167.
Новинскій, митрополичій, 17.
Новодѣвичій, 116, 118, 200.
Перемышльскій Успенскій, 200, 201.
Покровскій-Суздальскій, 67, 182, 183.
Преображенскій-Казанскій, 137, 328.
Псковскій-Печерскій, 388, 389.
Пѣсношскій, 137.
Рождественскій Александро-Невскій, 10.
Рождественскій-Владимірскій, 118, 178, 183.
Саввинъ, 382.
Симоновъ, 10, 118, 119, 163, 174, 179, 180, 207.
Соловецкій, 140, 143, 144.
Солотчинскій, 20, 23, 24, 26.
Спаса на Сходнѣ, 69.
Спасо-Евфимьевъ, 82, 110, 116, 175, 176—178, 180 - 184.
Спасо-Каменный, 165, 166.
Спасскій-Воротынскій, 201.
Спасскій-Ярославскій, 137, 167, 168, 170, 171.
Тетюшскій, 143, 328.
Троицкій-Калязинъ, 182.
Троице-Сергіевъ, 10, 11, 12, 16, 26, 67, 72, 76, 106, 107, 109, 116, 117, 137, 143, 164, 167, 169, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 179—181, 183, 185, 199, 218, 388.
Троице-Сторожевскій, 388.
Угрѣшскій, 79, 81.
Успенскій за Жиздрою, 198.
Шартомскій-Николаевскій, 182.
Ѳерапонтовъ, 154.

Морева, 56.
Моржевскій станъ, 216.
Моржова гора, 152.
Мосеевское с., 347.
Москва г. (Московское княжество, уѣздъ), 5, 10, 29, 30, 34, 46, 56, 72, 73, 79, 83, 88, 115, 116, 141, 143, 152, 153, 159, 160, 162, 169, 172, 181, 188 - 189, 194, 195, 196, 206, 207, 210, 212, 213, 216 - 224, 226, 228, 231, 233, 238, 241, 251, 264, 267, 272, 278, 289, 291 - 293, 295, 296, 307, 309, 311, 314, 322, 323, 324, 326, 329, 340—342, 353, 380, 382.

Мостовицы с., 223.
Мошокъ волость, 201, 206.
Мстиславль, 196
Мугреево, 176, 180.
Муромъ г. (Муромскій уѣздъ), 206, 210, 224, 245, 252, 253, 346.
Мѣховицы с., 181.
Мышега, 197.
Мыцкій станъ, 181.
Мценскій уѣздъ, 371.

Нажирово с., 209.
Нарѣчье с., 67.
Настасьино с., 224.
Невельскій уѣздъ, 192, 213, 307.
Недоходовъ станъ, 223.
Нерехта волость, 26.
Нерядици с., 200.
Нещерда волость, 307.
Несытово с., 118.
Нижняя слобода, 33.
Никитинское с., 155, 156.
Никольское с., 151, 154, 174, 175, 178, 179, 203.
Никоново с., 203.
Новгородъ (новгородская земля, область), 5, 25, 34, 56, 136, 152, 191, 213, 217, 243, 247, 266, 268, 285, 287, 289, 291, 306, 307, 314, 317, 322, 323, 325—327, 329, 342, 343, 356, 381, 384.
Н.-Новгородъ и его область, 181, 210, 222, 310.
Новинки с., 155.
Новленское с., 170.
Новое с., 167, 171, 200.
Новосиль г., 200, 201, 202, 289, 311.
Новый городокъ, 187.
Носково с., 69.
Нюкма волость, 142.
Нюховская волость, 214.

Оболенскъ г. (Оболенскій удѣлъ, уѣздъ), 121, 122, 126, 199, 200, 203.
Обонежская пятина, 142, 307.
Объѣзжій станъ, 383.
Оглоблинъ станъ, 342.
Одоевъ г. (Одоевское княжество), 122, 200, 201, 202.
Озерищи волость, 307.
Озерко с., 174.
Ока р., 13, 235, 236, 281, 347—349.
Окологородній станъ, 204.
Оксиньино с., 222.
Олексино с., 83.
Оленино с., 209.
Олешня волость, 187.
Омуцкое с., 182.
Ондроніевъ наволокъ, 156.
Онтилохово с., 178, 181.
Опольскій станъ, 177, 179.
Ордынцы (ихъ земли), 30, 267.
Орелъ г. (Орловскій у.), 236, 281, 284, 289, 353—356.
Орѣшекъ, 192.
Особщенье пустошь, 287.
Осташково с., 223.
Острее, 196.
Островскій уѣздъ, 192, 344.
Островъ г., 201.
Охлябининская слободка, 161, 165.

Павловское с., 181, 182, 183.
Палашкино с., 118.
Палицыно с., 184.
Пантелеево с., 174, 179.
Паозерье с., 384.
Пахомова деревня, 350, 351.
Пебозеро, 142.
Пежма р., 152, 159.
Перевицкій станъ, 194.
Перевѣсныя деревни, 30, 267.
Перемилово сельцо, 72.
Перемышль г., 199, 202.
Переяславль-Залѣсскій (Переяславскій у.), 12, 39, 56, 135, 165, 167, 169, 183, 207, 208, 209, 210, 218, 252, 253, 269, 289.
Переяславль-Рязанскій, 215, 216, 235, 356.
Песочня большая с., 216, 221.
Петраково с., 224.
Петровское с., 161, 382.
Пехлецкій станъ, 215, 220.
Печелки с., 171.
Пецкая губа, 192.
Пилюшна, 33.
Пингишъ, 152.
Пирогово с., 10, 115.
Плесскій станъ, 110.
Плетенево деревня, 76.
Плесо, 152
Пожаръ волость, 173, 176.
Пожаръ сельцо, 158.
Покровское с., 71, 135, 153, 154, 164.
Полосенскій станъ, 214.
Полоцкъ (Полоцкій повѣтъ), 259, 273, 280, 284, 307, 310, 344.
Польша, 195.
Понизовье, 153, 154.
Поповка с., 220.
Поротва р., 200.
Порѣчье с., 69, 153, 154.
Похрянскій станъ, 342.
Пошехонье, 155, 157, 158.
Правдино с., 116.
Пречистенское с., 203.
Пріимково с., 150, 151.
Прокино с., 158.
Пронскій уѣздъ, 194, 215, 217, 235, 236 355, 356.
Просѣки деревня, 311, 371.
Протасовское, 33.
Прудская засада, 192.
Прусово с., 171.
Прусъ с. 222.
Псковъ (Псковскій уѣздъ, земля, область), 136, 191, 192, 237, 238, 246, 280, 284, 329, 340, 344, 368, 388.
Пудожма волость, 142.
Пужбалъ (Пужбальская волость), 149.
Пукима, 152.

Пусторжевскій у., 213, 237, 269, 273, 281. 310, 345, 369, 370.
Пустынка, 152.
Путивль г., 351, 353.
Пучюга, 152.
Пчелна, 264.

Ракулка, 152.
Раменье с., 209.
Расловское с., 183.
Рогачевъ г., 197.
Рахманово с., 167.
Ржева г. (Ржевскій уѣздъ), 56, 192, 220, 221, 346.
Рогъ р., 170.
Рожествено с., 183, 219.
Романовъ г. (Романовскій уѣздъ), 122, 126, 155. 160, 161, 169, 171.
Ромоданово с., 180.
Ростовъ (Ростовское княжество, уѣздъ, область), 85, 115, 122, 148, 149. 150-152, 162, 182, 206, 207, 209, 210, 346.
Руза (Рузскій уѣздъ), 15, 29, 105, 208, 210, 218.
Рыльскъ г., 353.
Рыхлѣево с., 200.
Ряжскій уѣздъ, 194, 215, 219, 220, 256, 257, 284, 289, 353, 356.
Рязаново деревня, 73.
Рязань (Рязанское княжество, уѣздъ, область), 121, 122, 136, 194, 214, 217, 220, 221, 284, 346, 351, 355, 356, 362.
Ряполово, посадъ, село, 173, 177.
Рѣжица г., 213, 237.

Сабанчина деревня, 171.
Савинская волость, 184.
Савкино, 152.
Салмачи деревня, 137.
Санино с., 200.
Свіяжскій уѣздъ, 193, 305, 326, 327.
Себла р., 164.
Селецкая р., 171.
Семеновское с., 156.
Семеновское Тушино с., 69.
Семеновъ почин., 354.
Сенго, 151.
Сергѣйцово с., 10.
Серпейскія волости, 196—197.
Серпуховъ г., 290, 292.
Сидоровское, 33.
Сидоровское сельцо, 79.
Сигоръ с., 167.
Синяя волость, 187.
Сить р., 164.
Скирманово, 50.
Скопинъ г., 219.
Скулневскій станъ, 222, 342.
Слепандино, деревня, 10.
Слободская деревня, 10.
Сметанинъ наволокъ, 151.
Смоленскъ г. (Смолен. земля, область, княжество), 136, 197.
Смѣхро-озеро, 208.
Снѣтная гора, 153, 154.
Соколово, 152.
Сокольниково с., 182.
Соловки, 142.
Спасское деревня, 39.
Спасское село, 115, 203.
Становщиково деревня, 171.
Старица г. (Стар. у.), 220, 346.
Стародубъ г., 56, 197.
Стародубъ-Ряполовскій (городъ, удѣлъ, область, станъ), 119, 122, 172—181, 201, 206, 207, 208.
Степаново с., 219.
Столбня р., 199.
Столбушинская волость, 269.
Строевъ починокъ, 163.
Стромынъ с., 201.
Стряполово деревня, 285.
Судка р., 164.
Судскій станъ, 158.
Суздаль г. (Суздальскій уѣздъ), 67, 122, 177—184, 207, 209, 210, 222, 346.
Суздальско-Нижегородское княжество, 181.
Суземье, волость тверская, 32, 185, 186.
Сумская волость, 142.
Сумскій острогъ, 141.
Сурожскій станъ, 380, 382.
Сущово с., 12.
Суходровна р., 200.
Сухона р., 152.
Сюма р., 151, 152.
Сюмачь, 151.
Сѣвскій полкъ, 318.
Сѣтунскій станъ, 223.
Сѣя р., 152.
Сыдюковскій уголъ, 184.

Тавнозеро, 151.
Тара р., 175.
Таруса г., 197.
Татарово с., 175, 179.
Тверь (Тверское княжество, уѣздъ, область), 10, 32, 34, 65, 106, 121, 122, 136, 182, 184—187, 212, 216, 222, 234, 238, 246, 267, 317, 337.
Теребушка с., 343.
Терменга р., 152, 159.
Тернеево с., 182.
Терново с., 349.
Тетеревичи, 30, 267.
Тетюшскій у., 327.
Тетюшская засѣка, 144.
Тимково с., 203.
Тимошинъ уголъ, 178.
Титляково с., 153, 154.
Тобольскъ г., 329.
Торжокъ г., 56, 121, 122, 126, 216.
Торна с., 199.
Торопецъ г. (Торопецкій у.), 247.
Торсуки с., 203.
Три дворища, деревня, 176.
Трубчевскъ г., 56, 122, 202.
Тула (Тульскій у.), 214, 236, 264, 291, 292, 338, 351, 352, 355.
Турскій погостъ, 381.

Угличъ г. (Углицкій уѣздъ), 69, 116.
Узкой уголъ, 186.
Унежма, 142.
Унoражь, 19.
Упа р., 214.
Усвятъ волость, 307.
Усистовская губа, 192.
Усмерскій станъ, 342.
Успенское с., 154.
Устюгъ Вел. г,, 142.
Ухра р., 161, 165.
Ухтома (Ухтомское княжество, волость), 155, 156, 157.

Филисово с., 166.
Фокино с., 201.
Фроловское, 50.

Хлепенъ г., 197.
Хмелеватое с., 174, 179.
Ховры горы, 152.
Холмъ, 187.
Холопій городокъ, 162, 163.
Холуй с., 180.
Хомяково, 175.

Цна р., 355.

Чальиново с., 219.
Чапиха слободка, 183.
Челмахта, 152.
Черемха волость, 164, 207.
Черепово деревня, 180.
Черкасы, 141.
Черленково деревня, 171.
Чернава р., 164.
Черная волость Костром. у., 76.
Черноголовская волость, 383.
Чернскій станъ, 371.
Черный уголъ, 181.
Черлцы село, 182.
Чиркино с., 222.
Числяки (ихъ земли), 30, 267.
Чихачовъ, 198, 206.
Чудское озеро, 280.

Шаблы озеро, 282.
Шаблыкино с., 221.
Шастозеро, 152.
Шахово с., 171.
Шаховской станъ, 171.
Шацкъ г., 289.
Швеція, шведы, 140, 142, 289, 291.
Шебаново с., 203.
Шегринскій погостъ, 41.
Шексна р., 153, 158, 159, 160, 161.
Шелонская пятина, 285, 343.
Шенуринская деревня, 35.
Шеренскій станъ, 383.
Шестка волость, 186.
Шижехта р., 110, 181.
Шилохвостово с., 158.
Шишкино с., 200.
Шоговаръ, 151.
Шолаты, 152.
Шолохово с., 223.
Шубино с., 116.
Шуманъ, деревня, 361.
Шустово с., 174, 175.
Шуя г., 67, 182, 183, 184.

Юмхна волость, 67.
Юмышъ, 152.
Юрово с., 11.
Юрьевецъ, 182.
Юрьевъ-Ливонскій, 388.
Юрьевъ-Польскій (городъ и уѣздъ), 56, 177, 210.
Юхоть, 168, 207.

Ястребинскій погостъ, 343.
Ярославскій рубежъ, 152, 159.
Ярославль (Ярославское княжество, уѣздъ), 56, 122, 126, 152, 159, 160—162, 164—166, 168—172, 207, 210, 224, 346.
Ярополческая волость.
Ярлыково с., 67, 182.
Яковлевское с., 157.
Яковлевская слоб., 199.

Ѳеденевская слоб., 199.
Ѳилисово с., 221.

ПОПРАВКИ.

На стр. 3, строка 3 снизу. Послѣ словъ: «Прежде, чѣмъ идея ея»—добавить въ скобкахъ: («неотчуждаемой собственности»).

На стр. 77, 96, 114, 115, 118, 122, 125—128, 150 Соборный приговоръ 1572 г. невѣрно отнесенъ къ 1573-му.

На стр. 228, строка 16 снизу: напечатано «Ж. И. Кондыревъ», должно быть — «Ж. В. Кондыревъ».

На стр. 229, строка 17 снизу: напечатано «кн. С. И. Прозоровскій», должно быть — «кн. С. В. Прозоровскій».

На стран. 239, строка 8 сверху: напечатано — «чиновъ служилой аристократіи» должно быть — «членовъ служилой аристократіи».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе I—V.

Введеніе. Вопросъ о происхожденіи служилаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ 1—60

I. Происхожденіе помѣстнаго землевладѣнія. 2—44

Мнѣнія историковъ-юристовъ о происхожденіи помѣстья (2 — 8).— Мнѣніе о происхожденіи помѣстья въ сферѣ дворцоваго хозяйства и службы (8—9).—Необходимость изучать происхожденіе помѣстья въ связи съ различными формами условнаго владѣнія въ большихъ вотчинахъ (9—10).— Развитіе условнаго владѣнія въ вотчинахъ монастырскихъ и владычнихъ (10—13). — Неустойчивость земледѣльческой культуры, какъ основная причина дробленія крупныхъ вотчинъ на мелкія условныя владѣнія (13—16).—Связь помѣстья съ разными формами условныхъ владѣній на большихъ вотчинахъ (16—28).—Помѣстье на княжескихъ, дворцовыхъ земляхъ; постановка вопроса (29).—Землевладѣніе различныхъ группъ дворцовыхъ слугъ; земли „служни“ (29—36).—Двѣ основныя черты дворцоваго землевладѣнія (36—38).—Слѣды связи помѣстья съ владѣніями дворцовыхъ слугъ (38—42).—Общее заключеніе о происхожденіи помѣстнаго землевладѣнія (42—44).

II. Установленіе обязательной службы съ вотчинъ . . . 44—60

Результаты изслѣдованія вопроса въ историко-юридической литературѣ (44—48).—Три группы вотчинъ. Вотчины свободныя отъ службы (49).— Вотчины жалованныя; связь ихъ со службою (49—53).—Особенности землевладѣльческаго положенія служилыхъ князей (53—58).—Общій характеръ процесса превращенія вотчины въ служилую землю (58—60).

ГЛАВА I. Мобилизація вотчиннаго землевладѣнія и вотчинное законодательство XVI вѣка 61—147

Значеніе мобилизаціи служилаго землевладѣнія для военной организаціи страны. Направленіе этой мобилизаціи. Постановка вопроса (61—62).

I. Вліяніе правъ наслѣдства на мобилизацію служилыхъ вотчинъ . 62—78

Развитіе правъ жены и дочери на имущество мужа и отца. Прожитокъ вдовы и дочери по духовнымъ грамотамъ удѣльныхъ князей и частныхъ лицъ (62—69).—Дробленіе служилыхъ вотчинъ и выходъ земли изъ службы (69—70).—Различные способы раздѣла наслѣдственной вотчины и ихъ

СТРАН.

вліяніе на дробленіе вотчины и выходъ ея изъ службы (70—75).—Отношеніе законодательства къ причинамъ мобилизаціи служилой земли, скрывавшимся въ порядкахъ наслѣдованія (76—78).

II. Экономическій кризисъ и его вліяніе на мобилизацію служилыхъ вотчинъ 78—104

Недостатокъ денежныхъ капиталовъ и задолженность служилаго класса XVI в. (78—84).—Посмертная ликвидація имущественныхъ отношеній служилаго человѣка (84—87).—Роль монастыря въ экономическомъ кризисѣ XVI в. (87—90).—Отношеніе законодательства къ этому кризису и его послѣдствіямъ. Законодательная обработка обычая родоваго выкупа (90—100).—Указы второй половины XVI в., направленные къ облегченію тяжелаго экономическаго положенія служилаго класса (100—103).—Заключеніе (103—104).

III. Вліяніе на мобилизацію служилыхъ вотчинъ религіозно-нравственнаго міросозерцанія московскаго общества 104—120

Обычай земельныхъ вкладовъ на поминовеніе. Условіе пожизненнаго владѣнія вкладной вотчиной (104—107).—Неотчуждаемость вкладныхъ вотчинъ. Выкупъ и отношеніе къ нему законодательства (107—112).—Мѣры противъ земельныхъ вкладовъ на поминовеніе и причины ихъ неудачи (113—120).

IV. Указы о княжескихъ вотчинахъ 120—136

Значеніе княжескихъ вотчинъ (120—121).—Указы второй половины XVI в. и ихъ основная цѣль (121—129).—Разборъ господствующаго взгляда на указы о княжескихъ вотчинахъ (129—136).

V. Служилое значеніе монастырскихъ вотчинъ 136—145

Попытки нормировать размѣры земельныхъ владѣній монастырей (136—137).—Стремленіе правительства изъять изъ круга податныхъ льготъ монастырей повинности, предназначенныя на удовлетвореніе военныхъ потребностей государства (138—140).—Участіе монастырей въ дѣлѣ обороны страны (140—144).—Заключеніе (144—145).

Общій характеръ поземельной политики XVI вѣка (145—147).

ГЛАВА II. Московская земельная аристократія XVI вѣка . . 148—231

I. Землевладѣніе князей сѣверо-восточной Руси 148—194

Разложеніе родовыхъ вотчинъ князей Ростовскихъ (148—152),—князей Бѣлозерскихъ (152—158),—князей Ярославскихъ (158—172),—князей Стародубскихъ (172—181),—князей Суздальско-Нижегородскихъ (181—184),—князей Тверскихъ (185—187).—Общее заключеніе о разложеніи родоваго княжескаго землевладѣнія сѣверо-восточной Руси (187—188).—Значеніе службы въ распредѣленіи землевладѣнія сѣверо-восточныхъ князей по территорія государства внѣ родовыхъ вотчинъ (188—194).

II. Землевладѣніе юго-западныхъ князей смоленскаго, черниговскаго, литовскаго племени 195—215

Пограничное положеніе вотчинъ юго-западныхъ князей (195—196).—Извѣстія о родовыхъ вотчинахъ юго-западныхъ князей въ духовномъ завѣщаніи Іоанна III (196—198).—Судьба этихъ вотчинъ въ XVI в. (198—202).—Традиція родоваго землевладѣнія юго-западныхъ князей въ XVII в.

СТРАН.

(202—204).—Земельныя владѣнія юго-западныхъ князей внѣ ихъ родовыхъ вотчинъ (204—215).

III. Общій характеръ землевладѣнія князей инородческаго происхожденія. 215—217

IV. Общій характеръ землевладѣнія нетитулованной служилой аристократіи 217—225

Земельныя владѣнія боярскихъ родовъ: Плещеевыхъ, Сабуровыхъ, Романовыхъ, Шереметевыхъ, Годуновыхъ и другихъ (218—223).—Земельныя владѣнія дьяковъ, Щелкаловыхъ и другихъ (223—224).—Заключеніе (224—225).

Общіе результаты мобилизаціи вотчиннаго землевладѣнія XVI вѣка (225—231).

ГЛАВА III. Основы помѣстной организаціи XVI вѣка. . . . 232—336

I. Личный составъ помѣстнаго класса и его распредѣленіе по территоріи государства 232—239

Соціальный составъ помѣстнаго класса (232—233).—Помѣстный классъ въ центральной области (233—234).—Помѣстный классъ на окраинахъ (234—238).—Заключеніе (238—239).

II Помѣстный окладъ 239—267

Постановка вопроса (239—240).—Условія, опредѣлявшія размѣры окладовъ: наличность вотчины, отечество, служба, чинъ, должность (240—248).—Іерархія помѣстныхъ окладовъ. Оклады думнаго и придворнаго класса (248—251).—Оклады средняго служилаго дворянства (251—254).—Оклады спеціальныхъ разрядовъ служилыхъ людей (254—259).—Оклады приказныхъ чиновъ (259—260).—Общій характеръ системы помѣстныхъ окладовъ (260—261).—Условія повышенія и пониженія оклада (261—267).

III. Помѣстный земельный фондъ 267—287

Источники образованія помѣстнаго фонда (267—270).—Вопросъ о недостаткѣ помѣстныхъ земель (270—271).—Отношеніе правительства къ качественной сторонѣ помѣстнаго фонда (271—272).—Система одобриванія (273—279).—Отношеніе правительства къ угодьямъ и доходнымъ статьямъ на помѣстныхъ земляхъ (279—282).—Помѣщикъ, какъ хозяинъ-колонизаторъ (282—287).

VI. Верстаніе и испомѣщеніе 287—330

Взаимное отношеніе обоихъ актовъ (287—288).

1. Верстаніе 288—301

Иниціатива правительства, служилыхъ обществъ и частныхъ лицъ въ дѣлѣ верстанія. Сроки и мѣста верстаній. Лица, производившія верстанія (289—293).—Процессъ верстанія разныхъ группъ служилыхъ людей (293—300).—Общее значеніе системы верстанія (301).

2. Испомѣщеніе 301—315

Групповыя испомѣщенія по иниціативѣ правительства. Различные способы испомѣщеній. Несоотвѣтствіе оклада и дачи (301—308).—Служба изъ разныхъ городовъ (308—311).—Дѣлопроизводство по испомѣщенію цѣлыхъ группъ и единичныхъ служилыхъ людей (311—315).

СТРАН.

3. Управленіе служилымъ землевладѣніемъ 315—330

Дворецъ, какъ первоначальное вѣдомство, управлявшее служилымъ землевладѣніемъ (315—318).—Взаимное отношеніе Разряда и Помѣстнаго Приказа (318—321).—Извѣстіе М. Салтыкова о децентрализаціи управленія служилымъ землевладѣніемъ (321—330).

V. Теорія и практика помѣстной системы 330—336

Недостатки помѣстной системы (330—331).—Два критерія, опредѣлявшіе размѣръ службы съ помѣстья (332—333).—Денежное жалованье и его значеніе (333—336).

ГЛАВА IV. Типы помѣстнаго землевладѣнія XVI вѣка . . . 337—366

Первоначальный типъ помѣстья и факторы, его измѣнявшіе (337—340).—Типы помѣстій въ центральной области (340—344),—на западной окраинѣ (344—347),—на южной окраинѣ (347—356),—въ Поволжьѣ (356—361).—Общій характеръ процесса измѣненій первоначальнаго типа помѣстья (361—363).—Значеніе этого процесса для объясненія происхожденія однодворческаго и приборнаго землевладѣнія (363—365).—Заключеніе (365—366).

Заключеніе. Выходъ помѣстной земли изъ службы 367—389

Прожиточныя помѣстья недорослей (367—371).—Прожитки вдовъ и дочерей (371—374).—Помѣстья „въ поджить“ (374—378).—Отдача пустопорожнихъ помѣстій на оброкъ (378—384).—Выслуга и продажа помѣстій въ вотчину (384—387).—Пожалованіе помѣстій въ вотчину церковнымъ учрежденіямъ (387—389).

Указатель личныхъ именъ 390—397

Указатель географическихъ именъ 397—403

Ч. XXI. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. В. Форстена. Выпускъ 1-й. 1889.

» XXII. Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Н. Д. Чечулина. 1889.

» XXIII. Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. 1890.

» XXIV. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). И. А. Шляпкина. 1891.

» XXV. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. П. А. Сырку. 1891.

» XXVI. Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды. В. К. Ернштедта. 1891.

» XXVII. Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ. С. М. Середонина. 1891.

» XXVIII. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандалами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Вандилами. Книга 1-ая. 1891.

» XXIX. Житіе иже во святыхъ отца нашего Ѳеодора архіепископа Едесскаго. Издалъ И. Помяловскій. 1892.

» XXX. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Н. Карѣева. 1892.

» XXXI. 1. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. В. Форстена. Выпускъ 2-й. — 2. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. А. Е. Прѣснякова. 1893.

» XXXII. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Часть I. С. Булича. 1893.

» XXXIII. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544—1648. Томъ I: Борьба изъ-за Ливоніи. Изслѣдованіе Г. В. Форстена. 1893.

» XXXIV. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544—1648. Томъ II: Борьба Швеціи съ Польшей и Габсбургскимъ домомъ. 30-лѣтняя война. Изслѣдованіе Г. В. Форстена. 1894.

» XXXV. 1. Житіе Св. Аѳанасія Аѳонскаго. Изд. И. Помяловскій. 1895. 2. Житіе Св. Григорія Синаита. Изд. И. Помяловскій. 1894.

» XXXVI. Ѳеодорита, епископа Киррскаго, отвѣты на вопросы, обращенные къ нему нѣкоторыми Египетскими епископами. Изд. А. И. Пападопуло-Керамевсъ. 1895.

» XXXVII. Августалы и сакральное магистерство. Изслѣдованіе въ области римскаго муниципальнаго права и древностей. М. Крашенинникова. 1895.

» XXXVIII. Cecaumeni strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus. Ediderunt B. Wassiliewsky, V. Jernstedt. Accedit exemplum codicis phototypicum. 1896.

» XXXIX. Психологія Джемса. Пер. И. И. Лапшина. 1896.

» XL. Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774. Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. 1896.

» XLI. Святѣйшаго патріарха Фотія, архіепископа Константинопольскаго, XLV неизданныхъ писемъ. По аѳонскимъ рукописямъ издалъ А. Пападопуло-Керамевсъ. 1896.

» XLII. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданные ихъ тексты. Н. Павлова-Сильванскаго. 1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 января 1897 г.